Памяти

академика

Олега Николаевича

Трубачёва

к восьмидесятипятилетию

со дня рождения

(23.10.1930 – 9.03.2002)

Олег Николаевич Трубачёв

Институт русского языка имени В.В. Виноградова

Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова

IV

Этимология

МОСКВА
2015

Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 4
— М., 2015. — 468 с.

ISSN 2311-150X

Издание основано в 2013 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.М. Молдован, академик РАН (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
А.А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
М.Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В.А. Плунгян, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия).

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

А. Ф. Журавлев, доктор филол. наук (Москва, Россия);
Л. В. Куркина, доктор филол. наук (Москва, Россия);
Д. И. Эдельман, доктор филол. наук (Москва, Россия);
М. Н. Белова, кандидат филол. наук (Москва, Россия);
О. М. Сергеева, кандидат филол. наук (Москва, Россия).

Выходит 3 раза в год

Адрес редакции:
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57258

ISSN 2311-150X

© Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2015
© Авторы, 2015

Vinogradov Russian Language Institute

Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute

IV

Etymology

MOSCOW
2015

Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute. 4
— M., 2015. — 468 p.

ISSN 2311-150X

The Journal is founded in 2013

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander M. Moldovan, D.Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Yury D. Apresyan, D.Sc., Professor, Full Member of the RAS (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph.D. (Prague, Czech Republic);
Alexey A. Gippius, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D.Sc., Professor (Moscow, Russia);
Tore Nesset, D.Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D.Sc., Professor, Corresponding Member of the RAS (Moscow, Russia);
Bjoern Wiemer, D.Sc., Professor (Mainz, Germany).

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc., Professor (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

Anatolii F. Zhuravlev, D.Sc. (Moscow, Russia);
Liubov' V. Kurkina, D.Sc. (Moscow, Russia);
Dzhoi I. Edelman, D.Sc. (Moscow, Russia);
Maria N. Belova, PhD (Moscow, Russia);
Olga M. Sergeeva, PhD (Moscow, Russia).

Published three times a year

Address:
18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019
E-mail: ruslang@ruslang.ru

The journal is registered by the The Federal service for supervision of communications, information technology, and mass-media.
Registration certificate ПИ № ФС 77-57258.

© by Vinogradov Russian Language Institute, 2015
© by Authors, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

К 85-летию Олега Николаевича Трубачёва 13

Статьи

Н. П. Антропов (Минск).
К этимологии западнополесско-белорусского обрядового термина «Куст» 15
А. М. Белов (Москва).
Греческое *οὖθαρ* 'вымя' как просодическая проблема 51
М. Н. Белова (Москва).
Птица *патица* в болгарском языке 59
В. Блажек (Брно).
Irano-Slavica — к хронологии старых иранских заимствований в славянских языках 70
М. М. Валенцова (Москва).
Этнолингвистический комментарий к этимологии слова *упырь* 101
Ж. Ж. Варбот (Москва).
Русские диалектные дополнения к праславянским реконструкциям и этимологиям VI 126
Т. В. Горячева (Москва).
К этимологии и семантике трех русских фразеологизмов 138
И. Г. Добродомов (Москва).
Из этимологических заметок о русском семинарском жаргоне: *вздрючить* 170
Л. П. Дронова (Томск).
«Если друг оказался вдруг…» 181
Л. Кралик (Братислава).
Словац. *ľahtikár* ‘легкомысленный человек’ < **ľahostikár*? 197
Л. В. Куркина (Москва).
Этимологические заметки по славянской лексике 210
А. Лома (Белград).
Еще раз о призраках: во сне, наяву, в этимологии 230
О. В. Мищенко (Екатеринбург).
К этимологии др.-рус. *пуз* 243
Ш. Погвизд (Краков).
К проблеме семантического развития слав. **kaša* 259

М. Рачева (София).
О древнерусских астрономических наименованиях арабского происхождения и о перипетиях их этимологического исследования 272
Л. Селимски (Катовице).
Об этимологии двадцати слов. Дополнения и исправления к «Болгарскому этимологическому словарю»..... 303
О. М. Сергеева (Москва).
К возможности сближения праслав. **cěditi* и др.-греч. *ψίδ-*: наблюдения над варьированием групп согласных в древнегреческом..... 323
М. Фурлан (Любляна).
Праиндоевропейский корень **H_2emg'^{h}-* 'вязать' в славянских языках. К проблеме происхождения в плане относительной хронологии славянского отношения **ǫz-*: **(u̯)ęz-* 'вязать...' 333
А. К. Шапошников (Москва).
Проблема праславянских соответствий *x ~ sk ~ šč* 364

Критико-библиографический отдел

А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 4 (боле – бтарь). М.: Знак, 2011. 328 с. Вып. 5 (буба – вакштаф). М.: Знак, 2011. 344 с. Вып. 6 (вал I – вершок IV). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 368 с. Вып. 7 (вершь I – вняться II). М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2012, 352 с. Вып. 8 (во 1 – вран). М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 2014, 312 с.
(*И. Г. Добродомов*) 391

Етимологічний словник української мови / Ред. кол.: О. С. Мельничук, І. К. Білодід, В. Т. Коломієць, Т. Б. Лукинова, В. Г. Скляренко, О. Б. Ткаченко и др. Т 1-6-. Київ, 1982-2012
(*А. Ф. Журавлев*) 403

M. Furlan. Novi etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek. Ljubljana, 2013, 221 c.
(*Л. В. Куркина*) 422

Sebrané spisy Václava Machka, 1–2 / Ilona Janyšková, Helena Karlíková, Eva Havlová, Radoslav Večerka (edd.). Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 2011
(*Я. Влаич-Попович*) 438

Saskia Pronk-Tiethoff. The Germanic loanwords in Proto-Slavic. Amsterdam-New-York: Rodopi, 2013. – 316 p. (Leiden Studies in Indo-European 20)
(*В. Бочек*)..... 455

CONTENTS

The 85th Anniversary of Oleg Nikolaevich Trubachev 13

Articles

Nikolai P. Antropov (Belarus, Minsk).
To the Etymology of the West Polesian-Belarusian Ritual Term *Kust* 15
Alexius M. Belov (Russia, Moscow).
Greek *οὖθαρ* 'udder' as a Prosodic Problem 51
Maria N. Belova (Russia, Moscow).
The Bird *patica* in Bulgarian 59
Vaclav Blazhek (Czech Republic, Brno).
Irano-Slavica – toward the Chronology of Premodern Iranian Loans in Slavic 70
Marina M. Valentsova (Russia, Moscow).
Ethnolinguistic Comments on the Etymology of Slav. *upyr'* 101
Zhanna Zh. Varbot (Russia, Moscow).
Russian Dialectal Additions to Proto-Slavic Reconstructions and Etymologies. VI 126
Tatiana V. Goryacheva (Russia, Moscow).
Contribution to Etymology and Semantics of Three Russian Phrases 138
Igor' G. Dobrodmov (Russia, Moscow).
Etymological Notes on Russian Theological College Slang: *вздрючить* 170
Liubov' P. Dronova (Russia, Tomsk).
'If a Friend has Suddenly Become …' 181
Ľubor Králik (Slovakia, Bratislava).
Slovak *l'ahtikár* 'Careless, Light-Headed Person' < *l'ahostikár?* 197
Liubov' V. Kurkina (Russia, Moscow).
Etymological Notes on Slavic Lexicon 210
Alexander Loma (Serbia, Belgrade).
Once Again about Ghosts: in Dreams, in the Daylight, in the Etymology 230
Olga V. Mishchenko (Russia, Ekaterinburg).
On the Etymology of the Old Russian Word *puz* 243

Szymon Pogwizd (Poland, Cracow).
The Problem of Semantic Development
of Slavic Lexeme **kaša*.....259
Maria Racheva (Bulgaria, Sofia – Dragalevci).
On the Old Russian Astronomical Names of Arabic Origin
and the Peripeties of Their Etymological Study 272
Ludwig Selimski (Poland, Katowice).
On the Etymology of 20 Words. Additions
and Corrections to «Bulgarian Etymological Dictionary» 303
Olga M. Sergeeva (Russia, Moscow).
Concerning a Possible Link between Proto-Slavic **cěditi*
and Greek **ψίδ-*: Considerations upon Certain Greek
Consonant Fluctuations 323
Metka Furlan (Slovenia, Ljubljana).
The Pie Root **$h_2$emg^{h}-* 'bind' in the Slavic Languages.
A Relative Chronology of the Emergence of the Relationship
**ǫz-: *(u̯)ęz-* 'bind, etc.'.....333
Alexander K. Shaposhnikov (Russia, Moscow).
The Problem of Common Slavic Opposition *x* ~ *sk* ~ *šč*.....364

Reviews

Igor' G. Dobrodmov (Russia, Moscow)
Review of: A. E. Anikin. Russkii etimologicheskii slovar' [Russian Etymological Dictionary]. Iss. 4 (bole – btar'). Moscow: Znak Publ., 2011. 328 p. Iss. 5 (buba – vakshtaf). M.: Znak Publ., 2011. 344 p. Iss. 6 (val I – vershok IV). Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2012. 368 p. Iss. 7 (versh' I – vnyat'sya II). Moscow: Publ. of Vinogradov Institute for Russian Language Studies, 2012, 352 p. Iss. 8 (vo 1 – vran). Moscow: Publ. of Vinogradov Institute for Russian Language Studies, 2014, 312 p.
.....391

Anatolii F. Zhuravlev (Russia, Moscow)
Review of: Etymologichnyi slovnik ukrains'koi movy [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vols. 1–6. Kyïv: Naukova dumka Publ., 1982–2012.
.....403

Liubov' V. Kurkina (Russia, Moscow)
Review of: Furlan, M. (2014). Novyj etimologiczeskii slovar' slovenskogo yazyka. Probnyj vypusk [New Etymological Dictionary of the Slovenian Language. Trial Issue]. Ljubljana: 2013, 221 p.
.....422

Jasna Vlajić-Popović (Serbia, Belgrade)
Complete Works of Václav Machek
Review of: Ilona Janyškova, Helena Karlíková, Eva Havlová, Radoslav Večerka (Eds.). (2011). Sebrané spisy Vaclava Machka, 1-2. [Collected works of Václav Machek] Praha: Nakladatelstvi Lidové noviny. 2296 p.
..... 441

Vít Bochek (Czech Republic, Brno)
Review of: Saskia Pronk-Tiethoff. The Germanic loanwords in Proto-Slavic. Amsterdam-New-York. Rodopi, 2013. 316 p.
(Leiden Studies in Indo-European 20)
..... 458

К 85-ЛЕТИЮ ОЛЕГА НИКОЛАЕВИЧА ТРУБАЧЁВА

Академик О. Н. Трубачёв принадлежит к числу выдающихся учёных, определивших развитие славистики XX в. Он сыграл решающую роль в возрождении в нашей стране славянской этимологии и развитии того направления, которое связано с исследованием лингвогенеза, духовной и материальной культуры славян по данным языка. О. Н. Трубачёв, человек большого таланта, незаурядной эрудиции, на всём протяжении своей научной деятельности сохранял верность историческому языкознанию и продемонстрировал в своих трудах значение исторического подхода для исследования языковых проблем. Главным делом жизни акад. О. Н. Трубачёва стал «Этимологический словарь славянских языков», в задачи которого входят реконструкция и этимологизация праславянского лексического фонда. В Словаре получила воплощение разработанная О. Н. Трубачёвым новаторская концепция праславянского языка как многофункционального языка с развитыми словообразовательной и семантической системами и диалектным варьированием. Подготовка и издание словаря продолжается, к настоящему моменту опубликовано 39 выпусков. С именем О. Н. Трубачёва связано издание первого в науке специализированного этимологического периодического сборника «Этимология», полностью посвящённого вопросам славянской и индоевропейской этимологии. Первый в мире симпозиум по проблемам этимологии был проведён в Москве в 1967 г. по инициативе и под руководством О. Н. Трубачёва.

Труды акад. Трубачёва относятся к золотому фонду нашей науки. Его идеи продолжают жить и вдохновлять учёных новых поколений на исследование славистических проблем.

От редакции

СТАТЬИ

Articles

Н. П. Антропов
Институт языка и литературы
имени Якуба Коласа и Янки Купалы
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси
(Белоруссия, Минск)

К ЭТИМОЛОГИИ ЗАПАДНОПОЛЕССКО-БЕЛОРУССКОГО ОБРЯДОВОГО ТЕРМИНА «КУСТ»

Этимология обрядового термина «Куст» представляет собой до сих пор не решенную проблему. Попытки связать его семантику с идеологемой «род» не могут быть приняты, так как *куст* в значении ‘род’ является вторичным метафорическим образованием на семантической базе первичного, т. е. восточнославянского *куст* ‘frutex’. Также, судя по всему, *куст* ‘frutex’ и обрядовый термин не имеют общего источника, их связывают лишь отношения омонимии и вторичных взаимовлияний. В статье предлагается обоснование гипотезы о генезисе обрядового термина *Куст* (*Кост/Кошт/Густ*) из праславянского диалектизма южнославянского происхождения **gozdъ* ‘лес, silva’, который вместе с праформой обряда «вождения Ку́ста» принесли в западный регион восточной Славии (пра)дреговичи.

Ключевые слова: этимология, обрядовая терминология, семантика, «вождение Ку́ста», праславянский диалектизм, миграции, дреговичи.

0. Введение. В науке накоплен внушительный корпус аналитической литературы (по преимуществу из области этнографии и фольклористики), посвященной обряду «вождения Ку́ста», который и до настоящего времени известен в основном в западном Полесье — бе-

лорусской и украинской его частях[1]. Тем не менее «недостаточная изученность» *Ку́ста* [Толстой, Толстая 1978б: 117] по-прежнему не преодолена. Как это ни покажется странным, но более или менее очевидно, что при всем обилии исследований не только отдельные или некоторые, но даже основные вопросы, с ним связанные (география обряда, его структура и семантика, отношение *Ку́ста* к номинациям «**коустъ /кꙋстъ /костъ**» древнерусских летописей и иных письменных памятников более позднего времени и др.), до сих пор все-таки не могут считаться не только изученными с надлежащей полнотой, но даже по ряду позиций достаточно освещенными[2]. К числу последних необходимо, безусловно, отнести этимологическую проблематику обрядового термина.

0.1. Проведенное автором ранее исследование *географии* обряда «вождения Ку́ста» показало, что территория *Ку́ста* (и частично ку́стовых песен) не ограничивается исключительно исторической Пинщиной, где находился (в некоторых населенных пунктах остается и сейчас) основной ареал живого бытования обряда. На запад от него по направлению к Гродно располагается пояс «ку́стовых» записей с четко выделяемым ружанским микроареалом на границе Брестской и Гродненской областей; соединенные линией фиксации в противоположном направлении представляют собой его восточную границу, где очерчивается симметричный ружанскому соответствующий микроареал в населенных пунктах Чечерского района Гомельской области (см. карту «География Ку́ста»). В плане историческом распространение *Ку́ста* охватывает практически всю территорию расселения летописных дреговичей.

0.2. Что касается реконструкции *семантики* обряда, то уже от-

[1] Укажем, прежде всего, на две монографии [Шарая 2002; Кавалёва 2008], статьи в больших энциклопедических изданиях [Агапкина–Виноградова 2004; Войтович 2005; Шарая 2005, то же: Шарая 2011] — все с основной предыдущей литературой, а также собрания записей «ку́стовых» песен с исчерпывающей паспортизацией и комментариями, наиболее известные из которых представлены белорусским академическим изданием [Веснавыя песні 1979: 208–214] с 19 текстами, но особенно полно в [Раговіч 2001: 124–282], где приведены 80 текстов с нотацией как «классических» ку́стовых, так и объединяемых в соответствии с музыкальной фактурой, однако весьма разнородных по содержанию, но в основном лирические любовные и семейные, статьи и соответствующие разделы в монографиях, научных и научно-популярных изданиях, публикации интернет-ресурсов.

[2] Исследованию этих вопросов автор в последнее время посвятил ряд публикаций, см.: [Антропов 2013а, б, в; Антропов 2014а, б; Антропаў 2015].

мечалось (и представленный в наших работах новый материал это, безусловно, подтверждает), что первоначально обряд был окказиональным. При этом основными его доминантами являлись наиболее архаические для большинства индоевропейских этносов на этапе их перехода к земледельческому хозяйственному укладу магия вызывания дождя (плювиальная) и непосредственно связанная с ней растительная (карпогоническая) либо же их естественное соединение в комплексе ритуально-обрядовых действий троицко-купальского цикла в рамках символической модели «Растение» + «Человек». В историко-генетическом аспекте обряд «вождения Ку́ста» является наследием традиционной духовной культуры дреговичей, непосредственно связанной с этнокультурами южных славян, что подтверждает выдвинутые ранее исследовательские идеи о ретроспективном единстве южнославянских ритуальных практик вызывания дождя (в частности, додольского) и «ку́стового».

2. Коллизия. По меньшей мере три фактора являются побудительными причинами для того, чтобы внимательнее присмотреться к лексеме *куст*, имеющей в основном ареале распространения обряда (Брестско-Пинское Полесье) значения, отличные от обычного, растительного ‘frutex; куст’: а) ее семантика, б) практически полное отсутствие иных, не обрядовых континуантов **kustъ* в говорах западнополесского ареала, в) наличие нескольких фонетических вариантов этого простого односложного наименования. Рассмотрим эти позиции подробнее.

2.1. В фольклористической литературе уже отмечалось, что лексема *куст* в обрядовом значении по меньшей мере необычна: во всяком случае, не вполне ясно, «какая имеется связь персонажа, наряженного в зелень, по имени Куст с обычным кустом-растением» ([Шарая 2002: 113] — со ссылкой на [Ковалева 1976: 5]). И если большинство исследователей эту коллизию решали все-таки в пользу лексемы *куст* со значением ‘frutex’ (по мнению первого автора, «неправомерно») и дальнейшим метафорическим переносом наименования на фигуру центрального персонажа обряда, действительно напоминающего зеленый куст (что фиксируется уже в самых ранних описаниях), то О. Н. Шарая предполагает здесь значительно более сложную историю, которая совершенно справедливо обосновывается отсутствием лексемы *куст* ‘frutex’ в западнополесских говорах [Шарая 2002: 114, 189]; здесь, сколько можно понять, по

собственным наблюдениям[1], где повсеместно распространено наименование *корч* ‘куст, frutex’[2], продолжающее прасл. **kъrčь* с первоначальными значениями ‘пень, выкорчеванный пень; пни на месте вырубки и т. п.’. Последняя номинация одновременно свидетельствует о Западном Полесье как компактной территории распространения древнейшей агрикультуры — подсечно-огневого земледелия [Куркина 2011: 93–94], чем, таким образом, доказывается исконность местных диалектных реализацийи **kъrčь*.

Квинтэссенцией семантической реконструкции (она базируется на литовской этимологии восточнославянского *куст* ‘frutex’, о чем подробнее ниже, т. е. лексемы с семантикой, отсутствующей в западнополесских говорах[3]), которая с уверенностью доказывается белорусскими фольклористами (наиболее полно О. Н. Шарой вслед за выдвинувшей идею Р. М. Ковалевой[4]), является представление о

[1] К ним, безусловно, следует добавить результаты проведенного десятилетием ранее, именно в 1993 г., картографирования в лексическом атласе белорусских народных говоров [ЛАБНГ 1, карта № 203 «Куст»; автор — Ф. Д. Климчук]; см. также: [ОЛА 3, Карта № 9. Куст; автор — Я. В. Закревская].

[2] Ср. весьма показательную запись с одновременным использованием обеих лексем: «Глаза́ закри́ли [женщине, наряженной *Кустом*. — *Н. А.*], яки́ корч [получается], хо́дять “куста́ во́дят”» (ПА: Ласицк Пинск. Б.).

[3] Попутно следует отметить, что семантика литовских наименований, которые приводит О. Н. Шарая (вслед за Э. Френкелем, В. Кипарским, К. Стангом и М. Фасмером), не является ни точной, ни полной; подробнее см. [Антропов 2013б: 17].

[4] Впоследствии исследовательница неоднократно возвращалась к этой проблеме. Обобщение результатов научной рефлексии над нею представлено в одной из ее работ последнего времени следующим суждением: «<…> сопоставление летописных и фольклорных данных показало, что концепт «куст» в значении «род» прочно входил в базовый культурный пласт домонгольского периода истории. (Вынужден в скобках отметить, что ни один из словарей древнерусского языка не приводит значения ‘род’ для лексемы **кꙋ́стъ/коустъ**, о чем подробнее см. [Антропов 2014а]. — *Н. А.*). В когнитивной базе XIII в. лексема «куст» представляла собой сложный знак. При его употреблении осуществлялась апелляция к его духовному ядру («род»), хорошо известному социальным верхам и низам восточнославянского этноса. Мы не знаем, как долго идеологема «куст-род» сохранялась в культурном сознании восточных славян, в каких отношениях находилась с концептом «родословное дерево» и когда исчезла из ментальной сферы. Ясно одно: в традиционной культуре она закрепилась на уровне локального обряда, обусловив семантику и форму календарного символа, сохранившего имя «Куст», и содержательную структуру поэтического образа Куста. Куст — семантически сложный ритуально-хронотопный образ, связанный с родовой организацией общества. Культ «куста» состоял из разных частей: понятийной, включающей квазивременную координату, — куст-род, предполагалось, существует в совокупности его живых членов и умерших; пространственной, которая конкретизировалась названием священного места, — «кусты» (священная роща, святилище-капище); материальной — ритуальное овеществление «куста-рода» в виде календарного символа; словесной — песенная репрезентация Куста и всего, с чем он связан» [Ковалева 2011: 143].

том, что «главный персонаж обряда Куст символизировал не явления мира природы или «дух растительности», а явление сложного социального характера, выражал конкретную социальную идею. Этой идеей была идея культа рода»[1], что, по мнению автора, подтверждается семантическим наполнением лексемы *куст*, которое сводится, в сущности, к наличию в ее семантике двух сем: 1) ‘пучок’ и 2) ‘различного рода группы однородных предметов’ [Шарая 2002: 117–118][2]. Одной из реализаций этих семантических переходов является сравнительно редкое, но все-таки известное русским (чаще) и значительно реже белорусским (но, отмечу специально, — не западнополесским) говорам *куст* ‘группа людей, объединенная родственными отношениями; род’[3]. Отсюда далее следует появление у

[1] Более того, «обряд Куст — средство реализации коллективного сознания, символически воспроизводившего образ рода в процессе ежегодной обрядовой церемонии, которая закрепляла социальную солидарность членов рода, проживающих на одной территории <…> Куст — это своеобразный культурный код рода, его социокультурный ген, передающийся последующим поколениям не на биологическом, а на социокультурном уровне, уровне коллективного сознания» [Шарая 2002: 120], а также: «Куст — сакральный центр ритуального общения с высшими силами; Куст — имя, причем имя сакральное; Куст — символ рода в единстве его ушедших и живущих поколений» [там же: 122].

[2] Однако лексическая фактография здесь представлена исключительно русскими диалектными номинациями. Из белорусских же (во втором значении) можно пока указать только на окказионализм Р. Бородулина, ср. в его региональном словаре: «Вырай — *купка, куст*. У Грамніцкім бары знайшлі цэлыя выраі грыбоў» [Барадулін 2013: 41], — с очевидной реконструкцией семантики ушачского *куст* ‘купка грыбоў’.

[3] См., в частности, [СРНГ 16, 160] (пск., ряз.), а также [Псков. словарь 16: 422; Деулинский словарь 264]. В белорусских говорах значение ‘род’ у наименования *куст* прямо зафиксировано лишь однажды — именно в Дзержинске (до 1931 г. Радиловичи) Лельч. Г., т. е. фактически на юго-востоке туровского региона центрального Полесья. Иные фиксации (их две, причем обе отдаленные (северная вилейская даже значительно) от основного ареала *Ку́ста*: [Federowski IV, 159: Волков. у. Гр.; Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі 2, 589: Солоное Вил. М.] позволяют лишь реконструировать значение ‘род’ в устойчивых выражениях типа «Добрага куста — добрыя адросткі» и под. Кажется, именно из-за отсутствия прямых западнополесских отражений *куст* ‘род’ О. Н. Шарая вынуждена существенно расширить географию этой семантики: «В пословицах с наличием линии *куст–род* выражается тождество семантических полей этих слов, которое характерно для менталитета *восточных славян* (курсив мой. — *Н. А.*)» [Шарая 2002: 116], — приводя далее (к сожалению, неточно и неполно) только две белорусские диалектные фраземы, зафиксированные в Солоном: «*С харошага куста* — з добрага роду (значение, определенное составителями словаря. — *Н. А.*). *Мы с харошага куста. З харошага куста жонку браў. С харошага куста харошая птушка вылітаіць* — з добрага роду — добры чалавек».

лексемы «нового значения» — ‘обрядовая группа’[1], которое реализуется «один раз в году, для обрядовой группы на Троицу» [там же: 190]. И именно отсюда вырастает вся «родовая» семантика *Ку́ста*.

Эта по-своему стройная гипотеза, имеющая, безусловно, весомые основания в «изначальности идеологии рода у славян» [Трубачев 2003: 188], наталкивается на серьезное, а точнее, непреодолимое препятствие: *куст* в значении ‘род’ (как, впрочем, и в иных подобных: ср. по крайней мере половину из 11 зафиксированных в [СРНГ 16: 159–160] значений этой лексемы[2]) является переносным, метафорическим образованием, а значит — вторичным, развившемся на семантической базе первичного, т. е. *куст* ‘frutex’. Впрочем, все это к западнополесским говорам основного ареала *Ку́ста*, в которых лексема почти не известна[3], а с семантикой ‘род’ отсутствует совершенно, не имеет никакого отношения.

2.2. В этой связи не может не обратить на себя внимание также странная вариативность обрядового термина *куст/Куст* как в нарративах, так и в песенных текстах, и это при том, что подобного рода односложный звукокомплекс в восточнославянских говорах как будто бы вовсе не склонен к изменениям — ни в аспекте консонантном при трех глухих твердых согласных, которым в этих позициях просто некуда варьировать (исклю-

[1] Разумеется, окказионального и давно отмеченного, см., в частности, [Груца–Паўлоўскі 1978: 31]: «КЛЬСТА ж. Жанчыны, якія ходзяць і спяваюць, увешаныя лісцем і галінкамі (звычай у перыяд цвіцення бэзу). *Вонь куста до нас ідзе, трэба ўстрэціці*»), представляющего собой метонимический перенос с обрядового термина; аналогичный представлен значением ‘кустовые песни’ [ПА; Архив БФЭЛА: Радчицк Стол. Б.: «На Троицу поют “гу́сту”»; Шарая 2002, 129: «ку́ста спыва́ты»].

[2] Сюда же восточнополесский *куст*, зафиксированный в южной (правобережной днепровской) части Лоевского р-на Гомельской области, т. е. практически на границе с Черниговской обл. Украины, с семантикой: 1) ‘жилье, дом’ [Янкова 172]; Деражичи: *Із старога куста́ неахота выбірацца*; лексему автор словаря подала, естественно, с соответствующей пометой: *перан*., т. е. переносное; ср. также туровскую пословицу *Свой куст прыцяга́е* [Тураўскі слоўнік 2 : 254], хотя здесь значение ‘жилье, дом’ может быть только реконструировано); 2) ‘группа (русалок)’ [Валодзіна і інш. 2012 : 244]; Бывальки: *Я ад старыкоў чула, што яны* (русалки. — *Н. А.*) *сабіраюцца, косы параспушчаваюць, кустом сядзелі, такім гняздом*).

[3] Спорадически встречающиеся здесь значения, которые отмечены в [ЛАБНГ 5, карта № 36 «Значэнні слова *куст*»; автор — Т. Н. Трухан], *куст* ‘куст лазы, арэшніку, маліны’ и ‘куст травы’, являются, безусловно, поздними, а именно «культурными», «городскими», т. е. вошедшими в живую диалектную ткань или из белорусского литературного языка, или, что вернее, — из русского; ср. также ответы информантов в [Шарая 2002: 114].

чая, конечно, возможность озвончения начального *к-*, что будет рассмотрено ниже), ни со стороны вокализма: здесь только *-у-* в идеальной ударной позиции между твердыми. А между тем зафиксированы следующие варианты основного термина, на которые исследователи (исключая О. Н. Шарую) либо не обращали внимания, либо по умолчанию считали его диалектными трансформами[1]: а) *Куст* м. р. и *Ку́ста* ж. р.[2]; «водят» *Ку́ста* и *Куста́*; «в *ку́сту* ходи́ли» [ПА: Кончицы Пинск. Б.]; б) *Кушт*: «…дэ *Куштовы* статы?», «Коля *Кушта* а ўсе дэвочкы красны» [Романов 1911: 136]: м. Иваново Кобр. Гр.; ныне райцентр Б.; диалектное наменование извлечено из приведенной Е. Р. Романовым «кустовой» песни, при том что в описании обряда последовательно используется только лексема *Кустъ*); в) *Кост, Ко́ста* м. р.: «На Тру́ицу де́вушку нараджа́юць, ка́жуць, *коста* виду́ць» (ПА; Архив БФЭЛА: Спорово Берез. Б.[3]; ср. [Шарая 2002: 186]: «наш *Ко́ста*», Глинка Стол. Б.); «Убралы *коста́* ды з вялі́каго кльона, / Дай нам, па́ночку, хоць по золото́му» [ПА, БЭЛА: Спорово Берез. Б.]; г) *Густ, Гу́ста* м., ж. р.: «На Тро́ицу *Гу́сту* води́ли»; «Нарадили *гу́сту* при зялёном клёну. / Ўы́йди, па́не, з ноўого поко́ю, / Ўынись *гу́сты* хоть по золото́му. // У на́шой *гу́сты* но́жки-ру́чки неўэли́чки, / Тре́ба ёй купи́ты козло́ўы чэрэўи́чки. // Одны́е чэрэўи́чки до костёлу ходи́ты, / Други́е чэреўи́чки обе́да сўари́[ты]»; Народи́ли *гу́ста* при зелёным клёну. / Вы́йди, вы́йди, господа́р, з но́вого поко́ю. / Вы́несь, вы́несь *гу́ста* хоть по золотому. // А ў на́шего *гу́ста* но́жки невели́чки, / Трньба купи́ти

[1] Ср. характерный пример с представлением обеих лексем в тексте: «Типологически сходны с троицкими песнями (ку́стовые. — *Н. А.*), однако имеют специфические мотивы и образы: «Куст» («Густ»), его свита…» (Ковалева 1993, 218).

[2] По мнению О. Н. Шарой, коррелят женского рода обусловлен «женской сущностью главного персонажа» [Шарая 2002: 186], однако это отнюдь не объясняет того, что «для женщины, девушки, убранной в зелень, устойчиво сохраняется название мужского рода» [там же].

3 Продвинутое вперед произношение корневого вокала в песенном тексте (однако уже с отчетливым у в описании обряда) зафиксировано в недавней записи, сделанной в Спорово: «Корогоды на Тройцу водылы, бэруць *куста* зэлэного, дзівчыну, понатыкаюць голля. Нэколы і мы ходылы, водылы до пана і співалы: «Убралы *ко*ᵘ*ста* з зэлёного клёну, / Дайтэ нам, поночкі, хоч по золотому. // Убралы *ко*ᵘ*ста* з зэлёноі лыпы, / Дайтэ нам, поночкі, хоч на чэрэвыкы» (записала в декабре 2012 г. Т. И. Кухаренок от местной жительницы М. М. Волчок, 1925 г.; личный архив). В недавней публикации споровских материалов автор подает форму *ко*ᵘ*ста* в виде «ку(-о)ста», см. [Кухаронак 2014: 367].

козло́ви черевѝчки: // Одне́ водѝцу носѝти, / А другѝе обе́дать сворѝти, / А тре́тие до це́ркви ходѝти» (все записи из Радчицка Стол. Б.).

Возможная апелляция к адъективному корню *густ-* (< **gǫstъ-jь*), а именно так можно понять относящееся к нему утверждение, ср. [Кавалёва 2010: 343]: «Абрадава-песенны Куст выступае як увасабленне раслінных сіл (інакш бы ён не быў бы Густам)…», — предполагает здесь (но только здесь, т. е. именно в этом контексте, в то время как участие семантики **gǫstъjь* в (пере)осмыслении асемантического обрядового *Густ* отнюдь не исключается, о чем см. ниже) непременное отнесение к субстантиву, именно к *куст* ‘frutex’ (*густой куст*), т. е. к значению этой лексемы, которое западнополесским говорам, как уже было показано выше, неизвестно.

2.2.1. Не менее необычной представляется использование обрядовой лексемы только в одной падежной форме в песенном тексте, записанном в Широком Чечер. Г.: «Былі мы ды ў зялёным бору, / І звілі куста з зялёнага клёну. // Прывялі куста да харошага дому, / А ў гэтым доме гаспадыня хароша, / Яна падорыць нашаму *куста* гроша», — где курсивом номинацию отметил, вероятно, также удивившись словоупотреблению, автор записи, см.: [Козенка 2011 (2000): 75]. Важно отметить, что в этом регионе *куст* в значении ‘frutex’ известен и сосуществует с аналогичным *корч*, см. [ЛАБНГ 1, карта № 203 «Куст»], но, таким образом, оказывается, что информант отделяет от него значение обрядового термина, представляющего некую «вещь в себе», своеобразный семантический кокон, который раскрывается только в обрядовой реальности.

2.3. Приведенные факты свидетельствуют о возникающей семантизации лексемы *куст* (и ее вариантов), однако возобновляемой исключительно в рамках обрядового времени[1]. Вне этого темпоральной составляющей лексема в диалекте фактически отсутствует (или присутствует с «законсервированной» обрядовой семантикой). Последнее, а также показанная выше ее необычная

[1] Фактически об этом же пишет и О. Н. Шарая, которая на основе анализа записей от опрошенных ею информантов справедливо утверждает (но, конечно, с учетом более разветвленной календарной и окказиональной приуроченности, о которой подробнее см. [Антропов 2013б: 7]), что лексема *куст/Куст* в ее обрядовых значениях, а именно: 1. ‘наименование главного персонажа обряда’, 2. ‘обрядовая группа’, 3. ‘обрядовые, т. е. «ку́стовые», песни’, — использовалась только раз в году, «на Троицу», во время «вождения *Ку́ста*» [Шарая 2002: 209].

вариативность, как дифференцированная по нескольким позициям фонетическая, так и уникальная грамматическая, может, как представляется, сигнализировать либо о заимствовании обрядового термина, либо о трансформации исконной лексемы с одновременной утратой первичной (мотивирующей) семантики, но также в возможных контаминациях с иными (в том числе иноязычными) лексическими элементами.

3. Вероятность заимствования. Эта возможность (на которую уже указывалось, ср. [Толстой, Толстая 1978а: 375]: «Во всяком случае если заимствование и произошло, то оно не могло относиться к поздней праславянской эпохе»), — обусловливается происхождением восточнославянского *куст* ‘frutex’[1], которое наиболее распространенная, «практически общепризнанная» [ЭССЯ 13: 137] этимологическая версия, восходящая еще к классическому «kustŭ: — *Man vergleicht lit.* kaukštas» (Miklosich, 427), связывает с литовскими лексемами *kúokštas, kúokšta* ж.р. ‘горсть, пук, пучок, клок, связка’, *перен*. ‘группа растений или строений’, ‘стадо’, ‘крона дерева’ [LKŽ VI: 909].

3.1. Необходимо отметить, что среди этих значений, которые приводит крупнейший и наиболее авторитетный академический словарь литовского языка, отсутствует семантика ‘*куст*, frutex’, обычно так-

[1] Однако [ЕСУМ 3: 160] добавляет с переведенной ссылкой на (Желеховський–Нед. I, 392) к значению «кущ, букет» также «(заст.) сільске свято на другий день трійці, коли дівчата, прикрашені вінками, ходять з піснями» (в оригинале «ländisches Fest der Mädchen unter Liedern u. Umzug mit einem blümen- u. laubbekränztem Mädchen am zweiten Pfingsttage [antipathes.». — *Н. А.*), а [Фасмер II: 432] несколько интригующе отсылает к иному источнику: «относительно знач. см. Соболевский, РФВ 70, 91», — имея в виду заметку последнего «*Кудесъ. Кустъ*» в статье «Из истории русского словарного материала» [Соболевский 1913: 90–91], в которой автор анализирует *кустъ* «въ одномъ др. р. поученье» (констатируется, что значение слова «неясно») и аналогичную номинацию в записи за 1250 г. из Галицко-Волынской летописи по «Ипатскому списку» (татары в ставке Батыя «водяше около *куста*» всех чужеземцев и требуют того же от князя Даниила Галицкого). Результатом этого анализа является следующее соображение А. И. Соболевского: «Трудно думать, чтобы в поученье и в летописях слово *кустъ* имело значение современного русск. *куст*. Летописное *кустъ* как будто означает какое-то сооружение (вроде жертвенника?), связанное с почитанием предков» [там же: 91]. Проведенное нами недавно исследование возможности соотнесения др.-русск. **коустъ/кꙋстъ/костъ** и обрядового *Ку́ста* показало достаточно высокую вероятность их корреляции, однако только в рамках предложенной ареальной схемы: чечерский микроареал «ку́стового» обряда (села Чечерского р-на Гомельской области) — историческая Черниговщина; подробнее см. [Антропов 2014а].

же приводимая этимологическими словарями (ср.: [Фасмер II: 422; ЭССЯ 13: там же; ЕСУМ 3, 160; ЭСБМ 5, 172]. Подобная ситуация, безусловно, является свидетельством вторичности семантического развития (сюда же, например, такие продолжения в [LKŽ VI : 910], как *kuokštė* ‘букет’ или *kuokštis* ‘малая, незавившаяся головка капусты; шуляк’), что проницательно было отмечено О. Н. Трубачевым: «…для лит. *kúokštas* основным (значением. — *Н. А.*) является ‘пук, пучок, клок’, а применение к кустарниковому растению вторично» [ЭССЯ 13: там же][1]. Это, а также некоторые «формальные моменты» (фонетические, акцентологические и словообразовательные) позволило ему далее поставить под сомнение родственность славянской и литовской номинаций и, имея в виду, что «слово **kustъ*, тем не менее, производит впечатление старого образования»[2], выдвинуть иную, собственно славянскую, точнее праславянскую диалектную, этимологию восточнославянского **kustъ*: из префиксального сложения **ku-sto-* «именной формы глагола **stojati* … типа **prostъ*» [Трубачев 2004 (1981): 323–326; ЭССЯ 13: 138]. Эту тему позже продолжила и поддержала выдвинутую этимологию В. А. Меркулова, обратившая внимание на волог. *кусто* ‘много’ ([Вологодский словарь 4: 24]: У меня ребят кусто было), с заключением: «Мы имеем наречие, образованное из прилаг. **kustъ(jь)*» [Меркулова 1996: 22][3].

[1] Достаточно близким к высказанному оказалось и мнение В. В. Мартынова (отрицающее, однако, архаичность лексемы) в [ЭСБМ 5: 172]: «Усходнеславянскае ўтварэнне слова суадносіцца нейкім чынам з літ. *kúokštas* ‘куст’. Пра рэканструкцыю праславянскага і балта-славянскага слова гаварыць нельга».

[2] Ср. также: «… древность этого слова в славянском как возможного самобытного праславянского диалектизма не вызывает сомнений» [Трубачев 2004 (1981): 325]. Ср. также [Аникин. Опыт: 25–26; сноска 16].

[3] При анализе предложенной этимологии нельзя не обратить внимание на несколько моментов. Хотя сложение «оценочного префикса» (по О. Н. Трубачеву) **ku-* (с рядом вполне доказательных возражений относительно его префиксального статуса) и глагольного корня *-sto-*, возможно, и не является уникальным (ср. рассуждения Олега Николаевича по этому вопросу в упомянутой работе 1981 г., а также в статьях ЭССЯ: кроме **kustъ* в 13 выпуске также **kǫdělь* [ЭССЯ 12: 48–49] и **kъ(n)* [ЭССЯ 13: 170–171]), — по меньшей мере странным (при безусловной и исключительной архаичности префикса/предлога) представляется только восточнославянское его распространение. Вряд ли убедительно и дефинирование первоначальной семантики **kustъ* как кустарника, ‘определенным образом стоящего, торчащего из земли’ [ЭССЯ 13: 138]. Еще более проблематичным выглядит реконструированное В. А. Меркуловой прилагательное **kustъ(jь)* при полном отсутствии гипотетических восточнославянских континуантов типа **ку́стый* ‘относящийся к кусту, кустовой.’ Следует также обратить внимание на то, что вологодское *кусто* ‘много’ вполне может быть фонетическим вариантом (или дефектом записи) аналогичного *густо* ‘много, в большом количестве’ — основного (первого) значения этого наречия [Вологодский словарь 1: 137].

3.2. «Формальные моменты», на которых акцентировал внимание О. Н. Трубачев, нашли поддержку и с другой стороны — литовской этимологии. Во всяком случае, В. Смочиньски, определяя *kuokštas* ‘pęk, garść (siana), kłak’ как этимологически неясное (собственно, вслед за [Trautmann: 139], который, однако, не упоминается), мотивирует это следующим соображением: «Hipoteza o wstawnym *k* i związku etymologicznym z wyrazem ros. *kust* “krzak” jest ze względów głosowych wątpliwa. Nie ma formy lit. †káustas w podobnym znaczeniu. Z kolei lit. †kúostas nie da się wyprowadzić z †káustas» [Smoczyński: 324–325].

Итак, следует констатировать, что связь восточнославянского *куст* (повторимся — в значении ‘frutex’) и литовского *kúokštas* если не сомнительна, то по-прежнему проблематична и находится в поле взаимокорреляций «каким-то образом» (В. В. Мартынов). Но в любом случае обрядовый *куст* существует вне даже и этого поля.

3.3. Кажется, большего внимания заслуживает, в том числе в отношении обрядового термина, лит. *kùkšta, kùkštas*, также жемайтийское *kùkštis* (ср. [Фасмер II: 432]: «с другой ступенью вокализма»; [Черных I: 458]: «абляут») с семантикой ‘небольшое возвышение’, ‘копна, стог/стожок (сена, клевера, зерновых культур)’, но особенно ‘заткнутый на жерди пук соломы как межевой знак’ [LKŽ VI: 804, 806], которое В. Смочиньски выводит из *kùkti* с «неоосновой» *-št-* из первоначального *-st-* под влиянием междометия *kùkšt* ‘об ударе’ [Smoczyński 2009: 39]. Продолжая этимологию и следуя логике автора, можно, таким образом, восстановить промежуточную (утраченную) форму **kùkstas*, из которой теоретически, т. е. с учетом вполне реальной диссимилятивной диэрезы второго *-k-*, выводится форма **kùstas*, возможная связь которой с восточнославянским *куст* уже очевидна. Однако и подобное развитие не претендует ни на что более, нежели на еще одну гипотезу.

3.4. Зато менее гипотетичной представляется связь *kùkštas* (но все-таки также с предполагаемой диссимиляцией *-k-* — *-k-* → *-k-* — *ø*) и представленного выше фонетического варианта *куст* — именно *кушт*: «коля *Кушта*», «дэ *Куштовы* статы?». Но и здесь в силу уникальности фиксации от дальнейших (и далеко идущих) интерпретационных продолжений приходится пока отказаться, оставив,

однако, в поле зрения возможность раннего литовского (или же ятвяжского[1]) влияния на некую исходную лексическую фактуру.

3.5. Подытоживая изложенное, возможность заимствования обрядового термина *куст* (равно как и обряда в целом) приходится оценить как весьма незначительную, если не вообще сомнительную. При этом едва ли не очевидной представляется необходимость генетического «разведения» восточнославянского *куст* ‘frutex’ и обрядового термина *Куст/куст*, которые, таким образом, могут связывать лишь отношения омонимии и вторичных взаимовлияний.

4. Вероятность трансформации исконной лексемы. Ситуация, при которой западнополесскую лексему *куст* во всех известных значениях, прежде всего, конечно, связанных с обрядом (даже оставляя при этом в стороне этимологическую проблематику восточнославянского *куст* ‘frutex’), не представляется возможным соотнести ни с одним из соответствий, традиционно привлекаемых для анализа, побуждает к поиску иных параллелей, которые до настоящего времени были вне поля зрения исследователей.

4.1. Как будто бы вполне правдоподобной в этом смысле представляется реконструкция исконной для западнополесских говоров номинации, продолжающей прасл. **gvozdъ* ‘лес, silva’[2] с достаточно широким кругом значений[3], относящихся к наименованиям леса, которые реализовались в славянских языках/диалектах, по преимуществу южно- и западнославянских, а также отразились в их онимных фондах:

• *южнославянские*: словен. *gozd (gǫ́zd, gǫ̏zd)*, диал. *gǫ́i̯zd, gȁst* (Borovnica), резьян. *hu̯ót* ‘лес; большой, высокий лес’, *črni gozd* ‘чернолесье, хвойный лес’, топонимы *Gozd, Gojzd* и их суффиксальные продолжения [Pleteršnik I: 241; Bezlaj I: 166]; с.-хорв. *gvozd* ‘šuma, dubrava, gora, loza’, *гво̏зд, гво̏зда* и *гвȍзда* (*гво̂зд, гво́зда*)

[1] В типологическом плане и в отношении иных языковых фактов ср. [Цыхун 2012 (1996)].

[2] [Bańkowski I: 465] выдвигает в качестве возможного первоначально более широкое значение: ‘gęstwina, gęsta kępa zarośli’.

[3] Здесь нами сознательно опущены вариант прасл. **gvozdь* с финалью на редуцированный переднего ряда и относящиеся к обеим генетически связанным лексемам славянские континуанты с семантикой ‘гвоздь, деревянный гвоздь, затычка (бочки), пробка и под.’, ‘железо, железная болванка, лом, железный гвоздь, гвоздь для подковы и под.’, а также нек. др., о которых подробнее см. в [ЭССЯ 7: 185–186]; [SP VIII: 317–318]; [ESJS 4: 212–213], а также в этимологических словарях, упоминаемых ниже.

‘большой, густой, старый, дремучий лес; лесные дебри’, ‘буковый лес’, топонимы *Гвȍзд* и др. ‘местные наименования (лесов, летних горных пастбищ, сёл и др.) в разных краях нашей земли’ [ARj III: 522; РСА III: 223; Skok I: 643; Толстой 1969: 62–63]; болг. (только производное) *гȍзденки* ‘вид грибов в лесной гористой местности’, топонимы *Гȍздул* ‘лес и овраг’ (Павликенско), *Гоз* ‘село’ (Брезнишко) и др. [БЕР 1: 234][1];

• *западнославянские*: ст.-чеш. *hvozd* ‘горный лес’, чеш. (книжн. и устар.) *hvozd, vozd* ‘большой, густой лес’ [Gebauer I: 524; Kott IV: 796], **hozd* ‘то же’ (реконструкция по топониму — названию села *Třebi-hošť*: [Machek 1968: 192]); словац. книжн. *hvozd* ‘большой, густой лес’ [SSJ I: 545], н.-луж. *gozd* м., *gozda* ж., (производное) *gozna* ‘старый, сухой лес; горный лес’, в в.-луж. только топонимы (уже с начала XIII в.) *Hósk* (*Hoske*), *Hósnica, Zagozd* (/*Zagost*) [Schuster-Šewc 4: 241–242], ст.-польск. *gozd* ‘молодой густой лес’ (1415 г.; также еще в ряде источников XV в. в значениях ‘лес, роща; священная роща’), старые и современные топонимы *Gozd, Gózd* и их многочисленные суффиксальные продолжения [Sławski I: 329]; наиболее полно в [Bańkowski I: 464–465];

• восточнославянские: только зап.-полес. *hvozd*, синонимичное лексеме *ostrov* ‘suchszy, nenazbyt rozległy, często zalesiony obszar, wznesiony pośród błot’ (‘небольшое сухое, возвышающееся среди болот пространство, покрытое густым лесом’: [Толстой 1969: 62], зафиксированное К. Мошиньским во время полесских экспедиций в середине 20-х гг. минувшего века в Дружиловичах, «pow.[iat] Drohiczyn» — ныне Иван. Б. [Moszyński 1956: 204]; также топонимы, прежде всего, полесские, на которые он же обратил внимание: зап.-полес. *Hvůzd* ‘поросшее соснами урочище около Давид-Городка, со всех сторон окруженное болотом’, вост.-полес. *Hvózdau̯* ‘молодой сосновый лес в околицах Хойник’, зап.-укр. *Hvozd* ‘гора, поросшая густым лесом около м. Надворно’ (ныне райцентр Надворная в Ивано-Франковской обл. Украины), река *Hvozdica* ‘приток Уборти’ и нек. др. [Moszyński 1955: 121; 1956: 204]. К этому ряду

[1] По мнению Н. И. Толстого, «исторические памятники и некоторые данные топонимики… свидетельствуют о том, что в прошлом ареал лексемы **gvozdъ* на Балканах был значительно (разрядка наша. — *Н. А.*) шире и захватывал часть современной центральной (штокавской зоны)…, где в настоящее время распространились такие инновации, как **šuma* и **gora* в значении ‘лес, silva’» [Толстой 1969: 64].

можно добавить еще несколько белорусских микротопонимов из [Мікратапанімія 1974: 58]: *Гво́зніца* ‘лес, поле, сеножать’ (Деревная Столб. М.), *Гво́зцы* ‘урочище’ (Веть Бых. Мг.), *Гво́сца* ‘сеножать и лес’ (Чудин Ганц. Б.). Важно отметить, что все они находятся на территории расселения дреговичей.

4.2. Суммируя эти данные, можно предложить следующую ареальную схему распространения **gvozdъ* ‘лес, silva’: 1) центр — южнославянские языки/диалекты; 2) ближняя периферия — западнославянские; 3) дальняя — спорадические отражения в полесских говорах, а также иные («точечные») в западной части восточнославянского языкового массива. Вполне реальным, с учетом этногенетического фактора, связанного с генезисом дреговичей[1], является также предположение о двух независимых векторах продвижения лексемы **gvozdъ* из центра на периферию, именно западно- и восточнославянском. Необходимо также отметить общую типологическую черту: постепенную утрату континуантов праславянской номинации во всех славянских языках/диалектах, которая просле-

[1] Особые южнославянские связи дреговичей, в частности, родство пары этнонимов **drъgъvitji* — *Δρουγουβίται* сейчас, конечно, не вызывает сомнений, ср. [Трубачев 1974: 62, 63] и более определенно [Цыхун 2010: 9]: «поўдзень і паўднёвы ўсход Балканскага паўвострава былі заселены плямёнамі, што мелі генетычныя сувязі з блізкімі па назвах плямёнамі на паўночным усходзе славянскай тэрыторыі»), — однако вопрос о направлениях миграций (пра)другувитов и (пра)дреговичей или местности, из которой они начали движение на юг (Балканы) и север (Украина — Припятское Полесье — Беларусь), остается все-таки до конца не решенным в науке. Тем не менее появляется все больше оснований (и, в частности, с учетом распространения восточнославянских топонимов, продолжающих **gvozdъ*) констатировать именно меридиональное продвижение (пра)дреговичей с юга/юго-запада на север/северо-восток. В сущности, ложится в эту же схему славянских миграционных потоков версия новгородского исследователя В. Л. Васильева, который в ряде работ на основе тщательного анализа онимных фондов Русского Северо-Запада [РСЗ] обосновывает направление заселения РСЗ славянами в VII–IX веках из Южной Славии через Галицко-Волынские земли, Припятское Полесье и Верхнее Поднепровье [Васильев 2013; с предыдущей литературой]. Еще увереннее об этом может себе позволить высказаться писатель: «В белорусской исторической науке (и в смежных ей археологии, языкознании и этнографии) давно определено, что белорусский этнос существует на исторической арене больше тысячи лет. Уже в VI веке на Балканах были известны племена драгавитов-дреговичей, которые явились одной из доминант белорусского этноса. Переселившись на территорию Беларуси приблизительно в IX веке, они вместе с кривичами и радимичами создали вышеназванный этнос, который в XIII–XIV веках стал основным в обширном государстве — Великом княжестве Литовском» [Кожедуб 1997: 173].

живается по письменным памятникам и словарям, причем для восточнославянской области эта утрата носит едва ли не абсолютный характер.

4.3. Еще в конце 60-х годов Н. И. Толстой определил территорию современных южнославянских диалектов, которую занимает «лексема **gozdъ*» с семантикой леса, предположив, таким образом, праславянский диалектный характер варианта **gozdъ* по отношению к общеславянской паре **gvozdъ/*gvozdь* [Толстой 1969: 63][1]. Фактически такую же диалектность, но в семантическом плане, имеет в виду и Л. В. Куркина: «Семантические отличия словенского языка частично сложились в результате семантико-терминологической специализации некоторых общеславянских слов. Ср. <…> название леса: словен. *gòzd* и с.-хорв. диал. *gvozd* ‘лес’…» [Куркина 1992: 196]. В свете этого и с учетом приведенного выше фактического материала не менее вероятной видится возможность расширения территории распространения прасл. диал. **gozdъ* также на западнославянскую зону. Представляется, что именно в таком плане возможно продолжить мысль А. Баньковского: «W stp. regularny zanik -v- w sylabach †*gvo*- i †*xvo*-, prócz dialektów peryferycznych (kresy wschodnie, Kaszuby, Śląsk), tak samo w łuż. i słowen.» [Bańkowski I: 465].

Более гипотетично, но отнюдь не невероятно присутствие аналогичного **gozdъ* в (пра)западнополесских говорах. И как раз этот вариант лексемы позднепраславянской эпохи является, по нашему мнению, искомым исходным для реконструкции исконной для западнополесских говоров номинации, с течением времени транформировавшейся в обрядовый термин *куст/Куст*. Последовательность этой трансформации может быть представлена следующим образом:

1. **gozdъ* → **gozd* → **gost/*гост* (после утраты редуцированного) →

2. *кост/Кост* (реальная форма, лишенная семантики вне обрядовой сферы) //

3. *куст/Куст* (реальная форма с «ущербной» семантикой как ре-

1 Ср.: «Термин **gvozdъ* – один из многочисленных фактов, свидетельствующих об архаичности части лексического состава современного словенского языка и его связях с восточнославянской зоной через западнославянские языки, в первую очередь лужицкие, чешский и словацкий» [Толстой 1969: 62].

зультат а) «дулебского» перехода **o* → **u* через стадию **ō* (о чем подробнее ниже) и/или б) контаминации 2 и 5, т. е. *кост/Кост и густ/Густ;*

4. *Куст* → *Кушт* как результат раннего балтского (здесь литовского или ятвяжского) влияния;

5. *густ/Густ* (реальная форма, возникшая, скорее всего, в результате семантического сближения с *густ-* (< **gǫstъ-jь*).

Фонетическая составляющая этих переходов (кроме четвертого, о котором см. выше) складывается из нескольких позиций разной значимости, причем если оглушение финали *-zd* в *-st* в результате падения редуцированных вопросов не вызывает (ср. в этом аспекте словен. диал. *gȁst*, а также в.-луж. топонимы *Zagost* и *Hósk* (явно из **Hóst* в результате диссимиляции), то альтернация *g-/k-* в начале слова (**гост/кост*) представляет, конечно, проблему, т. к. нормальное развитие в западнополесских говорах предполагало бы *g-/x-* с промежуточной (и реально отражаемой в *Густ*) стадией *-h*. Однако дальние связи прасл. **gvozdъ/*gvozdь*, которое обычно сравнивают с германскими (др.-/ср.-в.-нем.) лексемами с начальным *qu-* и *k-* (ср., в частности, *koste, kaste* ‘связка веток с листьями; метла, веник; (церковное) кропило’ и под.), возводя все к и.-е. **gu̯es-d-/*gu̯os-d-*[1], показывают, что допущение такой возможности в принципе не представляется безнадежным.

Не самым простым случаем является также объяснение перехода *o* → *y,* т. е. *Кост* → *Куст*. Специальное исследование интерпретации синхронных изоглосс как позднепраславянских, которые выявляются при анализе диалектного членения полесских говоров, проведенное московскими диалектологами [Николаев и др. 2013], показало, что наследники археологической лука-райковецкой культуры говорили на собственных племенных диалектах, одним из которых был дреговичский, возникший в результате дробления позднепраславянского дулебского диалекта или «дулебского праязыка» (ПД) [там же: 101–102], причем «современное Полесье и сопредельная юго-западная Белоруссия представляют собой счастливый случай непосредственной эволюции от дулебского диалекта к племенным диалектам и далее к современным говорам» [там же: 117]. Как раз

[1] Так [ЭССЯ 7: 186]; [ESJS 4: 212–213] (первая, т. е. наиболее надежная этимология из трех анализируемых), [Schuster-Šewc 4: 242] и др.; возражения представлены в [SP VIII: 318].

в дулебском диалекте «праслав. *е, *о удлинялись перед слабыми *ъ̯, *ь̯ под ударением с ПД рефлексами *ē, ǣ, *ō…» [там же: 104; см. также 105, 116]. Таким образом, переход **о* → **и* через стадию **ō* (ср. в этом смысле зафиксированное в Спорово Берез. Б. *ку^у^ста/ку(-о)ста)* является достаточно обоснованным результатом реального фонетического процесса в истории западнополесских говоров.

И, разумеется, важнейшей проблемой остается первичная семантика лексемы **gozdъ* как исходной для обрядового термина. Представляется, что возможное решение ее лежит в плоскости семантических сфер как этой номинации, так и ее «старших» вариантов, т. е. **gvozdъ/*gvozdь*, внутри которых семантические филиации квалитативного/квантитативного характера, метонимия и синекдоха являются совершенно обычными (см. примеры выше и в указанных этимологических словарях). Поэтому вполне логичным представляется семантический переход, который, кроме всего прочего, укладывается в модель «семантико-терминологической специализации… общеславянских слов», о которой писала Л. В. Куркина, а именно: ‘лес’ (‘участок леса’/‘лесное урочище’; ср. упомянутую выше семантическую реконструкцию А. Баньковского: ‘гуща, гущина, густая купа зарослей’) → ‘мифологический персонаж, пришедший оттуда’. Не будет лишним отметить, что подобного рода модель является также универсальной для славянских (равно и многих неславянских) этнокультур. И как раз с этим следует связать зачины кустовых песен с упоминанием гая/леса/бора[1]: «Powedem Kusta pod *haj* zełeneńki»; «Ох, мы ж былі у харошаму *бору* / І звілі куста ж із зялёнага клёну. // І звілі куста ж із зялёнага клёну, / Да прывялі куста ды й да слаўнага двору»; «Куста, куста да пад цёмны лес»; «Ой, мы булы юв вылыкому *бору*, / Ой, звылы Куста із зылёного клёну» [Bykowski 1878: 260; Веснавыя песні 1979: 209, 210; Раговіч 2001: 123], — где с реального обряжения *Ку́ста* в зелень начинались ритуальные действия[2].

---

[1] Ср. и иной локус, именно *болото*, который, как известно, также в Полесье мог быть залесенным: «Ой, Куста, Куста, тут тобі нэ болото, / Завэдэмо Куста хорошэнько за ворота» [Раговіч 2001: 123, 215].

2 Р. М. Ковалева склонна видеть в зачине песни «Ой, мы булы юв вылыкому бору, / Ой, звылы Куста із зылёного клёну» цельную семантико-семиотическую систему, а именно «факт ритуального «свивания» поколений (родовых предков и потомков), календарного укрепления связи между ними через Куст — живой обрядовый символ рода, безусловный источник добра и покровительства» [Ковалева 2011 : 145], что представляется оправданным только с позиций эстетического восприятия текста.

Таким образом, есть основания констатировать, что несмотря на некоторые допущения формального и семантического характера вероятность трансформации — с позднейшей десемантизацией и переосмыслением — исконной лексемы (**gozdъ → кост // куст/кушт/густ*) в русле семантико-терминологической специализации «лесной/залесенный локус → мифологический персонаж», является довольно высокой и имеет весомые основания объясняющей гипотезы.

Литература

Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н. «Куст» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка). Москва: Международные отношения, 2002. С. 68–69.

Аникин. Опыт: Аникин А. Е. Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск: Наука, 2005.

Антропов Н. П. [2013а] Белорусские этнолингвистические этюды: 3. «Куст» (часть первая) // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого Москва: Индрик, 2013. С. 162–179.

Антропов Н. П. [2013б] Вождение *Ку́ста*» в контексте проблематики белорусско-инославянских (/неславянских) этнолингвистических соответствий: доклад на XV Международном съезде славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.) / Национальная академия наук Беларуси; Белорусский комитет славистов. Минск: Права і эканоміка, 2013.

Антропов Н. П. [2013в] Вновь о семантике «Ку́ста» // Мова у дзеркалі особистості. Філологічні дослідження, присвячені 80-річчю професора, акдеміка НАПН України Кононенка Віталія Івановича / Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника. Івано-Франківськ: Місто НВ, 2013. С. 105–117.

Антропов Н. П. [2014а] Соотносимы ли западнополесско-белорусский обрядовый Куст и номинации **коустъ** (**кꙋстъ**/**костъ**) Ипатьевской летописи? // Славянская духовная культура: этнолингвистические и филологические исследования: К 90-летию академика Н. И. Толстого. — Frankfurt am Mein: Peter Lang, 2014 (в печати).

Антропов Н. П. [2014б] *Ворожю кусты* одного древнерусского поучения, или Семантический вес запятой // Slavistica Vilnensis. Kalbotyra 59 (2). Vilnius, 2014 (в печати).

Антропаў М. П. Этналінгвістычны кантынуум заходнепалескабеларускага абрадавага *Куста* // Беларускі фальклор. Матэрыялы і даследаванні: Зборнік навуковых прац. Вып. 2. Мінск: Беларуская навука, 2015 (в печати).

Архив БФЭЛА: Архив «Белорусского фольклорно-этнолингвистического атласа» (рукопись; хранится у автора). Минск.

Барадулін Р. Вушацкі словазбор Рыгора Барадуліна / укл. Н. Давыдзенка; прадм. У. Някляева. Мінск: Кнігазбор, 2013.

БЕР: Български етимологичен речник I —. София: Българска академия на науките, 1971–.

Валодзіна Т. В., Кухаронак Т. І., Смірнова І. Ю. Каляндарныя святы, звычаі і абрады… Русальны тыдзень // Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 5. Гомельскае Палессе і Падняпроўе. У 2 кн. Кн. 1. / Ідэя і агул. рэд. Т. Б. Варфаламеевай. Мінск: Вышэйшая школа, 2012. С. 243–246.

Васильев В. Л. Славянская колонизация Русского Северо-Запада в свете ономастики // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. А. М. Молдован, С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2013. С. 17–35.

Веснавыя песні / Складальнікі: Г. А. Барташэвіч, Л. М. Салавей; складальнік муз. часткі В. І. Ялатаў; рэд. тома К. П. Кабашнікаў. Мінск: Навука і тэхніка, 1979. С. 208–214. (Бел. нар. творчасць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору).

Войтович В. Куст // Войтович В. Українська міфологія. Від. 2-ге, стереотип. Київ: Либідь, 2005. С. 267–268.

Вологодский словарь: Словарь вологодских говоров / Ред. Т. Г. Паникаровская. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

Груца А. П., Паўлоўскі І. І. З лексікі гаворкі в. Святая Воля // Жывое слова / Рэд. Ю. Ф. Мацкевіч, І. Я. Яшкін. Мінск: Навука і тэхніка, 1978. С. 29–33.

Деулинский словарь: Словарь современного русского народного говора. (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. Москва: Наука, 1969.

ЕСУМ: Етимологічний словник української мови / Ред. кол.:

О. С. Мельничук, И. К. Білодід, В. Т. Коломієць,Т. Б. Лукинова, В. Г. Скляренко, О. Б. Ткаченко и др. Т. 1–6. Київ: Наукова думка, 1982–2012.

Желеховський–Нед.: Желеховський Е., Недільскій С. Малорусско-німецкий словар. I–II Львів: З друкарні тов. им. Шевченка, 1886.

Кавалёва Р. М. Лакальна-рэгіянальныя парадыгмы беларускага фальклору… У 3 ч. Ч. 1. Заходнепалескія куставыя песні. Мінск: Беларускі дзяржаўны універсітэт, 2008.

Кавалёва Р. М. Ваджэнне Куста // Фалькларыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі: зборнік артыкулаў. Вып. 7 / Пад навук. рэд. Р. М. Кавалёвай, В. В. Прыемка. Мінск: РІВШ, 2010. С. 342–344.

Ковалева Р. М. Белорусские кустовые песни // Автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 1976.

Ковалева Р. М. Песня кустовая… // Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии / Редкол.: К. П. Кабашников (отв. ред.) и др. Минск: Навука і тэхніка, 1993. С. 218–219.

Ковалева Р. М. Локально-региональные парадигмы белорусской календарной обрядности и принципы их изучения (на примере западнополесской обрядности вождения Куста) // Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры / Отв. ред. Е. Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 133–150.

Кожедуб А. Белорусы: легализация в мировой истории (Заметки писателя) // Русь — Литва — Беларусь: Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии / По материалам Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Н. Н. Улащика. Москва: Наследие, 1997. С. 172–179.

Козенка М. А. [2000] Каляндарныя традыцыі Чачэршчыны: вясна — лета // Хто, калі не я…: Да 60-годдзя Міколы Козенкі / укл. В. В. Калацэй. Мінск: Выд-ва «Чатыры чвэрці», 2011. С. 62–78.

Куркина Л. В. Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1992. (Dela / Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede = Opera / Academia scientarum et artium slovenica. Classis II: Philologia et litterae ; 38).

Куркина Л. В. Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. Москва: Изд. центр «Азбуковник», 2011.

Кухаронак Т. Летне-восеньскі цыкл каляндарнай абраднасці Бярозаўскага раёна Брэсцкай вобласці // Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні. Зборнік навуковых прац / Редкол.: Т. В. Валодзіна (гал. ред.) [і інш.]. Вып. 1. Мінск: Беларуская навука, 2014. С. 365–377.

ЛАБНГ — Лексічны атлас беларускіх народных гаворак. У пяці тамах / Пад рэд. М. В. Бірылы, Ю. Ф. Мацкевіч і інш. Т. 1–5. Мінск: Мінская картаграфічная фабрыка Белгеадэзіі / ДП «Мінская друкарская фабрыка», 1993–1998.

Меркулова В. А. Диалектная лексика и этимология // Этимологические исследования. Вып. 6: Материалы I–II научных совещаний по русской диалектной этимологии. Екатеринбург, 1996. С. 18–26.

Мікратапанімія 1974: Мікратапанімія Беларусі / Рэд. М. В. Бирыла, Ю. Ф. Мацкевич. Мінск: Навука і тэхніка, 1974.

Николаев С. Л., Тер-Аванесова А. В., Толстая М. Н. Семантическая реконструкция и лексическая типология // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. А. М. Молдован, С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2013. С. 99–140.

ОЛА 3 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная / Международный комитет славистов, Комиссия Общеславянского лингвистического атласа / Вып. 3: Растительный мир / [Гл. ред. А. И. Подлужный]; Национальная академия наук Беларуси, Институт языкознания им. Я. Коласа. Минск: Минская печатная фабрика, 2000.

ПА — Полесский архив Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. Москва.

Псков. словарь: Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. Коллегия: Б. А. Ларин, А. С. Герд, С. М. Глускина и др. Вып. 1–22–. Ленинград/С.-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета, 1967–2011–.

Раговіч У. І. Песенны фальклор Палесся: У 3-х т. Том 1. Песні святочнага календара. Мінск: Выд-ва «Чатыры чвэрці», 2001.

Романов 1911 — Материалы по этнографии Гродненской губернии / Под ред. Е. Р. Романова. Выпуск первый. Вильна: Типография «Русский почин», 1911.

РСА — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. I–XVIII–. Београд: Српска акдемија наука и уметности , 1959–2010–.

Слоўн. паўночн.-заход. Беларусі — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча / Уклад.: Ю. Ф. Мацкевіч, А. І. Грынавецкене, Я. М. Рамановіч, А. І. Чабярук, Ф. Д. Клімчук і інш. Т. 1–5. Мінск: Навука і тэхніка, 1978–1986.

Соболевский А. И. Из истории русского словарного материала. По поводу новых выпусков этимологических словарей Э. Бернекера и А.Г. Преображенского // Русский филологический вестник. Т. 70, вып. 1. № 3–4. Варшава, 1913. С. 77–99.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–45–). Ленинград/ С.-Петербург: Наука, 1966–2013–.

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. Москва: Наука, 1969.

Толстой Н. И., Толстая С. М. [1978а] К реконструкции древнеславянской духовной культуры (лингво-этнографический аспект) // VIII Международный съезд славистов <…>: Доклады советской делегации / Ред. коллегия: акад. В. И. Борковский [и др.]. Москва: Наука, 1978. С. 364–385.

Толстой Н. И., Толстая С. М. [1978б] Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье // Славянский и балканский фольклор: Генезис. Архаика. Традиции / Отв. ред. И. М. Шептунов. Москва: Наука, 1978. С. 95–130.

Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопросы языкознания, № 6. Москва, 1974. С. 48–67.

Трубачев О. Н. [1981] Etyma baltico-slavica controversa: kúokštas ≠ *kustъ // Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 2. Москва: Языки славянских культур, 2004. С. 323–326.

Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. Изд. 2-е, доп. Москва: Наука, 2003.

Тураўскі слоўнік — Тураўскі слоўнік / Складальнікі А. А. Крывіцкі, Г. А. Цыхун, І. Я. Яшкін, П. А. Міхайлаў, Т. М. Трухан. Т. 1–5. Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. Москва: Прогресс, 1964–1973 (= М., 1986–1987; 1996).

Цыхун Г. А. [1996] Яцвяжская праблема ў беларуска-польскіх моўных кантактах // Цыхун Г. А. Выбраныя працы. Мінск: РІВШ, 2012. С. 223–225.

Цыхун Г. А. Балканаславіка: праблемы і вынікі // Беларуская лінгвістыка, вып. 66. Мінск, 2010. С. 7–14.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. I–II. Москва: Изд-во «Русский язык», 1994.

Шарая В. М. Куст. Куставыя песні // Беларускі фальклор: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1: А капэла — Куцця / Рэдкал.: Г. П. Пашкоў і інш. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2005. С. 761–764.

Шарая В. М. Куст // Міфалогія беларусаў: Энцыклапедычны слоўнік / Склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. Мінск: Беларусь, 2011. С. 265–267.

Шарая О. Н. Ценностно-нормативная природа почитания предков. Минск: Тэхналогія, 2002.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў (Т. 1–8), Г. А. Цыхун (Т. 9–13). Т. 1–13–. Мінск, 1978–2010–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (Вып. 1–31), А. Ф. Журавлева (Вып. 32–). Вып. 1–39–. Москва: Наука, 1974–2014.

Янкова Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1982.

ARj — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1880–1976.

Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. T. I–II. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2000.

France Bezlaj, Etimološki slovar slovenskega jezika I (1976), Etimološki slovar slovenskega jezika II (1982), Etimološki slovar slovenskega jezika III (1995), Dopolnila in uredila Marko Snoj in Metka Furlan, Etimološki slovar slovenskega jezika IV (2005). Avtorji gesel France Bezlaj, Marko Snoj in Metka Furlan. Uredila Marko Snoj in Metka Furlan. Etimološki slovar slovenskega jezika V = Kazala (2007). Izdelala Marko Snoj in Simona Klemenčič. Ljubljana: Mladinska knjiga + Založba ZRC, 1976–2007.

Bykowski P. Pieśni obrzędowe ludu ruskiego z okolic Pińska // Zbór wiadomości do antropologii krajowej. T. II. Kraków: W drukarni Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1878. S. 260–285.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnskeho, 1–. Hl. red. A. Erhart, E. Havlova, I. Janyškova. Seš. 1–16–. Praha, Brno: Academia + TRIBUN EU, 1989–2012–.

Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej / Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. Tom I: Wiara, wierzenia i przesądy ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. Kraków: Wyd-wo Komisyi Antropologicznej, 1897; Tom IV: Przysłowia, żarciki, wyrażenia stałe oraz zagadki ludu, mieszczan i zagrodowców z okolic Grodna, Sokólki, Białegostoku, Bielska, Wołkowyska, Słonima, Nowogródka, Słucka, Lidy, Wilejki, Święcian i Oszmiany. — Warszawa: Towarzystwo naukowe Warszawskie, 1935.

Gebauer J. Slovník staročesky. D. I–II. Praha: Nákladem České grafické společnosti "Unie", 1903–1916.

Kott F. Št. Česko-německý slovník zvláště grammaticko-frazeologický. Sv. I–VII. V Praze: J. Kolář, 1878–1893.

LKŽ — Lietuvių kalb*os žodynas. T. I–XX. Vilnius, 1941–2002.*

Machek[2] — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého / Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha: Academia, 1968.

Miklosich Fr. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Moszyński K. Uwagi do 3 zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego» F. Sławskiego i uzupełnienie uwag poprzednich // Język polski. R. XXXV, z. 2. Kraków. S. 112–135.

Moszyński K. Uwagi do 4 zeszytu «Słownika etymologicznego języka polskiego» F. Sławskiego // Język polski. R. XXXVI, z. 3. Kraków. S. 196–205.

Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. D. I–II. Ljubljana, 1894–1895 (= 1974).

Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der oder- und niedersorbichen Sprache. B. I–IV (L. 1–24). Bautzen: VEB Domovina-Verlag, 1978–1989.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.

Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V. Kraków: Towarzystwo Miłośników Języka Polskiego, 1952–1983.

*Smoczyńsk*i: Smoczyński W. Lietuvių kalbos etimologinis žodynas / Słownik etymologiczny języka litewskiego. Vilnius/Wilno, 2007.

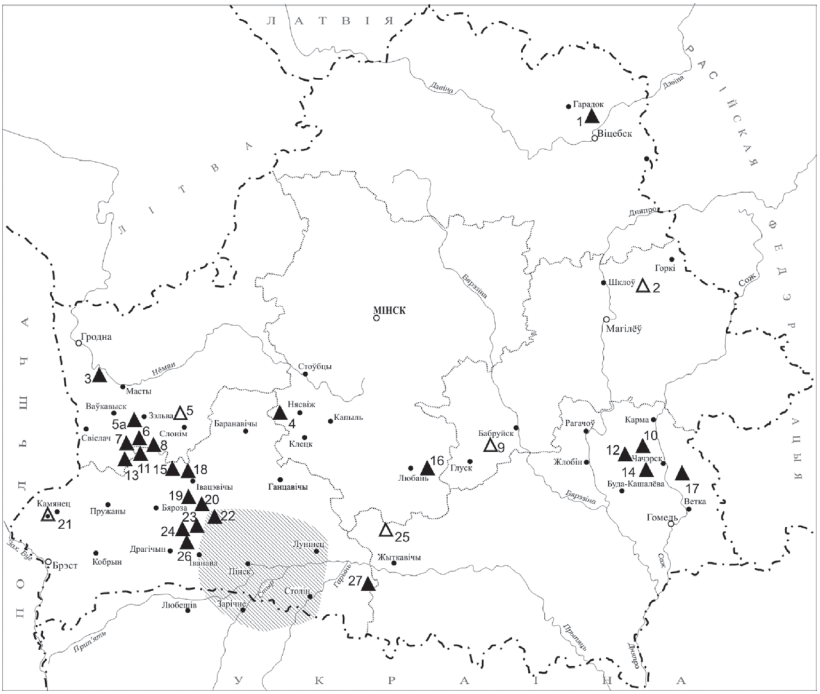
Smoczyński W. Uzupełnienia do 'Słownika etymologiczny języka

litewskiego'. Część II // Acta Linguistica Lithuanica. T. LX. Vilnius, 2009.

SP — Słownik prasłowiański / Pod. red. F. Sławskiego. T. I–VIII–. Wrocław etc.: Wyd-wo PAN, 1974–2001–.

SSJ — Slovník slovenského jazyka / Ved. red. dr. Št. Peciar. D. I–VI. Bratislava, 1959–1968.

Trautmann R. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1923.



1. Вымно Витеб. у. В.
2. Белая Дрибин. Мг.
3. Стрельцы Мост. Гр.
4. Козлы Несвиж. М.
5. Бердовичи Слоним. Гр.
5а. Безводно Зельв. Гр.
6. Верещаки Свисл. Гр.
7. Кукличи Свисл. Гр.
8. Ковалёвцы Волков. у. Гр.
9. Петровичи Бобр. Мг.
10. Широкое Чечер. Мг.
11. Лысково Пруж. Гр.
12. Меркуловичи Чечер. Мг.
13. Грушевцы Волков. у. Гр.
14. Красница Чечер. Мг.
15. Иодчики Ивац. Б.
16. Пласток Любан. М.
17. Бабичи Чечер. Мг.
18. Алексейки Ивац. Б.
19. Житлин Ивац. Б.
20. Оброво Ивац. Б.
21. Николаево, Жиличи Камен. Б.
22. Святая Воля Ивац. Б.
23. Красиевка Иван. Б.
24. Спорово Берез. Б.
25. Пуховичи Житк. Г.
26. Бездеж Дрогич. Б.
27. Лутки Стол. Б.

1) Штриховкой показан основной ареал обряда; 2) треугольником с точкой — пункты, где фиксировались ритуально-обрядовые действия, но без упоминания обрядового термина *Куст*; 3) пустым (не залитым) треугольником — «глухие» свидетельства.

Сокращения в названиях
административно-территориальных единиц

Б.	Брестская обл.	Ивац.	Ивацевичский р-н
Берез.	Березовский р-н	Камен.	Каменецкий р-н
Бобр.	Бобруйский р-н	Кобр.	Кобринский у., р-н
Бых.	Быховский р-н	Лельч.	Лельчицкий р-н
В.	Витебская губ.	Любан.	Любанский р-н
Вил.	Вилейский р-н	М.	Минская обл.
Витеб. у.	Витебский уезд	Мг.	Могилевская обл.
Волков. у.	Волковысский уезд	Мост.	Мостовский р-н
Г.	Гомельская обл.	Несвиж.	Несвижский р-н
Ганц.	Ганцевичский р-н	Пинск.	Пинский р-н
Гр.	Гродненская губ., обл.	Пруж.	Пружанский р-н
Дрибин.	Дрибинский р-н	Свисл.	Свислочский р-н
Дрогич.	Дрогичинский р-н	Слоним.	Слонимский р-н
Житк.	Житковичский р-н	Столб.	Столбцовский р-н
Зельв.	Зельвенский р-н	Стол.	Столинский р-н
Иван.	Ивановский р-н	Чечер.	Чечерский р-н

Nikolai Antropov
Yakub Kolas and Yanka Kupala Institute of Language and Literature
Center for Belarusian culture, language and literature researches of the
National Academy of Sciences of Belarus
(Belarus, Minsk)
antropov50@gmail.com

TO THE ETYMOLOGY OF THE WEST POLESIAN-BELARUSIAN RITUAL TERM “KUST”

The etymology of the ritual term “Kust” is still an unresolved problem. Attempts to associate it with the semantic field “genus” cannot be accepted as *куст* in the sense of ‘genus’ is a secondary metaphorical form on the semantic basis of the primary eastern Slavic *куст* ‘frutex’. Also, apparently, *куст* ‘frutex’ and the ritual term do not share a com-

mon source, but rather a relationship of homonymy and secondary mutual influences. The article suggests a justification for the hypothesis of the genesis of the ritual term *Кýст (Кост/Кошт/Гýст)* from the Proto-Slavic dialecticism of the South Slavic origin **gozd* ‘forest, silva’, which, together with the prototype of the rite “*vojdenije Kústa*” ‘walking of the Kyst’, was brought to the western region of eastern Slavia by the Proto-Dregovichi.

Key words: etymology, the ritual terminology, semantics, “vojdenije Kústa”, Proto-Slavic dialecticism, migrations, Dregovichi.

References

Agapkina T.A., Vinogradova L.N. [Kust]. *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar’ v 5 tomakh* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary in 5 volumes]. N.I. Tolstoy (Ed.). Vol. 3: K (Krug) — P (Perepelka). Moscow, Mejdunarodnyje Otnosheniya Publ., 2002, pp. 68–69. (In Russ.)

Anikin A.E. *Opyt slovarya leksicheskih baltizmov v russkom yazyke* [Dictionary of Lexical Baltisms in Russian]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2005.

Antropov N.P. [2013a] [Belarusian Ethnolinguistic Studies 3. *Kust* (part 1)]. *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiyu akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Ethnolinguistica Slavica. Presented to Acad. Nikita Ilyich Tolstoy on the occasion of his 90th Birthday]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 162–179. (In Russ.)

Antropov N.P. [2013 б] [“Walking of the Kýst” in the context of Belarusian — other Slavic (/non-Slavic) ethnolinguistic matches]. *XV Mezhdunarodnyi syezd slavistov. Minsk, 21–27 avgusta 2013 g.* [Paper delivered at XV International Congress of Slavists (Minsk, 20–27 August 2013)]. National Academy of Sciences of Belarus’; Belarusian Committee of Slavists. Minsk, Prava i ekanomika Publ., 2013. (In Russ.)

Antropov N.P. [2013 в] [Once Again on Semantics of Kýst]. *Mova u dzerkali osobistosti. Filologichni doslidjennya, prisvyacheni 80-richchyu profesora, akdemika NAPN Ukraïny Kononenka Vitali’ya Ivanovicha* [Language in the Mirror of Personality: Philological Essays Dedicated to Prof. Vitaly Kononenko on the occasion of his 80th Birthday]. Vasyl Stefanik Subcarpathian National University. Ivano-Frankivs’k, Misto NV Publ., 2013, pp. 105–117. (In Russ.)

Antropov N.P. [2014a] [Is Western Polessian — Belarusian ritual

term Kust juxtaposable with *koustъ (kustъ/kostъ)* of the Ipatyevskaya Chronicle?]. *Slavyanskaya duhovnaya kul'tura: etnolingvisticheskie i filologicheskie issledovaniya: K 90-letiyu akademika N. I. Tolstogo* [Slavic Spiritual Culture: Ethnolinguistic and Philological Explorations: On occasion of N. I. Tolstoy's 90th Birthday]. Frankfurt am Mein, Peter Lang, 2014 (in print). (In Russ.)

Antropov N. P. [2014 б] [*Voroziu kusty* 'I conjure the *kusty*' of an Old Russian homily, or Semantic significance of a comma]. *Slavistica Vilnensis, Kalbotyra 56*. Vilnius, 2014 (in print). (In Russ.)

Antropov N. P. [Ethnolinguistic Continuity of the Western Polessian — Belarusian ritual *Kust*]. *Belaruski fal'klor. Materyjaly i dasledavanni: Zbornik navukovyh prac* [Belarusian Folklore. Materials and Investigations]. Iss. 2, Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2015 (in print). (In Russ.)

Arhiv «Belorusskogo fol'klorno-etnolingvisticheskogo atlasa» [Archive of the Belarusian Folklore-Ethnolinguistic Atlas] (manuscript). Minsk.

Bańkowski A. *Etymologiczny słownik języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Vol. I–II, Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2000.

Baradulin R. *Vushacki slovazbor Rygora Baradulina* [Rygor Baradulin's *vushacki* Dictionary]. Comp. N. Davydzenko; preface by U. Nyaklyaeva. Minsk, Knigazbor Publ., 2013.

Bezlaj France (Ed.). *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Slovenian Etymological Dictionary]. Vol. I (1976); Vol. II (1982); Vol. III (1995), Augmented and arranged by Marko Snoj and Metka Furlan, Vol. IV (2005). Avtorji gesel France Bezlaj, Marko Snoj in Metka Furlan. Arranged by Marko Snoj in Metka Furlan. Vol. V = Kazala (2007). Edited by Marko Snoj and Simona Klemenčič. Ljubljana, Mladinska knjiga + Založba ZRC Publ., 1976–2007.

Biryla M. V., Mackevich Yu. F. (Eds.). *Mikratapanimija Belarusi* [Microtoponymy of Belarus]. Minsk, Navuka i tehnika Publ., 1974.

Bylgarski etimologichen rechnik I– [Bulgarian etymological Dictionary]. Vol. I–, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1971.

Bykowski P. [Russian Ritual Folk Songs of Pinsk Neighbourhood]. *Zbóir wiadomości do antropologii krajowej* [Collection of Data on Regional Anthropology]. Vol. II, Kraków, In the Typography of Jagellonian University, 1878, pp. 260–285. (In Pol.)

Chernych P. Ya. *Istoriko-etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [A Historical-Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vols. I–II, Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1994.

Cychun G. A. [1996] [The West Polesian Language Problem in Belarusian-Polish Language Contacts]. Cychun G. A. *Vybranyja pracy* [Selected Works]. Minsk, RIVSH Publ., 2012, pp. 223–225. (In Belarus.)

Cychun G. A. [Balcano-Slavica: Problems and Conclusions]. *Belaruskaya lingvistyka*, 2010, No. 66, pp. 7–14. (In Belarus.)

Erhart A., Havlova E., Janyškova I. (Eds.). *Etymologický slovník jazyka staroslověnského, 1–* [Etymological Dictionary of Old Church Slavic, 1–]. Vol. 1–16–, Praha – Brno, Academia + TRIBUN EU Publ., 1989–2012–.

Etimolohi'chniy slovnik ukraïns'koï movi [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. O. S. Mel'nichuk, I. K. Bilodi'd, V. T. Kolomiec', T. B. Lukinova, V. G. Sklyarenko, O. B. Tkachenko et al. (Eds.). Vols. 1–6, Kiïv, Naukova dumka Publ., 1982–2012.

Vasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Transl. from German and augm. by O. N. Trubachev. Vols. I–IV, Moscow, Progress Publ., 1964–1973 (= M., 1986–1987; 1996).

Federowski M. *Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. Tom I: Wiara, wierzenia i przesądy ludu z okolic Wołkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki* [The Belarusian People in Russian Lithuania: Materials on Slavic Ethnography Collected through 1877–1905. Vol. 1: Religion, Beliefs and Superstitions of the people in the neighborhoods of Wołkowysk, Słonim, Lida and Sokółka]. Kraków, Wyd-wo Komisyi Antropologicznej Publ., 1897; *Tom IV: Przysłowia, żarciki, wyrażenia stałe oraz zagadki ludu, mieszczan i zagrodowców z okolic Grodna, Sokólki, Białegostoku, Bielska, Wołkowyska, Słonima, Nowogródka, Słucka, Lidy, Wilejki, Święcian i Oszmiany* [Vol. IV. Proverbs, Jokes, Idioms, and Riddles of the City and Country People in the neighborhoods of Grodno, Sokółka, Białystok, Bielsk, Wołkowysk, Słonim, Nowogródek, Słuck, Lida, Wilejka, Święciany and Oszmiana]. Warszawa, Warszaw Scholarly Union Publ., 1935.

Filin F. P., Sorokoletov F. P. (Eds.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Dialects]. Eds. in chief F. P. Filin (Iss. 1–23), F. P. Sorokoletov (Iss. 24–45–. Leningrad-S.-Petersburg, Nauka Publ., 1966–2013–.

Gebauer J. *Slovník staročeský.* D. I–II [Old Czech Dictionary. Vols I–II]. Praha, Unie Publ., 1903–1916.

Gruca A. P., Paŭloŭski I. I. [From the dialectal vocabulary of the village Svataya Volya]. *Jyvoje slova* [Live Word]. Yu. F. Mackevich, I. Ya. Yashkin. (Eds.). Minsk, Navuka i tehnika Publ., 1978, pp. 29–33. (In Belarus.)

Jelehovs'kiy E., Nedil'skiy S. *Malorusko-nimeckiy slovar* [Ukrainian-German Dictionary]. Vol. I–II, L'viv, Shevchenko Comradeship's printing house, 1886.

Kojedub A. [The Belarusians: Legitimation in World History (A Writer's Notes)]. *Rus' — Litva — Belarus': Problemy nacional'nogo samosoznaniya v istoriografii i kul'turologii. Po materialam Mejdunarodnoy nauchnoy konferencii, posvyaschennoy 90-letiyu so dnya rojdeniya N. N. Ulashchika* [Rus' — Lithuania — Belarus': Issues of National Self-Consciousness in Historiography and Culture Studies. Proceedings of the International Conference dedicated to N. N. Ulaschik's 90th Anniversary]. Moscow, Nasledie Publ., 1997, pp. 172–179. (In Russ.)

Kott F. Št. *Česko-německý slovník zvláště grammaticko-frazeologický* [Czech-German Dictionary with Special Focus on Grammar and Phraseology]. Iss. I–VII, Prague, J. Kolář Publ., 1878–1893.

Koval'ova R. M. *Belorusskie kustovyje pesni* [Belarusian *kust* Folk Songs]. Thethes of PhD, Minsk, 1976.

Koval'ova R. M. ["A *kustovaya* song…"]. *Vostochnoslavyanskiy fol'klor: Slovar' nauchnoy i narodnoy terminologii* [East Slavic Folklore: Dictionary of Scholarly and Folk Terminology]. K. P. Kabashnikov (Ed.) et al. Minsk, Navuka i tehnika Publ., 1993, pp. 218–219. (In Russ.)

Koval'ova R. M. ["Walking" of the *Kust*]. Fal'klarystychnyja dasledavanni. Kantekst. Typalogija. Suvyazi: zbornik artykulaŭ. Iss. 7 [Explorations in Folklore. Context. Typology. Links: collected papers]. R. M. Kavalëva, V. V. Pryjemko (Eds.). Minsk, RIVSH Publ., 2010, pp. 342–344. (In Belarus.)

Koval'ova R. M. *Lakal'na-regiyanal'nyja paradygmy belaruskaga fal'kloru… U 3 ch. Ch. 1. Zahodnepaleskija kustavyja pesni* [A Local-Regional Paradigm of Belarusian Folklore: In 3 parts. Part 1: Western Polessian kust Songs]. Minsk, Publ. of Belarus State University, 2008.

Koval'ova R. M. [Local-Regional Paradigms of Belarusian Year-Round Ritual Practices and Principles of Study Thereof: The Case of

Western Polessian “Walking of the Kyst” Ritual Complex]. *Belorusy v Sibiri: sohranenie i transformacii etnicheskoy kul’tury* [The Belarusians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture]. E. F. Fursova (Ed.). Novosibirsk, Institute for Archeology and Ethnography of RAS Siberian Department, 2011, pp. 133–150. (In Russ.)

Kozenka M. A. [2000] [Year-Round Traditions in Chachershchyna: spring — summer]. *Hto, kali ne ya…: Da 60-goddzya Mikoly Kozenki* [Who if not me…: On the Occasion of Mikola Kozenko’s 60th Birthday]. Arr. V. V. Kalacey. Minsk, Chatyry chverci Publ., 2011, pp. 62–78. (In Belarus.)

Kryvicki A. A., Cychun G. A., Yashkin I. Ya., Michaylaŭ P. A., Truhan T. M. (Comp.). *Turaŭski sloŭnik* [Turovo Dictionary]. Vol. 1–5, Minsk, Navuka i tekhnika, 1982–1987.

Kuharonak T. [Summer-Autumn Cycle of Year-Round Rites in Byarozaŭski area, Brest region, Belarus]. *Belaruski fal’klor: Materyjaly i dasledavanni* [Belarusian Folklore: Materials and Investigations]. T. V. Valodzina (Ed. in chief). Iss. 1, Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2014, pp. 365–377. (In Belarus.)

Kurkina L. V. *Dialektnaya struktura praslavyanskogo yazyka po dannym yujnoslavyanskoy leksiki* [Proto-Slavic Dialect Structure as Attested by South Slavic Lexical Evidence]. Ljubljana, Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1992. (Dela/Slovenska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede = Opera/Academia scientarum et artium Slovenica. Classis II: Philologia et litterae; 38).

Kurkina L. V. *Kul’tura podsechno-ognevogo zemledeliya v zerkale yazyka* [Slash-and-burn Agricultural Practices Reflected in Language]. Moscow, Azbukovnik Publishing Centre, 2011.

Leksichný atlas belaruskih narodnyh gavorak. U pyaci tamah [Lexical Atlas of Belarusian Dialects. In 5 volumes]. M. V. Birylo, Yu. F. Mackevich et al. (Eds.). Vols. 1–5, Minsk, Minsk’s Belgeadezija Factory of Cartography, DP «Minskaya drukarskaya fabryka» Publ., 1993–1998.

Lietuvių kalbos žodynas. [Dictionary of the Lithuanian Language]. Vols. I–XX, Vilnius, 1941–2002.

Machek V. *Etymologicky slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of the Czech Language]. Praha, Academia Publ., 1968.

Martynaŭ V. U., Cychun G. A. (Eds.) *Etymalagichny sloŭnik*

belaruskay movy [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Eds.: V. U. Martynaŭ (Vols. 1–8), G. A. Cychun (Vols. 9–13). Vol. 1–13–, Minsk, 1978–2010–.

Merkulova V.A. [Dialectal Vocabulary and Etymology]. *Etimologicheskie issledovaniya. Iss. 6: Materialy I–II nauchnyh soveschaniy po russkoy dialektnoy etimologii* [Research in Etymology. Issue 6: Materials of the 1st and the 2nd colloquia on Russian Dialectal Etymology]. Ekaterinburg, 1996, pp. 18–26. (In Russ.)

Miklosich Fr. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Wien, 1886.

Moszyński K. [Notes to Volume 3 of the Etymological Dictionary of the Polish Language with additions to previous notes]. *Język polski,* 1955, Vol. XXXV, Iss. 2. Kraków, pp. 112–135. (In Pol.)

Moszyński K. [Notes to Volume 4 of the Etymological Dictionary of the Polish Language]. *Język polski,* 1956, Vol. XXXVI, Iss. 3. Kraków, pp. 196–205. (In Pol.)

Nikolaev S. L., Ter-Avanesova A. V., Tolstaya M. N. [Semantic Reconstruction and Lexical Typology]. *Slavyanskoe yazykoznanie. XV Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov. Minsk, 21–27 avgusta 2013 g. Doklady rossiiskoi delegatsii* [Slavis Linguistics. 5th International Congress of Slavists. Minsk, August 21–27 2013. Talks delievered by the Russian delegates]. A. M. Moldovan, S. M. Tolstaya (Eds.). Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 99–140. (In Russ.)

Ossovecky I. A. (Ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo rayona Ryazanskoy oblasti)* [Deulino Dictionary: A Dictionary of a contemporary Russian dialect (of the village Deulino, Ryazan' district, Ryazan' region)]. Moscow, Nauka Publ., 1969.

Panikarovskaya T. G. (Ed.). *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of Vologda Dialects]. Iss. 1–12, Vologda, 1983–2007.

Pleteršnik M. *Slovensko-nemški slovar* [Slovenian-German Dictionary]. Vols. I–II, Ljubljana, 1894–1895 (= 1974).

Podlujnyj A. I. (Ed.). *Obshcheslavyanskiy lingvisticheskiy atlas. Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya. Rastitel'nyj mir* [Common Slavic Linguistic Atlas. Series Vocabulary and Word Formation. Plant World]. International Committee of Slavists, Common Slavic Linguistic Atlas Commission. Iss. 3, Belarus National Academy of Sciences, Ya. Kolas Institute of Language Studies. Minsk, Minsk Printing House, 2000.

Polesskiy arhiv Otdela etnolingvistiki i fol'klora Instituta slavyanovedeniya [The Polessie Archive of Institute of Slavic Studies' Department of Ethnolinguistics and Folklore]. Russian Academy of Sciences, Moscow.

Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi [Pskov Regional Dictionary With Historical Data]. B. A. Larin, A. S. Gerd, S. M. Gluskina et al. (Eds.). Iss. 1–22–, Leningrad-S.-Petersburg, Publ. of Saint Petersburg University, 1967–2011–.

Ragovich U. I. *Pesenny fal'klor Palessja: U 3-h t. Tom 1. Pesni svyatochnaga kalendara* [Polessian Song Folklore: In 3 vols. Vol. 1: Songs of the Twelve Christmas Days]. Minsk, Chatyry chverci Publ., 2001.

Rechnik srpskohrvatskog knijevnog i narodnog jezika [Dictionary of the Serbian-Croatian Literary and Popular Language]. Vols. 1–18–, Belgrade, Serbian Academy of Arts and Sciences, 1959–2010–.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika [Dictionary of the Croatian, or Serbian, Language]. Zagreb, South Slavic Academy of Arts and Sciences, 1880–1976.

Romanov E. R. (Ed.). *Materialy po etnografii Grodnenskoy gubernii* [Materials on Grodno Regional Ethnography]. Issue 1, Vilna, Typography «Russkiy pochin», 1911.

Schuster-Šewc H. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der oder- und niedersorbichen Sprache* [Historical-Etymological Dictionary of Upper and Lower Sorbian]. Vols. I–IV (L. 1–24), Bautzen, VEB Domovina Publ., 1978–1989.

Sharaya O. N. *Cennostno-normativnaya priroda pochitaniya predkov* [Axiologic and Normative Origins of Piety for Ancestors]. Minsk, Tehnalogiya Publ., 2002.

Sharaya V. M. [*Kust. Kust* Folk Songs]. *Belaruski fal'klor* [Belarusian Folklore]. Encyclopedia. In 2 vols. Vol. 1: A kapela — Kuccya, Eds: G. P. Pashkoŭ et al. Minsk, Belaruskaya Encyklapedyja Publ., 2005, pp. 761–764. (In Belarus.)

Sharaya V. M. [*Kust*]. *Mifalogija belarusaŭ: Encyklapedychny sloŭni'k* [Belarusian Mythology: An Encyclopedia]. I. Klimkovich, V. Aŭtushka (Comp.); T. Valodzina, S. San'ko (Eds.). Minsk, Belarus', 2011, pp. 265–267. (In Belarus.)

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika.* [Etymological Dictionary of the Croatian, or Serbian, Language]. Vol. I–IV, Zagreb, South Slavic Academy of Arts and Sciences Publ., 1971–1974.

Sławski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Vols. I–V, Kraków, Association of Polish Language Enthusiasts, 1952–1983.

Sławsky F. (Ed.). *Słownik prasłowiański* [Proto-Slavic Dictionary]. Vol. I–VIII–, Wrocław etc., Publ. of Polish Academy of Sciences, 1974–2001–.

Sloŭnik belaruskih gavorak paŭnochna-zahodnyay Belarusi i yae pagranichcha [Dictionary of Belarusian Dialects of North-Western Belarus and adjacent regions]. Arr.: Yu. F. Mackevich, A. I. Grynaveckene, Ya. M. Ramanovi'ch, A. I. Chabyaruk, F. D. Klimchuk et al. Vols. 1–5, Minsk, Navuka i tehnika Publ., 1978–1986.

Smoczyński W. *Lietuvių kalbos etimologinis žodynas. Słownik etymologiczny języka litewskiego* [Lithuanian Etymological Dictionary]. Vilnius-Wilno, 2007.

Smoczyński W. *Uzupełnienia do 'Słownika etymologiczny języka litewskiego'. Część II* [Additions to Lithuanian Etymological Dictionary. Part II]. Acta Linguistica Lithuanica, Vol. LX, Vilnius, 2009.

Sobolevskiy A. I. [On the history of Russian Vocabulary: Concerning the newest issues of E. Berneker's and A. Preobrajensky's etymological dictionaries]. *Russkiy filologicheskiy vestnik*, Vol. 70, Iss. 1, No. 3–4, Varshava, 1913, pp. 77–99. (In Russ.)

Št. Peciar (Ed.). *Slovník slovenského jazyka* [Dictionary of the Slovak Language]. Parts. I–VI, Bratislava, 1959–1968.

Tolstoy N. I. *Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya. Semasiologicheskie etyudy* [Slavic Geographic Terms. Studies in Semaseology]. Moscow, Nauka Publ., 1969.

Tolstoy N. I., Tolstaya S. M. [1978a] [On reconstruction of Early Slavic spiritual culture (linguistic-ethnographic aspects)]. *VIII Mezhdunarodnyi syezd slavistov <...>: Doklady sovetskoi delegatsii* [VIII International Congress of Slavists <…> Papers by members of the Soviet delegation]. Editors: Acad. V. I. Borkovskiy [et al.]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 364–385. (In Russ.)

Tolstoy N. I., Tolstaya S. M. [1978b] [Notes on Slavic Paganism. 2. Invocation of Rain in Polesje]. *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor: Genezis. Arhaika. Tradicii* [Slavic and Balkanic Folklore: Genesis. Archaics. Tradition]. I. M. Sheptunov (Ed. in chief). Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 95–130. (In Russ.)

Trautmann R. *Baltisch-slavisches Wörterbuch* [Baltic-Slavic Dictionary]. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 1923.

Trubachev O. N. [1981] [Controversial Balto-Slavic Etymologies: Lith. kúokštas ‘bush’ ≠ Proto-Slavic **kust* ‘id.’]. Trubachev O. N. *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul’tura* [Works on Etymology: Word. History. Culture]. Vol. 2, Moscow, Yazyki slavyanskih kul’tur Publ., 2004, pp. 323–326. (In Russ.)

Trubachev O. N. [Early Slavic Ethnonyms as Eyewitnesses of Slavic Migration]. *Voprosy jazykoznaniya,* 1974, No. 6, pp. 48–67. (In Russ.)

Trubachev O. N. *Etnogenez i kul’tura drevneyshih slavyan: Lingvisticheskie issledovaniya* [Ethnogenesis and Culture of the Earliest Slavs: Linguistic Explorations]. Moscow, Nauka Publ., 2003.

Trubachev O. N., Juravlev A. F. (Eds.). *Etimologicheskiy slovar’ slavyanskih yazykov* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Eds. O. N. Trubachev (Iss. 1–31), A. F. Juravlev (Iss. 32–39). Iss. 1–39–, Moscow, Nauka Publ., 1974–2014–.

Valodzina T. V., Kuharonak T. I., Smirnova I. Yu. [Year-Round Festivals, Customs and Rites: Rusalny Today]. *Tradycyjnaya mastackaya kul’tura belarusaŭ* [Traditional Belarusian Arts]. In 5 vols. Vol. 5. Gomel’skae Palesse i Padnyaproŭe. In 2 books. Book 1. Idea and edition by T. B. Varfalamejeva. Minsk, Vysheyshaya shkola Publ., 2012, pp. 243–246. (In Belarus.)

Vasil’jev V. L. [Slavic Colonization of the Russian North-West in the light of Onomastics]. *Slavyanskoe yazykoznanie. XV Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov* [Slavic Linguistics. XV International Congress of Slavists]. Minsk, 21–27 August 2013. A. M. Moldovan, S. M. Tolstaya (Eds.). Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 17–35. (In Russ.)

Vesnavyja pesni [Spring Songs]. Arranged by: G. A. Bartashevich, L. M. Salavej; the part on music arranged V. I. Yalataŭ; volume editor K. P. Kabashnikaŭ. Minsk, Navuka i tehnika Publ., 1979, pp. 208–214. (Belarusian Folklore. BSSR Academy of Sciences, Institute for Art Studies, Ethnography and Folklore).

Voytovich V. [*Kust*]. Voytovich V. *Ukraïns’ka mifologija* [Ukrainian Mythology]. 2nd ed., stereotyp. Kiïv, Lybid’ Publ., 2005, pp. 267–268. (In Ukr.)

Yankova T. S. *Dyjalektny sloŭni'k Loeŭshchyny* [Loeŭschina Dialectal Dictionary]. Minsk, Navuka i tehnika Publ., 1982.

А. М. Белов
МГУ имени М. В. Ломоносова;
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
indogermanica@yandex.ru

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЕ *οὖθαρ* 'ВЫМЯ' КАК ПРОСОДИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА[1]

Памяти В. Ер.

Греческое слово *οὖθαρ* 'вымя' рассматривается в литературе как важнейший источник для реконструкции аблаутного чередования в этом индоевропейском слове. В работе показано, что имеется и другой способ объяснить тембр *ou* в этом слове — через конфликт правила о начальной придыхательности с законом Грассманна. Предложенное объяснение подвергает сомнению мысль об аблаутном чередовании в этом слове.

Ключевые слова: индоевропейские чередования, придыхание, просодия, закон Грассманна.

Индоевропейское слово со значением 'вымя', относящееся к хорошо сохранившимся в языках-потомках примерам основной индоевропейской лексики, имеет надежно установленные когнаты во многих индоевропейских языках [См. Boisacq: 726, Frisk: 442; Beekes: 1124; Хэмп: 263 и др.]. Тем не менее, несмотря на значительное число когнатов, реконструкция раннегреческого — и, соответственно, индоевропейского — облика этого слова сталкивается с рядом фундаментальных затруднений; одним из них является неравномерность сохранения тембра корневого гласного в языках-потомках.

[1] Исследование проведено в рамках Гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых № МД-6027.2014.6.

Так, в подавляющем большинстве случаев этот корень в индоевропейских языках представлен долгим гласным *ū*: рус. *вымя* (< пра-б.-слав. *ūd-men* [Хэмп: 266][1]), лат. *ūber* (и существительное, и прилагательное 'плодородный'), санскр. *ūdhar* (gen. *-nas*), лит. *ūdróti* 'давать молоко', др.-англ. *ūder* (совр. англ. *udder*), д.-в.-н. *ūter*. Все эти случаи (и ряд других подобных реликтов) заставляют нас реконструировать для прасостояния форму с долгим начальным **ū* (например, **ūdher*, как это предложено в [Семереньи: 70]) или с начальной последовательностью **uH* (в ларингальной модели).

С другой стороны, имеются языки, в которых исследуемый корень представлен в ином тембре. Это, во-первых, исследуемый греческий когнат *οὖθαρ*, а во-вторых, некоторые формы германских языков: др.-исл. *jugr*, др.-фриз. *jāder*, др.-сакс. *geder*, ср.-н.-нем. *jed(d)er* [Frisk: 442-443; Хэмп: 266; Beekes: 1124]; все эти германские формы указывают на доисторическое начальное **eu* — однако, как отмечает Хэмп, «они конкурируют с другими формами на *ū*- [de Vries: 294; Falk & Torp: 1410]» и потому «представляется предпочтительным рассматривать эти ограниченные и отклоняющиеся формы с *eu*- как вторичные инновации» [Хэмп: 266]. С последним утверждением не соглашается Р. Бекес [Beekes: 1124], утверждая, что «in the Germanic forms with initial **e- are* not secondary», но, к сожалению, не приводит этому вообще никаких аргументов.

Отсюда получается интересная картина: если мы вслед за Хэмпом признаем вторичность германских форм, то греческое *οὖθαρ* окажется фактически единственным эмпирическим аргументом, заставляющим нас реконструировать что-то отличное от *ū- (uH-)* в начале общеиндоевропейской праформы. При этом тембр **ou*- в раннегреческом ни у кого из исследователей сомнений не вызывает. Соответственно, Хэмп оказывается вынужден говорить о гетероклизе с чередованием **ū*/**ōu* («поскольку это единственное действительно возможное чередование»), которое, в свою очередь, подводит его к праязыковым реконструкциям

[1] Надо оговорить, что в славянском имеется возможность увидеть этот корень в словах *у́дить* (или *у́деть*) 'набухать' [Хэмп: 264 со ссылками на Walde-Hofmann: II, 739 и Фасмер: I, 368-369] и даже *уд* 'член' [Хэмп: 265 со ссылкой на Jakobson: 273], что будет свидетельствовать о его возможном аблауте (т. к. *у*- в этих словах разумно объяснять из монофтонгизации). Но сам же Хэмп [Хэмп: 267] признает эти сближения «неясными».

$*oH_oudr$ < $*eH_oudhr$ или
$*H_ooHudr$ < $*H_oeHudhr$ (sic, для ненулевой ступени) и

$*uH_odhn$- или
$*H_ouHdhn$- (для нулевой) [Хэмп: 267].[1]

Похожую картину реконструирует и Э. Зилер [Sihler: 301], принимая существование аблаута, который, однако, представляется ему «obsure in detail». По Зилеру, полная ступень должна выглядеть как *$*ewH̥dher$*, а нулевая — как *$*uHdher$*; слово рассматривается в п. 290.2, который озаглавлен «Nom. /acc. *-*er* (? that is -*ér*)».

Еще дальше идет Р. Бекес, признающий первичность германских форм этого слова с аблаутом. Его реконструкция выглядит, по меньшей мере, впечатляюще.

$*h_1e/ou(H)d^h$-r/n- [Beekes: 1124]

Центральный ларингал, который стоит в скобках (на правильном месте), должен, по замыслу Бекеса, выпадать бесследно, повинуясь т. н. «эффекту Соссюра», в ларингальных категориях изложенному самим же Р. Бекесом[2]; аблаут представлен всеми тремя ступенями уже в индоевропейском, начальный ларингал, как и во многих других работах этого направления, реконструирован по априорным теоретическим соображениям (ср. с вариантами Хэмпа).

Бесспорным достоинством реконструкции Бекеса является то, что она учитывает все — мыслимые и немыслимые — возможности для данного слова; этим она сходна с предложенными в свое время Фриском и Фасмером [loc. cit.], но выполнена в более «современных» ларингальных декорациях. Однако соглашусь с Э. Хэмпом

[1] Если реконструкции нулевых ступеней еще оставляют хотя бы теоретическую возможность их существования, то реконструкции ненулевых выглядят известным образом сомнительными, поскольку интервокальный ларингал, кажется, должен был бы выпасть, не оставив по себе никаких следов. Кроме того, не очень понятно, как из таких форм получить приведенные нулевые ступени (с ларингалом после *-*u*-). Возможно, мы имеем дело с досадной опечаткой в тексте статьи.

[2] Beekes 1969: 238-242]. Подробнее об этом [Nussbaum 1997: 182], который дает более простую реконструкцию *$h_1ou(H)dh$-* для греческого корня и *$h_1u(H)dh$.* для санскритского и т.п.

[263] в той мысли, что отнесение максимума сложности к праязыковому уровню есть свидетельство недостаточной критичности метода. Но имеются ли другие, более компактные способы описания истории этого слова? В этой заметке зададимся лишь одним вопросом: возможно ли объяснение отличного тембра у раннегреческого слова без обращения к индоевропейскому аблауту? И, как кажется, такое объяснение возможно.

Эту возможность открывает нам тот, к сожалению, не общеизвестный факт, что закон Грассманна в древнегреческом с одинаковым успехом действовал как в случае со слогоначальными согласными, так и с гласными, которые должны были иметь густое придыхание. В греческом языке мы обнаруживаем достаточно примеров такого рода, когда начальный гласный не получал густого придыхания вопреки своей индоевропейской предыстории, если ему последовал (по крайней мере, в следующем слоге) придыхательный согласный; но он получал его тогда, когда этот придыхательный по каким-то причинам устранялся.

Так, *ἔχω* 'имею' происходит из **ἕχω* (<**segh-*); при этом начальный *s- отчетливо виден из формы *ἔσχον* 'я имел' или из густого придыхания в fut. *ἕξω* 'буду иметь'; аналогична история и в случае с *ἦθος* 'нрав' < **ἥθος*, cf. lat. *con-suētus* 'привыкший', где густое придыхание должно было бы возникнуть из упрощения начального **sw-* (ср. *ἑκυρά* при рус. *свекровь*). Примеры такого рода можно легко умножить. Поскольку придыхание в греческом возможно рассматривать как дифференциальный признак согласной фонемы, но сомнительно считать таковым для гласной фонемы, это переводит проблему придыхания в греческом из традиционно фонемных в разряд «автосегментных» или, что почти то же самое, просодических случаев. Представляется возможным рассматривать в подобном ключе и многие другие случаи взаимодействия придыхательных гласных и согласных в греческом[1].

Этот, казалось бы, вполне отдельный сюжет приобретает совершенно иное звучание, когда мы вспоминаем еще и о том факте, что все древнегреческие слова, начинающиеся с *υ-* (как [ȳ], так и [ў]), автоматически получали густое придыхание; но именно *υ-* есть закономерное отражение и.-е. *u в греческом. Так, например, *ὕδωρ*

[1] Подробности и анализ ряда других примеров см. в [Belov 2013 (f.c.)]. Там же приводятся примеры в пользу просодической трактовки древнегреческого придыхания.

'вода' получило придыхание именно поэтому, т. к. индоевропейская праформа **uodr*/**udn* [Хэмп: 267] не содержала в себе ни **s*, ни **sw*, ни **y*[1]. Отсюда мы понимаем, что в случае, если прагреческая форма 'вымени' начиналась с **ūdh*-, в ней с неизбежностью должен был бы случиться конфликт двух фонологических правил: ни одно греческое слово не может начинаться с *υ*-, т. к. должно возникнуть придыхание, — но его возникновение здесь невозможно, т. к. оно противоречит закону Грассманна. Возможным выходом из этого замкнутого круга видится *непереход* **ū* в *ȳ* и, соответственно, сохранение старого [*ū*], которое в ионийско-аттическом диалекте будет отображаться на письме как *ου*: ср. написание дорийского *τούχα* (= ион. *τύχη*) 'судьба, удача'. Ровно в таком же виде встречается и наше слово, например, у Феокрита [8, 42; 8, 69], диалект которого обыкновенно определяется как дорийский.

Отсюда получается, что древнегреческое 'вымя', известное нам в написании *οὖθαρ*, строго говоря, не доказывает существование тембровой ступени аблаута в этом корне в раннегреческом. А поскольку это греческое слово при определенном угле зрения можно рассматривать как единственный аргумент в пользу праязыкового аблаута (т. к. германские формы выглядят, правда, вторичными), то это означает, что у нас нет достаточных оснований предполагать для этого слова полную или тембровую ступень в индоевропейском праязыке. Реконструкция его корня **ūdh*- (или, что то же самое, **uHdh*- в ларингальной модели) представляется мне наиболее согласующейся с известными фактами.

Литература

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М.: Прогресс, 1980. 394 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Прогресс, 1964.

Хэмп Э. Miscellanea // Этимология 1970. М.: Наука, 1972. С. 263–271.

Beekes R. Etymological Dictionary of Greek. Leiden; Boston: Brill, 2010. 1808 с.

[1] Начальное *w (ранн.-гр. F) вопреки распространенному мнению густого придыхания в нормальном случае не создает.

Beekes R. The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek. The Hague; Paris: Mouton, 1969. 324 с.

Belov A. 2013 (f.c.) Some phonological remarks on the Bulgarian 'etymological softness' and the 'rough breathing' of Old Greek // Материали на III международен конгрес по българистика (23-26 май 2013). София (forthcoming).

Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg; Paris, 1916. 1123 с.

Falk H. & *Torp A*. Norwegisch-dänisch etymologisches Wörterbuch. II. Heidelberg, 1911.

Frisk H. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I-II. Heidelberg: Winter, 1960/1972.

Jakobson R. Marginalia to Vasmer's Russian Etymological Dictionary // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. I-II (1959): 266-278.

Nussbaum A. The «Saussure Effect» in Latin and Italic // Lubotsky (ed.). Sound Law and Analogy. Papers in honour of Robert S. P. Beekes on the occasion of his 60th birthday. Leiden Studies in Indo-European. Vol. IX. Rodopi, 1997. P. 181-203.

Sihler, A. New Comparative Grammar of Greek and Latin. New York; Oxford: Oxford University Press, 1995. 686 p.

de Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1957–1961. 689 с.

Walde A. & Hofmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Bd I-II. Heidelberg, 1938–1954.

Alexius M. Belov
Moscow State University;
Institute of linguistics RAS
(Russia, Moscow)
indogermanica@yandex.ru

GREEK *οὖθαρ* 'UDDER' AS A PROSODIC PROBLEM

It is generally accepted that Greek *οὖθαρ* 'udder' is the most reliable evidence for a prehistorical ablaut in this word: the timble *ou* is generally regarded as missing clear explanation in the system of

Greek and thus inherited from PIE, whereas the well-known apophony of this root in German languages could be considered as secondary. So it is the Greek form, which makes the PIE reconstruction for this word really complicated. Here I show that the *ou* timbre could have a different explanation as the specific consequence of two phonological rules clashing in early Greek — the Grassmann's rule and the rule of initial aspiration in **u*. This explanation makes the PIE apophony in this word questionable, but the word becomes an evidence for prosodic nature of the 'rough breathing' in early Greek.

Key words: PIE Ablaut, aspiration, prosody, Grassman's law.

References

Beekes R. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden; Boston, Brill, 2010. 1808 p.

Beekes R. *The Development of the Proto-Indo-European Laryngeals in Greek*. The Hague; Paris, Mouton, 1969. 324 p.

Belov A. Some phonological remarks on the Bulgarian 'etymological softness' and the 'rough breathing' of Old Greek. *Materiali na III mezhdunaroden kongres po bylgaristika 23-26 mai 2013* [Papers of the III International Congress on Bulgaristics (Sofia, 23-26 May 2013)] (forthcoming).

Boisacq E. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque* [Etymological Dictionary of Greek]. Heidelberg; Paris, 1916. 1123 p.

Falk H., Torp A. *Norwegisch-dänisch etymologisches Wörterbuch* [Norwegian-Danish Etymological Dictionary]. Vol. II, Heidelberg, 1911.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I, M., Progress Publ., 1964.

Frisk H. *Griechisches Etymologisches Wörterbuch* [Greek Etymological Dictionary]. Vol. I-II, Heidelberg, Winter, 1960/1972.

Hamp E. [Miscellanea]. *Etimologiya 1970* [Etymology 1970]. M., Nauka Publ., 1972. 404 p. (In Russ.)

Jakobson R. Marginalia to Vasmer's Russian Etymological Dictionary. *International Journal of Slavic Linguistics and Poetica*, Iss. I-II, 1959, pp. 266–278.

Nussbaum A. The «Saussure Effect» in Latin and Italic. *Sound Law and Analogy. Papers in honour of Robert S. P. Beekes on the occasion of*

his 60th birthday. A. Lubotsky (Ed.). Leiden Studies in Indo-European. Vol. IX, Rodopi, 1997, pp. 181–203.

Semerenyi O. *Vvedenie v sravnitel'noe yazykoznanie* [An Introduction to Indo-European Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1980. 394 p.

Sihler, A. *New Comparative Grammar of Greek and Latin.* New York; Oxford: Oxford University Press, 1995. 686 p.

de Vries, J. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch* [Old Norse Etymological Dictionary]. Leiden, 1957–1961. 689 p.

Walde A. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch* [Latin Etymological Dictionary]. 3rd, revised edition by Hofmann J. B. Vols. 1–2, Heidelberg, 1938–1954.

М. Н. Белова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
madam-mn.belova@yandex.ru

ПТИЦА *ПАТИЦА* В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ[1]

В работе рассматривается представленное исключительно в южнославянских языках наименование водоплавающей птицы *пат, патка, пате, патица* 'утка, гусь' и других производных. Обычно корень в этих словах возводится к общеславянскому *ръt-*, при этом гласный *а* вместо ъ — неясного происхождения. Кроме того, тот же корень встречается в восточно-, реже западнославянском названии другой птицы — 'куропатки'. В данном исследовании обобщаются уже существующие попытки объяснения корневого гласного, а также осуществляется попытка усмотреть тюркское влияние на корневой гласный во множестве однокоренных слов с корнем *pat-/pač-* в болгарском, македонском, сербском и хорватском языках.

Ключевые слова: славянская этимология, южнославянские языки, контаминация, иноязычное влияние.

В южнославянских языках представлена целая группа образований с корнем *pat-* для обозначения водоплавающей птицы (утки, реже гуся). Наибольшее число производных фиксируется болгарскими словарями, как современного литературного языка, так и диалектной, а также устаревшей лексики. Первичное *пат* 'селезень' представлено ограниченно, с пометами устар. диал., от него образованы производные *патóк*, а также диал. *патáк, патарáк, патарáн, патарóк* [РБЕ 12], *пáтар, пáтър, пáтор, пáтур* [ЕтР], *патôр* [Стой-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 13-04-00221 «Сравнительно-исторические подходы в лексикологии и семантике. Славянская праязыковая лексикография: Теория и практика».

чев БД II], *патаро́къ* [Геров] с тем же значением. Последнему в словаре В. Герова даются соответствия *мѫжска гѫска, патак, патуръ, гѫсарь, манекъ, шаторъ*, т. е. слову присваивается два основных значения 'селезень' и 'гусь'. Те же два значения автор выделяет для *па́туръ*. В ряде диалектов слово *пато́к* также имеет значение 'гусь, гусак' (Твардица, Молдавия) [ЕтР]. Структурно наиболее простое соответствие ж. р. находим в словаре Г. Дьяченко, отражающем церковно-славянскую лексику XI-XVIII вв.: **пата** ‘утка’, без указания, однако, на источник(и), а следовательно, не определённое по времени. В словаре Герова встречаем производные *па́тка* (два первых значения 'утка'[1] болг. ‘птица пайка’ и ‘гусыня’ Anser, *гѫска*), *па́тица, па́тичка, па́тчица*; ср. также диал. *пачура́нка* (Софийско) [ЕтР], возводимое авторами «Болгарского этимологического словаря» к варианту корня *пач-*, в притяжательном прилагательном, без указания на словообразовательный формант. Для обозначения детёныша, птенца фиксируются слова *па́те, па́тенце* (РБЕ), *патя́, пате́нце* [Геров], *пате́* [Шапкарев-Близнев БД III], *пато́че, па́тенче* (Банат) [ЕтР] со значением 'гусёнок'. Диал. *кри́во па́те* — 'нырок', 'Podiceos', болг. *гмурок, потапник* [ЕтР]. Притяжательное прил. 'утиный, относящийся к утке' в современном болгарском языке имеет форму *па́тешки* (вар. *па́течки* (Самоков) [ЕтР]), в словаре Герова кроме *па́тешкый* представлено *па́чий* из *пат-чий*. В диалектах встречаются оба прилагательных, при этом зачастую они входят в состав сложных фразеологических наименований растений, грибов, узоров на одежде и пр., ср. *па́тешки крака́* 'узор на скатерти', 'узор по рукавам женской рубахи', *па́ча трева́* для обозначения различных растений в диалектах, иногда более общее 'сорняк', *па́че перо́* 'гусиное перо (для письма)', *па́чи кра́к* — различные виды растений, 'жёлтый гриб', 'узор по низу рубахи', 'сапожнический инструмент', 'вид игры', *па́чи пели́н, па́чи пера́* и пр. (подробнее см. ЕтР, Геров). Другие производные прилалагельные — *па́чен, па́тичен, па́тичиньо.*

Кроме болгарского языка, обозначение птицы 'утки', содержащее корень *pat-*, представлено в македонском, сербском и хорватском языках: макед. *паток, патор, паторок* 'селезень'; *патица, патка*, *пајка* [Макед.-русск. словарь; Кон.; Иллич-Свитыч]. Сербо-хорват-

[1] Слова *утка* и *утица* с пометой диал. регистрирует РРОДД с иным, однако, значением 'сыч, мелкая совка', болг. *кукумявка*. Македонск. *утка* 'сова' (макед. 'sova, utina, kukuvija') [Кон.: 451].

ский материал дает отмеченное пока только в словаре Дьяченко *пáта* ж. р. с пояснением «хип. од патка», само слово *пàтка* с пояснением *пајка*, деминутив *пàткица, пàчица* (*рàčiса*). Меньше производных для обозначения самца и детёныша: *патак* (*pátak*), *рàčinac* 'селезень' и *пàче* (*рàče*), *пàчић* демин. 'утенок' [Речник ср.кн.; Benešić]. При этом в сербском и хорватском языках широко представлены производные с этим корнем: прил. *пàткаст* 'похожий на утку, как у утки', *пàткин* 'относящийся к утке', *пàтков* 'то же', *пàчји* в выражении *бити пачје памети* 'быть умственно ограниченным'; гл. *патàкати* 'сильно подавать голос (об утках)'; сущ., все с вариантом корня *рач-*: *пàчар* 'вид орла, который ловит уток', *пàчевина* 'утиный помёт', *пàчетина* 'мясо утки', *пàчињак* 'клетка для уток'.

Тот же корень *pat-* в качестве первого компонента словосложения для обозначения птицы из отряда куриных встречается в восточнославянских, а также в ряде западнославянских языков. Рус. литературное название этой птицы — *куропатка*. В словаре В. Даля для обозначения птицы *Perdix cineria* указаны *кýропать* сев., *куропáшка* вост., *куропáтва* сиб., *куроптáха, куроптáшка* пск. твр., *куропя́* юж., *курóхта* кур. *куропáтка* ж. Как видно, лишь в четырёх случаях можно обнаружить гласный *а* второго корня *пат-* (*паш-*). Там же приведены прил. *куропáткинъ* 'ей принадлежащий' и *куропáчій, куропя́чій, куропáшечій* 'к ней относящийся' с гласным *-а-* во втором корне [Даль: 224]. По сведениям из «Историко-этимологического словаря» П. Я. Черных название птицы в варианте *куропáтка* в русском языке известно, по-видимому, с XVI в.: пример из записей иностранцев «Une perdix — Courat pateca» (Пар. сл. моск., 1586), далее в «Рус. гр.» Лудольфа 1696 г. «Perdix — *куропатка*» [Черных: 457]. В этимологическом словаре украинского языка в качестве заглавного слова для обозначения той же птицы используется вариант *куропáтва*, далее даются варианты *курапáтка, курiпатра, курiп'я́тка, куропáта, куропáтица, куропáтка, куропáтла, куропатра, курупáтва, куруп'я́* — все без исключения варианты с корневым *-а-* [ЕСУМ]. В белорусском представлены варианты *курапáта, курапáтка* [ЭСБМ], а также *курапáтва* [ЭССЯ 13: 127]. В польск. представлены варианты названия *kuropatwa, kuropatka, kropadwa, kropatwa* [Bańkowski: 858; ЭССЯ 13: 127], *kuropatwiczka* [Boryś: 275]. Ср. также слвц. диал. *kuropatka*, наряду с обычным *kuropta*, чеш. диал. *kuropatva* и *kropatfa*, наряду с *kuroptev*, *koroptev* [ЭССЯ 13: 127].

При столь широком распространении производных с корнем *-pat-* для обозначения водоплавающей птицы — утки или гуся — в южнославянских языках или как составной части сложных наименований птицы отряда куриных (куропатки) в восточных и меньше в западнославянских языках — в этимологической литературе всё же не существует единого, общепринятого объяснения вокализма корня. Чаще всего повторяется этимология, представленная у Ст. Младенова [ЕтР V: 414], она же с комментарием «неубедительно» является единственной этимологией в «Болгарском этимологическом словаре» [ЕтР V: 89]. Согласно этой теории корень *-pat-* является вариантом праслав. корня **-pъt-* в *птица*. Еще ранее эта же этимология предлагалась А. Преображенским для второго корня в рус. *куропатка*: «вторая (часть — М.Б.), без сомнѣнія, одного происхожденія с *пъта*, *пътица, пътъка* въ др-рус. *потъка*» [Преображенский I: 418]. К той же основе **kuropъty*, род. *-pъtъve* возводит это слово Фасмер, отвергающий предположение Булаховского о древнем варианте основы **kuropatъka* [Фасмер 2: 428][1]. П. Я. Черных высказывает предположение о том, что появление в корне *а*, вм. ожидаемого *о*, может быть обусловлено смешением форм *пóтка* и *пта́ха*, в результате чего возникает *па́тка* [Черных 1: 458]. Авторы «Этимологического словаря украинского языка» предлагают объяснять гласный корня в *куропа́тва* развитием вторичного *а* в группе согласных *птв*, отвергая какое-либо сближение с южнославянскими названиями водоплавающей птицы [ЕСУМ: 123]. В «Словаре старопольского языка» *-a-* в *kuropatwa* объясняется вероятным влиянием укр. *куропатва* и *куропатка* или же со ссылкой на польск. диалектное *kuropadwa* (спорадически с XV в.) предположительно возводится через *kuropa(r)dwa* в качестве словосложения к *pardwa* 'рябчик' [Sł. stpol.: 858]. Последнее объяснение, однако, следует считать менее вероятным в силу его ограниченности лишь польским материалом и невозможности объяснить таким же образом восточнославянские соответствия.

П. Скок в «Этимологическом словаре сербского и хорватского языков» со ссылкой на [Meyer-Lübke] предлагает ономатопоэтическое толкование корня *pat-* в *pȁtak*, связывая его с основой *pat-*, представленной во многих и.-е. и не-и.-е. языках. В связи с этим

[1] В [Трубачев: 446], полемизируя с Х. Андерсеном, автор отвергает реконструкцию **karp-ā-ta*.

следует вновь обратиться в болгарскому и шире южнославянскому материалу. В болгарском языке для подзывания гусей и уток используются следующие слова: *па, па, па; пат-пат, пати-пати, пач-пач, патър-патър* (последнее служит для того, чтобы отогнать, прогнать уток, гусей) [ЕтР], *патъ, патъ!* (для подзывания), *пачь, пачь!* (для того, чтобы отогнать уток) [Геров]. Сербск. *пàт* — 'звук, которым подзывают уток', а также гл. *патáкати* 'громко подавать голос (об утках)'. Последний глагол, очевидно, производный от названия селезня *патак* с суф *-а-*. Что касается перечисленных междометий, в «Болгарском этимологическом словаре» предлагается трактовка *па, па, па* как звукоподражательных, с одной стороны, а *пат-пат, пати-пати* сравниваются авторами словаря с такими междометиями, как *гъс-гъс*[1] для подзывания гусей (болг. *гъска*), *куч-куч* для подзывания собак (болг. *куче*), *коз-коз* для подзывания коз [ЕтР 90], — с другой. В статье Ю. С. Азарх о русских междометиях для подзывания животных рассматриваются примеры появления наименований животных от подзывных междометий (*кóся* 'жеребенок' от межд. *кось, кóся, бáся* волог. *бáша* пск. в зоне распростанения подзывных межд. *бась, бáся* и *баш, бáша*, а также *тпрукóня* вят. 'корова', *тпрусóня*, *тпроська* вят. 'лошадь' и др.), но больше примеров, также рассмотренных автором, образования подзывных междометий от названий подзываемых животных. Последние «большею частью представляют собой усечённую основу соответствующих апеллятивов» [Азарх: 233]: *тёлк, тёлоньк, тёлонь, тялýх, тялýшк, тялýш* и т. п. *каня́ш, каня́шк, каню́ш* и т.п. Ср. также общепринятое рус. *ути-ути, цып-цып*. Очевидно, что болг. и сербск. подзывные междометия, а также междометия для отпугивания тоже являются вторичными, производными от соответствующих названий птиц и животных. Сомнительным остаётся лишь более простое по звуковому составу междометие *па, па, па*.

Необходимо также упомянуть возможные сближения с некоторыми тюркскими корнями. Корень *bat-* (*pat-*) — со значением 'погружать, погружаться', 'тонуть', представлен во всех тюркских языках, ср. производные от него тур. *бат-ак* 'топь, болото, трясина', тур.

[1] Ср. пример у Ю. С. Азарх: «на вопрос, как у вас подзывают гусей, жительница д. М. Пети Порховского района Псковской обл. ответила автору, что гусей у них в деревне не держали, но она думает, что их надо подзывать словами *гусь-гусь*» [Азарх: 234].

бат-ык 'погружённый, запавший, увязший', *бат-ыш* 'заход, закат', *бат-ыр* 'погружать, окунать' [Севортян: 79-80], на сближение болг. *патка* и тур. *bat* указывал еще Ф. Миклошич [Miklosich: 234], который, однако, не дал никаких разъяснений подобному сближению. Можно предположить сближение тюркск. корня, связанного с идеей погружения, утопания, со славянским *път-* со значением 'птаха, птица', т. е. 'погружающаяся, водоплавающая птица'.

Еще одно южнославянско-тюркское сближение возникает в связи с множеством турецк. заимствований в болгарском, македонском и сербско-хорватском языках с корнем *пач-*: болг. *пачá*[1], реже *пачé, пачúя* 'густой суп из ног, головы и под., обычно охлажденный', 'студень', макед. *пача* 'студень, холодец', ср. также болг. *пачúчка* 'малеби, молочный кисель с фруктовым соком' с метафоричным переносом. Другая группа примеров производится от *пача*[2]: болг. *пача*[2] 'штанина', 'пуговицы на штанинах с галунами', 'нога человека', *пáчи* 'подшитые и подвернутые галуны на мужских домотканных штанах (болг. *потури*)' — омонимичное *пачи* — 'утиный', *пачия* '(расширяющийся) край штанов', *пачии* 'штанины', 'подвернутые края домотканных штанов', 'украшения на штанах', *пачьô* 'штанина' пачин 'нижняя часть домотканных штанов, которая обхватывает ногу'; макед. и болг. *пачýнка* 'копыто', 'козье копыто' [Кон., ЕтР], *пачáвица* 'нога птицы, обросшая перьями, штаны (о птице)', 'штанина' [Геров] 'галуны, украшающие домотканные штаны', ср. также *пачáк* 'вид голубя'; макед. *пача, пачавица* 'нижняя часть штанины' [Иллич-Свитыч]. Обе группы примеров восходят к тур. *paça*[1] 'блюдо из овечьих или свиных ног' и *paça*[2] "нижняя часть штанов, штанина', и то и другое в тур. возводятся к перс. корню *pa-* 'нога', родственному лат. *pes* и греч. ποδ- (атт. πούς, дор. πῶς). Широко представленные в южнославянских языках турцизмы перекликаются с производными от *пат* 'селезень', а именно с *пачи, пачин, паче, пачя* и мн. др. с согл. *-ч-*: вероятно, название водоплавающих птиц с перепончатыми ногами (уток и гусей) отражает признак 'ногастый', 'с широкими, подобными штанинам ногами'.

Именно благодаря такой контаминации славянского корня **pъt-* (в птица) и тур. *paç-* 'связанный с ногами' могла возникнуть южнославянская огласовка корня *pat-* в словах *патица, пат, патка, паток, патор* и др.

Что касается восточно- и западнославянского названия птицы из

отряда куриных *куропатка, куропатва*, то его, видимо, следует считать не связанным с южнославянским *патка*, а объяснять гласный *-а-* в корне (на месте ожидаемого *о* или ъ) иными, уже обсуждаемыми выше причинами, описанными в этимологических словарях в соответствующих словарных статьях.

В заключение приведем параллель с романским **patta* 'лапа' [Meyer-Lübke: 467]. В словарной статье к этому слову обнаруживается много примеров из романских языков, перекликающихся с южнославянским материалом. Так, исп. *pato* обозначает 'гусь, гусак', а *pata* 'гусь, гусыня', португ. *pato* — 'селезень', *pata* — 'утка'; французский производный глагол *patauger*, фр. *patouiller*, сев.-пров. *patuya*, катал. *patollar*, исп. *patullar*, порт. *patunhar* — все в значении 'herumpatschen' ('плескаться'), 'im Kot herumpatschen' ('плескаться в грязи, навозе'), 'stampfen' ('шлёпать, брести по воде'). Используя приведенный материал, можно сделать вывод о том, что *pato*, *pata* — это '(птица) с лапами, особыми ногами, необходимыми ей для плавания'; вероятно, также 'птица, шлёпающая лапами (в силу их перепончатого устройства)'. Те же водоплавающие птицы (утка, реже гусь) обозначаются корнем *-pat-*, а не *-ръt-* в южнославянских языках. Однако вопрос о природе соотношения славянских и романских форм — родстве или типологическом сходстве — требует дальнейшего рассмотрения.

Литература

Азарх Ю. С. Подзывные слова для коров и лошадей в русских говорах / Диалектологические исследования по русскому языку. М.: Наука, 1977. С. 226-247

Геров Н. Речник на българския език. Т. 1-6. София: Български писател, 1975-1978.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей (репринт), 1981-1982.

Трубачёв О. Н. О ‘рябчике’, ‘куропатке’ и других лингвистических свидетелях славянской прародины и праэкологии // ВЯ, 1966, 6.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения О.Н. Трубачева. Т. I-IV. 2-е издание. М.: Прогресс, 1987.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I-II. М.: Русский язык, 1994.

Bańkowski A. Etymologiczny słownik języka polskiego. T. 1-2, Warszawa: Wydawnitstwo naukowe PWN. 2000.

Benešić Ju. Rječnik hrvatskoga književnego jezika od Preporoda do I. G. Kovačića. Za tisak priredili J. Hamm, M. Moguš, J. Vončina. Svezak 9. Zagreb. 1988

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005. 861 s.

Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhauglung, 1911/ 1092 S.

Miklosich Fr. Etymologisches Wörterbuch der Slavischen Sprachen. Wien: Wilhelm Braumüller. 1886. 547 S.

Сокращения

Дьяченко — Полный церковно-славянский словарь протоиерея Г. Дьяченко. Репринтное воспроизведение издания 1900 г. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993.1120 с.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови у 7 т. / Редкол.: О. С. Мельничук (голов. ред.), І. К. Білодід, В. Т. Коломієць, О. Б. Ткаченко та ін. Київ: Наукова думка, 1983–2013.

ЕтР — Български етимологичен речник. Т. 1–7–. София: Издателство на Българската Академия на науките / Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1971–2010-.

Иллич-Свитыч — *Толовски Д., Иллич-Свитыч В. М.* Македонско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. 576 с.

Кон. — Речник на македонскиот јазик. Ред. Б. Конески. Т. 1–3. Скопје: Универзитетска печатница, 1961–1965.

Макед.-русск. словарь — *Усикова Р. П., Шанова З. К., Поварницина М. А., Верижникова Е. В.* Македонско-русский словарь/ Под общей редакцией Р. П. Усиковой и Е. В. Верижниковой. Москва: Астрель-АСТ, 2003. 847 с.

РБЕ — Речник на българския език. / Гл. редактор Кристалина

Чолакава. Т. 12. София: Издателство на българската академия на науките.

Стойчев БД II — Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. 2. София: Издателство на българската академия на науките, 1965. 320 с.

Шапкарев-Близнев БД III — Българска диалектология. Проучвания и материали. Кн. 3. София: Издателство на българската академия на науките, 1967. 341 с.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В.У. Мартынаў. Мінск: Навука і тэхніка , 1978–. Т. 1–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–39–. / Отв. ред. акад. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев. М.: Наука, 1974–2014–.

Sł.stpol. — Słownik staropolski/ Pod red. S. Urbańczyka. T. I-XI-. Warszawa, 1953–2002.

Maria N. Belova
Vinodradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences;
Moscow State University
(Russia, Moscow)
madam-mn.belova@yandex.ru

THE BIRD *patica* IN BULGARIAN

The paper observes some words for waterfowls (aquatic birds) occurring exclusively in South Slavic languages: *пат, патка, пате, патица* 'duck, goose' and some of their derivatives. The root in these words is generally attributed to common Slavic *pъt-* 'bird', but the origin of the vowel timbre *(а* instead of ъ) is unclear. Furthermore, this root could also be found in Eastern and rarely Western Slavic names for another bird 'куропатка' ('Perdix'). Here all of the attempts for explaining the root vowel are summarized; also I propose a new convergence with the Turkish root *pat-/pač-*, which could have had strong influence on the root vowel in a number of derivatives in Bulgarian, Macedonian, Serbian and Croatian.

Key words: Slavic etymology, South Slavic languages, contamination, foreign influence.

References

Azarkh Yu.S. [Beckon Words for Cows and Horses in Russian Dialects]. *Dialektologicheskie issledovaniya po russkomu yazyku* [Dialectological Studies on the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 226-247 (In Russ.)

Bańkowski A. *Etymologiczny słownik języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Vol. 1-2, Warszawa, Wydawnitstwo naukowe PWN Publ., 2000.

Benešić Ju. *Rječnik hrvatskoga književnego jezika od Preporoda do I. G. Kovačića* [Dictionary of the Croatian literary language from Preporod to I. G. Kovačić]. J. Hamm, M. Moguš, J. Vončina (Eds.). Issue 9, Zagreb, 1988.

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Warszawa, Literary Publisher Publ., 2005. 861 p.

Bylgarska dialektologiya. Prouchvaniya i materiali [Bulgarian Etymology. Studies and Materials]. Issue. 2, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1965. 320 p.

Bylgarska dialektologiya. Prouchvaniya i materiali [Bulgarian Etymology. Studies and Materials]. Issue. 3, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1967. 341 p.

Bylgarski etimologichen rechnik [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol. I-VII-, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., Prof. M. Drinov Publ., 1971–2010–.

Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologichekii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. I-II, Moscow, Russkii yazyk Publ., 1994.

Cholakova Kristalina (Ed.). *Rechnik na bylgarskiya ezik* [Dictionary of the Bulgarian Language]. Vol. 12, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ.

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. I-IV, St.-Petersburg.; Moscow, 1880–1882.

Etimolohichnyi slovnik ukrayins'koi movi [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. O.S. Mel'nychuk (gen. ed.), I.K. Bilodid, V.T. Kolomietz', O.B. Tkachenko etc. (Eds.). Kiev, Naukova dumka Publ., 1983–2013.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, Translated and augmented by O.N. Trubachev, Moscow, Progress Publ., 1964–1973.

Gerov N. *Rechnik na bylgarskiya ezik* [Dictionary of the Bulgarian Language]. Vol. 1–6, Sofia, Bulgarian Writer Publ., 1975–1978.

Koneski B. (Ed.) *Rechnik na makedonskiot yazik* [Dictionary of the Macedonian Language]. Vol. 1–3, Skopje, University Publications, 1961-1965.

Martynaў V.U. (Ed.) *Etymalagichny sloўnik belaruskai movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 1, Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1978–.

Meyer-Lübke W. *Romanisches etymologisches Wörterbuch* [Romance Etymological Dictionary]. Sixth edition. Heidelberg, Carl Winter University Publishing House, 1992, 1204 p.

Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Wien, 1886. 547 p.

Polnyi tserkovno-slavyanskii slovar' protoiereya G. D'yachenko [Full Church Slavic Dictionary by Archpriest G. Dyachenko. Reprint edition: reproduction from 1900]. Moscow, Publishing Department of the Moscow Patriarchate, 1993. 1120 p.

Preobrazhenskii A. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1910–1914.

Tolovski D. Illich-Svitych V. M. *Makedonsko-russkii slovar'* [Macedonian-Russian Dictionary]. Moscow, State Publishing House of national and foreign dictionaries, 1963. 576 p.

Trubachev O. N. [On 'grause' and 'partridge' and other linguistic witnesses of the Slavic homeland and palaeoecolody]. *Voprosy jazykoznania* [Issues in linguistics]. 1996, 6.

Urbańczyka S. (Ed.). *Słownik staropolski* [Old Polish Dictionary]. Vol. I-XI-, Warszawa, 1953-2002.

Usikova R.P., Shanova Z. K. Povarnitsina M. A., Verizhnikova E. V. *Makedonsko-russkii slovar'* [Macedonian-Russian Dictionary]. R.P. Usikova and E.V. Verizhnikova (Eds.) Moscow, Astrel'-AST Publ., 2003. 847 p.

В. Блажек
Институт языкознания и балтистики философского факультета Университета им. Масарика
(Чехия, Брно)
blazek@phil.muni.cz

IRANO-SLAVICA — К ХРОНОЛОГИИ СТАРЫХ ИРАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ[1]

В статье «Irano-Slavica — К хронологии старых иранских заимствований в славянских языках» анализируется 40 славянских лексем, представленных в южно- или западнославянских языках, относительно которых можно предполагать, что они были заимствованы из иранского источника еще до распада славянского языкового единства в 6 в. н.э. С учетом исторических связей и на основе фонетических законов, установленных для иранских языков, различаются четыре хронологических уровня заимствований, которые соответствуют различным диалектным характеристикам потенциальных языков-источников: A. общеиранский (около 1200 г. до н.э.); B. сакский (до 500 г. до н.э.); C. сарматский (первая половина I тысячелетия н.э.); D. парфянско-среднеперсидский (первая половина I тысячелетия н.э.).

Ключевые слова: иранский, славянский, фонетические законы, заимствование, хронология.

В рамках индоевропейской языковой родины иранские языки стоят ближе всего к индоарийским. Сейчас они преобладают в Иране, Таджикистане и Афганистане, менее распространены также в Турции, Сирии, Грузии, Армении, Азербайджане, России, Пакистане, Туркменистане, Узбекистане и Китае. В прошлом их распространение было существенно бóльшим. Свидетельства ан-

[1] Статья выполнена при поддержке гранта № P406/12/0655 Чешского агенства по грантам.

тичных авторов, этимологический анализ местных названий и заимствования, особенно в тюркских, угро-финских и славянских языках, распространяют территорию иранских языков на Сибирь от верхнего течения Енисея до Южного Урала, на всю Центральную Азию, пояс каспийско-черноморских степей, включая их продолжение на запад от Карпат в Венгерской низменности, Банате или Трансильвании[1]. Специфические славянско-иранские или шире (балто-)славянско-индоиранские лексические и грамматические изоглоссы являются предметом интереса индоевропеистов уже с середины 19 в. Обзор всех соответствующих исследований вплоть до конца 50-х годов 20 в. с краткими комментариями сделал Зализняк [1962: 29-33]. Дальнейшие комментарии и дополнения к корпусу славянских иранизмов внесли Абаев [Abaev 1962, Абаев 1965, 1958-1995], Бенвенист [Benveniste 1967], Блажек [Blažek 1996, 2010, 2012], Бонгард-Левин и Грантовский [1988], Цветко-Орешник [Cvetko-Orešnik 1983, 1998], Дукова [Dukova 1979], Эккерт [Eckert 1981], Эдельман [2002], Голомб [Gołąb 1978, 1992], Иванов [Иванов 2002/2008, Ivanov 2002], Копечный [Kopečny 1969], Кулланда [Kullanda 2005, 2011, 2014], Лома [Loma 2000, 2002, ср. далее 2011, 2014], Мартынов [1981, 1983], Пизани [Pisani 1967], Речек [Reczek 1968, 1985], Симс-Вильямс [Sims-Williams 1986, 2007], Трубачев [1967], Вилльнов Комаркова и Блажек [Villnow Komárkova & Blažek 2011, 2013], Витчак [Witczak 1991, 1992], Зализняк [1963]. В этих работах обычно преобладает восточнославянский материал. Предлагаемая статья сосредоточивается на славянских лексемах, засвидетельствованных в западно- или южнославянских языках, поскольку более географически удаленные славянские диалектные ареалы увеличивают вероятность того, что анализируемые иранизмы представляют наследие старых контактов (до распада славянского единства в 6 в. н.э.) , а не следствие недавних влияний, опосредованных главным образом тюркскими народами (2 тыс. н.э.). Следующим важным критерием отбора является опора на материал некоторых из иранских языков. Виртуальные иранские источники славянских

[1] Об этом свидетельствуют названия рек Nitra или Hornád в Словакии или Pănade, Tăşnad, Tuşnad, Cenad в Румынии [Trubačev 1991: 151]. Компонент *-nad(e)* соответствует ведийскому слову *nadī́-* ‘река/river’, *anaˊδīm* ‘прямо поперек течения / directly over the stream’, которое древнеиндийские лексикографы знали также в значении ‘река/river’.

слов, реконструированные только на основе древнеиндийских соответствий или гипотетических славянских заимствований, здесь не принимаются во внимание. Через сито отбора прошло 40 иллюстративных примеров. Их можно распределить в соответствии с вероятной хронологией заимствования. Благодаря тому, что развитие иранских языков прослежено в прошлое относительно глубоко[1], можно определить несколько хронологических уровней иранских заимствований в славянских языках.

A. Древнейший слой заимствований представляют слова, близкие к авестийским эквивалентам (**čьstь*, **gunja*, **kajati sę*, **rajь*, **vasnь* / **vasnja*, **θr-* в форме **tr-*, как в **patriti,* **šatriti*, **vъtrь*) или архаичность которых полностью свидетельствуется, например, сохранением иранской группы согласных **hr-* в форме **xr-* (**xromъ*). Очевидно, это заимствования из раннего иранского диалекта, по древности находящегося между языком Авесты и еще не дифференцированным иранским праязыком. Из отсутствия ясных балтийских параллелей следует, что заимствование происходило уже после распада балто-славянского единства. В абсолютной хронологии мы склоняемся приблизительно к 1200 г. до н.э.

B. Следующим слоем являются слова со среднеиранскими чертами, более всего напоминающие хотано-сакский (**čaša*, **govorъ*, **kamo*, **korsta*, **kъrь*, **sěrъ*/ **šěrъ* ,**tamo*, **vъně*; с изменением **-θr-* > **-r-*: **čirъ* , **mirъ* , **mira*, **širъ*) или близкий иранский диалект с большей степенью архаичности, чем литературный сакский из Хотана (**bъrzo* / **bъrzъ*(*kъ*)). Сюда могут относиться две эксклюзивные согдийско-славянские параллели (**kъ*, **sirъ*), исключительность которых заключается не в согдийских чертах, а в том, что они известны только из согдийского, а также сложение **prodati*, составленное из префикса ‘для’ и глагола ‘дать’ одинаково в славянских языках и согдийском, бактрийском, пашто и памирских языках. Приблизительную хронологию определить заруднительно, возможно — перед распадом общего праязыка для сакского, пашто и бактрийского, который, однако, не может быть датирован вследствие неполноты бактрийской лексики. Геродот в своих «Историях» с середины 5 в. до н.э. сообщает нам, что в не определенном точнее прошлом

[1] Возникновение древнейшей части Авесты, так называемых Гат, можно датировать приблизительно 1100 г. до н.э. Младшая Авеста возникла , очевидно, в следующий период около 800 г. до н.э. [Skjærvø 1995 160-162]. Далее см. Приложение.

среднеазиатские массагеты вытеснили так называемых скифов-кочевников за реку Аракс [IV, 11], то есть Волгу в его обозначении. В другом месте он сообщает свидетельство о племени скифских саков и добавляет, что персы всех скифов называют саками [VII, 64]. Объединив оба сообщения, можно выяснить, насколько близко к славянской прародине, частью которой была и западная Украина, могли достигать иранские племена, близкие по языку к позднейшему литературному сакскому, около 500 г. до н.э.

C. Еще моложе, очевидно, слова, стоящие ближе к осетинскому языку, то есть, вероятно, сарматского или аланского происхождения (**gornъ*, **xata*, **kobyla*, **sinъ* / **sin'ь*, **ščenę*). Позднее сарматское или аланское влияние на славянские языки можно датировать временем изменения летоисчисления и до первых веков н.э., когда и на территории западной Украины геродотовых скифов сменили сарматы, а именно — их часть, аланы.

D. Слова **toporъ*, **tulъ* и, кажется, также **radi* и **vina* проникли в славянские языки еще до их разделения, скорее всего из Персии в эпоху Парфянской или Сасанидской империй в течение первой половины I тыс. н.э. Опосредствующую роль сыграла, очевидно, удаленная торговля, но прежде, возможно, организованная армянами (в отличие от средне- и новоиранских форм, армянская форма *tapar* сходна со славянской по глухости *-p-*).

Слова **bogъ* , **divъ* , **kotъ* / **kotьcь*, **město* могут быть отнесены как к категории А, так и к В. Более открытые возможности остаются у слова **xvala* (см. прим. 1 на стр.76).

Другим критерием распределения является семантическая точка зрения. Относительно древних заимствований заслуживает внимания, насколько здесь представлены образования с религиозным или этическим содержанием: **bogъ*, **čьstь*, **divъ*, **govorъ* / **gvarъ*, **gornъ*, **xvala*, **kajati sę*, **mirъ*, **rajь*, **sormъ*, **vasnь* / **vasnja*, **vina*. Негативная коннотация славянского **divъ* означает, что в иранском языке-источнике уже произошло изменение исконно позитивного или нейтрального значения, соответствующего вед. *devá-* 'бог, god'. Эту семантическую «смену полюсов» связывают с Зороастровой реформой. Несравненно слабее представлены другие семантические сферы: строения (***kotъ* / **kotьcь*, **xata*, **město*), торговля (**prodati*) и предметы торговли (*čaša*, **gunja*), в том числе инструменты и оружие (**toporъ*, **tulъ*). Другие семантические поля

представлены только единичными словами. Заслуживает внимания, что иранское влияние проникло, очевидно, и в сферы наречий (**kamo*, **tamo*, **vъně*) и предлогов[1] (**kъ*, **radi*).

1. Южн.+зап.+вост.-слав. **bъrzo* ‘быстро; рано / quickly; soon, early’ & **bъrzъ(kъ)* ‘быстрый / fast’ [ESJS: 84; ЭССЯ 3: 137-139[2]] ~ хот.-сак. *brū* ‘скоро / early’ [Bailey 1979: 315] < **br̥(H)zuka-*[3]; пашто *brezár* ‘утро, рассвет / morning, dawn’ обнаруживает принадлежность к корню **brāź-* ‘сиять, светить / to shine’ [ЭСИЯ 2: 184-186].

2. Южн.+зап.+вост.-слав. **bogъ* ‘бог / god’ [ESJS 2: 70-71] ~ ст.-авест. *baga-*, позднеавест. *baγa-* ‘бог / god’, др.-перс. *baga-*, ср.-перс. *bg* /*bag*/, парф. *bg*, бактр. *βαγο* id. и др., первично ‘тот, кто распределяет (судьбу, счастье, богатство) / that who distributes (fate, happiness, wealth)’, ср. вед. *bhága* ‘доля, надел / part, portion’, далее ‘благосостояние,счастье, имущество / wealth, property, happiness’ [EWAI II: 239-240; ЭСИЯ 2: 48-52].

3. Южн.+зап.+вост.-слав. **čьstь* ‘честь / honour’, обычно производится от глагола **čisti*: **čьtǫ* ‘считать / to count’; относительно семантики ср. н.-луж. *cesć* ‘честь, честность, уважение, знакомство, известность, внимание / honour, honesty, esteem, renown, fame, celebrity’ [ESJS 2: 119; ЭССЯ 4: 119, 175-176] ~ авест. *čisti-* ‘познание / cognition’; вед. *cítti-* ‘мышление, понимание / thinking, thought, understanding, wisdom’ [EWAI I: 548; ESIJ 4: 183; Зализняк 1962: 36-37: слав. + авест.].

4. Зап.-слав. **čirъ* ‘чистый, прозрачный / pure; limpid, pellucid’ (ЭССЯ 4, 116-117), ср. гидроним *Čir* — правый приток Дона, также приток реки Стоход на Волыни [Фасмер IV: 364] ~ хот.-сак. *cira-* ‘очевидный, видимый, явный, заметный / conspicuous, visible, manifest’, пашто *cēr* ‘подобный / similar’: ст.-авест. *čiθra-* ‘блестя-

---

[1] Представление, что грамматические слова не заимствуются, ошибочно; например, английский предлог *till* является адаптацией др.-сканд. *til* [Hoad 1986: 494].

[2] Традиционное сравнение с лат. *brevis* или греч. βραχύς ‘короткий / short’ несостоятельно, т.к. они отражают **mreĝʰu̯i-* и **mr̥ĝʰu-*, ср. авест. *ərəzu-*‘короткий /short’, но славянские языки также сохраняют и.-е. **mr-*.

[3] Ср. хот.-сак. *bāysū* ‘рука / arm’ < **bāzuka-*, как в осет. дигор. *bazug*, согд. *β’z’kh*, пехл. *bāzūk*, белуджский *bāzk* id. Развитие слогового сонанта отличается от хот.-сак. *bulysa-* ‘длинный / long’ < **br̥za-* и напоминает хот.-сак. *bruṃja-* ,‘береза / birch‘, осет. дигор. *bærzæ*, véd. *bhūrjá-* id. < **bʰr̥Hĝo-* [Bailey 1979: 315]. Утрату континуанта ожидаемого **-z-*, которым является хот.-сак. *ys* /*z*/, можно объяснить, если допустить спорадическое изменение **z* > *d* (хот.-сак. *dastä* ‘рука / hand’ < иран. **zasta-*), так как иран. **VdV* > хот.-сак. ø [см. Герценберг 1981: 246, 249].

щий, сверкающий / bright, glittering’, позднеавест. *čiθra-* ‘сверкающий; видимый, очевидный, заметный / glittering; visible, apparent, evident’, (ср.-)перс. *čihr* ‘лицо, внешность, вид. форма / form, appearance; apparition; face’; вед. *citrá-* ‘выдающийся, поразительный, блестящий, яркий, светлый, пестрый / excellent, conspicuous; bright, clear’ [Abaev I: 325-326; Bailey 1979: 102-103; EWAI I: 542; Villnow Komárková & Blažek 2011: 124 & 2013: 249: слав. + иран.].

5. Юж.+зап.+вост.-слав. **čaša* [ЭССЯ 4: 30-31] ~хот.-сакс. *cāśa* ‘мера жидкостей / measure for fluids’: согд. *čš-* ‘пробовать (на вкус / to taste’, *pčš-* ‘пить / to drink’, *čš’ntk* ‘напиток / drink’, пашто *č(ə)ṣəl* ‘(вы)пить, проглотить / to drink, swallow’, иран. > арм. *čašak* ‘чашка / cup’ [Bailey 1979: 101; ЭСИЯ 2: 235-238].

6. Южн.+зап.+вост.-слав. **divъ* [ESJS 3: 134] ~ ст.-авест. *daēuua-* ‘дозороастрийское божество / Pre-Zoroastrian deity’, позднеавест. ‘демон, дьявол / daemon, devil’, др.-перс. *daiva-* ‘ложное божество, демон, идол’, ср.-перс. *dyw /dēw/* ‘демон, дьявол / daemon, devil’, перс. класс. *dēv*, новоперс. *div*, парф. *dyw /dēv/* id., белуджский, курд. *dēv* id.; согд. *δyw /δēw/* ‘дьявол / devil’, хорезм. *δyw* ‘dév / dēv’; хот.-сак. *dyū-* ‘démon / daemon’ [ЭСИЯ 2: 306-308; Bailey 1979: 166].

Это производное от**deu̯o-* бог / god‘, которое далее представлено в индоарийских языках (вед. *devá-* ‘бог / god’), италийских (венет. *deivos*, арх. лат. *deiuos* (Duenos), лат. *deus*, оск. *deívaí* ‘божий’), кельтских (галл. *deuo-* в сложении *deuogdoniom*-‘божеский и человеческий / of gods & men’ [Vercelli], др.-ирл. *dia*, ср.-валл. *duw* ‘бог / god’), германских (др.сканд. *tívar* pl.,божеский / gods ’) и балтийских (лит. *diẽvas*, лтш. *dìevs*, прус. *deiws* ‘бог / god’) — см. [Pokorny 1959: 185-186]. Только в иранских и славянских языках это слово имеет негативное значение.

7. Южн.+зап.+вост.-слав. **govorъ* ‘говор, речь / talk, conversation, speech’, наряду с польск. *gwar* ‘звук / sound, noise’, *gwara* ‘наречие / dialect’ [ESJS 4: 194-195; Фасмер I: 424] ~хот.-сак. *gvar-* ‘сказать, молвить, говорить / to assert, tell, speak’ < **gu-var-* < **u̯i-u̯ar-*, ср. авест. *varah-*‘божий суд / ordeal’, йидга *wor* ‘присяга / oath’, ормури *γwar* id. [Bailey 1979: 94-95].

8. Южн.+зап.+вост.-слав. **gunja* [Фасмер I: 475] ~ иран. **gaunia̯ā*, прилаг. от авест. *gaona-* ‘шерсть, волосы / hair on the body’, хот.-сак. *ggūna-* id., осет. дигор. *ǧun* ‘волосы; шерсть (овцы) / hair; fur (of sheep)’ [Абаев II: 326-327; ЭСИЯ 3: 240-245; Bailey 1979: 86; Зализняк 1962: 39: слав.+ иран.].

9. Ст.-слав.+зап.-слав. **gornъ* / **gorno* ‘погребальное пение, погребальной звон; рассказ, легенда, поговорка, стих / elegy, lament, death knell; talking, tale, story, proverb, vers’ [ESJS 4: 200-201; Фасмер I: 452; Machek 1968: 183] ~ позднеавест. *auui-gərəṇtē* ‘празднуют / they praise’, согд. *nγr”y* ‘хвалить / to praise, honour’, осет. ирон. *qyrnyn* ‘подпевать в двухголосном пении / to sing in two-part singing’ [Абаев II: 333; Cheung 2007: 107].

10. Зап.+вост.-слав. **xata* ‘хата, дом / cottage, hut’ [Фасмер IV: 226; предполагает венгерское посредничество, ср. *ház* ‘дом / house’, хант. *χot* ‘дом, пастушья хижина / house, chalet’] ~ осет.. *xatæn* ‘отделение, этаж; помещение / section, floor, storey; chamber, room’; кховар. *xata* ‘дом / house’ [Абаев IV: 143; Трубачев 1967: 41 предполагает адаптацию польск. *chata* из укр. *xata*].

11. Южн.+зап.+вост.-слав. **xromъ* ‘хромой / lame, crippled’, ср. также **o-xrъ(m)nǫti* ‘отняться (о частях тела) / to become paralysed’ [ESJS 4: 228; Фасмер IV: 277] ~ иран. **hrăma-*: авест. *rəma-*, *rāma-* ‘вывих / wrenching, dislocating (joint)’; вед. *srāmá-* ‘хромой / lame, crippled’ [EWAI II: 785; Зализняк 1962: 37; Goląb 1992: 315: слав. + вед.].

12. Южн.+зап.+вост.-слав. **xvala* ‘слава / praise, glory‘ [ESJS 4: 232; ЭССЯ 8: 118-120] ~ «скиф.» **x^{v}alla-*[1] [Witczak 1992: 57: слав. +

1 Реконструировано как эквивалент авест. *x^{v}arənah-*, которое, однако, означает не ‘слава / glory’ [ESJS], а приблизительно ‘благополучие, успех / welfare, prosperity’ [см. Lubotsky 2002: 191-192, который также доказывает, что само авестийское слово, очевидно, является скифским заимствованием, поскольку исконный континуант скрывается в прилаг. *parənaŋhuṇtəm* ‘обильный / plentiful’ ~ вед. *párīṇas-* ‘полнота, обилие, благополучие / fullness, plenty, abundance, welfare’]. Тот же начальный звук сохраняется также в пехл. *xwarrah* и перс. *xurra*, где, однако, явно представлено авестийское заимствование, поскольку в остальных иранских языках это звуки *f/ph/p*: др.-перс. *Vi^{n}da-farnah-*, ср.-перс., парф. *prh, frh /farrah/* ‘счастье, слава / happiness, glory’, перс. *farr(a)*, согд. *prn, frn /farn/* ‘слава / glory’, бактр. *φαρ(ρ)ο*, хот.-сакс. *phārra-* ‘роскошь / splendour’, осет. *farn/farnæ* ‘счастье, богатство, благополучие / happiness, wealth, welfare’. Относительно существования иранского источника для славянского слова Витчак находит два существенных аргумента: славянский антропоним **Bogu-xvalъ*, др.-рус. *Boguxvalъ*, польск. *Boguchwal*, чеш. *Bohuchval*, которому соответствует, например, мид. **Bagā-farnah-* [ср. Milewski 1969: 207; Trubačev 1967: 29], и замену **-rn-* >**-rr-* > *-ll-*, для которой есть аналогия в глоссе Гесиода Μέσπ. λη · ἡ σελήνη παρὰ Σκύθαις, то есть ‘Богиня луны у Скифов’. На основе порядка алфавита Витчак предполагает конъектуру *Μεσπέλλη и исходную скифскую форму **Mās-pallā* < иран. **Mās-pərənā* ‘полная луна / full moon’. Однако здесь есть возможность и другого решения. Ведийский глагол *svar-* обозначает ‘издавать звук. звучать, петь, хвалить / to sound, make a sound, snort, resound, sing, praise’, *svārá-* ‘звук / sound’ [Monier-Williams 1899: 1285].

скиф.; против Kullanda 2005: 218, прим. 11], между тем Gołąb [1992: 315] реконструирует для гипотетического аланского источника иранское происхождение в форме **xu̯āri̯ā-*.

13. Южн.+зап.+вост.-слав. **kajati sę* ‘каяться / to repent, atone’ [ESJS 5: 297-298] ~ мл.-авест. *kaii-/caii-* ‘искупить / to atone’, срд.-перс. *cy-* ‘грустить, мучиться se / to mourn, grieve, be troubled’; вед. *cay-* ‘наказывать, мстить / to punish, take revenge’ [Bartholomae 1904: 464; Cheung 2007: 27-28; Зализняк 1962: 35: слав. + авест.]

14. Южн.+зап.+вост.слав. **kamo* ‘куда / where’ [ESJS 5: 300-301] ~ хот.-сакс. *kāma-* ‘где / where’ [Bailey 1979: 125, 49].

15. Южн.+зап.+вост.-слав. **kobyla* ‘кобыла / mare’ [ESJS 6: 325] ~ хот.-сакс. *kabä* ‘конь / horse’ [Bailey 1979: 52: слав.. + хотан.-сакс.]. Словообразовательный суффикс **-yl-* < **-ūl-* также имеет восточноиранские соответствия, ср. осет. *bædūl* ‘птенец / young bird’, *mæk’ūlæg* ‘ящерка / lizard’, *qæbūl* ‘дитя / child’, *k’æbyla* ‘щенок / young dog’ [Абаев I: 244; Blažek 2010a: 20].

16. Южн.+зап.+вост.-слав. **korsta* ‘струп, чесотка или другое кожное заболевание / scab; scabies or other skin illness’ [ESJS 6: 359-60; Vasmer II: 335] ~ сангличи *korost* ‘кожа / skin’, йидга *karast* ‘кожа / skin, hide’, ваханский *kurust* ‘кора / bark of tree’, karast ‘меховое пальто / fur cloak’, хот.-сакс. *karasta-* ‘меховая одежда / fur garment‘, пашто *krāsta* ‘войлок, шерстяная одежда / felt, woolen cloth’ [Bailey 1979: 54].

17. Южн.+зап.+вост.-слав. **kotъ & *kotьcь* ‘хлев’ [ЭССЯ 11: 211-212, 214-215; Vasmer II, 351] ~ авест. *kata-* ‘дом, помещение’, согд. *qty/kt’y/ktyy /katē/* ‘дом / house’, хот.-сакс. *kata-* ‘закрытое место, дом’, язг. *kůd*, pl. *kadaθ* ‘дом / house’, пашто *kəlai* ‘деревня / village’, *γu-ǰəl* ‘укрытие для коровы / shelter for cows’; skt. *cātayati* ‘укрывает / hides’ [Bailey 19796: 650; Gharib 1995: 198; Зализняк 1962: 35: слав. + авест.].

18. Южн.+зап.+вост.-слав. **kъ ‘к* / to’ [ЭССЯ 13: 170-171] ~согд.. *kw /kō/* ‘к, у / to, at, in, towards’ [Gharib 1995: 199; Зализняк 1962: 34:

Этому соответствует др.-авест. *xvār-* ‘клясться / to swear’, согд. *swk’nt xwr-*, парф. *swgnd xwrd*, ср.-перс. *swgnd xwr-*, перс. *saugand xurdan* ‘произносить клятву / to swear, take an oath’, осет. дигор. *ard xwærun* то же [Cheung 2007: 149]. Очевидно, иранский глагол **hu̯ar-* мог обозначать ‘произнести клятву / to take an oath’, также и ‘произнести похвалу / to articulate praise’, как об этом косвенно свидетельствует ведийское соответствие. Каузатив **hu̯ā̆i̯a°* стал бы в сарматском **xwalo*, откуда можно легко объяснить славянское **xvaliti* и далее **xvala*.

слав. + согд.]. Бенвенист [1956: 70-73] отвергает сравнение с авест. *kąm* & вед. *kám*, так же Симс-Вильямс [Sims-Williams 1986: 116-121], который принимает решение Копечного [Kopečný 1969: 5-12], исходящего из первично адвербиальной функции славянского и согдийского предлогов, ср. согд. sogd. *kw* ‘где / where’, хот.-сакс. *ku* ‘когда, где / when, where’, авест. *kū* ‘где / where’, осет. *ku* ‘когда, если / when, if’ и др. [ср. Bailey 1979: 61].

19. Зап.+вост.-слав. **къръ* ‘куст, кустарник / bush’ [ЭССЯ 13: 242; Vasmer II: 344] ~ хот.-сакс. *kirä* ‘куст / bush’ [Bailey 1979: 60].

20. Южн.+Зап.+вост.-слав. **město* ‘город / city’ [ESJS 8: 470-471] ~ пашто *meštá*, диал. *mestá* ж.р. ‘жилище / dwelling’: *mešt* ‘населенный / inhabited’ < **maistă̆-*; ср. авест. *miθ-* ‘обитать / to dwell’, mišta- ‘башня / tower’ [Bailey 1979: 330; Cheung 2007: 259-60; NEVP 53; Абаев 1965: 13: слав.+ пашто].

21.Южн.+зап.+вост.-слав. **mirъ* ‘мир, свет / peace; world’ [ЭССЯ 19: 55-57; ESJS 8: 477-78] ~ хот.-сакс. *mīrai* ‘ласка, доброта / kindness’ < **miθra-ka-* : др.-авест. *miθra-* ‘договор / treaty, contract’, ср.-перс. *mihr* ‘договор, союз, дружба / treaty, alliance, friendship’, парф. *myhr* ‘солнце / sun’, бактр. *μιυρο* ‘солнце, бог Митра / sun; god Mithra’, пашто *myēr* ‘солнце / sun’; вед. *mitrá-* ср. р. ‘договор, союз / treaty, alliance’, м. р. ‘союзник, друг; бог Митра / ally, friend; god Mitra’ [Bailey 1979: 332; EWAI II: 354; Sims-Williams 2007: 233; Villnow Komárková & Blažek 2011: 124 & 2013, 250: слав. + иран.].

22. Южн.+зап.+вост.-слав. **měra* ‘мера’ [ЭССЯ 18: 178-181; ESJS 8: 468; Vasmer II: 600] ~ хот.-сакс. *mārā*, в сложениях *-mera* ‘мера / measure’, ср. арм. *mar* ‘мера жидкостей / liquid measure’ < иран.; в осет. *mært* ‘мера емкости / measure of capacity’ [Абаев II: 99-100] пережило так называемую «сарматскую метатезу»; далее вед. *mā́trā-* f. ‘мера, масштаб / measure, scale’, греч. (Гесихий) *μήτρα* ‘мера полей / register of house-property’ [Bailey 1979: 329; EWAI II: 342; Pokorny 1959: 703-04; Villnow Komárková & Blažek 2011: 124 & 2013: 250: слав.+ иран.].

23. Зап.+вост.-слав. **patriti* ‘смотреть / to look, watch’, **patrati* ‘разыскивать / to be looking, search’ [Vasmer III: 217] ~ мл.-авест. *pāθrāi* инф. ‘стеречь, наблюдать / to guard, watch’, *pāθra-* ‘охрана, защита / protection’, согд. *p’rδ /pārθ/* ‘караул, забота, внимание / care, watch’ < **pāθra*, ср. *p’δr /pāθr/* ‘уважение, почет / respect, honour’ [Bartholomae 1904: 888; Gharib 1995: 257; Трубачев 1967: 47-51; слав.+ иран.].

24. Южн+зап.+вост.-слав. **pro-dati* ‘продать / to sell’ ~ иран. **para-dā-*: согд. *pr’δ-* ‘продать / to sell’, хорезм. *p’rδ-*, шугн. *parδāδ-*, хот.-сакс. *parāth-*, бактр. *παραλα-*, пашто *prolə̄l* то же [Cheung 2007: 43-45; Иванов 2002/2008: 551-52: слав. + иран.].

25. Южн.+вост.-слав. **radi* ‘для, ради / for, for the sake of’ [ESJS 12: 744-745] ~ др.-перс. *rādyi* ‘для, ради / for, for the sake of’, парф. *r’δ /rāδ/* ‘ради, для, в интересах (кого) / on account of, for sake of’ [Durkin-Meisterernst 2004: 292], срд.-перс. zor. *l’d*, маних. *r’y /rāy/* ‘для, ради / for, for the sake of’, класс. перс. *rā̄* то же [MacKenzie 1971: 71].

26. Южн.+зап.+вост.-слав. **rajь* ‘рай / paradise’ [ESJS 12: 746] ~ ст.-авест. род.ед. *rāiiō*, мл.-лат. вин.ед. *raēm* м.р. ‘богатство, роскошь / wealth, splendour, luxury’; вед. *rayíḥ*, дат.ед. *rāyé* ‘богатство, владения, имущество / wealth, property, possession’ [Bartholomae 1904: 1511, 1525; EWAI II: 438; Зализняк 1962: 40: слав. + иран.].

27. Южн.+вост.-слав. **sěrъ* / зап.-слав. **šěrъ* " (темно-)серый / (dark-)grey’ [ESJS 13: 806-807; Vasmer III: 610-611] ~ хот.-сакс. *śairchä* ‘темного цвета / dark-coloured’: *cha* ‘цвет; кожа / colour; skin’ [Bailey 1979: 403, 106].

28. Южн.+зап.+вост.-слав. **sinъ* & **sin’ь* ‘синий, темный / blue, dark’ [ESJS 14: 817] ~ осет. *æxsīn* ‘темносерый / dark-grey’, пашто *ṣīn* ‘зеленый, синий / green, blue’, согд. *’γs’yn’k/h/y /axsēn/* ‘зеленый / green’, хот.-сакс. *āṣṣeiṇa-*, авест. *axšaēna-* ‘синий / blue’, [Абаев I: 220; Bailey 1979: 26-27; ЭСИЯ 1: 284-285; Gharib 1995: 27; Мартынов 1983: 51-52; слав. + иран.].

29. Южн.+зап.+вост.-слав.**sirъ* ‘осиротевший / orphaned’ [ESJS 14: 818] ~ согд. *sr’k /sarē/* < **siraka* ‘сирота / orphan’ [Gharib 1995: 360], ср. мл.-авест. прилаг. *saē* ‘осиротевший / orphaned’, хот.-сакс. *syūta-*, осет. ирон. *sī-ʒær*, парф. *sywg*, курд. *sīwī*; вед. *śayú-* ‘сирота / orphan’ [EWAI II: 615; Bailey 1979: 437; Абаев III: 106; Bartholomae 1904: 1547; здесь предполагается суффикс Каланда **-ro-* : **-i-*; Зализняк 1962: 38: слав. + авест.]. Лит. *šeirỹs* ‘вдовец / widower’, *šeirẽ* ‘вдова / widow’ семантически отстоят дальше.

30. Южн.+зап.+вост.-слав.**sormъ* ‘позор, конфуз, стыд /shame, disgrace’ [ESJS 14, 867-868] ~ авест. *fšarəma-* ‘чувство стыда, стыд / (feeling of) shame’, йидга *fšarm* ~ *šfarm*, осет. *æfsarm* то же, согд. (будд.) *šβ’rm’k & šβ’rm’y /šfārmē/* ‘pudenda’, хот.-сакс. *kṣārmä* ‘позор / shame’, ср.-перс. зор. *šlm*, маних. *šrm /šarm/* ‘позор / shame’, класс.

перс. *šarm* то же [Bartholomae 1904: 1029; Bailey 1979: 67-68; Gharib 1995: 371; MacKenzie 1971: 79; Зализняк 1962: 35; слав. + иран.].

31. Зап.-слав. **šatriti* ‘смотреть, стеречь, копить / to look, watch, spare, save (money) ’ [Machek 1968: 606] ~ авест. *kšaθra-*, хот.-сакс. *kṣāra-* ‘сила, власть / power, dominion’, осет. дигор. *æxsaræ*, ирон. *æxsar* ‘мужество в бою, сила, власть / bravery in fight, strength, dominion’, др.-перс. *xšaça-* ‘сила, власть / power, dominion’, ср.-парф. & ср.-перс. (Турфан) *šhr & šhr /šahr/* ‘земля, страна, город, мир / land, country, region, town; world’, перс. *šahr* ‘город / city’; вед. *kṣatrá-* ‘сила, власть / might, power, supremacy, dominion’ [Bailey 1979: 67; Абаев IV: 224-225; Durkin-Meisterernst 2004: 315; EWAI I: 421]. Прообразом славянского глагола мог бы быть незасвидетельствованный иранский каузатив **kšatraia̯o* [Трубачев 1967: 52-53: зап.-слав. + иран.]. Удлинение славянского корневого гласного произошло, очевидно, уже на славянской почве по структурной модели славянских каузативов. Иранские языки знают эту модель, но только в открытом слоге [ср. LIV 23].

32. Южн.+зап.+вост.-слав. **širъ & *širokъ* ‘широкий / wide, broad’, **širь* ‘ширина / width’ [Фасмер IV: 442; ESJS 16: 942] ~ срд.-иран. **(k)šīra-* ‘ (широкая) земля’: хот.-сакс. *kṣīra-*, сакс. *xšera-* (Тумшук) ‘земля, край; королевство’ [Bailey 1979: 68; Villnow Komárková & Blažek 2011: 121-25: слав. + иран.[1]].

33. Южн.+зап.+вост.-слав. **ščenę* ‘щенок / puppy, whelp’ [Vasmer IV: 502] ~ ваханский *skən, skön*, йидга, мундж. *səken*, сангл. *skənok*, ишкаш. *sköntik*, язгул. *səkwon* ‘щенок / puppy, whelp’, осет. *stæn* ‘пес (самец) / he-dog’ [Абаев 1965: 21-22; Абаев III: 147-148: слав. + иран.].

34. Южн.+зап.+вост.-слав. **tamo* ‘там / there’ [ESJS 15: 953; Фас-

[1] Далее ср. ст.-авест. *šōiθra-* ср.р.. ‘край, область / region, area, territory’, мл.-авест. *šōiθra-* ‘родина / homeland’, вед. *kṣétra-* ср.р. ‘поле, почва, край, область, земля, земельное владение / place, region, country, land, soil, landed property’ [EWAI I: 436] < индоир. **kšai̯tra-*. Семантическое развитие ‘широкий, плоский / wide, flat’ → ‘земля / earth’ хорошо известно, ср. ст.-слав. *strana* ‘земля, край, место, простор / earth, land(scape), place, space’: *prostranъ* ‘широкий, просторный, открытый, искренний / wide, spacious, open’; вед. *pr̥thvī́-, pr̥thivī́-* f. ‘земля / earth’: *pr̥thú-* ‘широкий, распростертый, большой, мощный, многочисленный / wide, broad, extensive, spacious, large, abundant, numerous’ < **pl̥tH₂-u̯-i-H₂-*: **pl̥tH₂-u-*; др.-сканд. fold ‘поле, земля / field, earth’, др.-англ. *folde* ‘земля / earth’< герм. **fuldō(n)* f. < **pl̥tHā*: греч. πλατύς ‘широкий / wide’ < **pl̥tH2u* [подробнее см. Villnow Komárková & Blažek 2011: 123 & 2013, 248].

мер IV: 17] ~ хот.-сакс. *ttāmu* ‘там / there’ [Bailey 1979: 125]. Лтш. *puo tām* ‘оттуда’ и дор. *τᾶμος* ‘потом, вслед за тем’ отстоят семантически дальше.

35. Южн.+зап.+вост.-слав. **toporъ* ‘секира / axe’ [ESJS 16: 972-973; Фасмер IV: 79] ~ парф., ср.-перс. *tbr /tabar/*, перс. *tabar* ‘секира / axe’, гил. *tabor*, семн. *towvar* то же, курд. *tavir, tawir, t'avar* ‘секира, мотыга / axe, hoe’, белуджский *tapar* ‘секира / axe’; иран. > арм. *tapar* и перс. *tabar* > тур. *täbär* [Durkin-Meisterernst 2004: 323; Цаболов II: 340; Абаев I: 451; Horn 1893: 84; Зализняк 1962: 40: слав. + иран.].

36. Южн.+зап.+вост.-слав. **tulъ* ‘колчан для стрел / quiver for arrows’ [Vasmer IV: 117] ~ перс. *tulū* ‘древко стрелы / shaft of an arrow’ [Steingass 1892: 322] = ‘pars inferior sagittae nervo circumplicata et colorata, cui cuspis infigitur’, ср. *tūlīlan* ‘infigere, pungere, sagitta ferire’, повел. *tôl*, наряду с *tūl* ‘bellum, pugna’ [Vullers 1855: 459, 482; Miklosich 1886: 365: слав. + «перс. *tül*»]. Само персидское слово, изолированное на иранской почве, может представлять собою адаптацию евр. *təlī* ‘колчан со стрелами / quiver with arrows’ или ‘колчан и лук / quiver and bow’, которое образовано от семитского глагола √t-l-y/’ ‘висеть / to hang’ [HAL 1739].

37. Зап.+вост.-слав. **vasnь*, **vasnja* (зап.-слав.) ‘страсть, каприз / passion, caprice’ + (вост.-слав.) ‘спор, раздор, дерзость / contention, conflict, impudence’ [Vasmer I: 277] ~ ст.-авест. твор. ед. *vasnā*, др.-перс. *vašnā* ‘по желанию, из милости / at request, in favour’, согд., хорезм. *wsn* ‘для / for, on account of’ : авест. *vas-* ‘желать / to want, wish’; вед. *vaś-* ‘желать, хотеть, жаждать / to wish, want, desire’ [Cheung 2007: 427; Bailey 1979: 380; EWAI II: 527-528; LIV 672–673; Machek 1968: 678: слав. + иран.].

38. Южн.+зап.+вост.-слав. **vina* ‘вина / guilt, fault’ [Vasmer I: 316] ~ др.-перс. *vi-nāθ-* ‘обидеть, повредить, испортить / to injure, harm’, парф. *w(y)n’s /winās/*, ср.-перс. *w(y)n’h /wināh/* ‘грех, повреждение, вред / sin, offence, harm, injury’, перс. *gunāh* ‘грех / sin’ [Durkin-Meisterernst 2004: 343; Cheung 2007: 282–284; Bailey 1979: 210; Horn 1893: 208; Зализняк 1962: 41: слав. + др.-перс.].

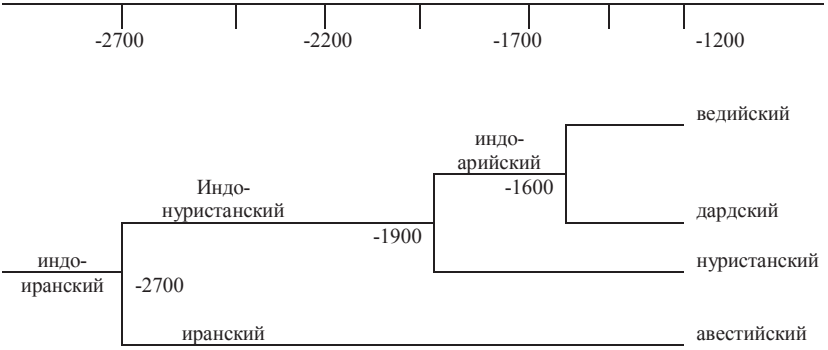
39. Ст.-слав.-словен.-чеш.-др.русск. **vъně* ‘вне / outside’, **vъnъ* ‘наружу / outwards’ [Vasmer I: 328] ~ хот.-сакс. *vina, väna* ‘кроме, исключая / without, except’; вед. *vínā* ‘без / without’ [Bailey 1979: 386; EWAI II: 557]. Ср. также прус. *winna* ‘наружу / outwards’.

40. Ст.-слав./? южн.-слав. **vъtrь*[1] ‘кузнец’ < **vъrtrь* (диссимилятивная утрата первого *-r-* как в современном ороним*е Tatry*, укр. *Tovtry*, первоначально **Tъrt(ъ)ry*, о чем свидетеьствует запись *Turtur Mons* из *Gesta Hungarorum* от 13. в. [см. Shevelov 1964: 483] ~ мл.-авест. *aiiō-vərəθra-* ‘с металлическим щитом / with metallic shield’ [Yašt 13.45]. Гипотетическое славянское исходное **vъrtrь* можно возвести к иранскому источнику, реконструированному в форме **(aiə̯ah-)u̯r̥tri̯a-* ‘относящийся к металлическим щитам’, а под этим может подразумеваться ремесленник, изготавливающий металлические щиты, то есть ‘кузнец’ [Blažek 2010b: 9-14: ст.-слав./южн.-слав. + иран.].

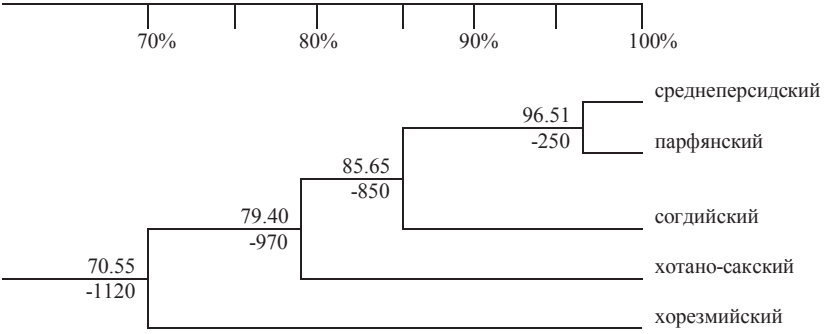
[1] Слав. **vъtrь,* очевидно, распространено только на южнославянской территории: ст.-слав. / ст.-болг. *vъtrь* ‘χαλκεύς, faber ferrarius; τέκτων, faber lignarius’ [Miklosich 1862-1865, 113], ‘artifex, opifex’ [SJS 352: из рукописей с 13 в.]. Ср. далее ц.-слав. абстрактное *vъtrьstvo* ‘χαλκευτική, ars fabri’ [Miklosich 1862-1865, 113]. Серб.-цслав. (16 в.) *vъtrь*, русск.-цслав.. *vъtrь,* ‘кузнец’, *vъtrь mědjanyj* ‘τέκτων χαλκεύς’ ‘кузнец по меди’ (Ioannes Exarchus, *Hexaëmeron*, 1263 — см. Срезневский I: 434), представляют собой, вероятно, адаптацию ст.-слав. слова, см. [Трубачёв 1966: 337; Топоров I: 174]. Прус. *wutris* ‘кузнец’ — вероятно, адаптация русск.-цслав. *vъtrь* ‘то же’.

Приложение: модели классификации

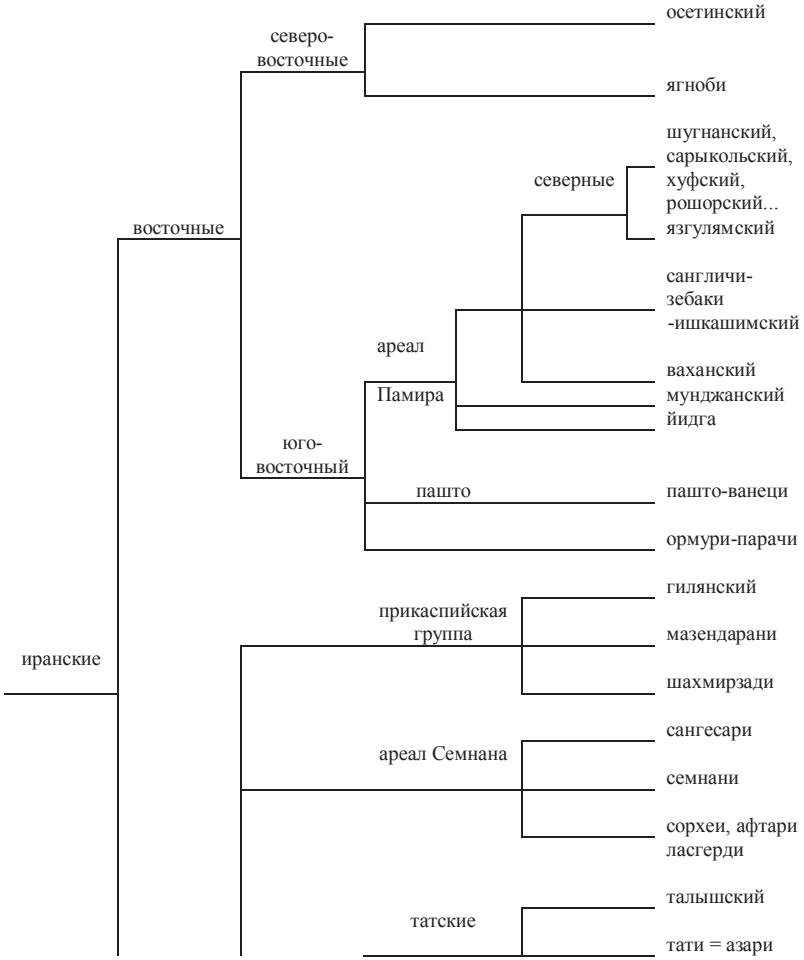
1. Индоиранские языки — внутренняя классификация главных ветвей методом уточненной глоттохронологии [Blažek & Hegedűs 2013: 43]:

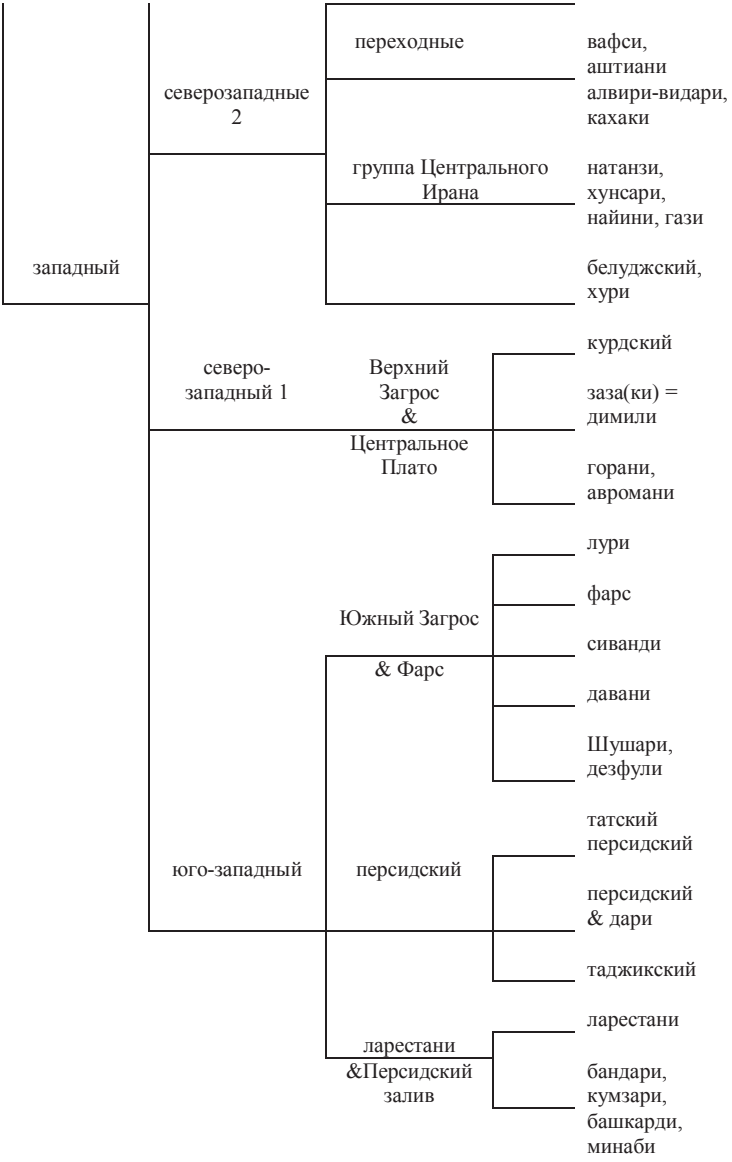


2. Среднеиранские языки — классификация пяти лучше всего засвидетельствованных языков методом уточненной глоттохронологии [Blažek 2013: 53]

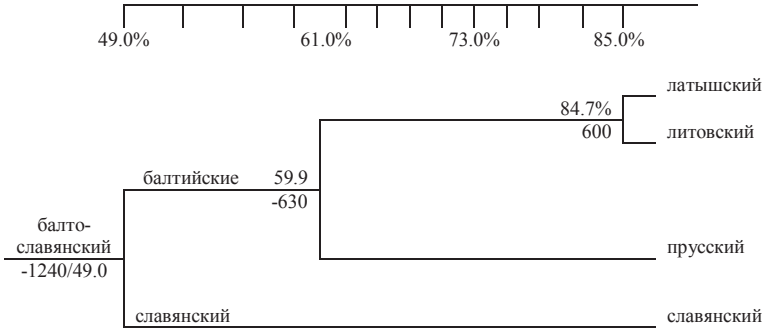


3. Современные иранские языки — традиционная, географически ориентированная классификация [Blažek 2013: 50; создана в соответствии с очерком современных иранских языков, который составил Windfuhr 2010: 12-15].

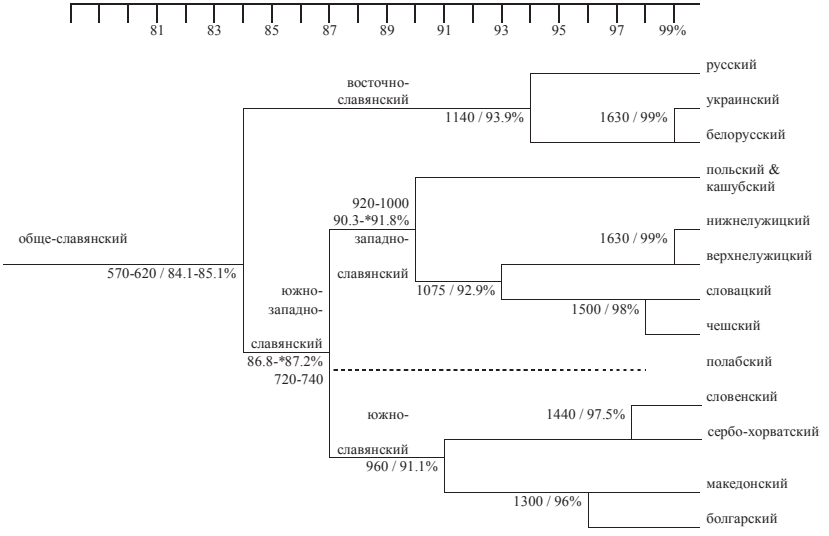



западный
северозападные 2
переходные
вафси, аштиани
алвири-видари, кахаки
группа Центрального Ирана
натанзи, хунсари, найини, гази
белуджский, хури
северо-западный 1
Верхний Загрос &
Центральное Плато
курдский
заза(ки) = димили
горани, авромани
юго-западный
Южный Загрос & Фарс
лури
фарс
сиванди
давани
Шушари, дезфули
персидский
татский персидский
персидский & дари
таджикский
ларестани &Персидский залив
ларестани
бандари, кумзари, башкарди, минаби

4. Балто-славянские языки — классификация методом уточненной глоттохронологии с учетом синонимов [Novotná & Blažek 2007: 205].



5. Славянские языки — классификация методом уточненной глоттохронологии с учетом синонимов [Novotná & Blažek 2007: 201].



Литература

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I-IV. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР / Ленинград: Наука, 1958–1995.

Абаев В. Скифо-европейские изоглоссы: на стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965.

Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. Скифы и славяне: мифопоэтические параллели // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 110–11.

Герценберг Л. Г. Хотаносакский язык // Основы иранского языкознания: среднеиранские языки / Ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука, 1981. С. 233–314.

Зализняк А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // Вопросы славянского языкознания, 6, 1962. С. 28–43.

Зализняк А. А. О характере языкового контакта между славянскими и скифо-сарматскими племенами // Краткие сообщение Института славяноведения АН СССР, вып. 38, 1963. С. 3–22.

Иванов В. В. Славяно-арийские (=индоиранские) лексические контакты // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М.: Наука, 2002/2008 (Цит. по изданию: Иванов Вяч. В. Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2008). С. 526–562.

Кулланда Сергей В. Еще раз о скифском языке // Аспекты компаративистики I. Москва: РГГУ (Труды Института восточных культур и античности — Orientalia et Classica VI), 2005. С. 215–225.

Кулланда Сергей В. Уроки скифского // Вопросы языкового родства / Journal of Language Relationship 5, 2011. С. 48–68.

Мартынов В. В. Балто-славяно-иранские языковые отношения и глоттогенез славян // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 16–26.

Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. М.: Наука, 1983.

Поль Х.-Д. Слова иранского происхождения в русском языке // Russian Linguistics 2, 1975. P. 81–90.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка.

Т. I-III. СПб.–Москва: Типография Императорской Академии наук, 1983–1912.

Топоров В. Н. Прусский язык. Т. I–V. М.: Наука, 1975 и сл.

Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М.: Наука, 1966.

Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. М., 1967.

Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М.: Наука, 1991.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка Т. I–IV / Перевод с немецого языка О. Н. Трубачева. Изд. 3. М.: Прогресс, 1996.

Цаболов Р. Л. Этимологический словарь курдского языка. Т. I–II. М.: Восточная литература, 2001–2010.

Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М.: Восточная литература, 2002.

Эдельман Д. И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Лексика. М.: Восточная литература, 2009.

Этимологический словарь иранских языков. Т. I–IV. / В. Расторгуева, Д. И. Эдельман. М.: Восточная литература, 2000 и сл.

Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Вып 1–39 / Отв. ред. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев. М.: Наука, 1974–2014–.

Abaev V. I. Isoglosse scito-europee. Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli, Sezione Linguistica, 4. 1962. P. 27–43.

Arntz Helmut. Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Baltoslavisch. Heidelberg: Winter. 1933.

Bailey Harold. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge University Press. 1979.

Bartholomae Christian. Altiranisches Wörterbuch. Berlin: Walter de Gruyter. 1904.

Benveniste Émile. Une corrélation slavo-iranienne. In: Festschrift für Max Vasmer. Wiesbaden: Harrassowitz, 1956. P. 70-73.

Benveniste Émile. Les relations lexicales slavo-iraniennes. In: To Honor Roman Jakobson, vol. I. Hague-Paris: Mouton, 1967. P. 197–202.

Blažek Václav. Some Slavic-Iranian Parallels (1–3). Lingua Posnaniensis 38, 1996. P. 111-113.

Blažek Václav. On 'horse' in Slavic. In: Proceedings of the 21st Annual

UCLA Indo-European Conference (Oct-Nov 2009), ed. by Stephanie W. Jamison, H. Craig Melchert, and Brent Vine. Bremen: Hempen, 2010. P. 13–25.

Blažek Václav. Staroslověnské **vъtrь* ‘kovář’. Slavia 79, 2010. S. 9–14.

Blažek Václav. The Slavic deity **Stribogъ* in the perspective of Indo-Iranian etymology. // Theory and Empiricism in Slavic Diachronic Linguistics, ed. Ilona Janyšková & Helena Karlíková. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2012. P. 335–346.

Blažek Václav. On Classification of Middle Iranian Languages (Preliminary Report). Linguistica Brunensia 61, 2013. S. 49–74.

http://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/127149/1_LinguisticaBrunensia_14-2013-1_5.pdf?sequence=1

Blažek Václav & Hegedűs Irén. On the position of Nuristani within Indo-European. // The Sound of Indo-European 2: Papers on Indo-European Phonetics, Phonemics and Morphophonemics (Opava, November 2010), ed. by Roman Sukač & Ondřej Šefčík. Munich: Lincom (Lincom Studies in Indo-European Linguistics 41) 2012. S. 40–66.

Cheung John. Etymological Dictionary of the Iranian Verb. Leiden-Boston: Brill. 2007.

Cvetko-Orešnik Varja. Zu neueren Iranisch-Baltoslawischen Isoglossen-Vorschlägen. Linguistica 23, 1983. S. 175–256.

Cvetko-Orešnik Varja. K metodologiji preučevanja baltoslovansko-indoiranskih jezikovnih odnosov (Linguistica et philologica, 1). Ljubljana: ZRC SAZU, 1998.

Dukova U. Zur Frage des iranisches Einflusses auf die slawische mythologische Lexik. Zeitschrift für Slawistik, 24/1, 1979. S. 11–16.

Durkin-Meisterernst Desmond. Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian. Turnhout: Brepols, 2004.

Eckert Reiner. Zu einigen ossetisch-slawischen Übereinstimmungen. Georgica 4, 1981. S. 71–73.

Gharib B. Sogdian Dictionary. Tehran: Farhangan Publication, 1995.

Gołąb Zbigniew. The initial x- in Common Slavic: A Contribution to Prehistorical Slavic-Iranian Contacts. // American Contributions to the VII International Congress of Slavists (Warsaw, Aug 1973), Vol. 1, 1973. P. 129–156.

Gołąb Zbigniew. The Origins of the Slavs: A Linguist’s View. Columbus: Slavica Publishers, 1992.

Hérodotos. Dějiny aneb devět knih nazvaných Músy, přeložil Jaroslav Šonka. Praha: Odeon, 1972.

Herodotus' Historiën, ed. B. A. Van Groningen. Leiden: Brill, 1963.

Hoad T. F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: Clarendon, 1986.

Horn Paul. Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg: Trübner, 1893.

Ivanov Vyacheslav. Early Slavic / Indo-Iranian Lexical Contacts. In: Proceedings of the Eleventh Annual UCLA Indo-European Conference (JIES Monograph N. 35), ed. by K. Jones-Bley et al. Washington, D.C.: Institute for the Study of Man, 2000. P. 355–370.

Joki Aulis. Uralier und Indogermanen. Helsinki: MSFOu, 1973. 151 p.

Kluge Friedrich & Seebold Elmar. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache 23. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1999.

Kopečný František. Slavisch *kъ* // Anzeiger für slavische Philologie 3, 1969. S. 5–12.

Kullanda Sergej V. External Relations of Scythian. Вопросы языкового родства // Journal of Language Relationship 11, 2014. С. 81–90.

Loma Aleksandar. Skythische Lehnwörter im Slavischen. Versuch einer Problemstellung. // Studia Etymologica Brunensia 1, Praha: Euroslavica, 2000. S. 333–350.

Loma Aleksandar. Aus der skythisch-sakischen Lehnwortforschung. Studia Etymologica Cracoviensia 7, 2002. S. 53–65.

Loma Aleksandar. Namenkundliches zur skythischen Abstammungssage. Studia Etymologica Cracoviensia 11, 2011. S. 75–92.

Loma Aleksandar. Zu einigen skythischen Glossen. Časopis za klasične nauke // A Journal of Classical Studies 43 (Lucida Intervalla – Fs. Ljiljani Crepajac), 2014. S. 7–18.

http://emu.f.bg.ac.rs/lucidaintervalla/issues/43(2014).pdf

Lubotsky Alexander. Scythian elements in Old Iranian. Proceedings of the British Academy 116, 2002. P. 189–202.

MacKenzie D. N. A Concise Pahlavi Dictionary. London: Oxford University Press. 1971.

Machek Václav. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Academia, 1968.

Meillet Antoine. Le vocabulaire slave et le vocabulaire indo-iranien. Revue des études slaves 6, 1926. P. 165–174.

Miklosich Franz. Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum. Vindobonae: Braumüller, 1862–65.

Miklosich Franz. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien: Braumüller, 1886.

http://archive.org/details/etymologischesw00miklgoog

Milewski Tadeusz. Indoeuropejskie imiona osobowe. Wrocław–Warszawa–Kraków: Ossolineum, 1969.

Monier-Williams Monier. A Sanskrit-English Dictionary. Delhi: Motilal Banarsidass.

Novotná Petra & Blažek Václav. Glottochronology and its application to the Balto-Slavic languages (I). Baltistica 42/2, 2007. P. 185–210.

Oranskij I. M. Notes irano-slaves: vieil iranien *var-* / russe dialectal *var*. Acta Iranica 5, 1975. P. 139–143.

Pisani Vittore. Baltico, slavo, iranico. Ricerche Slavistiche 15, 1967. P. 3–24.

Pokorny Julius. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern-München: Francke, 1959.

Reczek Józef. Iranische Entlehnungen im Urslavischen. Folia Orientalia 9, 1968. S. 85–91.

Reczek Józef. Najstarsze słowiańsko-irańskie stosunki językowe. Kraków: Nakł. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1985.

Rejzek Jiří. Český etymologický slovník. Voznice: Leda, 2001.

Shevelov George Y. A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg: Winter. 1964.

Sims-Williams Nicholas. Sogdian *kw* and Slavic *kŭ*. In: Переднеазиатский сборник IV, Гл. ред. И. М. Дьяконов. Москва: Наука, 1986. С. 116–121.

Sims-Williams Nicholas. Bactrian Documents from Northern Afghanistan II: Letters and Buddhist Texts. London: Nour Foundation & Azimuth Editions, 2007.

Skjærvø P. Oktor. The Avesta as source for the early history of the Iranians. // The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity, ed. by George Erdosy. Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1995. P. 155–176.

Steingass Francis Joseph. A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature. London: Routledge & Paul, 1892.

http://dsal.uchicago.edu/dictionaries/steingass/

Vasmer Max. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven: Die Iranier in Südrussland. Leipzig: In kommission bei Markert & Petters, 1923.

Villnow Komárková Jana & Blažek Václav. Slovanské *širъ & *širokъ. Linguistica Brunensia 59, 2011. S. 121–134.

Villnow Komárková Jana & Blažek Václav. Scytho-Slavica: Slaw. *širъ und *širokъ. Indogermanische Forschungen 118, 2013. S. 245–258.

Vullers Ioannis Augustus. Lexicon Persico-Latinum etymologicum. Bonn: Marc. 1855.

https://archive.org/details/ioannisaugustiv00vullgoog

Witczak Krzysztof T. Pozycja języka scytyjskiego w indo-irańskiej rodzinie językowej (część I). Bulletin de la Société Polonaise de linguistique 46, 1991. S. 55–67.

Witczak Krzysztof T. [Vitčak, K.T.] Скифский язык: опыт описания. // Вопросы языкознания. 1992/5, 1992. С. 50–59.

Сокращения

ESJS — *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, 1–15, ed. Eva Havlová et alii. Praha: Academia / Tribun EU 1989.

EWAI — *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*, I–III, von Mannfred Mayrhofer. Heidelberg: Winter 1986-2000.

HAL — *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament,* 1–2, by Ludwig Koehler & Walter Baumgartner. Leiden-Boston-Köln: Brill 2001.

LIV — Lexikon der indogermanischen Verben[2], ed. Helmut Rix. Wiesbaden: Reichert 2001.

NEVP — A new etymological vocabulary of Pashto, by Georg Morgenstierne, ed. by J. Elfenbein, D.N. MacKenzie, & Nicholas Sims-Williams. Wiesbaden: Reichert 2003.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského, I. Praha: Academia, 1966.

Перевела с чешского языка Ж. Ж. Варбот

Vaclav Blazhek
Institute for linguistics and Baltic studies of Philosophy faculty of Masarik University (Czech Republic, Brno)
blazek@phil.muni.cz

IRANO-SLAVICA — TOWARD THE CHRONOLOGY OF PREMODERN IRANIAN LOANS IN SLAVIC

The article presents an analysis of 40 Slavic lexemes attested in South or West Slavic languages. For these lexemes it is possible to propose borrowing from several Iranian donor languages that should have taken place still before the Slavic disintegration (6th cent. CE). With respect to historical context and on the basis of sound rules established for the Iranian languages the following four chronological layers of borrowing may be determined: A. Common Iranian / pre-Avestan (around 1200 BCE); B. Sakish (before 500 BCE); C. Sarmatian (first half of the 1st mill. CE); D. Parthian — Middle Persian (first half of the 1st mill. CE).

Key words: Iranian, Slavic, sound rules, borrowing, chronology.

References

Abaev V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historic-Etymological Dictionary of the Ossetian language]. Vol. I–V, Moscow-Leningrad, Publ. of USSRI Academy of Sciences, Leningrad, Nauka Publ., 1958–1995.

Abaev Vasiliy I. [Scytho-European Isoglosses]. *Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli, Sezione Linguistica,* 1962, No. 4, 27–43. (In Russ.)

Abaev Vasiliy I. *Skifo-evropejskie izoglossy: na styke vostoka i zapada* [Scytho-European isoglosses: East meets West]. Moscow, Nauka Publ., 1965.

Arntz Helmut. *Sprachliche Beziehungen zwischen Arisch und Balto-slavisch*. [Linguistic ties between Aryan and Balto-Slavic]. Heidelberg, Winter, 1933.

Bailey, Harold. *Dictionary of Khotan Saka*. Cambridge, University Press, 1979.

Bartholomae Christian. *Altiranisches Wörterbuch.* [Old Iranian Dictionary]. Berlin, Walter de Gruyter Publ., 1904.

Benveniste Émile. [A Baltic-Iranian Correspondence]. *Festschrift für Max Vasmer* [A Festschrift To Honor Max Vasmer]. Wiesbaden, Harrassowitz Publ., 1956, pp. 70–73. (In Fr.)

Benveniste Émile. [Slavic-Iranian lexical relations]. *To Honor Roman Jakobson*, vol. I, Hague-Paris, Mouton Publ., 1967, pp. 197–202. (In Fr.)

Blažek Václav, Hegedűs Irén. On the position of Nuristani within Indo-European. *The Sound of Indo-European 2: Papers on Indo-European Phonetics, Phonemics and Morphophonemics* (Opava, November 2010), ed. by Roman Sukač, Ondřej Šefčík. Munich, Lincom (Lincom Studies in Indo-European Linguistics 41), 2012, 2013, pp. 40–66.

Blažek Václav. [Old Church Slavic **vъtrь* 'smith']. *Slavia* 79, 2010b, pp. 9–14. (In Czech)

Blažek Václav. On 'horse' in Slavic. *Proceedings of the 21st Annual UCLA Indo-European Conference* (Oct-Nov 2009), ed. by Stephanie W. Jamison, H. Craig Melchert, and Brent Vine. Bremen, Hempen, 2010a, pp. 13–25.

Blažek Václav. On Classification of Middle Iranian Languages (Preliminary Report). *Linguistica Brunensia*, No. 61, 2013, pp. 49-74. Available at: http://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/127149/1_LinguisticaBrunensia_14-2013-1_5.pdf?sequence=1

Blažek Václav. Some Slavic — Iranian Parallels (1–3). *Lingua Posnaniensis*, No. 38, 1996, pp. 111–113.

Blažek Václav. The Slavic deity **Stribogъ* in the perspective of Indo-Iranian etymology. *Theory and Empiricism in Slavic Diachronic Linguistics, ed. Ilona Janyšková & Helena Karlíková*. Praha, Nakladatelství Lidové noviny Publ., 2012, pp. 335–346.

Bongard-Levin Grigorij M., Grantovskij Edvin A. [Scythians and Slavs: mythic-poetic parallels]. *Drevnosti slavjan i Rusi* [Antiquities of the Slavs and Rus']. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 110–113. (In Russ.)

Cabolov Ruslan L. *Etimologicheskii slovaŕ kurdskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Kurdish language]. Vol. I–II, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001–2010.

Cheung Johnny. *Etymological Dictionary of the Iranian Verb.* Leiden-Boston, Brill. 2007.

Cvetko-Orešnik Varja. [On some new Iranian-Balto-Slavic isoglosses]. *Linguistica 23*, 1983, pp. 175–256. (In Slovenian).

Cvetko-Orešnik Varja. [On the methodology of studies in Balto-Slavic-Indo-Iranian language relations]. *Linguistica et philologica* [Linguistics and Philology]. Iss. 1, Ljubljana, ZRC SAZU Publ., 1998. (In Slovenian).

Dukova U. [To the issue of Iranian influence on Slavic mythological vocabulary]. *Zeitschrift für Slawistik* [Journal for Slavistics]. 1979, No. 24/1, pp. 11–16. (In Germ.)

Durkin-Meisterernst Desmond. *Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian.* Turnhout, Brepols. 2004.

Eckert Rainer. [On an Ossetic-Slavic match]. *Georgica 4*, 1981, 71–73. (In Germ.)

Edeľman Dzhoj I. *Iranskie i slavyanskie yazyki. Istoricheskie otnosheniya.* [Iranian and Slavic Languages. Historical Interactions]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2002.

Edeľman Dzhoj I. *Sravnitel'naya grammatika vostochnoiranskikh yazykov: leksika* [Comparative Grammar of East Iranian Languages: Vocabulary]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009.

Etymologický slovník yazyka staroslověnského [Etymological Dictionary of the Old Church Slavic Language]. Iss. 1–16-. ed. Eva Havlová etc. Praha, Academia Publ., 1989–2012-.

Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, Translated and augmented by O. N. Trubachev, Moscow, Progress Publ., 1964–1973. (Original: Vasmer M. *Russisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg*: Winter 1950-58, transl. O.N. Trubačev).

Gercenberg Leonard G. [The Khotan Saka Language]. *Osnovy iranskogo yazykoznanija: sredneiranskie yazyki* [Foundations of Iranian Linguistics: Middle Iranian Languages]. V.S. Rastorgueva (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 233–314. (In Russ.)

Gharib B. *Sogdian Dictionary*. Tehran: Farhangan Publication. 1995.

Goląb Zbigniew. The initial *x-* in Common Slavic: A Contribution to Prehistorical Slavic-Iranian Contacts. *American Contributions to the VII International Congress of Slavists* (Warsaw, Aug 1973), Vol. 1, 1973, pp. 129–156.

Goląb Zbigniew. *The Origins of the Slavs: A Linguist's View.* Columbus: Slavica Publishers. 1992.

Hérodotos. *Dějiny aneb devět knih nazvaných Músy* [Histories or Nine books named Muses]. Translated by Jaroslav Šonka. Praha, Odeon. 1972.

Herodotus' *Historiën* [Histories], B.A. Van Groningen. (Ed.). Leiden, Brill 1963.

Hoad T.F. *The Concise Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford, Clarendon. 1986.

Horn Paul. *Grundriss der neupersischen Etymologie* [Foundations of Modern Persian Etymology]. Strassburg, Trübner Publ., 1893.

Ivanov Vjačeslav V. [Slavic-Aryan (= Indo-Iranian) lexical contacts]. *Slavjanskaja yazykovaja i etnoyazykovaja sistemy v kontakte s neslavjanskim okruzheniem* [Slavic linguistic and ethnic-linguistic systems in contact with non-Slavic environment]. Moscow: Nauka Publ., pp. 17–51; cit. after *Trudy po etimologii indoevropejskikh i drevneperedneaziatskikh yazykov* [Works on etymology of Indo-European and Old Western Asian languages]. Tom 2. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2008, pp. 526–562. (In Russ.)

Ivanov Vyacheslav. Early Slavic / Indo-Iranian Lexical Contacts. *Proceedings of the Eleventh Annual UCLA Indo-European Conference* (JIES Monograph N. 35), ed. by K. Jones-Bley et al. Washington, D.C.: Institute for the Study of Man Publ., 2000, pp. 355–370.

Joki Aulis. *Uralier und Indogermanen* [The Uralians and the Indo-Europeans]. Helsinki: MSFOu Publ., 1973. 151p. (In Germ.)

Kluge Friedrich, Seebold Elmar. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache* [Etymological Dictionary of the German language] Berlin-New York, Walter de Grujter Publ., 1999.

Koehler Ludwig & Baumgartner Walter. *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*, Vol. 1–2, Leiden-Boston-Köln, Brill 2001.

Kopečný František. [Slavic *kъ*]. *Anzeiger für slavische Philologie* [Messenger for Slavic Philology]. 1969, No. 3, pp. 5–12.

Kullanda Sergej V. [Lessons in Scythian] *Voprosy yazykovogo rodstva,* 2011, No. 5, pp. 48–68. (In Russ.)

Kullanda Sergej V. [Once again on Scythian]. *Aspekty komparativistiki* (Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti — Orientalia et Classica VI), [Aspects of Comparative Linguistics. Proccedings of The Institute of Oriental and Classical Studies]. 2005, pp. 215–225. (In Russ.)

Kullanda Sergej V. External Relations of Scythian. *Voprosy yazykovogo rodstva // Journal of Language Relafionship*, 2014, No.11, pp. 81–90.

Loma Aleksandar. [On some Scythian Glosses]. // *Časopis za klasične nauke. A Journal of Classical Studies 43 (Lucida Intervalla — Fs. Ljiljani Crepajac)*, 2014, pp. 7–18. (In Germ.)

Available at: http://emu.f.bg.ac.rs/lucidaintervalla/issues/43(2014).pdf

Loma Aleksandar. [Onomastics of the Scythian Origin Legend]. *Studia Etymologica Cracoviensia* [Krakow Etymological Studies]. 2011, No.11, pp. 75–92. (In Germ.)

Loma Aleksandar. [Scythian borrowings in Slavic. An attempt at posing a problem]. *Studia Etymologica Brunensia* [Brno Studies in Etymology]. Iss.1, Praha, Euroslavica Publ., 2000, pp. 333–350. (In Germ.)

Loma Aleksandar. [Studies on Scytho-Saka borrowings]. *Studia Etymologica Cracoviensia* [Krakow Etymological Studies]. 2002, No.7, pp. 53–65. (In Germ.)

Lubotsky Alexander. *Scythian elements in Old Iranian. Proceedings of the British Academy* 116, 2002, pp. 189–202.

Machek Václav. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of the Czech Language]. Praha, Academia Publ., 1968.

MacKenzie D. N. *A Concise Pahlavi Dictionary.* London, Oxford University Press. 1971.

Martynov Viktor V. [Balto-Slavic-Iranian language relations and Slavic glottogenesis]. *Balto-slavjanskie issledovanija* 1980 [Baltic-Slavic Studies 1980]. Moscow, 1981, pp. 16–26. (In Russ.)

Martynov Viktor V. *Yazyk v prostranstve i vremeni* [Language in Space and Time]. Moscow, Nauka Publ., 1983.

Mayrhofer Manfred (Ed.). *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen* [Etymological Dictionary of Old Indo-Aryan]. Vol. I–III, Heidelberg, Winter. 1986–2002.

Meillet Antoine. *Le vocabulaire slave et le vocabulaire indo-iranien* [Slavic Vocabulary and Indo-Iranian Vocabulary]. *Revue des études slaves* [Slavic Studies Review]. 1926, Iss.6, pp. 165–174.

Miklosich Franz. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Wien, Braumüller Publ., 1886. 1171 p.

Available at: http://archive.org/details/etymologischesw00miklgoog

Miklosich Franz. *Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum* [Old Slavic — Greek — Latin Lexicon]. Vindibonae, 1862–1865. 1171 p.

Milewski Tadeusz. *Indoeuropejskie imiona osobowe* [Indo-European Personal Names]. Wrocław-Warszawa-Kraków, Ossolineum Publ., 1969.

Monier-Williams Monier. *A Sanskrit-English Dictionary.* Delhi, Motilal Banarsidass Publ., 1889 [1993].

Morgenstierne Georg. *A new etymological vocabulary of Pashto*, ed. by J. Elfenbein, D.N. MacKenzie, & Nicholas Sims-Williams. Wiesbaden, Reichert Publ. 2003.

Novotná Petra, Blažek Václav Glottochronology and its application to the Balto-Slavic languages (I). *Baltistica* 42/2, 2007, pp. 185–210.

Oranskij I.M. [Iranian-Slavic notes: Old Iranian *var-*/ russ. *var-*]. *Acta Iranica* [Iranian acts]. 1975, No.5, pp. 139–143. (In French).

Pisani Vittore. [Baltic, Slavic, Iranian]. *Ricerche Slavistiche* [Slavic Studies]. Iss. 15, 1967, pp. 3–24. (In Ital.)

Pohl H.-D. [Words of Iranian origin in Russian]. *Russian Linguistics*, 1975, No.2, pp. 81–90. (In Russ.)

Pokorny Julius. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern-München, Francke Publ., 1959.

Rastorgueva Vera S., Edel'man Dzhoi I. (Eds.). *Etimologicheskii slovaŕ iranskikh jazykov* [Etymological Dictionary of the Iranian Languages]. Vol. I-IV, Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 2000.

Reczek Józef. [Iranian borrowings in Proto-Slavic]. *Folia Orientalia* [Oriental Writings]. Iss. 9, 1968, pp. 85–91. (In Germ.)

Reczek Józef. *Najstarsze słowiańsko-irańskie stosunki językowe* [Oldest Slavic-Iranian language connections]. Kraków, Publ. of Yagellonian University, 1985.

Rejzek Jiří. *Český etymologický slovník* [Czech etymological dictionary]. Voznice, Leda Publ., 2001

Rix Helmut (Ed.). *Lexikon der indogermanischen Verben* [Dictionary of Indo-European verbs]. Wiesbaden, Reichert Publ., 2001.

Shevelov George Y. *A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic.* Heidelberg, Winter, 1964.

Sims-Williams Nicholas. *Bactrian Documents from Northern Afghanistan II: Letters and Buddhist Texts.* London, Nour Foundation & Azimuth Editions, 2007.

Sims-Williams Nicholas. Sogdian *kw* and Slavic *kŭ*. *Peredneaziatskij sbornik* [Western Asiatic Collection of articles]. Iss.4, I.M. D'jakonov (Ed.) Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 116–121.

Skjærvø P. Oktor The Avesta as a source for the early history of the Iranians. *The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity*, ed. by George Erdosy. Berlin-New York, Walter de Gruyter, 1995, pp.155–176.

Slovník jazyka staroslověnského [A Dictionary of Old Church Slavic Language]. Vol. I, Praha, Academia Publ., 1966.

Sreznevskii I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. Vol. I–III, St.Petersburg, Publ. of the department of Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences, 1893–1902. (reprint edition Moscow, Znak Publ., 2003).

Steingass Francis Joseph. *A Comprehensive Persian-English dictionary, including the Arabic words and phrases to be met with in Persian literature.* London, Routledge & Paul Publ., 1892.

Available at: http://dsal.uchicago.edu/dictionaries/steingass/

Toporov Vladimir N. *Prusskij slovaŕ* [Prussian Dictionary]. Vol. I–V, Moscow, Nauka Publ. 1975.

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (Eds.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Iss. 1–39, Ed. O. N. Trubachev (iss. 1–31), A. F. Zhuravlev (Iss. 32–39), Moscow, Nauka Publ., 1974–2014–.

Trubachev Oleg N. [From Slavic-Iranian lexical connections]. *Etimologiya* 1965 [Etymology 1965]. M., 1967, pp. 3–81. (In Russ.).

Trubachev Oleg N. *Etnogenez i kul'tura drevneyshikh slavyan* [Ethnogenesis and Culture of the Earliest Slavs]. Moscow, Nauka Publ. 1991.

Trubachev Oleg N. *Remeslennaya terminologiya v slavyanskikh yazykakh* [Crafts Terminology in Slavic Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1966.

Vasmer Max. *Untersuchungen über die altesten Wohnsitze der Slaven: Die Iranier in Südrussland* [Studies Concerning the Oldest Habitation of the Slavs: Iranians in the South Russian Area]. Leipzig, In kommission bei Markert & Petters, 1923 (In Germ.)

Villnow Komárková Jana, Blažek Václav [Scytho-Slavic: Slav. **širъ* und **širokъ*]. *Indogermanische Forschungen* [Indo-European Investigations]. Iss. 118, 2013, pp. 245–258. (In Germ.)

Villnow Komárková Jana, Blažek Václav [Slavic **širъ* & **širokъ* 'broad']. *Linguistica Brunensia*, 2011, No.59, pp. 121–134. (In Czech).

Vullers Ioannis Augustus. *Lexicon persico-latinum etymologicum* [Persian-Latin Etymological Dictionary]. Bonn, Marc Publ. 1855.

Available at: https://archive.org/details/ioannisaugustiv00vullgoog

Witczak Krzysztof T. [Position of Scythian in the Indo-Iranian language homeland (part I)]. *Bulletin de la Société Polonaise de linguistique* 46 [Proceedings of the Polish Linguistic Society 46]. 1991, pp. 55–67. (In Polish).

Witczak Krzysztof T. [Scythian language: a tentative description]. *Voprosy jazykoznania* [Issues in linguistics]. 1992, No. 5, pp. 50–59. (In Russ.)

Zaliznyak Andrej A. [On the nature of language contact between Slavic and Scytho-Sarmatian tribes]. *Kratkie soobshchenija Instituta slavjanovedenija AN SSSR* [Short communications of the Institute of Slavic Studies]. 1963, Iss. 38, pp. 3–22. (In Russ.)

Zaliznyak Andrej A. [Problems of the earliest Slavic-Iranian language relations]. *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya*, 1962, No. 6, pp. 28–43. (In Russ.)

М. М. Валенцова
Институт славяноведения РАН
(Россия, Москва)
mvalent@mail.ru

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *УПЫРЬ*

Перспективность применения этнолингвистического подхода в этимологии, особенно для архаического пласта мифологической лексики, была показана в работах О. Н. Трубачева, В. Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, Н. И. и С. М. Толстых и ряде др. В статье рассматривается один из терминов мифологической лексики, обозначающий «ходячего» покойника, известный всем славянским языкам — *упырь*. Дается краткий обзор существующих этимологических версий этого слова, не имеющего на сегодняшний день однозначной трактовки. Комментируется — с точки зрения традиционной славянской народной культуры — восстанавливаемая некоторыми версиями семантика слова *упырь* как «несожженного покойника», существа летающего, но «не-птицы», или ‘вылетающего из могилы’, мифологического персонажа, который вонзается в жертву, и т. п., обсуждается также возможность заимствования термина. Предлагается еще одна версия этимологизации слова *упырь* на основе слав. **piti* (с префиксом *ǫ-* и суффиксом *-r-*) о чем дает возможность говорить культурная семантика этого образа: (1) как существа, *выпивающего* жизненную силу (и ее субстанцию — кровь) у людей и животных, отнимающего у них жизнь и тем самым обеспечивая дополнительную жизнь себе; (2) как нечистого покойника, вечно мучимого жаждой и (3) как души умершего, еще при жизни обладавшего бóльшим количеством энергии, чем у обычных людей.

Ключевые слова: этнолингвистика, этимология, мифологическая лексика, славянская традиционная культура.

Для установления этимологии слова необходимы исследования в самых разных областях лингвистики и филологии: в диалектологии, исторических фонетике, морфологии и лексикологии, истории языка — в том числе в вопросах языковых контактов, миграций, субстратно-адстратных отношений и т. п. Немаловажную роль в этимологических исследованиях играет этнолингвистика, то есть наука о взаимосвязи и соотношении языка с культурой и мышлением, которая помогает реконструировать древнюю семантику слова через контексты его функционирования.

Как подчеркивали в докладе на VIII съезде славистов Н. И. и С. М. Толстые, «культурно-исторический контекст, в котором реально функционирует или функционировало слово, становится дополнительным источником, а в ряде случаев и решающим критерием реконструкции исходного значения слова и направления его семантической эволюции. Перспективность такого подхода в этимологии, в особенности для архаического пласта мифологической лексики, после ряда недавних работ не нуждается в доказательстве» [Толстой–Толстая 1978: 365]. С тех пор появилось множество других работ, использующих подобный подход, см., например: [Трубачев 2004, 2005, 2008, 2009, Иванов, Топоров 1974, Иванов 1983, Топоров 2004] и др.

Сферой общего интереса этнолингвистики и этимологии продолжает оставаться мифологическая лексика. Являясь одной из центральных тематических групп для традиционной культуры, отражая мифологические представления древних славян, эта лексика уже несколько десятилетий привлекает внимание также с точки зрения этимологического анализа, см. [Трубачев 1967; Топоров 1969, 1974; Дукова 1980; Dukova 1983, 1984, 1985; Popowska-Taborska 1999; Eckert 2010; Зубов 1981, 2010; Stachowski 2005; Раденкович 2011] и др. Ряд древних мифонимов получил общепризнанное и убедительное толкование, например, *rároh / rarog* [Трубачев 1967: 64–71], **čьrtъ* [ЭССЯ 4: 164–165], этимология других остается точно не установленной и продолжает пополняться новыми версиями. К последним относится и

лексема *упырь*, первое упоминание которой в древнерусских рукописях восходит к XI в.[1]

Существует более десятка этимологий термина *упырь*. Трудность этимологизации связана с большим количеством вариантов слова, в котором варьируют практически все фонемы, ср.: рус. *упырь, упирь* [Фасмер 4: 165]; др.-рус. *упирь, опыр, впыр, упыр* [Преображенский 1: 64], укр. *упирь, упер, опир, опирь* [ЕСУМ 6: 38], *упир, опир, опир', опиер', опер', пір, упир', упір, ўпир', вопир* [Хобзей 2002: 142, 145–147], блр. *вýпар* [ЭСБМ 8: 225], *упір*, чеш *upír,* слц. *upír,* пол. *upiór, wypiór*, ст.-пол. *upierz*, пол. диал. *łupiór, wypiór* [Machek: 669], *wąpierz* [Baranowski 1981: 51], кашуб. *łupi, łåpi, opi* [Sychta 3: 30, 330], болг. *въпир, вепир, вапир, ляпир* [БЕР 1: 117], *вампыр, вепыр, вѫпыр* [Геров 1: 105], *вапирин, въпер, вопер, випир, йепир, влепир(ин), лепир(ин), лампир, лемпир, лемптир, липир, липирь, упир* [Dukova 1985: 39–40], с.-х. устар. *upir, upirina*; серб. *вампир,* с.-черногор. *вампијер*, зетск. *лампијер*, словен. *vampir*, макед. *вампир, вепир, вопер* [Раденкович 2014]. Этимологические словари славянских языков, даже склоняясь к какой-либо определенной версии, как правило, перечисляют также и другие существующие гипотезы[2].

Большинство исследователей этого слова сходятся в том, что оно образовано при помощи префикса, который чаще всего этимологизируют как *ǫ-*. Основные версии этимологии корня связывают семантику корня с разными признаками, приписываемыми упырю: **pyr-* 'огонь, жар' и реконструкция первичного значения как «несожженный» (покойник); **per-* 'летать' и сближение слов *упырь* и *нетопырь*, где префиксу *и-* (<*ǫ*) приписывается отрицательное значение («не-птица»); **vъnъ-pirь//-pyrь* с значением 'тот, что вылетает, вылезает снизу'; **pĕr-* 'втыкать, вонзать' и попытка мотивировать

[1] Сообщая о русском приоритете в назывании упыря, «вампирические» энциклопедии подразумевают книжника по прозванию Упырь Лихой. В словарной статье Срезневский приводит это «прозвание или собственное имя», сославшись на «Послесловие» к «Толкованию на книги пророческие» (сохранилось в рукописях XV в., но, как явствует из текста, восходит к оригиналу XI в.) [Одесский 2011: 53].

[2] См. [Фасмер 4: 165, Преображенский 1: 64, Аникин 2012: 42–45, Holub, Kopečný: 403; Machek: 669, Brückner: 594, ЕСУМ 6: 38–39, ЭСБМ 8: 225, Skok 3: 564] и др. Й. Рейзек, приводя возможные праформы **ǫpyrь*, **ǫpirь*, **upirь* и др., высказался определенно: «Неясное. Разнообразие форм и неясная мотивация наименования не дают возможность предложить убедительное объяснение» [Rejzek: 692].

название упыря его свойством «впиваться, пронзать» жертву, чтобы выпить ее кровь (добавим, что помимо активного аспекта мотивации, здесь возможно было бы и обратное направление мотивирующего действия, пассивного аспекта — пронзание колом тела самого вампира; это действие-оберег препятствовало его дальнейшему «хождению»); предлагалась также версия заимствования корня из тюркских языков (башк., тат. *убыр* ‘злой дух, ведьма, демон’) и др. Например, П. Скок трактует слово либо как заимствование из с.-турецкого *ubyr*, *ubyrly* ‘ведьма, вештица’; либо из славянского корня *pir*<*per* ‘летать’ с префиксом *ǫ* > *u* или *wam*- со значением отрицания ‘не’; также он считает слово *упырь* табуизированным названием *волколака* [Skok 3: 564]. Этимологический словарь украинского языка поддерживает версию происхождения слова *упырь* («по народным представлениям, оборотень, мертвец, который будто бы выходит ночью из гроба и сосет кровь спящих людей») из псл. **ǫpyrь* с первоначальным значением ‘несожженный’: префикс с отрицательным значением *ǫ*- и корень *pyr*- ‘огонь, жар; па́рить’. Слово, по мнению авторов, «отражает давнюю веру в очистительную силу огня и восходит к языческой практике обязательного обряда кремации; похороненный без этого обряда покойник, будто бы, становился упырем». Перечисляются в Словаре и другие этимологии данного слова [ЕСУМ 6: 38–39]. Подробный обзор всех версий с критическими замечаниями по каждой из них дан в статье польского исследователя Казимира Стаховского [Stachowski 2005].

Литература об упыре, и этимологическая, и этнографическая, огромна[1]. Если соединить точки зрения этимологии и этнолингвистики, то станет заметно, что все имеющиеся версии семантически уязвимы. Признаки, на которых основываются гипотезы происхождения слова *упырь*, не являются характерными исключительно для данного персонажа. Сжигание трупа вампира как последнее и радикальное средство избавления от его вредоносного воздействия (после предшествующих действий с целью оберега от него: обсыпания маком, вкладывания в рот монеты или камня, выноса гроба через окно, пробивания груди колом, подрезания жил на ногах, переворачивания

[1] См., напр., [Левкиевская 1995: 281–286 (там лит.)], [Спировска, Вражиновски 1988], [Плотникова 2004: 212–218, 634–645]; [Новичкова: 547–551]; [Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska: 277–278]; [Dźwigoł 2004]; [Baranowski 1981]; [Раденковић 2009, 2014]; [Лукінова 1983]; [Трубачев 1994] и др.

вниз лицом и т.п.), не специфично для борьбы с его «хождениями»; это универсальный способ уничтожения опасных или нежелательных предметов и явлений и в похоронной, и в календарной, и в окказиональной обрядности (см.: [Виноградова 2012: 371–373]). Говорить об обязательном в языческие времена у славян обряде кремации также следовало бы осторожно, поскольку обряд кремации не был повсеместным: согласно археологическим данным, наряду с трупосожжением фиксируется и достаточно раннее трупоположение, иногда в одном и том же могильнике[1]. На то, что сжигание трупов опасных покойников было лишь одним из способов защиты от вампиров, притом совсем не самым частым, указывает и К. Стаховский [Stachowski 2005: 77]. Мотив «надувания» мертвеца от выпитой крови характерен преимущественно для южнославянских традиций, при этом вампир представляется в виде кожаного мешка, наполненного кровью жертв. Сомневается в том, что это качество — ‘надутость’, отраженное в **pir-*, было настолько важным, чтобы дать название мифологическому персонажу, и польский исследователь [Stachowski 2005: 76]. Связь вампира с птицей вообще чрезвычайно редка: одно из таких немногочисленных свидетельств, приведенное ниже, показывает, что эта связь формальна и типологически принадлежит к другой сфере: она отражает мотив опасности зрения (также и голоса) «заложных» покойников и вообще нечистой силы[2]; требование сюжета «заставляет» вампира забираться на колокольню или превращаться в птицу, чтобы с высоты как можно дальше увидеть (или «покрыть» голосом) и тем самым убить как можно больше людей. Мотив полета души ведьмы (или *двоедушника, моры*, покойника и под.) в виде птицы

[1] «Область расселения славянской культурно-племенной группировки, представленной пеньковской керамикой, выделяется тем, что здесь вместе с погребениями по обряду кремации бытуют и трупоположения, причем обычно на совместных могильниках» [Седов 1996: 69]. Очень скоро обряд кремации умерших в ареале расселения славян, представленных пеньковской керамикой, был вытеснен ритуалом трупоположения. В IX–X вв. безраздельно уже господствовал обряд ингумации [там же: 70]. Впрочем, такое же колебание между обрядами погребения (ингумации или кремации) наблюдается и в этнической истории других европейских и не европейских народов.

[2] Ср.: “Najwięcej ludzi umiera, gdy za sprawą upiora *zwonë same jidą* Sy III 330, IV 25 (por. głuż. *zwony du* ‘dzwonia’ Trof 455), ponieważ jak daleko słychać ich głos, tak daleko ludzie umierają” [Больше всего людей умирает тогда, когда после смерти упыря колокола сами начинают звонить (ср. в.-луж. *zwony du* ‘звонят’), поскольку везде, куда доносится звон колоколов, умирают люди] [Treder 1989: 85].

или бабочки[1] не может быть использован в качестве семантического аргумента, поскольку направление мотивации в данном случае обратное: энтомологические названия мотивированы именами мифологических персонажей, а не наоборот, см. [Vážný 1955].

Одной из наиболее разработанных выглядит гипотеза о заимствовании рассматриваемого термина из тюркских языков, выдвинутая еще в начале XX в. и позже обоснованная К. Стаховским. Автор говорит о заимствовании термина *упыр* в славянские языки дважды, из двух разных источников: (1) на севере — в восточнославянские языки из кыпчак. **opyr* ≈ **upyr* ‘ведьма, злой дух; обжора’ (> тат. *ubyr* ‘оборотень, волколак; способный превращаться; обжора’), а оттуда в западнославянские языки; (2) на юге донором стал булгарский: чуваш. *vabove, voBăr, vuBăr, vyBăr* ‘злой дух’, ‘ведьма’ > болг. *въpir, vapir, vepir* ‘упырь’, а оттуда в другие южнославянские языки [Stachowski 2005: 84–85]. Известно, что для булгар и чувашей всех периодов их этнической истории был характерен обряд ингумации [Дроздова 2007], у славян — кремации, постепенно заменяемый ингумацией. Этот факт дает возможность, если данная гипотеза верна, трактовать первоначальное значение слова *upyr* как ‘некремируемый покойник неславянского (тюркского) происхождения’, который, согласно значению в языке-доноре, считался ‘ведьмой, ведьмаком, злым духом, оборотнем’. Идею заимствования поддерживает и тот факт, что, как отмечает автор, А. Вайан считал идею вампиризма у славян второстепенной, вторичной и достаточно поздней [Stachowski 2005: 83]. С точки зрения культурологии гипотеза не вызывает возражений. Заимствованием объяснялось бы и большое фонетическое разнообразие форм. Остаются только не очень понятными хронологические рамки предполагаемого заимствования по «северному пути» (для южного, вероятно, подразумевается время около 7 в. н. э., когда булгары мигрировали на Балканы), а также вызывает некоторое сомнение объяснение польской формы *wąmpierz* (с *-m-*). Как аргумент используется «появление на славянской почве неэтимологического *-m-*» («либо ошибочная народная этимология») [Stachowski 2005: 84] как для северного, так и для южного пути заимствования: «слово распространилось на Балканы и еще на территории болгарского языка или позже обогатилась неэтимологическим *-m-*» [Stachowski 2005: 85].

[1] Ср., напр.: болг. *мора*, душа ожившего нечистого мертвеца, летает в виде птицы и бабочки, мучит спящих, высасывает кровь, как вампир [БМ: 219].

Не объяснено также, как из чувашской лексемы *văBăr* и под. с произносимым корневым *b* (в интервокальной позиции) получилось *p*, отраженное во всех славянских формах.

Считается, что к гипотезам о заимствовании стоит обращаться лишь при невозможности этимологизировать лексему на славянской почве. Поэтому, наверное, стоит предпринять дополнительные попытки для поиска этимона в славянском.

Каждая из предлагавшихся этимологий имеет как сильные, так и слабые стороны — и в фонетике, и в семантике; все они (кроме гипотезы о заимствовании) для подтверждения семантической истинности использовали какое-либо качество или функцию вампира (порой маргинальную), вырванную из цельного образа. Представляется, что для успешной этимологизации помог бы целостный анализ этого образа во всем его многообразии с вычленением его дифференциальных признаков — причем с учетом всех славянских традиций — то есть тех признаков, которые, несмотря на обилие отклонений и вариаций в трактовках этого персонажа, делают вампира вампиром, т.е. конституируют этот образ.

Обширный корпус этнолингвистических данных дает возможность вернуться к гипотезе, возводящей название *упырь* к глаголу **piti* ‘пить’ < **pōi-*/**pī-* [Фасмер 3: 269], предложенной еще А. Н. Афанасьевым в труде «Поэтические воззрения славян на природу». Гипотеза эта, однако, не получила признания и дальнейшего развития по понятным причинам: слабая этимологическая база и очень мифопоэтическая, уходящая в непроглядную даль ассоциаций, связь «ходячего» покойника со змеем-смоком, великаном Опивалой и далее с природным грозовым демоном, «который сосет тучи и упивается дождевою влагою» [Афанасьев 1994: 565 и далее]. Вместе с тем суть персонажа была подмечена верно. Говоря о том, что слово удовлетворительно не объяснено, Афанасьев указывает, что «исследователи сближают его с литовским *wemptî* — пить (*ału wemptî* — потягивать брагу, *wempti, wampiti* — ворчать, бурлить, бормотать) или производят от корня *pî-* (пить) с приставкою *y=av, va*. Если принять это производство, то вампир будет означать опойцу, существо, которое впивается в живое тело и сосет из него кровь, как пьявка» [Афанасьев 1994: 563]. Действительно, в литовском глагол *vem̃pti, -ia, -ė* означает ‘пить’, но с отрицательными коннотациями: ‘жадно, большими глотками пить, хлестать’; глагол *vam̃pyti, -ija, -ijo* — ‘лаять, визжать

(о собаке)' и 'ворчать, бормотать (о человеке)' — по происхождению звукоподражательный, ср. ономатопеическое *vámpt* — 'гав, бах, плюх, бац' [LKŽ][1], которое могло бы быть использовано для характеристики жадного и шумного питья. Литовские лексемы в лучшем случае объяснили бы происхождение форм с начальным *вам-* (*вампир*), в частности, польскую форму *wąpierz*, но не формы *upir* / *opir*.

Безусловно, объяснение имеющихся славянских форм при этимологизации имени вампира фонетически и морфологически довольно трудно. Само многообразие форм можно было бы объяснить длительной историей существования слова, огромной территорией его распространения и смешением его с другими, близкими по звучанию корнями (при условии, что это не противоречило характеристике персонажа, напр., с корнем **pěr-* поскольку вампир впивается, вонзается, вгрызается в жертву)[2], законами развития отдельных славянских языков, воздействием на них соседних неславянских языков (возможно, колебания *и* / *ы* в корне или отвердения конечного согласного в рус. и укр. *упирь* / *упырь* связано с влиянием татар. *убыр*), и т.п. Хотя для объяснения чередования корневого гласного (*i* / *y*) и мягкости /твердости следующего за ним согласного *r* можно и не прибегать к привлечению иноязычного материала, поскольку, эти явления достаточно широко представлены, например, в русских говорах, ср.: *дира* 'дыра' (перм., вят., волог., костр., с.-двин., арх., яросл., моск., тул., орл., брян., тамб., дон.), а также *дирка* и *дирька* 'дырка' (Слов. Акад. 1847, пск., смол., волог., орл., ворон., краснодар., брян., курск., калуж., тамбов.) [СРНГ 8: 66].

Чередование в анлауте в славянских диалектах (*упир* / *опир* / *въпир* / *вапир* / *lepir* / *ópi* / *u̯ópi* / *u̯éṕi* / *roṕe* и т.п.) можно объяснить фонетическим переходом *ǫ-* в *у-*(*пир*), из которой затем делабиализацией в *о-*(*пир*); протетическим начальным *w*/*ł*/*u̯* (пол. диал. *wǫpirъ*, *u̯úṕi*, *łuṕi*). Реже протетическими согласными выступают звуки *h*, *r*: пол. диал. *håṕi, roṕi* < *oṕi*; *wypiór, lupir* < *upiór* [Саннни-

[1] Благодарю за помощь с переводом литовских слов доц. Юрате Любене из Клайпедского университета, Литва.

[2] Напр., бел. *вупар* объясняют как контаминацию слов *упыр* 'кровосос, вампир' и *ўпіраццa* 'упрямиться' [ЭСБМ 8: 225]. Ср. аналогичный случай в ряду мифологических имен: «Напр., *намной* — дух, который наваливается во сне и оставляет синяки на теле, что является предвестием несчастья (яросл.). Другой вариант этого персонажа — *навной* (калин.) — позволяет установить связь со словом *навь* (*навье*) 'мертвец, покойник'» [Черепанова 1983: 49].

кова 1990: 95]. Возможно и ономатопеическое объяснение начального *l-* как возникшего под влиянием слов, изображающих шаги и голос вампира: пол. *łup, łup, łup* [Popowska-Taborska 1999: 374], лит. *vámpt*. Не исключены в некоторых случаях и семантические причины изменения префикса, ср. напр. в рус.: *о(б)пился, упился, выпил*. В словацком, например, формы с префиксом *u-* регулярны: словац. *upiť sa* ‘упиться’ *upiť si* ‘отпить чего’ [VSRS 5: 231], обычны они и для чешского: *upití, n* — das Abtrinken = *napití, opilosť*, die Trunkenheit; *upijeti* — odpiti, ab-, wegtrinken; opiti, betrinken, berauschen; pitím přemoci, jemanden übertrinken. Jg. *Sv. Lucie noci upije* (od 13/12. dne již neubývá), an Lutze thut der Tag stutze... [Kott 4: 383] (последняя календарная паремия хорошо известна и словакам).

Этимологизацию на основе **piti* обусловливают семантика слова *упырь* и значение его денотата — образа демона — в славянских поверьях. Обычно названия, и особенно названия (имена) мифологических персонажей, даются на основании характерных для них признаков, функций, мест обитания и т.п., причем таких, которые наиболее релевантны для данного типа культуры или традиции. Один и тот же персонаж может получать несколько таких имен даже в одной этнической традиции (например, о.-слав. *мора* в Словакии называется *mora, mara, mura*, а в северных горных регионах — *hnetuch, sedlisko* — по характерному действию «гнести, давить» и «садиться на грудь, наваливаться на человека»; все эти названия синонимичны в данном контексте и отражают основную функцию *моры* «давить во сне»). В названии вампира также ожидалось бы отражение сущностных характеристик этого демона.

В традиционной культуре славян *упырь* — нечистый покойник, встающий из могилы и сосущий кровь и молоко у людей и животных, то есть жидкую субстанцию, являющуюся и реально, и символически их жизненной силой (ср. выражение о здоровом человеке: *кровь с молоком*). Эта субстанция дает вампиру дополнительную жизнь после смерти, в то время как донор чахнет, сохнет и умирает. Ср. текст, записанный в восточной Словакии: *Keď telo nezmeravie po smrti, mrtvý chodí dobytok piť. Vracajúci sa mŕtvy cicia krv dobytku, takže tento zdochne. <...> Keď sa premení na vtáka, koľko dedín “zapatrí” (zazre), všetky sú jeho a spíja všetko* [Если тело не застынет по смерти, то мертвый ходит скот пить. Возвращающийся мертвец сосет кровь у

скота, отчего тот дохнет. <...> Когда он превратится в птицу, сколько деревень увидит — все его, и выпивает всё] (Вышне Ревиште, окр. Собранце — AT ÚEt č. 50, zap. J. Mjartan, 1949). В другом тексте, датируемом 1823 годом, из с. Наштице (окр. Угровец, Западная Словакия), рассказывается, что крестьянин нашел и принес домой ребро мертвого человека, и с этих пор дом стал несчастным: мертвец постоянно ходил просить обратно свое ребро, которое между тем потеряли и не могли вернуть; в конце концов мертвец извел и людей, и скот, или, «лучше сказать, всех выпил до смерти» (*Lepšie povedané, všetci sa upili na smrť*) [Horváth 1968: 111]. Можно сказать, что упырь «заедает» или «выпивает» чужой век (в народной культуре еда и питье нередко синонимичны). Последняя быличка отличается тем, что *вампир* здесь не материализованный покойник, пьющий кровь, а дух, «выпивающий» жизненную силу живых людей.

В основе образа упыря лежит один из древнейших концептов архаического сознания, связанный с выживанием, борьбой за выживание — это магическое действие отбирания или кражи «благополучия». В понятие «благополучие» входят: здоровье, богатство (включая урожай на полях и приплод скота), счастье (то есть любовь и удача), и сама жизнь. Лишение этих благ в культуре нередко кодируется глаголами *пить, выпивать, высасывать* (см. [Валенцова 2009: 56–57]). Агентами «отбирания» могут быть как люди со сверхъестественными способностями, так и боги и демоны. Мотив этот очень древний, его можно найти в легендах о проглатывании (выпивании, высасывании) солнца змеями [Гура 1997: 283] или волколаками (мотив А12 — Березкин) — мотивах, известных не только славянам, но и другим народам мира. По белорусским представлениям, «грэючыся на сонцы і лежачы ў ценю, змеі звычайна смокчуць яго, з-за чаго сонца летам паступова памяншаецца і зноў адрастае за зіму, калі змеі не бачаць яго [Васілевіч 1996: 136]. В человеческом обществе похищаются жизненные ценности: ведьма тянет, высасывает (=отбирает) молоко у коров (в.-слав.), в том числе собирая до рассвета на полотно росу с чужого поля, затем давая выпить своей корове; у выдаиваемой ведьмой коровы пересыхает вымя, она чахнет и погибает (рус. — [Власова 1995: 73]); ю.-слав. летающий змей *ламя* высасывает воду из озер, вызывая засуху (болг.), у сербов дракон *аджаја*, приводящий тучи и град, защищает свое село от града, если его поить молоком [Плотникова 2004: 670], он же выпивает урожай (макед. —

там же: 231); молоко у рожениц пропадает, потому что его выпивают вредоносные демоны (ю.-слав., з.-слав.); *огненный змей*, прилетая к девушке или женщине, сосет у нее кровь или молоко из груди (рус., карп.-укр. — [Левкиевская 1999: 333]); «змій як літи до жінки, так він пйи й суше» (укр. харьков. — [Демич 1912: 43]); души умерших супругов могут приходить к оставшимся в живых и иссушать их до смерти; по южнославянским поверьям, души некрещеных детей (*навје, навће*) выпивают кровь у новорожденных и кровь и молоко рожениц («ее выпили навјата» — [Плотникова 2004: 241, 690]) и под. Ср. также сохранившиеся в языке выражения с отрицательными коннотациями: *птицы пьют зерно* (клюют зерно на полях), *выпить (высосать) всю кровь (все силы)* (о принудительном лишении человека силы); *пить глазами* (жадно разглядывать); *выжать все соки*, вплоть до поэтического есенинского «пускай ты *выпита* другим...».

Как и другие мифологические персонажи (мора, ведьма, волколак), вампир лишает людей и животных жизни, высасывая кровь, которая трактуется в народной культуре как основная жизненная субстанция (о концепте *кровь* — см. [Белова 1999: 677–681]). Вместе с тем, функция кровососания является отличительной (персонажеобразующей) для вампира, в то время как для остальных перечисленных выше демонов она вторична. Ср., например, кашубский вариант имени упыря *opȯl*, *u̯epȯl* (‘*upiór*’ – [Dźwigoł 2004: 65], со ссылкой на [Sychta 3: 333]) — как форму с возможным влиянием лексемы *пить* (досл. ‘упил’, ‘выпил’).

Другой семантической составляющей образа упыря является вера в то, что умершие вообще, и особенно умершие преждевременной и неестественной смертью (утопленники, висельники, опойцы) — страдают от жажды. Поэтому у славян в рамках похоронной и поминальной обрядности широко распространена практика оставлять для душ умерших питье в доме, на окне, во дворе, на могиле, поливать могилу водой, вином. Такие свидетельства многочисленны у восточных и южных славян (см. [ПА ИСл РАН], [Плотникова 2004: 606, 607]; [Зечевић 1981: 131] и др.), у западных славян они в определенной степени нивелированы церковными запретами.

Упырь как «нечистый» покойник тоже принадлежит к жаждущим. Например, у сербов для того, чтобы покойник не стал вампиром, пока он находился в доме, вливали в рот немного теплого красного вина, а тело поливали вином. Отмечен и обычай поливать могилы неразбав-

ленным красным или розовым вином, что имело значение кровной жертвы [Зечевић 1981: 131].

Немаловажно при этом, что упырь-вампир обладал бóльшим количеством жизненной энергии от рождения, поэтому его связь с земным миром была сильнее и длительнее. Вампирические свойства приписывались людям со сверхъестественными способностями и с особыми приметами (ведьма, колдун, лекарь, «двоедушник»; ребенок, родившийся с зубами или «в рубашке»); душам людей, не доживших свой век; покойникам, похороненным с нарушением правил (например, через тело переступил человек, перепрыгнуло животное, перелетела птица; над телом передали какой-либо предмет — с магической точки зрения, такому покойнику сами живые по ошибке «передали» жизненную силу, отчего он начинал «ходить», то есть «жить»).

С этнокультурной и семантической точек зрения *упырь* — это тот, кто после физической смерти *упивается* (выпивает, отпивает, наливается, наполняется) кровью или другой жизненной субстанцией, отбирая ее у живых, тем самым получая дополнительную жизнь.

В связи с тем, что основным предикатом образа упыря является питье, высасывание крови, можно предположить наличие в рассматриваемом слове корня *-pī-* ‘пить’ с суффиксом *-rъ* / *rь* (аналогично, например, образованию слов **pir* < **pi-ti*, **žir-* < **ži-ti*, **mir-* < **mei-/mī*; **mar-* < **ma-niti, *ma-miti*) и с префиксом **ǫ-* или, в некоторых случаях, без него, ср. карп.-укр. *пір* ‘чарівник’ [Хобзей 2002: 142].

Безусловно, предложенная этимология требует основательной проработки, объяснения всех фонетических и др. изменений в различных наименованиях вампира. Вместе с тем, эта версия объяснила бы возможность использования лексемы *упир*(*ь*) в качестве имени собстенного: *Упир Лихой, Клим Упир* [Хобзей 2002: 142], которое трактовалось бы как прозвище «Опивала». Впрочем, остается релевантной и возможность этимологизации слова *упырь* как заимствования из тюркских (*ubyr*), у которого позже на основе фонетического сходства возникла семантическая связь с глаголом *пить*, и которое далее было включено в орбиту народных представлений о заложных покойниках с их вечной жаждой и представлений о выпивании как одного из способов отбирания благ.

Обращение при этимологических исследованиях к этнокультурному контексту, использование этнолингвистического подхода к семантической реконструкции представляется весьма плодотворным.

Взаимодействие этимологии с этнолингвистикой не только естественно, но во многих случаях и необходимо, в первую очередь тогда, когда предметом исследования является культурная лексика.

Литература

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 6. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 368 с.

Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В трех томах. Т. 3. М.: Индрик, 1994. 840 с.

Белова О. В. Кровь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 677–681.

Березкин Ю. Е. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/

Валенцова М. М. Пить, питье // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 55–59.

Васілевіч У. Зямля стаіць пасярод свету: Беларускія народныя прыкметы і павер'і. Кніга 1 / Укладанне, прадмова, пераклад, бібліяграфія У. Васілевіча. Мінск: Мастацкая літаратура, 1996. 591 с.

Виноградова Л. Н. Уничтожение ритуальное // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н.И.Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 371-373.

Власова М. Н. Новая абевега русских суеверий. Иллюстрированный словарь. СПб: Северо-Запад, 1995. 383 с.

Геров Н. Рѣчникъ на блъгарскый языкъ / Събралъ, нарядилъ и на свѣтъ изважда Найденъ Геровъ. Т. 1. Пловдив: Дружествена печѧтница «Съгласие», 1895. 398 с.

Демич В. Ф. О змѣѣ в русской народной медицинѣ // Живая старина. Годъ XXI. Вып. I. 1912. С. 39-60.

Дроздова Г. И. Погребальный обряд народов Волго-Камья XVI—XIX веков по археологическим и этнографическим материалам. Дисс. ... канд. ист. наук / Институт истории им. Ш. Марджани, Нац. центр археологич. иссл. Казань, 2007. 307 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissercat.com/content/pogrebalnyi-obryad-narodov-volgo-kamya-xvi-xix-vekov-po-arkheologicheskim-i-etnograficheskim

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

Дукова У. Названия на демонични същества от общослав. *mor-* в българския език (*Морá, Мовáва, Мáра, Мáрен, Марóй, Марóкí*) // Език и поетика на българския фолклор. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1980. С. 108-113.

Зечевић С. Митска бића српских предања. Београд: Вук Караџић, Етнографски музеј, 1981. 227 с.

Зубов Н. И. О теониме Мокошь // Этимологические исследования. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1981. С. 149–160.

Зубов М. І. Кілька етимологічних зауважень до назв слов'янських міфологічних персонажів // Мовознавство. 2010. № 2-3. С. 113–123.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с.

Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М.: Наука, 1983. 197 с.

Левкиевская Е. Е. Вампир // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 281–286.

Левкиевская Е. Е. Змей огненный // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И.Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 332–333.

Лукінова Т. Б. Лексика слов'янських мов як джерело вивчення духовної культури давніх слов'ян // IX Міжнародний з'їзд славістів. Слов'янське мовознавство. Доповіді. Київ: Наукова думка, 1983. С. 95–103.

Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб: Петербургский писатель, 1995. С. 547–551.

Одесский М. П. Упыри в древней книжности: из комментария к словарю И. И. Срезневского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. №1 (43). С. 53–60.

Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1949 (фототипическое переиздание: 1959). 674 + V с.

Раденковић Љ. Вампир-вукодлак-върколак // Моћ књижевности.

In memoriam Ана Радин. Балканолошки институт САНУ. Посебна издања. Књ. 110, Београд. 2009. С. 279–286.

Раденкович Л. Об одном иранизме на Балканах: *пери* ‘фея’// Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А. Ф. Журавлева. М.: Индрик, 2011. С. 318–325.

Раденкович Л. «Ходячий» покойник в духовной культуре славян // Славянская духовная культура: этнолингвистические и филологические исследования, Вена, 11-13 декабря 2013. (в печати).

Санникова О. В. Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении. Дисс. ... канд. филол. наук. / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. 378 с.

Седов В. В. Происхождение славян и местонахождение их прародины. Расселение славян в V — VII вв. // Очерки истории культуры славян. М.: Индрик, 1996. С. 15–115.

Спировска Л., Вражиновски Т. Вампирите во македонските верувања и преданија. Подготвиле Лепосава Спировска, Танас Вражиновски. Скопје: Нова Македонија, 1988. 101 с.

Толстой Н. И., Толстая С. М. К реконструкции древнеславянской духовной культуры. (Лингво-этнографический аспект) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. Загреб — Любляна, сент. 1978 г. М.: Наука, 1978. С. 364–385.

Топоров В. Н. Из наблюдений над этимологией слов мифологического характера // Этимология 1967. Материалы Международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии». 24–31 января 1967 г. М.: Наука, 1969. С. 11 - 22.

Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. Теория и некоторые частные ее приложения. М. : Языки славянской культуры, 2004. 816 с.

Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. М.: Наука, 1967. С. 3–81.

Трубачев О. Н. Мысли о дохристианской религии славян в свете славянского языкознания // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 3–15.

Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. В двух томах. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. 800 с.

2005. Т. 2. 664 с.; М.: Рукописные памятники древней Руси, 2008. Т. 3. 800 с.; М.: Рукописные памятники древней Руси, 2009. Т. 4. 696 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс. Т. 1–4. Изд. 2, стереотипное. М., 1986–1987.

Хобзей Н. Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича, 2002.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1983. 169 с.

Baranowski B. W kręgu upiorów i wilkołaków. Łódź: Wydawnictwo Lódzkie, 1981. 323 s.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1993. 806 s.

Dukova U. Gemeinsame Termini in der Folklore der Balkanvölker (Euphemistische Bezeichnungen der Bergfeen und von ihnen hervorgerufener Krankheiten). // Балканско езикознание. Linguistique balkanique XXIII, 2. София: Издателство на БАН, 1980. S. 5–12.

Dukova U. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. Aus dem Indoeuropäischen Ererbte Bildungen // Балканско езикознание. Linguistique balkanique XXVI, 4. София: Издателство на БАН, 1983. S. 5–46.

Dukova U. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. Urslavische, südslavisch-dialektale und innerbulgarische Bildungen // Балканско езикознание. Linguistique balkanique XXVII, 2. София: Издателство на БАН, 1984. S. 5–50.

Dukova U. Die Bezeichnungen der Dämonen im Bulgarischen. Entlehnungen // Балканско езикознание. Linguistique balkanique XXVIII, 2. София: Издателство на БАН, 1985. S. 5–62.

Dźwigoł R. Polskie ludowe słownictwo mitologiczne. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2004. 224 s.

Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. Bratislava, 1995. D. 2. S. 277–278.

Eckert R. Werwolf und Hochzeitgeschehen im russischen und lettischen Volkslied // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha, 2010. R. 79. Sešit 1. S. 31–40.

Holub J., Kopečny F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Státni nakladatelství učebnic, 1952. 675 s.

Horváth P. Zbierka ľudových povier a zvykov z okolia Uhrovca z roku 1825 // Slovenský národopis, 1968, №1. S. 102–118.

Kott F. St. Česko-německý slovník. Praha: Tiskem a nákladem knihtiskárny Františka Šimáčka, 1884. D. 4. T–Y. 1255 s.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. (Fotoreprint 3. vyd. 1971 r.). Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2010. 868 s.

Popowska-Taborska H. Kłopoty ze słowiańskim upiorem // Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой. Москва: Индрик, 1999. С. 373–378.

Rejzek J. Český etymologický slovník. Český Těšín: Leda, 2001. 752 s.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika / Surađivao V. Putanec. Zagreb: Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, 1973. T. 3. 695 s.

Stachowski K. Wampir na rozdrożach. Etymologia wyrazu *upiór* — *wampir* w językach słowiańskich // Rocznik Sławistyczny. T. LV, 2005. S. 73–92.

Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej akademii nauk, 1970. T. 3. 433 s.

Treder J. Frazeologia kaszubska a wierzenia i zwyczaje (na tle porównawczym). Wejherowo: Muzeum Piśmiennictwa i Muzyki Kaszubsko-Pomorskiej oraz Towarzystwo Przyjaciół Ziemi Wejherowskiej, 1989. 312 s.

Vážný V. O jménech motýlů v slovenských nářečích. Bratislava: Slovenská Akadémia vied, 1955. 338 s.

Сокращения

AT ÚEt — Archív textov Ústavu Etnológie SAV, Bratislava.

LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1941–2002. T. 1–20. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lkz.lt (Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2005 (atnaujinta versija, 2008).

VSRS 5 — Veľký slovensko-ruský slovník. Большой словацко-русский словарь. Bratislava : Veda, 1995. 487 s.

БЕР — Български етимологичен речник / Ред. Вл. И. Георгиев. София: Издателство на Българската академия на науките, 1971. Т. 1. 681 с.

БМ — Българска митология. Енциклопедичен речник / Съставител А. Стойнев. София: Издателска група 7-М +ЛОГИС, 1994. 399 с.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. В семи томах. Київ: Наукова думка, 1982. Т. 1. 634 с.

ПА ИСл РАН — Полесский архив Института славяноведения РАН, Москва.

СРНГ 8 — Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Л.: Наука, 1972. 370 с.

ЭСБМ 8 — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. / Рэд. В. У. Мартынаў. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. Т. 8. 270 с.

ЭССЯ 4 — Этимологический словарь славянских языков. / Отв. ред. О. Н. Трубачев. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 235 с.

Marina M. Valentsova
Institute for Slavic studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
mvalent@mail.ru

ETHNOLINGUISTIC COMMENTS ON THE ETYMOLOGY OF THE WORD *UPYR*'

Instructivity of the ethno-linguistic approach to etymology, especially when dealing with the archaic mythological vocabulary, has been shown already in the works of O. N. Trubachev, V. N. Toporov, V. V. Ivanov, N. I. Tolstoy and S. M. Tolstaya and others. The article considers a term of the mythological vocabulary denoting the "walking" deceased, known to all Slavic languages – *upyr*' ‚ghoul'. The study gives a brief overview of the existing etymological variants of this word, which has no unambiguous interpretation as of yet. It also comments — in terms of traditional Slavic folk culture — on the semantics of *upyr*' as an 'unburned deceased', or a flying but 'non-bird' creature, or the one 'flying up from the grave', or a mythological character who sticks into the victim, etc; as restored by some etymologists. A possibility of the term being borrowed is also discussed. The article offers another etymological interpretation for upyr' based on the verb **piti* 'to drink' with a prefix *ǫ*- and a suffix -*r*-). This version is eventual due to the cultural semantics of this

mythological character: (1) as a being who drinks up vital force (and its substance, blood) of humans and animals, robs them of life and thereby gains extra life for him-/herself; (2) as an unholy, ever-athirst dead and (3) as a ghost of a deceased one who possessed during his/her lifetime a greater amount of energy than an ordinary human.

Key words: ethnolinguistics, etymology, mythological vocabulary, Slavic traditional folk culture.

References

Afanasiev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [The Poetic Outlook of the Slavs on Nature]. In 3 volumes. Vol. 3, Moscow, Indrik Publ., 1994. 840 p.

Anikin A.E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Issue 6, Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2012. 368 p.

Archív textov Ústavu Etnológie SAV [Archive Texts of the Slovak Academy of Sciences]. Bratislava.

Baranowski B. *W kręgu upiorów i wilkołaków* [Among vampires and werewolves]. Łódź, Wydawnictwo Lódzkie Publ., 1981. 323 p.

Belova O.V. [Blood]. *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary]. N.I. Tolstoy (Gen. ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, Vol. 2, pp. 677–681. (In Russ.)

Beriozkin Yu.Ye. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskii katalog* [Subject classification and areal distribution of folk and mythological themes. An analytical catalogue]. Available at URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/ [accessed 3.05.2014].

Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Kraków, Nakładem krakowskiej spółki wydawniczej Publ., 1927. 806 p.

Bylgarski etimologichen rechnik [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol.1, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., Prof. M. Drinov Publ., 1971. 681 p.

Cherepanova O.A. *Mifologicheskaya leksika Russkogo Severa* [Mythological vocabulary of the Russian North]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1983. 169 p.

Demich V.F. [On the snake in Russian popular medicine]. *Zhyvaia starina* [Live Antiquity]. Year XXI, Issue I, 1912, pp. 39–60. (In Russ.)

Drozdova G.I. *Pogrebal'nyi obryad narodov Volgo-Kam'ya XVI–XIX vekov po arkheologicheskim i etnograficheskim materialam.* [Funeral ceremony of Volgo-Kama district peoples in XVI–XIX cent. according to archeological and ethnological data]. Dr. hist. sci. diss., Kazan, 2007. 307 p. Available at URL: http://www.dissercat.com/content/pogrebalnyi-obryad-narodov-volgo-kamya-xvi-xix-vekov-po-arkheologicheskim-i-etnograficheskim [In Russ. Accessed 3.05.2014]

Dukova U. [„Demon“ Words in Bulgarian. Borrowings]. *Balkansko ezikoznanie. Linguistique balkanique* [Balkanic Linguistics], 1985, Vol. XXVIII, No. 2, pp. 5-62. (In Germ.)

Dukova U. [„Demon“ Words in Bulgarian. From the Indo-European Inherited Forms]. *Balkansko ezikoznanie. Linguistique balkanique* [Balkanic Linguistics] XXVI, No. 4, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1983, pp. 5-46. (In Germ.)

Dukova U. [„Demon“ Words in Bulgarian. Proto-Slavic, South Slavic dialectal and inner-Bulgarian forms]. *Balkansko ezikoznanie. Linguistique balkanique* [Balkanic Linguistics], Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1984, No. XXVII, Vol. 2. pp. 5–50. (In Germ.)

Dukova U. [Common terms in the folklore of the Balkan peoples: euphemistic names of mountain fairies and of diseases induced by them]. *Balkansko ezikoznanie. Linguistique balkanique* [Balkanic Linguistics], Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1980, No. XXIII, Vol. 2. Sofia, pp. 5–12. (In Germ.)

Dukova U. [Names of demonic beings based on Pan-Slavic *mor*- in Bulgarian (Morá, Mováva, Mára, Máren, Marói, Marókí)]. *Ezik i poetika na bylgarskiya folklor* [Language and Poetics of Bulgarian Folklore]. Sofia, 1980, pp. 108–113. (In Bulg.)

Dźwigoł R. *Polskie ludowe słownictwo mitologiczne* [Polish Folk Mythological Vocabulary]. Kraków, Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej Publ., 2004. 224 p.

Eckert R. [The werewolf and the wedding ceremony in Russian and Latvian folk songs]. *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii* [Journal of Slavic Philology], 2010, Vol. 79, No. 1, pp. 31–40. (In Germ.)

Etymologichnyi slovnyk ukraiins'koii movy. [Etymological Dictionary of the Ukrainian language.]. In 7 volumes. Vol. 1, Kyïv, Naukova dumka Publ., 1982. 634 p.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, Translated and augmented by O.N. Trubachev, Moscow, Progress Publ., 1964–1973.

Gerov N. *Rechnik na bylgarskiya ezik* [Dictionary of the Bulgarian Language]. Vol. 1, Plovdiv, Druzhestvena pechatnitsa Syglasie Publ., 1895. 398 p.

Gura A.V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii* [Animal Symbolism in Slavic Folk Culture]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p.

Holub J., Kopečny F. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of the Czech Language]. Praha, Státni nakladatelství učebnic Publ., 1952. 675 p.

Horváth P. [Collection of folk superstitions and customs from around Uhrovec from 1825]. *Slovenský národopis* [Slovene Folklore], 1968, No. 1, pp. 102–118. (In Slov.)

Ivanov V.V. *Istoriya slavyanskikh i balkanskikh nazvanii metallov* [History of Slavic and Balkan names of metals]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 197 p.

Ivanov V.V., Toporov V.N. *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostei. Leksicheskie i frazeologicheskie voprosy rekonstruktsii tekstov* [Research in the field of Slavic antiquities. Lexical and phraseological issues in text reconstruction]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 342 p.

Khobzei N. *Gutsul's'ka mifologiya. Etnolingvistichnii slovnik* [Gutsul mythology. An Ethnolinguistic Dictionary]. Lviv, Institut ukraïnoznavstva im. I. Krip'yakevicha Publ., 2002. 215 p.

Kott F.St. *Česko-německý slovník* [Czech-German dictionary]. Vol. 4. T–Y, Praha, Knihtiskárna Františka Šimáčka Publ., 1884. 1255 p.

Levkievskaya E.E. [Fire dragon]. *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 2, N.I. Tolstoy (Gen. ed.). Moscow, Mezhdunarodnyie otnosheniya Publ., 1999, pp. 332–333. (In Russ.)

Levkievskaya E.E. [Vampire]. *Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 1, N.I. Tolstoy (Gen. ed.). Moscow, Mezhdunarodnyie otnoshenia Publ., 1995., pp. 281–286. (In Russ.)

Lietuvių kalbos žodynas [Dictionary of the Lithuanian Language]. Vol. 1–20, Vilnius, 1941–2002. Available at: URL:http://www.lkz.lt.

Lukinova T.B. [Slavic vocabulary as a source for studies of ancient

Slavs' spiritual culture]. *IX Mizhnarodnii z'ïzd slavistiv. Slov'yans'ke movoznavstvo. Dopovidi* [IX International congress of Slavists. Slavic linguistics. Papers]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, pp. 95–103. (In Ukr.)

Mahek V. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of the Czech Language]. Praha, Akademia Publ., 1968, 1971, 1997, 2010. 866 p.

Martynaў V.U. (Ed.). *Etymalagichny sloўnik belaruskai movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 8, Minsk, Navuka i technika Publ., 1993. 270 p.

Odesskii M.P. [Vampires in ancient literary lore: from the commentary to the dictionary by I. I. Sreznevskiĭ]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Rus'. Issues in Medieval Studies]. 2011, No.1 (43), pp. 53–60. (In Russ.)

Plotnikova A.A. *Etnolingvisticheskaya geografiya yuzhnoi Slavii* [Ethnolinguistic Geography of the South Slavic Realm]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 768 p.

Polesskii arkhiv Instituta slavyanovedeniya RAN [Polessian archive of the Institute for Slavic Studies of Russian Academy of Sciences]. Moscow.

Popowska-Taborska H. [Troubles with the Slavic vampire]. *Slavianskie etiudy. Sbornik k iubileiu S.M. Tolstoĭ* [Slavic Studies. Collected papers presented on the occasion of S.M. Tolstaya's anniversary]. Moscow, Indrik Publ., 1999, pp. 373–378. (In Pol.)

Preobrazhenskii A.G. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Printing house of G. Lissner and D. Sovko, 1910–1949. (Phototypical reprint: 1959). 674 + V p.

Radenkovich L'. [The revenant in the spiritual culture of the Slavs]. *Slavyanskaya dukhovnaya kul'tura: etnolingvisticheskie i filologicheskie issledovaniya* [Slavic spiritual culture: ethnolinguistic and philological investigations]. Vienna, 11–13 December 2013 (in print). (In Russ.)

Radenkovich L'. [Wampir–vukodlak-vrkolak]. *Moch knizhevnosti. In memoriam Ana Radin* [The Power of Literature. In memory of Ana Radin]. SANU Institute for Balkan Studies. Special Issue. Book 110, Belgrade, 2009, pp. 279–286. (In Serb.)

Radenkovich L'. [Concerning an Iranian loanword in Balkan languages: peri 'fairy']. *Slova. Kontsepty. Mify. K 60-letiyu A. F. Zhurav-*

leva [Words. Concepts. Myths. To the 60th birthday of A. F. Zhuravliov]. Moscow, Indrik Publ., 2011, pp. 318–325. (In Russ.)

Rejzek J. *Český etymologický slovník* [Czech Etymological Dictionary]. Český Těšín, Leda Publ., 2001. 752 p.

Sannikova O.V. *Pol'skaya mifologicheskaya leksika v etnolingvisticheskom i sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii.* [Polish mythological vocabulary in ethnolinguistic and comparative-historical interpretation.]. Diss. PhD, Moscow, 1990. 378 p.

Sedov V.V. [Origin of the Slavs and location of their homeland. Settlement of the Slavs in V–VII cent.]. *Ocherki istorii kul'tury slavyan* [Studies in Cultural History of the Slavs]. Moscow, Indrik Publ., 1996, pp. 15–115. (In Russ.)

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological Dictionary of the Croatian, or Serbian, Language]. Vol. 3, V. Putanec (Ed.). Zagreb, Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti Publ., 1973. 695 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Issue 8, Leningrad, Nauka Publ., 1972. 370 p.

Spirovska L., Vrazhinovski T. *Wampirite vo makedonskite veruvania i predania* [Vampires in Macedonian popular beliefs and legends]. Arranged by L. Spirovska, T. Vrazhinovski. Skopje, Nova Makedonia Publ., 1988. 101 p.

Stachowski K. [Vampire at crossroads. Etymology of the word *upiór — wampir* in Slavic languages]. *Rocznik Sławistyczny*, Vol. LV, 2005, pp. 73–92. (In Pol.)

Stoinev A. *Bylgarska mitologiya. Entsiklopedichen rechnik* [Bulgarian mythology. An Encyclopaedia]. Sofia, Publ. group 7-M +LOGIS, 1994. 399 p.

Sychta B. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej* [Dictionary of Kashubian dialects against the Background of Folk Culture]. Vol. 3, Wrocław; Warszawa; Kraków, Zakład narodowy imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej akademii nauk Publ., 1970. 433 p.

Tolstoi N.I., Tolstaya S.M. [To the reconstruction of ancient Slavic culture (the linguistic-ethnographic aspect)]. *Slavyanskoe yazykoznanie. VIII Mezhdunarodnyi syezd slavistov. Doklady sovetskoi delegatsii. Zagreb — Lyublyana, sept. 1978* [Slavic Linguistics. VIII International Congress of the Slavists. Reports by the Soviet delegation]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 364–385. (In Russ.)

Toporov V.N. [From the observations upon the etymology of myth-related words]. *Etimologiya 1967 Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma «Problemy slavyanskikh etimologicheskikh issledovanii v svyazi s obshchei problematikoi sovremennoi etimologii». 24–31 yanvarya 1967 g.* [Etymology 1967. Materials of the International symposium "Problems of Slavic etymological studies in the context of general problems of modern etymology". 24–31 January 1967]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 11–22. (In Russ.)

Toporov V.N. *Issledovaniya po etimologii i semantike. V. 1. Teoriya i nekotorye chastnye ee prilozheniya* [Studies in Etymology and Semantics. Iss. 1. The Theory and Some of its Applications]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 816 p.

Treder J. *Frazeologia kaszubska a wierzenia i zwyczaje (na tle porównawczym)* [Kashubian Phraseology, Beliefs and Customs (against a comparative background)]. Wejherowo, Muzeum Piśmiennictwa i Muzyki Kaszubsko-Pomorskiej oraz Towarzystwo Przyjaciół Ziemi Wejherowskiej Publ., 1989. 312 p.

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (Eds.). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Iss. 1–39, Ed. O. N. Trubachev (iss. 1–31), A. F. Zhuravlev (iss. 32–39). Moscow, Nauka Publ. 1974– 2014–.

Trubachev O.N. [From Slavic-Iranian lexical relations]. *Etimologiya 1965. Materialy i issledovaniya po indoevropeiskim i drugim yazykam* [Etymology 1965. Materials and Studies on Indo-European and Other Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 3–81. (In Russ.)

Trubachev O.N. [Ideas on pre-Christian religion of the Slavs form the point of view of Slavic linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues in Linguistics], 1994, No. 6, pp. 3–15. (In Russ.)

Trubachev O.N. *Trudy po etimologii: Slovo. Istorya. Kul'tura* [Works on Etymology: Word. History. Culture]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, Vol. I. 800 p.; 2005, Volume II. 664 p.; 2008, Volume III. 800 p.; 2009, Volume IV. 696 p.

Valentsova M.M. [Drink, drinking]. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 4, N.I. Tolstoy (Gen. ed.). Moscow, Mezhdunarodnyie otnoshenia Publ., 2009, pp. 55–59. (In Russ.)

Vasilevich U. *Ziamlia staits' pasiarod svetu: Belaruskia narodnyia*

prykmety i paver'i [The Earth stands in the middle of the World: Belarusian folk signs and beliefs]. Book 1, Minsk, Mastatskaia literatura Publ., 1996. 591 p.

Vážný V. *O jménech motýlů v slovenských nářečích* [On butterfly names in Slovak dialects]. Bratislava, Slovenská Akadémia vied Publ., 1955. 338 p.

Veľký slovensko-ruský slovník. Bol'shoĭ slovatsko-russkiĭ slovar' [Great Slovak — Russian Dictionary]. Bratislava, Veda Publ., 1995. 487 p.

Vinogradova L.N. [Ritual extermination]. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskiĭ slovar'* [Slavic Antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 5, N.I. Tolstoy (Gen. ed.). Moscow, Mezhdunarodnyie otnoshenia Publ., 2012, pp. 371–373. (In Russ.)

Vlasova M.N. *Novaya abevega russkikh sueverii. Illyustrirovannyi slovar'* [The New ABC of Russian Popular Beliefs. An Illustrated Dictionary]. St.-Petersburg, Severo-Zapad Publ., 1995. 383 p.

Zechevich S. *Mitska bicha srpskikh predania* [Mythological Beings of Serbian Legends]. Belgrade, Vuk Karadzhich Publ., 1981. 227 p.

Zubov N.I. [On the deity name Mokosh]. *Etimologicheskie issledovaniya* [Etymological Studies]. Sverdlovsk, 1981, pp. 149–160. (In Russ.)

Zubov N.I. [Some etymological observations on the names of Slavic mythological personages]. *Movoznavstvo* [Linguistics], 2010, No. 2–3, pp. 113–123. (In Ukr.)

Ж. Ж. Варбот
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
zhannavarbot@yandex.ru

РУССКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ПРАСЛАВЯНСКИМ РЕКОНСТРУКЦИЯМ И ЭТИМОЛОГИЯМ[1]

Русские диалектные лексические материалы, зафиксированные в немногих регионах и опубликованные в новых изданиях, могут быть ценным источником коррективов и дополнений к существующим реконструкциям и этимологическим толкованиям праславянской лексики. Настоящая статья состоит из 8 заметок, в которых для известных реконструированных праславянских лексем предлагаются на основе новых диалектных материалов структурные, семантические, лингвогеографические уточнения, коррективы, дополнения: к **pъtati* (*sę*) — *прон(о)маться* ‘получаться’; к **motrošiti* / **motrositi* (*sę*) — *потроси́ть* ‘моросить (о дожде)’; к **vьlovъjь* — *воло́вый* ‘спокойный, невозмутимый’; к **kyjь* — *кой* ‘деревянный молот с короткой ручкой’; к **blǫkati* — *забля́кнуть* *‘изнасиловать’; к **tvorogъ* / *tvarogъ* — *вытвора́живать* ‘вытворять, шалить, проказничать’; к **strěla* — *вы́стрелить* ‘поднять дом, сооружение при ремонте’; к **čьrxati* и **čьrstvъ*(*jь*) — *вы́черхнуть* ‘исхудать’.

---

[1] Статья подготовлена по программе финансовой поддержки гранта РГНФ №13-04-00-221 «Сравнительно-исторические подходы в лексикологии и семантике. Славянская праязыковая лексикография: теория и практика». I−V статьи этой серии были опубликованы в 2002–2010 гг. в различных отечественных и зарубежных изданиях и объединены позднее в томе: Ж. Ж. Варбот. Исследования по русской и славянской этимологии. М.– СПб., Нестор-История, 2012. С. 453–466. Там же см. информацию о первых публикациях.

Ключевые слова: праславянская лексика, реконструкция, этимология, семантика, диалектная лексика.

К праслав. **pъtati*

Праславянская принадлежность глагола **pytati*, **pytajǫ* (*sę*) подтверждается наличием его продолжений во всех славянских языках, с семантикой ‘спрашивать, просить, умолять’, иногда при вторичном значении ‘пытаться’ [Miklosich 1886: 270; Machek[2] 496; Фасмер III: 421]. Корневой гласный инфинитива на *-a-* и основа настоящего времени на *-aje-* характеризуют глагол как итератив от глагольной основы с корнем **pъt-* [Machek[2] 496; Vaillant 1974: 217], продолжения которой со структурой **-pъtati* зафиксированы этимологическими словарями для чешского, словацкого, сербохорватского и верхне-лужицкого языков, хотя во всех, кроме чешского, только в форме префиксальных производных глаголов [Miklosich 1886: 270; ЭССЯ 22: 235, **napъtati*; ЭССЯ 29: 47, **obpъtati*]. В сфере восточнославянских языков до сих пор было отмечено только отглагольное имя др.-рус.-цслав. *напътъ, напъта* ‘наемник’ [Житие Нифонт. XIII в. 106, 107 — Срезневский II: 316], которое вместе с цслав. **напъ** μίσθιος, mercenarius ‘наемник’, **напьда, напъда, набьда** μισθός, μίσθωμα, merces ‘плата по найму’ [Miklosich 1865] получило убедительное этимологическое толкование О. Н. Трубачева при сопоставлении с чеш. диал. *naptat*’ ‘нанять на работу’ как чехоморавизм в церковнославянском языке [Трубачев 1974: 27-32].

На описанном лексическом фоне представляет интерес потенциальное сохранение и в русском языке (наряду с перечисленными выше южно- и западнославянскими языками) продолжения праславянского **pъtati*: так можно истолковать рус. диал. сев. *пропо(о)та́ться* ‘получаться’, в контексте «С руками собирать — *пропота́ется* трудно» [Селигер 5: 173]. Показательно обозначение факультативности второго *о* в заглавном слове, что является достаточно надежным основанием для толкования этого звука как вставного на месте закономерно утраченного редуцированного (**пропъ-татися*). Что касается значения диалектного глагола ‘получаться’, то оно представляется результатом дальнейшего изменения семантики ‘пытаться (что-либо делать)’ →‘делать(ся)’ →‘получаться’.

К праслав. **motrošiti* / **motrositi (sę)*

Этот глагол реконструирован в [ЭССЯ 20: 67-69] как праславянский диалектизм на основе старорусского и русского диалектного материала. Ст.-рус. *мотрошить* зафиксировано предположительно в значении ‘суетиться’ в 1677 г. [СлРЯ XI-XVII вв. 9: 278], в диалектах глаголы *мотроши́ть(ся), мотроси́ть(ся)* известны в значениях ‘теребить лен’ (яросл.), ‘катая, сбивать из шерсти голенище валенка’ (мордов.), ‘суетиться’ (том.), ‘быстро бежать’ (курск.), ‘трясти, знобить’ (донск.) и особенно часто ‘идти (о дожде, о снеге), моросить’ (новг., брян., ворон., курск., калуж., перм., урал., сиб. и др.) [ЭССЯ 20: 67-68]. В [ЭССЯ 20: 68-69] изложены (с признанием первичности структуры **motrošiti*) две версии образования глагола: 1.**mo-trošiti*, от **trošiti* ‘бить, ломать на кусочки, крошить’ с экспрессивным префиксом *mo-*; 2. **motroš-iti*, от ***motroxъ* ‘моток, мотовило’, последнее от **mesti* / *motati*. Очевидна равная вероятность обеих версий в отношении мотивации и достаточная вероятность их в отношении структурной реконструкции, с некоторым перевесом в пользу первой версии вследствие сомнительности реконструкции ***motroxъ* при надежности формы с вариантным суффиксом **motruxъ*, что отмечено в [ЭССЯ 20: 68-69 и 67].

К числу аргументов в пользу структурного толкования глагола *мотрошить(ся)* / *мотросить(ся)* по первой версии — **mo-trošiti* — можно, кажется, присоединить зафиксированный в говорах Среднего Урала глагол *потроси́ть* ‘моросить (о дожде)’ [СлСрУ IV: 112]: префиксальное *по-* здесь является подтверждением префиксальной структуры также и глагола *мотроши́ть* / *мотроси́ть*. Следует, однако, считаться с возможностью вторичного замещения (по принципу народной этимологии) этимологически неясного *мо-* актуальным префиксом *по-*, с ориентацией на *потрох*.

К праслав. **vьlovъ(jь)*

Сопоставление ст.-слав. **вълы** ‘медленно’, **въловьнъ** ‘медленный, спокойный, сдержанный’ с чеш. *povlovný* ‘отлогий; неспешный, постепенный; мягкий, уступчивый’, предложенное Миклошичем [Miklosich 1886: 296], и предположение Срезневского

о происхождении **вълы** — «от вълати?» [Срезневский I: 385] на фоне семантической параллели рус. *плавный* (спуск. ход, течение и т.д.) и рус. диал. карел. *отвальный* ‘покатый, пологий’, восходящего к гнезду **vьlati* / **valiti*, позволили реконструировать для праславянского состояния гнезда **vьlati* / **valiti* производную именную *u*-основу, отраженную в ст.-слав. **вълы** ‘медленно’, **вълѹвьнъ** ‘медленный, спокойный, сдержанный’ и чеш. *povlovný* ‘отлогий; неспешный, постепенный; мягкий, уступчивый’ [Варбот 1985: 273-275].

Предполагаемая именная *u*-основа гнезда **vьlati* / **valiti* обнаруживается теперь также в русском языке — это диал. *воло́вый* ‘спокойный, невозмутимый’: Она у меня была *воло́вая*, не то что младшая [СлЮжПрикамья I: 133]. Первое *о* вряд ли является следом редуцированного ъ, более вероятно появление вторичного вставного звука. Существенно, что структура *воло́вый* представляет стадию, предшествующую расширению основы суффиксом *-ьn-* в чеш. *povlovny*.

К праслав. **kyjь*

Праслав. **kyjь* однозначно признано производным от глагола **kovati*, при этом большинство исследователей считают праславянское слово генетически тождественным с лит. *kū́jis* ‘большой кузнечный молот’, ст.-прус. *cugis* ‘молот’, см. наиболее развернутую аргументацию у Топорова [Топоров 1984: 239-240]. В перечень продолжений праслав. **kyjь* в славянских языках регулярно включаются др.-рус., рус.-цслав. *кыи, кии* и рус. диал. *кий* , см.: *кий* ‘палка’ (смол., калуж., зап.-брян., орл., ворон., твер. и др.), ‘приспособление в виде большого деревянного молота…’ (сиб., урал., перм., тюмен. и др.), ‘пест, которым набивают мешки с мукой’ (иркут.) [ЭССЯ 13: 258; см. также Boryś 230].

Общепризнанной заслугой Фасмера как этимолога является внимание, проявленное в его этимологическом словаре к диалектизмам. Для рассматриваемого слова неоцененной до сих пор представляется отсылка в статье о слове *кий* на диал. *коёк* и сама статья об этом диалектом слове: *«коёк* ‘особая палка охотника с крючком и лопатой’ (сиб.), ‘лыжная палка’ (перм.). По моему мнению, из **kyjь»* [Фасмер II: 276]. Это толкование вполне соответствует известному

изменению в истории русского языка древнерусского этимологического *ы* в положении перед *j* (так называемого редуцированного *ы*) в *о*. Но *кий*? Описав историческое замещение написания др.-рус. *стрыи* ‘дядя’ после XV в. написаниями *стръи* и *строи* и другие подобные случаи, Соболевский отметил: «Слово **кыи*, соврем. великор. *кіи* с производными…., может быть, никогда не имели рядом *къи* и т.п.», не предложив, однако, объяснения для этой аномалии [Соболевский 2004: 231-233]. Приведенное Фасмером рус. диал. *коёк* свидетельствует о том, что и др.-рус. *кыи* пережило фонетическое преобразование *ы* > *о*. Другим подтверждением этого является диал. арханг. *кой* ‘деревянный молот с короткой ручкой’: «Колья бьют на тонях коем, кой здоровой… Забивают кувалдой такой, *кой* называется» [СлРСев V: 218]. Это слово отражает производящую основу рассмотренного Фасмером диал. *коёк*.

Очевидно, несмотря на региональную ограниченность фиксаций *коёк* и *кой*, они должны учитываться в этимологических исследованиях как исторически закономерные фонетические продолжения праслав. **kyjь* в русском языке. Разумеется, историкам языка предстоит выяснить причины возобладания в русском языке церковнославянской формы слова с конкретной, чисто хозяйственной (орудийной) семантикой.

К праслав. **blǫkati*

В русских говорах района озера Селигер зафиксирован глагол *заблякнуть* в контексте «В поезде хотели *заблякнуть* их рябята» и его значение определено как ‘завлечь с целью вступления в половые отношения’ [Селигер 2: 96]. Глагольный корень -*бляк*-, кажется, неизвестен ни русскому, ни другим славянским языкам. Наиболее вероятным источником его представляется этимологическое гнездо праслав.**blęsti, *blǫditi* ‘бродить’ и ‘развратничать’. В последнем значении для глагола весьма вероятна основа на -*nǫ*- с семантикой однократного действия — **blędnǫti* . При закономерном для славянских языков упрощении группы *dn* > *n*, в глаголах подобной структуры нередко отмечается вторичное восстановление взрывного согласного, причем не этимологического, а задненебного: ср. *студить* — *стынуть* — просторечн. *застыгнуть*. Такова и природа *к* в рассматриваемом *заблякнуть*.

Возможность реконструкции такого преобразования как источника появления глагола с корнем *-бляк-* < **blęk-* на базе этимологического гнезда **blęsti*, **blǫditi* позволяет пересмотреть толкование происхождения праслав. **blǫkati* как «экспрессивного расширения с помощью элемента *-k-* основы гл. **blǫditi* или **blǫdati*» [ЭССЯ 2: 128, с предшествующей литературой]. Формы с *g* — русск. диал. *блуга* ‘корова, отбившаяся от стада’ и болг. диал. *блуг* ‘брод’, приведенные там же в доказательство инновационного (хотя и праславянского) характера задненебного *k*, свидетельствуют скорее не об экспрессивном расширении, а о вторичном восстановлении согласного в *-nǫ*-основе **blǫdnǫti* > ***blǫnǫti* (при образовании производных глаголов и имен), с вариативностью восстановленных задненебных по звонкости / глухости.

К праслав. **tvorogъ* / **tvarogъ*

Относительно происхождения этого слова в этимологической литературе преобладает мнение об исконнославянской производности от **tvoriti* [Фасмер IV: 31; Schuster-Šewc 1563; Boryś 656; ЭСБМ 13, 276; ЕСУМ 5: 531], всеми упомянутыми словарями отвергается версия о заимствовании и только Махек допускал ее, признавая неясность деталей [Machek[2] 662]. Существенным свидетельством в пользу производности от **tvoriti* являются однокоренные (вероятно, более поздние) производные, приведенные в [ЭСБМ 13, 276, вслед за статьей Страхова]: болг. *извáра, отвáра* ‘творог’, чеш. *svaroh* то же, рус. диал. *сварок* то же. В отношении мотивации названия творога и собственно первичной семантики слова **tvorogъ* / **tvarogъ* представляют интерес русские диалектные *вытворáживать* ‘шалить, проказничать, вытворять что-либо’ [СлРусСев II: 264] и сев.-двин. *творог* ‘тесто в квашне’ [Кузнецова 1976: 102] — как сохранение в семантике глагола связи с его первичной мотивацией ‘творить, делать’ и необязательности связи первичной семантики с квашением молока (эта связь необходима для версии заимствования из тюрк. языков: см. чагат. *turak* ‘сыр’ — Фасмер IV: 31).

К праслав. **strěla*

Признание всеми исследователями структурного и семантического соответствия между слав. **strěla* и группой ср.-н.-нем. *strāle*

‘стрела, луч, жало’, вост.-фриз. *strāl* ‘полоса’, норв. s*trīl, strīla* ‘полоса, луч. жало’, лит. *strėlė* ‘стрела. отросток, побег’, лтш. *strēle* ‘стрела, полоса’ (при различных объяснениях природы этого соответствия у отдельных авторов), предпочтение версии общего источника — и.-е. **strēlā* и явное преобладание обозначений однонаправленных предметов и явлений (см. выше ‘стрела, луч, жало, побег, полоса’) позволили обосновать версию происхождения этого слова из гнезда и.-е. **ser-* ‘стремиться, двигаться’, с расширением основы *-ēl-* и развитием вставного *t* в корне аналогично слав. **strumy* ‘поток’, др.-в.-нем. *stroum* ‘река’, лтш. *strauts* ‘дождь, поток’ [Варбот 2012: 45-49]. К гнезду **ser-* ‘стремиться, двигаться’ восходят также слав. **struja*, **ostrovъ*.

Следует вспомнить мнение Соболевского (которое разделял также Преображенский) о родстве со слав. **struja*, **ostrovъ* также слав. **strъmiti* (Фасмер III, 775), от которого образовано слав. **stromъ* ‘дерево’ [Фасмер III: 781]. При учете этой версии весьма примечательно рус. диал. *вы́стрелить* ‘поднять дом, сооружение при ремонте’ в контексте «Избу-то бы *выстрелить* надо, поднять ее на домкратах» [СлЮжПрикамья I: 166]: семантика однонаправленного движения вверх хорошо согласуется с обозначением дерева и подтверждает гипотезу об общем происхождении всех упомянутых лексем от и.-е. **ser-* ‘стремиться, двигаться’.

К праслав. **čьrxati* и **čьrstvъ(jь)*

При реконструкции лексического состава праславянского этимологического гнезда весьма существенно установление семантических связей между фонетически и структурно разошедшимися производными. Возможность выявления таких связей является подтверждением как этимологических толкований отдельных слов, так и этимологического единства гнезда.

Праслав. **čьrxati* возводится к гнезду глагола **čьrsti* ‘чесать, драть, царапать, резать’ (с этимологическим s), являющемуся, в свою очередь, производным от **čerti* < и.-е. **(s)ker-* [Варбот 1973: 4-5; ЭССЯ 4: 147]. Продолжения **čьrxati* в славянских языках представляют семантику, непосредственно связанную с исходной: ст.-чеш. *čerchati* ‘делать черты, штрихи’, чеш. *čercha* ‘черта’, словин. *čorχac są* ‘тереться’, в.-луж. *čerchać* ‘шаркать ногами’

[ЭССЯ 4: 147]. Праслав. **čьrstvъ(jь)* истолковано как производное от **čersti*, **čьrtǫ* ‘бить, ударять’ [ЭССЯ 4: 159-160], которое также восходит к **čerti* < **(s)ker-*. Преобладающая семантика продолжений **čьrstvъ(jь)* в славянских языках — ‘твердый, жесткий, ссохшийся, черствый’ [ЭССЯ 4: 159-160]. Как свидетельство генетической общности двух рассматриваемых праславянских образований может быть приведено рус. диал. *вычерхнуть* ‘исхудать’ [СлЮжПрикамья I:169]: этот глагол сочетает производящую основу праслав. **čьrxati* и семантику праслав. **čьrstvъ(jь)*. Опираясь на это единство, можно предположить, что **čьrstvъ(jь)* является производным не от **čersti*, **čьrtǫ*, а от **čьrsti* / **čьrxati*.

Литература

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. I // Этимология 1971. М.: Наука, 1973. С. 3–19.

Варбот Ж. Ж. Чешские этимологии (**mlovina, povlovný, pasáry, papužiti*) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1982. М.: Наука, 1985. С. 272–280.

Варбот Ж. Ж. К этимологии праслав. **strěla* // История языка. Типология. Кавказоведение. Сборник статей, посвященный памяти Г. А. Климова. М.: Наука, 2012. С. 45–49.

Кузнецова О. Д. Живое слово Севера // Русская речь 1976, №5. С.100–106.

Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1–5. СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 2003–2013.

Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 1–297.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб.: Российская академия наук, 1893–1903.

Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. K-L. М.: Наука, 1984. 439 с.

Трубачев О. Н. Наблюдения по этимологии лексических локализмов (Славянские этимологии 48-52) // Этимология 1972. М., 1974. С. 20–40.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого языка и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005. 861 с.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé opravené vyd. Praha: Nakladatelství Československé academie věd, 1997. 627 с.

Miklosich Fr. Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum. Vindibonae, 186-1865.

Miklosich Fr. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886. 547 с.

Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bd. 1.-5. (H. 1.–24.). Bautzen: VEB Domowina-Verlag, 1978–1996.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. IV. Paris-Lyon: Éditions Klincksieck, 1974. 809 p.

Сокращения

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / Гол. ред. О. С. Мельничук. Т. 5. Київ: Наукова думка, 2006. 703 с.

СлРСев — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Т. I–V–. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001–2011–.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов (вып. 1–6), Ф. П. Филин (вып. 7–10), Д. И. Шмелев (вып. 11–14), Г. А. Богатова (вып. 15–26), В. Б. Крысько (вып. 27–29). Вып. 1–29–. М.: Наука, 1975–2011.

СлСрУр — Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А. К. Матвеева. Т. I–VII. Свердловск: Уральский государственный университет, 1964–1988.

СлЮжПрикамья — Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. I. Пермь: Издательство Пермского государственного педагогического университета, 2010. 454 с.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік белорускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў. Т. 13. Мінск: Беларуская навука, 2010. 352 с.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33–39–). М.: Наука, 1974–2014–.

Zhanna Zh. Varbot
Vinodradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
zhannavarbot@yandex.ru

RUSSIAN DIALECTAL ADDITIONS TO PROTO-SLAVIC RECONSTRUCTIONS AND ETYMOLOGIES. VI

Newly published Russian dialectal lexical data attested in few regions can be a valuable source of refinements and additions to existent Proto-Slavic reconstructions and etymologies. The article comprises eight sketches, each proposing a dialectal word to be considered as belonging to an established Proto-Slavic reconstructed lexical unit, which allows to elaborate or refine a structural, or a semantic, or a linguistic-geographic, or another aspect of the reconstruction: to **ръtati (sę)* — *прап(о)таться* ‘achieve, obtain’; to **motrošit*i / **motrositi (sę)* — *потросить* ‘to be drizzling (of rain)’; to **vьlovъjь* — *волóвый* ‘calm, imperturbable’; to **kyjь* — *кой* ‘large wooden hammer’; to **blǫkati* — *заблякнуть* ’to rape’; to **tvorogъ* / **tvarogъ* — *вытворáживать* ‘commit mischievous acts’; to **strěla* — *вы́стрелить* ‘to jack up, level (a house, building)’; to **čьrxati* и **čьrstvъ(jь)* — *вы́черхнуть* ‘grow thin, emaciated’.

Key words: Proto-Slavic lexicon, reconstruction, etymology, semantics, dialectal lexicon.

References

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Warszawa, Literary Publisher Publ., 2005. 861 p.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological

Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, Translated and augmented by O.N. Trubachev, Moscow, Progress Publ., 1964–1973.

Filin F. P. (Ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv*. [Dictionary of the Russian Language of the 11th — 17th centuries]. Iss. 9, Moscow, Nauka Publ., 1982, 372 p.

Gerd A. S. (Ed.) Seliger. *Materialy po russkoy dialektologii. Slovar'*[Seliger. Materials on Russian dialectology. Dictionary]. Iss. 1–5, Saint Petersburg, Publ. of Saint Petersburg University, 2003–2013.

Kuznecova O. D. [Living word of North]. *Russkaya rech* [Russian Speech]. 1976, No. 5, pp.100–106. (In Russ.)

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of the Czech Language]. 2nd, revised ed., Prague, Publ. of Czech Academy of Sciences, 1997. 627 p.

Martynaў V.U. (Ed.). *Etymalagichny sloўnik belaruskai movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 13, Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2010. 352 p.

Matveev A. K. (Ed.). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [Dictionary of Russian North dialects]. Vol. I–V–, Yekaterinburg, Publ. of Urals State University, 2001–2011–.

Matveev A. K. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian dialects of Middle Urals]. Vol. I–VII, Sverdlovsk, Publ. of Urals State University, 1964–1988.

Mel'nichuk O. S. (Ed.). *Etymologichnyi slovnyk ukraiins'koii movy* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 5, Kiev, Naukova dumka Publ., 2006. 703 p.

Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Wien, 1886. 547 p.

Miklosich F. *Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum* [Old Slavic — Greek — Latin Lexicon]. Vindibonae, 1862–1865. 1171 p.

Podyukov I. A., Pozdeeva S. M., Svalova E. N., Khorobrykh S. V., Chernykh A. V. *Slovar' russkikh govorov yuzhnogo Prikam'ya* [Dictionary of Russian dialects of the South Prikam'e]. Iss. I, Perm', Publ. of Perm State Pedag. University, 2010. 454 p.

Schuster-Šewc H. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache* [Historical-Etymological Dictionary of Upper and Lower Sorbian]. Vols. 1–5, Bautzen, 1978–1996,

Sobolevskii A.I. [Lectures in the history of Russian language]. Sobolevskii A.I. *Trudy po istorii russkogo yazyka* [Works on the his-

tory of Russian language.]. Vol. I, M., Iazyiki russkoi kul'tury Publ., 2004. 297 p. (In Russ.)

Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. Vol. I-III, St.Petersburg, Publ. of the department of Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences, 1893-1902.

Toporov V. N. *Prusskii yazyk. Slovar' K-L* [Prussian Language. A Dictionary. K-L]. Moscow., Nauka Publ., 1984. 439 p.

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (Eds.) *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Iss. 1–39, Eds. O. N. Trubachev (iss. 1–31), A. F. Zhuravlev (iss. 32–39). Moscow, Nauka Publ., 1974– 2014–.

Trubachev O. N. [Observations on the etymology of lexical localisms (Slavic etymologies 48–52)]. *Etimologiya 1972* [Etymology 1972]. Moscow, 1974, pp. 20–40. (In Russ.)

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves* [Comparative Grammar of the Slavic Languages]. Vol. 4, Paris, Klincksiek Publ., 1974. 809 p.

Т. В. Горячева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru

К ЭТИМОЛОГИИ И СЕМАНТИКЕ ТРЕХ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ[1]

Эта статья посвящена выяснению семантики и этимологии трёх русских фразеологизмов: *накры́ть мо́крым рядно́м*; *подложи́ть свинью́*; *на во́ре ша́пка гори́т*. Автор приходит к выводу, что семантика воды и семантика ткани (сырья для ткани), а также семантика покрытия, упаковывания тканью объединяет приведенные в статье русские и иноязычные выражения и уточняет развитие значений фразеологизма *накрыть мокрым рядном*. Автор предполагает далее, что выражение *подкладывать* / *подложить свинью* первоначально возникло в речи печников и могло иметь исходное значение ‘подвести каркас под будущий свод печи’, а затем — ‘совершить ошибку, допустить искривление его, тем самым причинив неприятность хозяевам дома, где возводится печь’. В результате обозрения обширного фразеологического и этнолингвистического материала нескольких славянских традиций, автор приходит к выводу о том, что выражение *«на во́ре ша́пка гори́т»* могло быть модификацией выражения *«на молодце шапка горит»*, оба они связаны с семантическим полем горения и обмана (в последнем случае, возможно, в эротической сфере).

Ключевые слова: славянская фразеология, фразеологизм, семантика, семантическая типология, семантическое поле, сино-

[1] Статья подготовлена по программе финансовой поддержки гранта РГНФ №13-04-00-221 «Сравнительно-исторические подходы в лексикологии и семантике. Славянская праязыковая лексикография: теория и практика».

нимия, метонимия, модификация, этимология, этнолингвистика, фольклор.

Эта статья посвящена выяснению семантики и этимологии трёх русских фразеологизмов (*накры́ть мо́крым рядно́м; подложи́ть свинью́; на во́ре ша́пка гори́т*) методом сопоставления языковых и обрядовых фактов из разных славянских и других европейских традиций.

накрыть мокрым рядном

Выражение *накрыть кого мокрым рядном* в значении ‘уличить’ находим в сборнике пословиц В. И. Даля [ПРН I: 380], он же приводит его модификацию *Его накрыли мокрым рядном*, значащую ‘попал впросак’ [ПРН II: 337]. В кузбасских говорах *накрыть мокрым рядном* означает ‘обругать беспричинно’ [Чалов 1977: 133], то же выражение в аналогичном значении отмечено и в кубанских говорах [Ткаченко 1998: 144]. В словаре Гринченко находим *накри́ти мо́крим рядном* — ‘наброситься — и слова не дать сказать’ [Гринченко IV: 92]. Михельсон дает это выражение, толкуя его как иносказательное — «как бы мокрым грубым полотенцем тело; застать врасплох», отсылая к синонимичным: «Как снег на голову», «Концы в воду прятать» [Михельсон I: 603]. Это единственное известное нам объяснение в литературе о фразеологизмах. Ср. близкое по смыслу болг. *като̀ уда̀рен с мокър чора̀п* (също *с мо̀кър пещема̀л, с мо̀кър парца̀л, с мо̀кра кърпа*) ‘как из-за угла мешком прибитый’ [БРФР 336], при *чорап* — ‘чулок’, *пещемал* — ‘большое купальное полотенце’, *кърпа* — ‘тряпка, лоскут’. В русском фразеологизме фигурирует слово *рядно*. В четырехтомном словаре под редакцией Евгеньевой оно трактуется как ‘толстый холст из пеньковой или грубой льняной пряжи, а также изделия из такого холста’. «Стащили с сена на телеге грубое полосатое рядно и накрылись им, как палаткой» (Паустовский, Повесть о лесах) [Евгеньева[1] III: 991]. В Словаре русских народных говоров приводится слово *рядно́* в значениях ‘мешковина, полученная из распоротого мешка’ (псков.), ‘шерстяное покрывало’ (краснояр.), ‘подстилка, связанная из лоскутов’ (кубан.) [СРНГ 35: 343].

Холст, шерстяное покрывало — тяжелые ткани, накрытый ими человек должен чувствовать несвободу, скованность в движениях. В этом отношении любопытным сравнением могут быть французские фразеологизмы, включающие в свой состав слово *drap* m. ‘сукно; полотенце’: *être* (или s*e mettre*, *se trouver*) *dans de beaux* (или *de jolis*, *de mauvais*, *de villains*) *drap* (букв. ‘быть (или помещаться, находиться) в прекрасном (красивом, плохом, отвратительном) сукне’), ‘оказаться, находиться в пренеприятном, в затруднительном положении, попасть в переплет, в переделку’ и *mettre dans de beaux* (или *de jolis*) *drap* (букв. ‘поместить в красивое (прекрасное) сукно)’ устар. ‘выругать; разделать под орех’ (ср. выше значение русского выражения *накрыть мокрым рядном* ‘обругать беспричинно’ — Т. Г.); ‘поставить в затруднительное положение’ [БФРФС 523]. Интересно также совмещение значений у испанского *tela* f. ‘ткань, полотно, материя, материал’ и ‘ловушка, западня’, *manta* f. ‘одеяло’, ‘плед’, ‘шаль’ и ‘побои, взбучка’. S. v. франц. *couverture* f. ‘одеяло, покрывало’ авторы Большого французско-русского фразеологического словаря помещают выражение *quelle couverture pour* … (букв. ‘какое одеяло для…’) в значении ‘какой позор для…’, а также *mettre qn sur la couverture* уст. (букв. ‘помещать в одеяло кого-н.’), значащее ‘смеяться, насмехаться над кем-л.’ [БФРФС 421]. Интересно русск. диал. выражении *не просто сукно* — ‘о человеке, который что-то знает, но не говорит’ [СПГ 2: 417], а также *суко́нка* м. и ж. бранно. ‘о подлом, ненадежном человеке’ [СРНГ 42: 209], ср. также нем. (s.v. *Décke* f. ‘покрышка, покрывало, одеяло и т.д.’) *mit jemdm. unter einer ~ stecken* ‘быть с кем заодно’ [Павловский I: 482].

Вообще же семантика покрывания, упаковывания тесно переплетается с семантикой ругани, позора, поношения. Ср. русск. *покрыть позором* (*славой*), франц. *emballer* ‘упаковывать, укладывать’ и *se faire emballer* — прост. ‘получить нагоняй’ [БФРФС 551], а также испанское *empajar* ‘покрывать (набивать) соломой; стелить солому’ и ‘бранить’.

Существует также связь семантики сырья для ткани, холста с семантикой обмана, лжи, ср. исп. *guata* f. ‘спрессованный хлопок-сырец’, ‘обман, ложь’. Семантика обмана связана и с названиями упаковывания: польск. *owijać* (реже *obwijać*) <coś> *w bawełnę* (букв. ‘овить, окутать в хлопок’) — ‘говорить обиняками (намеками, ходить вокруг да около, не договаривать что-л., умалчивать о чем-л.;

напускать туману, темнить)' [ПРФС I: 195]; ср. также исп. *embojotar* vt 'связывать в узел (тюк)' и 'обманывать'. Значения 'завертывать, обертывать' и 'впутывать в какое-л. дело' совмещаются, например, у исп. *envolver* vt, ср. также исп. *emponchado* 'закутанный в пончо', 'подозрительный'.

Почему же накрывать именно мокрым рядном? Возможно, здесь есть отдаленная связь с выражениями *выводи́ть* / *вы́вести на чистую воду кого* 'уличать кого-л. в чем-л.; разоблачать кого-л. в обмане, дурном поступке, выявлять правду' и *выходи́ть* / *вы́йти сухи́м из воды*. Неодобр. 'избегать заслуженного наказания; оставаться незапятнанным, не скомпрометированным в трудных и неприятных ситуациях', происхождение которых, по одной из версий, связано с испытанием обвиняемого водой — его бросали в воду и, если он тонул, то считался невиновным, а если выплывал, то тем самым подтверждал свою вину — вода его не принимала. Это испытание, называемое Божьим судом, существовало в средние века и было известно у многих народов [СРФ 88: 90]. Здесь нужно отметить, что если испытуемый выплывал, считалось, что вода его «не принимала, т. к. она — чистая субстанция; ее символика, однако, связана не только со свойствами чистоты, свежести, прозрачности, быстроты, но и с «мифологическими представлениями о В. как о «чужом» и опасном пространстве» [Виноградова 1995: 388]. Ср. рус. диал. *вода́*, кому, безл. предикат. 'о подходящих благоприятных условиях жизни': «*Краснода́р как прие́хали, так он и заболе́л, не вода́ ему́ там*» [СРГНП 1: 79], кубанск. *вода́*, ~ *как с воды идёт* 'благополучно, удачно складывается' [Борисова. Кубан. говоры 67], но блр. *Як вадо́ю ліць* 'наговаривать' [Янкова 1982: 62]. Ср. исп. *chorrear* vi 'струиться, течь струей, сочиться, просачиваться', vt 'намочить, забрызгать (кого-л.)'; 'сделать выговор; пропесочить'.

Интересно также в связи с семантикой воды как опасности франц. разг. (s. v. *vase* I f. pop 'дождь; вода') выражение *être dans la vase* 'находиться в тяжелом положении, иметь неприятности, попасть в передрягу' [Гринева, Громова 2006: 615], ср. также нем. (s.v. *Wasser* 'вода') *das Wasser steht im bis zum Hals* 'он в отчаянном положении', а также *alles ist zu Wasser geworden* (букв. 'все стало водой') — 'все пропало' [Павловский II: 840].

На основе исследования фразеологизма *мокрое дело* в блатном жаргоне Л. В. Валеева заключает: «Мокро и вода выражают пол-

ную опасность. Снег и дождь, смотря по времени года, служат лозунгом не опасности, но неудачи, а ясно — показывает совершенно противное» [Валеева 2006: 410]. Ср. чеш. *namočit* ‘намочить’, *namočit koho do čeho* прост. ‘втянуть, впутать кого во что’; интересно, однако, противоположное *попасть в непромокаемую* ‘попасть в трудное положение’ [Словарь Карелии 5: 76]. Любопытно также совмещение значений англ. *wet* сленг. ‘влажность, сырость’ и ‘никчемный человек’, а также у англ. *damp* ‘смачивать, увлажнять’ и ‘обескураживать, угнетать’.

Значение ‘уличить’ у выражения *накрыть кого мокрым рядном* находит поддержку в исп. *calar* ‘мочить’ и ‘угадывать чьи-л. намерения, видеть насквозь’, ‘разгадывать, разгадать’, ‘понимать, постигать’. Что же касается значения выражения *накрыть кого мокрым рядном* ‘попал впросак’, то ему семантически близко чешское выражение (s.v. *polit* сов. ‘полить, облить’) *zůstal, jako by ho polil* (букв. ‘остановился, как будто его кто облил’) ‘он остолбенел’.

Интересно функционирование понятия ‘вода’ в сфере славянской эротической лексики. Так, в русских говорах выражение *обли́ть водой* значит ‘изменить в любви кому-л.’ «С ним гуляла, а он не взял (замуж), ну и обольют водой» [НОС 6: 90]. А. Б. Страхов отмечает, что вода и обливание ею «играет немалую роль в позорящих акциях», приводя собранный С. М. Толстой полесский материал: «Як нехорошая невеста, прогулянная — обольют водой. Утром в понедельник свахи ее поднимают и умывают у колодца. Если она честная — осторожно умывают, а если прогулянная — водой обольют ее, полкирпичины найдут вместо мыла. А потом молодой подходит — и молодого обольют. И в цыганы переодеются, если она нечестная» (Картушино Стародубского р-на Брестской обл.); «У воду вэдуть да купають дочку нечэсну и матер разом» (Курчица Новоград — Волынского р-на Житомирской обл.). В селах Мозырского Полесья обливали водой и выгоняли со двора всю свиту невесты […]. На Черниговщине, если невеста нечестная, на улице возле дома ставили ведро воды, и все родственники должны были мыть руки перед входом в дом (Олбин Кузнецкого р-на). В Челхове Климовского р-на Брянской области такую невесту обливали водой на мусорной куче». Он добавляет также болгарские и украинские записи, в которых фигурирует обливание водой нецеломудренной новобрачной: «В Северо-Западной Болгарии нецеломудренную но-

вобрачную, одетую в старье, утром везли на телеге к реке, колодцу или колонке, раздевали, насильно купали или лили на нее ведрами воду [Маринов 1984: 464]. В Белградчикском округе такую новобрачную купали «в ближайшей реке на другой день после объявлении ее вины»» [Волков 1895: 33] и тем и ограничивались. Очищение водой могло распространяться на других участников обряда. На Украине (Лохвицкий у. Полтавской губ.) в случае нецеломудрия новобрачной «кто-нибудь из бояр лезет на крышу хаты с ведром воды и оттуда раздает воду» [Кистяковский 1878: 168–169; Страхов 2007: 147–149].

Таким образом, семантика воды и семантика ткани / сырья для ткани, а также семантика покрытия, упаковывания тканью объединяет приведенные выше русские и иноязычные выражения и уточняет развитие значений фразеологизма *накрыть мокрым рядном*.

подложить свинью

Фразеологизм *подкладывать* / *подложить свинью кому* в русской разговорной речи означает ‘исподтишка причинять неприятности, совершать по отношению к кому-л. низкий поступок, подлость, подстраивать каверзы’, употребляется с оттенком неодобрительности [ФРР 647]. В литературе о фразеологизмах существует несколько версий его происхождения: многие авторы вслед за Михельсоном объясняют его на основе др.-рус. *свинья́* ‘строй клином, кабаном, кабаньей головой, для пролома рядов неприятеля, для нападения’; этот строй применили в 1242 г. немецкие рыцари на льду Чудского озера в битве с войском Александра Невского; вторая версия связана с мусульманским запретом употреблять в пищу свинину, мусульманину могли «подложить свинью» с целью осквернения этого запрета; А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко также считают, что это выражение скорее всего «народная шутка типа рус. *убил бобра!* ‘совершил грубую оплошность’», они приводят также параллели к последнему выражению, существующие в славянских языках: укр. диал. *лиса зловити, вишукати лиса, лисицю піимати* ‘опалить полу одежды’, польск. *złapać zająca* ‘упасть’, *złowić wydrę* ‘упасть в воду’, чеш. *chytit zajice* ‘упасть’, *kozla odžít* ‘ошибиться’; ими предлагается также в качестве сравнения франц. *jeter un chat aux jambes de qn* (букв. ‘бросить кому-л. кота под ноги’) ‘поставить кого-л. в неприятное

положение’ [ФРР 648]. Выражение *подкладывать* / *подложить свинью кому* также толкуют в связи с правилами игры в «свинки», когда игроку подкладывали не подходящую для удара бабку — «свинку» [Фелицина, Мокиенко 1999: 237].

Фразеологизм имеет структурно преобразованные варианты: *подвалить свинью какую, подсунуть этакую жирную свинью кому, подносить свинью в виде чего* и др. [ФРР 647–648], а также, вероятно, *свинью делать* (*сделать*) *кому-л.*, значащее в русских говорах ‘причинять неприятности кому-л.’, ‘проявлять (проявить) неблагодарность’ [СРНГ 36: 290]. Здесь может идти речь о замене компонента.

Составители Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей приводят выражение *сделать свинью* s. v. *свинья́*[2] ‘деревянное приспособление, используемое при постройке печи для образования полости топки, дымохода’, ‘особая укладка снопов’ в значении ‘допустить искривление при кладке стены, печки’. «Делали все по отвесу, чтобы свинью не сделать, не скривить» (Словарь Карелии 6: 10–11). Здесь речь идет об ошибке при кладке печи, стены. Ср., может быть, нем. *Sau* f. ‘свинья’ и ‘промах, ошибка’, *sauen* ‘пороситься’, фам. ‘много ошибаться’, нем. *Bock* ‘козел, баран’ и ‘ошибка’, франц. *loup* ‘волк’ и ‘ошибка, промах’, типогр. ‘пропуск’, польск. *robić byki, narobić byków* (*strzelić byka*) прост. фам. ‘делать ошибки, наделать ошибок (в языке, орфографии)’ (ПРФС I: 234), итал. *gámbero* ‘рак’ и полигр. ‘«козел», пропуск в наборе’, исп. *cavallo* ‘лошадь, конь’, *fare un cavallo* (букв. ‘сделать лошадь’) ‘пропустить нить при тканье’; интересно при этом, что семантика лжи, обмана связана в отдельных европейских языках также с названиями животных, ср. исп. *borrego* ‘барашек, ягненок’ и ‘ложь, утка’, *gatazo* ‘огромный кот, котище’ и ‘обман, очковтирательство’, *guáchara* ‘жаба’ и ‘ложь, обман’. Любопытно также, что во французском языке слово *four* означает ‘печь’ и разг. ‘неудача, провал’, *faire four* — ‘потерпеть неудачу’, а *fumiste* ‘печник’ имеет также в разговорной речи значение ‘враль, лгун’.

(С)делать свинью — допустить искривление при кладке стены, печки — сделать криво, как спина у свиньи? Ср. *свинообразный* ‘такой, как у свиньи; покатый (о спине)’ (Р. Урал — СРНГ 36: 286), *свиная стать* ‘о сутулости человека’ (Даль — СРНГ 36: 285), ср. англ. *hog* ‘боров, свинья’ и тех. ‘искривление, прогиб’. *(С)делать*

свинью могло предшествовать *подкладывать* / *подложить свинью кому*, а возможно, и наоборот. *Свинья* в русских говорах — ‘деревянный каркас, служивший формой при сооружении глинобитной печи или ее свода; опалубка’, то же *сви́нка*. «Основу «свинки» («кобылы») составляли два деревянных полкруга, высотой равных высоте будущего свода печи; на них настилается опалубка из толстых досок по длине печи. Когда битье печи заканчивалось, «свинку» сжигали» (волог., арханг., яросл., тамб., донск., кубан., Даг. АССР, пенз., куйбыш., Р. Урал) [СРНГ 36: 283, 290], ‘чердачная часть дымохода, соединяющая печь с трубой; боров’ (краснодар.) [СРНГ 36: 290]. Слово *сви́нка* также значило: ‘бревенчатый сруб, заполненный землей или камнем, служащий опорой мостов, плотин; ряж’ (перм., байкал.), мн. ‘бревна, вбиваемые в дно реки, пруда и т. п. для того, чтобы весною лед не смог испортить мост, плотину’; ‘средний ряж плотины’ (Удм. ССР); мн. ‘опоры, устои мостов (через ручей, речку)’ (горно-алт.); ‘укрепленное место у берега реки, от которого начинается мост’ (перм.), мн. ‘срубы по сторонам оврага, заваленные землей’ (перм.) [СРНГ 36: 282–284]. Ср. *бо́ров* ‘деревянное приспособление, используемое при выкладке нёба русской печи’ [СРГНО 36–37], *борово́к* ‘свод печи в избе, на котором кладут для просушки одежду’ (Подвысоцкий[2] 39), *бо́ров* ‘дымоволо́к, лежачая дымовая труба, проводна́я’, *борово́к* ‘чугунный желоб, коим покрывается выпускной желоб плавильной печи’, ‘огрех, непропаханная, обойденная сохою полоска, от кривизны борозды’, ‘выпуклый промежуток между ложками и раковинами в каменотёсной и резчиковой работе’, ‘выпуклая полоса на якоре, от рога, по наружности лапы’ [Даль[2] I: 115], *борови́к* ‘горизонтальная часть дымохода на чердаке, соединяющая топку с трубой’: «Чувал ложишь, боровик делаешь, это изгибаешь в сторону, а труба прямо» [Краснояр. словарь[2] 29], ‘фундамент печи’ [СРГПриб 1: 33]. Ср. также англ. *boar* ‘боров, дымоход (у трубы)’, волог. *веприь* ‘деревянная форма, остов, в котором бьют глиняную печь’ [Волог. словарь 1: 61]. Интересна связь с вышеприведенным материалом архангельского *поро́зина* ж. ‘желобок внизу зимней оконной рамы для стока воды с окна’ [СРНГ 30: 73], если оно восходит к *пороз*.

В белорусском языке *свіння́*$_2$ означает также ‘свод у печи’, *сви́нка, свэ́нка* — ‘часть дымохода между устьем печи и дымовой трубой’ — «Очевидно от *свинья*$_1$, ср. рус. диал. *свинья́* ‘часть дымохода вверху,

которая соединяет печь с дымовой трубой, иначе *бóров*, т. к. напоминает лежачую свинью, ср. также *кабы́ла*$_2$ (гл.)'» [ЭСБМ 12: 27].

Итак, можно предположить, что выражение *подкладывать* / *подложить свинью* первоначально возникло в речи печников и могло иметь исходное значение *'подвести каркас под будущий свод печи', а затем — 'совершить ошибку, допустить искривление его, тем самым причинив неприятность хозяевам дома, где возводится печь'. Оно стоит в одном ряду с выражениями *(с)делать свинью* 'допустить искривление в кладке стены, печки', являясь его возможной модификацией, а также с выражением *перекатывать, перекати́ть свинью* 'переделывать свод русской печи, класть новый вместо сгоревшего' [Манаенкова 190]. Ср. также сложившееся, очевидно, в речи ремесленников польск. *szyć / uszyć* (реже *kroić*) *komuś buty* 'подкладывать / подложить кому-л. свинью, подсиживать, подсидеть кого-л.' [ПРФС I: 229].

Печники, особенно нанятые со стороны, могли сознательно допустить огрех в возведении каркаса-«свиньи» в отместку хозяевам за ненадлежащее обращение, скупость и т. д.; им приписывались особые способности, магические знания, их старались всячески задобрить, чтобы печь не дымила, потребляла мало топлива и долго сохраняла тепло [Липинская, Чижикова, Макашина, Морозов, Желтов, Гольдин 2007: 88]. При найме печника вся семья принимала участие в создании печи, все члены семьи копали и носили глину, проверяли размеры и конструкцию, «отмечая этапы строительства угощениями печников» [Липинская, Чижикова, Макашина, Морозов, Желтов, Гольдин 2007: 170–171]. Не только печники, но и плотники также совершали акты магической мести плохим хозяевам; они *пускали*, например, *свистуна*, создавали звуковые эффекты, закладывая «в паз между бревен, обычно в углу, в подполье, под крышей или в трубе, бутылку, аптечный пузырек, горлышко от бутылки…, гусиное перо…, иногда наполненное ртутью, коробку со свернутой в трубу берестой… и т. п.», все это звучало от ветра и сквозняков и напоминало действие нечистой силы [Щепанская 2003: 415–416]. Печники же, недовольные хозяевами, могли *посадить копуна* — под печью оставляли пустоту таким образом, чтобы оттуда все время дул сквозняк и поднимал подол женщине, стоящей у печи. *Копуну* придавался статус мифологического существа, «покушавшегося на область женских гениталий» [Щепанская 2003: 400]. Печники, рас-

сердившись на хозяев, могли сделать также так, чтобы печь дымила, а вечерами слышны были завывания и стоны [Щепанская 2003: 413].

Коснемся еще одной версии происхождения фразеологизма *подкладывать* / *подложить свинью* (упомянутой выше), согласно которой в народной игре в «свинки» игроку подкладывали не подходящую для удара бабку — *сви́нку*. Здесь следует отметить, что *сви́нка* в русских говорах значит также ‘деревянная чурка, рюха для игры в городки’ (Слав. Акад. 1847, Даль, Лит. ССР) [СРНГ 36: 283–284], ‘игра в рюхи’ (курск. — там же), ‘кость, которую ставят на кон при игре в карты’ (донск. — там же); *в сви́нку игра́ть* — ‘играть в карты, ставить на кон свинку (кость)’ (донск. — там же). Здесь следует добавить, что игра в свинку известна также в Белоруссии, Украине, Польше; так, в белорусских говорах игра *сві́нка*, *у сві́нку* описывается следующим образом: «Игра мальчиков со специальной чуркой или мячиком, сшитым из тряпки (свиньей). Участники игры копают посередине круга ямку, а вокруг нее на одинаковом расстоянии копает себе ямочку каждый из участников. Меряются на палке, кому “пасти” свинку, т.е. выгонять из ямки палочкой в поле. Каждый игрок держит у своей ямки палочку, старается отбить от себя свинку. В это время водящий старается занять чью-нибудь ямочку, поставить свою палочку на место другого; если это удается, то они меняются местами в игре» [Цыхун & Цыхун 1979: 263]; *сві́нка* в туровских говорах также ‘карточная игра’ [ТС 5: 20–21]. В кашубско-словинских говорах (в Словаре Сыхты) s.v. *sʹvínka*, dem. *od sʹviń́a* находим описание игры в свинку теперь уже на территории Польши: «Игра состоит в том, что главный участник игры, называемый иначе пастух, старается “свинку” в форме шарика или округлого камушка загнать в очерченный круг играющих, которые снова палками стараются отогнать ее в *хлевок* — ‘маленькое углубление в земле’. Если кто-нибудь коснется “свинки” ногой, должен будет ее пасти…» [Sychta V: 201].

В этих играх, на наш взгляд, четко прослеживается связь со свиньей; иного, возможно, ошибочного взгляда придерживаются составители Этимологического словаря украинского языка, которые название *сви́нка*[2] ‘деревянный шар, который гоняют в игре загнутыми палками’, ‘соответственно игра’, сравнивая с рус. *сви́нка* ‘палочка, свинка’, *сви́нки* ‘игра в палочки, свинки’, польск. *świnka*, болг.

сви́нка ‘то же’, словен. *svínjka* ‘деревянный мяч’ возводят к праслав. **sъvinъka*, восходящему к **sъvi(nǫ)ti* ‘свить’; «первоначально, очевидно, означало ‘мяч, свитый из тряпья или шерсти’; ср. [*зви́нка*] ‘мяч из шерсти; игра в мяч’ ж., приобрело сближение со свиньей» [ЕСУМ 5: 190].

Ср., возможно, исп. *chancho* ‘свинья; поросенок’ и ‘запертая пешка (в шашках и шахматах)’, ‘дубль (в домино)’, а также нем. *Saublattn* (~ *[e]s,* ~ *blätter*) вульг. ‘плохие карты’ [Павловский II: 284].

Как уже указывалось выше, выражение *свинью делать (сделать) кому-л.* в русских говорах имеет значения ‘причинять неприятности кому-л.’ (омск.), ‘проявлять (проявить) неблагодарность’ (Ср. Прииртышье) [СРНГ 36: 290], т. е. оно может трактоваться и как ‘(с) делать свинство’, ср. *сви́нскую морду делать (сделать)* ‘проявлять (проявить) неблагодарность’ [там же: 286]. Ср. также франц. *tour de cochon* (букв.‘проделка свиньи’)‘подвох’; *jouer un tour de cochon à qn* ‘подложить свинью кому-л.’; *faire un tour de cochon à qn* ‘то же’, исп. (s.v. *chancha* ‘свинья (самка)’) *hacer le chancha* (букв. ‘делать свинью’)‘прогуливать занятия’. В европейских языках распространена (и довольно широко) конструкция: глагол ‘делать, сделать’ и название животных, птиц, рыб, насекомых и др., употребляющаяся в самых разных значениях. Перечислим некоторые из них: исп. *hacer perro muerto* ‘не заплатить, бесплатно попользоваться’, франц. *faire le jeune chien* ‘быть взбалмошным’, нем. *mach mir nicht die Pferde scheu!* ‘не наводи панику’, англ. *to make an ass* ‘валять дурака’, *to make an ass of oneself* ‘ставить себя в глупое положение’ [ССАИ 19], франц. *faire le veau* ‘разлечься’, исп. *hacer (se) la rata* ‘прогуливать занятия’, *hacer el oso* ‘паясничать, кривляться, быть посмешищем’, ‘приставать с ухаживаниями’, франц. *faire l’ours en cage* ‘ходить взад и вперед’, *faire la souris* прост., уст. ‘заниматься карманными кражами’ [БФРФС: 1147], *faire le singe* m. ‘кривляться’, арго ‘ждать’, *faire le zébre* ‘валять дурака’, *faire le hibou* ‘дичиться, чуждаться людей’ [там же: 807], *faire le paon* разг. ‘важничать, задирать нос, задаваться, хвастать’ [там же: 1135], исп. *hacerse la pava* ‘прогуливать уроки’, *hacer uno el ganso* ‘ляпнуть некстати (невпопад), брякнуть’, ‘дурачиться, валять дурака’, франц. *faire mouche* ‘целиться, бить в цель’, ‘попасть в точку, добиться цели’ [БФРФС: 1039], *faire la morue* прост. ‘заниматься проституцией’ [там же:

1031], *faire le lézard* ‘греться на солнце’, ‘бездельничать, лентяйничать, сибаритствовать’, *faire le hérisson* ‘ощетиниться, стать на дыбы’ [там же: 801] и др.

Косвенным же подтверждением предложенной нами версии происхождения выражений *подложить свинью*, а также *(с)делать свинью*, а именно — допущения связи их с ремеслом печников, возможно, может служить наличие синонимичного русского выражения *подвести (подстроить) механику (кому, к кому)* [ТСФСРЯ: 293].

на воре шапка горит

Выражение на *во́ре ша́пка гори́т* ‘о человеке, совершившем что-л. дурное, который непременно себя выдаст’ традиционно трактуется следующим образом: «Оборот восходит к старинному анекдоту о том, как нашли на рынке вора: после тщетных попыток найти вора люди обратились к колдуну, тот громко крикнул: “Смотрите-ка! На воре-то шапка горит”. И вдруг все увидели, как какой-то человек схватился за шапку. Так вор был обнаружен и уличен» [СРФ 98]. Нам кажется, что это всего лишь исторический анекдот, а мотивы «горения шапки» первоначально находились в сфере эротической лексики, тесно связанной с лексикой горения вообще, как связана с ней лексика воровства. О связи воровства с огнем мы уже писали в статье «К семантической интерпретации некоторых русских фразеологизмов» [Горячева 2003: 152], добавим лишь еще немного примеров: рус. жарг. *отжа́рить* ‘утаить часть краденого при дележе’ [БСЖ 403], *отпа́рить* ‘утаить часть краденого’ [БСЖ 407], волог. *прога́р* ‘хитрый человек’, смол. *быть в прога́ре* ‘быть в проигрыше, в убытке’ [СРНГ 32: 107]; *запали́ть* ‘украсть что-л.’ [БСЖ 207], *калёный* ‘имеющий судимость’ [БСЖ 239], *бегать по огонькам* ‘воровать’: «Это — рекомендация себя, “с кем бегал” (то есть “с кем бегал по огонькам”, с кем воровал из известных всему блатному миру, хотя бы понаслышке, воров)» [Шаламов 2007: 339]. Ср. исп. *brasa* ‘жар, раскаленные угли’, арго ‘вор, ворюга’, ит. *còtta* f ‘варка’, *furbo furtante di tre ~e* ‘прожженный плут; продувная бестия’; ‘влюбленность’, англ. *hot money* «горячие деньги», ‘спекулятивный капитал’.

Интересно, что в уголовном жаргоне *красная шапочка* — ‘авторитетный вор, прекративший преступную деятельность’, ‘воровская группировка, не признающая тюремных традиций и нарушаю-

щая режим в колонии’ [БСЖ 682], а *синяя шапочка* — ‘человек, порвавший с преступным миром’ [БСЖ]. Ср. у В. И. Даля в Сборнике пословиц: «Красная шапка — вор мужик» [ПРН III: 110]. Интересна также английская идиома *if the cap fits, wear it* ‘если вы принимаете это замечание на свой счет, что ж, на здоровье’, ‘на воре шапка горит’ (букв. ‘если шапка впору — носите ее’) [ССАИ 72].

Головные уборы шапка, шляпа, платок, чепчик, кепка фигурируют в любовном фольклоре (русском) и во фразеологизмах, связанных со сферой эротики (в европейских языках): арханг. s.v. *жакéточка*: «Дéвочьки, зимá — не лéто, шэ́йте по жакéточьке, выбирайте себе дрóлю по зелёной кéпочьке» [АОС 13: 190];

«Я иду, переливается
Вода возле крутик.
Иссушила шапка с лентами
И флотский воротник» [Тунгусов 2006: 58].
«Дроля серенькую кепочку
Носи по вечерам.
Ты стращал меня изменой —
Получай измену сам» [Тунгусов 2006: 61].
«Супостаточка при шляпочке
Я шляпы не ношу.
Одену белую косынку
И её переформу» [Тунгусов 2006: 81].
«Не натягивай-ка кепочки,
Желанный, дорогой.
Из-за этой серой кепочки
Корят меня тобой» [Тунгусов 2006: 84].
«Я по берегу ходила,
Воду меряли в реке.
Иссушила шапка-финочка
И брюки-галифе» [Адоньева 2006: 265].
Ср. блр. «Як пайдý я па лýгу,
Па зялёный траўки.
Як сустрéўся двыряни́н
У зялёный шáпки.
Хочеть мя́не пували́ть
На зялёный трáўки» [Добровольский 2006: 254].

Ср. англ. *to set one's cap at* (*cap* — ‘кепка, шапка, фуражка; чепец’) ‘пытаться женить на себе; охотиться за женихом’, *she sets her c. at Mr. B.* ‘она заигрывает с мистером Б.’ [ССАИ: 72]; франц. (s.v. *cornette* ‘чепчик, капор’) *aimer les cornettes* ‘быть бабником’ (букв. ‘любить чепчики’), *faire qn cornette* ‘изменять, наставлять рога кому-л.’ (букв. ‘делать чепчик кому-л.’); *faire sa femme cornette* (букв. ‘делать чепчик своей жене’) ‘изменять жене’ [БФРФС: 373], (s.v. *béguin* m ‘чепчик’) *béguin carabiné* ‘непреодолимая любовь’, *avoir un béguin* разг. ‘иметь возлюбленного’ (букв. ‘иметь чепчик’), *avoir le* (или *un*) *béguin pour* — ‘влюбиться, быть неравнодушным к кому-л.’ (букв. ‘иметь чепчик для кого-л.’), *faire des béguins* ‘флиртовать, крутить любовь’ (букв. ‘делать чепчики’) [БФРФС: 142], s.v. *toqué, -e*, adj. ‘ток, шапочка’ *être toqué de qn* разг. ‘питать слабость к кому-л., быть помешанным на ком-л., быть влюбленным в кого-л.’ (букв. ‘быть шапочкой для кого-н.’) [БФРФС: 1515], исп. s.v. *gorro* ‘шапка’: *poner el ~a uno* разг. ‘поставить кого-л. в неловкое (глупое) положение’; ‘наставить рога кому-л.’ (букв. ‘надеть шапку на кого-л.’). Как видим, в приведенных выше примерах присутствует также семантика любовной измены. Е. Л. Березович отмечает: «…с помощью образов головных уборов может быть выражена семантика обмана, а также конфуза: литер. *околпачить, околпачивать*, арх. *колпачить* ‘хитрить, ловчить’ [СРНГ 14: 193], пск. *попасть под шляпу* ‘оконфузиться, попасть в неловкое положение’ [СПП: 82]» [Березович 2007: 262]. Ср. близкое семантически франц. разг. *porter le (ou un) chapeau (de)* (букв. ‘носить шляпу’) ‘расплачиваться за ошибки, быть в ответе, считаться виновным’; ‘считаться доносчиком’, ‘иметь плохую репутацию’ [Гринева, Громова: 129]. Е. Л. Березович также считает, что «семантика обмана близка семантике измены, “неверного”, легкомысленного поведения» и в качестве примера приводит волог. *калау́шка* ‘женщина легкого поведения’ при *калау́шка* ‘шапка’ [Березович 2007: 261].

Мужская шапка, колпак, а также женские головные уборы тесно связаны с периодом сватовства и с самой свадьбой. При сватовстве на Русском Севере (Грязовецкий уезд Вологодской губернии) сват, согласно обычаю, должен был положить в карман повойник (старинный женский головной убор). «В Троичине Кадниковского уезда, когда сват подходил к двери, чтобы ехать сватать, кто-нибудь из семьи бросал в него сзади шемшурой (род кокошника), дабы успеш-

нее прошло сватовство и не вернулся бы он с пустыми руками, т.е. “с отказом”. То же происходило и в Илезе и Нижнем Спасе, а когда-то и по всей Кокшеньге. Там, “чтобы дело сошлось”, свата хлестали или забрасывали борушками (головной убор в виде круглой шапочки из парчи или другой ткани с твердым, золотом вышитым очельем, присборенным надо лбом и мягкими завязками сзади)». В Кирилловском уезде для счастливого исхода сватовства свата били бабьим кокошником и напутствовали песней…[Власова 2001: 479]

Шапка, олицетворявшая жениха, фигурировала также в отказах сватающим; так, Е. Л. Березович приводит вологодское *калау́шку повесить (навесить, построить)* (*калау́шка* — ‘шапка’ — Т. Г.) ‘отказать при сватовстве’ и псковское *шапку на лохань (вкинуть)* ‘то же’ [Березович 2007: 261].

О свадьбе (наряду с пословицей «Побывал под венцом — и дело с концом») В. И. Зиминым приводится пословица «Побывал под красной шапкой — живи и не шавкай» [Зимин б. г.: 307]. Ср. также карел. *быть в ша́пке* ‘быть самостоятельным’: «За любого замуж выдают, лишь бы в ша́пке был» [Словарь Карелии 6: 833]. Шапку, которая символизировала власть мужа над женой, жених после венчания надевал на голову невесты, тем самым объявляя присутствующим, что она теперь под его покровительством. «Пояс и шапка рассматривались также как своеобразная стена, о которую разбивалась вредоносная сила, стремившаяся принести жениху вред» [Шангин 2005: 386]. Шапка жениха — обычно богатое убранство:

«Как на князе-то шапочка в пятдесят золотчиков,
В четыреста тысячи.
Ну и кто ж его дарил шапочкой?
Что дарил его, подаривал кормилец-батюшка
За его, за честь-хвалу, за его за выслугу.
Он за ним в поход ходил,
Он за ним хлеб-соль носил» [Соколова, Рожнова 2003: 191] (обрядовая свадебная песня — *Т. Г.*).

В Кашинском уезде Тверской губернии в день свадьбы (у жениха), когда жених одевался к венцу, перед выходом все присаживались, одевшийся жених садился около стола и клал на него свою шапку, девушки в это время пели:

«На столе-то лежит шапочка,
На столе лежит пуховая.

Не в сто рублей снаряжена,
На дубовый стол положена.
Никто к шапочке не подойдет,
Никто шапочку не посмотрит.
Подходила к шапке матушка,
Эту шапочку посмотрела,
Своему дитятку говорила:
Ты, родимо мое дитятко,
Ты куда же снаряжаешься?
— Ты родима моя матушка,
Я снаряжаюся мосты мостить,
Я мосты мостить малиновые,
Переклады класть калиновые
Для свово-то честно поезда,
Для своей-то суженой, соряженной.
Что не тесть-то шапочку сорядил,
И не теща ему вышила,
Что срядил-то шапочку батюшка,
Выбирала ему матушка,
Вышивала-то мила сестра» [Соколова, Рожнова 2003: 110].

В Кадниковском уезде Вологодской губернии (д. Шириханово) в день свадьбы рано утром «…все участвующие в свадебном поезде родственники жениха, разодетые в праздничные одежды, собирались у его дома. Жених каждого из поезжан обносил рюмкой водки. Те выпивали и клали в рюмку деньги. Такой сбор назывался жениху на шапку» [Власова 2001: 526]. В Вожегодском крае иногда перегораживали дорогу свадебному поезду, при этом с молодого сдергивали шапку; жена должна была встать, кланяться и целовать мужа, только в этом случае жениху возвращали шапку [Власова 2001: 548]. В Кирилловском уезде, когда жених утром в день свадьбы приезжал к невесте, дружка доставал «хвату» (из короба) и клал ее на шапку жениха, мать обводила ею три раза вокруг головы жениха и невесты, «затем покрывала фатой невесту и надевала шапку на жениха». Это был обряд закрывания, закрытия, завешивания, покрывания [Власова 2001: 507].

В иерархии свадебных чинов (русской свадьбы) присутствовал чин *ша́почный* ‘один из участников свадебного обряда’ (карел.) «Ковда к венцу едут жених с невестой, ша́пошный идет впереди»

[Словарь Карелии 6: 833]; Даль также приводит название *ша́почник*, свадбн. чин: ‘один из дружек, кто сымает с князя шапку на по́езде, при встрече с людьми, чтобы жениху самому не беспокоиться’ [Даль[2] IV: 621], были термины *подша́почник* ‘участник свадебного обряда со стороны жениха, выполняющий обязанности дружки’ (псков., смол., калуж., орл.) [СРНГ 28: 253], *подша́почный* ‘брат жениха’ (белозер.) [там же], также *колпа́чник* ‘один из участников свадебного обряда, который носит и хранит фуражку или колпак жениха (а также подушку на которой жених сидит во время девичника и во время бракосочетания)’ (новг.) [СРНГ 14: 194], *колпа́чный* ‘то же’ [там же]. *Колпа́к* в вологодских, вятских и воронежских говорах значил также ‘девичий вязаный головной убор (обычно конической формы)’, *честный колпа́к* — ‘Такой головной убор просватанной девушки’ (волог.) [СРНГ 14: 192]. Меховая шапка в свадебном наряде невесты называлась в русских говорах *тума́к*. «Пускать тумака́» — ‘врать’ [Словарь Карелии 6: 535]. Интересно также, что *каравайный* (тот, кто должен был стеречь на свадьбе каравай) в доме невесты «клал на каравай шляпу, чтобы его не украли», иначе ему пришлось бы откупаться деньгами [Власова 2001: 522].

В Онежском уезде Архангельской губернии после венчания в доме мужа все поезжане садились за стол и угощались курятиной. Отец жениха, немного закусив, «…берет…приготовленный на этот случай хлебец и обходит оным трижды над головами молодых, которые во время закуски стоят за столом; потом завертывает хлебец этот фатою, которой закрывалась невеста поверх повязки, и кладет этот хлебец в шапку жениха, который после уносит его с собой» [Ефименко 2009: 255].

Интересно в связи с изложенным выше итальянское выражение (s. v. *capèllo* m. ‘шляпа’) *attaccare il capello al chiodo* (букв. ‘повесить шляпу на гвоздь’) ‘выгодно жениться’, ср. ит. *chiavare*[2] vt уст. ‘прибивать гвоздями’, ‘прочно закрепить’, вульг. ‘отодра́ть, трахнуть’, ‘надуть, провести’ *~arsi* вульг. ‘трахаться’; ср. также рус. *шляпу на колке забыл* (кричат вслед жениху, призывая его по уходе гостей проститься с невестой) [ПРН 3: 242], рус. *треу́х оде́ть* ‘опозорить кого-н., родив незаконного ребенка’ [Словарь Карелии 6: 509].

Очень важен тот факт, что в Болгарии (Добруджа) во время свадьбы зажигали огонь и сжигали в нем платок свекрови и шапку свекра или рвали платок свекрови (пловдив.), «что символизирова-

ло переход родителей жениха в другую социовозрастную группу; утрату ими фертильности» [Валенцова, Узенёва 2009: 157].

Шапка является также «предметным символом плодородия» [Толстая 2009: 76], в частности, у славян. В Болгарии «в доме мужа молодая садилась на колени свекрови, где лежали шапки маленьких мальчиков, после чего шапки перекидывали через невесту, желая ей мужского потомства» [Узенёва 2010: 157]. У восточных славян мужская шапка, которая надевалась на невесту, якобы гарантировала ей мужское потомство, в других местностях она «осмысляется как причина бесплодия» [Кабакова 2001: 98]; для того, чтобы была пышная грудь, ее нужно было тереть мужской шапкой [Кабакова 2001: 146], а чтобы следующим родился мальчик, в обряде захоронения плаценты ее укладывали в шапку [Кабакова 2001: 92]. Шапка фигурировала также в играх молодежи, например, в игре «столбушка», когда вызывали к печному или полатному столбцу, к двери, к голбцу или к воронцу, за печь и т. д. — «побеседовать». Вызывая девушку за дверь, на улицу парень снимал шапку, клал ее на снег, а девушка становилась в нее ногами. Пока шла беседа за дверью, «считалось, что “столб горит”, а когда один из партнеров возвращался в избу, говорили, что “столб погашен”» [Морозов, Слепцова 2004: 401]. В игре «олень» парень, который ходит вокруг светца с завязанными глазами при последних словах песни старался сорвать с головы какой-нибудь девушки платок, с парня шапку, затем, развязывали глаза и тот, с кого сорвали платок или шапку, должен был выкупить их поцелуем [Морозов, Слепцова 2004: 401]. При поцелуйных играх с пением (или) хороводами пели песню следующего содержания:

«На молодце шапочка горит,
Горит, горит, сперегаривает,
Мальчик барышню выманивает,
–Ты, девица, сойди со двора,
Да что у нас пивцо сварено,
Сладка водочка, анисовый душок,
Да поцелуй меня, возлюбленный дружок» [Востриков 2000: 82].

В других песнях в тех же играх прослеживается та же тема «горения»:

«Горю, горю на камешке,
Горю на горячем,
Тону, тону во колодце,

Тону во глубоком,
Кто меня сполюбит,
Тот меня и сменит,
Три раза поцелует».
«Я сижу, горю, пылаю
На калиновом кусту,
Ой, хто ж меня любит,
Тот и выкупит меня» [Востриков 2000: 81].

В русской этнографической литературе нет свидетельств о том, что шапку поджигали (в играх, на свадьбе и т. д.), однако это не говорит о том, что сжигания не было. А в Болгарии, например, юношу, пришедшего на собрание (посиделки — *Т. Г.*), сажали в центр участников и поджигали его колпак, тем самым подвергая испытаниям [Узенёва 2009: 197]. В приведенном выше тексте песни, возможно, только намек на горение шапки, имеется скорее в виду богатое убранство головного убора. Ср. (s. v. *съять*, несов. неперех. *сиять, сверкать*) «На нем шапка пуховая, на три поля съяя» (обоян., курск.) [СРНГ 43: 120]. Очень близко к этому «горение кудрей», так в обрядовой свадебной песне Сибири (при «сборе поезда») поется:

«Как у светла млада месяца
Трои золоты лучи возéяли,
Как у нашего добра молодца
В три ряда кудри да завиваются,
Во четвертый ряд да по плечам лежат,
По плечам лежат, ровно жар горят,
Ровно жар горят — жениться велят…» [Потанина 1981: 120].

На Русском Севере существовала игра «кудри жечь или палить», в процессе которой жгли кудель. «…в дд. Колтыриха и Аверинская один из парней с пучком (“пучагом”) горящих лучинок обходил всех девушек, спрашивая каждую из них: “Чьи кудри горят?” (или “Кудри жгёшь, ково за пряслицу ждёшь?” — д. Раменье Сямж.). Девушка должна была оторвать небольшой клубок кудели и бросить его на “пучаг”, повеличав при этом спрашивавшего по имени-отчеству» [Морозов, Слепцова 2004: 368].

И. А. Морозов и И. С. Слепцова свидетельствуют о том, что было известно «подрезание или поджигание волос (“кудрей”) жениху в знак его перехода в другую социовозрастную категорию» [Морозов, Слепцова 2004: 369].

Как пишет Г. И. Кабакова, «волосы наилучшим образом метонимически представляют человека» [Кабакова 2001: 46]; шапка и волосы также близки по своим магически функциям, ср. франц. *doulos (se)* m. арг. ‘шляпа’ и pl. арг. ‘волосы’ [Гринева, Громова 2006: 229].

Таким образом, выражение «*на во́ре ша́пка гори́т*» могло быть модификацией выражения «*на молодце шапка горит*», оба они связаны с семантическим полем горения и обмана (в последнем случае, возможно, в эротической сфере), ср. рус. выражение *нечи́ст на́ руку* ‘о том, кто любит ухаживать за женщинами’ «Говорят все: “неци́ст на́ руку”. Это знацит, с девками во всю гуляет» [Словарь Карелии 4: 19].

Интересно также как бы противоположные выражения *венец стемне́ет у невесты* — ‘В свадебном обряде — о девушке, которая имела половые отношения до брака’ (s.v. *стемнеть*. Фольк. ‘нахмуриться’) (волог., сольвыч.) [СРНГ 41: 127]; в карельских говорах венец, возлагаемый на голову молодым во время венчания, назывался *шля́па желе́зная* [Словарь Карелии 6: 891]. Ср. также *шку́ра горы́ць* ‘про непоседливого, горячего человека’ [Слоўн. Брэст. 280].

Литература

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура / Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 599 с.

Борисова О. Г. Кубанские говоры: материалы к словарю. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2005. 252 с.

Валеева Л. В. О семантической аномалии в сравнении / Слово в словаре и дискурсе // Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М.: Изд-во Элпис, 2006. 836 с.

Валенцова М. М., Узенёва Е. С. Платок // Славянские древности. В пяти томах. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 649 с.

Виноградова Л. И. Вода // Славянские древности. В пяти томах. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого. Т. 1 (А–Г). М.: Международные отношения, 1995. 578 с.

Востриков О. В. Традиционная культура Урала / Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Досуг (свободное от работы время, посиделки, гулянья, игры). Вып. IV. Екатеринбург: Изд-во Свердловский областной дом фольклора, 2000. 161 с.

Горячева Т. В. К семантической интерпретации некоторых русских фразеологизмов / Этимология. 2000–2002 / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Наука, 2003. 272 с. С. 147–164.

Гринева Е Ф., Громова Т. Н. Словарь разговорной лексики французского языка (На материале современной художественной литературы и прессы). Ростов н/Д: Феникс; Москва: Цитадель-трейд, 2006. 638 с.

Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка, т. I–IV. Кіев, 1907–1909.

Ефименко П. С. Обычаи и верования крестьян Архангельской губернии / Ред. колл.: А. С. Архипова, Д. С. Ицкович, А. П. Минаева, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик. М.: ОГИ, 2009. 560 с.

Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / Более 22000 пословиц, поговорок, молвушек, присловий, приговорок, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок. М.: АСТ-Пресс книга, б. г. 736 с.

Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2001. 335 с.

Манаенкова А. Ф. Словарь русских говоров Белоруссии. Минск: «Университетское», 1989. 231 с.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. Т. 1. М.: Русские словари, 1994. 780 с.

Морозов И. А., Слепцова И. С. Праздник и игра в жизни северно-русского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004. 920 с.

Павловский. И. Я. Немецко-русский словарь. В 2 т. Т. 1 (A–M). 1007 с., т. 2 (N–Z). 1423 с. М.: Аст. Астрель. Хранитель, 2007.

Страхов А. Б. О первичной очистительной функции позорящих акций: 1. Надевание хомута и др. / Palaeoslavica. T. XV, n. 1. Cambridge — “Palaeoslavica” — Massachusets, 2007. 354 с. С. 147–149.

Ткаченко П. Кубанский говор. Опыт авторского словаря. М.: Граница, 1998. 240 с.

Толстая С. М. Плодородие // Славянские древности. В пяти томах. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 649 с.

Тунгусов А. А. «Кабы не Арза — не река…» Заметки о фольклоре и его сборе / Изд. второе, переработанное. Архангельск: ОАО ИПП Правда Севера, 2006. — 168 с.

Узенёва Е. С. Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М.: Индрик, 2010. 280 с.

Узенёва Е. С. Посиделки // Славянские древности. В пяти томах. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 649 с.

Фелицина В. П., Мокиенко В. М. Русский фразеологический словарь. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 400 с.

Цыхун А. П., Цыхун Г. А. Лексіка дзіцячых гульняў і забаў / Народная словатворчасць. Мінск: Навука и тэхника, 1979. 336 с.

Чалов В. П. Некоторые источники (сфера первоначального употребления) фразеологизмов в кубанских говорах (на материале говоров Усть-Лабинского района Краснодарского края). История русского языка. Лингвистический сборник. Вып. 7. Печатается по постановлению Редакционно-Издательского Совета Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. М., 1977. 162 с. С. 132–140.

Шаламов В. Аполлон среди блатных / Колымские рассказы. М.: СОЮЗ, 2007. 123 с.

Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.

Янкова Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск: Навука і тэхніка, 1982. 432 с.

Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. TT. I–VII. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk: Zakład narodowy imienia Ossolińskich Wydawnictwo PAN, 1967–1976. Tom I. A–G. 1967, 444 s.; Tom V. S — T. 1972, 455 s.

Сокращения

Адоньева 2006 — Деревенская частушка XX века / Сост. С. Б. Адоньева. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. 265 с.

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–15–. М. Архангельск: Наука, 1980–. Вып. 13 Е — Жибучей, 2010.

БРФР — Българско-руский фразеологичен речник / Сост. А. Кошелев и М. Леонидова. София: държавно издателство «Наука и изкуство»; М.: Русский язык, 1974. 635 с.

БФРФС — Новый большой французско-русский фразеологический словарь / Под ред. В. Г. Гака. М.: Русский язык медиа, 2005. 1625 с.

Власова 2001 — Русский Север / Этническая история и народная культура XII–XX веков // Отв. ред. И. В. Власова. М.: Наука, 2001. 848 с.

Волог. словарь — Словарь вологодских говоров / Ред. Т. Г. Паникаровская. Вып. 1–12–. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1983–2007. — Вып. 1 А – Г, 1983. 138 с.

Добровольский 2006 — Внеобрядовая поэзия. Эротический фольклор из коллекций частных собирателей. Из собрания В. Н. Добровольского / Белорусский эротический фольклор. Изд. подгот. Т. В. Володина, А. С. Федосюк. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2006. 381 с.

Евгеньева I–IV — Словарь русского языка. В 4-х т. / Ред. А. Л. Евгеньева. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957–1961.

ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови у 7 т.* / Редкол.: О. С. Мельничук (голов. ред.), І. К. Білодід, В. Т. Коломієць, О. Б. Ткаченко. К., та ін. Київ: Наукова думка, 1983–2013.

Краснояр. словарь[2] — *Словарь русских говоров южных районов Красноярского края.* Изд. 2-е, переработанное и дополненное / Отв. ред. В. Н. Рогов. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1988. 448 с.

Липинская, Чижикова, Макашина, Морозов, Желтов, Гольдин 2007 — Баня и печь в русской народной традиции / Отв. ред. В. А. Липинская. Авторы: В. А. Липинская, Л. Н. Чижикова, Т. С. Макашина, И. А. Морозов, А. А. Желтов, И. И. Гольдин. М.: Intrada, 2004. 288 с.

НОС — Новгородский областной словарь / Ред. В. П. Строгова. Новгород: Изд-во Новгородского пединститута, 1992–2000. Вып. 1. А–В. 1992; Вып. 2. Г–Ж. 1992; Вып. 3. З–И. 1993; Вып. 4. К. 1993; Вып. 5. Л — Напол. 1994; Вып. 6. Наполенить — Ономединьку. 1994; Вып. 7. Ономедь — Побираха. 1994; Вып. 8. Побируха — Пральная. 1994; Вып. 9. Пральник — Р. 1994; Вып. 10. Со — Супери. 1995; Вып. 11. Сутки — У. 1995; Вып. 12. Ф — Я 1995; Вып. 13. А — Я (дополненный). 2000.

Подвысоцкий[2] — Подвысоцкий А. Словарь областного архан-

гельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. 2-е издание. М.: ОГИ, 2009. 575 с.

Потанина / Путилов 1981 — Обрядовые песни русской свадьбы Сибири / Отв. ред. Б. И. Путилов. Сост. Р. П. Потанина. Новосибирск: Наука, 1981. 319 с.

ПРН — Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. М.: Русская книга, 1993.

ПРФС — Гюлумяну К. Польско-русский фразеологический словарь. Т. I-II. Минск: Издательский центр Экономпресс, 2004.

Словарь Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей в 5 т. / Гл.ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1984–2005.

Слоўн. Брэст. — Дыялектны слоўнік Брэстчыны. / Скл. Алехнович М. М. та ін. Ред. Малажай Г. М., Клімчук Ф. Д. Мінск: Навука і тэхніка , 1989. 294 с.

Соколов, Рожкова / Иванова, Строганов 2003 — Фольклор Тверской губернии. Сборник Ю. М. Соколова и М. П. Рожновой 1916–1926 гг. / Издание подготовили И. Е. Иванова и М. В. Строганов. СПб.: Наука, 2003. 646 с.

СПГ — Словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во «Книжный мир», 1999–2002. Вып. 1–2. Вып. 1 (А–Н). 2002. Вып. 2 (О–Я).

СРГНО — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск: Наука, 1979. 605 с.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1 — 2: СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003–2005. Т. 1. Аблемай — ощупя. 2003, т. 2 Павесть — ящурок. 2005.

СРГПриб — Словарь русских говоров Прибайкалья — Словарь русских говоров Прибайкалья / Отв. ред. Ю. И. Кашевская. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986–1989. Вып. 1 (А–И). 1986; Вып. 2 (К–Н). Иркутск, 1987. Вып. 3 (О–П), Иркутск, 1988. Вып. 4 (Р–Я), Иркутск, 1989.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Издание второе, исправленное. М., Л. / СПб.: Наука, 2002–. Вып. 1.

СРФ — *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии / Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

ССАИ — Словарь современных английских идиом / Сост. Соломоник. СПб.: Золотой век, 2003.

ТС — *Тураўскі слоўнік* /Крывіцкі А. А., Цыхун Г. А., Яшкін І. Я., Михайлаў П. А., Трухан Т. М. Т. 1–5. Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987.

ТСФСРЯ — *Жуков В. П., Сидоренко И. И., Шкляров В. Т.* Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка. Ок. 5000 фразеолог. единиц; ок. 730 синоним. рядов / 2-е издание, стереотипное. М.: Астрель: АСТ; ЗАО НПП Ермак, 2005. 443 с.

ФРБЕ — *Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова К.* Фразеологичен речник на българския език: В 2 т. София: Изд-во на БАН, 1974–1975.

ФРР — *Мелерович А. М., Мокиенко В. М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М.: Русские словари, 1997. 864 с.

Шангин 2005 — Мужики и бабы / Мужское и женское в русской народной культуре. Иллюстрированная энциклопедия // Научн. ред. И. И. Шангина. СПб.: Искусство, 2005. 688 с.

ЭИС — *Востриков О.В.* Традиционная культура Урала. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора, 2000. Вып. 1 (Народный календарь).

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В.У. Мартынаў. Мінск: Навука і тэхніка , 1978. Т. 1.

Tatiana V. Goryacheva
Vinodradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
etymol@mail.ru

CONTRIBUTION TO ETYMOLOGY AND SEMANTICS OF THREE RUSSIAN PHRASES

This article contributes to semantics and etymology of three Russian phrases: *nakryt' mokrym riadnom* lit. 'to cover s.o. with wet fabric' — "to catch smb. in a lie, expose smb. as a liar"; *podlozhit' svinyu* lit. 'to put a sow under s.o.' — "to play a dirty trick"; *na vore shapka gorit* lit. 'the

hat burns on a thief' — "the nocent can't help but expose him-/herself". The author comes to a conclusion that semantics of 'water' and semantics of 'fabric (raw material for a fabric)' as well as those of 'covering, packing by a fabric' unites the Russian with other Slavic and some non-Slavic phraseological expressions and specifies development of meaning of the phrase *nakryt' mokrym riadnom*. The author assumes further that expression *podlozhit' svinyu* 'to play a dirty trick' originally has arisen in speech of stovemakers and could have a reference meaning 'to make a centering under the future arch of the furnace', and then — 'to make a mistake, to allow a curvature of it, thus having caused trouble to owners of a house where the furnace is being erected'. As a result of a review of extensive phraseological and ethno-linguistic material of several Slavic traditions, the author comes to a conclusion that expression *na vore shapka gorit* could be modifying another expression "on the good fellow a cap burns", both of them are relevant to semantic fields of burning and deceit (in the latter case, probably, in erotic sphere).

Key words: Slavic phraseology, idiom, phraseological expression, semantics, a semantic field, semantic typology, synonymy, metonymy, modification, etymology, ethno-linguistics, folklore.

References

Berezovich Y. L. [Language and traditional culture]. *Ethnolinguisticheskiye issledvaniya* [Ethnolinguistic studies]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 599 p. (In Russ.)

Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. *Slovar' russkoi frazeologii. Istoriko-etimologicheskii spravochnik* [Dictionary of Russian Phraseology. Historical & etymological reference book]. St.-Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 704 p.

Borisova O.G. *Kubanskie govory: materialy k slovaryu* [Dialects of the Kuban' Region: Materials for the dictionary]. Krasnodar, Publ. of Kuban State University, 2005. 252 p.

Bylgarsko-ruski phrazeologichen rechnik [Bulgarian–Russian Phraseological Dictionary]. Comp. A. Koshelev i M. Leonidova. Sophia, Nauka i izkustvo Publ.; Moscow, Russkii yazyk Publ., 1974. 635 p.

Chalov V.P. [Some sources (the sphere of basic usage) of phraseological units in Kuban dialects (based on materials of Ust-Labinsk district of

Kuban region)]. *Istoriya russkogo yazyka. Lingvisticheskii sbornik* [History of the Russian Language. Collected linguistic papers]. Iss. 7, Printed by order of the Editorial Board of the Moscow Regional Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, Moscow, MOPI Pupl., 1977, pp. 132–140. (In Russ.)

Derevenskaya chastushka XX veka [Rural two-/four-line folk verse of the XX century]. Comp. S. B. Adonyeva. St.-Petersburg, Publ. of St.-Petersburg University, 2006. 265 p.

Dyyalektny sloŭnik Brestchyny [Dialectal Dictionary of the Brest Region]. Minsk, Navuka i tekhnyka Publ., 1989. 280 p.

Etymologichniy slovnik ukraïns'koïï movy [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Ed.: O.S. Mel'nychuk (gen. ed.), I.K. Bilodid, V.T. Kolomietz', O.B. Tkachenko etc. Kiev, Naukova dumka Publ., 1983–2013.

Felitsina V.P., Mokienko V.M. *Russkii frazeologicheskii slovar'* [Russian Phraseological Dictionary]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 1999. 400 p.

Fol'klor Tverskoi gubernii. Sbornik Yu. M. Sokolova i M. P. Rozhkovoy 1916–1926 gg. [Folklore of Tver province. Yu. M. Sokolov & M. P. Rozhkova's Collection 1916–1926]. Edition prepared by I.Ye. Ivanova, M. V. Stroganov. St.-Petersburg, Nauka Publ., 2003. 646 p.

Gak V. G. (Ed.). *Novyi bol'shoi frantsuzsko-russkii frazeologicheskii slovar'* [New Large French–Russian Phraseological Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Media Publ., 2005. 1625 p.

Gerd A.S. (Gen. ed.). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of Russian Dialects in Karelia and Neighboring Regions]. Vol. 1-5, St.-Petersburg, Publ. of St.-Petersburg University, 1984–2005.

Getzova O. G. (Ed.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Iss. 1–15– , Moscow, Nauka Publ., 1980–2013–, Iss. 13 E–Zhibuchey, 2010.

Goryacheva T. V. [Concerning the semantic interpretation of some Russian phraseologisms]. *Etimologiya 2000–2002* [Etymology 2000-2002]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 272 p. (In Russ.)

Grinchenko B.D. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. I–IV, Kiev, 1907–1909.

Grineva E.F., Gromova T.N. *Slovar' razgovornoi leksiki frantsuzskogo yazyka (Na materiale sovremennoi khudozhestvennoi literatury i pressy)* [Dictionary of French Colloquial Vocabulary. Based on mod-

ern literature and the press]. Rostov-na-Donu, Phoenix Publ.; Moscow, Citadel-trade Publ., 2006. 638 p.

Gyulumyanu K. *Pol'sko-russkii frazeologicheskii slovar'* [A Polish — Russian Phraseological Dictionary]. V. I–II, Minsk, Publishing Center ECONOMPRESS, 2004.

Kabakova G.I. *Antropologiya zhenskogo tela v slavyanskoi traditsii* [Anthropology of the Female Body in the Slavic tradition]. Moscow, Ladomir Publ., 2001. 335 p.

Kashevskaya Yu.I. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov Pribaikal'ya* [Dictionary of Russian Dialects in Pribaikalye (Lake Baikal area)]. Irkutsk, Publ. of Irkutsk University, 1986–1989. Iss. 1–4. Iss. 1 (A–I). 1986. Iss. 2 (K–N). 1987. Iss. 3 (O–P), 1988. Iss. 4 (R–Ya), 1989.

Kryvitski A.A., Tsykhun G.A., Yashkin I.Ya., Mikhailaŭ P.A., Trukhan T.M. *Turaŭski sloŭnik* [Turovo Dictionary]. Vol. 1–5, Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1982–1987.

Lipinskaya V.A., Chizhikova L.N., Makashina T.S., Morozov I.A., Zheltov A.A. *Banya i pech' v russkoi narodnoi traditsii* [The Bathhouse and the Oven in Russian Popular Tradition]. V.A. Lipinskaya (Gen.ed.). Moscow, Gol'din Publ., 2007. 288 p.

Manayenkova A.F. *Slovar' russkikh govorov Belorussii* [Dictionary of Russian dialects of Belorussia]. Minsk, Universitetskoye Publ., 1989. 231 p.

Martynaŭ V.U. (Ed.). *Etymalagichny sloŭnik belaruskai movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 1, Minsk, Navuka i technika Publ., 1978–.

Melerovich A.M., Mokienko V.M. *Frazeologizmy v russkoi rechi. Slovar'.* [Phraseologisms in Russian discourse. A Dictionary]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997. 864 p.

Mikhelson M. I. *Russkaya mysl' i rech. Svoyo i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanii* [Russian Thought and Discourse. Native and Foreign. Experience of Russian Phraseology. Collection of Figurative Words and Allegories]. Vol. 1, Moscow, Russkie slovari Publ., 1994. 780 p.

Morozov I. A., Sleptsova I. S. *Krug igry. Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krest'yanina (XIX–XX vv.)* [The Circle of the Game. Festival and game in the life of a North Russian peasant (XIX–XX centuries)]. Moscow, Indrik Publ., 2004. 920 p.

Nicheva K., Spasova-Mikhailova S., Cholakova K. *Frazeologichen rechnik na bylgarskiya ezik* [Phraseological Dictionary of the Bulgar-

ian Language]. In 2 volumes, Sofia, Publ. of Bulgarian Academy of Sciences, 1974–1975.

Obryadovye pesni russkoy svad'by Sibiri [Ritual Songs of the Russian Wedding in Siberia]. B. I. Putilov (gen. ed.), R. P. Potanina (compiler). Novosibirsk, Nauka Publ., 1981. 329 p.

Panikarovskaya T.G. (Ed.). *Slovar' vologodskikh govorov* [Dictionary of the Vologda Dialects]. Iss. 1–12–, Vologda, Publ. of Vologda State Pedagogical Institute, 1983–2007–.

Pavlovskiy I.Ya. *Nemetsko-russkii slovar'* [German-Russian Dictionary]. Vol. 1 (A–M), 1007 p. Vol. 2 (N–Z), 1423 p. Moscow, Ast. Astrel. Khranitel' Publ, 2007.

Podvysotskii A. *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Local Dialect of Arkhangelsk in its Everyday and Ethnographic Usage]. 2nd edition. Moscow, OGI Publ., 2009. 575 p.

Poslovitsy russkogo naroda. Sbornik V. Dalya [Proverbs of the Russian people: V. Dal''s Collection]. In 3 Volumes, Moscow, Russkaya kniga Publ., 1993.

Shalamov V. *Apollon sredi blatnykh. Kolymskie rasskazy* [Apollo Among Criminals. Stories of Kolyma]. Moscow, SOYUZ Publ., 2007. 339 p.

Shangina I. I. (Scient. Ed.). *Muzhiki i baby. Muzhskoe i zhenskoe v russkoi narodnoi kul'ture. Illyustrirovannaya entsiklopediya* [Men and Women. Male and Female in Russian Popular Culture. An illustrated encyclopedia]. St.-Petersburg, Iskusstvo Publ., 2005. 688 p.

Shchepanskaya T.B. *Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX–XX vv.* [Culture of the Road in Russian Mythical and Ritual Tradition of the 19th — 20th centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 528 p.

Slovar' Permskikh govorov [Dictionary of Perm' Dialects]. Perm', Knizhnyi mir Publ., 1999–2002. Iss. 1. (A–N), 2000; Iss. 2 (O–Ya), 2002.

Slovar' russkikh govorov nizovoi Pechory [Dictionary of Russian Dialects in the Lower Reaches of the River Pechora]. Vol. 1–2, St.-Petersburg, Philological faculty of St.-Petersburg State University Publ., 2003.

Slovar' russkikh govorov Novosibirskoi oblasti [Russian Dialectal Dictionary of Novosibirsk Region]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979. 650 p.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Iss. 1, Moscow, Leningrad-St.-Petersburg, Nauka Publ., 2002.

Slovar' sovremennykh angliyskikh idiom [Dictionary of Modern English Idioms]. St.-Petersburg, Zolotoy Vek Publ., 2003.

Strakhov A.B. [On the original purifying function of disgraceful actions: 1. Wearing a horse collar etc.]. *Palaeoslavica,* 2007, Vol. XV, No. 1, pp. 137–159. (In Russ.)

Strogova V. P. (Ed.). *Novgorodskii oblastnoi slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. Iss. 1–13, Novgorod, Publ. of Novgorod Pedagogical Institute, 1992–2000. Iss. 13. A–Ya. 2000.

Sychta B. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej* [Dictionary of Kashub dialects on the ground of people's culture]. Vol I, A–Ġ. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, Zakład narodowy imienia Ossolińskich Wydawnictwo PAN Publ., 1967–1976. Vol. I. A–G. 1967, 444 p.; Vol. V. S–T. 1972. 455 p.

Tkachenko P. *Kubanskii govor. Opyt avtorskogo slovarya* [A dialect of Kuban' region. A trial of author's vocabulary]. Moscow, Granitza Publ., 1998. 240 p.

Tolstaya S.M. *Plodorodie [Fertility]. Slavyanskie drevnosti. V pyati tomakh. Etnolingvisticheskii slovar*' [Slavic Antiquities. In five volumes. An Ethnolinguistic Dictionary]. N. I. Tolstoi (Gen. ed.). Vol. 4, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, pp. 75–76.

Tungusov A.A. *«Kaby ne Arza — ne reka…» Zametki o fol'klore i ego sbore* ["If not for Arza — if not for the river…": some notes on folklore and its collection]. Second edition, revised, Arkhangelsk, Pravda Severa Publ., 2006. 168 p.

Tzykhun A. P., Tzykhun G. A. [Lexicon of children's games and amusements]. *Narodnaya slovatvorchastz'* [Word Formation in Popular Language]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1979. 336 p. (In Belarus.)

Uzeneva Ye.S. *Bolgarskaya svad'ba: etnolingvisticheskoe issledovanie* [Bulgarian Wedding: an ethnolinguistic study]. Moscow, Indrik Publ., 2010. 280 p.

Uzeneva Ye. S. *Posidelki* [Sit-round gathering]. *Slavyanskie drevnosti. V pyati tomakh. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities. In five volumes. An Ethnolinguistic Dictionary]. N.I. Tolstoi (Gen. ed.). Vol. 4, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009. 649 p.

Valentzova M. M., Uzenyova Ye. S. *Platok* [Kerchief]. *Slavyanskie drevnosti. V pyati tomakh. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities. In five volumes. An Ethnolinguistic Dictionary]. N.I. Tolstoi (Gen. ed.). Vol. 4, Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009. 649 p.

Valeyeva L. V. *O semanticheskoy anomalii v sravnenii. Slovo v slovare i diskurse* [On Semantic Anomaly in Comparison. A Word in a Dictionary and in Discourse]. *Sbornik nauchnykh statei k 50-letiyu Harry Waltera* [Collected papers presented on the occasion of Harry Walter's 50th birthday]. Moscow, Elpis Publ., 2006. 836 p.

Vinogradova L. I. *Voda* [Water]. *Slavyanskie drevnosti. V pyati tomakh. Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities. In five volumes. An ethnolinguistic dictionary]. Tolstoi N. I. (Gen. ed.). Vol. 1 (A–G). Moscow, Mezhdunarodnyie otnoshenia Publ., 1995. 578 p.

Vlasova I. V. (Gen. ed.). *Russkiy Sever. Ethnicheskaya istoria i narodnaya kul'tura XII–XX vekov* [Russian North. Ethnic history and folk culture of the XII–XX centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 848 p.

Vneobryadovaya poezia. Eroticheskiy folklor iz kollektziy chastnykh sobirateley. Iz sobrania V. N. Dobrovol'skogo [Non-Ritual Poetry. Erotic Folklore Gathered by Private collectors. From V.N. Dobrovolsky's collection]. Belorusskiy eroticheskiy folklor [Belarusian erotic folklore]. T.V. Volodina, A.S. Fedosik (Eds.). Moscow, Ladomir Publ., 2006. 381 p.

Vostrikov O.V. *Traditsionnaya kul'tura Urala. Opyt etnoideograficheskogo slovarya russkikh govorov Sverdlovskoi oblasti* [Traditional culture of the Urals. Trial of an ethno-ideographic dictionary of Russian dialects in Sverdlovsk region]. Yekaterinburg, Publ. of the Sverdlovsvk Regional Folklore House, 2000. Iss. 1 (Narodnyi kalendar' [Folk Calendar]). 143 p.

Vostrikov O. B. Vostrikov O. V. *Traditsionnaya kul'tura Urala. Etnoideograficheskii slovar' russkikh govorov Sverdlovskoi oblasti. Dosug (svobodnoe ot raboty vremya, posidelki, gulyan'ya, igry)* [Traditional Culture of Urals. An Ethno-Ideographic Dictionary of Russian dialects of Sverdlovsk region. Leisure (spare time, gatherings, celebrations, games)]. Iss. IV, Yekaterinburg, Publ. of the Sverdlovsvk Regional Folklore House, 2000. 161 p.

Yankova T.S. *Dyialektny sloŭnik Loeŭschyny* [Dialectal Dictionary of the Loeuschyna District]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1982. 432 p.

Yefimenko P.S. *Obychai i verovaniya krest'yan Arkhangel'skoi gubernii* [Peasant Ccustoms and Beliefs of the Arkhangelsk Province]. A.S. Arkhipova, D.S. Itskovich, A.P. Minaeva, S.Yu. Neklyudov, E.S. Novik (Eds.). Moscow, OGI Publ., 2009. 560 p.

Yevgenyeva A.L. (Ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Russian Language

Dictionary]. Vol. 1-4, Moscow, State Publishing House of foreign and national dictionaries, 1957–1961.

Zhukov V.P., Sidorenko I.I., Shklyarov V.T. *Tolkovyi slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Phraseological Synonyms in the Russian language]. 2nd edition, stereotypical, Moscow, Astrel Publ.; AST Publ.; Yermak Publ., 2005. 443 p.

Zimin V. I. *Slovar'-tezaurus russkikh poslovits, pogovorok i metkikh vyrazhenii. Bolee 22000 poslovits, pogovorok, molvushek, prislovii, prigovorok, priskazok, zagadok, primet, draznilok, schitalok* [A Thesaurus of Russian Proverbs, Sayings and Apt Expressions. More than 22000 proverbs, sayings, common talks, embellishments, riddles, rhymes, signs, teasings etc.]. Moscow, AST-Press kniga Publ., 2012. 736 p.

И. Г. Добродомов
Московский государственный педагогический университет
(Россия, Москва)
fil@mpgu.edu

ИЗ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК О РУССКОМ СЕМИНАРСКОМ ЖАРГОНЕ: *ВЗДРЮЧИТЬ*

Статья посвящена филолого-этимологическому исследованию терминов чиновничьего жаргона XIX в. со значением ‘учинить выговор, нагоняй’, фиксируемых в литературе, в первую очередь у Н. С. Лескова. Обосновывается изначальная принадлежность этих терминов к жаргону семинаристов. Специально рассматривается глагол *дрючить, вздрючить* (с вариантами), отмечаются упущения в его этимолого-лексикографической фиксации, предлагается новая этимология, предполагающая заимствование из нем. *drücken* «давить, жать, угнетать».

Ключевые слова: этимология, жаргонизм, чиновничий жаргон, семинарский жаргон.

В одном из новых исторических романов его персонажи обсуждают старые слова, обозначавшие когда-то принятые в России наказания, взыскания:

<...> Я должен был препровождать графа в суд и все думал: а ну как он меня взъефантулит?

– Что-что сделает? — спросил я с ужасом.

– Взъефантулит. — Сергей Владимирович рассмеялся. — Это, милейший Николай Афанасьевич, из чиновничьего жаргона, вам, пожалуй, и неизвестного. Человека можно вздрючить, можно пришпандорить, можно устроить ему выволочку, или, скажем, выгнать на ять — голубей гонять, а то и сверзнуть. А можно — взъе-

фантулить, то есть устроить такую головомойку, что слабого человека того гляди обнесет. Однако же граф никакой взъефантулки не учинил, мы с ним счастливейшим образом поладили и некоторое время весьма свойски беседовали.

<...> — Эх, — бормотал я себе под нос, чуть не плача, — вот уж, право, взъефантулил меня его высокоблагородие так уж взъефантулил… — не замечая даже, что произношу смешное словечко, узнанное мною от судебного пристава Сергея Ивлева [Данилин 2007: 47–48, 294].

Все эти редко употребительные и часто отсутствующие в академических словарях слова и выражения заимствованы у одного из «богатейших лексикаторов наших» [Горький 1936: 130] — Н. С. Лескова, который в «Мелочах архиерейской жизни» (1880, гл. XIV) при описании комического конфликта митрополита Филарета (Дроздова) с московским полицейским генералом дал классификацию названий для «начальственных взысканий», о которых говорили чиновники в канцелярии генерала:

«Здесь среди этих форменных людей, в которых, несмотря на всю строгость их служебного уряда, все-таки билось своим боем настоящее широкое русское сердце, шли только тишком сметки на свойском жаргоне: “как т о т н а ш е г о: вздрючит, или взъефантулит, или пришпандорит?”.

Слова эти, имеющие неясное значение для профанов, — для посвященных людей содержат не только определительную точность и полноту, но и удивительно широкий масштаб. Самые разнообразные начальственные взыскания, начиная от “окрика” и “головомойки” и оканчивая не практикуемыми ныне “изутием сапога” и “выволочки”, — все они, несмотря на бесконечную разницу оттенков и нюансов, опытными людьми прямо зачисляются к соответственной категории, и что составляет не более как “вздрючку”, то уже не занесут к “взъефантулке” или “пришпандорке”. Это нигде не писано законом, но преданием блюдется до такой степени чинно и бесспорно, что когда с упразднением “выволочки” и “изутия” вышел в обычай более сообразный с мягкостью века “выгон на ять — голубей гонять”, то чины не обманулись, и это мероприятие ими прямо было отнесено к самой тяжкой категории, то есть к “взъефантулке”. Владыка, однако, не мог же иметь такого влияния, чтобы “сверзнуть” генерала или сделать ему другую какую-

нибудь неприятность, а он просто его не более как “вздрючит”, но, конечно, в лучшем виде» [Лесков 1989, 6: 302–303].

Ироническая игривость Лесковского комментирования названий для «начальственных взысканий» ввела в заблуждение не только нынешних читателей-писателей, но и академика В.В. Виноградова, который дважды обращал внимание на этот фрагмент «Мелочей архиерейской жизни», считая, что здесь отражен жаргон мелкого чиновничества [Виноградов 1941: 14–15; Виноградов 1977: 201; Виноградов 1968; Виноградов 1994: 364].

К сожалению, как правило, читатели Н. С. Лескова не обращают должного внимания на заключенное в кавычки выражение «истинно русское сердце»[1] (в начале процитированного отрывка), хотя именно в этих словах находится ключ для правильного понимания слов этого жаргона, но для этого надо учесть разговор персонажей романа «Соборяне» (1872) о «чистокровной русской породе» (ч. III, гл. 3) в связи с предполагаемыми реформами в духовенстве, отменявшими принцип наследственности при замещении церковных должностей:

Уездный предводитель был поборник реформы, Туганов тоже, но последний вставил, что когда он вчера виделся с архиереем, то его преосвященство высказывался очень осторожно и, между прочим, шутил, что прекращением наследственности в духовенстве переведется у нас самая чистокровная русская порода.

— Это что же значит-с? — любопытствовал Захария.

Туганов ему объяснил, что намек этот на чистоту несмешанной русской породы в духовенстве касается неупотребительности в этом сословии смешанных браков. Захария не понял, и Туганов должен был ему помочь.

— Просто дело в том, — сказал он, — что духовные все женились на духовных же…

— На духовных-с, на духовных.

— А духовные все русские.

— Русские.

— Ну, и течет, значит, в духовенстве кровь чистая русская, меж тем как все другие перемешались с инородцами: с поляками,

[1] В первоначальном тексте «Мелочей» (1880): *широкое русское сердце* без кавычек, которые появились в 1889 году в уничтоженном шестом томе собрания сочинений в издании А. С. Суворина.

с татарами, с немцами, со шведами и… даже с жидами [Лесков 1989, 1: 211].

Следовательно, чиновники с «истинно русским сердцем» в канцелярии московского полицейского генерала происходили из духовного сословия и вынесли свой жаргон из духовных учебных заведений.

В пользу того, что «форменные люди» с «истинно русским сердцем» использовали в канцелярии полицейского генерала семинарский жаргон, говорит и следующий факт.

Известный советский литератор А. К. Воронский (1884–1937), учившийся в 1890-е гг. в Тамбовской духовной семинарии, в своей повести «Бурса» (1933) прямо называет глагол *взъефантулить*[1] словом бурсацкого жаргона, что дает нам право соотнести последний со «свойским жаргоном» в канцелярии московского полицейского генерала из «Мелочей архиерейской жизни» Н. С. Лескова:

За столами слышен бурсацкий жаргон: отшил, очебурел, взъефантулил, взбутитенил, спасаюсь, получи с Лунца, казнеташ, оптяга, китяга, кирдюк. Много блатных слов: карась, бока рыжие, малина [Воронский 1933: 127–128; Воронский 1966: 125].

Поэтому не удивительно, что младший современник Н. С. Лескова публицист и историк Г. А. Джаншиев (1851–1900) не вполне точно некоторые слова из комментирования Н. С. Лескова отнес к духовному ведомству:

В духовном ведомстве, кроме общеупотребительных боевых терминов, есть еще свои специальные: благословить, вздрючить, пришпандорить и взъефантулить <…> В бурсе встречались ещё выражения: взбутетенить, взъерепенить, застребушить [Джаншиев 1892; Джаншиев 2008: 282].

Суждение Г. А. Джаншиева нуждается в одном уточнении: речь должна идти не о духовном ведомстве, а о духовном сословии, представители которого вынесли этот жаргон из духовных учебных заведений и сохранили его даже при выходе из духовного сословия.

Следовательно, считать «свойский жаргон» в канцелярии генерала чиновничьим по происхождению было бы опрометчиво.

Более точно, но неполно вопрос о жаргоне чиновников канцелярии московского полицейского генерала осветил А. М. Кам-

[1] Об этом слове см.: [Добродомов 2013 : 143–171].

чатнов, который связал *изутие сапога* с описанным в библейской книге «Второзаконие» обычаем левирата: «Если у умершего брата не осталось потомства, то его вдова должна была не выходить замуж на сторону, а выйти замуж за деверя и родить от него сына, и **отроча, еже аще родится, да поставится во имя умершаго, и не погибнет имя его от Израиля** (Втор. 25.6). Если же деверь откажется, несмотря на уговоры старейшин, войти к вдове брата, то она может снять с его ноги сапог и плюнуть ему в лицо; **и прозовется имя его во Израили домъ изутаго изъ сапога** (Втор 25,10). Вероятно, это было весьма позорное имя <...> [В сноске к этому месту — *И.Д.*:] Между прочим, это выражение — *изутие сапога* — бытовало в среде русского чиновничества, вышедшего из семинарской среды, в качестве названия одного из самых страшных начальственных взысканий, о чем в «Мелочах архиерейской жизни» рассказывает Н. С. Лесков <...> Трудно сказать, в каких действиях состояло это взыскание, но можно с большой вероятностью предполагать их суровый и даже уничижающий характер» [Камчатнов 1998: 128-129].

К этому соображению следовало бы добавить, что свой жаргон чиновники вынесли из семинарии, и поэтому он должен считаться семинарским.

Употребление глагола *вздрючить* Н. С. Лесковым — самый ранний пример проникновения этого семинарского жаргонизма в литературный текст.

В авторитетные толковые словари глагол совершенного вида *вздрючить* попадает вместе с коррелятивной формой несовершенного вида только в советское время в «Толковый словарь русского языка» под. ред. Д.Н. Ушакова [Ушаков 1935 : 279, 806]:

«**ВЗДРЮЧИТЬ** <...> *сов., кого что* (простореч.). Отколотить, побить кого-нибудь, задать вздрючку кому-нибудь. || Сделать резкий выговор кому-нибудь, разбранить кого-нибудь.

ВЗДРЮЧКА <...> (простореч.). Выговор, побои, взбучка. З*адать вздрючку*»,

«**ДРЮЧИТЬ** <...> *несов., кого что* (простореч.). Бить, воздействовать на кого-нибудь строгостью и побоями».

Дальнейшая лексикографическая судьба форм совершенного вида *вздрючить* и несовершенного вида *дрючить* была неодинаковой. Последний сразу же попал и в большой и в малый академиче-

ские словари, а форма *вздрючить* только в 1981 году, но без производного от неё существительного *вздрючка*.

Этимологическое освещение глагола *вздрючить* появилось совсем недавно в «Русском этимологическом словаре» А. Е. Аникина: «**Вздрючить** ‘наказать, побить, дать взбучку’ прост. ‘сильно отругать, побить’ [ПОССИД 3: 155] // Из приставки *вз-* и прост.<оречного> *дрючить*, диал. ‘придавливать, прижимать жердью воз с сеном, снопами и т.п.’ от *дрюк* ‘палка, жердь, дубина’, *дрюкать* ‘бить, ударять’ твер., влад., яросл. [СРНГ 8 : 223–224], ср. прасл. **drǫkъ*, **drǫčiti* [ЭССЯ 5: 130–131]. От *в.<здрючить>* образовано сущ. *вздрючка* [Шелепова 2008: 101], ср. *вздрычить*» [Аникин 2013: 119–120][1].

К сожалению, модель глаголов наказания, взыскания от орудий наказания с помощью приставки *вз-* не подкреплена другими примерами и выглядит не вполне правдоподобной.

Этимология А. Е. Аникина также не объясняет, почему от колеблющегося фонетически существительного *друк / дрюк* глагол образуется только со смягченным *р’ — (вз)дрючить*.

Сравнение глагола *вздрючить* ‘наказать, побить’ с псковским диалектизмом *вздрычить* ‘побить, поколотить’, намеченное А. Е. Аникиным, позволяет обосновать новую этимологию с опорой на неординарное соответствие гласных *’у — ы* в корне этих глаголов.

Малопопулярный в нашей академической лексикографии глагол совершенного вида *вздрючить* ‘сильно отругать’ вместе с ещё более редкой в словарях формой несовершенного вида *дрючить* выводятся от корневого фонетически вариативного существительного *дрюк (=друк)* ‘тонкая палка, жердь, рычаг’, что не вызывает большого доверия по словообразовательным и семантическим причинам. Гораздо менее известный глагол *вздрычить* ‘побить, поколотить’ (порх. пск.), ‘причинить неприятность, обмануть, вздуть и т. п.’ (покр. *влад.*) семантически близок к *вздрючить*, и А. Е. Аникин нерешительно соединяет эти глаголы взаимными ссылками, но этимологизирует только более известную форму *вздрючить*, что было высказано ещё А. Г. Преображенским в 1910 г. [Преображенский 1910: 198], хотя ссылки на последнего у А. Е. Аникина нет. Но при такой этимологизации диалектный глагол *вздрычить* остаётся необъяс-

[1] Вслед за А. Г. Преображенским [ЭСРЯ I : 198].

нённым: изменение гласного *’у (ю)* в *ы* или наоборот не подчиняется никаким фонетическим правилам.

Эта связь глаголов *вздрючить* и *вздрычить* обнаруживается, если выделить в этих словах общий корень, восходящий к немецкому глаголу *drücken* ‘давить, жать, угнетать’ в русском буршикозном (школярско-семинарском) жаргоне, куда Н. С. Лесков отнёс глагол *вздрючить* как свойственный чиновникам из семинаристов в канцелярии московского полицейского генерала.

Происхождение ударного гласного *ы* в слове *вздрычить* объясняется колебанием *и-ы-ю* в передаче немецкого гласного *ü*, как это имело место в старом петербургском названии завтрака *фриштик, фриштык, фрыштык, фрыштик, фриштых* из немецкого *Frühstück* ‘завтрак’.

Аналогичным образом тюркск. *кӧрнӱш* ‘аудиенция’ в дипломатических документах XVI–XVII вв. по связям с Востоком передается то как *корниш*, то как *корнюш*, то как *корныш*, то как *курныш, курнюш* и т. п. [СлРЯ 1981, 8: 140; Zajcev 2005: 295–298].

Семинаристы довольно свободно обращались с иноязычными словами и смело втискивали их в русские словообразовательные модели, включая их в свой жаргон. Так, например, они от греческого глагола πατάσσω ‘бить, ударять, колотить’ образовали отглагольное имя *потасовка* [Добродомов 1987: 133–136].

Этнографы XIX века уже давно обратили внимание на «следующее очевидное и доказанное обстоятельство. В числе проводников в народ различных пословичных и поговорочных изречений довольно видное место занимают духовные лица до семинаристов включительно (с которыми равную честь и славу делят также охотливые передатчики — солдаты)» [Максимов 1955: 109].

Современные жаргонные словари активно фиксируют глагол *дрючить* и производные от него с разными приставками и сильно варьирующимся значением, что поспешно и противоречиво отражается в новых словарях, но это требует особого рассмотрения.

Литература

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М., 2013. Вып. 7. 350 с.

Виноградов В. В. Лексикологические заметки // Ученые записки Московского государственного педагогического дефектологического института. Кафедра русского языка и литературы, 1941, т. I.

Виноградов В. В. Об экспрессивных изменениях значений и форм слов // Советское славяноведение, № 4, 1968.

Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. [2], 310 с.

Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с.

Воронский А. К. Бурса. М., 1933.

Воронский А. К. Бурса. М.: Худож. лит., 1966. 320 с.

Горький М. Из писем К.А. Треневу // Молодая гвардия. 1936. № 8.

Данилин В. (В. Бабенко и Д. Клугер). Четвертая жертва сирени. М. : Книжный Клуб 36.6, 2007. 413 с.

Джаншиев Г. А. Из эпохи великих реформ. Историческая справка. М., 1892.

Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. М.: Территория будущего, 2008. 480 с.

Добродомов И. Г. Потасовка // Русская речь. 1987. № 1.

Добродомов И. Г. Этимологические заметки о русском семинарском жаргоне: *взъефантулить, сморозить, аксиос(ы)* // Slověne = Словѣне, vol. 2, No 2. 2013.

Камчатнов А. М. История и герменевтика славянской Библии. М.: Наука, 1998. 222 с.

Лесков Н. С. Собрание сочинений в 12 томах. М.: Правда, 1989.

Максимов С. В. Крылатые слова. М.: Гослитиздат, 1955. 448 с.

Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910. Т. I.

Шелепова Л. И. Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. Вып. 2.

Zajcev I. V. Notes on the Golden Horde Diplomatic Ceremonial: The Origin of the Word *koreš* in Russian Slang // Acta Orientalia Academiae Scientiaram Hungaricae, vol. 58(3). 2005, p. 295–298.

Сокращения

ПОССИД — Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1976. Вып. 3: (В-взяться). 155 с.

СРНГ 8 — Словарь русских народных говоров. Л., 1972. Вып. 8.

СлРЯ 8 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8.

ЭСРЯ I — Этимологический словарь русского языка. М., 1910. Т. I.

ЭССЯ 5 — Этимологический словарь славянских языков. М., 1976. Вып. 5.

Ушаков 1935 — Толковый словарь русского языка под. ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. Т. I.

Igor' G. Dobrodmov
Moscow State Pedagogical University
(Russia, Moscow)
fil@mpgu.edu

ETYMOLOGICAL NOTES ON RUSSIAN THEOLOGICAL COLLEGE SLANG: *VZDR'UCHIT'*

The article explores lexical items belonging to a subset of the 19th century Russian bureaucratic slang terms with the meaning 'to scold, tell off, reprimand, subject to verbal punishment', attested in literary sources, primarily in the works of Nikolai Leskov. The terms are shown to have originated from the slang of theological college students, of which borrowings liberally adapted to Russian word formational patterns were typical. Special attention is given to the verb *dr'uchit*' 'to (severely) beat physically or verbally' and its variants; significant overlooks in existing lexicographic-etymological descriptions of the verb are pointed out; a new etymology for the verb is proposed, suggesting a borrowing from German *drücken* 'to press; to oppress'.

Key words: etymology, social slang words, bureaucratic slang, theological college slang.

References

Anikin A.E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow, 2013, Iss. 7. 350 p.

Danilin V. (Vitaliy Babenko and Daniel Kluger). *Chetvertaia zhertva sireni* [The Fourth Victim of Lilac: A Crime Story]. Moscow, Knizhnyi Klub 36.6 Publ., 2007. 413 p.

Dobrodomov I.G. [Russ. *potasovka* ‘scrimmage’]. *Russkaia rech*', 1987, No. 1. (In Russ.)

Dobrodomov I.G. [Etymological Notes on Russian Theological College Slang: *vz"efantulit', smorozit', aksios(y)*]. *Slověne*, 2013, Vol. 2, No 2. (In Russ.)

Dzhanshiev G.A. *Epokha velikikh reform* [Age of the Great Reforms]. Moscow, Territoriia budushchego Publ., 2008. 480 p.

Dzhanshiev G.A. *Iz epokhi velikikh reform. Istoricheskaia spravka* [From the Age of the Great Reforms. A Historical Reference]. Moscow, 1892.

Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslav’anskii leksicheskii fond. [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common slavic Lexical stock]. Iss. 5, Moscow, 1976.

Gor'kii M. [Selected Letters to K. A. Tren’ov]. *Molodaia gvardiia,* 1936, No. 8. (In Russ.)

Kamchatnov A.M. *Istoriia i germenevtika slavianskoi Biblii* [History and Hermeneutics of the Slavic Bible]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 222 p.

Leskov N.S. *Sobranie sochinenii v 12 tomakh* [Complete Works in 12 Volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1989.

Maksimov S.V. *Krylatye slova* [Idiomatic Vocabulary]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1955. 448 p.

Preobrazhenskii A.G. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I, Moscow, G. Lissner and D. Sovko’s Typography, 1910.

Pskovskii oblastnoi slovar' s istoricheskimi dannymi [Pskov Regional Dictionary with Historical Data]. Leningrad, 1976. Iss. 3: (V-vziat'sia). 155 p.

Shelepova L.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkikh govorov Altaia* [Historical-Etymological Dictionary of the Russian Dialects of Altai]. Iss. 2, Barnaul, Publ. of Altai State University, 2008.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Iss. 8, Leningrad, 1972.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th-17th centuries]. Iss. 8, Moscow, 1981.

Ushakov D.N. (Ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Interpretative Dictionary of the Russian Language]. Vol. I, Moscow, Sovetskaia Entsiklopediia Institute, Ob'edinenie gosudarstvennykh knizhno-zhurnal'nykh izdatel'stv Publ., 1935.

Vinogradov V.V. [Notes on Lexicology]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo defektologicheskogo instituta. Kafedra russkogo yazyka i literatury* [Scholarly Papers of Moscow State Institute for Pedagogics and Defectology. Chair for the Russian Language and Literature]. Vol. I, 1941. (In Russ.)

Vinogradov V.V. [On expressive changes in the form and meaning of words]. *Sovetskoe slavyanovedeniye*, No. 4, 1968. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Istoriia slov* [History of Words]. Moscow, Tolk Publ., 1994. 1138 p.

Vinogradov V.V. *Izbrannye trudy: Leksikologiia i leksikografiia* [Selected Works: Lexicology and Lexicography]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 310 p.

Voronskii A.K. *Bursa* [Theological College]. Moscow, 1933.

Voronskii A.K. *Bursa* [Theological College]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1966. 320 p.

Zajcev I.V. Notes on the Golden Horde Diplomatic Ceremonial: The Origin of the Word *koreš* in Russian Slang. *Acta Orientalia Academiae Scientiaram Hungaricae,* 2005, Vol. 58(3), pp. 295–298.

Л. П. Дронова
Томский государственный университет
(Россия, Томск)
lpdronova@mail.ru

«ЕСЛИ ДРУГ ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ…»

В статье рассмотрены семантические основания, модели представления в индоевропейских языках понятия «друг». Осмысление понятия «друг», имеющего исключительно глубокие исторические корни, наиболее широко представлено в индоевропейских языках как результат взаимодействия понятий «свой» / «близкий»: «родственник» / «одного рода, племени» / «член товарищества» (скр. *svakīya* ‘свой’, мн.ч. ‘друзья’, греч. ἑταῖρος ‘товарищ, спутник’ и ‘близкий, сопутствующий’, лат. *sodālis* (**sve-dh-*) ‘товарищ, спутник, член товарищества’, скр. *jánya* ‘из одного племени’,‘родственник или друг’). Вариантом модели «свой» / «близкий» → «друг» является семантическая схема «имеющий связь (родственную, духовную, профессиональную и пр.)»: скр. *su-bandhu* ‘родственник’, ‘хороший друг’, досл. ‘хорошо связанный’, греч. σύζυγος досл. ‘сопряженный’, поэт. позд. ‘со-товарищ, брат’, гот. *ga-juka* ‘товарищ’ (при *ga-juk* ‘пара’); осет. *xæzgūl* из **xærz-kūr* ‘испрашивающий (*kūr*) (для другого) доброе (*xærz*<*xorz*)’ = ист. ‘доброжелатель’, ‘друг’; рус. диал. *ближник* ‘родственник; свойственник’, ‘сосед, товарищ, друг, приятель’.

Ареальные обозначения друга варьируют эту исходную схему, конкретизируя ее разным способом, и добавляют еще модели номинации, в которых друг определяется с точки зрения эмоционально-рациональной оценки — «друг» как «занятый одним делом (с субъектом); со-ратник», «подходящий, годный», «привычный», «необходимый, нужный (субъекту)»: литов. *bičiùlis* ‘приятель, друг’ =

ист. ‘совладелец общих пчел’, нем. *Genosse* ‘товарищ (по партии)’= ист.‘совладелец имущества / скота’; др.-рус. *обычник* ‘близкий друг’; лат. *necessarius*, *-im* ‘близкий человек, интимный друг; родственник’, *necessitudo*, *-inis* f. в pl. ‘родственники, друзья’.

Ключевые слова: индоевропейские языки, семантическое поле «друг».

Во все обозримые времена актуально было понятие «друг», «дружба». По каким же признакам формировалось у индоевропейских народов семантическое поле этого понятия в разные времена и в разных историко-культурных ситуациях?

Противопоставление «мы» и «не-мы», будучи первой социальной классификацией, было и первой лексико-семантической оппозицией. Следовательно, закономерно, что семантическая деривация в ряду первичных выражений этой лексико-семантической оппозиции показывает становление и этапы осмысления понятия «свой». Развитие этого понятия формирует оппозицию «свой — близкий / другой / особый». Исходная точка отсчета — выделение личности из коллектива, осмысление «я» как части сообщества «свои» — отрефлексирована в языке прежде всего производными единственного общего индоевропейского местоимения **sve-*: **se-* ‘свой’, ‘себе’ как обозначение субъектного десигната: др.-инд. *sva-* , авест. *hva-*, греч. *ὅς* (**svos*), *ἑός* ‘свой’, лат. *suus*, гот. *swēs*, др.-в.-нем. *swās* ‘собственный, особенный’, др.-прус. *swais* ‘свой’, лит. *sãvas*, слав. **svojь* и др. ‘свой, собственный’. Уже в этой древнейшей лексико-семантической оппозиции формировалось и представление о друге: среди генетически близкой лексики обнаруживается скр. *svakīya* ‘свой’, мн.ч. ‘друзья’, греч. *ἑταῖρος* ‘товарищ, спутник’ и ‘близкий, сопутствующий’, *ἑταίρα* ‘подруга’, *ἕτης* ‘родственник (дальний), друг’ (<**sve-t*), лат. *sodālis* (**sve-dh-*) ‘товарищ, спутник, член товарищества’ [Frisk I: 579; Walde-Hofmann II: 552]. Вариант этой модели «свой» как «одного рода, племени» = «родственник / друг»: скр. *jánya* ‘из одного племени’, ‘родственник или друг’ [Кочергина: 218]; прус. *ginnis* ‘друг’, *ginniskan* ‘дружба’, которое сближают с лит. *giminė* ‘родство; родня’ (Бецценбергер и др.) или с лит. *gentìs* ‘род; родня’, ‘свойственник’ (Буга) при хетт. *genzu-* ‘Schoss’, ‘Liebe’, ‘Zuneigung’, ‘Freundlichkeit’ [Топоров. Е-Н: 239, 241].

Семантическая модель «близко / рядом (находящийся)» → «близкий человек ~ любимый, друг» широко представлена производными и.-е. основы **prijo-*: **prijā* (<**prāi-*: **prəi-* : **prī-*). В русском языке сохранились *приятель*, *(не)приязнь* (с XI в.), диал. (арх., волог.) *приятель* — о любимом человеке (женихе, муже), (арх.) *приятец* ‘приятель, товарищ’. По В. Далю, приятель — это «приязненный кому-л. человек, доброжелатель, милостивец, друг; близкий, свой человек, коротко знакомый и дружный; с кем сошелся по мыслям и знаешься» [СРНГ 32: 76; Даль III: 1218]. Эта русская лексика имеет соответствия в других славянских языках (ср. укр. *при́ятель*, блр. *прыяцель*, словен. *prijatelj*, др.-чеш. *přietel*, польск. *przyjaciel* и др.). Древнерусскому глаголу *прияти*, *прияю* в значениях ‘любить, доброжелательствовать, заботиться о ком-л.’ (Срезневский) соответствует с.-хорв. *прȕjati* ‘преуспевать, удаваться’, чеш. *přáti, příti* ‘благоприятствовать кому’, рус. диал. (вят., перм., смол., тул., орл.) *приять* ‘приласкать; угодить’ и др.). Славянским лексемам по значению близки однокорневые образования со значением ‘любить, дружить’ в других индоевропейских языках, прежде всего в индо-иранских (др.-инд. *priyá-* 1) ‘приятный, милый, любимый; любящий’; 2) ‘муж, супруг, любовник, зять’; 3) ‘доброта, благосклонность’; *prīti* ‘любовь, расположение; дружба; радость’, авест. *frya-* ‘любимый, милый’, ‘друг’, пам. ишк. *fri* ‘дорогой’, ‘хороший’, парф. *frian* ‘любимый’, ‘друг’, осет. *lymæn, limæn* (<**friyamana-* мед. прич. от **fri-* ‘любить’) ‘друг’, ‘приятель’, ‘любовник’) и германских языках (гот. *frijon* ‘любить’, *friaþwa* ‘любовь’, *frijonds* ‘друг’, нем. *freien* ‘сватать’, *freuen* ‘радовать’, *Freund*, англ. *friend* ‘друг, приятель’ и т. д.), сюда же лтш. *prieks* ‘радость’ [Черных II: 67-68; Абаев II: 54-55; Skok III: 40; EWDI: 372].

Развитие семантики в приведенном этимологическом гнезде предполагается следующее направление: ‘близко, рядом (находящийся)’ → ‘дорогой, любимый’, ‘быть близким’ = ‘быть расположенным, любить’. Такой вывод поддерживает и целый ряд грамматикализованных лексических единиц, максимально обобщивших значение ‘близко (о пространстве, времени)’, — лат. *prae-* <**prī-*>, *prior*, слав. *pri-* (приставка и предлог) и т. п. [W.-H. II: 364; Фасмер III: 362].

Локально эта же модель воспроизведена в скр. *sacābhū* ‘сопровождаемый кем-л.’, ‘друг, товарищ’ (*sac-* ‘быть вместе, рядом, сле-

довать за кем-л.’), рус. диал. (новг., твер.) *ближник* ‘родственник; свойственник’, (ряз.) ‘сосед, товарищ, друг, приятель’ и, вероятно, в ст.-слав. *искрьнии* ‘ближний, друг’ при *искрь* ‘возле, недалеко’ и др.-рус. *искрь* ‘вблизи, рядом, подле’, с.-хорв. *искрај* ‘возле, подле’ [Кочергина 677; СС 265; СРЯ XI–XVII вв. 6: 263; Даль I: 238; Черных I: 358].

В лат. *amīcus* значение ‘друг’ производно от ‘любимый, дорогой’ < ‘любить’ [W.-H. I: 39-41]. В романских языках обозначение друга и дружбы унаследовано из народной латыни (фр. *ami, amitié*, исп. *amigo, amistad*) и противопоставлено обозначениям товарища, восходящим к позднелат. **companio*, *-onis* (лат. *com- +panis*), например, фр. *compagnon*, *copain*, исп. *compañero* (калька — гот. *gahlaiba*) с исходным значением ‘тот, с кем делят общий хлеб, со-хлебник’. Близкими синонимами этим лексемам будут исп. *camarada* и его заимствование фр. *camarade* (досл. *‘сосед по комнате’) [Robert 1992: 59-60, 241, 347; Dubois etc. 1993: 25, 116, 169]. Практически эта лексика реализует балто-германскую модель «совместное пользование тем или иным имуществом, какими-то благами» (ниже о литов. *bičiùlis*, нем. *Genosse*).

Следующая ступень освоения пространства вокруг «свой» — это «близкий / ближний» и «связанный / соединенный» = «имеющий связь (родственную, духовную, профессиональную и пр.)». На этом этапе представление о друге формируется как результат возникших межличностных уз, связей — ‘друг’ = ‘связанный с / соединенный с’: скр. *sambandha* ‘связь, отношение’; ‘родство или дружба’, ‘родственник, друг’ (*sam-* = рус. *со-*, *с-*), *su-bandhu* ‘хорошо связанный’; ‘родственник’, ‘хороший друг’ (*su-* придает слову высшую степень качества или значение ‘хороший, прекрасный’), греч. σύζυγος досл. ‘сопряженный’, поэт. позд. ‘со-товарищ, брат’ (= лат. *conjunx* ‘супруг, супруга’), гот. *ga-juka* ‘товарищ’ (при *ga-juk* ‘пара’) [Кочергина: 706, 738; Вейсман: 1173]. В. Н. Топоров предложил рассматривать по такой модели и образование прус. *ginnis* ‘друг’, сопоставив эту лексему с кругом лексики в литовском со значением ‘веревка, нить’ (*gynas* и др.) и типологически подобными с.-хорв. *врвни*, *врвић*, ст.-слав. *жжика*, др.-рус. *ужика*, *ужикъ* ‘родственник’ [Топоров 1979: 239–240], к которым можно добавить и чеш. *přibuzný* ‘родственный, близкий’, ст.-чеш. *přivuzný* производны от *vázati* [Machek: 400].

Как вариант этой модели номинации можно рассматривать семантическую модель, конкретизирующую основание связи между субъектами. Пример реализации такой модели представлен в праслав. **drugъ* ‘друг, товарищ’ и его соответствиях, входящих в славяно-балто-германскую (и кельтскую?) лексическую изоглоссу, большинством компаративистов определяемую как продолжение и.-е. основы **dh(e)reugh-* (< **dher-* ‘крепко держать, поддерживать’) [Pok.I: 252–255; Бенвенист 1995: 88-89], то есть ‘друг’ — дословно это ‘крепкая, верная опора / поддержка’, или ‘поддерживающий, оказывающий помощь’, значение, очень близкое значению слова *друг* в современном русском языке (‘лицо, тесно связанное с кем-л. взаимным доверием, преданностью, любовью’, ‘сторонник, приверженец’), — семантика, исторически присущая лексемам *приятель*, *приязнь* и их иноязычным соответствиям. При всем давнем интересе лингвистов к этой лексической изоглоссе сохраняется правомочность замечания об умозрительности членения основы на **dh(e) reu-gh-* и о трудности определения исходного значения и.-е. основы **dh(e)reugh-*: в славянских и балтийских языках известны только именные образования, а отмеченный в готском глагол *drúgan* претерпел семантическую эволюцию (*drúgan* = στρατεύειν ‘отправляться в военный поход, служить в войске, быть на войне’) [ЭССЯ 5: 132].

Предполагаемая некоторыми учеными возможность включения в эту славяно-балто-германскую изоглоссу кельтского ареала («др.-ирл. *drong* ‘отряд, толпа’, нов.-ирл. *drong*, др.-брет. *drogn*, в глоссах *coetus*, *drog*, в глоссах *factio*, галл. *drungus* родственны гот. *drúgan* ‘несут военную службу’» [Льюис, Педерсен: 61]) ничего не добавляет к определению исходного значения, ср. обзор имеющихся гипотез по поводу этого этимологического гнезда в [Аникин 1998: 255–258]. О. Н. Трубачев высказал предположение, что «в основе всего гнезда был глагол со значением ‘следовать’, что хорошо согласовывалось бы со всеми реально засвидетельствованными значениями (‘спутник’, ‘второй, следующий’, ‘идти походом’)» [ЭССЯ 5: 132]. Представляется, что здесь перед нами случай, когда сложно определить иерархию между значениями ‘следовать’ и ‘поддерживать’: те, кто связаны узами дружбы и следуют друг за другом, они и поддерживают друг друга, помогают. Однако, вероятно, следует больше обратить внимания на линию семантического развития в этом гнезде,

выражающую идею совместности, которую отметил в свое время Э. Бенвенист, затем В. Н. Топоров, указывая на литов. *draugè* ‘вместе, одновременно’, лит. *draugė*, лтш. *drà̃udze* ‘товарищество, общество, компания’ и предполагаемое прус. *draug(i/e)* ‘совместно’ [Бенвенист 1995: 88-89; Топоров 1975: 370]. Эту идею В. Н. Топоров высказывает при анализе прус. *drūktai* ‘крепко’, сравнивая его с литов. *drūktas* ‘толстый’, ‘крепкий’, ‘сильный’ и балт. *draug-* ‘друг, товарищ, спутник’ (как однокорневое с *-g*-расширением). Семантику совместности он отмечает и у славянских соответствий типа рус. диал. *дружняе* ‘теснее’, ‘плотнее’, *дружка* ‘часть крестьянской общины, члены которой связаны особенно тесными отношениями’. Оставляя в стороне предположение о возможности сближения *draug-* и *drūk-*, обращаем внимание на то, что идея совместности, наряду с лит. *draugè* ‘вместе, одновременно’, лит. *draugė*, лтш. *drà̃udze* ‘товарищество, общество, компания’, представлена в др.-рус. *другъ* ‘другой человек, ближний’, *другъсъ* ‘вместе с, одновременно’ *(в(ъ) се другъ* ‘немедленно’) [СРЯ XI–XVII вв. 4: 360-361], *вдругъ* ‘одновременно; вместе’, ‘неожиданно, внезапно’ [СРЯ XI–XVII вв. 2: 40], рус. диал. *дружить* ‘помогать’ (*Ветерок дружит нам, попутный*) [СРНГ 8: 214-215], рус. *дружно* ‘вместе, разом (что-то делать)’ и др., литов. *draũgsu, draugè* ‘вместе с, сообща, разом’. Определяемые в рассматриваемом этимологическом гнезде семантические связи и представление о друге как о близком человеке не дают, как представляется, оснований предполагать возможность связи с понятием множественности [Цымбурский 2000: 112-127].

На основе выделенных в семантическом поле рассматриваемого этимологического гнезда тесно взаимодействующих понятийных компонентов «крепко держать, поддерживать», «следовать», «совместность (действий)» можно сделать следующий вывод: понятие «крепко держать, поддерживать» предполагает и «следование (друг за другом)» и «совместность действий», в то время как понятие «следовать» совсем не обязательно совмещается с «поддерживать». Этот логико-семантический вывод позволяет предположить первичность понятия «поддерживать». Отмечая большую спаянность двух понятийных компонентов («крепко держать, поддерживать» и «совместность (действий)»), понимаем, что в номинативной ситуации, представленной готским *dríugan* (= στρατεύειν ‘отправляться в военный поход, служить в войске, быть на войне’), тесно взаи-

модействуют все три понятийных компонента. Чем был военный поход для древнего германца, хорошо показал Тацит («Германия», гл. 14): «Во время сражения вождю стыдно быть превзойденным храбростью [*своей дружиной*], дружине же стыдно не сравняться с вождем; вернуться же живым из боя, в котором пал вождь, — значит на всю жизнь покрыть себя позором и бесчестьем; защищать его, оберегать, а также славе его приписывать свои подвиги — в этом главная присяга [*дружинника*]: вожди сражаются за победу, дружинники — за вождя». И не удивительно, что у германских производных рассматриваемого этимологического гнезда сохранилась только «военная» семантика (‘отправляться в военный поход’, ‘воин, товарищ по оружию’, ‘отряд’): ведь, как сообщает Тацит (там же), «[*этих людей*] легче убедишь вызывать на бой врага и получать раны, чем пахать землю и выжидать урожая; даже больше — они считают леностью и малодушием приобретать пóтом то, что можно добыть кровью».

При таком понимании внутренней формы обозначения друга в славяно-балто-германском ареале оказывается, что слова *друг* и *вдруг* в песне, строчка из которой взята в заголовок данной статьи, не только рифму создают, но и реализуют глубокий внутренний смысл.

Есть еще одна сторона развития семантики русского *друг* (и шире — праславянского **drugъ*) — это его производное ‘другой’: праслав. **drugъ* ‘друг, товарищ’, ‘один из двух людей, составляющих пару’, подобно лтш. *drȧugs* ‘друг’ и ‘другая часть пары’, ‘другой’, лит. *draũgas* ‘предмет такой же, как другой, такого же типа, вида’. Принятым является мнение, что значение ‘другой’ развилось, видимо, в оборотах, аналогичных рус. *друг друга*, *друг другу*, *друг за другом* [Фасмер I: 543; Аникин 1998: 256]. Соглашаясь с этим мнением, хочется добавить, что это не только балто-славянская семантическая (когнитивная) модель, а исторически более глубокая, ср. др.-ирл. *céle* ‘товарищ’ (совр. *ceile*), валл. *cilydd* (*ygilydd*), корн. *ygyle, ygele* ‘товарищ, compagnon’ употребляются в качестве местоимения со значением ‘другой (из двух)’, причем в женском роде в ирландском языке используется слово *sétig* ‘жена, подруга’ (букв. ‘спутница’ от *sét* ‘путь’): *indarasuil… asetig* “один глаз… другой“ [Льюис, Педерсен: 213, 287]; хетт. *ara-* ‘друг; товарищ’, *araš aran* ‘друг друга’ [Гамкрелидзе, Иванов II: 755]. Возможно, это и есть

отголосок древней оппозиции «свой — близкий/ другой/ особый» (др.-рус. *другъ* ‘другой человек, ближний’), промежуточной в развившейся до антонимической оппозиции «свой — чужой» (др.-инд. *arí-* ‘друг’, ‘чужак; чужестранец’).

Тот же мотив «приязни» между близкими людьми, друзьями реализован в мотивационной схеме «друг» = «доброжелатель»: осет. *xæzgūl* / *xæzgol* ‘любовник; любовница’ из **xærz-kūr* ‘испрашивающий (*kūr*) (для другого) доброе (*xærz* ← *xorz*)’ = ист. ‘доброжелатель’, ‘друг’ при *fydgūl* (<**fydkūr*) ‘недоброжелатель, недруг’, подобно осетинскому образовано согд. **šīr-xwazāk* (*šyrγwz’k*) ‘друг’ (из *šyr* ‘добрый’ и *γwz-* ‘просить’) [Абаев IV: 194]. Иранским образованиям по внутренней форме близко др.-рус. *сьрдобо*ль, ст.-слав. *срьдоболя* ‘родственник, близкий человек’. Вариант этой семантической модели — «друг» = «благосклонный к»: др.-в.-нем. *holdo* ‘друг’, ср.-в.-нем. *holde* ‘подруга, наперсница’ при гот. *hulþs*, др.-исл. *hollr*, др.-англ., др.-в.-нем. *holde* ‘благосклонный, дружественный, верный’ (< и.-е. **k’el-* ‘склонять(ся)’) [Ганина 30–31]. Примыкает к этой модели и «друг» = «тот, к кому привык»: др.-рус. *обычник* ‘близкий друг’ (XI в.: *Моляхъ нѣкого обычьника его вести мя къ нем<у>*) [СРЯ XI–XVII вв. 12: 218].

Дружба, близкие отношения складывались и в результате тесного сотрудничества в мирных и военных делах. Примером такого представления о друге может служить лит. *bičiùlis* ‘приятель, друг’, *bičiulỹstė* ‘дружба’. Эти лексемы генетически сближают с *bìtė* ‘пчела’, полагая, что это обозначение друга связано у балтийских (и славянских) племен с таким социальным явлением как совместное владение пчелами (бортями) и поэтому *bičiuliáuti* ‘дружить’ = ист. ‘иметь общих пчел’, *bičiùlis* ‘приятель, друг’ = ист. ‘совладелец общих пчел’. Есть данные, что с пчеловодством было соотнесено «сябровство» у восточных славян, ср. рус. *сябёр*, укр. *сябер*, блр. *сябр* и др. ‘сосед, товарищ, пайщик’ [Топоров 1979: 240; Аникин 1998: 98]. В связи с балтийским примером интересно современное немецкое *Genosse* ‘товарищ (по партии)’,‘Gefährte, Begleiter, Mitglied, Kampfgefährteineiner (sozialdemokratischen) Arbeiterpartei’, до конца XIX в. имевшее значение без политической окраски — ‘товарищ, спутник, Gefährte’. Эта лексема имеющая глубокие исторические корни (др.-в.-нем. *ginōz(o)*, нидерл. *genoot*, др.-англ. *genēat*, др.-сакс. *ginōt*, др.-сканд. *nautr*), родственная *nutzen* ‘быть полезным,

(ис)пользовать(ся)’ *geniessen* ‘пользоваться, иметь’ и под., восходит к прагерм. **nauta-* ‘собственность; скот’. Семантические отношения в этимологическом гнезде позволяют реконструировать для западногерманского производного исходное значение ‘совладелец имущества / скота’ (или: ‘тот, с кем имеют общее пастбище для скота’), весьма значимое для истории материальной культуры древних (западных) германцев [Duden 211] и, возможно, древних балто-германских взаимоотношений (ср. лит. *naudà* ‘польза, выгода, Nutzen, Vorteil, Gewinn, Besitz, Vermögen’, латыш. *nauda* ‘Nutzen, Habe, Geld’) [EWDI: 424-425].

В осетинском языке ‘друг’ в первоначальном значении — это ‘товарищ по походу’: осет. *æmbal* ‘товарищ, спутник’ из *æm-* (префикс) и *bal* (‘группа, или отряд, партия, находящаяся в военном походе’ [Абаев I: 135], ср. рус. *со-ратник*. Интересно производное *ūdæmbal* ‘супруг, супруга’ и ‘неразлучный друг, товарищ’, досл. ‘спутник жизни (души)’ (*ūd* ‘душа’) [Абаев I: 8]. Мотивировочный признак ‘спутник, спутница’ реализован в др.-в.-нем. *gi-ferto* ‘спутник’, ‘товарищ’, образованном от *faran* ‘ехать, идти, странствовать’, ср. *fertig* ‘готовый (отправиться в путь)’ [Москальская 332] и ирл. *sétig* ‘жена’, ‘подруга’, букв. ‘спутница’ от *sét* ‘путь’ [Льюис, Педерсен: 213].

В эту модель, возможно, попадает и русское *товарищ*, определяемое В. Далем как «дружка, сверстникъ, ровня в чем-л., односумъ, помощникъ, сотрудникъ, соучастникъ в чем-л., клевретъ, собратъ» [Даль IV: 774–775] и ставшее в современном русском языке близким синонимом к слову *друг*. Тюркизм по происхождению, *товарищ* восходит к тюрк. *tavar+eš*, в составе которого тюрк. **eš*, имеющее более древние и нерасчлененные значения ‘товарищ, друг, приятель; сподвижник’, ср. др.-уйг. *eš tuš* ‘друзья, товарищи’ [СИГТЯ: 314; Фасмер IV: 68].

И, наконец, в латинском языке находим эмоционально-рациональную оценку места друга в жизни субъекта, выражающуюся в том, что друг оценивается как необходимый человек, приравненный к родственнику, ср. лат. *necessarius, -i* m. ‘близкий человек, интимный друг; родственник’, *necessitudo, -inis* f. ‘неизбежность, необходимость’, ‘близкие отношения, тесная дружба’, pl. ‘родственники, друзья’ [Дворецкий 665]. Этимологически вероятное исходное значение — *‘неотступно следующий за’ → *‘близкий, необходимый’,

собственно ‘die Anverwandten’ [W.-H. II: 152-153]. Результатом утилитарной оценки является и обозначение друга в западногерманском ареале: англосакс. *ge-gada* ‘товарищ’, нем. *Gatte* ‘супруг’, гот. *gadiliggs*, др.-сакс. *gaduling* ‘родственник, свояк’, англосакс. *gædeling* ‘товарищ’ при др.-в.-нем. *gi-gat* ‘подходящий’, ср.-в.-нем. *gegaten* ‘подходить друг другу’ (собств. ‘годный, подходящий’) [EWDI 488-489; ЭССЯ 6: 192].

Таким образом, видим, что осмысление понятия «друг», имеющего исключительно глубокие исторические корни, наиболее широко представлено в индоевропейских языках как результат взаимодействия понятий «свой» / «близкий» и «родственник» / «одного рода, племени» / «член товарищества», а также «имеющий связь (родственную, духовную, профессиональную и пр.)». Ареальные обозначения друга варьируют эту исходную схему, конкретизируя ее разными способами, и добавляют еще модели номинации, в которых друг определяется с точки зрения эмоционально-рациональной оценки («занятый одним делом (с субъектом); со-ратник», «совладелец имущества / собственности», «подходящий, годный», «необходимый, нужный (субъекту)»).

Литература

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: В 4 тт. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958–1989.

Аникин А. Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для балто-славянского словаря. Вып. 1 (**a*- — **go*-). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 479 с.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: Пер с фр. / Общ.ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.

Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь (репринт V-го издания 1899 г.). М., 1991.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Т. 2. 1328 с.

Ганина Н. А. Готская языческая лексика. М.: Изд-во МГУ, 2001. 176 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. 3-е испр. и доп. изд. под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1903–1909 (репринт 1994).

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976. 1096 с.

Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь: около 30 000 слов / Под ред. В.И. Кальянова. С приложением «Грамматического очерка санскрита» А. А. Зализняка. 3-е изд., испр. и доп. М.: Филология, 1996. 944 с.

Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. Пер. с англ./ Ред., предисл. и примеч. В. Н. Ярцевой. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1954. 512 с.

Москальская О. И. История немецкого языка. Л.: Учпедгиз, 1959. 390 с.

Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. A–D. М.: Наука, 1975; E-H М.: Наука, 1979.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. / Перевод с немецкого языка и дополнения О. Н. Трубачёва. М., «Наука», 1964–1973.

Цымбурский В. Л. «Друг» и «дрожь»: к этимологии нескольких слов с затемнённой внутренней формой» // Colloquia classica et indogermanica II. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб., 2000. с. 112–127.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 тт. М., 1994.

Dubois J., Mitterand H., Dauzat A.. Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris: Larousse, 1993. 822 p.

Duden. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / Bearbeitet von der Dudenredaktion unter Leitung von P. Grebe. Mannheim: Dudenverlag, 1963.

Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954–1963. Bd. 1. 425 S.

Lehmann W. P. A Gothic etymological dictionary. Leiden: E. J. Brill, 1986. 413 S.

Machek V. Etymologický slovnik jazyka českeho a slovenskeho. Praha, 1957.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Bern, 1959–1969.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. 1–4. Zagreb, 1971–1974.

Сокращения

СИГТЯ — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-ое изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

СРНГ — Словарь русских народных говоров/ Глав. ред. Ф.П. Филин. Вып. 8. Л.-СПб.: Наука, 1972; Вып. 32. СПб.: Наука, 1998.

СРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М.: Наука, 1975; Вып. 4. М.: Наука, 1977; Вып. 6. М.: Наука, 1979; Вып. 12. М.: Наука, 1987.

СС — Старославянский словарь (по рукописям X –XI веков): около 10 000 слов / Э. Благова, Р.М. Цейтлин, С. Геродес и др. Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. 842 с.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О. Н. Трубачёв. Вып. 5 (**dělo*- **dьržьlь*) М., 1978. — 237 с. Вып. 6 (**e*- **golva*). М., 1979.

EWD — Etymologisches Wörterbuch der Deutschen / W. Pfeifer etc. 1–2 Bde. Berlin, 1993. Bd. 1.

Robert — Le petit Robert. I. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française / Rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. Paris: Le Robert, 1992. — 2172 p.

W.-H. II — Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3-te, neubearb. Aufl. von Hofmann J.B. Bd. 1–2. Heidelberg, 1938–1954.

Liubov P. Dronova
Tomsk State University
(Russia, Tomsk)
lpdronova@mail.ru

‘IF A FRIEND HAS SUDDENLY BECOME …’

The article considers the semantic foundations and models of representation for the notion ‘friend’ in the Indo-European languages. Conceptualization of the notion ‘friend’, having extremely deep historical

roots, is widely represented in the Indo-European languages as a result of interaction between the notions ‘own’ / ‘close’ and ‘relative’ / ‘of the same kin, tribe’ / ‘member of comradeship’, cf. ved. *svakīya* ‘own’, pl. ‘friends’, gr. ἑταῖρος ‘comrade, companion’ and ‘close, accompanying’, lat. *sodālis* (**sve-dh-*) ‘comrade, companion, member of comradeship’, ved. *jánya*‘of the same tribe’,‘relative or friend’, etc. A variation of the model ‘own’ / ‘close’ → ‘friend’ is a semantic schema ‘having a (family, spiritual, professional, etc.) relationship, cf. ved. *su-bandhu* ‘relative’, ‘good friend’, VERB ‘well-related’, gr. σύζυγος VERB ‘conjugate’, poet. ‘co-mate, brother’, got. *ga-juka* ‘comrade’ (cf. *ga-juk* ‘pair’); oss. *xæzgūl* from **xærz-kūr* ‘soliciting (*kūr*) (for another person) good (*xærz<xorz*)’ = hist. ‘well-wisher’, ‘friend’; rus. dial. *ближник* ‘relative; relative in law’, ‘neighbor, comrade, friend, chum’, etc.

Areal designations for a friend diversify this original schema concretizing it by different ways and add more nomination models in which a friend is defined from the perspective of affective and rational evaluations: ‘friend’ as ‘involved in the same business (with a subject); brother-in-arms’, ‘fit, suitable’, ‘habitual’, ‘needed, necessary (to a subject)’, e.g. lit. *bičiùlis* ‘chum, friend’ = hist. ‘co-owner of bees’; old rus. *обычник* ‘close friend’; lat. *necessarius*, *-i*, m. ‘close person, intimate friend; relative’, *necessitudo, -inis* f. pl. ‘relatives, friends’.

Key words: Indo-European languages, semantic field ‘friend’.

References

Abaev V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar’ osetinskogo yazyka* [Historical-Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Vol. I-V, Moscow-Leningrad, Publ. of USSRI Academy of Sciences; Leningrad, Nauka Publ., 1958–1995.

Anikin A.E. *Etimologiya i balto-slavyanskoe leksicheskoe sravnenie v praslavyanskoi leksikografii. Materialy dlya balto-slavyanskogo slovarya* [Etymology and Balto-Slavic Lexical Comparison in Proto-Slavic Lexicography]. Issue 1 (**a-* — **go-*), Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1998. 479 p.

Benveniste E. *Slovar' indoevropeiskikh sotsial'nykh terminov* [Indo-European Social Institution Vocabulary]. Transl. from French, ed. and intr. by Y.S. Stepanov. Moscow, Progress-Univers Publ., 1995. 456 p.

Chernyh P.Y. *Istoriko-etimologichekii slovar’ sovremennogo russko-*

go yazyka [Historical-Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. I-II, Moscow, Russkii yazyk Publ., 1994.

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. In 4 vols., 3rd., revised and augmented edition, ed. by I. A. Baudouin de Courtenay. Saint Petersburg; Moscow, 1903-1909 (reprinted 1994).

Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache [The Digital Dictionary of the German Language]. Available at: http://dwds.de/?qu=Genosse Accessed 08/12/2014.

Dubois J., Mitterand H., Dauzat A. *Dictionnaire étymologique et historique du français* [An Etymological-Historical Dictionary of French]. Paris, Larousse Publ., 1993. 822 p.

Duden. *Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache* [Etymology. A Historical Dictionary of German]. Bearbeitet von der Dudenredaktionunter Leitung von P. Grebe. Mannheim, Dudenverlag Publ., 1963.

Dvoretskiy I. Kh. *Latinsko-russkii slovar* [Latin-Russian Dictionary]. 2nd ed., revised and augmented, M., Russkii yazyk Publ., 1976. 1096 p.

Etymologisches Wörterbuch der Deutschen [Etymological Dictionary of German]. W. Pfeifer etc. (Eds.). Vol. 1–2, Berlin, 1993. Vol. 1.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, Translated and augmented by O. N. Trubachev, Moscow, Progress Publ., 1964–1973.

Filin F. P. (Ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [Dictonary of the Russian Language of the 11th-17th centuries]. Iss. 8, Leningrad (Saint Petersburg), Nauka Publ., 1972; Iss. 32, Saint Petersburg, Nauka Publ., 1998.

Frisk Hj. *Griechisches etymologisches Wörterbuch* [Greek Etymological Dictionary]. Vol. 1., Heidelberg, 1954–1963. 425 p.

Gamkrelidze T.V., Ivanov Vyach. Vs. *Indoevropeiskii yazyk i indoevropeitsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskii analiz prayazyka i protokul'tury* [Indo-European and the Indo-Europeans: A Reconstruction and Historical Analysis of a Proto-Language and a Proto-Culture]. Vol. 2, Tbilisi, Publ. of University of Tbilisi, 1984. 1328 p.

Ganina N.A. *Gotskaya yazycheskaya leksika* [Gothic Pagan Vocabulary]. Moscow, MSU Publ., 2001. 176 p.

Kochergina V. A. *Sanskritsko-russkiy slovar: okolo 30 000 slov* [San-

skrit-Russian Dictionary: circa 30 000 words]. Kalyanov V. I. (Ed.). With addition of the «Grammaticheskii ocherk sanskrita [A Sketch of Sanskrit Grammar]» by A. A. Zaliznyak. 3rd ed., revised and augmented, M., Filologiya Publ., 1996. 944 p.

Le petit Robert I. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française [An Alphabetical and Analogical Dictionary of the French Language]. Revised under direction by A. Rey and J. Rey-Debove. Paris, le Robert Publ., 1992. 2172 p.

Lehmann W. P. *A Gothic etymological dictionary.* Leiden, E. J. Brill Publ., 1986. 413 p.

Lewis H., Pedersen H. *Kratkaya sravnitelnaya grammatika keltskih yazykov* [A Concise Comparative Celtic Grammar]. Transl. from English, Preface, ed. and notes by V. N. Yartseva. Moscow, Inostrannoi literatury Publ., 1954.

Mahek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* [Etymological dictionary of the Czech and Slovak languages]. Prague, Publ. of Czech Academy of Sciences, 1957.

Moskalskaya O. I. *Istoriya nemetskogo yazyika* [History of the German language]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1959. 390 p.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Vol. 1–2, Bern, 1959-1969.

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological Dictionary of the Croatian, or Serbian, Language]. Vol. 1–4, Zagreb, JAZU Publ., 1971–1974.

Slovar' russkogo yazyika XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th-17th Centuries]. Iss. 2, Moscow, Nauka Publ., 1975; Iss. 4, Moscow, Nauka Publ., 1977; Iss. 6, Moscow, Nauka Publ., 1979; Iss. 12, Moscow, Nauka Publ., 1987.

Sravnitelno-istoricheskaya Grammatika tyurkskih yazyikov. Leksika [Comparative and Historical Grammar of Turkic Languages. Vocabulary]. 2nd ed., augmented, Moscow, Nauka Publ., 2001. 822 p.

Toporov V.N. *Prusskii yazyik. Slovar* [The Prussian Language. A Dictionary]. Vol. 1, A-D, Moscow, Nauka Publ., 1975; Vol. 2, E-H. Moscow, Nauka Publ., 1979.

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (Eds.). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic lexical Stock]. Iss. 1–39, Ed. O. N. Trubachev (iss. 1–31), A. F. Zhuravlev (iss. 32–39).

Moscow, Nauka Publ., 1974–2014–. Iss.5 (**dělo-*dьržьlь*). Moscow, 1978. 237 p.; Iss. 6 (**e* - **golva*), Moscow, 1979.

Tseytlin R. M., Vecherka R., Blagova E. (Eds.). *Staroslavyanskii slovar (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Chuch Slavic Dictionary (based on 10th–11th Century Manuscripts): circa 10 000 words]. 2nd ed., stereotyp. Moscow, Russkiy yazyik Publ., 1999. 842 p.

Tsymbursky V. L. [«*Drug*» 'friend' and «*drozh*» 'tremor': Etymology of several words with obscured internal forms]. *Colloquia classica et indogermanica II. Classicheskaya filologiya i indoevropeiskoe yazykoznanie* [Colloquia classica et indogermanica II. Classical Philology and Indo-European Linguistics]. Saint Petersburg, 2000, pp. 112–127. (In Russ.)

Veysman A.D. *Grechesko-russkii slovar (reprint pyatogo izdaniya 1899 g.)* [Greek-Russian Dictionary. Reprint version of the 5th ed. (1899)]. Moscow, 1991.

Walde A. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch* [Latin Etymological Dictionary]. Vols. 1–2, 3rd, revised edition by Hofmann J. B. Heidelberg, 1938–1954.

Любор Кралик
Институт языкознания им. Л. Штура Словацкой академии наук
(Словакия, Братислава)
kralik@juls.savba.sk

СЛОВАЦ. *ľahtikár* ‘ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК’ < **ľahostikár?*[1]

Чешский этимолог В. Махек высказал предположение о том, что словац. *ľahtikár* ‘ветреник, ветрогон, легкомысленный человек’ может быть рефлексом первоначального **ľahostikár*, относящегося к словообразовательному гнезду словац. *ľahký* ‘легкий’. Такое объяснение предполагает следующую словообразовательную последовательность: словац. *ľahosť* ‘легкость; льгота; свобода’ > **ľahost-i-ť* ‘жить, вести себя «легко», легкомысленно и т. п.’ > **ľahosti-k-a-ť* ‘то же’ (экспрессивное глагольное образование) > **ľahostik-ár* (nomen agentis). С фонетической точки зрения реконструкция **ľahostikár* > *ľahtikár* имплицирует нерегулярную фонетическую редукцию, однако в контексте словацкой фонетики мы ожидали бы здесь, скорее, развитие **ľahostikár* > **ľahstikár* > **ľastikár* (вместо *ľahtikár*). По нашему мнению, словац. *ľahtikár* восходит к **lachťikár* как производному от словац. диал. *lachťika* ‘простая койка, нары’, объясняемого нами как заимствование из латинского языка (ср. лат. *lectica* ‘лектика, носилки, паланкин’, от лат. *lectus* ‘ложе, постель, кровать’). **Lachťikár* — преобразованное в *ľahtikár* под влиянием прилагательного *ľahký* — могло сначала употребляться как пейоративное обозначение человека, ночующего из-за своего социального статуса не на «нормальном» ложе в комнате деревенского дома, а на про-

[1] Статья написана при поддержке Научного грантового агентства Министерства образования Словацкой республики и Словацкой академии наук (VEGA; проект № 2/0095/11).

стой деревянной койке в помещении для скота; значение слова могло развиваться в направлении *‘человек, ночующий на простой койке (*lachťika*)’ > *‘слуга, сельскохозяйственный работник, батрак’ > *‘человек примитивного, грубого поведения’ > ‘несерьезный, безответственный, беззаботный, легкомысленный человек’.

Ключевые слова: этимология, словацкий язык, названия ‘легкомысленного человека’, лексические заимствования, латинизмы.

1. Перечисляя производные от словац. *ľahký* ‘легкий’ как рефлекса праслав. **lьg-ъk-ъ(jь)* [см. теперь ЭССЯ 17: 75–79][1], В. Махек высказывает в своем этимологическом словаре [Machek[1]: 262, Machek[2]: 324] осторожное предположение о том, что к ним может быть отнесено и словац. *ľahtikár* ‘ветреник, ветрогон, легкомысленный человек’[2] («sem asi též slc. *ľahtikár*»). Для указанного выражения в словаре В. Махека предлагается реконструкция «**lahostikár ?*», приведенная автором со знаком вопроса, — видимо, такая форма (с начальным твердым *l*-) возникла в результате опечатки; из-за наличия мягкого *ľ*- в словац. *ľahký* как потенциальном производящем слове ожидалось бы здесь **ľahostikár*.

Следуя указанной гипотезе В. Махека, обратим сначала внимание на словообразовательный аспект предложенной автором интер-

[1] Ожидаемым рефлексом праслав. **lьgъkъ(jь)* в словацком языке является *lehký*, сохраняющееся до сих пор в словацких диалектах. Вторичное *a* в форме *ľahký*, свойственной также литературному языку, В. Махек объясняет — вслед за чешским лингвистом О. Гуйером [Hujer 1915] — влиянием антонима *ťažký* ‘тяжелый; трудный’ (**tęžьkъ(jь)*). Напомним, что О. Гуйер привел в пользу своей гипотезы надежную типологическую параллель в виде романского *grevis* ‘тяжелый’ (< лат. *gravis* ‘то же’), развившего вторичное *e* под влиянием антонима *levis* ‘легкий’; см. также REW 287: «3855. *gravis* „schwer“, 2. *grevis* (nach *levis*)». Не исключая возможности (вторичного) действия такой аналогии, мы тем не менее отдаем предпочтение объяснению, согласно которому форма *ľahký* возникла, скорее, в результате спорадического фонетического развития (*le* >) *ľe* > *ľä* > *ľa*; ср., напр., случаи типа словац. *ľad* ‘лед’, *ľavý* ‘левый’, *ľan* ‘лен’ и др., возникшие из *ľed*, *ľeví*, *ľen* (так диал.) как регулярных рефлексов праслав. **ledъ* [ЭССЯ 14: 91–92], **lěvъ(jь)* [ЭССЯ 15: 29–31], **lьnъ* [ЭССЯ 17: 87–90] — подробнее о этом см.[Stanislav 1967: 428–430].

[2] Русская семантизация приводится по: [VSRS 2, 30]. — Академические толковые словари словацкого языка объясняют слово *ľahtikár* как ‘легкомысленный, безрассудный человек; человек с легким нравом’ [SSJ II: 10] и ‘кто не загружает себя заботами, поверхностный, безответственный, легковесный, часто шаловливый человек, легкомысленник’ [SSSJ II: 900]. — Слово отмечено уже в словаре А. Бернолака [Bernolák II, 1171: „*Lahťikár*... v[ide] Lahkomiselňík“].

претации. Несомненно, **ľahostikár* — производное от словац. диал. *ľahosť* ‘свобода’ [Kálal: 295], представляющего собой рефлекс праслав. **lьg-ostь* [ЭССЯ 17: 66–67][1]. Продолжая реконструкцию соответствующей словообразовательной цепочки, можно предположить также существование производного от *ľahosť* глагола **ľahost-i-ť* ‘жить свободно; вести себя «легко», легкомысленно и т. п.’[2], который мог послужить основой и для экспрессивного глагольного образования **ľahosti-k-a-ť*[3], ставшего, в свою очередь, производящим словом для отглагольного nomen agentis **ľahostik-ár*.

Более сложно, однако, обстоит дело с фонетическим аспектом предполагаемого развития **ľahostikár* > *ľahtikár*. Указанная гипотеза В. Махека имплицирует возникновение синкопированной формы **ľahstikár* и ее дальнейшее фонетическое упрощение. Если и принять возможность нерегулярной фонетической эволюции в виде синкопы **ľahostikár* > **ľahstikár* (с выпадением гласного во втором слоге), то, на наш взгляд, вряд ли уже можно согласиться с вытекающим из этого предположением о дальнейшем развитии **ľahstikár* (фонетически ['ляхст’ика:р], с закономерным оглушением звонкого *h* в позиции перед глухим *s*) > *ľahtikár* ['ляхт’ика:р]. При учете комбинаторики согласных в словацком языке можно предположить, что нестандартная консонантная группа [хст’] упростилась бы, видимо, в [ст’], т.е. в данном слове произошло бы выпадение согласного [х] при одновременном сохранении сочетания согласных [ст’]. Таким образом, если исходить из синкопированного **ľahstikár* ['ляхст’ика:р], ожидалось бы возникновение формы **ľastikár* ['ляст’ика:р], а не *ľahtikár* ['ляхт’ика:р], что, по нашему мнению, несколько ослабляет предложенное В. Махеком этимологическое толкование слова.

Несмотря на приведенные выше возражения к реконструкции **ľah-ost-i-k-ár*, можно, вероятно, согласиться с тем, что *ľahtikár* образовано при помощи суффикса *-ár* (см. о нем ниже); в таком случае

---

[1] См. также старое словац. *ľahosť* ‘льгота’ в сочетании *učiniť ľahosť komu* ‘предоставить льготу; (о долге) продлить срок уплаты’ [HSSJ II: 187, 1587 г.].

[2] В словообразовательном отношении см. словац. *žal-osť* ‘скорбь, печаль, горесть’: *žal-ost-i-ť* ‘скорбеть, печалиться, горевать, грустить’, рус. *пак-ость*: *пак-ости-ть* и др.

[3] К соотношению **ľahostiť*: **ľahostikať* ср. словацкие экспрессивные глаголы типа *modliť sa* ‘молиться’: *modlikať* ‘молить, умолять, упрашивать’ [SSJ II, 169–170], *prosiť* ‘просить’: *prosíkať* ‘клянчить, канючить’ [SSJ III: 629–630] или *rezať* ‘резать’: *rezikať, rezíkať* ‘(неловко) строгать, резать’ [указ. соч.: 736–738].

встает вопрос об этимологической интерпретации потенциальной производящей основы *ľahtik-*. Если выделить здесь, вслед за В. Махеком, корень *ľah-* < **lьg-*, то все же остается неясным сегмент *-tik-*; поэтому мы считаем возможным искать для указанного слова альтернативную этимологическую интерпретацию.

2. В указанной связи представляет интерес выражение, приведенное в академическом «Словаре словацких диалектов» в словарной статье *lahtika* ‘простая койка, нары’: *Paholci aj v zime spávaľi v maštaľi na dreveních lachťikách pot pokroucami* ‘Батраки[1] даже зимой ночевали в помещении для скота на деревянных койках под одеялами’ [SSN II: 15: село Глиник-над-Гроном, район Нова-Баня].

По нашему мнению, встречающееся в цитированной записи словац. диал. *lachťika* соотносимо с литературным *lektika* ‘носилки (обыкновенно для переноски представителей высших слоев общества)’ [SSJ II: 28], заимствованным из лат. *lectica* ‘лектика, носилки, паланкин’[2], представляющего собой дериват от лат. *lectus* ‘ложе, постель, кровать’[3]. В смысле высказанного предположения мы встречаемся здесь с этимологическими дублетами или вариантами, возникновение которых связано, вероятно, с разными способами адаптации лат. *lectica* в словацком языке. Форма *lektika*, зафиксированная уже в XVII в. (см. примечание 3) и вошедшая в словацкий литературный язык, могла быть заимствована в образованных кругах общества, хорошо знавших латынь как официальный язык тогдашнего Королевства Венгрии (до 1844 г.) и римско-католиче-

[1] По данным «Словаря словацких диалектов», употребленное в процитированной записи выражение *paholok* имеет в диалектах данной зоны (средняя Словакия) значение ‘(неженатый) слуга в хозяйстве (обычно ухаживающий за скотом)’ [SSN II: 696].

[2] В венгерской латыни слово *lectica* известно и в значении ‘вид налога, уплачиваемого (приходским) священникам и взимаемого от брачного ложа (tributi genus parochis præstandum a lecto iugali pendendum)’. Видимо, такое значение возникло на основе однозначного латинского словосочетания *lecticalis praestatio*, имеющего соответствия в виде нем. *Lectical-gebühr* и венг. *ágy-bér, pár-bér,* буквально ‘налог (*bér*) от [брачного] ложа (*ágy*) или от [супружеской] пары (*pár*)’ [ср. Bartal: 372, s.vv. *Lectica*, *Lecticalis præstatio*; о реалии см. MKL, s.v. *Párbér*, проверено 15 июня 2014 г.]. В результате универбации венгерского лат. *lecticalis præstatio* возникло, несомненно, и существительное *lecticale* ‘то же’ [Bartal: 372, s.v. Lecticale], послужившее источником для старого словац. *lektikál* ‘вид церковного налога’ [HSSJ II: 207: 1791 г.].

[3] Значения приводятся по: [Дворецкий 443]. — Словац. *lektika* в значении ‘крытый стул с шестами, приспособленный для переноски лиц, носилки’ известно уже из памятников XVII в.; см. [HSSJ II: 206–207].

ской церкви[1]; этим можно, несомненно, объяснить и полное фонетическое соответствие словац. *lektika* его латинскому источнику. С другой стороны, формальная сторона словац. диал. *lachťika* свидетельствует скорее о незнании латинской этимологии слова и о его фонетическом развитии в живой народной речи.

Наличие в форме *lachťika* согласного *ch* [x] объясняется известным в словацком языке спорадическим переходом *kt* > *cht* — ср., напр., словац. *jachtať* ‘заикаться’ < **jaktať* < праслав. **ękъtati* [ЭССЯ 6: 70; SP 6: 98: без словацкого рефлекса]; *doktor*, диал. и *dochtor* ‘врач’ [SSN I: 342]; *rektor* ‘руководитель высшего учебного заведения, ректор; устар. директор средней или высшей школы’ [SSJ III: 721] и его этимологический дублет *rechtor* ‘учитель (исполняющий также должность органиста); лицо, управляющее церковной школой’ [указ. соч., 718] и др.[2]

Неэтимологическое *a* в *lachťika* объяснимо соответствующей субституцией гласного *e* (вероятно, в результате развития *e* > *ä* > *a*) в части слов иностранного происхождения; в контексте такой фонетической адаптации латинизмов ср., напр., лат. *persona* ‘личность, лицо’ > словац. диал. устар. *parsún, parsúna* ‘наружный облик, внешность, выражение лица’ [SSN II: 739], мужское имя *Benedictus* > словац. *Beňadik*, и др. [подробнее об этом см. Stanislav: 442][3]. Вполне вероятной представляется в данной связи и контаминация с *ľahký* ['ляхки:] ‘легкий’ — здесь можно, видимо, считаться с представлением о некой более простой, «легкой» принадлежности для ночевки в сельскохозяйственной постройке, отличающейся от «тяжелого» ложа (кровати) в доме, и т. п. Нельзя полностью исключить и влияние глагола *ľahnúť (si)* ‘лечь’ (в контекстах типа *ľahnúť (si) na lachťiku* ‘лечь на койку’ и т. п.).

На фоне такой этимологической интерпретации словац. диал. *lachťika* представляется не вполне адекватной стандартизация указанного диалектизма в форме *lahtika*, употребленной в заголовке соответствующей словарной статьи в «Словаре словацких диалектов»

---

[1] См. также статью *lectīcă* ‘1. Sänfte; 2. Totenbahre, Paradebett’ в словаре А. Слеймера [Sleumer: 468].

[2] См. также [Stanislav: 580–581].

[3] Не исключено, что на форму словацкого диалектизма могло повлиять и венг. *lektika* ‘1. носилки, паланкин; 2. двуколка, тачка, тележка’ (зафиксировано уже в 1560 г.), имеющее также диалектный вариант *laktika* (и *leptika, laptika, leftika, laftika* и др.; см. MNyTESz II: 746).

(см. выше): на основе т.наз. «нормализованной» или стандартизованной формы[1] *lahtika* можно сделать не соответствующий этимологии слова вывод о том, что согласный *ch* в диал. *lachťika* возник в результате оглушения исконного *h*. На наш взгляд, более корректными были бы здесь заголовки *lektika* (в соответствии с формой коррелята данного диалектизма в литературном языке, причем можно было бы эксплицитно указать на его фонетически нерегулярный вариант[2] *lachťika*) или *lachtika* (с учетом формальной — а в меньшей мере также семантической — обособленности диалектизма от этимологически тождественного ему литературного *lektika*).

4. Таким образом, со словообразовательной точки зрения представляется возможной деривация типа словац. диал. *lachťika* ‘простая койка, нары’ > **lachťikár* ‘легкомысленный человек’, вошедшего в литературный язык в орфографической форме *ľahtikár*, возникшей, видимо, в результате вторичного (народноэтимологического?) сближения со словац. *ľahký* ‘легкий’. Дальнейшего объяснения требует семантическая сторона предложенной реконструкции.

Выше мы уже высказали предположение о том, что словац. *ľahtikár* образовано при помощи суффикса *-ár*[3], представляющего собой рефлекс позднепраслав. **-ar’ь*, заимствованного из лат. *-ārius* (см., напр., [SP 2: 21–23; Vaillant: 316–320]). Как известно, к отыменным образованиям с этим суффиксом относятся названия лиц по профессии[4]; в таком случае можно было бы соотнести словац. *ľahtikár* с существительными типа словац. *korytár* ‘ремесленник, изготовляющий корыта’ [SSJ I: 750; производное от *koryto* ‘корыто’], *kotlár* ‘ремесленник, изготовляющий котлы’ [SSJ I: 754; от *kotol* ‘котел’] и т. п. и реконструировать для *ľahtikár* исходное значение *‘ремесленник, изготовляющий койки’. Такая реконструкция

[1] Согласно концепции словаря, слова в заголовке словарных статей имеют «фонетически и орфографически нормализованную форму... Диалектные лексические единицы, не имеющие формальных эквивалентов в литературном языке…, приводятся в форме, какую бы они имели (при учете соответствующих фонетических изменений и этимологий) в литературном языке» [SSN I: 29].

[2] За (стандартизованным) заголовком словарной статьи «всегда приводятся нерегулярные (в разной степени лексикализованные) варианты» данного выражения [SSN I: 30].

[3] В словацком языке суффикс *-ár* имеет также фонетические варианты *-ar*, *-iar*.

[4] «Przyrostek *-ar’ь* tworzy przede wszystkim nazwy wykonawców jakiegoś zawodu od podstaw rzeczownikowych (tu należą też nazwy ludzi ze względu na przedmiot ich głównych zainteresowań)» [SP 2: 21].

подразумевает дальнейшее семантическое развитие типа ‘(некачественно работающий) ремесленник’ > ‘безответственный, легкомысленный человек и т. п.’; хотя его и нельзя исключить[1], мы все-таки отдаем предпочтение иному объяснению.

Учитывая стилистическую окрашенность словац. *ľahtikár*, представляется возможным отнести это слово к экспрессивным образованиям, называющим людей по характерному признаку; см., напр., словац. *trochár* ‘тот, у кого есть только немного, мало чего-то, напр., имущества, пашни и т. п.; несостоятельный человек; мелкий крестьянин, торговец и т. п.’ [SSJ IV: 586; от *trocha* ‘немного; немногое, малое’], диал. *chlebár* ‘человек, любящий есть хлеб’ [SSN I: 660; от *chlieb* ‘хлеб’], *gatiar* ‘сельский житель, носящий *gate*, старинные широкие брюки’ [указ. соч.: 482] и др.

В таком случае можно для словац. *ľahtikár* предположить исходную семантику типа *‘человек, ночующий на простой койке (*lachťika*)’. Слово могло первоначально употребляться как ироническое или пренебрежительное обозначение мужчин, ночующих не в комнате деревенского дома (на полноценном ложе), а в значительно более простых условиях сельскохозяйственной постройки — помещения для скота; ср. следующие наблюдения словацких этнологов: «Основной проблемой ночевки было предоставить каждому члену семьи спальное место, которое соответствовало бы его возрасту, социальной позиции в семье, а также времени года... В помещении для скота у богатых хозяев ночевал на подвесной койке слуга. Иногда могли в помещении для скота ночевать и хозяин или неженатый юноша» [Benža, проверено 15 июня 2014 г.]. «Помещение для скота употреблялось и для ночевки людей. Здесь ночевали неженатые юноши (в бóльших семьях также женатые мужчины), в более состоятельных хозяйствах батраки[2] и слуги. Для этого служила дощатая

[1] См., напр., нем. *Schuster* ‘1. сапожник; 2. пейор. халтурщик’ [Duden online s.v.; проверено 15 июня 2014 г.], а также его глагольный дериват *schustern* ‘1. быть сапожником, заниматься сапожным ремеслом, изготавливать или ремонтировать обувь... часто с пейоративным побочным значением...; 2. часто о плохой, халтурной работе, работать недоброкачественно, халтурить, устраивать что-то плохо...’ [DWB online s.v.; проверено 15 июня 2014 г.]. — К значению безответственности ср. также словац. *pre-šustrovať* ‘разбазарить, растранжирить’ [SSJ III: 512: разг. экспр.], представляющее собой адаптацию нем. *ver-schustern* ‘испортить... растратить, разбазарить, промотать’ [DWB online s.v.; проверено 15 июня 2014 г.].

[2] См. также приведенную выше цитату из «Словаря словацких диалектов».

койка или койка, укрепленная под потолком» [Botík, проверено 15 июня 2014 г.][1].

Значение слова *ľahtikár* могло развиваться в направлении *‘кто ночует на простой койке (в помещении для скота)’ > *‘батрак’ > *‘грубый человек’[2] > ‘недостаточно серьезный, безответственный, легкомысленный человек’; вероятно, здесь сыграло свою роль и вторичное сближение со словац. *ľahký* ‘легкий’ (см. выше) — ср. словац. *ľahký* в значениях ‘спокойный, тихий, беззаботный’ (*ľahký život* ‘легкая, беззаботная жизнь’; разг. *mať ľahkú hlavu* ‘жить беззаботно’, буквально ‘иметь легкую голову’; ср. также *ľahkomyseľný* ‘легкомысленный’) и ‘обладающий сомнительными моральными качествами’ (*ľahká žena* ‘женщина легкого поведения’, *ľahké mravy* ‘легкие нравы’; SSJ II, 9).

Литература

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 3-е, исправленное. М.: Русский язык, 1986. 840 с.

[1] К представлению о некой «социальной иерархии» спальных принадлежностей ср. также нем. *Bankert* (ср.-в.-нем. *banc-hart*) ‘пейор. внебрачный ребенок’, образованное на основе нем. *Bank* ‘скамья, лавка’ и *hart* (в личных именах типа *Geb-hart*, *Rein-hart*) как обозначение ребенка, зачатого не на брачном ложе, а на скамье, где ночевали служанки [«eigentlich also ‘das auf der (Schlaf-)bank (der Magd, und nicht im Ehebett) gezeugte Kind’», Kluge: 88].

[2] К ассоциации ‘батрак’ ~ ‘грубый человек’ ср. также словосочетания типа словац. *chová sa ako paholok v krčme* ‘он ведет себя неприлично’ (буквально ‘как батрак в кабаке’), *paholské správanie* ‘грубое, непристойное поведение’ (‘батрацкое’), *paholsky sa správať* ‘вести себя непристойно’ [‘по-батрацки’; SSJ III: 9, s.v. *paholok*]. — В этой связи небезынтересен также следующий отрывок из романа словацкой писательницы Т. Вансовой «Сестры» (1930 г.), описывающий эпизод из предвыборной кампании в Венгрии в последних десятилетиях XIX в. [Vansová, проверено 15 июня 2014 г.]: *Z prvého [koča] vystúpil sám vládny kandidát a bývalý poslanec Rácz Jožo — a jeho hlavný korteš slúžny Uzényi... Uzényi po ľahtikársky šiel medzi sedliakov, po kamarátsky odpovedal na pozdravy, predstavil pána kandidáta a lámanou slovenčinou dal najavo svoju ľútosť, že dali slovo protikandidátovi* ‘Из первого экипажа вышли сам кандидат правительства и бывший депутат Рац Йожо — и его главный агитатор, помощник Узеньи... Узеньи пошел *po ľahtikársky* среди мужиков, по-дружески отвечал на их приветствия, представил им господина кандидата и на ломаном словацком языке выразил свое сожаление о том, что они предоставили слово кандидату от оппозиции’. На основе данного контекста можно высказать предположение, что если Узеньи пошел среди мужиков *po ľahtikársky*, то он вряд ли сделал это «по-легкомысленному»; скорее, Узеньи (представитель значительно более высокого социального слоя) пошел среди мужиков как-то «по-грубому», чтобы облегчить свое и Рацово общение с ними.

Bartal A. Glossarium mediæ et infimæ Latinitatis Regni Hungariæ. Lipsiae : in ædibus B. G. Teubneri — Budapestini : sumptibus Societatis Frankliniæ, 1901 (репринтное изд.: Budapest : Állami Könyvterjesztő Vállalat, 1983). XXVIII, 724 oldal.

Benža M. Spávanie // Tradičná ľudová kultúra Slovenska slovom a obrazom. Elektronická encyklopédia [Электронный ресурс]. URL: http://www.ludovakultura.sk/index.php?id=1980

Bernolák A. Slowár Slowenskí Češko-Laťinsko-Ňemecko-Uherskí seu Lexicon Slavicum Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum. Tomus I–V. Budae : Typis et Sumtibus Typogr. Reg. Univers. Hungaricae, 1825.

Botík J. Maštaľ // Tradičná ľudová kultúra Slovenska slovom a obrazom. Elektronická encyklopédia [Электронный ресурс]. URL: http://www.ludovakultura.sk/index.php?id=5373

Duden online [Электронный ресурс]. URL: http://www.duden.de/woerterbuch

Hujer O. Drobnosti grammatické. 5. Sloven. *ľahký* // Listy filologické. 1915. №. 1. S. 21–22.

Kálal M. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. (Slovensko-český differenciálny.) Banská Bystrica : tlačou Slovenskej Grafie, 1923. 1112 s.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Bearb. von E. Seebold. 25., durchgesehene und erweiterte Aufl. Berlin — Boston: de Gruyter, 2011. LXIX, 1021 s.

Sleumer A. Kirchenlateinisches Wörterbuch. Limburg a. d. Lahn : Verlag von Gebrüder Steffen, 1926 (2. Nachdruck: Hildesheim — Zürich — New York : Georg Olms Verlag, 1996). 842 s.

Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie. 3., doplnené vyd. Bratislava : Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1967. 712 s.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. IV. La formation des noms. Paris : Éditions Klincksieck, 1974. 810 p.

Vansová T. Sestry // Zlatý fond denníka SME [Электронный ресурс]. URL: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/931/Vansova_Sestry

Сокращения

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О.Н. Трубачев, А.Ф. Журавлев. М.: Наука, 1974–.

DWB online — Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm auf CD-ROM und im Internet [Электронный ресурс]. URL: http://dwb.uni-trier.de/de

HSSJ — Historický slovník slovenského jazyka. Zv. I–VII. Bratislava: Veda, 1991–2008.

Machek[1] — *Machek V*. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha : Nakladatelství Československé akademie věd, 1957. 628 s.

Machek[2] — *Machek V*. Etymologický slovník jazyka českého. Praha : Academia, 1968. 868 s.

MKL — Magyar Katolikus Lexikon [Электронный ресурс]. URL: http://lexikon.katolikus.hu/

MNyTESz — A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Kötet 1–4. Budapest : Akadémiai Kiadó, 1967–1984.

REW — Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. 6., unveränderte Aufl. Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1992. XXXII, 1204 S.

SP — Słownik prasłowiański. Wrocław etc. : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich — Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974–.

SSJ — Slovník slovenského jazyka. Zv. I–VI. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1959–1968.

SSN — Slovník slovenských nárečí. Bratislava: Veda, 1994–.

SSSJ — Slovník súčasného slovenského jazyka. Bratislava: Veda, 2006–.

VSRS — Veľký slovensko-ruský slovník. Zv. 1–6. Bratislava: Veda, 1979–1995.

Ľubor Králik
Ľ. Štúr Institute of Linguistics of the Slovak Academy of Sciences
(Slovakia, Bratislava)
kralik@juls.savba.sk

SLOVAK *ľahtikár* ‘CARELESS, LIGHT-HEADED PERSON’ < **ľahostikár?*

Czech etymologist V. Machek tried to explain Slovak *ľahtikár* ‘careless, light-headed person’ as a reflex of an original **ľahostikár*, related

to Slovak *ľahký* ‘light (weighted), easy, etc.’ This etymological hypothesis implies the following derivational chain: Slovak *ľahosť* ‘lightness, easiness’ > **ľahost-i-ť* ‘to live easily, carelessly, etc.’ > **ľahosti-k-a-ť* (expressive verbal formation) > **ľahostik-ár* (nomen agentis). From the phonetic point of view, the reconstruction **ľahostikár* > *ľahtikár* presupposes an irregular phonetic evolution; however, in the context of Slovak phonetics, we would rather expect here the development **ľahostikár* > **ľahstikár* > **ľastikár* (instead of *ľahtikár*). In our opinion, Slovak *ľahtikár* might be traced back to **lachťikár*, derived from Slovak dial. *lachťika* ‘primitive bed, pallet’ which we explain as a loanword from Latin (cf. Latin *lectica* ‘litter’, derived from Latin lectus ‘bed, couch’). **Lachťikár* — modified into standard Slovak *ľahtikár* under the influence of *ľahký* — may have been used originally as a derogatory term for a person who, because of his social status, had to sleep on a primitive wooden pallet in a stable (as opposed to the “standard” bed in the room of a village house); the semantic development of the word may be reconstructed as *‘who sleeps on a primitive bed, wooden pallet (*lachťika*)’ > *‘servant, stable boy’ > *‘primitive, rude person’ > ‘not serious, careless, light-headed person’.

Key words: etymology, slovak language, names of ‘careless, light-headed person’, loanwords, words of Latin origin.

References

A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára [Historical-etymological dictionary of the Hungarian language]. Vol 1–4, Budapest, Academic Publishing House, 1967–1984.

Bartal A. *Glossarium mediæ et infimæ Latinitatis Regni Hungariæ* [Glossary of medieval and late Latin of the Hungarian Kingdom]. Vol. XXVIII, Leipzig, B. G. Teubner Publ., Budapest, Societas Franklinia Publ., 1901. 724 p. (Reprint: Budapest, State Book Distribution Company, 1983.)

Benža M. [Sleeping]. *Tradičná ľudová kultúra Slovenska slovom a obrazom. Elektronická encyklopédia* [Traditional Popular Culture of Slovakia in Word and Image. An electronic encyclopedia]. Available at: http://www.ludovakultura.sk/index.php?id=1980 (accessed 15.06.2014) (In Slovak)

Bernolák A. *Slowár Slowenskí Češko-Laťinsko-Ňemecko-Uherskí seu Lexicon Slavicum Bohemico-Latino-Germanico-Ungaricum* [Slovak-Czech-Latin-German-Hungarian Dictionary]. Vol. 1–5, Buda, Publishing House of the Royal Hungarian University, 1825.

Botík J. [Cattle stable]. *Tradičná ľudová kultúra Slovenska slovom a obrazom. Elektronická encyklopédia* [Traditional popular Culture of Slovakia in Word and Image. Electronic encyclopedia]. Available at: http://www.ludovakultura.sk/index.php?id=5373 (accessed 15.06.2014) (In Slovak)

Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm auf CD-ROM und im Internet [The German dictionary by Jacob Grimm and Wilhelm Grimm on CD-ROM and online]. Available at: http://dwb.uni-trier.de/de (accessed 15.06.2014)

Duden online [The Duden dictionary online]. Available at: http://www.duden.de/woerterbuch (accessed 15.06.2014)

Dvoretskii I. Kh. *Latinsko-russkii slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Third, amended edition, Moscow, Russkii yazyk Publ., 1986. 840 p.

Historický slovník slovenského jazyka [Historical Dictionary of the Slovak Language]. Vol. 1–7, Bratislava, Veda Publ., 1991–2008.

Hujer O. [Small Grammatical Contributions. Part 5. Slovak *ľahký*]. *Listy filologické* [Philological Letters], 1915, No. 1, pp. 21–22 (In Czech.)

Kálal M. *Slovenský slovník z literatúry aj nárečí (Slovensko-český differenciálny)* [Slovak Dictionary of the Literary Language and Dialectal Speech (A Slovak-Czech differential one)]. Banská Bystrica, Slovenská Grafia Publ., 1923. 1112 p.

Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache* [Etymological Dictionary of the German Language]. Twenty-fifth, revised and augmented edition, Berlin — Boston, de Gruyter Publ., 2011. 1021 p.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of the Czech Language]. Prague, Academia Publ., 1968. 868 p.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* [Etymological Dictionary of the Czech and Slovak Languages]. Prague, Publishing House of the Czech-Slovak Academy of Sciences, 1957. 628 p.

Magyar Katolikus Lexikon [Hungarian Catholic Lexicon]. Available at: http://lexikon.katolikus.hu/(accessed 15.06.2014)

Meyer-Lübke W. *Romanisches etymologisches Wörterbuch* [Romance Etymological Dictionary]. Sixth edition, Heidelberg, Carl Winter University Publishing House, 1992., 1204 p.

Sleumer A. *Kirchenlateinisches Wörterbuch* [Dictionary of Ecclesiastical Latin]. Limburg a. d. Lahn, Publishing House of Brothers Steffen, 1926. 842 p. (Reprint: Hildesheim — Zürich — New York, Georg Olms Publ., 1996.)

Slovník slovenského jazyka [Dictionary of the Slovak Language]. In 6 vols, Bratislava, Publishing House of the Slovak Academy of Sciences, 1959–1968.

Slovník slovenských nárečí [Dictionary of Slovak Dialects]. Bratislava, Veda Publ., 1994-

Slovník súčasného slovenského jazyka [Dictionary of Contemporary Slovak language]. Bratislava, Veda Publ., 2006-.

Słownik prasłowiański [Common Slavic Dictionary]. Wrocław etc., Ossoliński National Foundation — Publishing House of the Polish Academy of Sciences, 1974–.

Stanislav J. *Dejiny slovenského jazyka. I. Úvod a hláskoslovie* [History of the Slovak language. Vol. I. Introduction and phonetics]. Third, enlarged edition, Bratislava, Publishing House of the Slovak Academy of Sciences, 1967. 712 p.

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (Eds.). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Iss. 1–39, Ed. O. N. Trubachev (iss. 1–31), A. F. Zhuravlev (iss. 32–39). Moscow, Nauka Publ, 1974–2014–.

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves. IV. La formation des noms* [Comparative Grammar of the Slavic Languages. Vol. IV. Nominal formation]. Paris, Klincksieck Publ., 1974. 810 p.

Vansová T. [Sisters]. *Zlatý fond denníka SME* [Golden fund of the SME diary]. Available at: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/931/Vansova_Sestry (accessed 15.06.2014) (In Slovak).

Veľký slovensko-ruský slovník [Great Slovak-Russian Dictionary]. In 6 vols, Bratislava, Veda Publ., 1979–1995.

Л. В. Куркина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lyukurkina@rambler.ru

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ[1]

Предметом этимологического анализа стали лексемы с затемненной внутренней формой: 1) обосновывается родство рус. *наружу* и диал. *ружь* ‘внешний вид, наружность’ с болг. диал. *ру̀жа (се)* ‘готовить(ся), подготавливать(ся), снаряжать(ся)’, серб. *ору́жа (се)* ‘прибрать, привести в порядок дом’, *оружу́е (се)* / *оружу́је (се)* ‘приводить в порядок’ и т.п. в рамках гнезда праслав. *o*brǫga* (рус. диал. *обру́га* ‘весь головной убор со всеми принадлежностями’), **obrožьje* (ст.-слав. **оружиѥ** ‘оружие, меч’), **obrǫžati (sę)* (с.-хорв. *ору̀жати* ‘вооружать’, *ору́жам се* ‘надеть’) и др. с корневой основой **rǫg-*, родственной лит. *reñgti(s)* ‘готовить(ся), снаряжать(ся), устраивать(ся), одевать(ся)’, *aprangà* ‘снаряжение, одежда’ и др.; общее значение ‘снарядить, привести в порядок, придать внешний вид’, покрывающее всю совокупность реалий, стало отправной точкой для развития значения ‘внешний вид’; 2) приводятся дополнительные аргументы (рус. диал. *свая* ‘гурьба, ватага’ с удлинением корневого гласного ~ ст.-рус. *сувой* (< **sǫvojь*) ‘сугроб’ : **viti*, **vojь*), чеш. *vajka* ‘метель’, с.-хорв. *сва́а* ‘девочка, которая плетет венок невесте’ и др.) в пользу сближения слав. термина ваяния **vajati* с гл. **viti;* 3) прослеживается общая линия семантического развития для гл. **pojiti* : **pajiti* в направлении ‘удаваться, везти’ в славянских

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 13-04-00221 «Сравнительно-исторические подходы в лексикологии и семантике. Славянская праязыковая лексикография: Теория и практика».

диалектах; 4) для словен. *práha* ‘der Ausflug der Bienen’ приводятся аргументы в пользу сближения с гл. *prašíti se* ‘вылетать, отделяться (о пчелах)’ и родства с рус. диал. *порошéние* ‘ритуал в свадебном обряде’; 5) для неясного в этимологическом отношении словен. *priklútiti* ‘о прививке молодого дерева’ допускается объяснение на основе и.-е. корня **kleu-/*klou-* (чеш. *kleviti se* ‘сгибаться, гнуться’), расширенного суф. *-tъ*, ср. праслав. **koltъ*, **brutъ*, **slutъ* и т. п.

Ключевые слова: этимология, реконструкция, этимологическое гнездо.

Рус. *ружь, ружа* ‘внешний вид’

Вероятность и надежность этимологического решения в значительной степени зависит от полноты материала, на базе которого строится исследование. С распадом этимологического гнезда, вызванного ослаблением родственных связей, возникают самостоятельные лексические группы, которые, сохраняя унаследованную первооснову, начинают жить по своим законам, образуют свою систему семантических преобразований. Важно найти ориентиры, определяющие поиски родственных связей на основании анализа остаточных явлений в семантике, словообразовании. Когда удается найти связующие звенья и объединить разрозненные, слабо сохранившиеся фрагменты распавшегося этимологического гнезда, что требует большой поисковой работы, изучения самых разных лексикографических источников, появляется возможность с новых позиций подойти к определению состава предполагаемого лексического гнезда, характера семантических отношений. Понимание семантической первоосновы при формальной близости соотносимых лексем создает дополнительные условия для уточнения этимологического статуса некоторых слов с затемненной внутренней формой.

К числу таких слов, осмысление которых возможно лишь в более широком контексте генетических связей, могут быть отнесены рус. *наружу*, *наружный* и диал. *ружь* ‘внешний вид, облик, наружность’, *ру́жа* ‘пространство вне, за пределами чего-л.’ (горьк.), ‘наружная сторона чего-л.; внешний вид’ (казан., том.) [СРНГ 35: 236], *нару́жа* ‘то, что находится за пределами чего-л.’ (калуж.) и т. п. [СРНГ 20: 135]. В литературе рус. *ружь, ружа*, первонач. ‘открыто, на виду’, отнесенные к лексическим диалектизмам, унаследо-

ванным из праславянского языка [Трубачев 1963: 173], сближаются с лтш. *raũgs* ‘глазное яблоко’, *raũdzît* ‘видеть, смотреть, проверять, обращать внимание’, греч. ῥουγός · πρόσωπον (Гесихий) [Фасмер III: 514 с литературой]. И хотя такое сближение фонетически допустимо, однако в плане семантики остается не совсем ясным отношение ‘видеть’ > ‘наружная поверхность’.

Раздвигает рамки исследования и дает новое направление возможных поисков материал, представленный в [БЕР 6: 338-339], где рус. *ружь* поставлено в один ряд с болг. диал. *ру́жа (се)*, *ру́жьам (се)* ‘готовить(ся), подготавливать(ся), снаряжать(ся)’ [Геров 5: 89]. При определении дальнейших связей БЕР принимает для болгарского диалектизма, как и для рус. *ружь, наружи*, сближение с лтш. *raũgs*. При этом БЕР проходит мимо тех возможностей, которые предоставляют для выявления внутренней формы приведенные в этой же статье многочисленные префиксальные образования: ср. болг. диал. *нару̀жам (се)* ‘упорядочивать, улаживать’ [БЕР 6: 339: Свиленградско] и глаголы, которые относятся к сфере одевания и одежды: диал. *нару̀жьам (се)*, *нару̀жвам (се)*, *нару̀жьѫ* ‘нарядить, убрать’, *обру̀жьам (се)* ‘нарядить(ся), убрать(ся)’, *обру̀жьѧ* ‘наряд, убор, украшение’ [Геров 3: 210-211, 308-309], *нару̀жник* ‘вид женского праздничного платка’, ‘легкий платок на голову’, *уру́жуам са* ‘одевать празднично, наряжать’ [БЕР 6: 338-339], родоп. *уру̀жье* ‘красивый наряд; украшение’, *ору̀же* ‘украшение, которое парень дарит девушке при помолвке’ [ЭССЯ 29: 123]. На ю.-слав. территории в диалектах сербского языка находим образования с той же семантикой: с одной стороны, *ору́жа (се)* ‘прибрать, привести в порядок дом’, *оружу́е (се) / оружу́је (се)* ‘приводить в порядок’, *ору́жам* ‘привести в порядок дом, отдельное пространство для жизни, обустроить помещение’ [Златанић 1998: 272], ‘снарядить всем необходимым (детей в школу)’ [Жугић 2005: 253], а с другой, — *ору́жам (се)* ‘одеть’, *разору́жам се* ‘переодеть, переменить одежду’ [Жугић 2005: 253, 328; Чирић 1983: 148], *ору́жа (се)* ‘одет(ся)’, *оружу́е (се)* / *оружу́је (се)* ‘одевать(ся)’ *разору́жа (се)* ‘сбросить одежду, раздеть(ся)’, *разоружу́је (се)* ‘снимать, сбрасывать одежду’, *сору́жа се* ‘сбросить с себя одежду, раздеться’ [Стојановић 2010: 601, 799, 880; Динић 2008: 535, 709, 779] и т. п.

Ю.-слав. диалектизмы со значением ‘одевать / раздевать’ рассматриваются как составная часть большого этимологического

гнезда, охватывающего продолжения праслав. **obrǫga* (> рус. диал. *обру́га* ‘весь головной убор со всеми принадлежностями’, ‘праздничная женская одежда, надеваемая поверх кофты’), **obrǫžьje* (> ст.-слав. **оружие** ‘оружие, меч’), **obrǫžati (sę)* (> с.-хорв. *ору̏жати* ‘вооружать’, *ору́жам се* ‘надеть’) и т. д. с корневой основой **rǫg-*, родственной лит. *reñgti* ‘готовить, подготавливать’, ‘снаряжать’, ‘устраивать’, ‘одевать’, *apreñgti* ‘одеть / одевать’, ‘нарядить/ наряжать’, *aprangà* ‘снаряжение, одежда’, *nureñgti* ‘раздеть’ и т. д. [ЭССЯ 29: 121-122]. Нельзя не отметить, что для балтийских образований, как и для славянских, характерны те же значения — ‘приводить в порядок пространство для жизни’ и ‘одевать / одеть’. В этом ряду особое значение имеет свидетельство болг. диал. *ру́жа (се)*, подтверждающего существование простого глагола, исходного для всей большой группы производных образований [но ср.: ЭССЯ 29: 121–122].

Обращение к диалектному материалу позволяет расширить представления об этой группе слов и точнее определить семантические отношения в рамках восстанавливаемого этимологического гнезда. Представляется, что в контексте этих образований может получить объяснение и рус. диал. *ружь*. Есть все основания думать, что значением ‘обустраивать, приводить в порядок’, т. е. ‘придавать внешний вид’, мотивирован переход к значению ‘внешний вид’, которое является основным для рус. *ружь, ружа, на-ружный* *‘находящийся на виду, на поверхности’. В пространстве более широких семантических отношений появляются дополнительные аргументы в пользу вторичности этого значения.

Входящее в этот ряд слав. **obrǫžьje* с повсеместно засвидетельствованным значением ‘оружие, средство для нападения или защиты от нападения’ [ЭССЯ 29: 123-124] так же вторично и мотивировано той же семантикой ‘обустраивать, снаряжать’. Анализ древнерусских памятников позволил сделать вывод о том, что др.-рус. *оружье*, производное с преф. *ob-* ‘вокруг’, как и производное от него *ружье*, употреблялось со значением собирательности для обозначения совокупности разного рода оружия, собрания разных предметов, в том числе одежды и орудия нападения [Чичагов 1952: 298]. Первоначально оружие как средство для защиты и нападения было составной часть военного снаряжения вместе с одеждой, которая должна была предохранять и защищать воина от нападения.

Постепенно название перешло на само орудие, и значение ‘орудие нападения’ стало основным, при развитии этого значения возможно влияние со стороны гл. **rǫgati* ‘колоть’ или слав. **obrǫdьje* ‘орудие, инструмент’ [Черных I: 606]. В качестве аналогии можно привести слав. **sъbroja* (~ **brojiti*), которым в славянских языках обозначаются все принадлежности, все снаряжение и конкретно отдельная часть снаряжения: рус. *сбру́я* ‘все принадлежности, снасти, орудия, снаряд для промысла, занятия, дела’, *сбруя конная* ‘весь прибор, седло с потником, с подпругами, стременами, уздечка и т. д.’ [Даль[2] IV: 142] и *збруя* ‘упряжь’, польск. *zbroja* ‘латы, железный панцырь, прикрывающий, плечи, нарукавники, шлем, защита для ног’ и ‘оружие’ [Warsz. VIII: 393].

В диалектах префиксы вносят в семантику глагола дополнительные оттенки, через которые реализуются потенциальные возможности основного значения ‘снарядить, снабдить’: ‘снабдить сполна, в полной мере’ > ‘вложить много усилий’ > ‘усиленно что-л. делать’: ср. рус. диал. *вружа́ться*, которое наряду со значением ‘вооружаться’ (моск.) имеет значение ‘приниматься усиленно делать что-л., усердно браться за что-л.’ (моск., сарат.) [СРНГ 5: 195], *вружи́ться* ‘начать усердно делать что-л.’, ‘начать громко плакать’ (ср. *вружыццъ арать*) и ‘увеличить(ся), распространиться в пространстве’ > ‘размножиться, расплодиться’ [Сл. Мордовии I: 104]. В глаголе на *-ся* с преф. *от-* *отружа́ться* ‘хорошо питаться; пить, есть вдоволь’ [Сл. Мордовии II: 758-759] получает развитие признак полноты действия, максимальной его реализации, ср. еще *отъесться, отчаяться*.

Приведенный материал подводит к выводу о том, что общее значение ‘снарядить, привести в порядок, придать внешний вид’, покрывающее всю совокупность реалий, стало отправной точкой для развития значения ‘внешний вид’ в рус. *наружу* и ряда других славянских образований с семантикой ‘одевать’ и ‘оружие’.

Слав. **vajati*

Слав. **vajati* как термин ваяния, изготовления изделий из глины, дерева, камня пришел в русский, болгарский и сербохорватский языки из языка древнейших письменных памятников: ср. засвидетельствованные в ст.-слав. **ваꙗни** ‘изваяние, статуя’, γλυπτόν, sculptile [SJS I, 170: Supr.], **изваꙗти** ‘изваять’, γλύφειν, sculpere

[SJS 1, 724: Supr., Siš.] и рус. цслав. **ваѩти**, сербохорв. *изва́јати* ‘sculpere’ [Речник VII: 314]. А это означает, что исходной областью распространения гл. **vajati* была восточная часть ю.-слав. ареала. Изначальная география слова будто бы говорит в пользу заимствования или влияния в этом регионе со стороны угро-финнских или тюркских языков.

Однако заметим, что остается неопровергнутым и предположение об исконном происхождении глагола. К Р. Брандту восходит соотнесение гл. **vajati* с **viti* по типу **piti*: **na-pajati* с развитием значения в направлении ‘крутить’ > ‘лепить’ > ‘высекать из камня’ [Брандт 1891: 38]. Эта идея получила развитие в монографии О. Н. Трубачева, посвященной ремесленной терминологии в славянских языках [Трубачев 1966]. Было показано, что в основе многих ремесел, строительства лежит техника плетения и что эта изначальная технология объединяет гл. **vajati* и **viti*. О. Н. Трубачев относил гл. **vajati* к эпохе до гончарного круга, «когда, лепя сосуд из глины, н а в и в а л и его стенки, края, накладывая жгуты из раскатанной глины спираль за спиралью» [Трубачев 1966: 189]. В подтверждение своей мысли и реконструкции древнего значения ‘вить, лепить из глины’ > ‘высекать, ваять из камня’ он ссылается на с.-хорв. *савијати* ‘свивать, лепить (посуду из глины)’. Другой версии придерживается А. Е. Аникин. Он полагает, что отсутствуют следы значения ‘вить’ у рефлексов **(jьz)vajati* и поэтому, следуя разработкам в трудах Менгеса, А. С. Львова, В. А. Дыбо и др., отдает предпочтение гипотезе об исходном значении ‘долбить, делать углубление’ и предполагает заимствование из дунайско-булгарских диалектов, ср. венг. *váj-* ‘выкапывать, выдалбливать, высекать’, др.-булг. **váj-* (чув. *ыйă*, *ăйă* ‘долото’) < **ōj-* ‘долбить, делать дыру, ковырять’ [Аникин 6: 143-144 с литературой].

При определении истоков гл. **vajati* необходимо учитывать собственно языковые данные и те реальные действия, которые стоят за этим обозначением. Заметим, что в современной практике созданию произведения из камня предшествует предварительная лепка макета из воска или мокрой глины. Это необходимо скульптору, чтобы правильно определить основные узлы и рассчитать пропорции. Использование на практике глины, из которой делалась основа для будущей скульптуры из камня, создает реальные предпосылки для включения слав. **vajati* с семантикой плетения в число терминов ваяния.

Как нам представляется, не в полной мере принимаются во внимание внутриславянские данные, существенные для формирования термина ваяния. Предварительно заметим, что отсутствует единое для и.-е. языков обозначение процесса ваяния скульптурного произведения. В основу обозначения этого действия положены разные признаки — резать, высекать, долбить, лепить: ср. лат. *sculptura* от *sculpo* ‘высекать, вырезать’, греч. πλάσμα ‘лепное изображение, изваяние’ от πλάσσω ‘лепить’, ‘мягкую массу мять, давить’, ‘отливать’ (ср. σχήματα ἐκ χρυσοῦ Plat.), γλύφω ‘выдалбливать, вырезать’ и γλυπτός ‘изваянный, вырезанный’, γλύπτης ‘гравер или скульптор’, γλυφεύς ‘резчик, гравер’ [Дворецкий II: 1322; I: 326]. Примечательно, что в греческом языке одно из наименований мотивировано глаголом со значением ‘лепить’, и скульптура понимается как лепное изображение. В вост.-слав. языках гл. **lěpiti* также является одним из обозначений процесса ваяния: ср. укр. *лінúти*, блр. *ляпíць* [Черных I: 136]. И это может послужить дополнительным типологическим основанием в пользу предположения о связи **vajati* с действием, передаваемым гл. **viti* ‘вить’, ‘плести’, ‘крутить’.

И, как мы попытаемся показать ниже, в пользу сближения с гл. **viti* говорят и собственно языковые факты: семантика производных образований и возможности морфонологических отношений. Диалектная лексика позволяет полнее представить семантику, возможности семантических взаимосвязей в рамках гнезда гл. **viti*, что, в свою очередь, поможет перебросить мостик к словам, этимологизация которых сопряжена с большими трудностями. Лексический материал подтверждает возможность отражения в этой основе корневого вокализма в ступени удлинения по отношению к образованиям с корневым *о*, сохраняющим прозрачные морфонологические и семантические связи с гнездом гл. *вить*.

На базе исходной семантики ‘вить, плести’ у производных образований с корневым *о* развиваются значения, передающие результат этого действия, с последующим переосмыслением и соотнесением с разными реалиями, полученными путем скручивания, плетения. Эта связь находит наглядное отражение в рус. диал. (яросл.) *свой* ‘узелок, сверток’ (< **sъvojь*) [СРНГ 36: 318], с тем же значением *сувóй* ‘свиток, сверток (бумаги, ткани)’ (вост., казан.), ‘узел вещей; что-л. связанное в узел’ (нижегор., яросл., р. Урал), ‘виток, путаные слои древесины, свиль, наплывы на стволах’ [Даль[2] III: 353] и т. д.

Наименование переносится на наметенный ветром снежный сугроб, волнение на море и т.п.: ср. ст.-рус. *сувой* (< **sǫvojь*) ‘сугроб, образованный вихревым движением снега’ (XVII в.), ‘водоворот’ (XVI в.) [СлРЯ XI-XVII вв. 28: 237], с теми же значениями рус. диал. *сувой* ‘снежный сугроб’ (вост., яросл.), ‘водоворот’ (влад., вост., мурман.), ‘волнение в море при столкновении встречных течений при начале прилива’ (арх., беломор.) и т. п. с производным *сувóина, сувóистый* ‘наметенный слоями (о снеге)’, *сувóить* безл. ‘сильно намести, нанося сугробы снега’ [СРНГ 42: 140-141]. Приведенные примеры с корневым **voj-* иллюстрируют одно из направлений в семантическом развитии гнезда слав. **viti* (ср. еще *привой, завой* ‘кривизна пути’ и т. д. с другим преобразованием семантики). Рус. *сувой* в качестве обозначения снежного заноса, сугроба является синонимом к образованиям с тем же префиксом — *субой, сугроб, сумёт, сýверть, сувéли* и т. п. [Горячева 1974: 127-128]. В русских диалектах отмечено *свая* еще в значении ‘ватага, гурьба’, т. е. служит обозначением неопределенного множества людей [Сл. Мордовии II: 1118]. Как видим, сложившиеся на базе гл. **viti* производные с корневым вокализмом *-о-* обозначают нечто объемное, свернутое, свитое в клубок или что-то подобное.

Глагол с вокализмом в ступени удлинения отмечен и в других значениях, на первый взгляд далеко отстоящих от ‘вить, плести’: рус. орл. *сваяться* ‘увянуть (о траве)’, ср. *Сваялася трава* [СРНГ 36: 223], т. е. с утратой свежести поникла, свернулась, и простой бесприставочный гл. *ваять* в значении ‘держать в памяти, помнить’ (ср. *Много вы учитесь, да, а в головы-то это надо ваять* [Сл. Карелии I: 166]), который можно понять как перен. ‘придавать форму мыслям, приводить мысли в порядок’ [Аникин 6: 144]. В этом значении рус. *ваять* можно сравнить с употреблением гл. *wić* в близких контекстах в польском языке: ср. … *co ś. komu w myśli wije* = co mu ś. kręci po głowie, co mu na myśli, co mu przychodzi do głowy; *wije mu ś. to w głowie* [Warsz. VII: 547].

Образования с корневым вокализмом в ступени удлинения находим в зап.-слав. диалектах. Эти образования не столь продуктивны, многие из них, как и образования с корневым *о*, обнаруживают прямую семантическую связь с гл. **viti*: ср. чеш. *vajka* ‘метель, Gestöber, Gewehe’ [Kott IV: 538: Jg.], *vajíř, vajířek, vajerek* ‘веревка, сделанная из грубых обрывков ткани, из лохмотьев’ (Us. u Klat.), устар. ‘вож-

жа’ (Aqu.) [Kott IV: 538]. К этому ряду можно было бы добавить связанное со свадебным обрядом с.-хорв. *сва́а* ‘девушка, которая плетет венок невесте’ [Динић 2008: 744], ср. укр. *вінкоплетниці* [СД 1: 323], хотя в этом случае возникают некоторые трудности с пониманием исходной формы. С.-хорв. *сва́а* отмечено в тимочском диалекте, где *j* часто появляется на месте *х* (ср. *смеј, греј* и т. п.), но немало примеров с утратой *j* в интервокальной позиции (ср. в том же диалекте *ве́е*) [Динић 2008: XIV]. Против исходной формы **сваха* как будто бы говорит и тот факт, что в свадебном обряде свахам /сватам отводилась роль организатора свадьбы: в канун свадьбы не сваха, а подруги находились неотлучно при невесте, они участвовали в перемене головного убора, на одну из подруг невеста надевала венок [СД 4: 560; 3: 384].

В русских диалектах находим еще один ряд образований с корневым *о*, внутренняя форма которых раскрывается в контексте продолжений слав. **vajati*. К числу таких этимологически неясных слов относится рус. *свая* ‘кол, вбитый в землю’. М. Фасмер приводит версии, основанные на сближении с гл. *совать* [Преобр. II: 256] или *ваять, вить* [Горяев 319], ни одна из них не представляется ему убедительной [Фасмер III: 571]. В русских диалектах находим *сва́йка*, в значениях которых присутствует признак, определяемый гл. *вить*, — ‘заостренный металлический стержень для *проверчивания* дыр в парусах и т. п.’ (арх., помор., волж.), ‘деревянный заостренный стержень, которым обдирают лыко, бересту, разделяют вымоченный луб на мочало’ (свердл.), ‘инструмент в виде кривого шила для *плетения* лаптей’ (брян., калуж., орл., тул., ворон.) [СРНГ 36: 204]. Свая в виде стержня вбивается, вкручивается в землю. Сходную функцию выполняет производное с тем же корнем в с.-хорв. *ѝзвајац* ‘отвертка’ [Речник VII: 314]. В качестве семантической параллели можно привести рус. диал. з*акру́та* ‘стержень, которым что-л. *закручивают*’ [СРНГ 10: 168]. В диалектах *сва́йка* является синонимом слов, производных от *свали́ть* в значении, передающем идею соединения, сбивания путем валяния шерсти, войлока и т. п. (ср. *сваливать вместе* ‘соединять шитьем, сшивать что-н.’), — *свал, сва́ла, сва́лик, свали́на* ‘нарост на дереве (обычно на березе), «свал состоит не из особой ткани, а из дерева же, только несравненно крепчайшего, потому что волокна в нем все *перевиты* и перепутаны»’ (урал., перм., олон., сев.-двин., якут. и др.) [СРНГ 36: 204, 205, 207]. В северных диалектах отмечено *свач*

‘бревно, вбитое в землю’ [СРНГ 36: 222: арх., сев.-вост. край], которое можно понять как результат развития из **sъvajačь*.

Как видим, гл. **vajati* в качестве термина ваяния, изготовления скульптуры является одним из ответвлений большого этимологического гнезда гл. **viti*. Закрепившись в качестве термина, глагол отпочковался от исходной основы и от образований той же структуры с общей семантикой свивания, плетения. Можно думать, что близкие по форме и значению образования угро-финнских и тюркских языков способствовали развитию в части ю.-слав. ареала специального значения, закреплению этого глагола за обозначениями объемных произведений, созданных путем высекания из камня, лепки и т. п.

Слав. **pajiti* / **pojiti* ‘удаваться, везти’

Диалекты остаются ценным источником наших знаний о семантическом наполнении отдельных слов и в целом гнезда родственных образований. Мотивация некоторых линий семантических преобразований получает объяснение на широком славянском фоне, при сопоставлении с материалом из всех славянских языков. Именно с подключением славянского фона становятся понятными значения, для которых утрачена или ослаблена мотивационная база в рамках одного языка. Так, несколько особняком в русских диалектах стоят гл. *паить* в простом виде и с префиксами в значении (безл.) ‘удаваться, везти’, ср. *Последнее время мне что-то не паит* (костр., яросл., волог., новг.), *Жизнь не па́ит* (вят.) [СРНГ 25: 151], *попаи́ть* ‘повезти (об удаче в чем-л.)’ (яросл.), *запаи́ть* ‘повезти, посчастливиться’ [СГРС IV: 145: влг.], *попаи́ться* ‘посчастливиться, удаться’ (яросл.) [СРНГ 20: 296] и производные *паи́стый* ‘удачливый, счастливый’ (якут.) [СРНГ 25: 151], *па́ичка* м. и ж. р. ‘возлюбленный (-ая)’ (твер., калин., новг., пск.), ‘умница, хороший человек’ (новг.) и т. п. [СРНГ 25: 152]. Вероятно, к этому же ряду принадлежит *па́ить* в выражении *па́ить дитя по головке* ‘гладить дитя по головке и баловать’ [Даль], *па́ить* ‘ласкать’ [Сл. Мордовии II: 778] и *паи́ть* ‘лупить, бить’ (ленингр.) [СРНГ 25: 151]. В словаре В. И. Даля находим только гл. *паи́ть* ‘удаваться, везти’ в одном гнезде с *пай* ‘часть, доля’ [Даль2 III: 9], однако трудно принять объяснение русского диалектизма через *пай*, поскольку последнее относится к тюркизмам, ср. тур., тат. *pai* ‘часть, участок, пай’ [Фасмер III: 187].

Семантику русского диалектизма, его связь с гл. *поить* помогает, в частности, понять польск. гл. *napawać*, который имеет форму итератива на -*vati* от **pajati* ~ **pojiti* с широким кругом значений, позволяющими проследить все ступени преобразований исходного гл. **piti*: с XV в. ‘поить, давать пить’, в XVI в. также ‘наполнять (водоём, водохранилище)’, ‘насыщать, смачивать’, устар. ‘вызывать проникновение жидкости, влаги’, книж. перен. *napawać kogo czym* книж. ‘наполнять, преисполнять кого чем, вселять в кого что’, *napawać kogoś dumą* ‘вызывать чувство гордости у кого-л.’, *napawać kogoś otuchą* ‘вселять бодрость в кого-л., ободрять кого-л.’, *napawać oczy (wzrok) widokiem czegoś* ‘наслаждаться видом чего-л.’ [Boryś 2005: 351], *napawać s czym* перен. ‘наслаждаться, растворяться, подниматься над чем’, *napawać* перен. ‘проникнуться чем, пропитаться чем’, *napoić kogo czym* ‘проникнуться внедрить, привить’ [Warsz. III: 127]. Собственно результатом той же семантической эволюции стало чеш. *opojiti* с вокализмом *o* в значении ‘наполнить светом, счастьем, радостью’ [Kott II: 389]. Развитие семантики шло в направлении ‘напоить, утолить жажду’ > ‘напоить допьяна, охмелить’ > ‘замутить сознание хмельным напитком, одурманить’ > ‘очаровать, вызвать ободряющее чувство’ > ‘удаваться, везти’. В таком контексте семантических отношений получает объяснение цслав. *упоéнье* ‘восхищенье, восторг, нравственное, духовное охмеленье’, др.-рус. цслав. **ѹпоити** ‘опьянение’ и ‘напоить, полить’, ‘насытить’, **ѹпаѩти** ‘напоить’ [Срезневский II: 1240, 1238]. Становление нового значения (с середины XVIII в.) ‘состояние восторга, восхищения, экстаза; испытывающий упоение’ в русском языке произошло не без влияния франц. *énivrement* [Копорская 1988: 110].

Словен. *práha*

В словаре Плетершника [Plet.[2] II: 208: Levst.] отмечена лексема *práha* в значении ‘в брачный период отлет, отделение пчелы-матки для оплодотворения: *matica še nima prahe (še ni oplemenjena), matica gre na praho*’. Ф. Безлай соотносит *práha* с гл. *prašiti se, zaprašiti se* ‘прыгнуть, броситься, разбежаться’ и предполагает родство с цслав. **испръгнѫти** ‘выскочить’, польск. диал. *pierzgnąć* с тем же значением, которые семантически близки двум основам — **(s)prūg-* (рус. *прыгать*) и **prǫg-*, в то же время Ф. Безлай допускает первонач.

**(s)prōg-* (?), сопровождая реконструкцию знаком вопроса, но в той же словарной статье указывает и на *prâh* ‘pulvis’ [Bezlaj III: 101]. Представляется наиболее вероятным последнее предположение об исходном **porxъ*, хотя и высказанное очень неуверенно, но известен гл. *prašíti se* ‘вылетать, отделяться (о пчелах)’ [Plet.[2] II: 210]. Заметим, что в некоторых сербских говорах в Воеводине по сходной модели оплодотворение пчелиной матки обозначается гл. *ȍсеменити се* (у буњевачком пункту), а в значении ‘отлет пчелы на оплодотворение’ отмечены две лексемы *свȁдба* и *свȁдбѐни пут*, с вариантом в ударении в ю.-вост. Банату *свадбѐни пут* [Недељков 2009: 93-94]. В связи с этим заслуживает внимания рус. диал. *порошéние* ‘в свадебном обряде — приход ряженых соседей (главным образом женщин) в дом’ (яросл., костр.) [СРНГ 30: 86]. В одном случае наблюдается включение исходного **porxъ/*porxa* в народную терминологию, связанную с пчелами, а в другом — образ оплодотворения перенесен на молодые пары в свадебном обряде, и приход ряженых в дом как пожелание большого потомства.

Словен. *priklútiti*

Этот глагол в словаре Плетершника [Plet.[2] II: 310: Caf] проиллюстрирован одним примером — *mladice se na divjak priklutijo* ‘молодые побеги приспосабливаются к дичкам’. Гл. **klútiti* в простом виде не засвидетельствован. Не обнаружены близкие образования за пределами словенского языка. М. Сной исходит из первонач. формы **pri-kútiti se* ‘притопать, прибрести откуда-то’, антоним *s-kútiti se* ‘оставить гнездо, семью’, *skûtnik* ‘пасынок’. По мнению М. Сноя, появление *l* между *k* и *u* имеет ту же природу, что и в словен. диал. *sklútiti* ‘вызывать отвращение’. Менее вероятным признается объяснение из неподтвержденного **(pri-)kъl-utь* ‘черенок, побег’, связанного со словен. **pri-keliti* ‘прилепить’ от **kъlъ* ‘клей’ [Bezlaj III: 122].

Представляется возможным с несколько иных позиций подойти к истолкованию словенского глагола. Для понимания того конкретного действия, которое передается глаголом, возможности приведенного контекста весьма ограничены. Но известно, что *прививать дерево* значит прищеплять, насаживать и приращивать черенок, срезанный с другого однородного дерева, *прививка глазком* — это когда

росток с частью коры, вырезанный из культурного дерева, вставляется, всаживается в надрез, сделанный в дичке [Даль[2] III: 402]. Можно думать, что в переводе текста стерты признаки, определяющие семантику глагола, передающего сам процесс прищепления, прикрепления черенка, т. е. черенок прикрепляется к расщепленной части однородного дерева. Признак, существенный для изначальной семантики глагола, находит отражение в прилаг. *klutav* ‘хромоногий’, при хромоте человек передвигается, припадая на одну ногу, т. е. сгибаясь. Можно предположить, что гл. *pri-klutiti* сложился на базе и.-е. корня **kleu-*/**klou-* ‘гнуть’ (ср. чеш. *kleviti se* ‘сгибаться, гнуться’, словац. *kl’aviet*’ ‘цепенеть, коченеть (от холода)’ [ЭССЯ 10: 18]), который получает разные форматы *-k*, *-p* (ср. **kl’uka*, **klupati*), в том числе суф. *-tъ*, ср. образования с тем же суффиксом: праслав. **koltъ*, **brutъ*, **slutъ* и т. п. [Sławski. Zarys 2: 35-38]. В словенском языке прямым производным от **klutъ* может быть засвидетельствованное только у Мегисера прилаг. *klutav* ‘хромоногий, claudus’. При таком понимании структуры **klutъ* отпадает необходимость в объяснении из **kljukav* с частым переходом *-k-* > *-t-*, ср. *kljukast* ‘aduncus’ [Bezlaj II: 47]. Если наше предположение верно, то словенские образования расширяют состав праславянских производных на *-tъ*.

Литература

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1-8-. М.: Изд-во «Рукописные памятники Древней Руси», 2007-2014-.

Брандт Р. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича // РФВ XXV, 1891.

Геров Н. Речник на българския език. Т. 1-6. София: Български писател, 1975-1978.

Горяев Н. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Тифлис, 1896.

Горячева Т. В. К этимологии русск. диал. *суве́ли* // Этимология 1974. М.: Наука, 1976.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I-IV. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей (репринт), 1981-1982.

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Под редак-

цией С. И. Соболевского. Т. I-II. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958.

Динић Ј. Тимочки дијалекатски речник // Институт за српски језик САНУ. Монографије 4. Београд, 2008.

Жугић Р. Речник говора Јабланичког краја / Главни уредник А. Младеновић // СДзб LII. Београд: Српска академија наука и уметности, Београд, Кнез-Михаилова 35 и Институт за српски језик САНУ. Београд: Ђуре Јакшића, 2005.

Златанић М. Речник говора јужне Србије. Издавачки одбор: др. Тихомир Петровић, уредник, др. Момчило Златановић и др. Врање: Издавач Учитељски факултет, 1998.

Копорская Е. С. Семантическая история славянизмов в русском литературном языке нового времени. М.: Наука, 1988.

Недељков Љ. Архаична пчеларска лексика у Војводини. Нови Сад: Филозофски факултет, Одсек за српски језик и лингвистику, 2009.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. I-II. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. Окончание / Труды ИРЯ Т. I. М., 1949.

Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. I–XV-. Београд: Институт за српскохрватски језик, 1959–1996–.

Славянские древности. Т. I–VI. М.: Международные отношения, 1995–2012.

Словарь русских говоров русских говоров на территории Мордовии. Т. I–II. СПБ.: Наука, 2013.

Словарь русских народных говоров. Ред. В. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1–46–. Л., СПб.: Наука, 1965–2013.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–6. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1994–2005.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–29–. Ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелев, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько. М.: Наука, 1975–2011.

Срезневский И. И. Материалы для древнерусского словаря по письменным памятникам. Т I–III. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893–1903 (= 1958, 1989).

Стојановић Р. Црнотравски речник // СДзб LVII. Београд, 2010.

Трубачев О. Н. О составе праславянского словаря (Проблемы и задачи) // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. М.: Наука, 1963.

Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М.: Наука, 1966.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. 2-е издание. М.: Прогресс, 1987.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М.: Русский язык, 1994.

Чирић Љ. Говор Лужнице // СДзб XXIX. Расправе и грађа. Београд, 1983, 156.

Чичагов В. К. О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова «ружье» // Ученые записки МГУ 1952. Вып. 150. Русский язык. Изд. Московского университета.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–39–. Отв. ред. акад. О. Н. Трубачев, д. ф.н. А. Ф. Журавлев. М.: Наука, 1974–2014–.

Bezlaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. T. I–IV. Ljubljana: Mladinska knjiga + Založba ZRC, 1976–2007.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005.

Kott F. Česko-německý slovník. D. I–VII. Praha: Kolár, 1878–1893.

Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. T. I–II. Transliterirana izdaja. Uredila M. Furlan. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU, 2006.

Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskego. In: Słownik prasłowiański. T. II. Wrocław etc.: Zakład Narodowy im. Ossolinskich, 1976.

Сокращения

БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–7-. София: Издателство на Българската Академия на науките / Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1971–2010-.

ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Seš. 1–16–. Hl. red. E Havlová, A. Erhart, I. Janyšková. Praha: ACADEMIA. Nakladatelství Akademie věd České Republiky, 1989–2012–.

RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Vol. 1–23. Zagreb, 1880–1976.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae Palaeoslovenicae = Словарь старославянского языка. Т. I–IV. СПб., 2006.

Warsz.: Słownik języka polskiego. Ułożony pod redakcją J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego. Wydanie fotooofsetowe. T. I–VIII. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1952.

Liubov V. Kurkina
Vinodradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
lyukurkina@rambler.ru

ETYMOLOGICAL NOTES ON SLAVIC LEXICON

The subject of this etymological study consists of several lexemes with internal forms not clear to etymologists: 1) The author proves the linguistic affinity of Russian adv. *naruzhu* ‘outwards, outside’ and Russian dialectal n. *ruzh*’ ‘appearance, an exterior’ as well as Bulgarian v. *rúzha* (*se*) ‘to be going to do something, to prepare (be prepared), to equip (be equipped)’, Serbian vv. *orúzha* (*se*) ‘to put the house in order’, *oruzhúe* (*se*) / *oruzhúye* (*se*) ‘to put in order’ etc. within the lexical family of Common Slavic **obrǫga* (Russian dial. *obruga* ‘a head-dress, a head-gear, a hat’), **obrǫžьje* (Old Church Slavic *orǫzhie* ‘a kind of weapon, a sword’), **obrǫžati* (*sę*) (Serb-Croat *orùzhati* ‘to arm’, *orúzham se* ‘to put on’) etc. with a root **rǫg-*, cognate to Lithuanian v. *reñgti(s)* ‘to be going to do, to equip (be equipped), to arrange (be arranged), to dress, to put on’, n. *aprangà* ‘equipment, clothes’ etc.; the general meaning ‘to equip, put in order, give appearance’ covering all the set of realities became a starting point for development of meaning ‘appearance’; 2) The interpretation of Common Slavic term of sculpturing **vajati* within the paradigm of v. **viti* is based on Russian dialectal n. *svaya* ‘a crowd, a band’ with lengthening of the root vowel and Old Russian n. *suvoy* (< **sǫvojь* ~ **viti, *vojь*) ‘snowdrift’, Czech n. *vajka* ‘a snow-storm’,

Serb-Croat n. *svǽa* ‘the girl who plaits a wreath for the bride’ etc. and some extra-linguistic facts; 3) The general line of semantic development towards the meaning of ‘to manage; to carry’ is traced for verbs **pojiti*: **pajiti* in Slavic dialects; 4) The author argues that Slovene n. *práha* ‘der Ausflug der Bienen’ is closely connected to v. *prašiti se* ‘to take off, be separated (about bees)’ and Russian dialectal n. *poroshenie* ‘a ritual in wedding ceremony’; 5) The author assumes that the etymologically unclear Slovene v. *priklútiti* ‘about an inoculation of a young tree’ is close to Serb v. *sklutam (se)* ‘to attract (be attracted), to fit, to adhere’, and proposes an etymological explanation on the basis of the I.-E. root **kleu-/*klou-* (cheh. чеш. *kleviti se* ‘bend, bended’), expanded by a suffix *-tъ*, compare Common Slavic **koltъ, *brutъ, *slutъ* etc.

Key words: Etymology, reconstruction, word family.

References

Anikin A. *Russkii etimologicheskii slovar’* [Russian Etymological Dictionary]. Iss. 1–8–, Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2007–2014-.

Bezlaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Etymological Dictionary of the Slovenian Language]. Vol. I–V, Ljubljana, 1976–2007.

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Cracow, Literary Publisher Publ., 2005, 860 p.

Brandt R. [Additional Notes to the Review of Etymological Dictionary by Miklosich]. *Russkii filologicheskii vestnik*. [Russian Philology Bulletin]. Vol. XXV, 1891. (In Russ.)

Bŷlgarski etimologichen rechnik [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol. 1–7-, Sofia, Bylgarian Academy of Sciences, Academic Publishing «Prof. Marin Drinov» Publ., 1971–2010-.

Chernyh P. Y. *Istoriko-etimologichekii slovar’ sovremennogo russkogo yazyka* [Historico-Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. I–II, Moscow, Russkii yazyk Publ., 1994.

Chichagov V. K. [On some issues in Russian language history in connection with history of the word *ruzhyo* ‘gun, rifle’]. *Uchenye zapiski MGU. Vyp 150. Russkii yazyk.* [Memoirs of MGU. Issue 150. Russian Language]. Moscow, Moscow State University Publ., 1952. (In Russ.)

Chirich L. [Dialect of Luzhnica]. *Srpski dialektoloshki zbornik* [Serbian Dialectological Papers]. Vol. XXIX, Belgrade, 1983. (In Serb.)

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar` zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, St.-Petersburg; Moscow, 1880–1882.

Dinich J. [Dictionary of Timok Dialect]. *Srpski dialektoloshki zbornik* [Serbian Dialectological Collection]. Vol. XXXIV, Belgrade, 1988. (In Serb.)

Dvoretskii I. Kh. *Drevnegrechesko-russkii slovar'* [Ancient Greek-Russian Dictionary]. Sobolevskii S. I. (Ed.) Moscow, 1952–1958. Moscow, 1958.

Etimologicheskii slovar' slav'anskih yazykov. Praslav'anskii leksicheskii fond [Etymological Dictionary of Common Slavic. Common Slavic Lexical Stock]. Vol. 1–39–, Moscow, Nauka Publ., 1974–2014–.

Etymologický slovník yazyka staroslověnského [Etymological Dictionary of Old Church Slavic Language]. Iss. 1–16-, Praha, 1989–2012–.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, Moscow, Progress Publ., 1964–1973.

Gerd A. S. (Ed.). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of Russian Dialects in Karelia and Neighboring Regions]. Vol. 1–6, St.-Petersburg, Publ. of St.-Petersburg University, 1984–2005.

Gerov N. *Rechnik na bylgarskiia ezik* [Dictionary of the Bulgarian Language]. Vol. 1–6, Sofia, Bylgarski pisatel Publ., 1975–1978.

Goryacheva T. V. [On the Etymology of Russ. dial. *suveli*]. *Etymologiia 1974* [Etymology 1974]. Moscow, Nauka Publ., 1976.

Goryaev N. *Etimologicheskyi slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Tiflis, 1896.

Koporskaya Ye. S. *Semanticheskaya istoriya slavianizmov v russkom literaturnom yazyke novogo vremeni* [Semantic History of Old Church Slavic Words in Russian Literary Language of Modern Times]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 232 p.

Kott F.St. *Česko-německý slovník* [Czech-German dictionary]. Praha, Knihtiskárna Františka Šimáčka Publ., 1884.

Nedel'kov Lj. *Arhaichna pchelarska leksika u Vojvodini* [Archaic Lexicon of Honey Production in Voivodina]. Novi Sad, 2009.

Pleteršnik M. *Slovensko-nemški slovar* [Slovenian-German Dictionary]. Vol. I–II, Ljubljana, 2006.

Preobrazhenskii A. G. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Printing house of G. Lissner and D. Sovko, 1910–1949. (Phototypical reprint: 1959). 674 p. + V p.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika [Dictionary of the Croatian, or Serbian, Language]. Vol. I–XV, Zagreb, 1880–1976.

Slavianskie drevnosti [Slavic antiquities]. Vol. I–VI, Moscow, International Relations Publ., 1995–2012.

Sławski F. [An Essay on Word Formation in Common Slavic]. *Słownik prasłowiański*. [Common Slavic Dictionary]. Vol. II, Wrocław, etc., 1976. (In Pol.)

Slovar' russkich govorov na territorii Respubliki Mordoviya [Dictionary of Russian Dialects in the Republic of Mordovia]. Vol. I–II, St.-Peterburg, Nauka Publ., 2013.

Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Iss. 1–46–, Leningrad- St.-Petersburg, Nauka Publ., 1965–2013–.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictonary of the Russian Language of the 11th-17th centuries]. Iss. 1–28–, Moscow, Nauka Publ., 1975–2011–.

Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae Palaeoslovenicae = Slovar' staroslavjankogo yazyka [A Dictionary of Old Church Slavic Language]. Vol. I–IV, St.-Peterburg, 2006.

Słownik języka polskiego [A Dictionary of the Polish Language]. Vol. I–VIII, Warszawa, 1952.

Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. Vol. I–III, St.Petersburg, Publ. of the department of Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences, 1893–1902. (=1958, 1989).

Stojanovich R. [The Dictionary of Crnotrav]. *Srpski dialektoloshki zbornik* [Serbian Dialectological Papers]. Vol. LVII, Belgrade, 2010. (In Serb.)

Trubachev O. N. [On the Makeup of the Common Slavic Dictionary (Problems and Aims)]. *Slavyanskoe yazykoznaniye. V Mezhdunarodnyi syezd slavistov.* [Slavic Linguistics. The 5th International Congress of Slavists]. Moscow, 1963. (In Russ.)

Trubachev O. N. *Remeslennaya terminologiya v slavyanskikh yazykakh* [Crafts Terminology in Slavic Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1966.

Zhugich R. [Dialectal Dictionary of Yablanica region]. *Srpski dialektoloshki zbornik* [Serbian Dialectological Collection]. Vol. LII, Belgrade, 2005. (In Serb.)

Zlatanich M. *Rechnik govora Yuzhnoi Serbii* [Dialectal Dictionary of Southern Serbia]. Vranye, 1998.

А. Лома
Институт сербского языка САНИ
(Сербия, Белград)
loma.aleksandar@gmail.com

ЕЩЕ РАЗ О ПРИЗРАКАХ: ВО СНЕ, НАЯВУ, В ЭТИМОЛОГИИ
серб., болг. *неведа*, серб. *авед*, *ав(ij)ест*, авет, укр. диал. *я́вида*, русск. диал. *я́видь*, лит. *óvaidas* [1]

В данной статье пересматривается этимология южнославянского фольклорного термина *неведа* ‘сверхъестественное существо, причиняющее зло, несчастье’, до сих пор толкуемого как сложение отрицательного **ne-* с глагольной основой **vĕd-*. Допускается, что это позднее, только с двадцатого столетия засвидетельствованное слово видоизменено из **дневеда* < **dьne-vĕda* ‘дневной призрак’, являющегося вариантом балтославянского сложного **āvi-vaidas* ‘явный призрак’, отраженного в лит. *óvaidas* ‘страшный шалун, сорванец’, серб. диал. *а̀вед* ‘призрак, привидение, страшилище’, укр. диал. *я́вида* ‘черт’, русск. диал. *я́видь* ‘змея, которая водится в тундрах’. Замечается, что в балтославянском *vaida-* ‘призрак’, подобно тому как и в древнеиндийском *véda-* ‘знание, полученное от богов путем откровения’, значение праиндоевропейского корня **u̯oid-* / **u̯eid-* / **u̯id-* сузилось на восприятие сверхчувственного.

Ключевые слова: этимология, славянская, балтийская, сложные слова, демонология.

---

[1] Работа выполнена в рамках проекта н. 148004 «Этимологические исследования по сербскому языку и разработка Этимологического словаря сербского языка», финансируемого Министерством науки Республики Сербии. В заглавии статьи «еще раз» относится к работе [Белетич, Лома 2013].

В Этимологическом словаре славянских языков реконструировано прасл. **nevěda* на основе болг. *невѐда* ж. ‘незнание’, чеш. *nevěda* м. ‘недоучка, невежда’, польск. диал. *niewiada* м. ‘выродок’, нареч. ‘неизвестно’, словин. *ńéveda* то же [ЭССЯ 25/1999: 65]. В данной статье не учтены все южнославянские формы и значения рассматриваемого слова. В четвертом выпуске болгарского этимологического словаря [БЕР 4/1995: 584–585] кроме *невѐда* (2) ‘незнание’ и *нѐведа* ‘невежда’ (не отмеченного в ЭССЯ) есть и особая статья *невѐда* (1), основанная на словосочетании *хала и неведа*, *али и неведи* в говорах западной Болгарии и восточной Сербии.[1] Более полные данные собраны П. Ивичем в пробном выпуске сербского этимологического словаря.[2] Он там обнаружил южнославянский диалектизм *неведа* ‘несчастье, злая сила; неземное, сверхъестественное существо, причиняющее зло, несчастье’, распространенный в ареале, охватывающем юго-восточную Сербию и западную Болгарию (так называемые шопские говоры), употребляемый по преимуществу (почти исключительно) вместе с *(х)ала* ‘дракон, змей; непогода; обжора’ в устойчивых сочетаниях типа серб. *Нек га носе але и нѐведе*, болг. *Да ойде сичко по али и невѐди*.[3] И авторы БЕР и Ивич согласны в том, что речь идет о сложении отрицательного **не-* с глагольным корнем **věd-*, но расходятся в последующей интерпретации. Авторы БЕР считают, что это табуистическое слово, образованное от существительного *вѐда* ‘ведьма’, тогда как Ивич исходит из отрицательной формы глагола **ne věděti* и интерпретирует *неведа* как ‘что-то незнакомое (зло, существо)’. В этом же пробном выпуске находится и другая авторская статья Ивича — *веда*, где заглавное слово, обозначающее лесное мифологическое существо, вместе с серб. *вједа* ‘призрак’, болг. *вѐда*, чеш. *věda* ‘ведьма’ и русск. *ведьма*, этимологизируется как ‘ведающая’ [ЕРСЈ ОС: 13–14]. Следовательно, одно и то же **věda* Ивич толкует по-разному: непосредственно отраженное в форме *в(ј)еда* — как действительный, а в отрицательном варианте *неведа* — как страдательный залог. В пользу отглагольного, а не отыменного происхождения слова *неведа* говорило бы парал-

[1] Первое свидетельство из сербского говора Пирота; другие — из говоров окрестностей Софии и Перника.

[2] *Ивић П.* неведа [ЕРСЈ ОС: 58–59].

[3] Грависом здесь отмечено экспираторное ударение, характерное для данной диалектной зоны.

лельное существование *о*-основы мужского рода в болг. диал. *нѐвед* ‘злой дух’,[1] серб. *нѐвед* в сочетании *прај невед* ‘делает глупости, поступает вопреки разуму, ведет себя непристойно’ (Пирот).[2] Следует подчеркнуть, что и в случае слова **nevěda* ‘невежда’ ученые расходятся в интерпретациях.[3]

Существенный вклад в дискуссию внесла своими работами Марта Белетич, сначала опосредованно, показав, что слово *(х)ала* представляет собой не заимствование из турецкого, а праславянский диалектизм [Бјелетић 2002, 2004], ср. и [ЕРСЈ 1: 96–97 s.v. *ала*[2]] — и что, следовательно, сочетание *хале и неведе* является более древним, чем до тех пор предполагалось — а потом и непосредственно, в статье, посвященной изучению семантики прасл. **věd-* [Бјелетић 2008]. Там она, между прочим, обратила внимание на сербское диалектное слово *àвед*[4] ‘призрак, привидение, страшилище’, отмеченное, вместе со своими производными *àведан*, *-дна*, *-дно* ‘прожорливый, ненасытный’, *àведник* м., *àведница* ж. ‘прожора’, в говоре деревни Каменица возле Ниша (ю.-вост. Сербия).[5] С оговоркой, что

[1] [БЕР 4: 585], где данное слово отделяется от омонимичного *невед* ‘невежда’ и допускается, что оно могло бы быть вторичным образованием от *неведи*, мн. ч. от *невѐда* или сложением **ne-* и существительного **vědъ*, отраженного в др. чеш. *věd* ‘чародей’.

[2] Ивић, там же. Чакавское слово *нѐвид* ж. ‘невидимый дух’, послужившее в [ЭССЯ 25: 79] вместе с русск. диал. *нéвидь* ‘тьма, непроглядный туман’ основой для реконструкции прасл. **nevidь*, можно с большей вероятностью возвести к **nevědь*, причем признак невидимости объяснялся бы вторичным переосмыслением [Бјелетић 2008: 102]. Для варианта *невида*, отмеченного в РСА, источником является описание связанных со змеем поверий из Сврлига в восточной Сербии, опубликованное в журнале Босанска вила 1894, стр. 183, где он дан в скобках, как авторское пояснение реальной формы *неведа*: «*але и неведе (невиде)*». Гапакс *невада* в сочетании *ала и невада* из той же части Сербии Ивич считает окказионализмом, но одновременно указывает на топонимы *Невада* в Герцеговине и южной Сербии, *Неваде* в западной Сербии (последний засвидетельствован в конце XIV века), которые более убедительно проэтимологизированы О. Н. Трубачевым как южнославянские соответствия русск. диал. *невáда* ж. ‘участок за селом, огороженный для скота’ [ЭССЯ 25: 63 s.v. **nevada*].

[3] Трубачев обсуждает его как сложение **ne-* и **věda* [ЭССЯ: там же], тогда как Вайан относит чеш. *nevěda*, польск. *niewiada* к поствербальным образованиям от (*ne*) *věděti* [Vaillant 1974: 96–97]. Грамматическое определение самого **věda*, **vědъ* неоднозначно; ср. с. хорв. гапаксное *вjедùна* ‘дух ведьмы’, ударение которого, если верно обозначено в РСА (2: 690а), указывало бы на то, что *вjеда* ощущалось и как прилагательное женского рода.

[4] См. примечание 3 на с.231.

[5] Там же, 101–103, где источником является [Јовановић 2004: 23]. М. Белетич предполагает (там же, 101), что значение производных развилось под влиянием слова *(х)ала* (употребляемого, как сказано, в устойчивом сочетании с *неведа*).

не исключена возможность интерпретации *авед* как вторичного варианта от *авēт* ‘то же’, автор рассматривает это слово внутри гнезда прасл. **věd-*, подчеркивая его параллелизм не только с другими с.-хорв. словами, обозначающими призрак, привидение: *авиjест*, *в(j)ед(а)*, вид, но и с укр. диал. *я́вида* м. ‘черт’, русск. диал. (арх.) *я́видь* ж. ‘змея, которая водится в тундрах’.

Восточнославянские слова О. Н. Трубачев в [ЭССЯ 1: 94] реконструирует как **avida* и **avidь*, сопровождая обе реконструкции вопросительным знаком, не только из-за сомнения в праславянской древности лежащих в их основе гапаксов, но и из-за колебания по поводу изначальной структуры данных слов. С одной стороны, он допускает префиксальное сложение **a-vid-* от **viděti*,[1] с другой — **avi-vid-* ‘тот, кто привиделся наяву’, где первый член связан с **aviti (sę)* ‘явить(ся)’, *avě* ‘явно, наяву’, ввиду литовского слова *óvaidas* ‘страшный шалун, сорвиголова, сорванец’, этимологизируемого как **ovi-vaidas* ‘являющийся наяву’, ср. в литовском исконные балтские слова *ovyje* ‘наяву’ (противоположное к *sapnè* ‘во сне’), *ovytis* ‘являться’, *vaĩdas* ‘привидение, призрак’ [Fraenkel 1962: 519], и гибридное словосложение *jevaidas* то же, восходящее к **jeva-vaidas*, где первым членом является заимствование из славянского **java*, однозначного и однородного с **ovi-* в *ovyje* и **ovi-vaidas*.[2]

Если в литовском развитие **ovi-vaidas* в *óvaidas*[3] объясняется гаплологией, серб. диал. *àвед* можно возвести к той же балто-славянской праформе **āvi-vaidas* путем вполне закономерной утраты слабого редуцированного в прасл. **avьvědъ*.[4] Таким способом выявляется предположительная балто-славянская изоглосса **āvi-vaid-*, охватывающая кроме славянского юга и восток, если допустить, что *-и-* в укр. *я́вида*, русс. диал. *я́видь* путем диалектного развития или вторичного изменения восходит к прасл. **ě* из балт.-слав. **ai* < праие. **oi*.[5] Встает вопрос о значении древнего сложного слова. Труба-

[1] Относительно «архаического префикса *a-* со значением приблизительности» ср. там же, например, статью **agolvo*, стр. 61.

[2] Там же 194.

[3] Тем же способом объясняется и *jevaidas* < **jeva-vaidas*.

[4] Такая праформа, а не предполагаемая Трубачевым **avivid-*, отвечала бы точно литовской.

[5] Апофонический вариант **āvi-veid-* возможен, но менее вероятен. Ср., однако, как будто антонимическое **sъno-vid-* в др.-русск. имени собственном *Сновид* (см. [Тупиков 2004 : 365]).

чевское истолкование ‘тот, кто привиделся наяву’ кажется в основе правильным, но оно нуждается в дополнительном пояснении. Решение проблемы зависит от ответа на вопрос, какого рода видение, в данном случае, обозначается корнем **veid-* / *vaid-*. Если бы оно было только простым восприятием чего-нибудь зрением, тогда не нуждалось бы в дополнении ‘наяву’, из чего следует, что балто-слов. **vaida-* не то, что воспринимается глазами при дневном свете, а скорее то, что привидится ночью, снится, видится во сне или в трансе, иными словами — сновидение, призрак. Но есть и случаи, когда человеку то, что обычно является предметом сновидений или эзотерического опыта — мертвые, сверхъестественные существа — чудятся наяву, или когда он в речи сравнивает реальных людей с такого рода видениями, например, *превратился в призрак* (о сильно похудевшем). В таких случаях имеет смысл подчеркнуть явственность (при)видения. В словаре Йовановича приведенный пример употребления слова *авед* звучит так: *Нацерѝл се како а̀вед* ‘ощерился как призрак’. Литовское *óvaidas* тоже подчеркивает необычные, потусторонние моменты в поведении человека, ср. серб. отыменный глагол *аветати* буквально ‘вести себя как призрак (*авет*)’, оттуда ‘дурачиться, делать и/ли говорить глупости; бродить, особенно ночью’ и т. п. Кажется, что в данных контекстах в балто-славянском противопоставлены друг другу два индоевропейских корня, обозначающие видение: **H₁eu-*, непосредственно отраженный в вед. *uvé*, хетт. *uhhi, autt, uwanzi* [LIV 243], а опосредованно в прасл. **avě*, лит. *ovyje*, др.-инд. *āvíṣ* ‘наяву’, авест. *āuuiš* то же, и более распространенный **u̯eid-*, причем значение последнего в отглагольном имени **u̯oid-o/ā-* ограничено (визуальным) восприятием сверхчувственного. Это же слово приобрело сходный оттенок значения в древнеиндийском, где *véda-* м. ‘знание, полученное от богов путем откровения (шрути)’ противопоставлено ‘запоминаемому’ (смрити), т.е. человеческому преданию.[1] Вышеупомянутое серб. диал. ек. *а̀вијест*,

[1] В [NIL 719] между словами, отражающими пра-и-е. **u̯óid-o-*, кроме лит. *vaĩdas* ‘Gespenst, Erscheinung’ отмечено только др.-инд. вед. *véda-* m. ‘Wissen’ и мл.-ав. *vaēδa* ‘Finden, Erlangen’, тогда как др.-ав. омоним *vaēδa-* ‘Finder’ отнесен к **u̯oid-ó-*. Вышеупомянутые праславянские слова, простые и сложные, восходящие к **(-)vědа*, **(-)vědъ*, там не приняты во внимание. Если простое **vědа* в значении ‘знание, наука’ (чеш. *vědа*, оттуда слов. *vẹ́da*) является неологизмом, кажется, что в основе названия сверхъестественного существа (с.-хорв., болг. *веда*, чеш. *vědа* ‘ведьма’) лежит значение ‘сверхчувственное восприятие’, которым объясняются прилагательные с.-хорв.

эк. *ȁвест*, *-сти* ж. возводимо к варианту того же балтославянского словосложения **āvi-vaid-ti-*[1] в обоих своих употреблениях: ‘сознание, рассудок’ и ‘привидение, призрак’, из которых первое объясняется общим, а второе — суженным значением прасл. **vĕd-*.[2]

Балто-слав. **āvi-* в **āvi-vaid-* можно толковать двояко: как именную основу на *-i*, отраженную в прасл. **avь* (> с.-х. *jâв* ж., польск. *jaw*, *jawi* ж., русск. диал. *на яви*), также в лит. прилагательном *ovyje*, восходящем к местному падежу *i*-основы, или как местный падеж атематической основы и.-е. **āu̯-*,[3] ср., среди сложных слов типа татпуруша, подтип др.-инд. *ratheṣṭhá-*, мл.-авест. *raθaēštā-* ‘стоящий на колеснице (**rotH₂oi* loc. sg.)’. Подобная дилемма связана с интерпретацией древнего сложного слова **noktьlĕgъ*, содержащего, в качестве первого члена, или балто-славянскую *i*-основу **nakti-* (лит. *naktìs*), или местный падеж первичной основы на согласный и.-е. **nokt-*, впоследствии переобразованной в основу на *-i*.[4] В пользу последней возможности говорит вариант **noslĕgъ*, первым чле-

диал. *вјѐдит*, *вједдвит* ‘ясновидящий (о человеке, животном); способный узнать оборотня, ведьму, общаться с покойниками’. Правда, оба прилагательные слабо засвидетельствованы, *вједдвит* в словаре Вука только под словом *здȕхāч* (из Черногории), истолкованным как *вједовит човјек* ([Вук 302а]; ср. *вједо́гоња* то же) и в [РСА 2: 690а], с подтверждением, по всей вероятности, из Лики: *Кажу да је био вједовит*, тогда как форма *вјѐдит* там же дана с двумя подтверждениями из Черногории: *Такви се људи* [способные узнать оборотня] *називају вједитим и „вједито“ говече ћуче* [‘мычит’]. Гораздо лучше в том же значении засвидетельствована словоформа *видȍвит*, которая выводится из *вид* ‘зрение’, хотя семантика прилагательного не происходит прямо из значения существительного, ср. русск. диал. *видови́тий* ‘статный, представительный’ [СРНГ 4: 275]. Нельзя исключить возможность, что *видовит* представляет собой переобразование из *вједовит* < **vĕdovitъ(jь)*. Вопрос о взаимном влиянии и скрещении глагольных основ **vĕd-* и **vid-*, наблюдающимся и в ряде других случаев (ср. то, что выше сказано о с.-хорв. *нѐвид*, укр. *я́вида*, русск. диал. *я́видь*) — при, по-видимому, полном устранении в праславянском нулевой ступени праие. **u̯id-* — выходит за рамки этой статьи. *Ведогонями* я займусь в сборнике в честь академика Любомира Максимовича (Зборник радова Византолошког института 50).

[1] Ср. **vaidti-* > прасл. **(sъ-)vĕstь*.

[2] В [ЕРСЈ 1: 53] *ави(ј)ес(т)* ‘сознание’ трактуется как производное от глагола *авијестити се*, полученного переразложением из *обавијестити се* ‘осведомиться’, а *авијест, авест* ‘призрак, несчастье (и т. п.)’ как скрещение данного слова с *авет* ‘призрак’.

[3] Косвенным продолжением которой являлась бы, как и в ряде других случаев, вышеупомянутая *i*-основа.

[4] Формулировка в [ЭССЯ 25: 179]: «Архаичное сложение без соединительной гласной» как будто пренебрегает закономерной утратой слабого *ь* < **ĭ*.

ном которого является, по-видимому, родительный атематического склонения **nokts*.[1] Сложные слова с первым членом в местном падеже характерны для древних пластов славянской топонимии, ср. серб. *Усти-прача* ‘место на устье реки Прача’, др.-серб. *Врху-брѣзница* ‘место в верховье реки Брезница’, **Днѣ-поље*[2] ‘место на краю (*дне*) поля’, серб. уст. *Дне-мрак* ‘место, где и днем темно’. Последнее название привлекает к себе особый интерес по ряду причин. Во-первых, архаичной формой своего первого члена *дне-* < прасл. **dьne*, местного падежа атематической основы на носовой и.-е. **din-*[3]; во-вторых, антонимией *днем — ночью*, которая довольно близка к вышерассматриваемой *наяву — во сне*, и в-третьих, своим фонетическим развитием, которое могло бы оказаться поучительным для интерпретации сербского и болгарского слова *неведа*. Форма *Днемрак поток* засвидетельствована только в одном судебном акте из 1839 года, а потом она изменилась в *Нѐмра̄к*, как сегодня называется данная местность на вершине горы Мален в с.-з. Сербии; есть и другой *Немрак* в окрестном районе горы Рудник, без исторических записей.[4] Толкование, исходящее из этой современной формы, вызвало бы недоразумение, поскольку она воспринимается как отрицание мрака — такое значение, впрочем, допустимо в оронимии[5] — тогда как данное название в обоих случаях обозначает тенистые места, поросшие дремучими лесами. Довольно банальное упрощение группы согласных в начале слова *дн-* > *н-*, наблюдаемое и в

[1] Упрощение *kts* > *s* в середине слова перед плавным является закономерным; попытки объяснить этот хорошо засвидетельствованный др.-русск. и русск. диал. вариант контаминацией с *слега* ‘брус, жердь’ и/ли с *сълъгати* (ср. [ЭССЯ там же]) кажутся натянутыми.

[2] Засвидетельствовано с середины XIV столетия в форме *Днепоље*; на данной территории (Метохия) в это время уже совершался переход *ě* > *е*.

[3] Которая, при отсутствии параллелей в других славянских языках, не предполагает праславянскую древность слова (***dьne-morkъ*), поскольку на данной территории (с.-з. Сербия) формы типа *о Ивању дне* ‘в Иванов день’ до сих пор конкурируют с младшими типа *на Ивањдан*.

[4] См. [Лома 1984: 204–205].

[5] Ср. например др. серб. *Невечерань* (1316), предположительно обозначение горной вершины, на которой вечером продолжительно задерживаются солнечные лучи, ср. русск. *невечерний* [Лома 2013: 159].

других случаях,[1] здесь перевернуло вверх дном его изначальную мотивацию.[2]

Итак, обрисовывается возможность возвести *неведа* не к **ne-věda*, а к **dьne-věda*. Подтвердить или опровергнуть эту гипотезу нельзя, поскольку словоформа с *дн-* нигде не засвидетельствована, а, с другой стороны, не существуют подтверждения рассматриваемого слова из периода перед XX столетием, на основании которых можно было бы исключить ее. Преимущество данной интерпретации состоит в том, что она устраняет противоречие, присущее вышеприведенным толкованиям **ne-věda*, как будто находящегося в семантической оппозиции к **věda*, тогда как **dьne-věda* 'дневной призрак' относилось бы к простому **věda* > с.-х. *вједа* 'призрак' точно так, как лит. **ovi-vaidas* > *óvaidas* (букв. 'явный призрак') к *vaĩdas* 'призрак' и представляло бы собой, на праславянском фоне, диалектный вариант более распространенного **avь-vědъ* / *-věda* / *-vědь* / *-věstь*. Параллелизм понятий яви и дня внутри данного круга фольклорных представлений проявляется и в сербском диалектном глаголе *обелодани се, убелодани се*, являющемся синонимом глагола *повампирити се* 'стать вампиром, оборотнем'[3] наряду с *објавити се* в том же значении [РСА 16: 266][4].

Наконец, следует поставить вопрос о том, можно ли сюда отнести обыкновенное для обозначения призрака, привидения, но вме-

---

[1] Таким способом вышеупомянутое *Днепоље* преобразовалось в *Непоље*; форма с начальным *д-* сохранялась до второй половины XV столетия, согласно данным турецких кадастров [Пешикан 1981: 77].

[2] Мой покойный отец Боголюб, занимавшийся краеведением, указал мне на этот случай давно, когда я еще был новичком в филологии. С тех пор *Днемрак* > *Немрак* стал для меня парадигматическим примером основного закона ономастики и этимологии, который гласит, что слово по своему происхождению часто не то, чем оно кажется на первый взгляд, и что надо исходить из его исторических записей, если они есть, а если их нет, лучше отказаться от этимологизирования данного слова даже в случаях, когда оно кажется явно прозрачным.

[3] [ЕРСЈ 3: 117 s.v. *белодан*]; форма *убелодани се* отмечена в словаре говора города Пирот [Живковић 1987: 160], которому известно и слово *неведа*; для *обелодани се* источником являются две сказки в: [Мајзнер 1934: 122, 123], полученные от собирателя из города Чуприя (Ћуприја) в Поморавле. В первой сказано, что оборотень появлялся исключительно ночью, из чего происходит, что речь идет не о появлении сверхъестественного существа при дневном свете, т.е. в буквальном значении прасл. словосочетаня **bělъjь dьnь*, а о том, что оно стало действительно зримым, доступным человеческому видению.

[4] [РСА 16: 266], подтверждение из Черногории XIX в.

сте с тем этимологически трудное слово *авēт* ж., которому в первом выпуске этимологического словаря сербского языка посвящена довольно большая статья [ЕРСЈ 1: 50–53], в которой, в итоге подробного обсуждения разных попыток и возможностей его истолкования, сформулирован очень краткий вывод: «Неясно».[5] Там не была учтена изолированная форма *авед* из словаря Йовановича, появившегося год спустя, которая, как мы увидели, на праславянском и балто-славянском фоне получает более надежную этимологию, чем гораздо более распространенная форма *авет*. Предположению, что *авет* развилось из **avědъ* < **avь vědъ* в результате контаминации с *ав(ај) ест* < **avь věstь* препятствует тот факт, что совокупность диалектных данных указывает на праформу **avętь* скорее, чем на **avětь*.[6] Традиционное толкование слова как архаичного деепричастия от **aviti sę* в свете нами рассмотренных славянских и балтийских параллелей можно подкрепить предположением, что оно изначально являлось дополнением к **věda*, изофункциональным элементу **āvi* в бальто-славянском сложении *āvi-vaid-* (*oveid-*), обозначая ‘явствующий’, т. е. явственный, явный призрак. С семантической стороны, надо учесть значения балтийских соответствий прасл. **aviti sę*, лит. *ovytis* ‘являться во сне’, латыш. *âvîtiês* ‘говорить глупости, вести себя по дурацки, буйствовать’, ср. вышеупомянутые серб. глагол *аветати* и словосочетание **правити неведе*.

Литература

Бјелетић М. Духовна култура Словена у светлу етимологије: јсл. *(х)ала* // Dzieje Słowian w świetle leksyki. Kraków: Wyd. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2002. С. 75–82.

Бјелетић М. Јужнословенска лексика у балканском контексту. Лексичка породица именице *хала* // Balcanica XXXIV, Beograd: Srpska Akademija Nauka i Umetnosti, Balkanološki Institut, 2004. С. 143–155.

[5] Именно по поводу пересмотра данной статьи ЕРСЈ с целью включения ее в краткий этимологический словарь сербского языка появился червь сомнения относительно слова *неведа*, считавшегося до тех пор этимологически «нетрудным».

[6] Форма *авēт* без следов ятя хорошо засвидетельствована в екавских говорах. Ср. сербохорватское *десēт* < **desętь*. Слабо засвидетельствованный вариант с начальным *х-* *хавет*, по-видимому, вторичен.

Бјелетић М. Веде и неведе // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика, у част академика Светлане Толстој, Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 95–107.

Белетич М., Лома А. Сон, смерть, судьба (наблюдения над прасл. **mora, *mara*) // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. К юбилею Светланы Михайловны Толстой, М.: Индрик, 2013. С. 56–75.

Живковић Н. Речник пиротског говора. Пирот: Музеј Понишавља, 1987.

Јовановић Вл. Речник села Каменице код Ниша // Српски дијалектолошки зборник LI, Београд: Ин-т за српски језик САНУ, 2004. С. 313–688.

Лома А. Из средњовековне топонимије Србије // Ономатолошки прилози V, Београд: Српска АНЗиУ, 1984. С. 197–209.

Лома А. Топонимија Бањске хрисовуље. Београд: Српска академија наука и уметности, 2013.

Мајзнер М. Ј. Српске народне приповетке — текст и коментар // Српски етнографски зборник L. Београд: Српска академија наука и уметности, 1934.

Пешикан М. Из историјске топонимије Подримља // Ономатолошки прилози II, Београд: Српска АНЗиУ, 1981 С. 1–92.

Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имён. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch I. Göttingen: Carl Winter Universitätsverlag, 1962.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves, IV: La formation des noms, Paris: IAC, 1974. С. 96–97.

Сокращения

БЕР — Български етимологичен речник, София: Издателство на БАН (т. 1–3), Академично издателство „Проф. Марин Дринов“ (т. 4–7), 1971 –.

Вук — *Стефановић Караџић В.* Српски рјечник, Беч: Просвета, 1852 –.

ЕРСЈ — Етимолошки речник српског језика, Београд: Ин-т за српски језик САНУ, 2003 –.

ЕРСЈ ОС — Етимолошки одсек Института за српски језик САНУ, Огледна свеска, Београд: Ин-т за српски језик САНУ, 1998.

РСА — Речник српскохрватског књижевног и народног језика, Београд: Ин-т за српски језик, 1959 –.

СРНГ — Словарь русских народных говоров, М.-Л.: Наука, 1965–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков, М.: Наука, 1974 –.

LIV — *Rix H., Kümmel M.* (и др.). Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. 2. Auflage, Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.

NIL — *Wodtko D., Irslinger B., Schneider C.* Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg: Winter Universitätsverlag, 2008.

Aleksander Loma
Serbian Language Institute
of the Serbian Academy of Arts and Sciences
(Serbia, Belgrade)
loma.aleksandar@gmail.com

ONCE AGAIN ABOUT GHOSTS: IN DREAMS, IN THE DAYLIGHT, IN THE ETYMOLOGY

The paper aims to reconsider the etymology of South-Slavic folklore term *neveda* ‘maleficent supernatural being, misfortune’, hitherto interpreted as **ne-věda*, a compound consisting of the negative prefix **ne-* and the verbal stem **věd-* ‘to see > to know’. However, the late attestation of the word (20th century) and instances of the initial cluster *dn-* reduced to *n-* (*Dnemrak* 1839, today *Nemrak*) suggest another Common Slavic protoform underlying, **dьne-věda* ‘apparition in daylight’, a variant of Balto-Slavic **āvi-vaidas* as reflected in Lithuanian *óvaidas* ‘mischevious boy, scamp’, Serbian dial. *àved* ‘ghost, apparition, scarecrow’, Ukrainian dial. *jávyda* ‘devil’, Russian dial. *jávid’* ‘a snake found in the tundra’, where **āvi-* denotes what is really seen as opposed to visions or dreams and **vaida-* means ‘apparition’; a similar semantic narrowing of the Proto Indo European root **u̯oid-* is observed in Old Indian *véda-* ‘knowledge obtained through divine revelation’.

Key words: Etymology, Slavic, Baltic, compounds, demonology.

References

Bylgarski etimologichen rechnik [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol. I–VII–, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., Prof. M. Drinov Publ., 1971–2010–.

Bjeletić M, Loma A. [Sleep, Death, Fate: Considerations upon Proto-Slavic **mora, *mara*]. *Slavica Svetlanica. Yazyk i kartina mira. K iubileiu Svetlany Mikhailovny Tolstoy* [Slavica Svetlanica. Language and Worldview. Presented to Svetlana Tolstaya on the occasion of her 75th birthday]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 56–75. (In Russ.)

Bjeletić M. [Slavic Spiritual culture in the light of etymology: South Slavic *(x)ala*]. *Dzieje Słowian w świetle leksyki* [History of the Slavs in the light of Vocabulary]. Kraków, Publ. of the Jagiellonian University, 2002, pp. 75–82. (In Serb.)

Bjeletić M. [South Slavic Vocabulary in the Balkan Context: Lexical Relations of the Name *xala*]. *Balcanica XXXIV*, Beograd, Serbian Academy of Sciences and Arts, Institute for Balkan Studies, 2004, pp. 143–155. (In Serb.)

Bjeletić M. [The Known and the Unknown]. *Etnolingvistička proučavańa srpskog i drugikh slovenskikh jezika, u čast akademika Svetlane Tolstoj* [Ethnolinguistic Explorations in Serbian and the other Slavic Languages: in Honor of Acad. Svetlana Tolstaya]. Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts, Department of Language and Literature, 2008, pp. 95–107. (In Serb.)

Etimološki odsek Instituta za srpski jezik SANU. Ogledna sveska [Etymological Department of the SANU Institute of the Serbian Language. Trial Issue]. Beograd, SANU Institute of the Serbian Language Publ., 1998.

Etimološki rečnik srpskog jezika [Etymological Dictionary of the Serbian Language]. Beograd, SANU Institute of the Serbian Language Publ., 2003 –.

Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch* [Lithuanian Etymological Dictionary]. Vol. I, Göttingen, Carl Winter Universitätsverlag Publ., 1962.

Jovanović Vl. [Dictionary of the village Kamenitsa near Nish]. *Srpski dijalektoloshki zbornik* [Proceedings in Serbian Dialectology]. Vol. LI, Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts Publ., 2004, pp. 313–688. (In Serb.)

Loma A. [From the Medieval Toponymy of Serbia]. *Onomatoloshki prilozi V* [Onomatological proceedings V]. Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts Publ., 1984, pp. 197–209. (In Serb.)

Loma A. *Toponimija Ban'ske khrisovul'e* [Toponymy in Official Acts]. Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts Publ., 2013.

Majzner M.J. [Serbian folk short stories — text and comments]. *Srpski etnografski zbornik L* [Serbian ethnographic anthology L]. Beograd, Serbian Academy of Sciences and Arts Publ., 1934. (In Serb.)

Peshikan M. [From historical toponymy of Podrimlje]. *Onomatoloshki prilozi II* [Onomatological Proceedings II]. Beograd, Serbian Academy of Sciences and Arts Publ., 1981, pp. 1–92. (In Serb.)

Rechnik srpskokhrvatskog knizhevnog i narodnog jezika [Dictionary of the Serbo-Croatian Literary and Folk Language]. Beograd, Institute of the Serbian Language Publ., 1959 –.

Rix H., Kümmel M. (et al.). *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen* [Lexicon of Indo-European Verbs. The roots and their primary derivatives]. Auflage, Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Publ., 2001.

Slovar' russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Iss. 1-46-, Leningrad- St.-Petersburg, Nauka Publ., 1965–2013–.

Stefanovich Karadzhich V. *Srpski rjechnik* [Serbian Dictionary]. Bech, Prosveta Publ., 1852 –.

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (Eds.). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Iss. 1-39, Ed. O. N. Trubachev (Iss. 1–31), A. F. Zhuravlev (Iss. 32–39), Moscow, Nauka Publ., 1974– 2014–.

Tupikov N.M. *Slovar' drevherusskikh ličnykh sobstvennykh imion* [Dictionary of Old Russian Personal Names]. Moscow, Yazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2004.

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves, IV: La formation des noms* [Comparative Grammar of the Slavic Languages, IV: Nominal formation]. Paris, IAC Publ., 1974.

Wodtko D., Irslinger B., Schneider C. *Nomina im indogermanischen Lexikon* [Names in the Indo-European Lexicon]. Heidelberg, Winter Universitätsverlag Publ., 2008.

Zhivković N. *Rechnik pirotskog govora* [Dictionary of the Pirot Speech]. Pirot, Muzej Ponishavl'a Publ., 1987.

О. В. Мищенко
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)
olgamishchenko@yandex.ru

К ЭТИМОЛОГИИ ДР.-РУС. *ПУЗ*

Статья посвящена этимологии др.-рус. *пуз* ‘вид меры сыпучих тел’. Рассматривается отношение семантики данного слова к семантике рус. *пузо* и родственных ему; делается вывод, что пуз не содержит компонента значения «часть тела» либо «быть надутым», зато обнаруживает прямое фонологическое и семантическое сходство с рядом прибалтийско-финских лексических единиц, обозначающих «катушку, свёрток, рулон, (плетёную) цилиндрическую ёмкость». Кроме того, отмечается, что ареал распространения изучаемого древнерусского слова ограничен северо-западными областями; также указывается на неисконный характер заметной части северорусских слов, обозначающих ‘тару, ёмкость, сосуд’. Обсуждается, но не принимается возможность славянского происхождения прибалтийско-финских лексем с последующим их вторичным заимствованием в северорусские диалекты. Таким образом, по версии автора, слово имеет прибалтийско-финское происхождение.

Ключевые слова: русский язык, этимология, финно-угорские языки, лингвистические контакты.

В древнерусском языке существовало слово *пуз* — название меры сыпучих тел, ср.: *поузъ* ‘мера сыпучих тел’: *А сотскому и подвоискому пошлинка съ лодьи по пузу ржы у гостя*;[1] *Десять пузовъ*

[1] Двинская уставная грамота 1397 г.

жита сѣменного[1] [Срезневский, 1725; Сл. др.-рус. яз. XI–XIV вв. 9: 299], *пузъ* ‘употреблявшаяся на русском Севере мера сыпучих тел, вмещавшая 1,5 пуда ржи или 3 пуда соли’, ‘мерный сосуд такой емкости’: *А на мори от чрена и от салгы по пузу*;[2] *Принято… пуз ветхой, а другой пуз новой печатной; Куплено у бачара… лохань, три шайки… пуз*;[3] а также *пузница* ‘мерная кадочка вместимостью в пуз’ [СлРЯ XI–XVII вв.: 21, 42, 43]. Все памятники письменности, отмеченные в древнерусских словарях в качестве источника этого слова, являются северными, связанными с новгородскими или двинскими землями.

Ср. также данные СРНГ: *пуз* ‘старинная мера веса, равная 28,6 кг’ со следующим любопытным для нас комментарием в отношении северного характера слова: «В XII–XV веках на Руси была условная счетная мера сыпучих тел, так называемая кадь или оков, вмещавшая сперва 12, а потом 14 пудов ржи. Осьмина кади = 14/8 = 1 ¾ пуда и есть как раз пуз — практическая, повседневная мерка, дожившая до наших дней в лесных деревушках Севера»; а также зафиксированное в русских говорах Карелии *пузи́на* ‘мера сыпучих тел, равная двум четверикам’ [СРНГ: 33, 112, 114].

Первые упоминания *пуза* — изначально соляной, а потом хлебной меры — связаны с 1137 г., когда новгородский князь Святослав установил давать епископу «на мори от чрена и от салгы по пузу» [Брокгауз–Ефрон 50: 769–770]. Согласно различным источникам, пуз вмещал в себя два четверика или осьмину. Однако объем четверика менялся и в разное время находился где-то в промежутке от половины пуда до одного с небольшим. Кроме того, вместимость варьировала в зависимости от характера субстанции, которой заполнялся четверик — соль, мука, крупа, зерно.[4] Таким образом, в любом случае и с учетом разных вариантов, размер пуза не должен был превышать двух пудов, но, видимо, мог быть и существенно меньше. Иначе говоря, *пуз* должен представлять собой не очень большую емкость (по сравнению с промышленными объемами), размер которой вполне соответствует крестьянским практическим нуждам.

[1] Новгородская купчая 14–15 вв.

[2] Древнерусские княжеские уставы 11–15 вв.

[3] Расходно-приходная книга (1673 г.) — с указанием на Архангельскую территорию, басс. Онеги [см. СлРЯ XI–XVII вв. 21: 42].

[4] О старых мерах см., например, [Брокгауз–Ефрон 50: 769–770; БСЭ 29: 120, 123].

С такими нашими выводами вполне согласуются и представленные выше данные из СРНГ и СлРЯ XI–XVII вв.

Итак, согласно лексикографическим источникам, др.-рус. *пуз* обозначало старинную меру сыпучих тел, было распространено на Русском Севере и имело, по-видимому, достаточно широкий ареал, охватывающий, прежде всего, новгородские, а также двинские земли. Ср. также фиксацию слова в басс. р. Вага — на территории Вельского района Архангельской области [СРНГ 33: 112].

В русских говорах Северо-Запада зафиксированы сходные лексемы с несколько иной, но очень близкой семантикой: *пуза́к, пузачо́к, пузи́к, пузичо́к, пузове́нь* ‘берестяной сосуд цилиндрической формы с деревянным дном и крышкой для хранения и переноски разных продуктов, в том числе жидких и сыпучих — туес’, ‘большая берестяная корзина или короб’, ‘небольшая берестяная корзинка’ [Карт. Сл. Рус. Севера; Словарь Карелии 5: 344]. Слова бытуют на западе Вологодской области (Белозерский и Вытегорский районы), а также на соседних территориях — в Пудожском районе Карелии и в Тихвинском районе Ленинградской области [там же]. Кроме того, учитывая известную семантическую корреляцию ‘корзина’ — ‘рыболовная ловушка’, в рамках гнезда др.-рус. *пуз*, вероятно, стоит обратить внимание еще и на новг. *пуза́тка, пузу́ха* ‘рыболовная снасть, сплетенная из ивовых прутьев в виде узкой длинной корзины с воронкообразным входом; верша’ [Новг. словарь 9: 58–59].

М. Фасмером высказано предположение о связи др.-рус. *пуз* ‘мера зерна’ с рус. *пузо* ‘брюхо, особенно толстое, большое’ [Фасмер III: 402]. Любопытно, что именно в таком фонетическом варианте форма *пузо* представлена лишь в восточнославянских языках, т. е. она имеет древнерусские истоки, аналогично др.-рус. *пуз* ‘мера’, которое, правда, зафиксировано только в русском. Вместе с тем, версия М. Фасмера вызывает некоторые сомнения.

Происхождение рус. *пузо* не вполне ясно. Слово связывают, с одной стороны, с рус. диал. *пузро́, пу́здро* ‘часть брюха у животного ниже пупа’, укр. *пуздро́* ‘мочевой пузырь; мошонка’, серб.-хорв. *пу́здро* ‘мошонка; penis animalis’, чеш. *pouzdro* ‘футляр’, польск. *puzdro* ‘пузатый сосуд, футляр, коробка’, а с другой, — с рус. *пухнуть, пухлый* [Фасмер III: 402–403; Черных II: 81], имея в виду, что все перечисленные выше образования восходят к одной и той же и.-е. основе **peu-s-/*pou-s-* [Черных: там же]. Для корня мож-

но предполагать старшую семантику, соотносимую с идеей надувания, вздутия, распухания (ср. приведенные у Черных параллели из других индоевропейских языков; ср. также восходящие к этому же индоевропейскому корню рус. *пузырь, пыхать* [Черных II: 81, 88]). При этом этимологическая неясность рус. *пузо* связана с появлением согласного *з* на месте ожидаемого *х*, вместе с тем, семантическая сторона вопроса не вызывает нареканий. Действительно, в рус. *пузо* семантика выпуклого, вздутого выражена очень явно, это касается как «телесной», так и «нетелесной» семантики, ср.: *пу́зо* ‘вздутое место на чем, горб или короб’ (*пузо бочки, пузо балалайки, пузо паруса*), *пу́зо* ‘купол здания’, *пузови́на, пузовье́* ‘надутое толстое место, брюшистое утолщение; утолщение на тросточке’ и т.п. [см. Даль III: 536; СРНГ 33: 115]. Среди явных производных от рус. *пузо* есть и несколько названий сосудов, причем все эти сосуды имеют выпуклую форму, форму с утолщением, расширением обычно в средней части; мотивировочный признак в названиях таких сосудов как раз и связан с семантикой утолщения, вздутия, ср.: амур. *пуза́н* ‘глиняный кувшин округлой формы’, урал. *пузови́на* ‘боковая выпуклая стенка горшка’ [СРНГ 33: 113, 115], *пузастый кувшин, пузастая бутылка, бочка* [Даль III: 536]; ср. также др.-рус. *пузо* ‘округлая, выпуклая часть сосуда’ [СлРЯ XI–XVII вв. 21: 43].

Вообще говоря, среди дериватов гнезда *пузо/pouzdro* встречаются и обозначения емкостей, вместилищ другого рода — без выпуклостей и расширений. Ср., например, представленные у Черных «нетелесные» значения: чеш. *pouzdro* ‘футляр’, ‘кобура’, польск. *puzdro, puzderko* ‘футляр’, ‘коробка’ [Черных II: 81], а также рус. *пу́зо* ‘выдвижной ящик стола’ [СРНГ 33: 115]. Вместе с тем очевидно, что подобные значения в большинстве случаев совершенно напрямую соотносятся с «телесной» семантикой гнезда. Появление значений типа ‘футляр’, по всей видимости, связано с существовавшей в древности технологией изготовления подобных вместилищ из высушенного пузыря животного. Ср. в связи с этим приведенные выше укр. *пуздро́* ‘мочевой пузырь; мошонка’, серб.-хорв. *пȕздро* ‘мошонка’. Ср. аналогичное развитие значений для др.-рус. *пузырь* ‘перепончатый мешок в теле животного организма; мочевой пузырь’ и ‘вместилище из высушенного пузыря животного’ [СлРЯ XI–XVII вв. 21: 43]. Кроме того, очевидно, что определенные типы футляров, в том числе кобура, визуально очень хорошо соотносятся

с оговоренными выше телесными образованиями. Что касается значения ‘выдвижной ящик стола’, то оно явно базируется на представлении о животе как вместилище еды. Вероятно, также, что актуальными при формировании всех рассмотренных значений могли быть и представления о телесных вместилищах (животе, мошонке и т.п.) не самих по себе, а как части тела в целом (ср. кобура висит на теле, ящик — составная часть стола), а также представления о возможности выпирания, выступания этой части по отношению к целому.

Таким образом, основная часть дериватов гнезда, обозначающих емкости и вместилища, связана с реалиями, которые по своим внешним характеристикам явно соотносятся либо с предполагаемой старшей семантикой гнезда (наличие выпуклости, выпирание, выступание), либо со стоящими за гнездом реалиями из сферы «телесного» (живот, мошонка и пр.).

Немногочисленные же дериваты, обозначающие емкости без таких внешних характеристик (нам встретилось только польск. *puzdro, puzderko* ‘коробка’), должны быть проинтерпретированы уже как следующий шаг в развитии семантики вместилищ, емкостей — связанный с утратой изначально релевантных для гнезда семантических компонентов.

Сложно сказать, какой именно внешний вид имели емкости, представлявшие собой древнюю хлебную меру, однако в отношении северо-западных диалектизмов, обозначающих туес и разного размера корзины — большую и небольшую, можно с уверенностью утверждать, что семантика выпуклого, вздутого, выступающего в качестве явно выраженной не отмечается. Действительно, в отличие, например, от имеющей выпуклую форму бочки, у туеса одинаковый диаметр и ровные стенки по всей длине, причем именно такая форма туеса определяется технологией его изготовления — скручиванием в трубку куска бересты с последующим ее сшиванием. Такие реалии как большая и небольшая корзины тоже традиционны для Русского Севера и также обычно не предполагают выступающей, выпуклой формы. Аналогичная картина наблюдается и при обращении к новгородским названиям рыболовной ловушки: в дефиниции подчеркивается, что ловушка имеет узкую и вытянутую в длину форму и сходится к концу на конус. По-видимому, речь идет о каком-то виде верши (отсылка к этому слову тоже есть в дефиниции) — рыболовной ловушки, которая обычно представляет собой

довольно ровный, без особых выпуклостей, сходящийся конусом цилиндр. Таким образом, и здесь очень вероятно отсутствие семантики выпуклого, похожего на живот, брюхо.

Очевидно также, что обсуждаемые емкости и ловушки не обнаруживают сходства со стоящими за гнездом телесными реалиями — сходства такого типа, которые обсуждались выше для семантики ‘футляр’, ‘кобура’ и пр.

Иными словами, северо-западные диалектные обозначения емкостей и ловушек сами по себе — без каких-то промежуточных семантических звеньев — «не встраиваются» в семантическую организацию исконного гнезда. Такое семантическое несоответствие и локальный характер этих северных фактов позволяют задуматься о возможности финно-угорского источника. Действительно, сходные факты обнаруживаются в прибалтийско-финских языках, ср.: фин. *pusu* ‘маленькое лукошко с крышкой; берестяная посуда, посуда для переноски простокваши; высокая корзина или лукошко, туес, сделанные из лучины’, *pusakko* ‘маленькая, круглая, без ручек деревянная посуда’, *pusikko* ‘то же’, карел.-ливв. *puzu, pužu* ‘берестяная коробочка, берестяная посуда с крышкой для масла, соли или молока’, люд. *puzu* ‘цилиндрическая берестяная посуда’, *puzuine* ‘катушка, на которую наматываются нитки с мотовила при подготовке к тканью’, вепс. *puzu* ‘корзинка, корзина из лучины, лукошко, кузовок, *вакка* (лукошко, которое могло выступать как мера зерна)’, *puzūńe* ‘лукошко’, *puźik* ‘лукошко’ [SKES: 660; SSA 2: 441].

Не вызывает сомнений, что приведенное прибалтийско-финское гнездо связано с обсуждаемыми русскими диалектизмами. Между прибалтийско-финскими и русскими данными наблюдаются явные соответствия как в отношении фонетического оформления и словообразовательной структуры слов, так и в плане семантики. При этом финские этимологи считают прибалтийско-финское гнездо исконным. Ниже мы попытаемся осмыслить эту позицию и проанализировать иные возможности, поскольку этот вопрос напрямую связан с этимологической интерпретацией интересующих нас русских слов.

Прежде всего, отметим, что по своей семантической организации прибалтийско-финское гнездо является вполне типичным. Обращает на себя внимание сочетание в пределах гнезда семантики туеса (и сходных емкостей) с семантикой катушки для наматывания ниток.

Такое соединение дериватов вполне естественно для прибалтийско-финских гнезд подобного типа и связано со сходным осмыслением этих реалий — туеса и катушки — на базе представлений о трубках и трубкообразных предметах. (О специфике отражения семантики трубкообразных предметов в прибалтийско-финских языках подробнее см. [Мищенко 2007]).

Ср. примеры гнезд, где туес осмысляется в контексте семантики трубкообразных предметов:

— фин. *töttö* ‘берестяной рожок; деревянная трубочка’, ‘берестяная высокая посуда для ягод’, *tötöttää* ‘дуть или говорить в трубку или воронку’, карел.-ливв. *töttö* ‘трубочка; свиток, рулон’ [SKES: 1508; SSA 3: 364];

— фин. *tuuti* ‘дымовая труба’, ‘посуда с ручкой для ягод, сделанная из куска бересты’, *tuuttu* ‘носик кофейника (т. е. трубочка. — *О. М.*)’, карел.-ливв. *tuuttu* ‘посуда с ручкой для ягод или молока, сделанная из куска бересты’ [SKES: 1444; SSA 3: 342];

— фин. *putki* ‘труба, трубка’, ‘стебель у зонтичных растений, дудка’, *putkelo* ‘глубокая узкая или цилиндрическая посудина’, *putku, putkula* ‘тонкий трубкообразный предмет, например, длинный мешок, валок шерсти и пр.’, карел.-ливв. *butki* ‘ствол ружья; футляр, ножны’, эст. *putk* ‘труба, трубка; зонтичное растение’, ‘вытянутая в вертикальном направлении посуда для масла, молока или сливок’ [ФРС: 493; SKES: 662; SSA 2: 442].

Семантика туеса попадает в круг подобных представлений как в силу его цилиндрической формы, так и благодаря соответствующей технологии изготовления. То же самое можно сказать и про катушку для наматывания ниток: обычно она представляет собой не что иное, как трубочку, цилиндр, а один из типичных способов ее изготовления — это сворачивание в трубку куска бересты. Ср. аналогичные примеры и для ‘катушки’:

— фин. *turu* ‘труба, трубка’, ‘рожок пастуха’, карел.-ливв. *turu* ‘пастушья труба из осины; трубочка, свиток, рулон, сверток; катушка, бобина’ [SKES: 1430];

— фин. *torvi* ‘труба, трубка’ [ФРС: 651], *torvelo* ‘длинный, узкий сверток; кулек, фунтик’, *torvikko* ‘деревянная посудина’, *torvo* ‘кулек, фунтик; трубкообразный сверток (из ткани, бересты)’, карел.-ливв. *torvi* ‘ (берестяная) трубка; свиток ткани; трубочка’, вепс. *tońv, torv* ‘трубка’, *tońvik* ‘полый обрубок осинового кряжа, используе-

мый для наматывания ниток; большая катушка’ [SKES: 1357–1358; SSA 3: 313].

В свете всего сказанного очевидно, что сочетание в пределах гнезда дериватов, обозначающих туес (и сходные емкости) и катушку для ниток, говорит об актуальности для семантики гнезда трубкообразной, цилиндрической, а не «пузатой» формы, что — в свою очередь — очень хорошо соотносится с отмеченной выше семантической спецификой русского материала.

Продолжая рассуждения о типичном для прибалтийско-финских языков способе организации семантической информации в рамках рассматриваемого гнезда, добавим следующее. Поскольку характер восприятия трубкообразных предметов связан как с формой, так и с технологией изготовления трубок путем сворачивания, среди дериватов гнезд с подобной семантикой обычны обозначения таких реалий, как высокая цилиндрическая посуда (необязательно берестяная) и наоборот, разного рода посуда из бересты, необязательно цилиндрической формы, — в силу того, что она изготавливается путем сворачивания. Все это мы как раз и наблюдаем в рамках рассматриваемого гнезда прибалт.-фин. *pusu*.

Итак, характер организации семантики в рассматриваемом прибалтийско-финском гнезде типичен для прибалтийско-финских языков. При этом русские диалектизмы, семантика которых плохо объясняется в рамках предположения об исконном характере русских слов, вполне соответствуют такой организации прибалтийско-финского гнезда. Все это выступает в пользу версии о направлении заимствования из прибалтийско-финских языков в русские говоры, а не наоборот.

Приведем еще один семантический аргумент в подтверждение именно такого направления заимствования. Семантический анализ функционирующих в говорах Русского Севера лексем — обозначений бытовых емкостей показал, что в «посудной» понятийной сетке выделяются области, открытые и закрытые для проникновения заимствований. Семантика туеса как раз оказывается одной из таких «открытых» зон, зоной очень сильно ориентированной на выражение через заимствованные репрезентанты. Так, среди функционирующих на территории Русского Севера репрезентантов понятия ‘туес’ наиболее частотными и широко распространенными, находящимися в отношении дополнительной дистрибуции и «за-

крывающими» в сумме всю территорию Русского Севера, являются такие заимствованные образования, как *бурак* и *туес*. Кроме того, известны заимствования с не таким широким ареалом бытования: *бурня, буртас* и ряд других. Что же касается исконных обозначений этой реалии, то они представлены лишь локальными фактами явно вторичного характера. (Подробнее методику семантического анализа, его результаты, «наборы» исконных и заимствованных репрезентантов понятия с этимологическими ссылками и пояснениями см. в [Мищенко 2007: 144, 150–151]). Выводы, полученные на базе семантического анализа, позволили сделать предположение о заимствованном характере не только слов, но и самой реалии «туес» [Там же: 149–150]. Таким образом, версия о неисконном характере рус. *пузак, пузик* и пр. ‘туес’ лежит в русле общих представлений о заимствованном характере этой реалии и о способах ее обозначения в севернорусских говорах.

Что же касается семантики рыболовных ловушек, то она могла появиться как на русской, так и на прибалтийско-финской почве. В частности, в говорах Русского Севера сочетание семантики ‘плетеная корзина’ и ‘ловушка на рыбу’ отмечается для лексем *вичага, кольчуга, корчажка, люлька, плетёшка, яндова* [Карт. Сл. Рус. Севера]. По-видимому, даже в последнем случае (яндова) появление такого соотношения следует связывать с процессами в рамках русского языка. Ср. также: *корзи́на, корзи́нка* ‘рыболовный снаряд, сделанный из гладких сухих дранок, прикрепленных к двум обручам’, ‘рыболовный снаряд — сплетенная из прутьев ловушка’ [СРНГ 14: 330, 331].

Вместе с тем, для прибалтийско-финских языков характерна семантическая корреляция ‘трубки, трубкообразные предметы’ — ‘конусы, конусообразные предметы’. (Подробно она обсуждалась нами в [Мищенко 2007]). Ловушки на рыбу, имея сужающуюся, коническую форму, осмысляются в прибалтийско-финских языках в том числе и в рамках этого соотношения. Ср., например: фин. *suppi* ‘трубочка’, ‘фунтик’, ‘раструб мережи; узкий, сужающийся хвост рюжи, верши’, ‘узкое горлышко посуды’, *supukka* ‘мундштук (фактически вид полой трубочки. — *О. М.*)’, люд. *t'šuppi* ‘заостренный конец рюжи, верши, хвост (мешок) невода’, вепс. *t'šuṕ* ‘хвост невода, сети’ [ФРС: 598; SKES: 1125; SSA 3: 220]. Ср. также гнездо, среди дериватов которого обнаруживаются все обсуждаемые выше

реалии — трубки, цилиндрическая посуда, катушка, рыболовная ловушка: фин. *törö* ‘выступающий, торчащий или трубкообразый предмет, вещь (напр., носик посуды и др.)’, *törrö* ‘кулечек, сверток (бересты, бумаги), катушка’, карел. *töröly* ‘маленькая мережа, верша’, карел.-ливв. *törökkińi* ‘узкая высокая посудина’ [SKES: 1507–1508; SSA 3: 364].

В указанной статье [Мищенко 2007] мы рассматривали соотношение трубкообразных и конических реалий на базе представлений о сходстве в технологии изготовления: те и другие могут быть получены путем скручивания, сворачивания цельного куска чего-либо. (Отметим, что для традиционного хозяйства это весьма типичный способ работы с материалом.) Вместе с тем есть еще один важный для прибалтийско-финского взгляда аспект сопоставления реалий: изнутри все подобные реалии могут быть осмыслены как узкое, тесное, закрытое и даже замкнутое, тупиковое пространство, ср. дериваты, дополняющие приведенное выше прибалтийско-финское гнездо *suppu*: фин. *suppu* ‘сжатое пространство или объем’, *supukka* ‘узкий, тесный’, карел.-лив. *t'šuppu* ‘внутренний угол’, ‘край, сторона’, люд. *t'šupuińe* ‘угол комнаты’, вепс. *t'šuṕ* ‘нос лодки’ [SKES: 1125]. В связи с отмеченным характером восприятия объектов обращают на себя внимание и такие дериваты гнезда как фин. *suppu* ‘неспелая морошка (т.е. наглухо закрытая в чашелистики. — *О.М.*)’, ‘бутон, почка’, вод. *šuppu* ‘неспелая ягода морошки’ [там же; SSA 3: 220]: они отражают семантику завернутого, закрученного, но в то же время и наглухо закрытого. (О таком типе восприятия пространства на материале некоторых других прибалтийско-финских гнезд см. [Мищенко 2009]; сходным образом можно проинтерпретировать и наблюдения И.И. Муллонен над семантикой прибалт.-фин. **čuhl-* [Муллонен: 301]). Добавим, что при таком — пространственном — восприятии явлений в отношении «трубок» особо значимы случаи, когда один из двух концов оказывается сужающимся или сомкнутым. На практике подобная ситуация очень часто связана со смыканием конца трубки в конус. Как уже говорилось, именно так и устроены обсуждаемые новгородские рыболовные ловушки.

Заканчивая разговор о прибалтийско-финских истоках севернорусских диалектизмов, отметим, что аффиксальное оформление ряда русских слов (*пузак, пузик*, возможно, *пузина*) следует связывать еще с языками-источниками.

Остался нерешенным вопрос о статусе самого др.-рус. *пуз*. Очевидно, возможны два варианта: либо лексема *пуз*, наряду с северо-западными диалектными формами, является прибалтийско-финским заимствованием, либо др.-рус. *пуз* ‘мера сыпучих тел’ представляет собой исконное образование, заимствованное в прибалтийско-финские языки, а оттуда вновь вернувшееся в русские говоры Северо-Запада с несколько измененной, по сравнению с изначальным состоянием, семантикой. Попытаемся разрешить эту дилемму, составив список всего того, что нам известно про др.-рус. *пуз* — как само по себе, так и в соотношении с прибалтийско-финскими фактами.

1. Судя по имеющимся источникам, ареал лексемы достаточно широк, однако все они указывают на северный характер слова (Новгородские земли, Русский Север).

2. Сложно сказать что-либо определенное о форме этой древнерусской емкости, тем не менее, обращает на себя внимание, что среди всех имеющихся данных — как русских, так и прибалтийско-финских — не обнаруживается никаких следов того, что реалия имела выпуклую, расширяющуюся к середине, похожую на выступающий живот форму.

3. Если предполагаемая старшая семантика корня, лежащая в основе образований типа *пузо*, *пуздро*, *пухнуть* и пр. действительно связана с представлениями о надувании, вздутии или распухании — что очень вероятно, — то такое значение как ‘емкость определенного вида, сосуд; мера сыпучих тел’ — то есть собственно значение слова *пуз* — скорей всего, должно быть вторично.

Исходя из структуры, лексему *пуз* следует рассматриваться как древнее образование, отглагольное или корневое, фактически аналогичное слову *пузо*. Это значит, что в первичном значении должна отражаться старшая семантика корня, то есть семантика вздутого, надутого, вспухшего. Между тем, семантика вздутого, надутого, вспухшего не ограничивается лишь представлениями о внешнем виде объекта, его форме и размерах, но включает в себя и другие семантические компоненты, такие, например, как каузация состояния, обусловленность соответствующего внешнего вида объекта его внутренними свойствами, изменение состояния во времени и т.п. Так, рус. *пузо* ‘большой живот’ можно интерпретировать как первичное значение, поскольку живот действительно может восприниматься как что-то реально надутое, реально раздувшееся, реально

распухшее, то есть не только исходя из своей формы, но с учетом всех остальных семантических компонентов, формирующих представления о надувании, вздувании, распухании. В семантике же ‘сосуд определенного вида’ вряд ли могут быть отражены компоненты такого рода: сосуд вряд ли может восприниматься как реально надутый, реально вздутый или распухший, если только это не связано с технологией его изготовления, что маловероятно. (Подобные характеристики, как кажется, могут найти отражение только при выдувании сосуда из стекла, что в нашем случае совершенно исключено.) Таким образом, в семантике сосуда отражен лишь признак формы и размера: сосуд не надутый, а как бы надутый, не распухший, а как бы распухший, — что указывает на вторичный характер этого значения.

Значений же, которые без сомнения можно было бы считать первичными (и вообще никаких других значений), для формы *пуз* не отмечено. Таким образом, семантическая сторона словообразовательного процесса в рамках версии об исконном происхождении слова вызывает сомнения или, по крайней мере, остается под вопросом.

4. Если предполагать, что прибалт.-фин. *pusu* является заимствованием из древнерусского, то, судя по полноте прибалтийско-финского гнезда, это заимствование, скорей всего, должно быть достаточно ранним. Согласно Микколе, для ранних русских заимствований в прибалтийско-финские языки характерна передача рус. *у* дифтонгом *uo* (с учетом вепс. *uo* > *o*). Ситуация же рус. *у* > прибалт.-фин. *u* связана с заимствованиями более позднего периода [Mikkola: 21]. Однако каких-либо следов дифтонга в гнезде прибалт.-фин. *pusu* не обнаруживается. (В целом фонетическая адаптация по типу ранних заимствований датируется Микколой VIII–XIV вв., однако передача др.-рус. *у* > прибалт.-фин. *uo* могла быть связана и с гораздо более узким временным промежутком в рамках этого периода. Поскольку более или менее точные границы этого промежутка не известны, делать уверенные этимологические выводы только на базе отсутствия в прибалтийско-финском гнезде дифтонгов не представляется возможным.)

5. С точки зрения семантических и словообразовательных отношений прибалтийско-финское гнездо выглядит структурированным целым, а не совокупностью изолированных образований. Семантическая организация гнезда при этом находится совершенно в русле

прибалтийско-финских семантических закономерностей. Кажется очень маловероятным, чтобы базирующееся на заимствованных образованиях гнездо демонстрировало такую семантическую «слаженность» и «аутентичность», даже при условии раннего заимствования.

Таким образом, имеется целый ряд разноаспектных аргументов, которые, как нам кажется, в своей совокупности позволяют сделать выбор в пользу прибалтийско-финского происхождения др.-рус. *пуз*.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2 изд. Т. I–IV. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.

Мищенко О. В. К этимологии сев.-рус. *пилик* // Этимология 2003–2005 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 2007. С. 142–152.

Мищенко О. В. Рус. диал. *дожить до тюки, дожить до тюпы* // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г./ отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 175–177.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 356 с.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. М.: Книга, 1989.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. М.: Русский язык, 1993.

Mikkola J. Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938.

Сокращения

Брокгауз–Ефрон — Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. 50. СПб., 1898.

БСЭ — Большая советская энциклопедия. Изд. 3-е. Т. 29. М.: Советская энциклопедия, 1978.

Карт. Сл. Рус. Севера — Картотека Словаря говоров Русского Севера / г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, кафедра русского языка и общего языкознания.

Новг. словарь — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород: Издательство НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1992–2000.

Сл. др.-рус. яз. XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред. Р. И. Аванесов (т. I–IV), Р. И. Аванесов, И. С. Улуханов (т. V), И.С. Улуханов (т. VI), В.Б. Крысько (т. VII–X–). М.: Рус. яз. — Азбуковник, 1988–2013–.

Словарь Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред.: С. Г. Бархударов (вып. 1–6), Ф. П. Филин (вып. 7–10), Д. И. Шмелев (вып. 11–14), Г. А. Богатова (вып. 15–26), В. Б. Крысько (вып. 27–29—) . М.: Наука, 1975–2011–.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–46), Л.–СПб.: Наука, 1966–2013–.

ФРС — Финско-русский словарь / сост. И. Вахрос, А. Щербаков. Таллинн : Лорис, 1998.

SKES — *Toivonen G., Itkonen E., Joki A., Peltola R*. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. Helsinki, 1958–1981.

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

Olga V. Mishchenko
Ural Federal University
(Russia, Ekaterinburg)
olgamishchenko@yandex.ru

ON THE ETYMOLOGY OF THE OLD RUSSIAN WORD «*PUZ*»

The article is devoted to the etymology of the Old Russian word *puz* ‘a dry measure unit’. The word’s meaning is considered from the

point of view of its interrelationships with those of Rus. *puzo* ‘belly’ and its cognates, concluding that *puz* shows no underlying semantics of ‘a body part’ or ‘swelling’ that would be required to etymologically link it to *puzo*, but rather bears a close formal and semantic resemblance to Baltic-Finnic lexemes that refer to a ‘coil, roll, bobbin’, or ‘a cylinder-shaped wooden vessel’. Confinement of the word under study to North-Western Russian dialects is also noted, as well as the fact that a number of other North Russian ‘vessel’ words have been found to be borrowings. The possibility of a Slavic origin for the Baltic-Finnic source and its secondary borrowing into North Russian dialects is also discussed but not accepted. Thus the author puts forward a version of a Baltic-Finnic origin for the word.

Key words: Russian language, etymology, Finno-Ugric languages, linguistic contacts.

References

Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 29, Moscow, Sovetskaia Entsiklopedia Publ., 1978.

Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologichekii slovar’ sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Contemporary Russian Language]. Vol. I–II, Moscow, Russkii yazyk Publ., 1993.

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, Moscow, State Publ. of Foreign and National Dictionaries, 1955.

Entsiklopedicheskii Slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 50, St. Petersburg, 1898.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vols. I–IV, Moscow, Progress Publ., 1964–1973.

Finsko-russkii slovar' [Finish-Russian Dictionary]. Tallinn, Loris Publ., 1998.

Kartoteka Slovaria govorov Russkogo Severa [Materials of the Dictionnary of Russian North Dialects]. Ekaterinburg. Ural Federal University, the Department of Russian language and General linguistics.

Mikkola J. *Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und*

Russisch [The Oldest Contacts between Baltic Finnish and Russian Peoples]. Helsinki, 1938.

Mishchenko O.V. [On the Etymology of the Russian Northern *pilik*]. *Etimologiia. 2003–2005* [Etymology. 2003–2005]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 142–152. (In Russ.)

Mishchenko O.V. [Russian Dialectal *dozhit' do tiuki, dozhit' do tiupy*]. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiia: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Proceedings of the International Conference]. Ekaterinburg, Ural Univ. Publ., 2009, pp. 175–177. (In Russ.)

Mullonen I.I. *Toponimiya Prisvir'ya: problemy etnoyazykovogo kontaktirovaniya* [Prisvirye Toponymy: Problems of Ethnic and Linguistic Contacts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk St. Univ. Publ., 2002. 356 p.

Novgorodskii oblastnoi slovar' [Novgorod Regional Dictionary]. Vols. 1–13, Novgorod, Novgorod St. Univ. Publ., 1992–2000.

Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) [Old East Slavic Dictionary (11–14th Centuries)]. Vols. I–X—, Moscow, Russkii yazyk Publ., Azbukovnik Publ., 1988–2013—.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblasteiy [Dictionary of Russian Dialects of Karelia and Adjacent Territories]. Vols. 1–6, Saint Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., 1994–2005.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Vols. 1–46—, Moscow, Leningrad, Saint Petersburg, Nauka Publ., 1966–2013—.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov [Dictionary of the Russian Language of the 11th — 17th Centuries]. Vols. 1–29—, Moscow, Nauka Publ., 1975–2011—.

Sreznevskii I.I. *Materialy dlya slovaria drevnerusskogo yazyka* [Materials for a Dictionary of the Old Russian Language]. Vols. 1–3, Moscow, Kniga Publ., 1989.

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja [Origin of Finnish Words. Etymological Dictionary]. Vols. 1–3, Helsinki, 1992–2000.

Toivonen G., Itkonen E., Joki A., Peltola R. *Suomen kielen etymologinen sanakirja.* [Etymological Dictionary of the Finnish Language]. Vols. I–VII, Helsinki, 1958–1981.

Шимон Погвизд
Институт славистики Польской Академии наук
(Польша, Краков)
szymonns@autograf.pl

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЛАВ. **kaša*

В статье предпринята попытка восстановить первоначальное значение праслав. **kaša,* известного на славянской территории в двух основных значениях — ‘густая еда из круп’ и ‘крупа’, на основе анализа славянского материала и сравнения с соответствующими данными индоевропейских языков. Анализируются исходные семантические признаки, положенные в основу известных этимологий для слав. **kaša*: 1) слав. **kaša* родственно лит. *kóšti, kóšiu* ‘процеживать’, 2) слав. **kaša* восходит к и.-е. **kes-/*kos-* и родственно др.-инд. *kaṣati* ‘тереть, царапать, скрести’, лит. *kàsti* ‘рыть’, *kasýti* ‘скрести, царапать’, а также с лат. *carro*, *-ere* ‘чесать’. Приводятся дополнительные аргументы в пользу реконструкции для **kaša* первоначального значения ‘измельченное зерно’. Слав. **kaša* определяется как nomen actionis с суф. *-ja* — **kās-ja* от глагола, не сохранившегося в славянских языках с и.-е. **kes-/*kos-*. Проведенный словообразовательный и семантический анализ дает дополнительные аргументы в пользу принадлежности слав. *kaša* к гнезду и.-е. **kes-/*kos-*.

Ключевые слова: каша, крупа, этимология, славянские языки, праиндоевропейский корень **kes-/*kos-*.

Каша как элемент славянской культуры является основным компонентом пищи славян, а часто основной пищей, обеспечивающей жизненное существование. И это, в частности, подтверждают такие фразеологизмы, как рус. *щи да каша — пища наша (мать наша)* [Szypuła 1974: 255] или хотя бы польск. *kasza nasza, pański groch*

или *kasza wysługa nasza* [Kolberg 1977: 187]. У славян был распространен целый ряд обрядов, связанных с кашей, расцениваемой как символ жизни, плодородия, чаще всего связываемой со свадьбой, а также с другими торжествами, напр. крестинами [СД 2: 483-48].

Следует отметить семантическую неоднородность продолжений праслав. **kaša* в славянских языках. В польском языке слово *kasza* относится как к пище, имеющей консистенцию кашицы, приготовленной из грубо обмолоченных зерен хлеба или других растений, напр. гречихи, гороха, бобовых, так и к самой пище кашеобразной консистенции, приготовленной из названных выше компонентов. В чешском языке эта лексема функционирует прежде всего как обозначение пищи, однако в диалектах, напр. моравских, это слово имеет также значение ‘зерно, из которого готовится каша’ [Bartoš 1906: 140; Kazmíř 2001: 119]. Подобная ситуация в словацком языке. В то время как в современном словацком литературном языке эта лексема обозначает пищу кашеобразной консистенции, в историческом словаре словацкого языка находим примеры, указывающие на связь этого слова с сырьем, из которого готовится пища (из зерна грубого помола) [Histor. sloven. jaz. II: 33]. Интерпретация в литературе семантического развития слова *kaša* в полабском языке и лужицких языках вызывает некоторые вопросы, носит спорный характер, но об этом речь пойдет ниже.

В группе южнославянских языков это слово представлено также в упомянутых выше значениях. В словенском языке *kaša* отмечено в значении ‘корм из отшелушенного проса’, редко ‘лишенные шелухи зерна хлеба или приготовленный из них корм’ [SSKJ II: 295]. В сербском и хорватском языках слово *kȁša*: *kȁša* функционирует в качестве обозначения пищи кашеобразной консистенции, но в тех же языках встречается и значение ‘хлебное зерно грубого помола’ [РСКНЈ 9: 373]. В языках болгарском и македонском эта лексема представлена только в значении ‘пища или субстанция кашеобразной консистенции’.

В восточнославянских языках ситуация аналогична той, которую находим в болгарском и македонском языках. В названных языках не встречается употребление лексемы *каша* в значении ‘крупа как сырье, из которого готовится пища’.

Подытоживая сказанное, можно отметить, что во всех славянских языках слово **kaša* служит обозначением пищи, приготовлен-

ной из зерен разного типа, чаще всего хлебных. Только в некоторых языках, часто только в диалектах или исторических источниках, лексема *kaša* служит обозначением сырья, так называемого грубо обмолоченного хлебного зерна, из которого готовится пища густой консистенции. При определении первичного значения этой лексемы важен анализ славянского материала, но не менее важно сопоставление славянских данных с данными других языков индоевропейской семьи. Выбором славянских и индоевропейских близких образований во многом определяется понимание исходного значения слав. **kaša*. Этимологизация слова, изучение слова в индоевропейском контексте помогает выявить признаки, существенные для изначальной семантики слав. **kaša*. Остановимся на некоторых этимологических версиях.

Если оставить в стороне как маловероятное сопоставление чеш. *kaše* с лит. *košē* ‘самый старый вид пищи (нежареной и незаквашенной)’ в словаре Ф. Миклошича [Miklosich: 113], а также в «Этимологическом словаре чешского языка» Голуба и Копечного [Holub, Kopečný: 165] с учетом того, что литовское слово могло быть заимствовано из польского языка [Fraenkel: 284], наиболее вероятными представляются два этимологических объяснения для слав. **kaša.* По одной этимологической версии, автором которой является Г. Ильинский, допускается связь слова **kaša* с праслав. **kvasъ* и др.-инд. *kváthati* ‘варит, готовит’. М. Фасмер, Ф. Славский упоминают это сближение, но характеризуют его как малоправдоподобное и чисто гипотетическое [Фасмер II: 214; Sławski II: 94]. О.Н. Трубачев в статье, опубликованной в 1960 г., поддерживает идею Г. Ильинского о родстве *kaša* с праслав. **kvasъ*, **kysnǫti* (< и.-е. **kṵāt(s)*), ссылаясь на диалектный вариант рус. *каша* в форме *кваша* в значении ‘мучной суп, пища в виде каши’ [Трубачев 1960: 8]. Однако заметим, что исследователь внес изменения в свое понимание этимологии этого слова в статье, опубликованной в 1968 г. (см. ниже).

Большинство исследователей характеризует лексему **kaša* (< **kās-ja*) как изначальный nomen actionis (по образованию аналогично словам *grobla*, ст.-польск. *jedza, kapia*) от глагола, который существовал в праславянском языке, но не сохранился в современных славянских языках. Ф. Славский сравнивает **kaša* с сохранившимися словами в балтийских языках — лит. *kóšti, kóšiu* или лтш. *kâst*, *kâšu* в значении ‘цедить’. Это сравнение принимают многие этимо-

логи, напр. Й. Зубатый, Ф. Безлай, П. Скок, В. Махек, М. Фасмер. Отсюда постулируемое Ф. Славским первоначальное значение — ‘продукт, полученный из размятого, просеянного (процеженного) зерна’ [Sławski II: 94]. В. Борысь в своем «Этимологическом словаре польского языка» пишет по поводу этой гипотезы следующее: «Менее правдоподобна связь с лит. *kóšti, kóšiu* ‘цедить’. В таком случае словом **kaša* обозначалась бы ‘процеженная пища из грубо обмолоченных хлебных зерен’» [Boryś: 224]. Однако представляется правдоподобной предполагаемая Ф. Славским внутренняя связь действия, называемого *процеживанием*, с процессом отделения зерна от шелухи. Связь этих действий просматривается в семантике продолжений и.-е. **koid*-: ср. праслав. **cěditi*, **cěd’ǫ* ‘очистить жидкость, пропуская через сито’ ~ лит. *skáidyti* ‘распадаться, разлагаться, расщепляться’ и лтш. *skaidît* ‘разбавлять’. Попутно заметим, что в статье, посвященной гл. **cěditi,* В. Борысь пишет о том, что этот глагол частично функционировал в значении ‘стать причиной отделения чего-л. (напр. загрязнения)’, позднее на почве праславянского языка произошла специализация значения, отсюда позднейшее значение ‘вызвать отделение от жидкости грязи, нежелательных элементов; очистить жидкость через процеживание’ [Boryś: 53]. В ЭССЯ [ЭССЯ 9: 158] утверждается, что гипотеза о связи лексем слав. **kaša*, лит. *kóšti* и лтш. *kâst* ‘цедить’, хотя и возможна с формальной точки зрения, в плане семантики трудно признать убедительной.

Согласно другой этимологии слав. **kaša* родственно словам **kositi*, **česati* (< и.-е. **kes-/*kos-*). Первым из исследователей, кто отметил родство **kaša* и **kositi*, был А. Потебня. Он сопоставил слав. **kaša* с лит. *kàsti* ‘копать, рыть’, др.-инд. *kaṣati* ‘трет, скребет, царапает’ и предположил в качестве первоначального значение ‘раздробленное зерно’ [Потебня у: Sławski II: 94]. М. Фасмеру представляется эта идея неприемлемой [Фасмер II: 214]. Й. Зубатый и А. Мейе, отклоняя идею А. Потебни, признают наиболее вероятным родство с лит. *kóšti*, лтш. *kâst* со значением ‘цедить’, понимаемого как первоначальное ‘просеивание’. Точку зрения А. Потебни принимает А. С. Мельничук. В статье «Корень **kes*- и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков» он пишет о том, что признаки принадлежности к этимологическому гнезду с и.-е. **kes-/*kos*- имеют такие слова русского языка, как *ка-*

саться, колоть, копать, коса, сено, сечь, час, чаша, чеснок и т.п., среди них рус. *каша*. Все эти слова, по мысли А. С Мельничука, находятся в ближайшем родстве с гл. **česati* с предполагаемым для него первоначальным значением ‘тереть, скрести’. Расширяют понимание семантики этого глагола с.-хорв. *чѐсати* ‘щипать, рвать’, словен. *čésati* ‘рвать, разрывать’ и т. д. [Мельничук 1966: 194-197].

В статье 1968 г. О. Н. Трубачев изменяет свою прежнюю точку зрения об этимологии слав. **kaša* [Трубачев 1960: 8]. Вслед за А. С. Мельничуком он склоняется к объяснению слав. **kaša* в рамках гнезда и.-е. **kes*-. О. Н. Трубачев признает для *kaša* в качестве первичного значение ‘измельченное, раздробленное зерно’, ‘сечка’, а не ‘пища, приготовленная из крупы’, на что как будто бы указывает современное значение слова и производных от него в восточнославянских языках. Слав. **kaša* < **kasja* с первоначальным значением ‘продукт для помола, дробления’ определяется как производное с суф. *-j*-, который участвует в образовании существительных со значением собирательности, от основы гл. **kos(iti)* (< и.-е. **kes-/*kos*-) с удлинением корневого -*o*- в исходной глагольной основе **kos*-, что связано с производным характером имени [Трубачев 1968: 64].

К этому объяснению склоняется и В. Борысь. При этимологическом объяснении слова **kaša* ему представляется наиболее правдоподобной связь слова **kaša* с и.-е. **kes*-: «[…] название действия (вторично конкретизированного) с суф. **-ja* от гл. с корнем в форме **kos*- (как напр. в лит. *kàsti* ‘копать, рыть’) с удлинением корневой гласной **o* в **a*. […], первоначально ‘счесывание’, вторично ‘то, что получается после счесывания; зерна, очищенные от шелухи’» [Boryś: 224].

Эта версия находит отражение и в ЕСУМ. Принимая для лексемы **kaša* первоначальное значение ‘обмолоченное, раздробленное зерно’, авторы словаря ссылаются на родство **kaša* с рус. *косат*ь ‘бить’ [ЭСУМ II: 410].

Отдельно стоит вопрос о принадлежности к этому гнезду полаб. *t’ösör* ‘крупа, каша’. Полабский язык единственный среди славянских языков, в котором не сохранилось слово *kaša*. Вместо этого слова в полабском языке функционировала лексема *t’ösör* в значении ‘крупа, каша’ (подробнее о функционировании этого слова в полабском языке см. [Szydłowska-Ceglowa 1957: 420, 427]). В соответствии с фонетическими процессами полабского языка исходную

форму этого слова в праполабском языке следует реконструировать как **kosorь*. В другой своей работе Б. Шидловска-Цеглова пишет: «К сожалению, несмотря на настойчивые поиски, мне не удалось найти источник этого слова. Вероятно, это слово чужое, немецкое, возможно, родственное нем. *kesche* ‘weichespeise’, *kätsch, ketach* ‘breiartigweich’, *ketschig* ‘schlemig’, австр. *gadach*, бавар. *gätz*, швейцар. *gätsch* ‘strasenkot’, далее силезск. *getze, erzgeb. götze* ‘ein brei’ [Szydłowska-Ceglowa 1963: 92].

О. Н. Трубачев в статье «Заметки по этимологии и сравнительной грамматике» [Трубачев 1968: 63-64] также останавливается на происхождении полаб. *t’ösör* ‘крупа, каша’ и производного от него прилаг. *t’ösărenă*. Он отмечает, что это слово представляет интерес «в словообразовательном и этимологическом отношениях не только само по себе, но и потому, что оно может пролить свет на некоторые формы, широко распространенные в славянских языках» [там же 63]. Он отклоняет мнение К. Полянского, который определяет полаб. *t’ösör* как слово неизвестного происхождения [Polański 1993: 888]. О.Н. Трубачев, напоминая о том, что давно было отмечено родство полабского названия крупы, каши и слав. *kaša*, обращает внимание на разительное словообразовательное сходство полаб. *t’ösör* и таких слов, как болг. *ко̀сер* ‘кривой садовый нож’, с.-хорв. *ко̀сӣр* ‘садовый нож, тесак для обрезания сучьев, веток’, диал. *kosor*, др.-рус. *косоръ, косорь*, рус. *косарь, косырь*. Все эти образования представляют собой производные от основы гл. **kos(iti)* с суф. *-orъ*, *-orь*, *-erь*, *-arь*, *-yrь* со значением ‘орудие для рубки, измельчения’, этимологически и в плане словообразования они тождественны **kosorъ* со значением ‘продукт измельчения’. Тот же принцип наименования положен в основу близких по значению слов, обозначающих просо, крупу: ср. слав. **krupa*, **рьšeno*, нем. *Grütze, Krupa*, т.е. крупа — ‘измельченное, порушенное зерно’. Уместно напомнить, что и Ф. Славский, размышляя над этимологией праслав. **krupa*, также отмечает тесную семантическую связь этого слова с такими праславянскими словами, как *kruchъ*, **krušiti, *krъcha*, которые являются производными с общим корнем **kreu-*:**krou-* ‘ударять, толочь, ломать’, а само слово **krupa* определяется как nomen actionis от гл. **krupiti* [Sławski II: 177].

При изучении этой проблемы важно остановиться на семантике слова *kaša*, а также производных от него в верхнелужицком язы-

ке (в нижнелужицком языке реально отсутствуют следы этого слова). Немецким эквивалентом в.-луж. *kaša* является *manche* ‘разжиженная, разреженная масса, кашица, жидкий суп’ [Kral 1986: 143]. Х. Шустер-Шевц приводит в своем словаре в качестве синонима слово *wusmóż*, тождественное нем. *brei*, т.е. тому, что в польском языке называется словом *kasza*. Он объединяет приведенное выше слово со словами *kawšic*а и *kałšica* ‘krautjauche’, связывая все эти формы с **kalъ*, что как будто бы позволяет объяснить современное значение верхнелужицкого слова. Автор ставит под сомнение родство приведенной выше лексемы с праслав. **kaša* и обращает внимание на тот факт, что крайне редко употребление этого слова в значении ‘каша’. Оно отмечено только в лужицко-немецком словаре Прокопа Ханчки 1782 г., который изобилует богемизмами [Schuster-Šewc 502]. Однако это утверждение представляется малоубедительным. Важно отметить, что во всех славянских языках сильны коннотации слова *kaša* с густой, клейкой субстанцией, напоминающей по своей консистенции этот вид пищи. Большая вероятность того, что у серболужичан вторичная коннотация развилась постепенно и затем полностью вытеснила первичное значение этого слова.

Остальные исследователи скорее склоняются к тому, что в.-луж. *kaša* является эквивалентом лексемы **kaša* на всем славянском пространстве, что современное значение в лужицком языке вторично. К этому надо добавить, что П. Черных, приводя континуанты праслав. **kaša* в современных языках, упоминает также верхнелужицкую лексему в значении ‘кашица’ (т.е. жидкая каша, жидкий суп), ‘месиво’, ‘навозная жижа’, ‘гной’ [Черных I: 389]. М. Фасмер также считает, что данное слово связано с праслав. **kaša* [Фасмер II: 214]. Ф. Славский определяет значение в.-луж. слова как ‘испорченный напиток, испорченная жидкость; кашеобразная масса’ [Sławski II: 95]. Приведенный материал подводит к выводу о том, что значение этой лексемы ‘пища’ было оттеснено на дальний план новыми ассоциациями с густой, непрозрачной субстанцией, имеющей неприятный запах.

Примечательно, что трудно найти точки соприкосновения между слав. **kaša* и полаб. *t’ösör* в значении ‘крупа’. Далеко идущая ассоциация с густой навозной жижей или кровью зверей побуждает скорее к поиску связи с пищей густой клейкой консистенции, чем с отшелушенными или измельченными зернами. Если этимология, к

которой склоняется большинство исследователей, справедлива, то лексема **kaša* должна была функционировать в усиленном значении уже на этапе праславянской общности, и такое предположение помогает понять неоднородность значений в отдельных славянских языках. О. Н. Трубачев следующим образом пишет об этой проблеме: «Реально-семантическая мотивация уже упоминалась выше: крупа — это измельченное, порушенное зерно. Принципиальное различение между крупой и кашей из неё не было видимо, обязательным, кашу обозначали названием для крупы, как это видимо из сосуществования обоих значений — ‘крупа’ и ‘каша’ — у продолжений праслав. **kaša* в разных славянских языках. Естественно считать, что значение ‘крупа, измельченное зерно’ старше» [Трубачев 1968: 64].

В свете приведенных данных представляется интересным соображение А.С. Мельничука, который несколько отходит в сторону от собственно языковых фактов: «Однако как данные этих языков, сохранивших архаические значения слова *kaša*, так и данные истории материальной культуры славян свидетельствуют о том, что название **kāsi̯a* должно было в первую очередь относиться либо к толченому просу, т. е. пшену, либо вообще к вымолоченному зерну. Именно первоначальное значение ‘вымолоченное зерно’ является наиболее естественным основанием для развития у польского слова *kasza* значения ‘семена’ и для образования производного *ка́шка* (*kaška*) со значением ‘соцветие’ и т. д., между тем как от значения ‘просеянная крупа из молотого зерна’ такого развития ожидать трудно. Вместе с тем известно, что очистка пшена или вымолоченного зерна в примитивных условиях производится не просеиванием, а отвеиванием, и, таким образом, понимание названия **kāsi̯a*, относимого к пригодному для приготовления пищи зерну, как «просеянного», теряет под собой реальную почву. Ввиду этого слово **kāsi̯a* скорее всего может рассматриваться как производное от корня **kes-/*kos-*, образованное по типу отношения *grebǫ–grobъ–grabja-* (русск. *гра́бли*, чеш. *hrábě*) и обозначавшее вначале ‘толченное’ или ‘вымолоченное’ [Мельничук 1966: 232].

Представляется, что это положение, основанное на наблюдении реалий материально-бытовой культуры, можно считать сильным аргументом в пользу принадлежащей А. Потебне этимологии, предполагающей связь слова *kaša* с индоевропейским корнем **kes-/*kos-*.

Литература

Мельничук А. С. Корень **kes-* и его разновидности в лексике славянских и других индоевропейских языков // Этимология 1966. Отв. ред. Трубачев О. Н. Москва: Наука, 1968, с. 194–240.

Трубачев О. Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология 1968. Отв. ред. Трубачев О. Н. Москва: Наука, 1971.

Трубачев О. Н. Из истории названий каш в славянских языках // «Slavia», ročn. XXIX, 1960.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV, Москва: Прогресс, 1964–1973.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II, Москва: Русский язык, 1994.

Bartoš F. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1955.

Historický slovník slovenského jazyka. Ved. red. M. Majtán. T. I–VII, Bratislava, 1991–2008.

Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

Jakubaš F. Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954.

Kazmíř S. Slovník valašského nářeči. Vsetín, 2001.

Kolberg O. Przysłowia. Warszawa, 1977.

Kral J. Serbsko-němski słownik hornjołužiskeje serbskeje rěče. Fotomechanischer Neudruck mit einem Vorwort von H. Jentsch. Bautzen, 1986 [1. wyd.: Budyšin 1927].

Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Polański K. Słownik etymologiczny Drzewian połabskich. Warszawa, 1993.

Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I–V. Kraków, 1952–1982.

Szypuła R. Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski. Warszawa, 1974.

Szydłowska-Ceglowa B. Materialna kultura ludowa Drzewian połabskich w świetle poszukiwań słownikowych // LUD. T. XLVIII. Wrocław, 1963, c. 19–256.

Szydłowska-Ceglowa B. Zdobywanie i przygotowywanie żywności u Połabian w świetle zabytków języka połabskiego // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. T. II. Warszawa, 1957, c. 414–440.

Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. T. I–XXIV, Bautzen, 1978–1989.

Сокращения

ЕСУМ: Етимологічний словник української мови. Ред. О. С. Мельничук et al., Т. I–VI, Київ, 1982–2012.

РСКНЈ: Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Т. I–XV, Београд: Институт за српскохрватски језик, 1959–1996–.

СД: Славянские древности. Т. I–VI. М.: Изд. «Международные отношения», 1995–2012.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд.. Под ред. О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева. Вып. 1–39–. Москва: Наука, 1974–2014–.

SSKJ: Slovar slovenskega knjižnega jezika. Preds. gl. uredn. odbora M. Klopčič. T. I–V, Ljubljana: Slovenska Akademija znanosti in umetnosti, ZRC, Inštitut za slovenski jezik, 1970–1991.

Перевела с польского языка Л. В. Куркина

Szymon Pogwizd
Institute of Slavistics of Polish Academy of Science.
(Poland, Cracow)
szymonns@autograf.pl

THE PROBLEM OF SEMANTIC DEVELOPMENT OF SLAVIC LEXEME ****kaša*.**

The Proto-Slavic lexeme **kaša* exists almost in all Slavic languages. The present article offers an analysis of the semantic development of this word in all contemporary Slavic languages. Differences between future

tense forms of Slavic *kaša* are compared. In individual Slavic languages there are two fundamental meanings: the first, more common,‘dense meal of barley’, the second ‘barley’. This article offers an attempt to establish the original meaning, i.e. the one attributable to Proto-Slavic. Theories on origins of this word are quoted. Among the most probable ones, two are mentioned regarding etymology of the word **kaša*: the first one links it to the Lituianian verb *kóšti, kóšiu* ‘strain’; the second one derives it from Proto-Indo-European **kes-/*kos-* ‘to scratch’ and compares this lexeme with Lithuanian *kàsti* ‘dig’, *kasýti* ‘peel, scrape’ as well as Latin carro, -*ere* ‘brush’. It is proposed that the word **kaša* derives from **kās-ja*, which would be a nomen actionis to a verb which does not exist in modern Slavic languages. The structural and semantic analysis presented in the article supports this hypothesis.

Key words: porridge, groats, hulled grain, etymology, Slavic languages, Proto- ndo-European root * *kes-/*kos-*.

References

Bartoš F. *Dialektický slovník moravský* [Moravian Dialectal Dictionary]. Prague, 1906.

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Krakow, Literary Publisher Publ., 2005.

Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologichekii slovar’ sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Vol. I–II, Moscow, Russkii yazyk Publ., 1994.

Etimologichniy slovnik ukrayins'koy movi [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Ed. O. S. Mel'nichuk etc. Vol. I–VI, Kiev, 1982–2012.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, Translated and augmented by O. N. Trubachev, Moscow, Progress Publ., 1964–1973.

Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch* [Lithuanian Etymological Dictionary]. Heidelberg, 1955.

Holub J., Kopečný F. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of the Czech Language]. Prague, 1952.

Jakubaš F. *Hornjoserbsko-němski słownik* [Upper Sorbian-German Dictionary]. Bautzen, 1954.

Kazmíř S. *Slovník valašského nářeči* [Dictionary of Moravian Wallachia Dialect]. Vsetín, 2001.

Klopčič M. (Ed.). *Slovar slovenskega knjižnega jezika* [Literary Dictionary of Slovene Language]. Vol. I–V, Ljubljana, 1970–1991.

Kolberg O. *Przysłowia* [Proverbs]. Warsaw, 1977.

Kral J. *Serbsko-němski słownik hornjołužiskeje serbskeje rěče* [Sorbian-German Dictionary of the Upper Sorbian Language]. Bautzen, 1986.

Majtán M. (Ed.). *Historický slovník slovenského jazyka* [Historical Dictionary of the Slovak Language]. Vol. I–VII, Bratislava, 1991–2008.

Mel'nichuk A. S. [The Root **kes* and Its Varieties in the Slavic Lexicon and other Indo-European Languages]. *Etimologia 1966* [Etymology 1966].Trubachev O. N. (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 194–240. (In Russ.)

Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* [Etymological Dictionary of Slavic Language]. Wien, 1886. 547 p.

Polański K. *Słownik etymologiczny Drzewian połabskich* [Etymological Dictionary of the Language of the Polabian Drevian'e]. Warszawa, 1993.

Rechnik srpskokhrvatskog knizhevnog i narodnog jezika [Dictionary of the Serbo-Croatian Literary and Folk Language]. Beograd, Institute of the Serbian Language Publ., 1959–1996-

Schuster-Šewc H. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache* [Historical-Etymological Dictionary of Upper and Lower Sorbian]. Bautzen, 1978–1996. (In Germ.)

Slavianskie drevnosti [Slavic Antiquities]. Vol. I–VI, Moscow, Mezhdunarodnyie otnosheniya Publ., 1995–2012.

Sławski F. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Vol. I–V, Cracow, 1952–1982.

Szydłowska-Ceglowa B. [Folk Material Culture of the Polabian Drevian'e in the light of Research for a Dictionary]. *Lud*, 1963, Vol. XLVIII, Wrocław, pp.19–256. (In. Pol.)

Szydłowska-Ceglowa B. [Obtaining and preparing of food by the Polabians in the light of Polabian language relics]. *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej*, Vol. II, 1957, pp. 414–440. (In Pol.)

Szypuła R. *Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko-rosyjski* [Russian-Polish and Polish-Russian Dictionary of Proverbs]. Warsaw, 1974.

Trubachev O. N. [From the History of Groat Names in Slavic Languages]. *Slavia, XXIX*, 1960. (In Russ.)

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (Eds.). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Iss. 1–39, Ed. O. N. Trubachev (Iss. 1–31), A. F. Zhuravlev (Iss. 32–39). Moscow, Nauka Publ., 1974– 2014–.

Trubachev O. N. [Notes on Etymology and Grammar]. *Etimologia 1968* [Etymology 1968]. O. N. Trubachev (Ed.). Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 24–67. (In Russ.)

М. Рачева
(Болгария, София)
gelevdp@gmail.com

О ДРЕВНЕРУССКИХ АСТРОНОМИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЯХ АРАБСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И О ПЕРИПЕТИЯХ ИХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Прослеживая начавшуюся еще в середине XIX в. противоречивую историю этимологического изучения группы засвидетельствованных в древнерусских памятниках XV-XVII вв. астрономических наименований арабского происхождения, автор статьи расширяет и достраивает свое более раннее исследование на ту же тему. Новые данные, дополнения и соображения уточняют, дополняют и подтверждают ее тезис о тюркском посредничестве при заимствовании этих наименований в условиях специфического тюркско-русского билингвизма.

Ключевые слова: этимология, астрономические наименования, арабизмы, древнерусский язык, тюркское посредничество, персидский язык, билингвизм.

В основополагающем труде Ф. Миклошича «Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen» представлено несколько наименований небесных тел, определяемых как «старословенские” (“*aslov*.”): *komamarь* ‘Луна’ [Miklosich 1884: 235], *emerihъ* ‘Марс’ [Miklosich 1889: 85], *moštirь* ‘Юпитер’ [Miklosich 1889: 88], *vsugra, sugra* ‘Венера’ [Miklosich 1890: 69, 70], *zugelь*, *zubelь* ‘Сатурн’ [Miklosich 1890: 70], *imara* ‘Марс’ [Miklosich 1890: 175]. С формальной точки зрения в конкретных этимологических толкованиях Миклошич решил основные проблемы этимологиче-

ского исследования этих наименований: он определил язык-источник, язык-преемник и предполагаемое языковое посредничество при заимствовании, так как привел исходные формы в арабской графике; язык-преемник определен как «старословенский» и указаны соответствующие посреднические формы, извлеченные из известного османо-турецкого словаря Ценкера [Zenker 1866–1870].

После Миклошича только Ив. Шишманов, хотя и бегло, обратил внимание на эту экзотическую группу лексики, поскольку в своем филологическом труде «Критичен поглед върху въпроса за прабългарите от езиково гледище и етимологията на името *българин*», намереваясь установить булгарское лексическое наследие в болгарском языке, попытался лишь «элиминировать» арабские астрономические термины **соугра, зоугра, емерихъ, зоугель, имара, мощиръ, комаръ** вместе с «сомнительными турецкими (тюркскими? — *М. Р.*) элементами» **мьшель, самаръ, сокачь, сънъ, чьпагъ, к ла, катоунъ, ковчегъ, баѩти** [Шишманов 1900: 669–671]. Все эти слова Шишманов предварительно включает в большую группу заимствований восточного происхождения, проникших, по мнению автора, в болгарский язык в период между VII и XIV вв. Поэтому относящиеся к этим астрономическим наименованиям определения “altslovenisch” (Миклошич) и «старославянски (працърковнославянски)» (Шишманов) контекстуально соответствуют определению «древнеболгарский», понимаемого как “язык болгарской народности по памятникам до XIV в.” [БЕР I: Предговор, V; см. подробнее Георгиев 1958: 165–183].

Известно, что более поздние исследования подтвердили именно раннее тюркское происхождение или раннее тюркское посредничество при заимствовании некоторых из приведенных «сомнительных элементов». Результаты анализа указанных астрономических наименований у обоих авторов тоже не являются безусловно приемлемыми с современной точки зрения. Так, например, анализ Миклошича основывается все же на ранней стадии развития славистики и не очень глубоком познании проблем, связанных с исследованием внеславистических фактов. Еще более бегло Шишманов коснулся указанных заимствований. Как станет ясно по ходу дальнейшего изложения, предпринятая к настоящему времени ревизия наталкивается на немалое количество недоразумений, пропусков и неточностей, накопившихся за довольно короткую историю исследования, а

некоторые основные проблемы, решенные предыдущими исследователями формально, в действительности представляют серьезные трудности, отдаляющие достижение оптимальных результатов на современном уровне исследования.

Заимствования в древнеболгарский или в древнерусский язык?

Указанные наименования засвидетельствованы в двух рукописях XVII в.: № 231 и № 232 из Московский синодальной библиотеки по Описи А. В. Горского и К. Н. Невоструева [Горский, Невоструев 1862]. Источниками для Ф. Миклошича были следующие опубликованные в Описи отрывки из этих рукописей:

А ѡ звѣздахъ тако намъ повѣдаетъ ꙗко звѣзды исподи сꙋтъ подъ твердію, ниже двою частью высоты небесныѧ дви–жими ѡбращаеми от слꙋжбы чина невидимыхъ силъ надъ ними же есть седмъ планит рекша и поѧси. сѣ же звѣзды ходѧтъ предь солньцамъ и по солньци седмъ. зꙋгель ходѧтъ три лѣта. а поилъ, мощиръ едино лѣто. емерихъ четыредесѧть пет дни. въ шимесъ мсцъ. ѳꙋзꙋгра два лѣта и пѧть дни. ѡоутеиѳъ восмъ дни. ꙗко мамаръ два дни. тѣ же оубо звѣзды не сꙋтъ безъ лѣпоты. но всѣмъ члкомъ в знамен_ьѧ сꙋтъ и птицамъ и звѣремъ земнымъ (рук. № 231, л. 104 обр.) [Горский, Невоструев 1862: 91–92];

зꙋбелъ ходит г. лѣта и кол мощыръ, едино лѣто, емериѯ ме днеи. в шнмес единъ мсц. всꙋгра. в. лѣта. _ е днеи. фꙋтеифъ и днеи. имар в. дни (рук. № 232, л. 149 обр.) [Горский, Невоструев 1862: 114].

По охвату рассматриваемых астрономических наименований оба отрывка, как видно, совпадают. В том виде, который нам доступен, первый из них содержит ясные следы русской редакции текста (ср. **сꙋтъ, твердію, частью, солньцамъ** и др.), для которого условно допустимо староболгарское происхождение, однако оно не может быть доказано конкретно. Все указанное, вместе с весьма поздним происхождением памятников, в которых засвидетельствованы анализируемые наименования, объясняет, почему эти наименования не включались после Ф. Миклошича в какой-либо из известных древнеболгарских, старославянских, церков-

нославянских словарей. Но они отсутствуют и в словаре Срезневского, обойдены вниманием и в новом Словаре русского языка XI-XVII вв. [СлРЯ XI–XVII вв.], поскольку в уже опубликованных томах отсутствуют на соответствующем алфавитном месте **емє–рихъ, зꙋгєль** и т. д. Последнее обстоятельство, хотя, возможно, и вызванное случайными причинами, усиливает возникшую вокруг этих слов «атмосферу несовременной запущенности» и оправдывает те усилия, которые могли бы привести к их повторному включению в научное обращение на новом уровне исследования. Результаты предпринятой с этой целью ревизии затрагивают в первую очередь идентификацию указанных астрономических терминов как арабизмов.

Об идентификации форм и о некоторых их искажениях

Миклошич не был самостоятелен при идентификации засвидетельствованных форм наименований как арабизмов — с теми или иными неточностями и пропусками это сделали авторы Описи в коротком комментарии к тексту из рукописи № 231: «Выписанные здесь названия заимствованы из арабского языка: **зꙋгєль** *suhhel* Сатурн; **мощиръ** *muschtari* Юпитер; **емєрихъ** *mirrih* Марс; **шимєсъ** *schems* Солнце; **зꙋгра** *zuhara* Венера; **комамаръ** *kamara* Луна» [Горский, Невоструев 1862: 92]. Включая эти слова в свое изложение непоследовательно (без учета одного и того же источника — в четырех разных, опубликованных в разные годы алфавитных порядках), Миклошич упустил, как видно, название **шимєсъ** (рук. № 231), **шнмєс** (рук. № 232) ‘Солнце’.

Форма **имара**, идентифицированная Миклошичем с араб. *mirrih* ‘Марс’ (то же без проверки повторяет и Шишманов, см. выше), не представлена в источниках. Вероятно, эта ошибочная форма основывается на написании **имар** в отрывке из рук. № 232 (приведенная Миклошичем пагинация Описи и рукописи совпадает). Но соответствующие тексты **ꙗко мамаръ два дни** из рук. № 231 и **имар в дни** из рук. № 232 ясно указывают на то, что **имар** следует отождествлять не с араб. *mirrīh* ‘Марс’, а с араб. *qamar* ‘Луна’.

Несостоятельна и форма **комамаръ** ‘Луна’, представленная в комментарии А. В. Горского и К. Н. Невоструева и повторенная Миклошичем. Очевидно, она возникла из-за неверного членения

сочетания **ꙗко мамаръ** в отрывке из рук. № 231, где **мамаръ** — искаженная форма, восходящая к араб. *qamar* ‘Луна’.

Подлежит идентификации еще одно оставленное без толкования предшествующими исследователями наименование небесного тела в опубликованных отрывках: **ѡоутеиѳъ** в рук. № 231, которому соответствует **фꙋтеифъ** в рук. № 232. Можно с уверенностью утверждать, что, подобно ряду других искаженных форм, содержащихся в двух отрывках, эти два написания представляют собой сильно деформированное арабское наименование *ʿuṭarid* планеты Меркурий. Это утверждение находит поддержку в последнем предложении отрывка из рук. № 231, в котором отмечается, что «эти звезды… суть знамения всем человекам, птицам и зверям земным». Известно, что астрология издревле приписывает влияние на человеческую судьбу семи небесным телам: Солнцу, Луне, Меркурию, Венере, Марсу, Юпитеру и Сатурну. Идентификация шести их арабских наименований в приведенных отрывках и категорическое указание на их астрологическое значение обеспечивают надежную идентификацию седьмого наименования.

О языковом посредничестве при заимствовании

В связи с предполагаемым языковым посредничеством при заимствовании арабских наименований следует подчеркнуть следующее.

Нет фактов, подтверждающих предположение о прямом заимствовании из арабского, а для решения проблем языкового посредничества при заимствовании терминологической лексики существенное значение имеют не только соображения культурно-исторического характера, но и результаты языкового анализа. Исследование Миклошича неудовлетворительно в обоих отношениях. Если все же предварительно предполагать древнеболгарскую локализацию заимствований, османо-турецкий язык, на который указывает Миклошич, является анахронизмом, а с учетом более вероятной собственно русской локализации он несостоятелен. Конкретный же звуковой анализ вовсе отсутствует у предшествующих исследователей.

Важно отметить, что порядок следования названий небесных тел в двух указанных отрывках не соответствует их астрологическому

порядку по дням недели, как следовало бы ожидать с учетом того, что сборники, из которых происходят отрывки, являются недельниками, но точно соответствует античной геоцентрической системе Клавдия Птолемея, начиная, в соответствии с ее порядком, с наиболее отдаленного от Земли объекта, а именно: Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий, Луна. Образец Птолемеевской геоцентрической системы подтверждается средним положением Солнца в ряду «кружащихся вокруг земли» небесных тел, что совпадает в обоих отрывках и на что внятно указано в отрывке из рук. № 231: «Эти звезды ходят перед Солнцем и за Солнцем семь». Идентификация **шимесъ** = Солнце определена в этом тексте недвусмысленно.

В контексте общих культурно-исторических соображений следует напомнить, что благодаря сделанным в первой половине IX в. переводам трудов Клавдия Птолемея с греческого на арабский язык арабы не только спасли от забвения греческую классическую астрономию, но стали проводниками ее традиций и среди народов Средней Азии, где астрономия пережила истинный расцвет в период с IX по XV вв., а также на Пиринейском полуострове благодаря переводу астрономических таблиц с арабского на испанский язык в XIII в. Испанское посредничество применительно к конкретному случаю представляется невероятным, но посредничество персидского языка и подверженных мощному арабскому и персидскому влиянию тюркских языков, которые в период после IX в. контактируют со славянскими языками, правдоподобно и заслуживает внимательного изучения.

Существенные предварительные трудности на пути конкретного звукового анализа представляют изменения, возникшие из-за деформаций графического происхождения, поскольку не во всех случаях эти нефонетические изменения можно с уверенностью определить и исключить из звукового анализа. Сильные искажения наблюдаются даже в славянских словах: в отрывке из рук. № 231 **а поилъ** появляется вместо **и полъ**, как было отмечено авторами Описи, а в рук. № 232 в этом же месте представлен другой вид деформации: **и кол.** Впечатляет то, что процесс деформации продолжался и у филологически подготовленных исследователей в случаях, уже отмеченных выше, в которых появляются несуществующие в источниках формы **имара** и **комамаръ**. О нефонетическом происхождении изменений можно с достаточной уверенностью думать и в следующих случаях:

зꙋбєль (рук. № 232) вместо **зꙋгєль** (рук. № 231), восходящего к араб. *zuḥal* ‘Сатурн’;

мамаръ (рук. № 231), **имар** (рук. № 232) вместо не засвидетельствованной без деформации формы, восходящей к араб. *qamar* ‘Луна’;

ѡꙋтєнѳъ (рук. № 231), **фꙋтєнфъ** (рук. № 232) вместо не засвидетельствованной без деформации формы, восходящей к араб. *ʿuṭārid* ‘Меркурий’. В последнем случае изменения нефонетические постольку, поскольку **ѡ**, очевидно, неверно прочитанное по причине графического сходства и замененное в начале второго написания на **ф**, не поддается правдоподобному объяснению как возможное отражение начального ларингала в исходной арабской форме; поскольку выпадение согласного *r*, известное как явление в тюркских языках, не соответствует известным тюркским типам элизии *r* с учетом возможного тюркского посредничества при заимствовании; поскольку конечное *d* исходной арабской формы, которое замещено на **ѳ** в первом написании, все же удовлетворительно объясняется графическим смешением кириллических букв **д** и **ѳ**. Последнее соображение делает сомнительным предварительное предположение о том, что это **ѳ** могло бы отражать конечный оглушенный тюркский *δ*, а вторичная замена конечного **ѳ** конечным **ф**, вероятнее всего, соответствует обычной в русском языке замене греческого *θ* на *ф*, что является существенным аргументом в пользу русской локализации заимствований.

Не объяснено предыдущими исследователями и не имеет до сих пор надежного объяснения **въ** в сочетании **въ шимєсъ** из рук. № 231, ср. **в шнмєс** из рук. № 232, которое неясно в смысловом и в синтаксическом отношении в рамках славянских языков. Можно было бы думать, что в нем отражается заимствованный в ряде тюркских языков арабский союз *wa* ‘и’, довольно точно соответствующий тексту в смысловом отношении. Подобное толкование приводит, со своей стороны, к предположению о существовании весьма специфических условий билингвизма при возникновении оригинала указанных текстов. Впрочем, основания для подобного предположения дают и результаты звукового анализа, которые будут изложены ниже.

Засвидетельствованные формы наименований дают основание предполагать персидское посредничество при их заимствовании в

тюркский язык, из которого они были непосредственно заимствованы в древнерусский язык. Особенно недвусмысленной представляется форма **емериχъ** (рук. № 231), **емериχ** (рук. № 232) с **е** на месте араб. *i*, как в перс. *merrīh* < араб. *mirrīh* ‘Марс’. Подобная опосредованная персидским языком форма существует в османо-турецком языке: *merih* наряду с *mirrîh*. Сопоставление с персидским звуковым обликом указанных заимствований арабского происхождения представляется существенным как основа для выяснения следующего этапа посредничества, так как подобное сопоставление позволяет уловить некоторые звуковые особенности возможного тюркского посредничества, которые при ином подходе не доступны для наблюдения[1]:

Отражения перехода араб. *a* > перс. *ä* >> *i*:

араб. *šams* ‘Солнце’ > перс. *šäms* ~ >> **шимесъ** (рук. № 231), **шимес** (рук. № 232); араб. *muštarī* ‘Юпитер’ > перс. *moštärī* ~ >> **мощиръ** (рук. № 231), **мощыръ** (рук. № 232); ср., однако, и араб. *zuḥal* ‘Сатурн’ > перс. *zoḥäl* ~ >> **зꙋгель** (рук. № 231), **зꙋбелъ** (рук. № 232), где перс. *ä* = *e*.

Отражения араб. *u* > перс. *o* как *u*:

араб. *zuḥal* ‘Сатурн’ > перс. *zoḥäl* ~ >> **зꙋгель** (рук. № 231), **зꙋбелъ** (рук. № 232); араб. *zuḫara* ‘Венера’ > перс. *zoḫre* ~ >> **ѳꙋзꙋгра** (рук. № 231), **всꙋгра** (рук. № 232); араб. *ʿuṭārid* ‘Меркурий’ > перс. *oṭāred* ~ >> **ѡоꙋтеиѳъ** (рук. № 231), **фꙋтеифъ** (рук. № 232); ср., однако, и араб. *muštarī* ‘Юпитер’ > перс. *moštärī* ~ >> **мощиръ** (рук. № 231), **мощыръ** (рук. № 232), где *o* = *o*.

Отражения перехода *a* > *e* по соседству с *r*:

Араб. *ʿuṭārid* ‘Меркурий’ > перс. *oṭared* ~ >> **ѡоꙋтеиѳъ** (рук. № 231), **фꙋтеифъ** (рук. № 232).

Отражения перехода *z* > δ:

араб. *zuḫar*a ‘Венера’ > перс. *zoḫre* ~ >> **ѳꙋзꙋгра** (рук. № 231), **всꙋгра**, (рук. № 232); ср., однако, и араб. *zuḥal* ‘Сатурн’ > перс. *zoḥäl* ~ >> **зꙋгель** (рук. № 231), **зꙋбелъ** (рук. № 232), где *z* = *z*.

Переходы *ä* > *i*, *o* > *u*, *a* > *e* по соседству с *r* и *z* > *δ*, хотя и отражаются непоследовательно, правдоподобно локализуются в тюркских языках Поволжья с кыпчакско-булгарской основой: башкирском и татарском.

[1] Знаками ~>> и <<~ отмечается ниже соотносительность форм в условиях неоднократно опосредованного заимствования.

Отражение араб. *ḥ* и *ḫ* как *g*:

араб. *zuḥal* ‘Сатурн’ > перс. *zoḥäl* ~ >> **зꙋгєль** (рук. № 231), графически искаженное как **зꙋбєлъ** (рук. № 232); араб. *zuḫara* ‘Венера’ > перс. *zoḫre* ~ >> **ѕꙋгра** (рук. № 231), **всꙋгра** (рук. № 232); ср., однако, и араб. *mirrīh* ‘Марс’ > перс. *merrīh* ~ >> **емєрихъ** (рук. № 231), **емєрих** (рук. № 231), где *h* = *h*, вызывает ассоциации с переходом *h* > *g* в кыпчакских языках (единично в Codex Cumanucus, регулярно в современном караимском языке, ср. также весьма вероятное кыпчакское посредничество в сербохорв. *могориш* (XIII и XIV вв.), *магариш* (XIV в.) ‘вид земледельческого налога’, рус. *могорыч*, *магарыч* ‘угощение после сделки’ << араб. *maḥārig̃* ‘расход, выплата’). Но так как замещение чужого заднеязычного фрикативного согласного заднеязычным смычным (фрикативным в конце слова) — явление, известное и характерное для ряда русских диалектов, уже утвердившееся к XVII в., эта звуковая особнность в рассматриваемых наименованиях имеет двусмысленный характер как знак конкретного тюркского посредничества.

*

Итак, кроме реставрации засвидетельствованного лексического материала по доступным источникам, предпринятый анализ предлагает следующие результаты, одни из которых имеют окончательный, другие же предварительный характер.

Выглядит окончательно установленным то, что опубликованные отрывки содержат наименования арабского происхождения небесных тел Сатурна, Юпитера, Марса, Солнца, Венеры, Меркурия, Луны и что их порядок в изложении не произволен, а соответствует воспринятой из средневековой арабской астрономии геоцентрической системе античного греческого астронома Клавдия Птолемея.

Выглядит достаточно аргументированным предположение о собственно русском происхождении этих текстов при отсутствии серьезных аргументов в пользу их древнеболгарского происхождения, при этом текст рук. № 231, вероятно, ближе к протографу, нежели текст рук. № 232.

Выглядит достоверным предположение, что непрямой путь заимствования, классический для заимствований арабского происхождения в славянских языках, проходит конкретно через персидский и через какой-нибудь из кыпчакско-булгарских языков Поволжья, при этом складывается впечатление о некнижном происхождении, о за-

писи, непосредственно осуществленной носителем тюркского языка. Основания для подобного предположения дает как стремление найти графическое выражение весьма специфическому, чуждому славянскому уху звуку *δ* посредством буквосочетаний **ѳз**, **вс**, так и колебания при передаче гласных звуков. Следовательно, наиболее перспективным направлением в дальнейшем изучении указанных заимствований является тюркологический анализ, так как астрономические наименования арабского происхождения в указанных русских памятниках XVII в. представляют отражения живых лексических элементов тюркского языка-посредника той же или более ранней эпохи, которые содержат признаки соответствующей этой эпохе тюркской языковой дифференциации.

II

Ряд ожидающих своего решения проблем были предложены вниманию будущих исследователей в представленном выше, опубликованном в 1981 г. анализе засвидетельствованных в двух древнерусских рукописях XVII в. астрономических наименований арабского происхождения [Рачева 1981], изучение которых, надолго прерванное, началось во второй половине XIX в. Неожиданное и важное новое направление приобрело это изучение с появлением несколькими годами позже ценной статьи А. В. Чернецова «Древнерусские знаки небесных светил» [Чернецов 1985]. В указанное исследование, посвященное древнерусской астральной символике в памятниках с XI по XVII в., включены и астрономические знаки, найденные в Изборнике Симеона-Святослава 1073 г., но особенно важными для настоящего исследования являются знаки, засвидетельствованные в одной более ранней, нежели упомянутые тексты XVII в., относящейся к XV в. части сборника Слов Иоанна Златоуста. Имеется в виду рук. № 943 из Погодинского собрания в РНГ. В этом древнерусском тексте XV в. засвидетельствованы, аналогично представленным уже текстам XVII в., не обычные для древнерусской книжности среднегреческие наименования планет, а их арабские соответствия. Сам текст не представлен в статье Чернецова, а наименования приведены в современном написании. Из-за несомненной условности этих современных написаний по отношению к оригинальным написаниям в тексте XV в. здесь каждое из них при-

водится в кавычках. В соответствии с представленной у автора последовательностью это — «*Зугел*», «*Мошир*», «*Емерих*», «*Шимес*», «*Зугра*», «*Утенф*», «*Юмамар*» [Чернецов 1985: 6]. Последовательность наименований, как видно, тоже Птолемеевская, но наблюдаются различия при деформациях по сравнению с формами XVII в., ср. «*Мошир*» и **моциръ**, **моцыръ** ~ < араб. *muštarī* ‘Юпитер’, «*Утенф*» и **ѡоутенѳъ**, **фꙋтенфъ** ~ < араб. *ʿuṭārid* ‘Меркурий’, «*Юмамар*» и **мамаръ**, **имар** ~ < араб. *qamar* ‘Луна’. По написаниям в том виде, в каком они представлены у Чернецова, конкретика этой деформации не могла бы подтвердить одно предположение о прямом происхождении форм XVII в. из указанных форм XV в., поскольку **ш** в «*Мошир*» XV в. есть деформация **щ**, а не наоборот, *н* в «*Унтеф*» происходит из **и**, а не наоборот, иными были, несомненно, и предпосылки для возникновения деформированного наименования «*Юмамар*» по сравнению с **мамаръ**, **имар**.

О деформированных астрономических знаках

А. В. Чернецов отмечает употребление неполной серии астрономических знаков в упомянутом фрагменте Погодинского Златоуста XV в. (далее ПЗ XV в.). Подобные знаки встречаются только при наименованиях, представленных автором как «*Мошир*» ‘Юпитер’, «*Шимес*» ‘Солнце’, «*Зугра*» ‘Венера’ и «*Утенф*» ‘Меркурий’. Автор отмечает и своеобразные начертания некоторых из этих астрономических знаков, которые определяются, по его мнению, особенностями неизвестного первоисточника, а именно: своеобразие знака для «*Мошир*» ‘Юпитер’ (в виде креста, точнее, глаголической буквы *«а»*), знака для «*Зугра*» ‘Венера’ (в виде круга, внутри которого проведены две поперечные черты, а сверху и снизу выходят вертикальные черточки) и знака для «*Шимес*» ‘Солнце’ (у которого неправильные округлые очертания, возможно, по мнению автора, под влиянием начертания греческой скорописной «теты») [Чернецов 1985: 6]. Описанные начертания знаков из ПЗ XV в. представлены автором и графически в ценном сопоставлении с их соответствиями из включенных в исследование памятников [Чернецов 1985: 5]. Особенно важным является вывод автора, согласно которому первообразы из византийских и других рукописей большинства этих астрономических знаков подвергались на Руси искажениям и

дальнейшим трансформациям, а это приводило к разнообразию их начертаний и к «путанице». Автор считает очевидным, что не существовало устойчивой традиции употребления этих знаков — во всяком случае, не на рубеже XVI-XVII вв. По мнению автора, «судя по разнобою начертаний, значки были нечитаемы даже для писцов, которые лишь механически их перерисовывали», о чем свидетельствует неполнота некоторых серий и искажение знаков под влиянием привычных начертаний букв [Чернецов 1985: 7].

Наблюдения Чернецова указывают на новые, отличные от допускаемых в предыдущем анализе [Рачева 1981] возможности толкования явно измененного начала некоторых наименований небесных тел, а именно:

в наименовании, соответствующем араб. *ʿuṭārid* ‘Меркурий’, засвидетельствованном в указанных текстах XVII в. в виде вариантов **ѡоутеиѳъ** и **фѹтеифъ**, для которых было предложено в указанном анализе тоже нефонетическое, но иное происхождение изменений;

в названии, соответствующем араб. *šams* ‘Солнце’, засвидетельствованном в этих текстах в виде вариантов **въ шимесъ** и **в шнмес**, по поводу которых было высказано осторожное предположение об отражении заимствованного в ряде тюркских языков арабского союза *wa* ‘и’;

в названии, соответствующем араб. *zuḥara* ‘Венера’, засвидетельствованном в этих текстах в виде вариантов **дзѹгра**, **всѹгра**, в отношении которых было высказано предположение об отражении тюркского перехода *z* > *δ* (см. конкретно об этом выше).

В настоящий момент с уверенностью можно предполагать, что изменения в этих случаях имели иную обусловленность — что они были связаны с употреблением некоторых исследованных Чернецовым астрономических знаков, воспроизведение которых осуществлялось в условиях наблюдаемой этим автором доминирующей произвольности, определяемой им как «путаница».

Сюда же следует добавить и не обсуждавшийся до сих пор, напоминающий протезу начальный гласный **є** в засвидетельствованных опять же в текстах XVII в. вариантах **емериχъ**, **емериχ** ~<< перс. *merrīh* < араб. *mirrīh* ‘Марс’, как и в варианте «*Емерих*» из ПЗ XV в., по Чернецову. В отличие от правдоподобного протетического характера **є** во втором слоге форм **шимесъ**, **шимес** ~<< перс. *šäms* < араб. *šams* ‘Солнце’, начальный **є** в **емериχъ**, **емериχ**, «Емерих» ‘Марс’

представляет, вероятнее всего, не протезу, а искаженное отражение соответствующего астрономического знака. Судя по сопоставительной таблице исследованных Чернецовым древнерусских астрономических знаков, подобные варьирующиеся, но близкие к облику буквы **є** изображения астрономического знака Марса действительно засвидетельствованы в некоторых из включенных в исследование памятниках.

Но эту разрушительную произвольность изменений в начале некоторых из указанных названий, возникших как результат графических искажений предшествующих им графических знаков (за которыми последовали и графические искажения в концовке форм **ѡѵтєиѳъ** и **ф҃ѵтєифъ**), не следует механически переносить и на толкование представленных в предыдущем анализе тех или иных звуковых изменений в середине слова, а точнее — на явные признаки персидского посредничества при заимствовании конкретных наименований, как и на толкование некоторых других звуковых переходов, которые в определенной степени связывают формы заимствований с непосредственным устным тюркским источником.

О реальностях и о фикциях в другой отличной версии

Объяснимо при данных обстоятельствах то внимание, которое вызывает первое после появления Описи Горского и Невоструева в далеком 1862 г. исследование указанных наименований на родной почве, каким является статья Е. Г. Водолазкина «К вопросу об арабских наименованиях планет в древнерусской книжности» [Водолазкин 1996].

Усматривая в опубликованных в Описи двух текстах XVII в. фрагмент, включенный в сборник Слов Иоанна Златоуста, вероятно, еще в XV в., Е. Г. Водолазкин не принимает, как и ожидалось, обоснованно отвергнутую уже в предыдущем анализе [Рачева 1981] гипотезу о древнеболгарском происхождении этих текстов, как и несообразное османо-турецкое посредничество при заимствовании арабизмов, а на указанное уже собственно русское происхождение текстов и на русскую локализацию заимствованных слов реагирует репликой: «и это в самом деле кажется правдоподобным» [Водолазкин 1996: 678].

Автор не комментирует представленный в указанном анализе

критический разбор предыдущих исследований, не отмечает и восстановленные и дополнительно включенные в анализ наименования, ограничиваясь замечанием, что были подведены «итоги более чем столетней истории вопроса» [Водолазкин 1996: 678]. Однако временные рамки этой истории вопроса в действительности едва выходят за рамки XIX в., а ряд не упомянутых автором новых результатов в указанном анализе следует отнести к современному этапу изучения.

Наблюдения и анализ А. В. Чернецова послужили отправной точкой для иной версии, которую попытался выдвинуть Е. Г. Водолазкин при объяснении пути проникновения указанных арабских астрономических наименований в древнерусский язык. С основанием отмечая, что сопоставление исследованных Чернецовым астрономических знаков с загадочными буквами в текстах XVI–XVII вв. убеждает в их связанности, автор допускает, что перед названием для Солнца **шимесъ** стоял один, описанный Чернецовым, особый знак с неправильными округлыми очертаниями, который можно легко принять за **в**, что перед названием Венеры **зѹгра** стоял знак, получивший в некоторых рукописях форму, близкую к форме буквы «фита» или к знаку *§*, а перед названием Меркурия **ѡѵтеиъ** (в сущности **ѡѵтеиѳъ** — *М. Р.*) и **фѹтеифъ** стоял соответствующий знак, напоминающий и **ѡ**, и **ф** [Водолазкин 1996: 678]. Нефонетический характер изменений в последних двух формах предполагается, впрочем, и в предыдущем анализе [Рачева 1981]. Однако заключение Е. Г. Водолазкина категорично. Он утверждает: «Итак, можно сделать вывод, что странности в названиях планет с фонетикой никак не связаны» [Водолазкин 1996: 678]. Общий смысл этого заключения противостоит основанному на наблюдениях над конкретными звуковыми изменениями в [Рачева 1981] предположению об устном пути проникновения арабизмов непосредственно из тюркоязычного источника с заметным в ряде случаев предшествующим персидским посредничеством. Эти звуковые изменения оставлены автором без внимания.

Еще античная традиция от Аристотеля, Платона и далее предписывает науке принцип ἀκρίβεια ‘точный смысл; строгая точность, тщательность’, и это требование первостепенной важности никогда не теряло своего значения. Удивляют в этом смысле несоответствия фактам, предположениям и определениям из предыдущего анали-

за [Рачева 1981] в следующем комментарии Е. Г. Водолазкина: «Во втором слове (**фȣтеифъ** из рук. № 232 — *М. Р.*) начальный губной отражает (!?) арабское наименование Меркурия, потерявшее вследствие элизии начальную фарингальную фонему (!?). В результате этой обычной для Востока операции (!?) слово, по мнению исследовательницы (!?), стало начинаться переднеязычной согласной (!?), что и отразили русские памятники. Интерпретируя слова-монстры подобным образом (?!), она делает вывод (?!) об устном пути их проникновения на Русь» [Водолазкин 1996: 678].

Сложившееся таким образом несостоятельное представление, во многом напоминающее описанную выше «путаницу», является важным мотивом для выдвинутого Е. Г. Водолазкиным тезиса о связи указанных древнерусских астрономических наименований арабского происхождения с неким неназванным западным письменным источником. Поводом для этого утверждения является упомянутый уже в предыдущем анализе перевод астрономических таблиц с арабского на испанский язык в XIII в. и усматриваемая автором связь этого обстоятельства с возникшим на арабском языке энциклопедическим сочинением «Тайная Тайных», иных данных о котором он не сообщает. Вероятно, речь идет о популярном в средневековой Европе сборнике житейских наставлений “Secretum secretorum”, восходящем к арабскому оригиналу VIII–IX вв. Древнерусская версия этого сборника, возникшая предположительно до середины XVI в. под названием «Тайная Тайных», обоснованно связывается специалистами с еврейским переводом XII–XIII вв его краткой версии. Основное значение имеет в данном случае мысль автора: «Восточное влияние на Русь шло с Запада» [Водолазкин 1996: 682]. Автор подкрепляет свое мнение цитатой из высказывания Д. И. Лихачева, согласно которому «... среди всех остальных европейских литератур древнерусская литература имеет наименьшие связи с Востоком». Цитата взята из текста предисловия к третьему изданию книги Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы» [Лихачев 1979: 12]. Известно, однако, что объектом этого исследования являются жанровые и стилистические особенности, художественный метод и тематика древнерусских литературных произведений, а не лексические заимствования как предмет историко-лингвистических и этимологических исследований, область которых автор упомянутого блестящего литературно-исторического труда вообще не затрагивает.

О степени правдоподобия тезиса о связи древнерусских астрономических наименований арабского происхождения с неназванным западным письменным источником говорит признаваемое самим Е. Г. Водолазкиным отсутствие конкретных данных о существовании подобной связи, ср.: «Непосредственного источника, сочетавшего бы подобную информацию с арабскими наименованиями, мы назвать не можем…», «Впрочем, ни в одном из текстов подобного типа арабизмы нам не встречались» [Водолазкин 1996: 680], «Разумеется, без знания текста-посредника в нашем случае возможна лишь пунктирная линия» [Водолазкин 1996: 682]. Нельзя не отметить, что этой «пунктирной линией» между неизвестным текстом-посредником неназванного западного происхождения и засвидетельствованными в определенных древнерусских памятниках астрономическими наименованиями арабского происхождения замещается (умалчивается или неадекватно истолковывается) не только представленная в анализе [Рачева 1981] языковая конкретика. Обойдены молчанием и известные не только специалистам, но и широкому кругу образованных русских людей, хорошо отраженные в русской лексике и многократно исследованные реальные исторические процессы культурного и языкового взаимодействия между Русью и Ближним Востоком и особенно между Русью и тюркскими народами Средней Азии, где между IX и XV вв. расцветала, как уже было упомянуто, перенесенная арабами античная астрономия.

В своем стремлении противопоставить сильные аргументы выдвинутому в предыдущем анализе [Рачева 1981] предположению об устном тюркоязычном пути заимствования, Е. Г. Водолазкин ищет поддержку и в исследовании Д. О. Святского «Очерки истории астрономии древней Руси» [Святский 1962]. На этом исследовании основано его утверждение: «Историко-астрономическое исследование Д. О. Святского показывает, что, несмотря на упоминание планет в древнерусских рукописях, реально в древней Руси были знакомы только с Венерой. Эмпирического знания о других планетах на Руси не было» [Водолазкин 1996: 683]. Это утверждение подкрепляется и цитатой из самого исследования Д. О. Святского: «По крайней мере, нигде мы не нашли хотя бы отдаленных указаний на это, ни в фольклоре, ни в литературных памятниках, в том числе и в летописях» [Святский 1962: 38, цит. по: Водолазкин 1996: 683]. Заметно расхождение между отмеченным Е. Г. Во-

долазкиным «упоминанием планет в древнерусских рукописях» и сложившимся у Д. О. Святского впечатлением об их отсутствии не только в фольклоре, но и в литературных памятниках, и в летописях. Это впечатление основано, вероятнее всего, на данных, которые успел собрать Д. О. Святский при помощи авторитетных и в настоящее время словарей Даля и Срезневского. Уже было отмечено, однако, что астрономические наименования арабского происхождения из Описи Горского и Невоструева не были включены в словарь Срезневского. Не были включены, оказывается, и более ранние их варианты, засвидетельствованные в Погодинском Златоусте XV в., как и наименования, засвидетельствованные в Краткой хронографической палее XV в., о которых см. ниже. Что касается отсутствия следов астрономических наименований подобного происхождения в русском фольклоре, а также в летописях, то в них, как и следует ожидать, не представлены и значительно лучше утвердившиеся в древнерусской книжности астрономические наименования среднегреческого происхождения, такие как засвидетельствованные в той же Краткой хронографической палее XV в. **Кронъ**, **Зеоусъ**, **Аррисъ** и др. (см. ниже). Здесь речь идет, в сущности, о далеких от фольклорных и от летописных традиций терминах из определенной специальной области средневековой науки.

Убеждение самого Е. Г. Водолазкина, выраженное в утверждении «В таких условиях устная передача маловероятна», сопровождается следующей дополнительной аргументацией: «Характерно, что единственное восточное наименование, для которого можно предполагать устный путь, связано с Венерой. Это *чигирь*, обозначающий у крымских и астраханских татар как планету, так и водоподъемный снаряд (очевидно, по признаку поднимания-опускания). Первоисточник слова Фасмер, вслед за Рамстедом, видит в перс. *zohre* (вопреки мнению А. И. Соболевского)» [Водолазкин 1996: 683 со ссылкой на: Фасмер IV: 359].

Определение Е. Г. Водолазкиным персидского слова «*zohre*» как «первоисточника», заимствованного в русские диалекты татарского слова «*чигирь*» не следует включать в рамки серьезной дискуссии. Здесь речь идет о недоразумении. Указанные автором Фасмер, Рамстед (точнее Рамстедт) и А. И. Соболевский с этим недоразумением не связаны.

О тюркоязычных подданных русских князей

Упомянутая выше «пунктирная линия» при заимствовании арабизмов в древнерусский язык заставляет коротко припомнить некоторые значимые и безосновательно не принятые во внимание Е. И. Водолазкиным исторические обстоятельства. Речь идет о драматических отношениях средневековых русских княжеств с татаро-монгольской Золотой Ордой — военно-государственным образованием, владевшим в период между XIII и XV вв. населенной различными народами огромной частью Средней Азии и Восточной Европы, и в особенности — о кульминации этих драматических отношений, воплощенной в русской победе 1380 г., так как это судьбоносное историческое событие сопровождалось массовым переходом на русскую службу в конце XIV в. и в XV в. выходцев с Востока — более всего из Золотой Орды, но и из более ранних, чем она, племенных и государственных объединений тюркоязычных народов, а также из образовавшихся после ее распада Казанского, Астраханского, Крымского и Сибирского ханств.

Важное свидетельство существования еще более раннего, чем конец XIV в., процесса христианизации этих новых тюркоязычных подданных русских князей представляет житие св. Пафнутия в т. н. Волоколамском патерике начала XVI в.: «*... егда же убиен бысть безбожный Батый* (основатель Золотой Орды и внук Чингиз хана, Бату, убитый в 1255 г. — *М. Р.*), *вси держатели русския земли избивати повелеша Батыевы властели, поставленные по градом, аще который не крестится; и многи от них крестишась. Тогда и отца Пафнутия дед крестися и наречен бысть Мартин*» [цит. по: Баскаков 1979: 23]. Следы христианизированной высшей прослойки этих совсем не малочисленных тюркоязычных пришельцев сохранены в исторических русских дворянских фамилиях восточного происхождения, 300 из которых исследованы в уже процитированном труде Н. А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения», основанном на данных из т. н. «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи». Достоверным примером не только христианизации, но и включения таких знатных, а вероятно и образованных представителей тюркоязычных пришельцев в среду высшего русского духовенства эпохи является сам род Баскаковых, родоначальник которого, «*великий баскак владимирский Амырхан*»,

действовал как наместник золотоордынского хана в великокняжеском городе Владимире в период между 1250 и 1290 г. *Амырхан* был крещен христианским именем *Захарий*, а его рожденный в 1394 или в 1395 г. и скончавшийся в 1477 или в 1478 г. правнук *Парфен Иванович Баскаков* (в монашестве *Пафнутий*), который упомянут в приведенном выше тексте начала XVI в., был игуменом Боровского монастыря и даже был канонизирован в 1540 г. Другим представителем высшего духовенства из той же фамилии был «*Иван, старец Б(аскаков) — боярин Ростовский, архиепископ — 1468 г.*» [см. Баскаков 1979: 19, 26].

Сведения об упомянутых представителях высшего русского духовенства XV в. из тюркского по происхождению рода Баскаковых предоставляют существенные данные для прояснения того, каким образом мог возникнуть фрагмент с астрономическими наименованиями арабского происхождения, предположительно включенный в том же веке в сборник Златоустовых слов. Учитывая конкретные сведения об эпохе, вполне реальными представляются предпосылки для приобретения, непосредственно или через образованных тюркоязычных предков, неких астрономических знаний или сведений, происходящих из средневековых научных центров Средней Азии. В конце XIV или в XV в. такие знания или сведения несомненно могли быть достоянием того или иного образованного представителя русского духовенства тюркского происхождения с унаследованным интересом к тематике, использующего, быть может, и какие-то письменные источники в соответствии со степенью и охватом своей двоякой — русской и арабско-персидско-тюркской языковой практики (ср. в связи с последним определением введенный Г. Неметом выразительный термин «Mischsprache» [Nemeth 1953]). Именно такого рода обстоятельства и предпосылки могут пролить свет на своеобразную на первый взгляд и даже запутывающую некоторых наблюдателей совместимость между соответствующими эпохе элементами высокого книжного арабоязычного знания и выявленными в предыдущем анализе [Рачева 1981] особенностями живой тюркской и русской речи в проанализированных древнерусских астрономических наименованиях.

О новых данных и об их сопоставительном истолковании

Несомненной является, однако, заслуга Е. Г. Водолазкина в расширении объема темы астрономических наименований арабского происхождения в древнерусской литературе посредством включения в статью 1996 г. еще одной группы арабских по происхождению наименований небесных тел Солнечной системы. Они засвидетельствованы в древнерусской Краткой хронографической палее XV в. (далее КП XV в.), в тексте, опубликованном В. М. Истриным [Истрин 1906: 131–139, цит. по: Водолазкин 1996: 681]. Здесь арабизмы, представленные опять в Птолемеевском порядке, сопровождают обычные для древнерусской книжной традиции среднегреческие по происхождению названия этих небесных тел. К ним добавлены и некоторые русские соответствия, а также русские названия дней недели. В приведенном Е. Г. Водолазкиным фрагменте памятника они представлены так:

Кронъ Зоугалъ соубота҃
Зеоусъ Мешетрѣи четвергъ҃
Аррисъ Мехирь вторника҃
Шемосъ Солнце тоу есть неделꙗ҃
Афродитъ Зоугрꙗ пꙗтокъ, на сен планиде зарꙗница звѣзда҃
Гермисъ Одаридъ среда҃
планида Каморъ, идѣже есть Лоуна понеделникъ.

Е. Г. Водолазкин отмечает отсутствие следов астрономических знаков в этом фрагменте из КП XV в., а также отсутствие «зависимостей» между номенклатурой арабских названий Погодинского Златоуста (далее ПЗ XV в.) и номенклатурой КП XV в. Он отмечает и наличие «сходств» между ними, за исключением различного, по его мнению, названия в КП XV в. планеты **Мехирь** (**Аррисъ**), по-арабски *mirrīh* [Водолазкин 1996: 681].

Бесспорным является соответствие между арабскими астрономическими терминами из ПЗ XV в. и КП XV в. по отношению к одинаковой, одинаково расположенной в Птолемеевском порядке номенклатуре. Что касается, однако, отсутствия «зависимостей» и наличия «сходств», неконкретно отмеченных Е. Г. Водолазкиным, несомненной представляется необходимость замены этих расплывчатых определений прямым сопоставлением форм наименований,

включая и формы, засвидетельствованные в Сборнике слов Иоанна Златоуста XVII в. (далее З XVII в.), ср.:

зꙋгель З XVII в. рук. № 231, **зꙋбелъ** З XVII в. рук. № 232, «*Зугел*» ПЗ XV в., **Зоугалъ** КП XV в. <<~ перс. *zoḥäl* < араб. *zuḥal* ‘Сатурн’;

моциръ З XVII в. рук. № 231, **моцыръ** З XVII в. рук. № 232, «*Мошир*» ПЗ XV в., **Мєшєтрѣи** КП XV в. <<~ перс. *moštärī* < араб. *muštarī* ‘Юпитер’;

ємєрихъ З XVII в. рук. № 231, **ємєрих** З XVII в. рук. № 232, «*Емерих*» ПЗ XV в., **Мєхирь** КП, XV в. <<~ перс. *merrīh* < араб. *mirrīh* ‘Марс’;

въ шимєсъ З XVII в. рук. № 231, **в шимєс** З XVII в. рук. № 232, «*Шимес*» ПЗ XV в., **Шємосъ** КП XV в. <<~ перс. *šäms* < араб. *šams* ‘Солнце’;

ѡзꙋгра З XVII в. рук. № 231, **всꙋгра** З XVII в. рук. № 232, «*Зугра*» ПЗ XV в., **Зоугра** КП XV в. <<~ перс. *zoḫre* < араб. *zuḫara* ‘Венера’;

ѡоутєнѳъ З XVII в. рук. № 231, **фꙋтєнфъ** З XVII в. рук. № 232, «*Утенф*» ПЗ XV в., **Ѡдаридъ** КП XV в. <<~ перс. *oṭared* < араб. *uṭārid* ‘Меркурий’;

(ꙗко) мамаръ З XVII в. рук. № 231, **имар** З XVII в. рук. № 232, «*Юмамар*» ПЗ XV в., **Каморъ** КП XV в. <<~ перс. *ġämär* < араб. *qamar* ‘Луна’.

Несколько типов явлений связывают или, напротив, противопоставляют формы представленных наименований. Это, в первую очередь, уподобленные буквам астрономические знаки, которые сходным или идентичным образом искажают, вместе с сопутствующими в некоторых случаях комбинаторными звуковыми изменениями, начало восходящих к одному и тому же наименованию форм засвидетельствованных в З 17 в. и ПЗ 15 в. названий Марса, Солнца, Венеры и Меркурия, как и весьма разнообразные, засвидетельствованные опять же в З 17 в. и ПЗ 15 в. деформации при наименовании Луны, возникшие по причине ошибочного прочтения предшествующих слов или частей слов в текстах.

Уже было отмечено, что в З XVII в. рук. № 232 и в ПЗ XV в., встречаются и более легкие искажения отдельных букв: «**б**»»»»» вм. **г**, «**ш**» вм. **щ**, «**н**» вм. **и**. Подобные указанным графические изменения не наблюдаются в соответствующих формах наименований, засвидетельствованных в КП XV. Там, однако, ярко проявляются комбинаторные звуковые изменения: ассимиляция (ср. например, *ṭ — d* >>

д — **д** в **Одаридъ**, см. также другие изменения того же типа ниже), метатезы (см. ниже) и др.

Различия наблюдаются и в некоторых не затронутых графическими деформациями частях слов:

Гласный **є** представлен во втором слоге форм наименования Сатурна: **зꙋгель**, **зꙋбєлъ** З XVII в., «*Зугел*» ПЗ XV в., ему соответствует **а** в том же слоге **Зоꙋгалъ** КП XV в. (ср. подобное отражение, например, в османо-тур. *zühal*); гласному **є** во втором слоге форм, называющих Меркурия: **ѡоꙋтєнѳъ**, **фꙋтєнфъ** З XVII в., «Утенф» ПЗ XV в., опять соответствует **а** в том же слоге формы **Одаридъ** КП XV в.

Конечному **а** в называющих Венеру формах **дзꙋгра**, **всꙋгра** З XVII в., «Зугра» ПЗ XV в. соответствует **ꙗ** в **Зоꙋгрꙗ** КП XV в. Это различие не препятствует распознаванию общей для всех них персидской посреднической формы *zoḫre* < араб. *zuḥara*.

По-разному реализована и вокальная эпентеза в формах наименования Солнца: **є** в **въ шимєсъ**, **в шимєс** З XVII в., «Шимес» ПЗ XV в., но **о** в **Шємосъ** КП XV в. Важной особенностью указанных форм из З XVII в. и ПЗ XV в. является отражение гласной *ä* персидской посреднической формы *säms* < араб. *šams* как *i*. Этот уже прокомментированный в предыдущем анализе звуковой переход, который связывает отражающие его формы соответствующего наименования с кыпчакско-булгарскими тюркскими языками Поволжья, не наблюдается в **Шємосъ** из КП XV в. Независимо от того обстоятельства, что называющие Юпитер формы **моциръ**, **моцыръ** в З XVII в., «*Мошир*» в ПЗ XV в. возникли вторично, в результате более поздних комбинаторных изменений (см. подробнее ниже), в них также заметно отражение перехода перс. *ä* > *i*. Однако следы подобного перехода не наблюдаются в засвидетельствованной в КП XV в. тоже вторичной форме этого наименования **Мєшєтрѣи**, надежно восстановимый более ранний облик которой (см. ниже) позволяет распознать актуальную и для **моциръ**, **моцыръ** из З XVII в., «*Мошир*» из ПЗ XV в. персидскую посредническую форму *moštärī* < араб. *muštarī*. Едва ли есть основания думать о староукраинском происхождении указанного перехода *ä* > *i* в формах из З XVII в. и ПЗ XV в., аналогичного украинскому развитию **ѣ**, несмотря на наличие таких форм, как современное укр. *безмін* ‘вид весов’, **бєзмєнъ** от 1518 г., **бєзмѣнъ** от 1396 г. < тюрк. **bäzmän* [см. подробнее ЕСУМ

1: 162]. В доступных текстах из З XVII в. и КП XV в. нет данных, подтверждающих подобную гипотезу, что существенно на настоящем этапе исследования.

Общей особенностью форм **ѻзѹгра**, **всѹгра**, «*Зугра*», **Зоугра** ‘Венера’ и **зѹгель**, **зѹбелъ**, «*Зугел*», **Зоугалъ** ‘Сатурн’ является уже прокомментированное в предыдущем анализе [Рачева 1981] отражение исходного арабско-персидского *ḫ*, *ḥ* в середине слова как *g* (см. выше).

Особого внимания заслуживает наименование Марса **Мехирь** в КП XV в., отмеченное Е. Г. Водолазкиным как «отличное» и истолкованное как наименование соответствующего февралю месяца «*мехейр*» по александрийскому календарю, «случайно попавшее» в текст «из-за созвучия» [Водолазкин 1996: 681]. Это толкование неприемлемо. Более тщательное изучение, вероятно, убедило бы автора в том, что название **Мехирь** является лишь вторичной формой, возникшей от ***Мерихь** в результате обычного комбинаторного изменения — так называемой дистантной метатезы согласных **р** — **х** > **х** — **р**. С уверенностью можно утверждать, что в первоначальной форме названия ***Мерихь** отражено через вероятное тюркское посредничество перс. *merrīh* < араб. *mirrīh* ‘Марс’, как было отмечено уже в предыдущем анализе при истолковании засвидетельствованных в З XVII в. вариантах **емерихъ**, **емерих**, ср. и «*Емерих*» XV в.

Другой ясный случай метатезы в той же группе наименований из КП XV в. представлен в форме **Мешетрѣи**, являющейся наименованием планеты Юпитер (**Зеоусъ**). Она возникла из формы ***Мештерѣи**, которая, в свою очередь, возникла в результате изменения по ассимиляции **о** — **е** > **е** — **е** из первоначального ***Моштерѣи**. Последнее отражает через вероятное тюркское посредство перс. *moštärī* < араб. *muštarī* ‘Юпитер’, как было уже отмечено в предыдущем анализе [Рачева 1981] при толковании засвидетельствованных в З XVII в. вариантов **моширъ** и **мошыръ** (последнее с неэтимологическим **ы** вм. **и**), ср. также «Мошир» из ПЗ XV в. Концовка **-ѣи** в форме ***Моштерѣи** >> ***Мешетрѣи** является графическим выражением **-еи**. Она полностью соответствует концовке в русской адаптации личного имени *Алей* < тюрк. < араб. личное имя ‘*Alī* = ‘*alī* ‘высокий; возвышенный’, которое лежит в основе засвидетельствованной с 1580 г. древнерусской дворянской фа-

милии тюркского происхождения *Алеев* [Баксаков 1979: 158]. Ср. ту же концовку в таких несомненных тюркизмах, как рус. *казначей* и *книгочей* с узкими конечными гласными исходных тюркских форм.

Предложенное толкование засвидетельствованной в КП XV в. формы наименования Юпитера **Мєшєтрѣи** < ***Мєштєрѣи** < ***Моштєрѣи** предоставляет хорошую основу для объяснения и уже частично прокомментированных форм **моциръ**, **моцыръ** из З XVII в. вместе с “*Мошир*” из ПЗ XV в., называющих то же небесное тело. Сопоставление употреблений **моциръ єдино лѣто, моцыръ єдино лѣто** в текстах из З XVII, с одной стороны, и **Мєшєтрѣи четвергъ** в тексте из КП XV в., с другой, ясно показывает, что ущербные концовки в **моциръ** и **моцыръ** из З XVII в., как и в «*Мошир*» из ПЗ XV в., вероятно, являются результатом регрессивной межсловной ассимиляции гласных, приведшей к фактическому поглощению концовки **-ѣи** более ранней формы ***моцирѣи** в сочетании ***моцирѣи єдино лѣто** начальным гласным **є** непосредственно следующего слова исконного происхождения.

Метатезу можно предполагать и в засвидетельствованном также в КП XV в. названии **Каморъ** ‘Луна’ из более раннего ***Комаръ** < тюрк. < араб. *qamar*. Хорошое объяснение получил бы в таком случае гласный **о** второго слога в засвидетельствованной форме **Каморъ**, который являлся бы гласным первого слога в его более ранней неметатезированной форме ***Комаръ** и отражал бы указанную П. М. Мелиоранским [Мелиоранский 1902: 290], характерную для некоторых ранних тюркских заимствований в русский язык лабиализацию *а* > *о* в случаях, когда *а* содержится и в следующем слоге исходного тюркского слова (ср. например, **коганъ** < *qagan*). В этой лабиализации просматривается тюркская звуковая особенность.

*

Итак, весьма особенное место занимают деформации графического происхождения в этимологическом исследовании группы отражающих античную геоцентрическую систему Клавдия Птолемея астрономических наименований арабского происхождения, засвидетельствованных в некоторых древнерусских памятниках XV–XVII вв. Очень важным этапом начатого в предыдущем анализе [Рачева 1981] обсуждения этого вида деформаций является включение наблюдений и результатов опубликованного несколькими годами

позднее исследования А. В. Чернецова [Чернецов 1985], в котором анализируются астрономические знаки в древнерусских памятниках XI–XVII вв.

Выводы Чернецова об отсутствии традиции при употреблении неодинаковых по происхождению астрономических знаков и об интенсивности их графического искажения писцами подводят к отличному от представленного в предыдущем анализе пониманию изменений в формах, засвидетельствованных в З XVII в. как названия Солнца: **въ шимесъ**, **в шнмес**, Венеры: **ѳзꙋгра**, **всꙋгра** и Меркурия: **ѡѹтеиѳъ**, **фꙋтеифъ** — эти изменения являются, вероятнее всего, результатом графического искажения. Такое понимание приводит к исключению из круга определяемых как звуковые переходы изменений искаженного начала в формах **ѳзꙋгра**, **всꙋгра**. Прослеживаемая Чернецовым эволюция засвидетельствованных в памятниках форм астрономических знаков позволяет предположить, что из графической деформации конкретного астрономического знака могло возникнуть и не обсуждавшееся до сих пор похожее на протезу начальное **є** в формах названий Марса: **емерихъ**, **емерих** в З XVII в., «*Емерих*» в ПЗ XV в., при отсутствии его в форме ***Мерихь** > **Мехирь** в КП XV в., засвидетельствованной в тексте, не содержащем следов астрономических знаков.

Разное отношение вызывают указанные выше проявления субъективизма в статье Е.Г. Водолазкина об арабских наименованиях планет в древнерусской книжности [Водолазкин 1996], с одной стороны, а с другой, — несомненный вклад этого автора в расширение охвата темы путем включения в нее еще одной группы арабских по происхождению наименований небесных тел Солнечной системы, засвидетельствованных в древнерусской Краткой хронографической палее XV в. Как было конкретно показано выше, новые данные, истолкованные Е. Г. Водолазкиным бегло, а в некоторых случаях и ошибочно, обнаруживают значительный познавательный потенциал при их сопоставлении с данными Златоустовского сборника XV и XVII вв. Это сопоставление раскрывает своеобразие формальных особенностей в обеих группах данных, свидетельствующих о неодинаковой истории их заимствования и адаптации в древнерусском языке. Остаются, однако, неясности при совпадении звуковых особенностей некоторых наименований из З XVII и ПЗ XV в., с звуковыми особенностями староукраинского языка. Их тол-

кование предполагает целостный историко-лингвистический анализ соответствующих источников, что выходит за рамки настоящего исследования. Сопоставление двух групп наименований в рамках настоящего исследования привело к получению новых результатов при толковании названий **моциръ**, **моцыръ** ‘Юпитер’ из З XVII в., «*Мошир*» ‘Юпитер’ из ПЗ XV в., **Мєшєтрѣи** ‘Юпитер’, **Мєхирь** ‘Марс’ и **Каморъ** ‘Луна’ из КП XV в. Значение установленных при этом звуковых явлений и процессов недвусмысленно показывает тяжелую несостоятельность утверждения Е. Г. Водолазкина о том, что «странности в названиях планет с фонетикой никак не связаны».

Что касается следов устного пути заимствования, которые ясно видны в ряде незатронутых графическими искажениями частях исследуемых астрономических наименований арабского происхождения, неоспоримой предпосылкой именно такого пути заимствования этих наименований в древнерусский язык является специфическая неизбежность произносительной фазы при обращении к письменным источникам у использующих консонантное арабское письмо средневековых персов и тюрков. Будучи связана с разной степенью билингвизма, эта неизбежная произносительная фаза — не только прямая, но и имплицитная! — всегда была опосредована некими местными языковыми особенностями, которые не могли не проявиться и при древнерусской транскрипции арабизмов. Физическими носителями этой произносительной фазы были образованные представители русского духовенства тюркского происхождения.

За перипетиями языка стоит история культуры — этот содержательный афоризм находит свое подтверждение в многообразии фактов, явлений и процессов, затронутых в той или иной степени в представленном здесь этимологическом исследовании группы астрономических наименований арабского происхождения в древнерусском языке. Многообразны, как видно, и перипетии, сопутствующие самому процессу исследования. Полученные на настоящий момент результаты при исследовании этих наименований, как и ожидаемое его продолжение будущими исследователями, совпадают с уже поставленной в предыдущем анализе основной целью — повторное включение в научное обращение нескольких сложно опосредованных в культурном и в языковом отношении реликтов одного небезынтересного момента в истории древнерусской культуры.

Литература

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. 279 с.

БЕР — Български етимологичен речник. Т. I–VII–. София: Издателство на Българската академия на науките, 1971–2010–.

Водолазкин Е. Г. К вопросу об арабских наименованиях планет в древнерусской книжности // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 677–683.

Георгиев В. И. Проблемата за периодизацията на историята на езика и периодизацията на историята на българския език // Славистичен сборник. По случай IV Международен конгрес на славистите в Москва. Т I. Езикознание. София: Издателство на Българската академия на науките, 1958. С. 165–183.

Горский А. В., Невоструев К. Н. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отделение II. М.: Синодальная типография, 1862. 703 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. СПб.; М.: Прогресс,1880–1882.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. Т. 1–6. Київ: Наукова думка, 1982–2012.

Истрин В. М. Исследования в области древнерусской литературы. Т. 1–5. СПб.: 1906. 257 с.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979, 372 с.

Мелиоранский П. М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС VII, кн. 2. СПб.: 1902. С. 273–302.

Рачева М. Към ранните заемки от арабски произход в славянските езици: няколко редки астрономически названия — заемки в старобългарски или в староруски? // Старобългаристика V, 3. София: 1981. С. 78–83.

Святский Д. О. Очерки истории астрономии древней Руси // Историко-астрономические исследования. Вып. 8. М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1962. С. 9–80.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28–. М.: Наука, 1975–2011–.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка.

Т. I–III. СПб.: Издание отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1893–1902.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. / Перевод с немецкого языка и дополнения О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.

Чернецов А. В. Древнерусские знаки небесных светил // Краткие сообщения Ордена Трудового красного знамени Института археологии АН СССР. Вып. 187. М.: Издательство АН СССР, 1985. С. 3–8.

Шишманов Ив. Критичен преглед на въпроса за произхода на прабългарите от езиково гледище и етимологията на името "българин"// СбНУ XVI-XVII. София: 1900. С. 505–753.

Miklosich F. Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen // Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil-hist. Klasse. XXXIV. Wien: 1884. S. 239–338.

Miklosich F. Die türkischen Elemente in den *südost*- und osteuropäischen Sprachen // Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil-hist. Klasse. XXXVII. Wien: 1889.

Miklosich F. Die türkischen Elemente in den *südost*- und osteuropäischen Sprachen // Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil-hist. Klasse. XXXVIII. Wien: 1890. S. 1–194.

Nemeth G. Zur Kenntnis der Mischsprachen. (Das doppelte Sprachsystem des Osmanischen) // Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae III, fasc. 1–2. Budapest: 1953. S. 159–199.

Zenker J. Th. Türkisch-Arabisch-Persisches Handwörterbuch. T. I–II. Leipzig: 1866–1870.

Перевели с болгарского языка
М. Н. Белова и Л. В. Куркина

Maria Racheva
(Bulgaria, Sofia — Dragalevci)
gelevdp@gmail.com

ON THE OLD RUSSIAN ASTRONOMICAL NAMES OF ARABIC ORIGIN AND THE PERIPETIES OF THEIR ETYMOLOGICAL STUDY

In this work we review the history of the etymological study of the names of Arabic origin of a group of celestial bodies as found in Old Russian texts from the 15th to the 17th century, which started from the mid-19th century. This history is riddled with controversy. We build on our earlier work on the topic by giving new data and considerations which refine, complement and support our proposition that the borrowing of the names involved Turkic mediation which was conditioned by specific Turkic-Russian bilingualism.

Key words: etymology, astronomical names, Arabic borrowings, Old Russian, Turkic mediation, Persian mediation, bilingualism.

References

Baskakov N.A. *Russkiye familii tyurkskogo proiskhozhdeniya* [Russian Surnames of Turkic Origin]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 279 p.

Bylgarski etimologichen rechnik [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol. I–VII–, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., Prof. M. Drinov Publ., 1971–2010–.

Chernetsov A.V. [Old Russian Symbols for the Celestial Bodies]. *Kratkie soobshcheniya Ordena Trudovogo krasnogo znameni Instituta arheologii AN SSSR* [Brief reports of Institute of Archaeology USSR Academy of Sciences]. Issue 187, Moscow, AN SSSR Publ., 1985, pp. 3–8. (In Russ.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, St.-Petersburg; Moscow, 1880–1882.

Etymologichnyi slovnyk ukraiins'koii movy [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1–6, Kiev, Naukova dumka Publ., 1982–2012.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, Translated and augmented by O. N. Trubachev, Moscow, Progress Publ., 1964–1973.

Georgiev V.A. [The Problem of Periodization in Language History and Periodization of the History of the Bulgarian Language]. *Slavistichen sbornik. Po sluchaj IV Mezhdunaroden kongres na slavistite v Moskva. T. I. Ezikoznanie* [Slavic Collection. On the Occasion of the 4th International Congress of Slavic Studies in Moscow. Vol. I. Linguistics]. Sofia, BAN Publ., 1958, pp. 165–183. (In Bulg.)

Gorskij A.V., Nevostruev K.Kh. *Opisanie slavyanskikh rukopisei Moskovskoi sinodal'noi biblioteki. Otdelenie II* [A Description of the Slavic Manuscripts of the Moscow Synodal Library. Section II]. Moscow, Sinodal Printing House, 1862. 703 p.

Istrin V.M. *Issledovaniya v oblasti drevnerusskoi literatury* [Studies in Old Russian Literature]. Vol. 1–5, St.-Petersburg, 1906. 257 p.

Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 372 p.

Melioranskii P.M. [Turkic Elements in the Vocabulary of "The Igor Tal"]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*, Vol. VII, Iss. 2, St.-Petersburg, 1902, pp. 273–302. (In Russ.)

Miklosich F. [Turkic Elements in the South-East and East European Languages]. *Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil-hist*. Vol. XXXIV, Wien, 1884, pp. 239–338. (In Germ.)

Miklosich F. [Turkic Elements in the South-East and East European Languages]. *Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil-hist*. Vol. XXXVII, Wien, 1889. (In Germ.)

Miklosich F. [Turkic Elements in the South-East and East European Languages]. *Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil-hist.* Vol. XXXIV, Wien, 1890, pp. 1–194. (In Germ.)

Nemeth G. [Understandig Mixed Languages (The Double Language System of Ottoman-Turkish)]. *Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae III*, fasc. 1–2, 1953, pp. 159–199. (In Germ.)

Racheva M. [On Early Borrowings from Arabic in the Slavic Languages: Several Rare Astronomical Names — Borrowings in Old Bulgarian or Old Russian?]. *Starobylgaristika V*, No. 3, 1981, pp. 78–83. (In Bulg.)

Shishmanov Iv. [A Critical Review of the Question of the Origin of the Proto-Bulgarians from a Linguistic Viewpoint and the Etymology of

the Noun “Bulgarian”]. *Sbornik za narodni umotvorenija XVI-XVII* [Collection of samples of folk oral art]. Sofia, 1900, pp. 505–753. (In Bulg.)

Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. [Dictonary of the Russian Language of the 11th-17th centuries]. Issue 1–28–, Moscow, Nauka Publ., 1975–2011–.

Sreznevskii I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. Vol. I–III, St.Petersburg, The department of Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1893–1902.

Svyatskii D.O. [Essays in the History of Astronomy in Old Russia]. *Istoriko-astronomicheskie issledovaniya* [Historical-Astronomic Studies], Iss. 8, 1962, pp. 9–80. (In Russ.)

Vodolazkin E.G. [On the Question of the Arabic Names of Planets in Old Russian literacy]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Department of Old Russian literature]. Issue 50, St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996, pp. 677–683. (In Russ.)

Zenker J.Th. *Türkisch-Arabisch-Persisches Handwörterbuch* [A Turkish-Arabic-Persian Knowledge Dictionary]. Vol. I–II, Leipzig, 1866–1870.

Людвиг Селимски
Высшая школа маркетинга,
управления и иностранных языков в Катовицах
(Польша, Катовице)
selimski@wp.pl

ОБ ЭТИМОЛОГИИ ДВАДЦАТИ СЛОВ. ДОПОЛНЕНИЯ И ИСПРАВЛЕНИЯ К «БОЛГАРСКОМУ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ»

В статье анализируется происхождение, словообразование и первоначальное значение 20 слов. Они уже рассматривались в Болгарском этимологическом словаре, однако: 6 из них остались «неясными» (3. *пекя* ‘очень хорошо’, 4. *пелдиса* ‘усмирить’, 12. *рокмак* ‘канат (?)’, 15. *соанàк* ‘краткий промежуток времени’, 18. *сънда* ‘сяду’, 20. *сюмьдсан* ‘искалеченный’, а другие 7 получили неприемлемые объяснения (2. *митище* ‘солома (?)’; 6. *плакна* ‘ополаскивать’; 7. *платник* ‘больной’; 10. *потирек* ‘подпруга’; 13. *сетка* ‘рыболовная сеть’; 14. *сий* ‘этот’; 17. *сънак* ‘момент’.

Для остальных 7 из исследованных слов сделаны некоторые более радикальные исправления к имеющемуся анализу, а также известные дополнительные объяснения, касающиеся особенностей их фонетики (19. *синор, сънър* ‘межа’), словообразования (1. *костански* ‘прилагательное от назв. села Костанденец’), словообразования и связанного с ним значения (11. *разтварям* ‘растворять’, 16. *суичмез* ‘пьяница’) или семантики, характеризирующей их как кальки слов из других языков: русского (5. *изписвам* ‘выписывать’), хорватского (9. *покора* ‘покаяние’), турецкого (8. *плява* ‘млечный путь’).

Ключевые слова: фонетическое изменение, словообразовательная структура, семантика, заимствование, калька, географический ареал, культурный фон.

Предметом данной статьи является происхождение, словообразовательная структура и первоначальное значение 20 словарных единиц, которые уже рассматривались в многотомном «Болгарском этимологическом словаре» (далее [БЕР 1–7-]), но большинство из них (13 единиц) или оказались «неясными», и здесь объясняются впервые, или получили неприемлемое толкование, а здесь для них предлагается иной, альтернативный анализ. Для остальных семи слов предлагаются поправки и дополнения к их объяснению в БЕР, касающиеся их фонетического и/или морфемного состава, их словообразовательного и/или семантического устройства, их связи с ареалом появления и общественными сферами употребления.

Исследуемые слова располагаются в статье в алфавитном порядке.

* * *

1. *Костàнски*: «только в сочет. *Костàнски вятър* ‘ветер, который дует со стороны с. Костàнденец’ (Любен, Поповско). — Образовано от формы притяж. прил. от *Костàнденец* МН (местное название) с выпадением *д* между двумя переднеязычными гласными» [БЕР 2: 663]. Начнем с того, что под *Костанденец* МН необходимо понимать ‘название села Костанденец’, а не местное название (МН). Здесь мы имеем деривацию, а именно притяжательное прилагательное, не сегодняшнюю или вчерашнюю, а достаточно старую и, что особенно важно, основанную на старом облике названия села *Костàнца*, записанного на карте Fried-а как *Kostantze*, которое, между прочим, легло в основу МН *Костанца гьолю* в Поповско [Димитрова-Тодорова 2006: 444] и прежде всего в основу названий жителей с. Костанденец *костанченин* и *костанченка* [Ковачев, Минева-Ковачева 1969: 223–224; Минева-Ковачева 2009: 239]. Выведение *костàнски* из *Костàнденец* «с выпадением д» неверно даже с синхронной точки зрения, потому что из основы «выпадает» не только *д*, а два последних слога. А пренебрежение в этимологическом словаре несомненными историческими данными и явное противоречие им не должно допускаться.

2. *Митище*: «*митище* в предлож.: *Мѐне жѝтище, тѐбе мѝтище.* (Бръложница, Софийско) в архивном материале Ат. Чеканского с пометкой собирателя: «не имеет значения, служит для рифмы», с вероятным значением ‘ничто’. — Вероятно, образовано или от *мѝтам* ‘мести’ (см. *мѝтам*[2]) с суф. *-ище* как в *смѐтище* [...],

концовка, вероятно, по аналогии с *жѝтище,* или от *жѝтище* [...] с заменой начальной согласной на м. Ср. такого же типа *къщи-мъщи*, *читàлище-митàлище* и др.» [БЕР 4: 136]. — Несомненно, в приведенной цитате искалась и была найдена очень хорошая рифма, интересующая нас форма содержит суф. *-ище*, а основа является глагольной, но не от «*мѝтам* ‘мета’», а от глагола **мѝтя, мѝтиш* (диал. зап.-болг. **мѝтим*), соответствующего чеш. *mýtit, vymýtit* ‘полностью отсекать, искоренять, вырубать (лес)’, от которого образованы чеш. *mýtina* ‘лесная поляна, образованная в результате вырубки деревьев’ и *mýť* ‘лесная поляна, вырубка’, слвц. *mýtina* то же. На основе чеш. и слвц. *mýtina*, чеш. *myť, mýť* и ст.-чеш. *mytba* реконструируются праслав. **mytina* (и мотивирующее его **myt*ь II, **myt*ь III), **mytišče* III, **mytьba* I и глагол **mytiti (sę)* III, **mytiti (sę)* IV [ЭССЯ 21: 79, 84, 85]. Этот глагол документирован в болгарском языке, но с иным значением — *мѝтим (се)* ‘(о животных) менять свою шерсть или оперение’ [БЕР 4: 134–135]. В образованиях *жѝтище* и *мѝтище* суф. *-ище* имеет собирательное значение или значение места. В предложении *Мѐне жѝтище, тѐбе мѝтище* смысл антитезы следующий: ‘мне зерно, а тебе солома’, ‘мне колосья, а тебе стебли (скошенное, сжатое) или — мне ‘амбар’, а тебе ‘сеновал’.

3. *Пекя*: «*пекя, пекята* мн. ч. в тексте: …и ония дюгени, дето са уголемили пекятата та правят сергии. (1866, в. Дунай). — Неясно» [БЕР 5: 136]. Поскольку *пекята* — это форма мн. ч. от *пекя*, т. е. третий слог *-та* в *пекята* — это окончание мн. ч., перед нами существительное ср. р. с окончанием *-я*/*-а*, полученным путем нанизывания/расширения артикуляции из **-е*, которое, в свою очередь, получено таким же образом из первоначального **-и*, следует в качестве непосредственно производной предполагать форму **пѐке,* которая, в свою очередь, получена из **пѐки*. А это **пѐки*, несомненно, из тур. *peki* 1.‘ хорошо, очень хорошо (в качестве утверждения); 2. ‘да’ [Т-БР 1962: 446], сокращенно от *pek iyi* ‘очень хорошо’. Ср. лексическое заимствование «*пѐкий* нареч. диал. (тур. *pek iyi*). Очень хорошо» [РРОДД: 343], к сожалению, оставленное без внимания, отсутствующее в БЕР [БЕР 5], представляющее промежуточный этап перехода в турецком языке от *pek iyi* к *peki*, отмеченного [Магазаник 1931: 834] в форме *pékiy*, с отсылкой к «*péki* ‘очень хорошо!, прекрасно!, отлично!, ладно!, так’». Итак, в процессе сращения турецкого адвербиального выражения *pek iyi* ‘очень хорошо’ в одно слово

(*pekiyi* > *pékiy* > *péki*) получилось наречие *пѐкий* ‘очень хорошо’ (и **пѐки*), из которого посредством указанных выше фонетических изменений получилось это загадочное с точки зрения формы и значения существительное *пекя*, обозначающее нечто вроде ‘сертификат’ для торгового заведения, ‘категория’ или ‘число звезд’. Заимствовано также и в сербохорватский язык как междометие *pèkē! pèkī!* ‘хорошо! идет!’ [Škaljić 1973: 514].

4. *Пелдѝса* в предлож.: *и тога кату се върне ке пелдѝса и деца* (Дебърско, Разложко) оставлено как «неясное» [БЕР 5: 137]. Если представить значение глагольной формы как ‘усмирить’, ‘разнять’, ‘распределить то, что нужно поделить’, кроме греческого аористного *-ис-ам* и предшествующего *-д-* из тур. *-dı-*, *-di-* и пр., для прошедшего совершенного времени, можно усматривать в этой основе тур. *paylamak* 1. ‘делить, распределять, разделять’; 2. *перен.* ‘ругать, бранить, обругивать’, т. е. представить *пелди-* в составе слова *пелдиса* как замену тур. *payladı-* (> **пайлъдъ-* > **пейлди-* > *пелди-*), с перегласовкой (*ай* > *ей*), элизией *ъ* в среднем слоге и заменой конечного *-ъ* на *-и*. Но с меньшим числом предполагаемых изменений можно производить это слово из другого образования, в составе которого *-д-* есть интегральная часть основы, за которой скрывается валашское/рум. *pildă* ‘1. пример; 2. притча; 3. назидание’, ср. глагол *pilduèsc* ‘давать пример; наказывать’, с более широкой артикуляцией безударного и (>*-е*), заимствованное из венг. *példa* ‘пример’ [Ciorănescu 2002: 598].

5. *Пиша* [БЕР 5: 270–272]. Среди производных признаны русизмами *краснописание* и *предписание*. Названо также производное *изпѝсвам* со значениями ‘делать письменный заказ’ и ‘исключать из списка’, но без комментария. А они так же, как и пропущенное *изписвам от болница* ‘выписывать (вылеченного) пациента из больничного заведения’, являются семантическими заимствованиями (кальками) из русского языка [Селимски 1975].

6. *Плакна* ‘мыть, но не тереть’ производится «из основы *плак* в *плача* […], со специализацией значения на ю.-слав. почве, ср. сербохорв. *плакнути, плакнем* […]» [БЕР 5: 298], что неприемлемо. Не приводится среди производных весьма важное МН *Плакалница*: «из исчезнувшего нарицательного *плакалница*, которым назывался некий пол с досками, на который высыпалась руда, чтобы просеяться и оставить чистый концентрат, и название которого получил

известный рудник в Врачанска планина» [Миков 1943: 140]. Не приводятся соответствия глагола *пла̀кна* из других славянских языков, неверно и предположение о «специализации значения на ю.-слав. почве» и ограничение лишь «сербохорв. *плакнути, плакнем*», как и в целом выведение *плакн*а из *плача*. В старославянском языке разделены **плакати(сѧ)**[1] ‘плакать’ и **плакати**[2] ‘мыть, промывать’, ‘prâti, propírati’ [SJS 3: 46)]. Два явно различных образования с различными значениями выделяет А. Брюкнер [Brückner 1927: s.v. *płakać* 419, *płókać* 421]. И в словаре Младенова [ЕтР 426: 428] отдельно рассматриваются эти образования. Ст. Младенов приводит достаточно соответствий, некоторые из которых прокомментированы подробно, ср.: «кор. и.-е. **pol-k* , поэтому в русск. с полногласием, а в польском *pło* ; действительный кор. — лишь **pl-*…(: **pol-*) в плавам, плувам» [ЕтР: 426]; подробно о его происхождении см. [Куркина 1983: 14], с литературой). Среди очевидных соответствий ср. польск. *płókać* (с 1936 г. пишется *płukać*) ‘полоскать’, в.-луж. *płokać* ‘стирать’, укр. *пола́кати* ‘стирать, прополаскивать’ (все из праслав. **polkati*). Больше соответствий в других славянских языках представлено в связанных основах (с приставками и/или с суффиксом **-nǫ-*). А среди труднее выделяемых соответствий (с минимальными отличиями от форм со значением ‘плакать’), ср. сербохорв. *пла́кати*, *пла̑чēм*; *пла́кнути, пла̑кнēм* ‘ополаскивать’ (отличные от *пла̏кати, пла̏чēм* ‘плакать’), слвц. *plákať, plákam* ‘ополаскивать’ (отличное от *plakať*, *plačem* ‘плакать’). Глагол *плача* ‘плакать’ выводится из праслав. **plakati*, **plačǫ* [БЕР 5: 325; ср. Rejzek 2001: 470, 471; Snoj 1997: 448, 449; Boryś 2005: 443, 447].

7. *Платни̏к* ‘болеющий крупный человек’ (Сухиндол, ВТ) попало в ряд производных слова *платнò* ‘тонкая ткань из хлопка […]’ [БЕР 5: 319–320], что ошибочно. По нашему мнению, оно имеет переносное значение ‘живой мертвец’ с гиперкорректным *а* вместо ъ, т. е. вместо **плътни̏к*, или имеет то же самое происхождение, словообразовательно-семантическую структуру и первоначальное значение, как и его формально-смысловые варианты, что и *плъте-ник* ‘дух умершего человека, который является во плоти’, *пълтени̏к* ‘злой дух, вампир’ (Банат), *пл̥теник* ‘вампир’ (Чорльово, Ломско), *пл̥таняк* ‘оживший мертвец’ (Милчина лъка (Кулско), *плътник* ‘человек, который лежал в кровати долгое время; мертвый человек’ (Еленско) [БЕР 5: 373], все от основы *плът* < праслав. **pъltь/*pl̥tь*.

8. *Плява* ‘мякина, полова’, отмеченное, между прочим, и со значением ‘Млечный путь’ (Суворово, Украина) [БЕР 5: 385], оставлено без комментария. Впрочем, и само астрономическое название *Млечный путь* ‘имя самого большого созвездия, которое в ясные ночи выглядит, как светлая полоса’ [БЕР 4: 167–168] также не снабжено комментарием с точки зрения семантики или «внутренней формы», а можно было бы отметить, что это название повторяется во многих языках и относится к «калькам лат. via lactea, греч. κύκλος γαλαξίας от γάλα ‘молоко’» [Фасмер 2: 632 с литературой]. Подобно рассматриваемому здесь *плява* ‘Млечный путь’ — *Плѐвата*, используемому в Житнице (Пловдивско), а также отмеченному в [БЕР 6: 847–848, s.v. *слама*] *Слама(та)* ‘созвездие Млечный путь’, с вариантами *Кръсникова слама*, *Кумина ~*, *Кумова ~*, *Попова ~*, *Сламен път* [БЕР 6: 847–848, s.v. *слама*] с указанием ареала употребления, но без указания на то, что, например, все они в большей или меньшей степени соответствуют в своей семантической структуре тур. *Saman yolu* (изафетное сочетание от *saman* ‘солома, полова’ и *yol* ‘путь’), наряду с которым в турецком языке употребляются и его синонимы: *Samanuğrusu* букв. ‘похититель половы’, *Gökyolu* букв. ‘небесный путь’, *Gökdere* букв. ‘небесная река’. Более того, болг. *Плѐвата*, *Слама(та)*, *Сламен път* представляют собой кальки тур. *Saman yolu*, первая составная часть которого легла в основу *саманѝя* ‘открытый желтый (цвет при покраске)’, *саманлѝя, саманлък* ‘сеновал’ [БЕР 6: 461–462].

9. *Покѐра* диал. ‘штраф, наказание; канон, церковное наказание’, включенное в этимологическое гнездо глагола *коря* [БЕР 2: 651], а также рассмотренное отдельно в соответствии с алфавитным порядком [БЕР 5: 483]. Слово хорошо известно среди католического населения, где используется в значении ‘покаяние, раскаяние’ (= лат. ‘poenitentia’, польск. *pokuta*): после исповеди, прежде чем приступить к принятию причастия, богомолец должен произнести определенное — в зависимости от исповедуемых грехов — число молитв «за *покѐра*». Это слово хорошо засвидетельствовано в болгарской католической книжности, где оно, несомненно, является хорватизмом [Милетич 1903: 244; Селимски 1991: 118; Walczak-Mikołajczakowa 2004: 112, 114], хотя и вступает в словообразовательные отношения с родственными словами из гнезда *коря*.

10. *Потирек*: «*пòтирек, пòтирък* ‘поясной ремень для закрепления вьючного седла к телу вьючного животного’ (Гоцеделчев-

ско). — Из *потѝрам*, произв. от *тѝрам* ‘убегать, отступать назад’ в говоре переносное значение» [БЕР 5: 554]. Это пример крайне натянутого толкования, вызванного невнимательным отношением к буквам. А все очень просто — *пòтирек* и *пòтирък* — это недостоверные формы. На каком-то этапе сбора и обработки материала буква **n* была ошибочно прочитана как *и*, в результате чего появилось слово-фантом, ложный синоним слова *пòтпрек, пòтпрък*, как оно могло быть записано в материалах диалектолога. А за последними фонетическими формами нетрудно усмотреть записанные по морфологическим нормам: «*пòдпрег* ‘широкий ремень, который проходит через брюхо коня или осла и крепит седло или вьючное седло’ (Самуилово, Долно Спанчево, Ключ, Петричко; Хаджидимово, Благоевградско), *пòдприг* ‘ремень вьючного седла, который проходит под хвостом животного’ (Дервент, Дедеагачко) [и т. д.]», второе с редуцированным **е* (> *и*), «*пòдпръг* нар. ‘широкий ремень, который проходит под брюхом коня или осла и крепит седло или вьючное седло’ [и т. д.]» [БЕР 5: 464].

11. *Разтвàрям, разтвòря*. На своем алфавитном месте этот глагол рассматривается только в одном значении — ‘открывать широко’, в БЕР [БЕР 6: 161] не принимается во внимание омонимичное образование *разтварям* 1.‘О жидкости — образовывать или иметь возможность образовывать раствор с неким другим веществом’; 2. ‘Делать так, чтобы данное вещество растворилось в другом’ (также и в возвратной форме). Не разграничены два этих глагола и у Ф. Миклошича, который все же учитывает оба значения [Miklosich 1886: 366, s.v. *tvorŭ*]. Как отдельные разграничиваются две лексемы в словаре А. Брюкнера: «поскольку […] предлог звучит как *od-* (*odewrzeć* ‘открыть’), […] мы ошибочно членим слово и незаметно возникает будто бы новое *o-twor*, а *t* вставляем, например, и в *roztwarty* ‘растворенный’, *roztwierać*, *roztworzyć,* вместо *rozwarty, rozwierać, rozworzyć*, смешивая их с *roztwór* (‘*rozczyn*’ [‘раствор’]), *roztworzyć* и т. д., подобным образом и *zatwierać* ‘закрывать’, *zatworzyć*, вместо *zawierać*»[1]. К этому иному, второму

1 «…ponieważ zresztą przyimek brzmi tylko *od- (odewrzeć)*, więc dzielimy mylnie, i mimowoli powstaje nowe niby *o-twor*, a *t* wstawiamy np. i w *roztwarty, roztwierać, roztworzyć*, zamiast *rozwarty, rozwierać, rozworzyć*, mieszając je z *roztworem* (‘rozczynem’), *roz-tworzyć* itd., a podobnie i *zatwierać, zatworzyć*, zamiast *zawierać*» [Brückner 1927: 387]

этимологическому и словообразовательному гнезду относятся и *разтвòр, разтворѝм, разтворѝмост, разтворѝтел*. Ст. Младенов также поясняет, что в образовании *разтвàрям, разтвòря* ‘открывать широко’ «кор[ень] не **твор*, а *-вор*: по от|воря > о|творя и за|творя, раз|творя» [ЕтР: 553], но отдельно он помещает существительное разтвор, термин из химии, который он верно считает образованием «от гл[агола] творя» [ЕтР: 553]. В другом месте Ст. Младенов рассматривает и производные глагола *творя* под заголовком *творба: творение, творец, творител, творителен, творчески, творчество, творя се* [ЕтР: 630].

Интересующий нас глагол *разтварям*[2] ‘образовывать раствор’ находим и в [БЕР 7: 867–868], где он, однако, не имеет отдельной словарной статьи, а помещается в этимологическое гнездо основного глагола *творя*. А в следующей словарной статье рассматривается связанная основа «*-творя* в *затвòря, затвàрям* […]; др.-болг. **за–творъ**» и т. д. и восстанавливаются «праслав. **tvariti* в **zātvariti* вм. **variti* в **zātvariti* (ср. *завòр*) как результат раннего переразложения семантически связанного глагола **at(ъ)-variti* > *отвòря, отвàрям* как **ab-tvariti*» [БЕР 7: 868], с неприемлемыми реконструкциями **tvariti*, **variti*, **ab-tvariti* ‘закрывать’. Возражения вызывает и то обстоятельство, что глаголы со значением ‘закрывать/открывать’ [и т. д.] с очевидными и несомненными формальными и смысловыми связями между ними рассмотрены в отдельных словарных статьях (и с отсылками от одного к другому), ср.: *затварям* [БЕР 1: 612], *отварям* [БЕР 4: 955–956], *притвòрувам*, *притворя* [БЕР 5: 736], тогда как для глагола *разтварям*[2] (*се*) ‘образовывать раствор’ не находится отдельной словарной статьи, хотя едва ли даже хороший специалист в этой области догадался бы, что его необходимо искать рядом с основным глаголом *творя*. А поскольку у Н. Герова не отмечено ни *разтварям*[2] (*се*), ни *разтвор*, небезосновательно возникает вопрос, не являются ли они заимствованиями из русского языка. О такой возможности можно судить и по тому факту, что в них согласная *в* из консонантной группы *-ств-* (*-зтв-*) перед *-о-* сохраняется, тогда как она же исчезает в родственных *сторя, стòрвам*, которые являются, несомненно, народными, унаследованными.

12. *Рокмàк* «с вероятным значением ‘что-то для завязывания’ в нар. песне: *Той се напонѝл дробно омàйниче, / та омая Мàрко те дòбър юнàк / и му вържà двѐте бѐла рàце,/ вържà му*

ги с рокмàци, ремѝци / и си викнà […]» оставлено как «неясное» [БЕР 6: 314]. По нашему мнению, загадочное *рокмàк* родственно «*òртума* (// *òртама*, *òртома*) ж. диал. (от греч. φόρτωμα) толстая веревка» [РРОДД: 317], ср. *ортома* обл. ‘веревка (для связывания груза)’, *хòртома,* обл. вм. *фортома* [ЕтР 387: 670]. Интересующее нас *рокмà*[*к*] является результатом нескольких комбинаторных изменений: *òртума* > *òртма* > **òркма*, с преобразованием *(р)тм* в *(р)км* (и метатезой **òркма* > **рòкма*), как в *еркмѐч* ‘украшенный разрез под боковыми клиньями кожуха’), из тур. *yertmeç*, *yırtmaç* ‘разрез (у платья, рубахи и пр.)’ [Селимский 1978: 33]. Конечное *-к* в **рокмàк* (в примере — *рокмàци*, мн. ч.), как и перенос ударения на следующий слог (**рòкма* > **рокмà*), появилось вследствие расширения словообразовательно немотивированного слова с плеонастическим суффиксом *-ак*, посредством которого народный певец достиг формального выравнивания двух одинаковых частей предложения, и таким образом создал также неполную внутреннюю рифму и ритм.

13. *Сѐтка* ‘вид большой рыбацкой сети’ [РРОДД: 452], ‘большая сеть, которой ловят скумбрию на Дунае’ [Геров 5: 311] объясняется [БЕР 6: 624] как образование, сложившееся на местной почве или унаследованное из более ранней эпохи. Но наряду с русск. *сеть, сéтка* М. Фасмер [Фасмер 3: 614] приводит укр. *сíть*, род. п. *сíти*, блр. *сець*, др.-русск., ст.-слав. *сѣть* ж. и т. д., не упоминая ю.-слав. соответствия, как и Рейзек [Rejzek 2001: 573]. А В. Борысь, хотя и начинает анализ польск. *sieć* ‘сеть’ с пометы «ogsł.», т. е. «общеславянское», приводит для сравнения только «чеш. *síť*, русск. *сеть* и ст.-слав. *сѣть*» [Boryś 2005: 545]. Хотя сербск./хорв. *set* все же упоминается у П. Скока („18 v., Rajić; stsrp. 3 puta”) [Skok 3: 227; ср. F. Bezlaj III: 219], М. Сной и А. Глухак не включают в анализ такое слово, как **sět*ь. Итак, по всей вероятности, болг. *сетка* — это устное заимствование из русского языка, из говора старообрядцев в Татарица/Айдемир (Силистренско) — потомственных рыбаков, для которых рыбная ловля — это сакральная, чистая профессия, предопределенная самим Богом: «Мы рыбаки, как Павел, Пётр и Святые Апостолы» [Анастасова 1998: 62].

14. *Сий*: «*сий*[2] ‘так’ (Павелско, Хвойна, Асеновградско), *си* ‘так’ (Еникьой, Ксантийско […]. — Продолжает др.-болг. *сии* мн. ч.

м. р., от др.-болг. *съ*, см. *сей*, с дополнительной адвербиализацией» [БЕР 6: 641]. Это неприемлемо: нелогично то, что форма мн. ч. берет на себя роль формы ед. ч., а указательное местоимение м. р. ед. ч. для близкого предмета или лица не *съ*, а *сь*, поэтому форма *сей*, к которой отсылает автор, имеет вокализацию **ь* (> *е*), а не *ъ*, как в *тъй* (от **tъjь*). Для рассматриваемого *сий* м. р. ед. ч. им. п. у нас иное объяснение — оно связано с диалектной заменой подударного *е* на *и*, что характерно для некоторых говоров в Родопах и для павликянского говора [Селимски 1974]. Это *сий* для м. р. ед. ч. вместо ожидаемого *сей* [БЕР 6: 588], совпадающего с русск. *сей* (< праслав. **sьjь*). То же родопское **сий* мы обнаруживаем и в предложном сочетании *насѝй* ‘дальше’ в примере: *Вμр насѝй* (Девеци) ‘иди дальше’ [Стойчев 1983: 295]. Оно подобно личному местоимению 3 л. ед. ч. ср. р. вин. п. *ний*[2] ‘его’ (< **ньjь*), отмеченному в банатском говоре и в павликянском (католическом) говоре, неверно выводимому из формы *него* «с вокализацией *г*» [БЕР 4: 642], а не от праслав. **ньjь* [Селимски 2006: 44-45].

15. *Соанàк*. Диал. «*соанàк* м. ‘период времени (точно не определенный)’ в тексте: *На два соанàка га изурà* (Нова надежда, Хасковско), также *сòанак* (Нова надежда, Воден, Хасковско)» оставлено как «неясное» [БЕР 7, 262]. Как видно из приведенного примера, слово относится к ‘короткому периоду времени’. Поэтому здесь мы, возможно, имеем переносное употребление тур. *sağanak* или s*ağnak*, *-ğı* ‘проливной дождь, поток’, т. е. дождь, который начинается внезапно, идет интенсивно и быстро заканчивается. Но иногда такой дождь то начинается, то прекращается — идет «на *сўанàци*, на *сўанàци*», как говорили в с. Житница, Пловдивско, используя то же заимствование. Тур. *ğ* заменяется, как и в последнем примере, болг. диал. *ў*, которое во многих народных говорах появляется на месте *в* после гласной, а в данном случае вызывает лабиализацию соседней гласной *а* (> на письме *о*). Так, из тур. *sağanak* через промежуточную форму **саўанàк* и — в результате элизии гласного *а* из первого слога — *сўанàк*, так же, как в *сўанàци* для мн. ч. в с. Житница, получилось загадочное *соанàк*. А относительно семантической эволюции от конкретного значения ‘ливень, проливной дождь’ к переносному, абстрактному ‘краткий период’, ср. производное от тур. *sağanak* прилагательное *sağanaklı*, означающее ‘внезапный, неожиданный’ [Магазаник 1931: 881], а также

родственное *сънàк*, менее отдаленное и в звуковом, и в смысловом отношении от исходного тур. *sağanak* (вж. 17).

16. *Суичмѐс* ‘пьяница’ (Самоков; Стърмен, Беленско) считается «сокращенным от **суичмезоолу* — лексикализованного тур. *su içmez oğulu* (*sic!* вм. *oğlu*) ‘который не из тех, кто не пьет воду’, ср. *сюичмѐзоолу*» [БЕР 7: 558]. Нет необходимости приводить более длинное сочетание, являющееся будто бы эпитетом пьяницы, но обозначающее по сути сына пьяницы. *Суичмез* является не производным из **суичмезоолу* (будто бы «сокращенным от **суичмезоолу*»), а составной частью изафетного словосочетания, которое употребляется и самостоятельно. К сожалению, не было учтено более простое объяснение, предложенное в связи с фамилией *Суичмѐзов*: «от тур. *su içmez*» [Илчев 1969: 740], в данном случае, в отличие от того, как это принято в БЕР, нет отсылки к Илчеву.

17. *Сънàк* ‘момент, миг’ (Енина, Казанлъшко) неверно считается «производным от *сън* […], ср. сербохорв. *санак* уменьш. от ‘сон’ (болг. ‘сънче’) […], со специализацией значения» [БЕР 7: 667]. Оно является фонетическим вариантом рассмотренного выше *соанàк* ‘период времени (точно не определенный)’, от тур. *sağnak*, *-ğı* ‘проливной дождь, ливень’, относительно которого уже подчеркивалось (см. 15), что оно меньше удалено от турецкого первоисточника.

18. *Сънда* «‘сидеть’ (Брацигово, Пещерско). — Неясное» [БЕР 7: 667]. — Слово с выделенным носовым от др.-болг. *сѧдѫ*, соответствующего польск. *siądę,* русск. *сяду* и т. д. < праслав. **sędǫ*), характерное для говора болгар в Эгейской Македонии и Албании [Duma 1991], откуда переселились брациговские мастера-каменщики [Яранов 1932: 63–64], из говора которых и заимствована, по всей вероятности, эта форма.

19. *Синир, синор, сънър*

19.1. *Синѝр* ‘межа’ (Трънчовица, Никополско, Диалектен Архив) правильно выводится «из тур. *sınır*» [БЕР 6: 672], с хорошо известной заменой тур. *ı* на болг. *и*, но в говоре села Трънчовица этот гласный артикулируется средне между болг. *ъ* и русск. *ы* [Неделчев 1994: 73], ср. и родственный родопский (из Върбово, Смолянско) вариант съынур [БЕР 6: 674, s.v. *синор*]. Однако, не указано его родство с *сѝнор* (и вар.), которое происхождением связано с греческим словом, заимствованным также и в турецкий язык. А еще более существенным недосмотром является то, что отсутствует отсылка к

наиболее близкому к нему *сънър*, которое более распространено. Ср. *сънър* (см.).

19.2. *Сѝнор, синур* ‘граница, межа, граница между полями’ верно выводится из греч. σύνορον [БЕР 6: 674–675], но среди приведенных вариантов отсутствуют те из них, во втором слоге которых представлен гласный *ъ* или *и*. В связи с отсутствием отсылки к таковым — все же родственным, хотя и заимствованным через турецкое посредничество — формам, их происхождение не до конца ясно. Ср. *синѝр* (см.), *сънър* (см.).

19.3. *Съ́нър* «‘межа’ (Съчанли, Гюмюрджинско), *съне́р* диал. ‘межа, граница, окраина, край, граница между участками, предел’ (Геров) — См. *сѝнор*» [БЕР 7, 669]. Одной лишь отсылкой к *сѝнор* не достигнуто необходимое объяснение, а именно, что *сънър* заимствовано из тур. *sınır*, которое, в свою очередь, заимствовано из греч. σύνορον. Отсутствует также отсылка и к наиболее близкому к нему *синѝр* (см.). Кроме этого, здесь было бы необходимо объяснить ударение в *съ́нър* (в Съчанли, Гюмюрджинско) — его локализацию на первом слоге, вызванную влиянием греческого прототипа заимствованного через турецкое посредничество слова. В итоге, на первом месте должен был бы оказаться акцентный вариант *съне́р* (у Герова), который более известен, и лишь на втором месте — региональный вариант *съ́нър*.

20. *Сюмьо̀сан* «‘с недостатком в ноге, в руке или в голове (по верованиям, потому что работал на Симеоновден)’ (Калипетрово, Сс). — Неясное. Может быть, под сильным влиянием в формальном отношении ЛИ (личного имени) *Симеон*, вызванным народной этимологией» [БЕР 7: 711]. По нашему мнению, *сюмьо̀сан*, с упрощенным значением ‘отмеченный [в наказание (богом)]’, содержит лабиализацию гласного в первом слоге (**си-* > *сю-*) от **симьо̀сан*, происходящего от отыменного глагола **симьос(в)ам* ‘отмечать’, образованного на базе греч. σημείωση или σημείωσις ‘1. обозначение, метка, знак’, от σημειώνω ‘1. метить, отмечать; 2. брать на заметку’.

* * *

В статье произведен анализ происхождения и словообразовательно-семантического устройства 20 слов в алфавитном порядке. Все они уже являлись предметом подобного анализа в БЕР, а здесь

рассматриваются по различным причинам. Шесть из них не получили объяснения в БЕР — они лишь приведены со значением или без значения, с примером их использования и, как заявляется в конце, являются «неясными». Так, здесь впервые объясняются 6 слов (цифры показывают их порядковый номер в изложении): 3. *пекя*; 4. *пелдúса*; 12. *рокмàк*; 15. *соанàк*; 18. *сънда*; 20. *сюмьдсан*. Для других 7 слов, получивших в БЕР неприемлемое объяснение, здесь предлагается и обосновывается альтернативное толкование: 2. *митище*; 6. *плакна*; 7. *платнѝк*; 10. *пòтирек*; 13. *сетка*; 14. *сий*; 17. *сънàк*.

Для остальных 7 исследованных здесь слов сделаны некоторые радикальные поправки в связи с их анализом в БЕР или даны некоторые дополнительные объяснения. Они относятся к некоторым фонетическим особенностям, характеризующим слово как заимствование напрямую из греческого языка или через турецкое посредничество (19. *синор/сънър*), к словообразовательным особенностям (1. *костàнски*) или к словообразовательным и связанными с ними семантическим особенностям (11. *разтварям*; 16. *суичмез*); к некоторым семантическим особенностям, характеризующим рассмотренные словарные единицы как кальки слов из других языков: русского (5. *изписвам*), хорватского (9. *покора*); турецкого (8. *плява*).

Если читатель находит приемлемым предложенный оригинальный анализ данных слов, альтернативные толкования, а также сделанные поправки, дополнения и уточнения к объяснениям в БЕР, то это лишь благодаря, возможно, более доскональному, нежели в БЕР, соотнесению: 1) звуковой формы (в том числе и письменной, ср. **пòтирек* вм. *пòтпрек*) исследованных лексических единиц с их значением и употреблением, 2) значения соответствующих слов с их словообразовательными особенностями и родственными связями с другими словами, 3) исследованных слов с географическим ареалом их появления и общественно-историческим и культурным фоном или контекстом.

Литература

АкРЧД — Речник на чуждите думи в българския език / Ред. С. Илчев, София: БАН, 1982. 1015 с.

Анастасова Е. Старообредците в България. Мит — история — идентичност. София: Проф. М. Дринов, 1998. 127 с.

БЕР 1–7– — Български етимологичен речник. София: Проф. М. Дринов. 1971–2010–.

Геров 1–6 — *Геров Н.* Речник на българския език. Т. 1–6. Фототипно изд. София: Български писател, 1975–1978.

Димитрова-Тодорова Л. Местните имена в Поповско. София: Проф. М. Дринов, 2006. 694 с.

ЕСУМ 5 — Етимологічний словник української мови. Т. 5. Київ: Наукова думка, 2006. 705 с.

ЭССЯ 21 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 21 / Ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука. 1994. 236 с.

ЕтнБг 3 — Етнография на България. Т. III. Духовна култура / Ред. С. Генчев. София: БАН, 1985. 387 с.

ЕтР — *Младенов С.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София: Христо Г. Данов, 1941. 704 с.

Илчев С. Речник на личните и фамилни имена у българите. София: БАН. 627 с.

Ковачев Н., Минева-Ковачева Л. Названия на селищата в Русенско // Известия на Института за български език, кн. XVIII, София: БАН. 1969. С. 217–242.

Куркина Л. В. Славянские этимологии (**korda, *moldъjь, *pelti, *peljǫ* и **pelti, *pelvǫ*) // Этимология 1981. М.: Наука, 1983. С. 3–16.

Магазаник Д. А. Турецко-русский словарь / Ред. В. А. Гордлевский. М: ГС-ЭИ «Советская энциклопедия». 1931. 1175 с.

Миков В. Произход и значение на имената на нашите градове, села, реки, планини и места. София: Наука и знание, 1943. 316 с.

Милетич Л. Нашите павликяни // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. XIX, София. 1903. С. 1–369.

Минева-Ковачева Л. Б. Местните имена в Русенско. Велико Търново: ФАБЕР, 2009. 271 с.

Младенов С. = ЕтР

Неделчев Н. Диалект на българите-католици (Северен павликянски говор). Велико Търново: АБАГАР, 1994. 323 с.

РРОДД — Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век / Ред. С. Илчев. София: БАН, 1974. 606 с.

Селимски Л. Две заети от руски значения на глагола *изписвам* (Към въпроса за семантичните заемки) // Български език XXV. 1975. № 6. С. 541–547.

Селимски Л. Из южнославянските окцидентализми в българската католишка книжнина от XIX век // Słownictwo słowiańskie. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, Prace Językoznawcze, Zesz. 95 / red. J. Rusek. Kraków: Wyd. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1991. С. 115–121.

Селимски Л. Етимологични поправки, уточнения и допълнения // Националният език в условията на чужди влияния и глобализация. Научна конференция, посветена на 125-годишнината от рождението на акад. Стефан Младенов (София, 28–29 юни 2005) / Ред. Е. Пернишка. София: Изд. на Съюза на учените в България, 2006. С. 40–46.

Селимский Л. Этимология девяти болгарских слов, заимствованных из турецкого языка // Балканско езикознание XXI. 1978. № 2. С. 29–36.

Стойчев Т. Родопски речник. Второ допълнение // Родопски сборник. Том V / Ред. Х. Христов (и др.). София: БАН, 1983. С. 287–353.

Т-БР 1962 — Турско-български речник. Второ стереотипно издание / Ред. С. Романски. София: Наука и изкуство, 1962. 670 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. I–IV. Москва: Прогресс, 1964–1973.

Яранов Д. Преселническо движение на българи от Македония и Албания към източните български земи през XV до XIX век // Македонски преглед VII. № 2 и 3. София, 1932. С. 63–118.

Bezlaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Tretja knjiga P–S. Dopolnila in uredila M. Snoj i M. Furlan. Ljubljana: Mladinska knjiga. 1995.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wydawnictwo Literackie. 2005. 861 s.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927. 806 s.

Ciorănescu A. Dicţionarul etimologic al limbii române. [Etymological Dictionary of the Rumanian Language]. Translated from Spanish and edited by T. Şandru Mehedinţi and M. Popescu Marin. Bucureşti: Editura SAECULUM I. O. Publ., 2002.

Duma J. The development of the vowels *ǫ, *ę in the South-Eastern Slavic dialects // Studies in the phonetic typology of the Slavic languages, Warszawa: SOW, 1991. P. 63–112.

Gluhak A. Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb: Agust Cesarec, 1993. 832 p.

Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886. 548 p.

Rejzek J. Český etymologický slovník. Voznice: Nakl. Leda, 2002. 752 p.

Selimski L. Z prasłowiańskiego dzedzictwa leksykalnego w gwarach bułgarskich // Prasłowiańszczyzna i jej rozpad / Red. J. Rusek i W. Boryś. Warszawa: Energeia, 1998. P. 231–237.

SJS 3 — Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae Palaeoslovenicae, sv. III / Red. J. Petr. Praha: Nakl. ČSAV, 1982. 671 p.

Skok 3 — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knjiga treća: Poni[2]–Ž. Zagreb: JAZU, 1973. 691 p.

Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana: Založba Mladinska knjiga, 1997. 900 p.

Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom-hrvatskosrpskom jeziku. Treće izdanje. Sarajevo: «Svjetost» Izdavačko preduzeće, 1973. 662 p.

Walczak-Mikołajczakowa M. Piśmiennictwo katolickie w Bułgarii. Język utworów II połowy XVIII wieku. Poznań: Wyd. Naukowe UAM, 2004. 254 p.

Перевела с болгарского языка М. Н. Белова

Ludwig Selimski
Higher School of Marketing Management
and Foreign Languages in Katowice
(Poland, Katowice)
selimski@wp.pl

ON THE ETYMOLOGY OF 20 WORDS. ADDITIONS AND CORRECTIONS TO «BULGARIAN ETYMOLOGICAL DICTIONARY»

The paper concerns the origin, word formation patterns and primeval semantics of 20 Bulgarian words in their alphabetical order. All these words have already been studied in «Bulgarian etymological dictionary». However, 6 of them were left as obscure (3. *пекя / pekia* ‘very good’; 4. *пелдиса* / *peldissa* ‘pacify’; 12. *рокмàк* / *rokmak* ‘rope (?)’, 15. *соанàк* / *soanak* ‘little time’; 18. *сънда* / *synda* ‘sit’; 20. *сюмьòсан* / *siumiosan*

‘maimed’), and the other 7 have received explanations which are not acceptable (2. *митище* / *mitishte* ‘straw, chaff (?)’; 6. *плакна* / *plakna* ‘rinse’; 7. *платник* / *platnik* ‘sickly’; 10. *потирек* / *potirek* ‘belt’; 13. *сетка* / *setka* ‘net’; 14. *сий* / *sii* ‘this’; 17. *сънàк* / *synak* ‘moment’).

The remaining 7 words are under consideration because they need certain additional explanations relating to their phonetic peculiarities (19. *синор* / *sinor*, *сънър* / *synyr* ‘baulk, headland’), or concerning some word-formation and/or semantic particularities (1. *костàнски* / *kostanski* ‘adjective from name of vil. *Костанденец* / *Kostandenets*’; 11. *разтварям* / *raztvariam* ‘dissolve’; 16. *суичмез* / *suichmez* ‘drunkard’). Some of the discussed words can be considered as calques from other languages: Russian (5. *изписвам* / *izpisvam* ‘discharge’), Croatian (9. *покора*/*pokora* ‘penance’) and Turkish (8. *плява* / *pliava* ‘galaxy’).

Key words: phonetic change, derivational structure, semantics, borrowing, loan-translation, geographical area, cultural background.

References

Anastasova E. *Staroobredtsite v Bylgariya*. *Mit — istoriia — identichnost* [The Old Believers in Bulgaria. Myth — history — identity]. Sofia, Prof. M. Drinov Publ., 1998. 127 p.

Bezlaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Etymological Dictionary of the Slovenian Language]. Vol. 3. P–S, Snoj M., Furlan M. (Eds.). Ljubljana, Mladinska knjiga Publ., 1995. 355 p.

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Warszawa, Literary Publisher Publ., 2005. 861 p.

Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Kraków, Nakładem krakowskiej spółki wydawniczej Publ., 1927. 806 p.

Bylgarski etimologichen rechnik [Bulgarian Etymological Dictionary]. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., Prof. M. Drinov Publ., 1971–2010–.

Ciorănescu A. *Dicţionarul etimologic al limbii române. Ediţie şi traducere din limba spaniolă, de T. Şandru Mehedinţi şi M. Popescu Marin* [Etymological dictionary of the Rumanian language. Edition and translation]. Bucureşti, Editura SAECULUM I. O. Publ., 2002.

Dimitrova-Todorova L. *Mestnite imena v Popovsko* [Local Names in the Popovo Region]. Sofia, Prof. M. Drinov Publ., 2006. 694 p.

Duma J. The development of the vowels **ǫ*, **ę* in the South-Eastern Slavic dialects. Studies in the phonetic typology of the Slavic languages, *Warszawa, SOW Publ*., 1991, pp. 63–112.

Etymologichnyi slovnyk ukraiins'koii movy [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 5, Kyiv, Naukova dumka Publ., 2006. 705 p.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, Translated and augmented by O. N. Trubachev, Moscow, Progress Publ., 1964–1973.

Genchev S. (Ed.) *Etnografiia na Bylgariia. T. III. Dukhovna kultura* [Etnography of Bulgaria. Vol. III. Spiritual Culture]. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1985. 387 p.

Gerov N. *Rechnik na bylgarskiya ezik* [Dictionary of the Bulgarian language]. Vol. 1–6, Sofia, Bulgarian Writer Publ., 1975–1978.

Gluhak A. *Hrvatski etimološki rječnik* [Croatian Etymological Dictionary]. Zagreb, Agust Cesarec Publ., 1993. 832 p.

Ilchev S. *Rechnik na lichnite i familni imena u bylgarite* [Dictionary of Bulgarian First Names and Surnames]. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1969. 627 p.

Ilchev S. (Ed.) *Rechnik na redki, ostareli i dialektni dumi v literaturata ni ot XIX i XX vek* [Dictionary of Rare, Dated and Dialectal Words in our Literature of the 19th century]. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1974. 606 p.

Ilchev S. (Ed.) *Rechnik na chuzhtite dumi v bylgarskiya ezik* [Dictionary of Foreign Words in Bulgarian]. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1982. 1015 p.

Kovachev N., Mineva-Kovacheva L. [Settlement names in the district of Russe]. *Izvestiya na Instituta za bylgarski ezik*, 1969, No. XVIII, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., pp. 217–242. (In Bulg.)

Kurkina L. V. [Slavic etymologies (**korda*, **moldъjь*, **pelti*, **peljǫ* i **pelti, *pelvǫ*)]. *Etimologiya* [Etymology]. Vol. 1981, Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 3–16. (In Russ.)

Magazanik D. A. *Turecko-russkii slovar'* [Turkish-Russian Dictionary]. Gordlevskii D. A. (Ed.). Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1931. 1175 p.

Miklosich F. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages]. Wien, Wilhelm Braumüller Publ., 1886. 548 p.

Mikov V. *Proizkhod i znachenie na imenata na nashite gradove, sela, reki, planini i mesta* [Origin and Semantics of Names of our Cities, Villages, Rivers, Mountains and Seats]. Sofia, Nauka i znanie Publ., 1943. 316 p.

Miletich L. [Our Paulitians]. *Sbornik za narodni umotvoreniia, nauka i knizhnina* [Collection of samples of folk oral art], 1903, No. XIX, Sofia, Bulgarian Scientific Society Publ., pp. 1–369 (In Bulg.)

Mineva-Kovacheva L. B. *Mestnite imena v Russensko* [Place names in district of Ruse]. Veliko Tyrnovo, FABER Publ., 2009. 271 p.

Mladenov S. *Etimologicheskhi i pravopisen rechnik na bylgarskiya ezik* [Etymological and Orthographical Dictionary of the Bulgarian Language]. Sofia, Hristo G. Danov Publ., 1941. 704 p.

Nedelchev N. *Dialekt na bylgarite-katolici (Severen pavlikianski govor)* [Dialect of the Bulgarian Catholics (Northern Paulitians Speech)]. Veliko Tyrnovo, ABAGAR Publ., 1994. 323 p.

Petr J. (Ed.). *Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae Palaeoslovenicae* [Dictionary of Old Slavonic Language]. Iss. III, Praha, Nakl. ČSAV Publ., 1982. 671 p.

Rejzek J. *Český etymologický slovník* [Czech Etymological Dictionary]. Voznice, Nakl. Leda Publ., 2002. 752 p.

Romanski S. (Ed.). *Tursko-bylgarski rechnik* [Turkish-Bulgarian Dictionary]. Sofia, Science and Art Publ., 1962. 670 p.

Selimski L. [Etymological Corrections, Clarifications and Additions]. *Natsionalniyat ezik v usloviyata na chuzhdi vliyaniya i globalizatsiya. Nauchna konferentsiya, posvetena na 125-godishninata ot rozhdenieto na akad. Stefan Mladenov* [National Language in the Conditions of Foreign Influences and Globalisation. Scientific Conference dedicated to the 125-Anniversary since the birth of Acad. Stephan Mladenov]. Sofia, Union of the Scientists in Bulgaria Publ., 2006, pp. 40–46. (In Bulg.)

Selimski L. [On South Slavic occidentalisms in Bulgarian Catholic Writings from XIX Century]. *Słownictwo słowiańskie. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, Prace Językoznawcze, 1991,* No. 95, pp. 115–121. (In Bulg.)

Selimski L. [Two meanings of the verb *izpisvam* that are borrowed

from Russian (Concerning the problem of semantic borrowings)]. *Bylgarski ezik*, 1975, XXV, No. 6, pp. 541–547. (In Bulg.)

Selimski L. [From Proto-Slavic lexical heritage of Bulgarian dialects]. *Prasłowiańszczyzna i jej rozpad* [Proto-Slavic Language and Its Split]. Rusek J., Boryś W. (Eds.), Warszawa, Energeia Publ., 1998, pp. 231–237. (In Pol.)

Selimskii L. [Etymology of nine Bulgarian words, borrowed from Turkish language]. *Balkansko ezikoznanie* [Balkanic Linguistics], 1978, XXI, No. 2, pp. 29–36. (In Russ.)

Škaljić A. *Turcizmi u srpskohrvatskom-hrvatskosrpskom jeziku* [Turkish loanwords in Serbo-Croatian language]. Third edition, Sarajevo, «Svjetost» Izdavačko preduzeće Publ., 1973. 662 p.

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological Dictionary of the Croatian, or Serbian, Language]. Vol. 3: Poni[2]–Ž, Zagreb, JAZU Publ., 1973. 691 p.

Snoj M. *Slovenski etimološki slovar* [Slovenian Etymological Dictionary]. Ljubljana, Založba Mladinska knjiga Publ., 1997. 900 p.

Stoichev T. [Rhodopean vocabulary. Second supplement]. *Rodopski sbornik* [Rhodope Collected Papers]. Vol. V, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., 1983, pp. 287–353. (In Bulg.)

Trubachev O. N. (Ed.) *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Issue 21, Moscow, Nauka Publ., 1994. 236 p.

Walczak-Mikołajczakowa M. *Piśmiennictwo katolickie w Bułgarii. Język utworów II połowy XVIII wieku* [Catholic Literature in Bulgaria. The language of works of the second half of the eighteenth century]. Poznań, Wyd. Naukowe UAM Publ., 2004. 254 p.

Yaranov D. [Migration of Bulgarians from Macedonia and Albania to East Bulgarian Countries in 15th through 19th centuries]. *Makedonski pregled,* 1932, Vol. VII, No. 2–3, Sofia, pp. 63–118. (In Bulg.)

О. М. Сергеева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru

К ВОЗМОЖНОСТИ СБЛИЖЕНИЯ ПРАСЛАВ. *cěditi И ДР.-ГРЕЧ. *ψίδ-: НАБЛЮДЕНИЯ НАД ВАРЬИРОВАНИЕМ ГРУПП СОГЛАСНЫХ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ

Статья посвящена этимологии слабозасвидетельствованного др.-греч. ψίδ- в связи с более общими проблемами этимологизации древнегреческих лексем, содержащих группы *ks* (ξ) и *ps* (ψ). Отмечается, что 1) эти две группы способны чередоваться между собой в одном и том же этимоне; 2) группы вида «взрывной + s» способны подвергаться метатезе в «s + взрывной» и обратно. Исходя из этих двух наблюдений обосновывается предложение к этимологии ψιδ-, позволяющее отнести его к той же серии и.-е. соответствий, что и семантически близкое праслав. **cěditi*.

Ключевые слова: этимология, древнегреческий язык, метатеза, праславянский язык[1].

1. Др.-греч. ψίδ- засвидетельствовано следующими примерами:

• ψίζομαι ‘плакать’ (Sappho; глоссируется κλαίω — ‘плакать’ Hesych.)

• ψίδες: Hesych.: ψίδες: ψιάδες ‘капли’.

В Этимологическом словаре П. Шантрена [Chantraine 1968-1980] эти формы не связываются друг с другом: первое автор считает ономатопоэтическим [ibid.: 1291], второе не рассматривает особо.

[1] Статья выполнена при поддержке гранта Президента РФ МД-6027.2014.6. и гранта РГНФ №13-04-00221.

Между тем вполне допустимо видеть здесь корневое имя ψίς и производный от него глагол с i̯-основой (**psid-i̯-*). Значение yid- можно с достаточной степенью уверенности определить как ‘проливать, испускать по капле’.

Архаическая морфология ψίς делает вероятной его принадлежность к унаследованному корневому фонду.

Не исключена связь с ψίω ‘кормить (ребёнка), в т. ч. через соску’.

2. Начальные группы *ks* (ξ) и *ps* (ψ) нередки в этимологически энигматичных случаях. Закономерно видеть в них примету заимствования, аппроксимант какой-либо свистящей фонемы, чуждой фонологической системе древнегреческого языка. Ср. [Beekes 2010: xxii, xxiv], с поправкой на то, что указанный автор склонен выводить подобные заимствования непременно из языка догреческого субстрата, между тем как истинные языки-источники могут разниться от примера к примеру.

Крайностью было бы, однако, отказывать в и.-е. происхождении любому слову с ξ или ψ в морфологически непрозрачной позиции. Так, ξέω ‘чесать’ несомненно связано с праслав. **kes-* ‘чесать, косить’, каковы бы ни были детали.

Систематизация возможных источников ξ и у сама по себе заслуживает стать предметом отдельного рассмотрения. Кратко можно указать, что таких источников четыре:

1) Контактное происхождение в морфологически прозрачных позициях (на стыке морфем), например в Nom. Sg. атематического склонения: alwphx — gen. alwpeko~, aix — aigo~, bhx — bhco~; qwy — qwpo~, fay — fabo~; в сигматических аористах и футурумах: plekw : eplexa plexomai; blepw : ebleya bleyomai и т. п.

2) Неизменное продолжение и.-е. консонантной группы, например: ex ‘6’ : лат. *sex*, герм. *sechs* и т. п. ‘тж.’.

3) Результат преобразования древней группы согласных, например:

— в группах kt pt перед *i* после ассибиляции (ион.-атт.): pleonexia ‘ненасытность’ : pleonektew; aneyio~ ‘внук, племянник’ из **a-nepti-os*: лат. *nepot-* ‘тж.’ и др.;

— диал. в качестве варианта вм. регулярного ss < **Ki̯* **Ti̯* (верно по меньшей мере для x): ион. dixo~ = dissо~ ‘двойной’ из **dikhi̯os* : dica ‘надвое, двояко’.

4) Заимстовования из языков-источников различной степени идентифицируемости.

Помимо этого, в настоящей статье мы совершенно не касаемся различий между региональными алфавитами в значении и употреблении графем x и y, между тем как системное исследование проблемы, несомненно, потребует этого, в частности, применительно к вопросу о том, в какой мере письменно зафиксированное чередование s s и x в качестве рефлексов **Ki̯* соотносится с фонетической реальностью.

Здесь остановимся на двух наблюдениях относительно рассматриваемых групп.

3. Во-первых, обнаруживаются случаи, в которых эти две группы способны взаимно чередоваться — точнее говоря, выявляются дублетные пары, отличные только лабиальным против заднеязычного перед s.

Ср.:

yhro~ : xhro~ ‘сухой’ (Suid.), тж. mesoyhron : hmixhron ‘полусухой’ (Hesych.). По мнению [Chantraine 1968-1980: 1290], в yhro~ предпочительнее всего видеть аберрантный вариант xhro~, т. к. *yhw ‘тереть’, с которым его формально можно было бы связать, слишком далеко семантически. Этимология этого последнего точно не установлена, однако сравнивают с лат. *serēnus* ‘ясный, тихий (о погоде)’, *seresco* ‘делаться сухим’, др.-верх.-нем. *serawēn* ‘тж.’, при этом долгий гласный являет собой проблему. Ранее широко распространённое сравнение с др.-инд. *kṣāra-* : *kṣāyati* ‘гореть’, удовлетворительное формально, Майрхофер [Mayrhofer 1992-2001 : I 430] называет «невероятным».

kossufo~/kottufo~ ‘скворец’ : koyico~ ‘тж.’ : Koxufiwn (личн. имя) : церк.-слав. косъ ‘скворец’ : рус. диал. *кос* и др., (NB сербохорв. *ко̑ц* — мн. ч. *ко̑цови*, предполагающее древнейшую *u*-основу) < **kops-u-* [Chantraine 1968-1980: 571] [Фасмер 1964/2009: 344] [Pokorny 1959: 614], о трудностях в отношении деталей см. [ЭССЯ 11: 176-177]. Отметим, что праформа **kops u-* с внутренним *-p-* основана на, по существу, произвольном выборе греч. дублета с -y- в качестве опоры для реконструкции; равно закономерным вариантом было бы и **koks-* на основании Koxufiwn, и **kots-* на основании kossufo~/kottufo~. Случай выделяется также тем, что имеет место колебание не просто между x и y, но между x ~ y ~ *ts, из которых последнее исторически стоит за графемой s s (аттич.-беот. t t) — по происхождению бывшей дентальной аффрикатой типа /ц/, ко-

торая в унаследованных и.-е. формах продолжает прагреческие сочетания глухих детальных и велярных взрывных с i̯ (см. [Широков 1983: 36 слл.]), в не и.-е. словах — по-видимому, аппроксимирует спиранты/сибилянты языков-источников.

yefa~ ‘темнота’ : др.-инд. *kṣap-*, авест. *xšap-* ‘ночь’ : случай следует рассматривать с осторожностью, т. к. если эти слова и родственны, то соответствие предстаёт затемнённым различного рода контаминациями.

Признаем, что данные, иллюстрирующие рассматриваемое чередование, не дают достаточных оснований для вывода относительно того, обладает ли это чередование сколько-нибудь значительной встречаемостью, достаточной для того, чтобы говорить о нерегулярном, но дискретном феномене, или же образование вышеприведённых пар было случайностью. Рассуждая спекулятивно, можно было бы отнести такие чередования на счёт диалектной вариантности k ~ p — рефлексов *kᵘ , но рассмотренные выше примеры не дают оснований для конкретного подтверждения этому. С другой стороны, столь же вероятна вторичная, неэтимологическая природа такого колебания.

Укажем, что нечто подобное отмечается за пределами греческого языка: др.-инд. *kṣu-* : авест. *fšu-* < и.-е. **pek’u* ‘скот’, ср. [Mayrhofer 1992-2001: I 433] (отнесено на счёт диссимиляции в **kṣumant-*).

4. Во-вторых, группы, содержащие сибилянт и взрывной, систематически подвергаются метатезам. Это касается x и y, гипотетически может быть верно и для *ts, но подтверждения для этого последнего ещё только предстоит отыскать.

Важно отметить, что в более ранние периоды истории гречского языка в позиции перед s взрывные всех трёх серий нейтрализовались не в глухом, как это видится из позднейших данных, а в придыхательном, как напрямую видно из эпиграфических написаний в тех случаях, когда региональный вариант алфавита не содержал диграфов для обозначения подобных групп [Широков 1983: 55, 67] [Sihler 1995: 203]. Соответственно, метатетические версии таких групп содержат аспирированный: sc sf sq. Ср.:

- Scenoklh~ = Xenoklh~ собств. из xeno- ‘чужой, иноземный’
- euscameno~ = euxameno~ part. aor. к eucomai ‘молить, желать’
- sfuch = yuch ‘душа’
- egrasfen = egrayen aor. 3 sg. к grafw

и др.

См. [Широков: loc. cit.] [Schwyzer 1977: I 266] [Lejeune 1972 : 117].

Как видно из вышеприведённых примеров, подобного рода метатеза, вопреки [Beekes 2010 : xxvi], не является приметой исключительно слов догреческого субстрата.

Метатеза двунаправлена: исторические *sk*, *sp*, *st* способны переходить в x y *t s соответственно. Ср.:

• xullesqai : skullesqai inf. praes. med. ‘растерзывать’.

• xuw ‘скоблить, строгать’ при др.-инд. *kṣu-n-auti* ‘тереть’ *kṣnotra-* ‘точильный камень’, авест. *hu-xšnuta* ‘хорошо заточенный’, лат. *novacula* (< **ksnoṵatlā*) ‘скребущее орудие, бритва’ : лит. *skutu*, латыш. *skuvu* ‘скрести, царапать, брить’. В данном примере метатетическая группа обладает и.-е. древностью; оценить значение этого факта представляется затруднительным в отсутствие параллельных примеров.

• xero~ ‘суша’ (гапакс : Hom. Od. 5. 402: epi xeron hpeiroio ‘на твёрдой <земле> материка’) : scero~ : akth, aigialo~ ‘побережье’ (Hesych.) : англо-сакс. *scear*, англ. *shore* ‘берег’ из и.-е. **(s)ker-* ‘отрезать’. Здесь метатезы должны были идти в такой последовательности: *skero~ > xero~ (под влиянием xhro~?) > scero~, см. [Chantraine 1968-1980 : 765, 1081]. Остаётся, однако, открытым вопрос об отношении этих слов к cerso~ ‘суша, материк’, которое обычно считают родственным лат. *horreo* ‘цепенеть, ужасаться’, др.-инд. *harṣate* ‘взбудораживаться’ и др. (воспроизводится вплоть до [Beekes 2010: 1626]); связанное с этими последними лат. hirsutus соб. ‘щетинистый’ соотносится с греч. chr ‘ёж’.

• ixo~ ‘сойка; птичий клей’ : лат. *viscum* ‘тж’. У [Chantraine 1968-1980: 465] сомнения в и.-е. принадлежности этой пары; у [Фасмер 1964/2009: I 325] цитируются предположения о связи с др.-верх.-нем *wîhsila*, ср.-верх.-нем. *wîhsel* черешня и рус. *вишня*.

• loxo~ ‘косой’ : ирл. *losc* ‘хромой’ (если -so~ не суффикс, см. [Frisk 1960: 136]). У [Фасмер 1964/2009: II 526] не исключается связь с рус. *лоший* ‘плохой’ (если из <**losk-i̯-*) и др. родственными слав. формами. [ЭССЯ 16: 94] эту этимологию отвергает со ссылкой на [Frisk 1960: 136-137], однако в этом последнем источнике прямые указания на какие-либо обстоятельства, делающие её невозможной, отсутствуют.

Другие наличные примеры sk : x, sp : y, скорее всего, не отно-

сятся к унаследованному лексическому фонду, напр., xifo~ : skifo~ ‘меч’, хотя о нём см. [Chantraine 1968-1980: 760] с литературой; ayinqion : aspinqion ‘полынь’; yalon, мик. *pa-sa-ro* ‘вид упряжи’ : spalivwn ‘передвижная крытая галерея’, к нему же yali~ : spali~ ‘ножницы’ (о последней группе см. [Chantraine 1968-1980: 1285], где анализируются доводы за и против первичности формы на *ps*- либо на *sp*-).

Случай xifo~ дополнительно интересен тем, что мик. *qi-si-pe-e* с начальным лабиовелярным заставило бы ожидать *yifo~.

Как следует из вышеизложенного, по аспирированности либо неаспирированности согласного можно определить направление метатезы: sp sk первичны по отношению к y = *p(ʰ)s* x = *k(ʰ)s*, тогда как sf sc — вторичны. (Это правило по очевидным причинам не работает для псилотических эолийских диалектов, ср. [Schwyzer 1977: I 266 ad fin.])

Наблюдения над подобными примерами позволяют пролить свет на этимологию ряда трудных случаев:

• escato~ ‘крайний, последний’ из *exato~ ‘внешний’ [Sihler 1995: 440];

• yoai/yuai ‘бедренные мышцы’ : ȯsfu~ ‘бёдра, таз’ [Prellwitz ap. Frisk 1960: 439], если *o*- считать протетическим;

• sulaw ‘грабить’ < *xulaw < *skulaw при skulon ‘добыча, трофей’? [ap. Chantraine 1968-1980: 1070];

• yar ‘скворец’ — к серии орнитонимов на **(s)por-*/**(s)par-*: греч. sporgilo~, лат. *passer, parra* (<**parsa*?), др.-верх.-нем. *sparo*, англ. *sparrow*;

• yaka~ ‘крошка, капля’ : лит. *spakas* ‘капля’ [Chantraine 1968-1980: 1284] ?

4. Опираясь на сказанное и приняв метатезу подобного рода как допустимый фактор, мы предлагаем следующую этимологию для yi~.

Коль скоро значение yid- определено как ‘испускать по капле’, напрашивается сравнение с рус. *цедить*. Это последнее, согласно [ЭССЯ 3: 175], прямо продолжает праслав. **cěditi* < праслав. **koid-*, которое связывается с лит. *skiesti* ‘разжижать, разбавлять’ < **skoid-*.

У М. Фасмера [Фасмер 1964/2009: 295] цедить соединяется с известной и.-е. серией когнатов со значением ‘расщеплять’ (**skeid-*): в эту серию, помимо лит. *skiesti* (*skiedžiu*), ср. [Fraenkel 1964 : 806],

входят такие представители, как лат. *scindo*, др.-инд. *chi-na-d-mi* и, наконец, греч. scizw. В этом последнем -c- вместо -k- видится проблемным, как отмечено, в частности, у [Svensson 2009: 6].

Мы считаем, что происхождение -c- в этом случае хорошо объясняется при соотнесении с изложенным выше: допустимо полагать, что историческое (закономерное) *skid- претерпело метатезу в *xid- и затем вторично в scid-.

В качестве прямой параллели такой двукратной метатезы ср. выше *skero~ > xero~ > scero~, где исходное **sk*- точно так же выводится лишь из данных внешнего сравнения.

Далее, если принять, что появление дублетов с x / y, вне зависимости от его условий, было активным процессом в древнегреческом языке, мыслится возможным представить, что гипотетически *xid- могло дать дублет yid-, которое и наблюдается в примерах, данных в начале настоящей статьи.

Касаясь семантической стороны дела, отметим, что значение славянского когната, в отличие от многих других членов приведённого ряда соответствий, связано не с твёрдой субстанцией, а с жидкостью. Тем самым оно одновременно типологически подкрепляет собой возможность именно такого пути развития значения для yid- — утратившего, как стоит считать в рамках предлагаемой гипотезы, связь со своим дублетом.

5. Итак, очерченный выше сценарий позволяет отнести yid- к ПИЕ **skei-d-*/**skoi-d-*/**ski-d-* [Pokorny 1959: 920-921].

Мы отдаём себе отчёт в том, что слабыми его сторонами являются:

— гипотетический характер ключевых звеньев предполагаемой цепочки переходов;

— низкая надёжность примеров колебания x / y и отсутствие данных о его относительно-хронологической отнесённости;

— нерегулярность описанного процесса метатезы, означающая вероятностный характер любых реконструированных сценариев с её участием.

В этой связи явления чередования x / y и метатез вида sT ~ Ts, безусловно, потребуют дальнейших наблюдений на предмет возможности рассматривать их как легитимный фактор в исторических преобразованиях фонологического облика слов.

Литература

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в четырёх томах. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачёва. 4-е изд., стер. М.: Астрель: АСТ, 2009.

Широков О. С. История греческого языка. М.: Изд-во Моск. университета, 1983.

Beekes, Robert S. P. Etymological Dictionary of Greek. In two volumes. — Leiden — Boston: Brill, 2010.

Chantraine, Pierre. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. — Paris: Éditions Klincksiek, 1968-1980.

Fraenkel, Ernst. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter : Universitätsverlag — Göttingen: Vanderhoeck und Ruprecht, 1962.

Frisk, Hjalmar. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter – Universitätsverlag, 1960.

Mayrhofer, Manfred. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bande I–III. Heidelberg: Carl Winter – Universitätsverlag, 1992–2001.

Pokorny, Julius. Indogermanisches etymologishes Wörterbuch. Bern und München: Francke Verlag, 1959.

Lejeune, Michel. Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. Paris: Éditions Klincksiek, 1972.

Schwyzer, Eduard. Griechische Grammatik. Auf der Grundlange von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik. C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. München, 1977.

Sihler, Andrew L. New Comparative Grammar of Greek and Latin. New York — Oxford, Oxford University Press, 1995.

Villanueva Svensson, Miguel. Indo-European *s*k*' in Balto-Slavic. // Baltistica XLIV(1) 2009: pp. 5–24.

Сокращения

ЭССЯ = Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1-39. Под ред. акад. О. Н. Трубачёва. — М.: Наука, 1972–2014–.

Olga M. Sergeeva
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
etymol@mail.ru

CONCERNING A POSSIBLE LINK BETWEEN PROTO-SLAVIC *cěditi AND GREEK *ψίδ-: CONSIDERATIONS UPON CERTAIN GREEK CONSONANT FLUCTUATIONS

The article deals with the etymology of the scarcely attested Greek ψίδ- 'to shed tears' in connection with a more general issue of the many etymologically puzzling Greek words containing the clusters *ks* (x) or *ps* (y), which on their own pose a problem as their phonological nature is understudied and largely obscure (except for the seemingly transparent more recent cases of their emergence on morpheme boundaries, which are not considered here). The article highlights, and enlists a selection of recoverable evidence to demonstrate, that 1) the two clusters may interchange within one and the same etymon 2) clusters of the type «plosive + s» are subject to metathesis yielding «s + plosive» and vice versa. These two observations are adduced in support of an etymological suggestion which tentatively connects ψίδ- with an IE cognate series that includes, among others, a close semantic match to the Greek lexeme, namely Proto-Slavic **cěditi*.

Key words: etymology, Indo-European studies, Ancient Greek, consonant clusters, metathesis, Proto-Slavic.

References

Beekes Robert S. P. *Etymological Dictionary of Greek.* In two volumes. Leiden — Boston, Brill, 2010.

Chantraine Pierre. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots* [Etymological Dictionary of the Greek language. History of Words]. Paris, Éditions Klincksiek Publ., 1968-1980.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymologi-

cal Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, Translated and augmented by O. N. Trubachev. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2009.

Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch* [Lithuanian Etymological Dictionary]. Vol. I, Heidelberg, Carl Winter, Universitätsverlag Publ; Göttingen, Vanderhoeck und Ruprecht Publ., 1962.

Frisk Hjalmar. *Griechisches etymologisches Wörterbuch* [Greek Etymological Dictionary]. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag Publ., 1960.

Lejeune Michel. *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien* [Historical Phonetics of Mycenean Greek and Ancient Greek]. Paris, Éditions Klincksiek Publ., 1972.

Mayrhofer Manfred. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen* [Etymological Dictionary of the Early Indo-Aryan]. Vols. I–III, Heidelberg, Carl Winter, Universitätsverlag Publ., 1992–2001.

Pokorny Julius. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern und München, Francke Verlag, 1959.

Schwyzer Eduard. *Griechische Grammatik. Auf der Grundlange von Karl Brugmanns Griechischer Grammatik* [Greek Grammar. Based upon Karl Brugmann's Greek Grammar]. München, C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung Publ., 1977.

Shirokov O.S. *Istorija grecheskogo yazyka* [History of the Greek Language]. Moscow, Publication of Moscow University, 1983.

Sihler Andrew L. New Comparative Grammar of Greek and Latin. New York — Oxford, Oxford University Press, 1995.

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (Eds.). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Iss. 1-39, Ed. O. N. Trubachev (iss. 1-31), A. F. Zhuravlev (iss. 32–39). Moscow, Nauka Publ., 1974–2014–.

Villanueva Svensson Miguel. Indo-European **sk*' in Balto-Slavic. *Baltistica* XLIV(1), 2009, p. 24.

М. Фурлан
Институт словенского языка им. Ф. Рамовша
Научно-исследовательский центр
Словенской Академии науки и искусства
(Словения, Любляна)
metka.furlan@)zrc-sazu.si

ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ КОРЕНЬ *$H_2EMG'^H$- ‘ВЯЗАТЬ’ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ. К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ПЛАНЕ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ СЛАВЯНСКОГО ОТНОШЕНИЯ *ǫZ- : *(u̯)ęZ- ‘ВЯЗАТЬ...’

Праиндоевропейский корень *$H_2emg'^h$- ‘вязать’ (ср. лат. *angō* ‘сжимать, сдавливать’, греч. ἄγχω ‘задавить’, хетт. *ḫamank-/ḫamenk-* ‘связать, обещать’, др.-инд. *aṁhú-* ‘узкий’ …) отражается в славянских языках закономерно в виде *o*-ступени чередования (ср. **ǫzъkъ* прилаг., **ǫzlъ* м. р., **ǫzźti*, **ǫ̂zь* ж. р. …), а также «непредвиденно» в виде *e*-ступени (ср. **u̯-ęz-ti,* **u̯-ęzati,* **u̯-ęzь* ж. р. …). В статье приведены аргументы, которые позволяют сделать вывод о том, что «непредвиденная» славянская ступень чередования *e* вполне может быть индоевропейским наследием и что происхождение «непредвиденной» протезы *u̯* может восходить к допраславянской системе. Анализ связанных между собой членов лексической семьи **u̯ęz(a)ti* при сравнении с такими же членами лексической семьи **mélsti* и **sĕ̂t'i* показал, что существительные типа **u̯ęza* со староакутовой корневой тонемой и некоторые «непредвиденные» признаки старого корневого акута в **ǫzlъ* (хорв., хорв. чак., чеш., польск.) и **ǫza* (хорв. чак., рус.) можно объяснить, если предположить, что праслав. гл. **u̯ęstí,* **u̯ęzèšь* первоначально относился к той же группе глаголов, что и **mélsti*, **mélzešь* → **mьlzèšь*, и что он отражал преобразо-

ванный праи.-е. акростатичный презенс *H_2ḗmg'^{h}-mi : *H_2émg'^{h}-n̥ti, т. е. *H_2ḗmg'^{h}-mi : *H_2m̥g'^{h}-énti. «Непредвиденное» начальное u̯ перед ę, обязанное своим происхождением зиянию [Vondrák 1924, I: 209], можно объяснить его допраславянской позиционно обусловленной фонетикой, когда в сочетаниях на стыке типа *nu H_2ḗmg'^{h}-ti / *nu H_2m̥g'^{h}-énti 'и вяжет / вяжут' при падении ларингального образуется зияние, которое так же, как в последовательности между гласными типа праслав. *žьrnъu̯e < *-uu̯-es < *-u.-es < праи.-е. *-uH_2-es [Pedersen 1909-1913, I: 177], заполнилось полугласным *u̯ > праслав. *u̯.

Ключевые слова: этимология, глагол, презент, ларингальная теория, протетическое u̯-, славянские языки, словенский язык, праиндоевропейский язык.

1. Славянское лексическое гнездо *u̯ęz(a)ti 'ligare', начиная с Ф. Миклошича, который в Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum вслед за Курциусом [Curtius 1858-1862, I: 166] связывает с индоевропейской семьей слов, в которую входят, напр. греч. ἄγχω, лат. angō 'сжимать, сдавливать', др.-инд. aṁhú- 'узкий', мл.-авест. nii-āzata 'связываться' и также хетт. ḫamank-/ḫamenk- 'вязать; обещать' ← *H^2m̥-né-g'^{h}- [Pokorny 1959, I: 42; LIV^2: 264; Kimball 1999: 243; NIL: 301], указывающие на то, что исходный праи.-е. корень с первоначальным значением 'вязать' → 'сжимать' (→ 'давить') в начале имел ларингальный *H^2emg'^{h}-. Поскольку славянские языки должны отражать праи.-е. корень с гласным в ступени *e* и *o* единообразно только как продолжение *ǫz-, а славянское лексическое гнездо отражает гласные того и другого качества, т. е. носовые гласные ę и ǫ (ср. *u̯ęzáti: *ǫ́zъ-kъ), материал с «непредвиденным» славянским вокализмом в ступени *e* и по сей день пытались объяснить различными способами, а именно:

а) при тематическом гл. *u̯ęsti, *u̯ęzešь, который вероятнее всего представляет архилексему этой славянской семьи слов, исходили из праи.-е. нулевой ступени корня *H_2m̥-g'^{h}- > праслав. *ęz- [Pokorny 1959, I: 42; также Gluhak 1993: 667; Derksen 2008: 521; de Vaan 2008: 42][1];

1 Вероятно, сходно думал и Траутманн [Trautmann 1923: 11]: в статье на балтослав. anžu- 'узкий' он дает ссылку на статью *inžō, которая отсутствует на соответствующем месте в словаре.

b) глагольные формы с *ę объясняли вторичным (славянским ?) развитием, якобы на основе чередования по образцу лит. *lankà* : *leñkti* : *liñkti* формы произошли из *ǫza ‘связка, связь’, ср. ст.-слав. **ѫза, вѫза** ‘оковы, кандалы, узы’ [Vaillant 1950, I: 185; idem 1966, III: 147];

c) лексическая семья могла стать результатом скрещения двух синонимичных корней, а именно праи.-е. *ang'^h- ‘вязать’ (= *$H_2emg'^h$-) и праи.-е. *u̯erg'^h- ‘вязать’, которое, напр. в лит. *veĩžti, veržiù* ‘вязать, давить’, праслав. *u̯*ersló* ср. р. ‘свясло’ = хорв. *vrijèslo* ‘дужка ведра; веревка’; последнее будто бы повлияло на развитие форм со славянским *ę [БЕР 1: 129];

d) вся лексическая группа была связана с другим праи.-е. корнем [Machek 1968: 679] через *u̯ei̯*g*’-, который в лит. *výžti* ‘вить, плести’; Лома [Loma 2010: 288] связывает с праи.-е. *u̯*eg*- ‘ткать, вязать узлы’, который в др.-ирл. *figther* ‘wird gewebt’ [LIV²: 662], с допущением велярного палатального.

В связи с проблемой времени и модели происхождения *ę в лексическом гнезде *u̯ęz(a)ti* ‘ligare’ при развитии из праи.-е. корня *$H_2emg'^h$- также возникает вопрос, почему в образованиях с корневым гласным *ę появляется начальное *u̯-, которое как протетический консонант не имеет условий для появления перед славянскими гласными переднего ряда, что наглядно отражает праслав. *ęzykъ ‘lingua’ < *$ŋg'h$-uH_2-ko-s*, которое никогда не получает протезу u̯-, но только вполне последовательно протезу *i̯-, напр. словен. *jézik* и т. п.

Объяснение авторов, которые задаются этим вопросом, также не единообразно; можно выделить две группы, а именно начальное *u̯- в *u̯ęz(a)ti* и т. п.:

a) является по происхождению зиянием, как напр. в прич. *š’ьvenъ от *š’iti ‘suere’ [Vondrák 1924, I: 209; Pokorny I: 42; Schuster-Šewc 1607; de Vaan 2008: 42];

b) появляется под влиянием начала синонимичного цслав. глагола **врьзѫ, врѣсти** ‘вязать’ [Hujer 1915: 222; Skok III: 584; Gluhak 1993: 667] или глагола *viti [Pokorny 1959: 42; Skok III: 584; Gluhak 1993: 667; Snoj in: Bezlaj IV: 308] или же относительно поздно под влиянием протезы u̯- перед родственными образованиями с начальным *ǫ, напр. ст.-слав. **ѫза** наряду с **вѫза**, оба в значении ‘связка, веревка’, и словен. *vózel* < *ǫzlъ [Meillet 1924: 74; Snoj in: Bezlaj IV: 308].

2. Возможные источники праслав. **ę* в **u̯ęzešь* ‘ligare’ ← праи.-е. **H_2emg’^{h}-*

Нельзя отрицать генетические связи между славянским гнездом **u̯ęzáti* ‘ligare’ и праи.-е. корнем **H_2emg’^{h}-*, несмотря на определенные формальные трудности (т. е. славянский начальный **u̯-* при «непредвиденном» корневом вокализме **-ę-*), и в пользу этой связи говорят некоторые признаки семантического и формального свойства.

Праи.-е. глагольный корень **H_2emg’^{h}-* первоначально был обозначением реального глагольного действия ‘вязать’, т. е. ‘два или больше одинаковых или относительно различных предметов поставить вместе, чтобы их связать’, что находит непосредственное отражение в славянских языках и в хеттском языке, причем семантический переход в духовную сферу, где действие ‘(за-)вязать, связать’ понимается как ‘обещать’, одинаково известен в славянских языках и в хеттском языке, ср. словен. *zavẹ́zati se* ‘обещать’, рус. *обяза́ть* ‘наложить на кого-л. какие-то обязательства, круг действий, обязательных к исполнению’ (< **ob-u̯ęzáti*) и, вероятно, как результат декомпозиции рус. диал. *я́зать* ‘сулить, обещать’, *яза́ться* ‘обязаться’ [Фасмер IV: 549]. Глагольное значение лат. *angō* ‘давить, жать’ передает действие, при котором связываемые два или больше предметов оказываются близко поставленными друг к другу, значение ‘давить’ в греч. ἄγχω ‘душить’ содержит семантический оттенок, который также присутствует в лат. *angō*, а контекстуально обусловленное значение ‘жать’ не требует комментариев.

Хотя большинство членов лексического гнезда **u̯ęzati* ‘ligare’ не имеет эквивалентов в других индоевропейских языках, формально корень **H_2emg’^{h}-* прочно связан с прилаг. **ǫzъ-kъ* ‘angustus’, которое семантически и формально идентично др.-инд. *aṁhú-* ‘angustus’ в *aṁhú-bhédī-* ‘с узкими щелями = engspaltig’, герм. **ang^{w}u-* в гот. *aggwus* ‘angustus’, др.-в.-нем. *engi*, н.-в.-нем. *eng* [NIL: 301].

Формальные и семантические доводы в пользу устойчивой связи праслав. **u̯ęz(a)ti* ‘ligare’ с праи.-е. корнем **H_2emg’^{h}-* достаточно надежны, чтобы при дальнейшей работе со славянским лексическим гнездом следовать за теми авторами, которые пытаются решить расхождения между ожидаемым и действительным славянским языковым отражением праи.-е. исходного **H_2emg’^{h}-* в рамках лексиче-

ского гнезда, не выходя за его пределы, с учетом фонетических и словообразовательных возможностей, которые допускает и на что указывает языковой материал более широкого индоевропейского лексического гнезда с этим корнем.

Такой подход отражает объяснение славянского носового гласного **ę* с праи.-е. слоговым **m̥*. Объяснение основано на предположении о том, что тематическая природа латинского и греческого, а также славянского глагола вторична по отношению к первоначальному праи.-е. состоянию: в греческом и латинском в исходной парадигме атематического презенса **H₂émg'ʰ-mi* : **H₂m̥g'ʰ-énti* произошли тематизация и обобщение основной ступени глагольной основы, а в праславянском произошла тематизация и обобщение нулевой ступени глагольной основы:

праи.-е. **H₂émg'ʰ-mi* → **H₂émg'ʰ-e-* (→ лат. *angō*, греч. ἄγχω)

праи.-е. **H₂m̥g'ʰ-énti* → **H₂m̥g'ʰ-e-* (→ праслав. **ęzǫ*).

Такое упрощение старых атематических парадигм известно, но проверка показывает, что, вопреки ожиданиям, корень **u̯ęz-* не всегда был циркумфлексно интонирован. Это означает, что староакутовый носовой гласный **ę́* в корне **u̯ę́z-* мог отражать корневой гласный в ступени удлинения **H₂ḗmg'ʰ-* с начальным ларингальным, который по правилам Эйхнера не влиял на окраску праи.-е. долгого **ē* справа и слева от него.

У рефлексов исходного тематического глагола **u̯ęstí*, **u̯ęzèšь* староакутовая интонация корневого **ę* неочевидна, ср. хорв. *vésti, vézēm* 'вести; болтать' [RJA 20: 780; Jurančič 1986: 1250], *vêsti, vézēm* [Anić 1991: 802], кайк. *vẽsti*, *vẽzęm* [Lipljin 2002: 1117], макед. *везе* 'вести' и 'быстро и красиво говорить', рус. диал. *вязти́, вязу́, вязѐшь* [Даль² I: 337; СРНГ 6: 76-77], др.-рус. **вѧзти, вѧзоу** 'плести' [Срезневский I: 504], ст.-чеш. *viezti*, *vazu*, *vězeš* 'плести, шить' [Bělič et alii 1978: 566], ст.-польск. *wiązć* 'ткать' [Boryś 2005: 688], кашуб. *v'izc, v'izą, v'ize* 'вязать, напр. чулки; плести сеть' [SEK V: 266].

Староакутовая интонация не потверждается праслав. **u̯ęzáti*, **u̯ęz'ešь* = словен. *vezáti*, *vẹ́žem*, чак. *vẽzät*, *vẽžen* [ČDL I: 1320], *vʲezät*, *vʲẽžen* 'tie, connect, bind' [Žminj v Istri — Kalsbeek 1998: 583], кайк. *uvẽzati*, *uvẽzęm* 'ввязать, переплести' [Lipljin 2002: 1102], рус. *вязáть, вяжу́, вяжешь*, укр. *вязáти, вяжу́, вя́жешь* [Гринченко I: 260] и т. д.

Староакутовая тонема **-ę́-* не подтверждается даже девербативом **u̯ę́zь* ж. р. = словен. *vẹ̑z* ж. р., род. *vezî* 'связка; связь', рус. *вязь*

ж. р., род. *вя́зи*, укр. *вязь* ж.р., род. *вя́зи* ‘вязь (снопов)’ [Гринченко I: 261], блр. *вязь* ж. р., род. *вязи* ‘связь, связывание’ [Носович: 106].

На староакутовую тонему в корне, возможно, указывают:

a) nomem actionis **u̯ę́za* ж. р.:

словен. *vę́za* ‘связь’ [SSKJ V: 421, 954], диал. *vé:za* ‘то, что связывает острые концы инструмента, используемого сапожником’ [bovško — Ivančič Kutin 2007: 104], хорв. *vëza* ж. р. ‘вязь, связь’ с производным *vëzica* ‘пояс’, кайк. *v'ẹza* ‘застежка; связь’ [Lipljin 2002: 1118], *vëza* ‘связанность между собой людей, предметов, понятий; отношение, связь’, ‘особа, которая сообщает вести; застежка’, ‘дорожная система’ [bački Hrvatje — Sekulić 2005: 644], чак. *vëza* ‘повязка’ [ČDL I: 1320], черногор. *vëza* ‘веревка, сплетенная из шерсти и конской кожи; то, чем что-л. связывают, соединяют’ с производным *vëzice* ‘пояс’ [Вујичић 1995: 26];

b) nomen instrumenti **u̯ęslo* ср. р.:

рус. *вя́сло* ср. р. ‘жгут из соломы, которым связывают снопы’ [СРНГ 6: 79], также *перевя́сло* ‘узелок, связка, пучок, связанная кипа’, ‘пояс, опояска; пояс снопа’ [Даль[2] III: 42], *свя́сло*, также *свясло́* ‘повязка; соломенный жгут; пояс’ [Даль[2] IV: 161], блр. *вя́сло* ‘связка’ [Носович: 106] при *вясло́* ‘пучок, связка нанизанных мелких предметов’ [ЭСБМ 2: 327], чеш. *obáslo* ‘кудель = свитая в пучок пряжа для ручного прядения’, польск. диал. *prowiąsło* ‘соломенный жгут’ [Karłowicz SGP 4: 355].

При nomen instrumenti, возможно, исходную форму **u̯ę́slo* (< *u̯ę́z-slo*) отражают рус. *вя́сло, перевя́сло, свя́сло*, блр. *вя́сло*, а также чеш. *obáslo* (< **ob-u̯ę́slo*) и польск. диал. *prowiąsło* (< **pro-u̯ę́slo*), но с учетом вариантов в ударении рус. *свясло́* ‘перевясло’ и блр. *вясло́* (< **u̯ęsló*) реконструкция **u̯ę́slo* не совсем убедительна, потому что рус. форма *вя́сло* с ударением на корне могла возникнуть в результате обобщения из NApl **u̯ę́sla* ← NAsg **u̯ęsló* по образцу **pis(ь)mó* ср. р. → NApl **pís(ь)ma*, ср. хорв. *písmo*, также хорв. чак. *pĩsmo*, праслав. **doltó* ср. р.→ NApl *dólta*, ср. рус. *долото́*, однако польск. *dłuto*, ст.-польск. *dłóto* и т. п.

2.1 Девербатив **u̯ę́za* (: **mę́lza*)

В южнославянском ареале надежным основанием для староакутовой интонации является nomen actionis **u̯ę́za* ж. р. Поскольку это

отглагольное образование, его староакутовая тонема, возможно, из глагольной основы, которая в силу системного включения в акцентную парадигму с (= APc) утратила эту информацию, как и в личных глагольных формах, таких, как *sěčèšь (: *sěk-ti = хорв. sjëći …), *prędèšь (: *prę̑sti = хорв. prësti …), *gryzèšь (: *gry̑sti = хорв. grïsti …), *pasèšь (: *pȁsti = хорв. pȁsti …) и т. д.

Параллельную форму к *u̯ę̑za найдем в лексическом гнезде со значением ‘доить’, где при глаголе с нулевой ступенью корневого вокализма *mьlzèšь (ср. цслав. **млъзѫ**, словен. *mo̯lzem*, хорв. *múzēš* ‘доить’, чак. *mūzën* то же, серб. *млзе́м* [Pirot — Живковић 1987: 85], макед. *молзе*, болг. диал. *мълзя́* [ЭССЯ 21: 110], чеш. *mlze* …) представлен девербатив со старым акутом *mȇlza ж.р. = хорв. диал. *mljëza* ‘kolostrum’ [Речник САНУ XII, 712], чак. *mlïza* то же [ČDL I: 555], словац. *mleza* ‘древесный сок’ [Jungmann II: 467][1], с ударением по исключению болг. *млезà* ‘древесный сок’ [БЕР 4: 163-164], которое легко могло развиться из первоначального болг. *млѐза под влиянием синонимичного болгарского гибрида *млезгà* из *мезгà* < праслав. *mězgȃ.

Девербатив *mȇlza кое-где является синонимом девербатива на *-iu̯o, который в большинстве случаев показывает староакутовый корень *mȇlz-, т. е. *mȇlziu̯o ‘то, что надоено’ = словен. *mlẹ́zivo* ср. р. ‘молозиво’, *izmlézivo* (Kranjska Gora) то же [Pleteršnik[2] I: 586, 319], тогда как новейшие формы с вторичным местом ударения в словен. *mlezívo* [SSKJ II: 805], хорв. *mljëzīvo* ‘молозиво’, чак. *mlïzivo* [ČDL III: 537], серб. *mlëzīvo*, рус. *моло́зиво*, укр. *моло́зиво*, блр. *мало́дзива*. Этот же тип девербатива на *-iu̯o представлен и в лексическом гнезде ‘вязать’, ср. известные примеры — словен. *vezívo* [SSKJ V: 424], *vezîvo* [Pleteršnik[2] II: 758], хорв. *vëzīvo* и чеш. *vazivo*, реконструкция для которых формы *u̯ę̑ziu̯o противоречит прежде всего поздно засвидетельствованному словенскому примеру, который вполне мог быть таким, как *mlezívo* [SSKJ II: 805], *kladívo* [SSKJ II: 323] при *kládivo* [SSKJ II: 323; Pleteršnik[2] I: 397] < *klȃdiu̯o = хорв. *klädīvo*, рус. диал. *кла́диво* с учетом вторично перестроенного ударения на основе других многочисленных примеров типа *gorívo*.

Поскольку в гнезде ‘доить’ (иначе, чем у *u̯ę̑za) девербативы *mȇlza и *mȇlziu̯o наглядно показывают корень в славянской полной

[1] В ЭССЯ (18: 94) это слово неправильно определяется как чешское, в таком случае праслав. *mȇlza дало бы чеш. *mlíza.

ступени вокализма, очевидно, что гл. **mьlzèšь* не был для них производящей основой. Такой же вывод надо сделать для девербатива в словен. диал. *mlẹ̑z* ж. р., род. п. *mlezî* ‘молозиво’ [Pleteršnik[2] I: 586 со ссылкой на Миклошича] < **mêlzъ*.

2.2 Праслав. лексическое гнездо **mélsti* как типологический источник

2.2.1 Праслав. **mьlzèšь* и девербативы **mélza*, **mélziu̯o*, **mêlzь*

Ожидаемая глагольная основа для девербативов **mélza* ж. р., **mélziu̯o* ср. р., **mêlzь* ж. р. выглядела бы как **mélzešь*. Такая староакутовая глагольная основа сохранилась в славянском мире опосредованно в инф. **mélsti*, который не может приниматься во внимание как непосредственно производящая глагольная основа для девербативов. Хотя инф. **mélsti* хорошо засвидетельствован (ср. словен. диал. = верхнекаринт. *mlè:st* с презенсом *mó:wzem* [Karničar 1990: 187], подъюнск. *mlàst* ‘доить’ [Zdovc 1972: 72, 121], резьян. *mlẹ̑st*, с презенсом *múlzẹ̑n* [Steenwijk 1992: 282], хорв. чак. *mlẽst* с презенсом *malzën* [Bejska Tramuntana — Velčić 2003: 228], *mlẽst* с презенсом *melzën* [Orlec /Cres — Houtzagers 1985: 298], рус. цслав. *млѣсти* с презенсом *мльзу*), при объяснении происхождения **mélza*, **mélziu̯o*, **mêlzь* он важен только косвенно как знак существования староакутового корня **mélz-*. Непосредственной словообразовательной производящей основой он не является, потому что инфинитивы как окаменевшие падежные формы основ существительных в словообразовательном отношении являются мертвыми членами лексических гнезд, они (инфинитивы) в лучшем случае подвержены преобразованию со стороны личных глагольных форм лексической семьи, к которой они относятся.

Акутовая полная ступень корневого вокализма глагольной производящей основы, соответствующая праслав. **mélz-*, представлена и за пределами славянского мира — в литовском языке, где при презенсе *mélžu* и *-i̯e*-презенсе *mélžiu* сосуществуют инфинитивы с вокализмом в полной и нулевой ступени — *mélžti* и *mìlžti* ‘доить’. Последней форме инфинитива с чередованием и акутовой интонацией соответствует праслав. **mělsti* = хорв. *müsti*, чак. *müst*, словен. *mọ̑lsti*, слвц. *mĺzt’* [ЭССЯ 18: 95-96]. Поскольку литовский **mélž-* в презенсе *mélžu* и *mélžiu* полностью соответствует праслав. **mélz-* в

**mélza*, **mélziu̯o* и **mêlzь* и инф. **mélsti*, следует все эти члены лексической семьи ‘доить’ производить из той ступени развития лексического гнезда, когда наряду с презенсом **mьlzèšь* существовал также глагол **mélzešь* с полной ступенью корня и с четко распознаваемым признаком старого акута. От него были образованы **mélza*, **mélziu̯o* и **mêlzь*, прежде чем из системы его вытеснила форма **mьlzèšь*. Существительные, таким образом, можно рассматривать как опосредованные показатели существования праслав. презенса **mélzešь*. Подобное вытеснение основы с полной ступенью вокализма доминирующим презенсом **mьlzèšь* имело место в инфинитиве, который и сейчас преобладает как **mȕlsti*, а статус менее частотный имеет форма **mélsti*.

a) I. праслав. **mélsti* / **mélzešь* (→**mélza*, **mélziu̯o*, **mêlzь*);

b) II. праслав. **mélsti* / **mьlzèšь*;

c) III. праслав. диал. **mȕlsti* / **mьlzèšь*.

2.2.2 Праслав. **mélsti* ← праи.-е. **H₂melg’-* и праслав. **sȇt’i* ← праи.-е. **sekH-*

Славянской нулевой ступени корня в презенсе **mьlzèšь* соответствует кельт. **mligo-* ‘доить’ = ст.-ирл. *mligid* то же [Matasović 2009: 274] < **H²mḷg’-e-ti*, который с рефлексом *-li-* из праи.-е. **-ḷ-* ясно показывает, что литовская и славянская акутовая интонация **mélž-* = **mélz-* никак не связана с возможным существованием ларингала в корне после *l*. Балто-слав. отношение *mélž-* = **mélz-* по отношению к кельт. **mlig-* в наше время пытаются объяснить разными способами, а именно:

a) балто-слав. глагольный материал с акутовой интонацией *mélž-* = **mélz-* отражал праи.-е. акростатичный Narten-презенс[1], т. е. **H₂mélg’-mi*: *H₂mélg’-n̥ti* [LIV: 249];

b) балт.-слав. материал с акутовой интонацией отражал действие закона Винтера [LIV²: 279];

[1] В статье при обозначении праиндоевропейской акцентно-морфонологической парадигмы употреблена терминология Эйхнера [Eichner 1973: 91, ср. также Nikolaev 2010: 292-299]. Основная особенность акростатичных презенсов с постоянным ударением на корне типа Narten — удлинение ступени чередования в корне в Sg. Ind. Akt. и основной ступени корня в других формах: sg. **CéC-ti* : pl. **CéC-n̥ti*, ср. [Narten 1995: 106; LIV² 14].

c) балто-слав. материал с акутовой интонацией отражал балто-слав. вставку заднеязычного взрывного перед рефлексом праи.-е. звонкого взрывного согласного, что может быть приравнено к глоттолизации [Derksen 2008: 307].

Представляется наиболее вероятным старое объяснение Мейе, которое находится в соответствии с Narten-prezent'ом: отношение **mélž-* = **mḗlz-* отражает праи.-е. удлинение в корне **mḗlg'-mi*[1]; что же касается закона Винтера, то остаются неясными условия, при которых он действовал[2]; балто-слав. вставка гортанного взрывного, т. е. глоттализация, с моей точки зрения, дает ad hoc объяснение многочисленным еще не проясненным балто-славянским акутовым тонемам, в отношении которых причин для удлинения может быть несколько[3].

Аргумент в пользу первого объяснения происхождения акутовой интонации можно видеть в праслав. **sḗt'i*, **sěčèšь* 'secare' при лат. *secāre*, которое точно отражает праи.-е. акростатичный презенс **sḗk-mi* : **sék-n̥ti* [LIV[2]: 524] и имеет славянские девербативы типа **mḗlza*, **mḗlzi̯o* и **mêlzь*, т. е. словен. *sę̑ka* ж. р. 'рубка' [SSKJ IV: 616], хорв. *sjëka* то же [RJA XV: 135], серб. *сёка*; хорв. *sjëčīvo*, серб. *сёчиво*, рус. *сéчиво*, болг. диал. *сѐчиво*, тогда как книжн. *сечиво̀*, вероятно, с вторичным ударением, как словен. *mlezívo* [SSKJ II: 805] при более ранней форме *mlę̑zivo* [Pleteršnik[2] II: 586]; словен. *sę̑č* ж. р., *sečî*, хорв. *siječ* ж. р. 'сеча, битва'. В nomen instrumenti **sekýra* (= ст.-слав. **сѣкыра**) еще сохраняется основная ступень корня, хотя существительное под влиянием гл. **sěčèšь* получило также корневой вокализм **sěkyra* (словен., ст.-слав., хорв.). Существенно, что в этой лексической группе по причине глухого корневого **k* не может быть принято во внимание объяснение долготы в корне с помощью закона Винтера или балто-славянской глоттализации.

2.2.3 Параллельные словообразовательные формы и проблема чередования в **u̯ę̑za* и т. д.

В составе лексических групп со значением 'доить', 'резать, сечь' и 'вязать' можно найти следующие параллельные словообразовательные формы:

---

[1] Цитируется по: [Trautmann 1923: 11].

[2] О различных подвариантах действия этого закона см. критику: [Furlan 2003: 18-19].

[3] О славянских отношениях типа **rûsъ* : **rŭsъ* см. [Furlan 2003: 16-17].

**mélza*	**sĕ̏ka*	**u̯ę̏za*
**mêlzь*	**sĕ̂čь*	**u̯ę̂zь*
**mélziu̯o*	**sĕ̏čiu̯o*	**u̯ę̏lziu̯o*
**mьlzèšь*	**sĕčèšь*	**u̯ęzèšь*

Все три девербатива на **-a*, **-ь* и **-iu̯o* со значением ‘доить’ и ‘сечь, резать’ имеют у славян полную ступень корневого вокализма, поэтому при староакутовости **u̯ę̏za* возможно, что **u̯ę̏za*, **u̯ę̂zь* и **u̯ę̏ziu̯o* содержат одинаковую ступень корневого вокализма, циркумфлексная интонация во всех трех девербативах на **-ь* — результат действия модели с подвижным ударением, что вызвало появление циркумфлекса, как, напр., в праслав. **sỳnъ*.

Все три глагола относятся к АРс. Видимо, нулевая ступень корня в лексической группе ‘доить’ возобладала над удлинением в корне, которое в праи.-е. лексической группе отражает еще литовский язык, а в группе со значением ‘сечь, резать’ доминировала удлиненная ступень в корне, хотя nomen instrumenti **sekyra* обнаруживает основную ступень в корне.

На первый взгляд в **u̯ęzèšь* могли сохраниться обе ступени корневого вокализма — нулевая ступень (как в **mьlzèšь*) и ступень удлинения (как в **sĕčèšь*). Если при обсуждении вопроса о том, что отражено в корневом **-ę-* глагола **u̯ęzèšь*, мы учитываем и образование **u̯ę̏za*, и параллельные образования **mélza* и **sĕ̏ka*, то все эти данные склоняют чашу весов в пользу ступени удлинения. А это значит:

a) что праслав. тематический гл. **u̯ęsti*, **u̯ęzešь* мог отражать праи.-е. акростатический презенс **H_2ḗmg’^{h}-mi* : **H_2émg’^{h}-n̥ti*;

b) как в лексическом гнезде ‘доить’ и ‘резать, сечь’, так и у этого глагола слабая ступень основы акростатичного презенса **H_2émg’h-n̥ti*, которая отражалась бы как праслав. **ǫz-tí*, **ǫzèšь*, не сохранилась в славянских моделях спряжения;

c) как и в лексическом гнезде ‘доить’, слабая основа акростатичного презенса **H_2émg’^{h}-n̥ti* (: **H_2mélg’-n̥ti*) могла замениться слабой ступенью из амфикинетичных презенсов, т. е. из **H_2m̥g’h-(énti)* (: **H_2m̥lg’-(énti)*[1], однако полная замена сильной ступени основы но-

[1] Следовательно, с заменой в древнеиндийском, ср. др.-инд. *mā́rṣṭi, mṛjánti* ‘стирать, чистить’ как отражение старого презенса акростатичного типа [Narten 1995: 104; LIV 250].

вой слабой ступенью, как в гнезде ‘доить’, завершилась уже после образования девербативов типа *u̯ę́za*.

При таких предпосылках праи.-е. акростатичный презенс глагольных корней *H_2émg’^{h}- и *H_2mélg’- имел сходное отражение в славянском мире: акростатичный презенс глагольного корня *H_2émg’^{h}- отражал бы в парадигме единый вокальный рефлекс *ę̯ из двух праи.-е. основ, а именно из праи.-е. *(H_2)ḗm- > праслав. *ę́ по закону Эйхнера и *m̥ > праслав. *ę̂:

праи.-е. *H_2émg’^{h}-	*H_2melg’-
праи.-е. *H_2ḗmg’^{h}-mi : *H_2émg’h-n̥ti	*H_2mḗlg’-mi : *H_2mélg’-n̥ti
праи.-е. *H_2ḗmg’^{h}-mi : *H_2m̥g’-énti	*H_2mḗlg’-mi : *H_2m̥lg’-énti
праслав. *-ę́- : -ę̂-	-ḗl--ô̯l-

Еще до тематизации рефлексов производящих глагольных основ, а также еще до систематизации праславянских глаголов в АР и вхождения праславянских глагольных основ *ę́z- (< *H_2ḗmg’^{h}-) / *ę̂z- (< *H_2m̥g’-) и *mḗlz- (< *H_2mḗlg’-) / *mô̯lz- (< *H_2m̥lg’-) в АРс должны были возникнуть девербативы типа праслав. *u̯ę́za (< *H_2ḗmg’^{h}-eH_2) и *mḗlza (< *H_2mḗlg’-eH_2), а также инфинитивы *u̯ę́sti / *u̯ęstí и *mḗlsti / *mьlstí.

С вхождением в АРс рефлексы обоих глаголов звучали как *u̯ęzèšь (< *-ḗm-) / *u̯ęzèšь (< *-m̥-) и *melzèšь / *mьlzèšь. Для *u̯ęzèšь повсюду утратился у славян признак полной ступени глагольной основы, что, вероятно, стало причиной вытеснения из системы инф. *u̯ę́sti и преобладания *u̯ęstí. А в лексическом гнезде ‘доить’ признак полной ступени в глагольной основе утратился, когда *mьlzèšь вытеснил из системы *melzèšь. Вытеснение этой ступени чередования продолжалось, и инф. *mḗlsti был заменен *mȗlsti, т. е. вариантом, который вполне мог стать результатом влияния интонации *mḗlsti и ступени чередования в *mьlstí.

Мало сохранилось признаков первоначального акростатичного спряжения у *u̯ęsti, *u̯ęzešь (глагольные дериваты + *e*-ступень чередования), однако их значительно больше у *mḗlsti, *melzèšь (глагольные дериваты + инфинитив + литовский материал). В лексическом гнезде *u̯ęsti указанное спряжение не сохраняется в презенсе *u̯ę́z’ešь, который, если судить по лит. *mélžiu*, являет собой в *i̯e*-презенсе переструктурированную основу *H_2ḗmg’^{h}-.

3. Вопросы происхождения вариантов *u̯ę̆za : *ǫ̆za и *u̯ę̆zь : *ǫ̆zь

В лексическом гнезде презенсы *u̯ęstí, *u̯ęzèšь/ *u̯ę́z'ešь и *u̯ę̆za, *u̯ę̆ziu̯o, *u̯ę̆zь образуют формы с носовым гласным *ǫ в качестве рефлекса основной ступени корня *H_2émg'^{h}- или его ступени *o* в *H_2omg'^{h}-.

3.1 В этом ряду особое место занимает каузатив *ǫzíti, *ǫ́zišь (рус. *у́зить, у́жу, у́зить*, др.-рус. *узити= ѫзити* 'стеснять, мучить', хорв. *úziti*, *ûzīm* 'делать узким'), поскольку только в нем отчетливо сохраняется ступень чередования праи.-е. корня *H_2émg'^{h}-, т. е. *H_2omg'^{h}-éi̯e [LIV^2: 265].

3.2 Праиндоевропейское наследие представляет также прилаг. *ǫzъkъ 'angustus', в котором сегмент *ǫz- соответствует др.-инд. *aṅhú-* 'angustus', герм. *ang^wu-* в гот. *aggwus* 'angustus' и т. д. и отражает отглагольное прилаг. *H_2émg'^{h}-ú- от слабой ступени глагольной основы акростатичного презенса *H_2ém̥g'^{h}-mi : *H_2émg'^{h}-n̥ti. В соответствии с принятым объяснением это должна бы быть полная ступень основы амфикинетичного презенса *H_2émg'^{h}-mi : *H_2m̥g'^{h}-énti.

Подобные словообразовательные отношения имеем и для корня *H_1ed- 'грызть, есть' с первоначальным акростатичным презенсом [LIV^2 230], где на отглагольное прилаг.*H_1ed-u- указывает анатолийский материал: хетт. *idālu-* 'слабый' (← *H_1ed-ú-) при лув. *adduu̯al-* 'слабый' (← *H_1éd-u-)[1]. В этом праи.-е. лексическом гнезде с акростатичным презенсом как в латинском, так и в греческом (и в древнеиндийском) произошло обобщение слабой ступени глагольной основы (ср. лат. *edō*, греч. ἔδω, др.-инд. *átti*) так же, как в глагольном корне *H_2emg^h- в представленной здесь интерпретации, что указывает на то, что в греч. ἄγχω и лат. *angō* сохраняется слабая ступень глагольной основы *H_2émg'^{h}-(n̥ti) акростатичного презенса.

Варианты гласных, как в хетт. *idālu-* 'слабый' ← *H_1ed-ú- и лув. *adduu̯al-* ← *H_1éd-u-, отражающие праи.-е. прилаг. *H_1ed-u-, возможны в славянском материале также и для прилаг. *H_2emg'^{h}-u-: часть материала указывает на *H_2emg'^{h}-ú- → *ǫ́zъ-kъ (ср. словен. *ǫ́zek*, ж. р. *ǫ́zka*, чеш. *úzký*, слвц. *úzky*), часть — на *H_2émg'^{h}-u- →

[1] Ср. [Rieken 1999: 446] и след. со старой литературой.

**ǫ̑zъ-kъ* (ср. хорв. чак. *ȕzak*, ж. р. *uskä*, ср. р. *ȕsko* [ČDL I: 1304], рус. *у́зок*, ж. р. *узка́*, ср. р. *у́зко*).

3.3 К числу унаследованных образований относится также nomen instrumenti **ǫzlъ* м. р. ‘nodus’ < **H₂émg’ʰ-lo-s*, для которого часть материала указывает на корень **ǫ́zlъ* со старым акутом, ср. хорв. *ȕzao* м. р., *ȕzla*, чак. *ȕzel* м. р., уменьш. *ȕzlić* [Orlec na Cresu — Houtzagers 1985: 386], *ȕzā* м. р., уменьш. *ȕzlić* [Lika — Čuljat 2009: 270], чеш. *uzel*, польск. *węzel*[1], частично — на первоначальную акцентированность существительного **ǫ́zlъ*, ср. рус. *у́зел* м. р., *узла́*, укр. *ву́зол* м. р., *вузла́* [Гринченко I: 259]. С точки зрения праи.-е. корня старый акут у существительного «непредвиденный» и не подтверждается родством на уровне корня с литовским прилаг. *aũkštas* ‘узкий’, которое по форме соответствует лат. прич. *anctus* от *angō* [NIL 301].

Точно так же незакономерное появление старого акута отражается в других образованиях с той же славянской огласовкой корня. Староакутовую интонацию в той же славянской лексической группе — по представленному здесь образованию из презенса акростатичного типа — можно ожидать именно в образованиях с **ęz-* < праи.-е. **H₂ḗmg’ʰ-*, в образованиях с **ǫz-* < праи.-е. **H₂emg’ʰ-* /**H₂omg’ʰ-*, но ее нет.

3.4 При сравнении с **u̯ę́za* староакутовую интонацию и другое качество гласного подтверждают **ǫ́za*[2] = словен. *ǫ́za* ж. р. ‘веревка’, хорв. чак. *ȕza* ж. р. ‘веревка, которой рыбаки тянут сеть рывками’ [Brusje na Hvaru — Dulčić 1985: 710] с уменьш. *ȕzica* ‘короткая и тонкая веревка’ [Vrgada — Jurišić 1973: 227], рус. *у́за* ж. р., *у́зы* ‘цепи, оковы, путы’. Тогда как на **ǫzā́* указывают словен. прекмур. *vóuza* ж. р. ‘тюрьма’ [Novak 1996][3], хорв. чак. *ūzä* ж. р. ‘длинная тонкая веревка’ [Vrgada — Jurišić 1973: 227] и рус. *узá* ‘пчелиная смола, которой пчелы защищают внутренность улья от света и воздуха’.

При сравнении с **u̯ę̑zъ* ж. р. только словенский язык подтверждает существование **ǫ̑zъ*, ср. словен. *vǫ̑z* ж. р., *vozî* ‘лента, тесьма’ [Pleteršnik[2] II: 779].

Что касается семантического отношения в паре имен деверба-

---

[1] Кортландт [Kortlandt 1975: 63] и Дыбо [Дыбо 1981: 210] соотносят материал со старым акутом.

[2] Основания для старого акута см. [Kortlandt 1975: 63], [Дыбо 1981: 210].

[3] Словен. *vóuznik* м. р. ‘узник’ [Novak 1996: 167] соответствует по форме рус. *у́зник*.

тивного происхождения **u̯ę̑za* : **ǫ̑za* / **ǫzā́*, где значение **u̯ę̑za* по сравнению с **ǫ̑za* / **ǫzā́* менее конкретизировано, то, вероятно, оно отражает различия девербативов на хронологическом уровне. Девербатив **ǫ̑za* / *ǫzā́* более древний и, возможно, отражает качественное чередование типа греч. φορή ← φέρω, и **ǫ̑za* так же, как **u̯ę̑za*, произошло от той же глагольной основы **u̯ę̑zešь* (ср. *mělza* из **mělzešь*), подобно тому как глагольная основа праи.-е. происхождения **H₁ē̆d-mi* : **H₁éd-n̥ti* использовалась при образовании лит. *ėda* ‘еда’ < **H₁ēd-eH₂* и *uóda* ‘комар’ < **H₁ōd-eH₂*. Старый акут в **ǫ̑za* таким образом может быть косвенным признаком существования глагольной основы **u̯ę̑zešь* ← праи.-е. **H₂ē̆mg’ʰ-mi*, тогда **ǫzā́* — преобразование первонач. **ǫ̑za*, которое при вхождении **u̯ę̑zešь* в APc и соединении с **u̯ęzèšь* утратило показатель старого акута в глагольной основе.

Труднее на основе имеющегося материала объяснить, почему при **u̯ę̑zь* появилось также **ǫ̑zь*. Наличие существительного с корнем **H₂emgʰ-* подтверждается греческим наречием и предлогом ἄγχι ‘вблизи; при’, вероятно, локативного происхождения [Frisk I: 17; NIL 302], а это значит, что ареально ограниченное **ǫ̑zь* могло бы отражать преобразованное в *i*-склонение корневое существительное **H₂emg’ʰ-* ‘вязание’ = ‘приближение’ → **H₂emg’ʰ-i-* > праслав. **ǫ̑zь*, но по причине ограниченного компаративного материала это лучше оставить без объяснения. Однако его большую древность, а не позднее происхождение по аналогии с **u̯ę̑zь*[1], показывает такой материал, как словен. диал. *vǫ̑ž* ж. р., gen. *vožî* ‘веревка; то, что связывает обе части цепа’ [Pleteršnik² II: 780: вост. Штирия, Доления], *gǫ̑ž* ж. р., gen. *gožî* ‘ремень, связывающий цепь с рукоятью; обруч; петля, связывающая ярмо с дышлом’ [SSKJ I: 741; Pleteršnik² I: 240] и словин. *gǫž* ж. р., gen. *gąže* ‘ремень, связывающий цеп с рукояткой’ [Lorentz PW I: 222], чеш. диал. *houž* ‘веревка у плужного колеса’ [ČJA 3: 142-143], ст.-чеш. *húž* ж. р. ‘веревка’ [Bělič et alii 1978: 76] с *ž* < **z*’, что говорит о том, что **ǫ̑zь* ж. р., вероятно, относилось к разряду праславянских еще акростатично склоняемых существительных [Furlan 2013: 64], т. е. **ǫ̑zь*/ **ǫz’-* ж. р., и потому, вероятно, древнее протерокинетичного **u̯ę̑zь* ж. р., gen. **u̯ę̑zi*.

[1] Так Сной в [Bezlaj IV: 347].

3. 5. В ответ на вопрос, почему существительное **ǫzlъ* ‘nodus’ наряду с **ǫ́zlъ* обнаруживает также старый акут **ǫ̑zlъ*, можно предложить представленное здесь объяснение происхождения праслав. гл. **u̯ęstí*, **u̯ęzèšь*, поскольку существует возможность перенесения старого акута в **ǫ̑zlъ* ‘nodus’ из причастия **u̯ę̑zlъ* от гл. **u̯ę̑zešь* еще до включения **u̯ęzèšь* в АРс и преобразования в **u̯ę́zlъ*, ж. р. **u̯ęzlā́*[1]. Активизация взаимодействия nomen instrumenti и participia preterita activa представляется вероятной, так как оба образования содержат один и тот же праи.-е. суф. **-lo-*, который первоначально, как можно думать на основе материала типа лат. *figulus* ‘гончар’ ← *fingō*, *-ere* ‘формировать и т.п.’, имел функцию nomen agentis, который в славянской системе через употребление в качестве сказуемого nomen agentis типа **deH$_3$-lo-s H$_1$ésti* ‘дающий есть’ > праслав. **dalъ estь* ‘дал’ приобрел функцию причастия[2]. Таким образом праслав. **ǫzlъ* м. р. ‘nodus’ первоначально был nomen agentis ‘тот, кто связывает’.

4. Праслав. **u̯ęz- / *ęz- < H$_2$ḗmg^{h}- / *H$_2$m̥g^{h}-*

Начальное **u̯-* является постоянным у членов лексической группы ‘вязать’ в рефлексах с корневым гласным **ę*, а это означает, что **u̯-* является частью фонемного состава корня и что уже в праславянском языке звучал как **u̯ęz-*, хотя в широкой индоевропейской перспективе представляет вторичное наращение фонемы.

На единственное исключение[3], когда вместо корня **u̯ęz-* закономерно появляется в славянской системе корень **ęz-* с протетическим *j-* в русских донских говорах в наречии *суязно (живуть)* ‘живут дружно’ < **sǫ-i̯ęz-ьno*, обратила внимание Варбот, подчеркнув, что начальное **u̯-*, хотя и преобладает, несомненно, вторичного неэтимологического происхождения [Варбот 1991: 169–170]. Фонемные варианты корня **u̯ęz- / *ęz-*, следовательно, должны быть проецированы в праславянскую эпоху.

---

[1] Акцентные отношения в личных и неличных формах глагола представлены в [Дыбо 1981: 252-253], но не получили объяснения.

[2] Об этом см. [Furlan 2007: 62 с прим. 7], там же приведена литература.

[3] Рус. диал. *язáть* ‘обещать’, *я́зать* то же, *язáться* ‘обязаться’ при рус. *обязáть* (< **ob-u̯ęzati*) могло стать результатом декомпозиции *об-язáть* [Фасмер IV: 549].

4.1 Когда Вондрак [Vondrák 1924, I: 209], пытаясь объяснить происхождение начального **u̯-* в **u̯ęz(a)ti* ‘ligare’ и т. п., полагал, что оно возникло в зиянии и что такого же происхождения также *v* в *šьvenъ*, *pokrъvenъ* и т. д. С его точки зрения причина происхождения зияния в наличии префикса **sъ-*, при котором в последовательности **sŭ-ęzati* слева от *ę* при *u*-образном гласном зияние заполнилось бы *u̯*: **sŭ-ęzati* > **sŭ-u̯ęzati* > **sъ-vęzati*. По его мнению, те же условия для появления *u̯* в зиянии могли существовать также при префиксе *u-* — **u-u̯ęz(a)ti* < **u-ęz(a)ti*, ср. ст.-слав. **оуѵѧсти**.

Вполне приемлемо объяснение Вондрака, согласно которому *u̯* в **u̯ęz(a)ti* и т. п. такого же происхождения, как в *šьvenъ*, т. е. появление *u̯* — следствие *u*-образного гласного слева от него. Остается нерешенным вопрос, когда и при каких условиях появилось в зиянии *u̯*. Наглядно представленную Вондраком связь **sŭ-ęzati* > **sŭ-u̯ęzati* > **sъ-vęzati* мы понимаем таким образом, что появление *u̯* в таких последовательностях произошло в ранней системе праславянского языка, когда *ęр* имел статус краткого гласного *ŭ*, из *šьvenъ*, а также в эпоху, когда смягчение гласного еще не произошло. При таком объяснении встает вопрос: почему следов такого *u̯* в зиянии нет в других славянских словах с этимологически начальным **ę*, где часто сходные последовательности, правда, преимущественно на стыке в сложениях типа **kortъkъ ęzykъ?* Почему мы имеем различные результаты при одинаковой префиксации глаголов со славянским начальным гласным переднего ряда? Отношение **sъ-u̯ęzati* : **sъn-ěsti*, **sъn-iti* как раз подводит к объяснению: в эпоху возникновения префиксных образований типа **sъn-ěsti* лексическая группа ‘ligare’ уже имела *u̯* перед корневым гласным **ę*. В противном случае ожидалось бы ***sъn-ęzati*.

4.2 Педерсен [Pedersen 1909-1913, I: 177], много позднее более развернуто на более широком материале Смочиньский [Smoczyński 2003: 51-108] показали, что славянский межвокальный *u̯* в зиянии появляется на месте, где произошло падение ларингального в межвокальном положении. Это явление Педерсен допускал в склонении существительных по типу ст.-слав. **жрьны**:

праслав. Nsg **žьrny* < праи.-е. **-uH$_2$*

Gsg **žьrnъu̯e* < и.-е. **-uu̯-es* < **-u.-es* < праи.-е. **-uH$_2$-es*

Смочиньский же показал, что, напр., *u̯* в причастиях типа **šьu̯enъ* (а также **šьu̯ъ*, **šьu̯ьсь*) при инфинитивах типа **s’iti* = лит.

siū́ti ← праи.-е. **siuH$_{1/3}$-* так же, как в балтийских языках (ср. лит. *siuvù* = лтш. *šuvu*), стоит как раз на месте ларингального:

**si̯uH$_{1/3}$-eno-s* > **si̯u.-e-nos* > **si̯u̯enas* > праслав. **s'ъu̯enъ*

si̯uH$_{1/3}$-o-s* >si̯u.-o-s* > **si̯u̯as* > праслав. **s'ъu̯ъ*

Появление полугласного, т. е. *u̯* или *i̯*, который заполняет зияние ларингального происхождения, определяет гласный **u̯/i̯* слева от согласного, обязанного зиянию, ср. причастие **bьjenъ* при праслав. **bū́ti*, тогда как **zabъvenъ* при праслав. **bȳ́ti*. Но появление в славянской системе протетического консонанта *u̯* или *i̯* определяет качество гласного справа от него. Модель появления неэтимологического консонанта, таким образом, в этих двух примерах диаметрально противоположная.

4.3 Начальное *u̯* в формах типа **u̯ęz(a)ti* могло бы появиться одновременно с *u̯* в словах типа **žьrnъu̯e* и типа **š'ъu̯enъ* и в сочетаниях на стыке = sandhi, если рефлексу **H$_2$emg'^{h}-* предшествовало слово, которое заканчивалось на *u*. Появление *u̯* в словах типа **žьrnъu̯e* и **š'ъu̯enъ* завершилось в допраславянскую эпоху, и в эту же эпоху с моей точки зрения можно проецировать также появление *u̯* в праслав. корне **u̯ęz-*.

Существенное различие между появлением *u̯* в словах типа **žьrnъu̯e* и **š'ъu̯enъ* и появлением *u̯* в корне **u̯ęz-* в том, что последовательность **-uH-V-* между гласными в формах слов или в словах была следствием действия системных формообразующих и словообразовательных моделей на стыке с корнем или с основами со специфическим завершением **-uH-*, и в них появление *u̯* носило системный характер, появление же *u̯* как заполнителя зияния ларингального происхождения на стыке **u HV-* было спорадическим явлением. Еще собственно и потому, что очень мало слов или форм слова с завершением на *u* в допраславянскую эпоху, которые бы стояли слева от глагола с корнем **H$_2$emg'^{h}-*.

Поскольку сочетаемостные связи с существительными на *u* типа **medhu* ср. р. 'мед' лишены смысла, то же относится к сочетаемостным связям в Lpl существительных типа **u̯l̥k^{u}oi̯-su-* > праслав. **u̯ьlcěxъ*, потребность в смысле побуждает к связи сочетания союза **nu* 'и' > праслав. **nъ* и нашего глагола:

праи.-е. **nu H$_2$ḗmg'^{h}- ti*	: **nu H$_2$m̥g'^{h}- énti*	**g^{u}r̥H$_2$nuH$_2$-es*
допраслав. **nu.ḗmg'^{h}-ti*	: **nu.m̥g'^{h}-énti*	**gr̥nu.-es*
допрслав. **nu u̯ḗmg'^{h}-ti*	: **nu u̯m̥g'^{h}-énti*	**gr̥nu u̯-es*

праслав.*nъ u̯ę̑zetь : *nъ u̯ęzǫ́tь *žьrnъu̯e → ***u̯ę̑zetь**

Сочетаемостные связи этого типа должны быть такими частыми, чтобы позиционно обусловленные варианты корня *u̯ē̆mg'ʰ-/*u̯ m̥g'ʰ > праслав. *u̯ę̑z-/ *u̯ê̆z- преобладали над *H_2ē̆mg'ʰ-/*H_2m̥g'h- > праслав. *ę̑z- / *ê̆z-.

Сходное чередование можно бы признать в начале второй части сложений *rǫko-ętь : *rǫko-u̯ętь — оба в значении 'manipulus'. Вторая часть *ętь / *u̯ętь относится к лексическому гнезду *ęti, *ьmešь 'взять', с которым Белетич [Bjeletić 2012: 15 и след.] связывает хорв., серб. прилагательное *razgovetan* 'ясный' < *orz-go-u̯ętьnъ, которое, будучи родственным рус. диал. *ятный* 'доступный, достижимый, понятный', польск. *objętny* 'понятный, ясный', указывает на то же чередование в начальной позиции *ętьnъ / *u̯ętьnъ. Поскольку в лексическом гнезде сохраняется праи.-е. ларингальный в изначальном корне *H^1em- 'взять', *u̯- могло бы быть остатком допраславянского *u̯ в зиянии в сочетаниях на стыке *-u HV- > *-u .V- > *-u u̯V- → праслав. u̯V-.

4.4 Сходные отношения с одинаковым результатом в позиции между гласными и в сочетаниях на стыке представлены в греческом языке, где вокальная протеза ларингального происхождения появляется на стыке в сочетаниях *-C $H_{1/2/3}$C- > *-C ϵ/α/oC- → греч. ϵ/α /oC- (ср. греч. 'ανήρ, также арм. *ayir* < *H_2nē̆r по отношению к др.-инд. *nár*-), в тех же последовательностях между гласными *-C$H_{1/2/3}$C- видим тот же результат в греч. *-Cϵ/α/oC-, ср. праи.-е. *dhH^{1}tó-s > греч. θϵτός, праи.-е. *stH$_2$tós > греч. στατός, праи.-е. *dH$_3$tós > греч. δοτός. Существенное различие между греческой вокальной протезой ларингального происхождения и предложенным здесь ларингально обусловленным происхождением начального u̯- в *u̯ęzati в том, что греческая протеза реализуется системно, тогда как протеза u̯- перед славянскими гласными переднего ряда как косвенный знак существования начального ларингала в славянском языковом материале проявляется спорадично. Хотя нельзя исключить, что примеров такого происхождения начального u̯- значительно больше, но они еще не были обнаружены, потому что такая возможность происхождения u̯- перед гласными переднего ряда еще не привлекала к себе внимания исследователей.

Литература

Бјелетић М. Этимологизация «словообразовательных гапаксов» (на примере с.-хорв. *разговетан* ‘внятный, ясный, понятный’) // Theory and Empiricism in Slavic Diachronic Linguistics / Edited by Ilona Janyšková & Helena Karlíková. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2012. С. 15–25.

Варбот Ж. Ж. Словообразовательно-этимологические комментарии к некоторым русским диалектизмам (на материале Словаря русских донских говоров) // Современные русские говоры. Москва: Наука, 1991. С. 169–171.

Вујичић М. Рјечник говора Прошчења (код Мојковца). Подгорица: Црногорска академија наука и умјетности, 1995.

Гринченко Б. Словарь украинскаго языка I–IV. Кіев: 1907–1909.

Даль[2] В. Толковый словарь живого великорусского языка I–IV. Второе издание. исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Москва: Русский язык (репринт), 1981–1982.

Дыбо В. А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. Москва: Наука, 1981.

Живковић Н. Речник пиротског говора. Ниш: Музеј Понишавља — Пирот, 1987.

Лома А. Праиндоевропски глагол и словенска етимологија // Јужнословенски филолог 66, 2010. С. 283–295.

Николаев А. С. Исследования по праиндоевропейской именной морфологии. С.-Пб.: Наука, 2010.

Носович И. И. Словарь бѣлорусскаго нарѣчия. Санкт Петербургъ: Типография Императорской Академіи Наукъ, 1870.

Речник САНУ: Речник српскохрватског књижевног и народног језика I-. Београд: Српска академија наука. Институт за српскохрватски језик. 1959–.

Срезневский И. И. Материалы для древнерусского языка I–III. Москва: Знак, 2003.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка I–IV. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Издание второе, стереотипное. Москва: Прогресс, 1986.

Anić V. Riječnik hrvatskoga jezika. Zagreb: Liber, 1991.

Bělič J., Kamiš A., Kučera K. Malý staročeský slovník. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1978.

Bezlaj ESSJ: France Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika I (1976), Etimološki slovar slovenskega jezika II (1982), Etimološki slovar slovenskega jezika III (1995). Dopolnila in uredila Marko Snoj in Metka Furlan. Etimološki slovar slovenskega jezika IV (2005). Avtorji gesel France Bezlaj, Marko Snoj in Metka Furlan. Uredila Marko Snoj in Metka Furlan. Etimološki slovar slovenskega jezika V = Kazala (2007). Izdelala Marko Snoj in Simona Klemenčič. Ljubljana: Mladinska knjiga + Založba ZRC, 1976–2007.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005.

Curtius G. Gründzuge der griechischen Etymologie. Leipzig, 1858–1862.

Čuljat M. Ričnik ličke ikavice. Gospić: Lika Press, 2009.

De Vaan M. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden, Boston: Brill, 2008.

Derksen R. Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon. Leiden, Boston: Brill, 2008.

Dulčić J, Dulčić P. Rječnik bruškoga govora // Hrvatski dijalektološki zbornik. Knjiga 7, Svezak 2, Razred za filologiju. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1985. С. 373–747.

Eichner H. Die Etymologie von heth. *mehur* // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft 31, 1973. С. 53–107.

Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch I–II. Zweite, unveränderte Auflage. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1973.

Furlan M. Podaljšava — praslovanski izpridevniški besedotvorni vzorec // Slavistična revija 51. Posebna številka, 2003. С. 13–26.

Furlan M. К izvoru slovenskih feminativov tipa *zajklja* к *zajec* // Razprave SAZU XX (Classis II), 2007. С. 55–67.

Furlan M. К identifikaciji zgodnjepraslovanske akrostatične deklinacije ijevskih samostalnikov // Jezikoslovni zapiski 19/1.Ljubljana, 2013. С. 51–69.

Gluhak A. Hrvatski etimološki rječnik. Zagreb: Avgust Cesarec, 1993.

Houtzagers H. P. The Čakavia Dialect of Orlec on the Island Cres (= Studies in Slavic and General Linguistics 5), Amsterdam: Rodopi, 1985.

Hujer O. Slov. *vęzati* // Listy filologické a pedagogické 42, 1915. С. 222–227.

Ivančič Kutin B. Slovar bovškega govora. Ljubljana: Založba ZRC, 2007.

Jungmann J. Slovník česko-německý I–IV. V Praze: Pomocoj Českého museum, Fetterlow, 1835–1839.

Jurančič J. Srbskohrvatsko-slovenski slovar. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1986.

Jurišić B. Rječnik govora otoka Vrgade. II dio: Rječnik. Zagreb: JAZU, 1973.

Kálal M. Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica: Nákladom vlastnym, 1924.

Kalsbeek J. The Čakavian Dialect of Orbanići near Žminj in Istria (= Studies in Slavic and General Linguistics 25). Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1998.

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. I–VI. Kraków: Nakladem Akademii Umiejętności, 1900–1911.

Karničar L. Der Obir-Dialekt in Kärnten. Die Mundart von Ebriach / Obirsko. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990.

Kimball S. Hittite Historical Phonology. Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 1999.

Kortlandt F. H. H. Slavic accentuation. A study in relative chronology. Lisse: The Peter de Ridder Press, 1975.

Lipljin T. Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora. Varaždin: Garestin, 2002.

Lorentz L. PW: Pomoranisches Wörterbuch I–III. Berlin: Akademie-Verlag, 1958–1971.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1968.

Matasović R. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden, Boston: Brill, 2009.

Meillet A. Le Slave commun. Paris: Librairie ancienne honoré Champion, 1924.

Miklošič F. Lexikon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum. Vindobonae: Guilelmus Braumüller, 1862–1865.

Narten J. Zum »proterodynamischen« Wurzelpresent // Johanna Narten, Kleine Schriften. Band 1. Hrsg. Marcos Albino, Matthias Fritz. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1995. C. 97–107.

Novak V. Slovar beltinskega prekmurskega govora. Drugo, popravljeno in dopolnjeno izdajo priredil in uredil Vilko Novak. Murska Sobota: Pomurska založba, 1996.

Pedersen H. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen I–II. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1909-1913.

Pleteršnik M.[2] Slovensko-nemški slovar 1894–1895. Elektronsko izdajo iz leta 2006 uredile Metka Furlan, Helena Dobrovoljc in Helena Jazbec. Ljubljana: Založba ZRC, 2006.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch I. Bern — München: Francke Verlag Bern, 1959.

Rieken E. Untersuchungen zur nominalen Stammbildung des Hethitischen (= Studien zu den Boğazköy-Texten 44). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999.

Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bautzen: VEB Domowina-Verlag, 1983–1987.

Sekulić A. Rječnik govora bačkih Hrvata. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Katolički institut za kulturu, povijest i duhovnost Ivan Antunović, 2005.

Smoczyński W. Hiat laryngalny w językach Bałto-słowiańskich. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2003.

Steenwijk H. The Slovene Dialect of Resia. San Giorgio (= Studies in Slavic and General Linguistics 18). Amsterdam, Atlanta: Rodopi, 1992.

Trautmann R. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1923.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves I. Phonétique. Paris-Lyon, 1950.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves III. Le Verbe. Paris: Éditions Klincksieck, 1966.

Velčić N. Besedar Bejske Tramuntane. Mali Lošinj, Beli, Rijeka: Adamić, 2003.

Vondrák W. Slavische Grammatik I. Lautlehre und Stammbildungslehre. Zweite stark vermehrte und verbesserte Auflage. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1924.

Zdovc P. Die Mundart des südöstlichen Jauntales in Kärnten. Lautlehre und Akzent der Mundart der "Poljanci". Wien: Kommissionsverlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1972.

Сокращения

БЕР — Български етимологичен речник I–. София 1971–: Българска академия на науките.

СРНГ — Словарь русских народных говоров 6. Ленинград: Издательство Наука, 1970.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы 1–. Минск 1978–: Навука и техника.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков 1–. Москва 1974–: Наука.

ARJ — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1880-1976.

ČDL — Čakavisch-deutsches Lexikon I–III. Von Mate Hraste und Petar Šimunović. Unter Mitarbeit und Redaktion von Reinhold Olesch. Köln–Wien 1979–1983: Böhlau Verlag.

ČJA — Český jazykový atlas 3. Praha: Academia, 1999.

ESSJ = Bezlaj ESSJ.

LIV — Lexikon der indogermansichenVerben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. Unter Leitung von Helmut Rix. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1998.

LIV[2] — Lexikon der indogermansichenVerben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen. Unter Leitung von Helmut Rix. Zweite, erweiterte und verbesserte Auflage bearbeitet von Martin Kümmel und Helmut Rix. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.

NIL — Dagmar S. Wodtko, Britta Irslinger, Carolin Schneider, Nomina im indogermanischen Lexicon. Heidelberg: C. Winter Verlag, 2008.

SEK — Wiesław Boryś, Hanna Popowska-Taborska, Słownik etymologiczny kaszubszczyzny I–VI. Warszawa: Polska Akademia Nauk, 1994–2010.

Skok — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I–IV. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.

SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika I–V. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1970–1991.

Перевела со словенского языка Л. В. Куркина

Metka Furlan
Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language
Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts
(Slovenia, Ljubljana)
metka.furlan@zrc-sazu.si

*THE PIE ROOT *H$_2$EMG'^{H}- 'BIND' IN THE SLAVIC LANGUAGES. A RELATIVE CHRONOLOGY OF THE EMERGENCE OF THE RELATIONSHIP ǫZ- : *(u̯)ĘZ- 'BIND, etc.'*

The PIE root **H$_2$emg'h*- 'bind' (cf. Lat. *angō* 'press, tie', Gr. ἄγχω 'strangle', Hitt. *ḫamank-/ḫamenk*- 'bind; promise', Skt. *aṁhú*- 'narrow', etc.) is represented in the Slavic languages with the expected Slavic o ablaut grade (cf. **ǫzъkъ* adj., **ǫzlъ* m., **ǫzíti*, **ǫ̂zь* f., etc.) and also in the "unexpected" *e* ablaut grade (cf. **u̯-ęz-ti*, **u̯-ęzati*, **u̯-ęzь* f., etc.). This article presents arguments leading to the conclusion that the "unexpected" *e* ablaut grade may also be of Indo-European origin and that the emergence of the "unexpected" prothetic *u̯*- may predate the Proto-Slavic system.

An analysis of individual members of the word family **u̯ęz(a)ti* when compared with the word-formationally equivalent members of the Slavic word families **mélsti* 'milk' and **sə̄t'i* 'cut' shows that nouns of the type **u̯ę̋za* with the old acute root toneme and certain unexpected signs of the old acute root in **ǫzlъ* (Cro., Cro. Čakavian, Cz., Pol.) and **ǫza* (Cro. Čakavian, Rus.) can be explained if it is assumed that the PSl. verb **u̯ęstí̋ u̯ęzèšь* originally belonged to the same group of verbs as **mélsti mélzešь* → **mьlzèšь* and expressed the altered PIE acrostatic present **H$_2$ḗmg'^{h}-mi* : **H$_2$émg'^{h}-n̥ti*; that is, **H$_2$ḗmg'^{h}-mi* : **H$_2$m̥g'^{h}-énti*.

The unexpected initial **u̯*- before **ę* is of hiatus origin [Vondrák 1924, I: 209] and could be explained as pre-Proto-Slavic positionally conditioned phonetics in which syntactic contacts of the type **nu H$_2$ḗmg'^{h}-ti*/**nu H$_2$m̥g'^{h}-énti* 'and he bind/ties / they bind/tie' resulted in a hiatus with the loss of the laryngeal that was then filled with the semivowel **u̯* > PSl. **u̯* just as in intervocalic sequences of the type PSl. **žьrnъu̯e* < **-uu̯-es* < **-u.-es* < PIE **-uH$_2$-es* [Pedersen 1909–1913, I: 177].

Key words: etymology, verb, present tense, laryngeal theory, prothesis *u̯-*, Slavic languages, Proto-Indo-European.

References

Anich V. *Riječnik hrvatskoga jezika* [Dictionary of the Croatian Language]. Zagreb, Liber Publ., 1991.

Bělič J., Kamiš A., Kučera K. *Malý staročeský slovník* [A Minor Dictionary of Old Czech Language]. Prague, Státní pedagogické nakladatelství Publ., 1978.

Bezlaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Etymological Dictionary of the Slovenian Language]. Vol. I–V, Ljubljana, Mladinska knjiga+ ZRC Publ., 1976–2007.

Bjeletich M. [Etymological Analysis of Word-Structural Hapax Legomena (the case of Serb.-Croat. *разговетан* 'distinct, recognizable, clear')]. *Theory and Empiricism in Slavic Diachronic Linguistics.* Ilona Janyšková & Helena Karlíková (Eds.). Prague, Nakladatelství Lidové noviny Publ., 2012, pp. 15–25. (In Russ.)

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological dictionary of the Polish language]. Warszawa, Literary Publisher Publ., 2005. 861 p.

Boryś W., Popowska-Taborska H. *Słownik etymologiczny kaszubszczyzny* [Etymological Dictionary of the Kashubian Language]. Vol. I–VI, Warshaw, Polish Academia of Science Publ., 1994–2010.

Bylgarski etimologichen rechnik [Bulgarian Etymological Dictionary]. Vol. I–VII–. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., Prof. M. Drinov Publ., 1971–2010–.

Curtius G. *Gründzuge der griechischen Etymologie* [Foundations of Greek Etymology]. Leipzig, 1858–1862.

Český jazykový atlas 3 [Czech Linguistic Atlas 3]. Praha, Academia Publ., 1999.

Čuljat M. *Ričnik ličke ikavice* [Dictionary of the Ikavian Speech of Lika]. Gospich, Lika press Publ., 2009.

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, 2nd facsimile edition, Moscow, State Publ. of Foreign and National Dictionaries, 1981–1982.

De Vaan M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden, 1908.

Derksen R. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon.* Leiden, Boston, 2008.

Dulčić J., Dulčić P. [A Dictionary of the Brus Dialect] *Hrvatski dijalektološki zbornik. Razred za filologiju* [Collected Papers on Croatian Dialectology. Series Philology]. Vol. 7, Iss. 2, Zagreb, South Slavic Academy of Arts and Sciences Publ., 1985, pp. 373–747. (In Serb.-Croat.)

Dybo V.A. *Slaviianskaiia aktsentologiia. Opyt rekonstruktsii sistemy aktsentnykh paradigm v praslaviianskom* [Slavic Accentuation. An Attempt at Reconstruction of Accentual Paradigms in Proto-Slavic]. Moscow, Nauka Publ., 1981.

Eichner H. [Etymology of Hitt. *mehur*] *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* [Munich Studies in Linguistics]. Vol. 31, 1973, pp. 53–107. (In Germ.)

Etymalagichny sloŭnik belaruskai movy [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 1–, Minsk, Nauka i Technika Publ., 1978–.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated and augmented by O. N. Trubachev, Second Edition, Moscow, Progress Publ., 1974–1986.

Frisk H. *Griechisches Etymologisches Wörterbuch* [Greek Etymological Dictionary]. Vol. I–II, Heidelberg: Winter Publ., 1960/1972.

Furlan M. [Identifying the Early Proto-Slavic Acrostatic Declension of i-Stem Nouns]. *Jezikoslovni zapiski* [Linguistic Notes], No. 19, Issue 1, 2013, pp. 51–70. (In Slov.)

Furlan M. [Lengthening — the Common Slavic Deadjectival Word-Formation Pattern Podaljšava]. *Slavistichna revija* [Slavic Revue] 51, Special Issue, 2003, pp. 13–26. (In Slov.)

Furlan M. [On the origin of Slovenian feminine nouns by type *zajklja ~ zajec*]. *Razprave SAZU XX* (Classis II) [Proceeding of Slovenian Academy of Sciences and Arts]. Ljubljana, 2007, pp. 55–67. (In Slov.)

Gluhak A. *Hrvatski etimološki rječnik* [Croatian Etymological Dictionary]. Zagreb, Agust Cesarec Publ., 1993. 832 p.

Grinchenko B.D. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. I–IV, Kiev, 1907–1909.

Houtzagers H.P. *The Čakavia Dialect of Orlec on the Island Cres* (= Studies in Slavic and General Linguistics 5). Amsterdam, 1985.

Hraste M., Šimunović P. *Čakavisch-deutsches Lexikon* [Chakavian-German Lexicon]. Vol. I–II, Köln, Wien, Böhlau Publ., 1979–1983.

Huyer O. [Slavic *vęzati* ‘tie, bind’]. *Listy filologické a pedagogické 42* [Works in Philology and Pedagogics 42]. 1915, pp. 222–227. (In Czech).

Ivanchich Kutin B. *Slovar bovškega govora* [Dictionary of Bovshko Speech]. Ljubljana, Publishing House of Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts Publ., 2007.

Jungmann J. *Slovník česko-německý* [Czech-German Dictionary]. Vol. I–IV, Prague, Pomocoj Českého museum, Fetterlow Publ., 1835–1839.

Jurančič Y. *Srbskohrvatsko-slovenski slovar* [Serbo-Croatian — Slovenian Dictionary]. Ljubljana, State Publishing House Publ., 1986.

Jurišić B. *Rječnik govora otoka Vrgade. II dio: Rječnik* [Dictionary of Speech from Island Vrgada. Second part: Dictionary]. Zagreb, South Slavic Academy of Science and Arts Publ., 1973.

Kálal M. *Slovenský slovník z literatúry aj nárečí* (Slovensko-český differenciálny) [Slovak dictionary of literature and dialects (A Slovak-Czech differential one)]. Banská Bystrica, Slovenská Grafia Publ., 1923. 1112 p.

Kalsbeek J. *The Čakavian Dialect of Orbanići near Žminj in Istria* (= Studies in Slavic and General Linguistics 25). Amsterdam, Atlanta, 1998.

Karłowicz J. *Słownik gwar polskich* [Dictionary of Polish Dialects]. Vol. I–VI. Cracow, Academia of Science Publ., 1900–1911.

Karničar L. *Der Obir-Dialekt in Kärnten. Die Mundart von Ebriach/Obirsko* [The Obir-Dialect in Carinthia. The Speech of Ebriakh/Obirsko]. Vienna, Der Österreichischen Akademie der Wisseschaften Publ., 1990.

Kimball S. *Hittite Historical Phonology*. Innsbruck, 1999.

Kortlandt F.H. *Slavic Accentuation. A Study in Relative Chronology.* Lisse, 1975.

Lexikon der indogermansichen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen [Lexicon of Indo-European Verbs. Roots and their Primary Derivatives]. Under Direction by Helmut Rix. Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag Publ., 1998.

Lexikon der indogermansichen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen [Lexicon of Indo-European Verbs. Roots and their Primary Derivatives]. Under Direction by Helmut Rix. Second, expanded and improved Edition by Martin Kümmel and Helmut Rix. Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag Publ., 2001.

Lipljin T. *Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora* [Dictionary of the Kaykavian Speech of Varazhdin]. Varaždin, Garestin, 2002.

Loma A. [Proto-Indo-European and Slavic Etymology]. *Juzhnoslovenski filolog*, 2010, No. 66, pp. 283–295. (In Serb.)

Lorents L. *Pomoranisches Wörterbuch* [Pomoranian Dictionary]. Vol. I–VIII, Berlin, Akademie-Verlag Publ., 1958–1971.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of the Chech Language]. Second, expanded and improved Edition, Prague, 1968.

Matasovich R. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden, Boston, 2009.

Meillet A. *Le Slave Commun* [The Common Slavic]. Paris, Librairie ancienne honoré Champion Publ., 1924.

Miklosich F. *Lexikon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum* [Old Church-Greek-Latin Lexicon]. Vienna–Vindobonae, Guilelmus Braumüller Publ., 1862–1865.

Narten J. [On «proterodynamic» Root-Presents]. *Johanna Narten. Kleine Scriften* [Minor Writings]. Vol. 1, Marcos Albino, Matthias Fritz (Eds.). Wiesbaden, Dr. Ludwig Reichert Verlag Publ., 1995, pp. 97–107. (In Germ.)

Nikolaev A.S. *Issledovaniia po praindoevropeiskoi imennoi morfologii* [Studies in Indo-European Nominal Morphology]. St.-Petersburg, Nauka Publ., 2010.

Nosovich I.I. *Slovar' belorusskago narechiya* [Dictionary of the Belarusian Language]. St.-Petersburg, 1870.

Novak V. *Slovar beltinskega prekmurskega govora* [Dictionary of the Beltinsko Speech of Prekmurje Dialect]. Second, corrected and improved edition by Vilko Novak. Murska Sobota, Pomurska založba Publ., 1996.

Pedersen H. *Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen* [Comparative Grammar of Celtic Languages]. Vol. I-II, Göttingen, 1909–1913.

Pleteršnik M. *Slovensko-nemški slovar* [Slovenian-German Dictionary]. Electronic edition 2006 edited by Metka Furlan, Helena Dobrovoljc and Helena Jazbec. Ljubljana, Research Centre of the Slovenian Academy of Sciences and Arts Publ., 2006.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Vol. I, Bern–Munich, Verlag Bern Publ., 1959.

Rieken E. *Untersuchungen zur nominalen Stammbildung des Hethitischen* [Studies on the Hittite Nominal Stem Formations]. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag Publ., 1999.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika [Dictionary of Serbo-Croatian Literary and Popular Language]. Zagreb, South Slavic Academy of Arts and Sciences Publ., 1880–1976.

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika [Dictionary of the Croatian, or Serbian, Language]. Vol. 1–23, Zagreb, South Slavic Academy of Arts and Sciences Publ., 1880–1976.

Sekulić A. *Rječnik govora bačkih Hrvata* [A Dictionary of Bačka Croatian Dialect]. Zagreb, Institute for Croatian Language and Linguistics Publ., 2005.

Shuster-Shewc H. *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache* [Historical and Etymological Dictionary of the Upper and Lower Sorbian]. Bautsen, Veb Domowina-Verlag. Publ., 1983-1987.

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological Dictionary of the Croatian, or Serbian, Language]. Zagreb, South Slavic Academy of Science and Arts Publ., 1971–1974.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Iss. 6, Leningrad, Nauka Publ., 1970.

Slovar slovenskega knjižnega jezika [Literary Dictionary of the Slovene Language]. Vol. I–V, Ljubljana, State Publishing House of Slovenia, 1970–1991.

Smoczyński W. *Hiat laryngalny w językach Bałto-słowiańskich* [Laryngeal Hiatus in the Balto-Slavic Languages]. Cracow, Jagellonian University Publ., 2003.

Sreznevskii I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka* [Materials for the dictionary of the Old Russian Language]. Vol. I–III, St.Petersburg, Publ. of the department of Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences, 1893-1902 (=1958, 1989).

Steenwijk H. *The Slovene Dialect of Resia. San Giorgio* (= Studies in Slavic and General Linguistics 18). Amsterdam, Atlanta, Rodopi Publ., 1992.

Trautmann R. *Baltisch-slavisches Wörterbuch* [Balto-Slavic Dictionary]. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 1923.

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (Eds.). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological

Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Iss. 1–39, Ed. O. N. Trubachev (iss. 1–31), A. F. Zhuravlev (iss. 32–39). Moscow, Nauka Publ. 1974– 2014–.

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves I. Phonétique* [Comparative Grammar of the Slavic Languages I. Phonetics]. Paris, 1950.

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves III. Le Verbe* [Comparative Grammar of the Slavic Languages III. Verb]. Paris, Éditions Klincksieck Publ., 1966.

Varbot Ž. [Word-Structural and Etymological Observations on some Russian Dialectal Words (based on the data from Dictionary of Russian Speech in the Area of Don River]. *Sovremennye russkie govory* [Contemporary Russian dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 169–171. (In Russ.)

Velčić N. *Besedar Bejske Tramuntane* [Dictionary of Beyska Tramuntana Speech]. Mali Lošinj, Beli, Rijeka, Adamić Publ., 2003.

Vondrák W. *Slavische Grammatik I. Lautlehre und Stammbildungslehre* [Slavic Grammar I. Phonetics and Word Formation]. Second, expanded and improved Edition, Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 1924.

Vujichich M. *Ryechnik govora Proshchenya (kod Moykovtsa)*. [Dictionary of Proshchenye-Speech (near Moykovats)]. Podgoritsa, Montenegro Academy of Science and Arts Publ., 1955.

Wodtko Dagmar S., Irslinger Britta, Schneider Carolin. *Nomina im indogermanischen Lexicon* [Nominal Formation in Indo-European Lexicon]. Heidelberg, C. Winter Verlag Publ., 2008.

Zdovc P. *Die Mundart des südöstlichen Jauntales in Kärnten. Lautlehre und Akzent der Mundart der «Poljanci»* [The Dialect of South-East Jauntales in Carintia]. Wien, Kommissionsverlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften Publ., 1972.

Zhivkovich N. *Rechnik pirotskog govora* [Dictionary of Pirot Speech]. Nish, Museum Ponishavlia-Pirot Publ., 1987.

А. К. Шапошников
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
(Россия, Москва)
etymol@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПРАСЛАВЯНСКИХ СООТВЕТСТВИЙ *x ~ sk ~ šč*

Эта статья посвящена проблеме праславянских лексических соответствий с *x ~ sk ~ šč*, восходящих к исконному и.-е. стечению согласных **sk* или **ks*, и выяснению закономерностей и правил их появления. Как известно, существует еще один и.-е. язык, а именно — албанский, в котором произошел аналогичный регулярный переход этимологических **sk*, **ks* в **h* в анлауте, инлауте и ауслауте слов. Для дальнейшего рассмотрения подобных явлений приведены все известные ныне примеры подобных соответствий из праславянского лексического фонда ЭССЯ и других доступных публикаций. Представлено около 160 примеров разной степени достоверности. На основе сопоставлений выведены правила: 1) Этимологическое **sk-* в анлауте закономерно перешло в **x-* перед гласными заднего ряда. Реконструкции в данном случае форм с s mobile является анахронизмом. 2) Этимологическое **sk-* в анлауте закономерно перешло в **šč-* перед гласными переднего ряда. 3) Этимологическое **sk-* сохранилось в инлауте только после приставки **ob-*. 4) Сохранение этимологического **sk-* в анлауте слов в редких случаях можно объяснить утратой приставочной морфемы: **скърбь* из **обскърбь*. В праслав. произошла метатеза, *sk-* превратилось сначала в *ks-* (на этой стадии развития застыли санскрит и древнегреческий: *kṣoda*; ὀξύ), а затем по пресловутому ‘правилу руки’ *ks-* превратилось в *kh-*, а позднее в *x-*. Этимологическое стечение согласных *sk-* перед гласным заднего ряда сохраняется только после приставки **ob-* (*оскал*, *оскудеть*, *оскомина*). Регулярное соответствие начальное *x-* : начальное *щ-*, никогда не может быть *ск-* : *щ-*, поэтому щель, щёлка

соотносимы с оскал, но не имеют отношения к скала, скол (**скала*, **съколъ*). В данном случае имеем этимологическую оппозицию **хо-*: **съ-ко-*.

Ключевые слова: этимология, соответствие, реконструкция, внутренняя реконструкция, архетип, праславянское языковое состояние, закономерность, палатализация, дублет.

Эта статья посвящена проблеме праславянских лексических соответствий с *x* ~ *sk* ~ *šč*, восходящих к исконному и.-е. стечению согласных **sk* или **ks*, и выяснению закономерностей и правил их появления. Дублеты *sk-(šk-)* ~ *x-* в анлауте прежде исследовались на меньшем лексическом материале [Rejzek 1998: 234–240].

Как известно, существует еще один и.-е. язык, а именно — албанский, в котором произошел аналогичный регулярный переход этимологических **sk*, **ks* в **h* в анлауте, инлауте и ауслауте слов. В качестве примера приведу албанские слова: *hell* ~ греч. σκολιός, *hije*, *he* ~ греч. σκιά, σκιή, σκοῖος ‘тень, теневой’, *hona* < **sk’eni-/*sk’oni* [Jokl 1923: 65] ~ греч. σκηνή < и.-е. **sk’ē(i)n-*, **sk’ā(i)n-* ‘тень, сень, шатровая крыша, палатка, сени’, *i huaj* ~ греч. ξένος, ξεῖνος ‘чужой’, *hudhër, hurde* < греч. σκόροδον ‘чеснок’, *ah, aha, ahe* < **oskā* ‘осина, ясень’, *njoh* < **g’nēsk-* ‘знаю’ [Калужская 2001: 94–96] и т. п.

Для дальнейшего рассмотрения подобных явлений приведу все известные ныне примеры подобных соответствий из праславянского лексического фонда ЭССЯ и других доступных публикаций.

Вначале уместно привести соответствия с полным набором рядов *x* ~ *sk* ~ *šč*:

xal-*(?)//ščel-*//**skal-*: праслав. **obskala*, **obskalъ* [ЭССЯ 29: 177–178] ~ **obščeliti sę* ‘оскалить зубы’ [ЭССЯ 30: 147], сюда же, возможно, сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Xalitъ* [Шульгач 2008: 154]. Внутренняя реконструкция слав. ИС **Skolimъ* некорректна [Шульгач 2008: 222], следует членить **sъ-kol-im-ъ*;

xom-*//ščem-*//**skom-*: праслав. **xomĕkъ*, **xomĕstorъ* — производные от **xom-* из **skem-* ~ **skom-* [ЭССЯ 8: 66–68] ~ **obskoma*, **obskomъ*, **obskomĕti*, **obskomiti*, **obskomina* [ЭССЯ 29: 181–184] ~ **obščemati* ‘экономить, беречь’, **obščemiti* ‘защемить кругом’ [ЭССЯ 30: 147] ~ **komati*, **komiti*, **komъ* [ЭССЯ 10: 171, 173–174, 179–180]. См. *щемить, хомут*.

xorp-*//ščьrp-*//**skorp-*: праслав. **xorpa* ‘шероховатость’, **xorpatъ* ‘шероховатый’, **xorpavъjь* ‘ухабистый’ [ЭССЯ 8: 82–83] ~ **korpa* ‘оспина’, **korpavъjь* ‘побитый оспой’ ~ лит. *kárpa*, лтш. *kãrpa* ‘бородавка’ < и.-е. **(s)ker-p-* [ЭССЯ 11: 90], сюда же, вероятно, сомнительная внутренняя реконструкция славянских антропонимов **Ščьrpasь*, **Ščьrpakъ*, **Ščьrp’akъ*, **Ščьrpanь*, **Ščьrpь*, **Skorpǫta* [Шульгач 2008: 302–303, 176]. Не сюда ли кельтские имена *Scarpiana, Scarpona, Scarponna* [Holder II: 1396]?

Более многочисленны примеры с документированными двумя рядами оппозиции **x-*//**sk-*:

xab-*//skab-*: праслав. **xaba* ‘ущерб, вред’, ‘крыло’, ‘кляча (лошадь, корова)’, ‘хибара’, ‘ухаб, выбоина’, **xabati*, **xabiti* [ЭССЯ 8: 7–9] ~ **obskabiti sę* ‘осклабиться, ощериться, оскалиться’ [ЭССЯ 29: 177] — если глаголы не из серии звукоподражательных экспрессивных гл. типа **xapati*, **capati,* **gabati*, то перед нами гл. на *-ati* от незасвидетельствованных гл. ***xabti,* ***xobti,* восходящих к и.-е. **ksābhō*, итеративу к **skabhō* ‘повредить, нанести ущерб’, ‘соскрести’, ‘прокиснуть’, т. е. родственны праслав. **skob-*, лит. *skõbti*, *skóbti* [ЭССЯ 8: 8] и лат. *scabo*, *scābī*, *scabere* ‘чесать, скоблить, скрести’, *scabratus* ‘выщербленный’;

xab-*//skab-*: праслав. **xaběti* ‘обвисать, ослабеть’, **xabnǫti* ‘слабеть’, **xabъjъ* [ЭССЯ 8: 8, 9] ~ **obskabiti sę* ‘осклабиться, ощериться, оскалиться’ [ЭССЯ 29: 177]?

xar-*/xor-*//**skor-*(?): праслав. **xarъ(jь)* ‘испорченный, ветхий, скверный’, **xorъjь* ‘тёмный, чёрный’ [ЭССЯ 8: 21] едва ли однокоренное **obskoriti sę* ‘покрыться корой, затвердеть; ободрать, ошкурить, очистить от коры’ [ЭССЯ 28: 184];

xliz-*/xlьz-*//**skliz-*/**sklьz-*: праслав. **xliznǫti* продление незасвидетельствованного **xlьz-*?, см. **xъlznǫti*, **xlьznǫti*, **xъlzati* [ЭССЯ 8: 140] и **obskliznǫti sę* [ЭССЯ 29: 178], **klizati*, **kl’uzati* ‘скользить’ [ЭССЯ 10: 49];

xlъz-*/xъlz-*//**skъlz-*/**sklьz-*: праслав. **xlъznǫti*/**xъlznǫti sę* ~ **obskъlz-nǫ-ti*, **sklьz-nǫ-* [ЭССЯ 29: 196];

xob-ot-*//skob-*: праслав. **xobotъ*, производное с суф. *-otъ* от **xob-* из **skoba*, ссылка на **xabati* [ЭССЯ 8: 47], **obskobliti* [ЭССЯ 29: 178], из и.-е. **skabhō* ‘повредить, нанести ущерб’, ‘соскрести’, ‘прокиснуть’, т. е. родственно праслав. **skob-*, лит. *skõbti*, и *skóbti*

[ЭССЯ 8: 8] и лат. *scabo, scābī, scabere* ‘чесать, скоблить, скрести’ [Дворецкий 903];

xor-*//skor-*: из **skoro-* (?) — **obskorъkъ* ‘истощенный, худощавый человек’ [ЭССЯ 29: 185], сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Xorynь* [Шульгач 2008: 168, 192, 210], ср. кельт. *Scoralia*, *Scorilon* [Holder II: 1395, 1405];

xoro-*//skoro-*: праслав. **xorolupa*, **xorolupъ* ‘дуплистый’ ~ **skorolupa* [ЭССЯ 8: 79], **xoroǫzьlъ(jь)* ~ **(ob)skorǫzьlъ(jь)* [ЭССЯ 8: 80]; **korolupъ* [ЭССЯ 11: 89–90], ср. кельт. *Scoralia, Scorilon* [Holder II: 1395, 1405];

xreb-*/xrьb-*//**skreb-*: несохранившийся раннепраслав. гл. ***xrebti*, **xrьbǫ* из **skreb-* [ЭССЯ 8: 96] ~ **ob-skreb-ati* ‘оскомить’, **obskrebti* [ЭССЯ 29, 188–189]. См. еще **xrob-*;

xridlo*//skridlo*: праслав. **xridlo* < **skrei-dlo* [ЭССЯ 8: 93] ~ **obskridlь* ‘жабры’ [ЭССЯ 29: 189–190];

xrip-*//skrip-*: праслав. **xripati, *xripěti* ‘хрипеть’ [ЭССЯ 8: 97–98] и русск. *скрипеть*, толкуемые как звукоподражания, возможно, восходят к **(s)krip-*, ср. лат. *concrepo*, *concrepare*. Сюда же сомнительная внутренняя реконструкция слав. антропонима **Skripǫta* [Шульгач 2008: 176], вероятно, переразложение приставочного **sъ-krip-ǫta*.

xrob-*//skrob-*: праслав. **xrobakъ*, **xrobati*, **xrobotъ* < **skrob-* ~ **skrebti* [ЭССЯ 8: 99–100] ~ **obskrobati* [ЭССЯ 29: 190], сюда же сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Skrobitъ* [Шульгач 2008: 159], вероятно, переразложение приставочного **obskrobitъ* или, на худой конец, **sъ-krob-itъ*.

xrъn-*//skrъn-*: прилаг. **xrъnъ* ‘хрупкий, шероховатый; обломленный, ущербный (о луне)’ ~ гл. основа **skrъn-* ‘ломать, крошить’ [ЭССЯ 8: 107];

xrьb-*//skrьb-*: праслав. **xrьbьtъ* восходит к **skrьb-* ~ **skrib-* ~ **skrebti* [ЭССЯ 8: 107–108], сюда же, возможно, сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Skrebynь* [Шульгач 2008: 199];

xub-*//skub-*: праслав. **xubati* < и.-е. **skoub-* [ЭССЯ 8: 109] ~ **obskubati sę*, **obskubiti*, **obskubti sę* [ЭССЯ 29: 190–192], не сюда ли и болг. прилаг. *хубав, хубава, хубаво*? Ср. кельт. *Scubiliacus*, *Scubilius, Scubli, Scubuli* [Holder II: 1418];

xul-*//skul-*: праслав. **xula* ‘плечевой сустав, изгиб’ < **skoula-*; **xuliti* ‘гнуть’ [ЭССЯ 8: 115–116], **obskuliti sę* ‘отодраться’ [ЭССЯ 29: 192–193], ср. кельт. *Scultanna, Scultenna* [Holder II: 1419];

**xъlz-//*skъlz-*: праслав. **xъlzati* из **skъlz-* [ЭССЯ 8: 140] ~ **obskъlznǫti sę* [ЭССЯ 29: 196];

**xъrb-//*skъrb-*: праслав. **xъrba*, **xъrbъ* < **skъrb-* [ЭССЯ 8: 145–146] ~ **obskъrba*, **obskъrbiti*, **obskъrbnǫti* [ЭССЯ 29: 196–198], сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Skъrbitъ* и **Skъrbǫta*, **Skъrbǫtъ* [Шульгач 2008: 176]; сущ. *skъrbь* ‘скорбь’ требует особого толкования как порча приставочной формы **obskъrbь* по гл. **obskъrbiti*;

**xъrd-//*skъrd-*: праслав. **xъrdati* < **skъrditi* [ЭССЯ 8: 147] ~ **obskъrda*, **obskъrdъ*, где ***skъrd-* ~ прусск. *skurdis* ‘кирка, мотыга’ [ЭССЯ 29: 199–200]; сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Skъrdimъ* [Шульгач 2008: 223];

**xъrk-//*skъrk-*: сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Skъrkǫtъ*, **Xъrkǫta* и **Xъrkǫtъ* [Шульгач 2008: 168, 176];

**xъrt-//*skъrt-*: праслав. прил. **xъrtъjь*, внутренняя реконструкция ИС **Xъrtynь* [Шульгач 2008: 192] толкуется на базе сопоставления с лит. *sãrtas* ‘светло-гнедой’ совершенно неубедительно [ЭССЯ 8: 148–149], скорее всего, соотносительно с **obskъrtati* ‘обгрызть с шумом, ободрать’ и восходит к и.-е. **(s)ker-*, **(s)kerə-*, **(s)krē-*, **(s)kert-s-*, **ker-* с развитием семантики по типу ‘резать — резкий — раз’ [Pokorny 571, 938–939, 941, 949; ЭССЯ 29: 200], ср. лат. *cursum*;

Примеры с документированными двумя рядами оппозиции **x-//*šč-*:

**xa-/*xo-//*šče-*: сомнительные внутренние реконструкции славянских имен собственных с эмоционально-усилительным приставочным **xa-/*xo-* и **šče-* в составе [Шульгач 2008: 50–51, 122–123]. Все примеры внутренней реконструкции имен собственных на **sko-* [Шульгач 2008: 120–121, 294] основаны на недоразумении.

**xap-/*xop-/*xǫp-//*ščěp-/*ščep-*: праслав. **xopiti sę* ‘хватать(ся)’ — соотносительно с **xapati*, **xapiti* [ЭССЯ 8: 70–71] и **obščepiti sę* ‘обвиться вокруг, обхватить’ [ЭССЯ 30: 148], **xopiti* ~ **ščapiti* ~ **obščapiti* ‘охватить’ [ЭССЯ 30: 145]. Ср. кельт. *Scap*, *Scaper*, *Scapiana*, *Scaponna* [Holder II: 1395];

**xap-//*ščap-*: праслав. **xapati*, **xapiti*, **xapnǫti* — якобы звукоподражательной природы [ЭССЯ 8: 18–19], **obščapiti*, **obščapьnъjь* ‘охватить, оборвать’ [ЭССЯ 30: 145], из и.-е. **(s)kap-/*skēp-* ~ лат.

capio, cepi, captus, capere ‘брать, схватывать’ (ср. щипать, щипнуть), кельт. *Scap, Scaper, Scapiana, Scaponna* [Holder II: 1395];

**xar-/*xor-//*ščar-/*ščer-*: праслав. **obščeriti* ‘ухмыляться’, **obščarъky*, **obščeriti sę,* сюда же рус. диал. *ощедриться* [ЭССЯ 30: 145, 150], сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Xarimъ*, **Xarǫta*, **Xorynь* [Шульгач 2008: 168, 192, 210]. Не сюда ли относится русск. *харя*?

xar-//*ščar-*: праслав.xarati*, **xariti* [ЭССЯ 8: 20] выводится из и.-е. **ksar-/ *kher-* ‘скрести, тереть’ [Мельничук 1969: 30], ср. **obščarky* ‘лучины’ [ЭССЯ 30: 145], алб. *harr* ‘schneide aus’, *hirrë* ‘Molke’, с другой стороны, общекельт. **scar-* ‘scheiden’ [Holder II: 1395];

**xava//*ščav-*: праслав. **xava* ‘сухая ветка’ из **xov-* из **xv-* из **skvo-* [ЭССЯ 8: 23] и гл. **obščavěti* ‘завянуть’, **obščaviti* ‘обработать кожу в кипящей жидкости’, **obščavěti* ‘завянуть, ослабнуть, прокиснуть’ [ЭССЯ 30: 145–146], ср. проблемные польские гидронимы *Skawa*, *Skawica*, *Skawina* (< праслав. **sъkava* по гл. **sъkati* ‘вить(ся), крутить(ся)’) [Babik 2001: 554–556, 575] и кельт. антропонимы *Scava*, *Scavacus* [Holder II: 1397];

**xa(v)ul-//*ščul-*: праслав. **obščeulъ* толкуется как результат переразложения словосложения **obsьce-ulъ* на базе словосочетания **obsьcati *ulicǫ* [ЭССЯ 30: 151–152]. Иначе реконструируют глаг. **ob-ščul-iti* [Варбот 2001: 8; Варбот 2003: 56]. Не сюда ли крайне сомнительная внутренняя реконструкция зап. укр. ИС *Хауляк* как префиксального **Xa-ul’a* [Шульгач 2008: 51], если это не варваризм.

**xolp-//*ščelp-*: праслав. **xolpъ* ‘холоп’, производное с суф. *-p-* от **xol-* [ЭССЯ 8: 62–64] ~ **obščelpъ* в русск. диал. *ощелёпок* толкуется как приставочное производное от **ščelpъ* [ЭССЯ 30: 147], возводится к и.-е. **skăl-p-*, представленного в лат. *scalpellum* и в кельтских производных от **scālo-* ‘слуга’ (ИС Scallabis, Scalus, Marcoscalus), и прагерм. **scalcaz* ‘слуга’, ср. гот. *sini-skalks*, ст.-итал. *siniscalco*, франц. *sénechal* [Holder II: 1393, 1394];

**xom-ot-//*ščem-*: праслав. *x*omǫtъ* или **xomotъ* ‘конское ярмо’ — производное с суф. *-ǫtъ/-otъ* от **xom-* из **skom-*, отглагольной именной основы от гл. **ščem-* ‘сжимать, щемить, стягивать, вязать’ [ЭССЯ 8: 69–70];

**xorb-r-//*ščerb-*: праслав. **xorbrъ* (хоробрый, храбрый), производное с суф. *-rъ* от **xorbъ*, лтш. *skarbs* ‘острый, строгий, суровый,

задорный’, др.-исл. *skarpr* ‘острый’, англ. *sharp*. И.-е. **skorbh-* — именная форма к гл. **sker-* ‘резать, сечь’ [ЭССЯ 8: 71–73]. Отглагольная именная форма **ščerba*, **ščerbina*. Ср. кельт. *Scorobres* [Holder II: 1399];

xot-*(?)//ščet-*: праслав. **ščetina*, **obščetiniti sę* [ЭССЯ 30: 150–151], м. б., сюда относится сомнительная внутренняя реконструкция славянских антропонимов типа **Xotobǫdъ*, **Xotomъ*, **Xotovidъ* [Шульгач 2008: 233, 316]. Не сюда ли кельтские имена *Scotasius, Scotaus, Scoti, Scitiacus, Scotius, Scotnus, Scoton, Scotorium, Scotta, Scotti, Scottia, Scottius, Scotton* [Holder II: 1406–1418]?

xov-*//ščěv-*: праслав. **xovati (sę)* восходит к и.-е. **skeu-*/**skou-* ‘смотреть с вниманием’, ср. греч. θυο-σκόος, σκεύω, σκευή, двн. *scouwôn* ‘глядеть’ [ЭССЯ 8: 86–88] — **obščaviti* ‘найти’ [ЭССЯ 30: 145–146]. Ср. кельтские производные топонимы *Scau-rus, Scava, Scavacum, scu-* [Holder II: 1397, 1418];

xrěl-*//ščrěl-*: праслав. * *xrěli* ‘жабры’ < *skroili* [ЭССЯ 8: 91] ~ русск. диал. *ще́лья* ‘жабры’ — упрощение **щрелье* [Фасмер[3] IV: 501], причины возникновения этого дублета неясны;

xuk-*//ščuk-*: болг. *хуквам, хукна* ‘бросаться, броситься бежать’, русск. *щука* вместе с прагерм. **skiuh-* (др.-англ. *sceoh*, нем. *Scheuche*) ‘пугливый’, ‘пугало’ восходят к и.-е. **skeu-k-* [Фасмер[3] IV: 509–510];

Документированная оппозиция **šč-*//**sk-*:

ščeb-*//skob-*: русск. *щебень* из **ščeb-enь* ~ **ob-skob-iti* [ЭССЯ 29: 179], т. е. родственно праслав. **skob-*, лит. *skõbti* и *skóbti* [ЭССЯ 8: 8] и лат. *scabo*, *scābī*, *scabere* ‘чесать, скоблить, скрести’ [Дворецкий 903], ср. и.-е. **skabhō* ‘повредить, нанести ущерб’, ‘соскрести’, ‘прокиснуть’, **skebh-*/ **skobh-*; кельт. МН *Scobrilum* [Holder II: 1399];

šček-ot-*//skok-ot-*: рус. *щекотать, щекотка* ~ **obščekotati* [ЭССЯ 30: 146–147], ср. болг. *скокотишкам*, как пример нового «восстановленного» *sk-*, т. е. *ščekot-* ~ **(ob)skokot-*;

ščel-*/ščьl-*//**skal-*: *щель, щелеть, щелить, щёлка, щёлкать* — *оскал* < **obskala*, **obskalъ* [ЭССЯ 29: 177–178]: из и.-е. **skel-* ~ **skōl-*, не тождественно отглагольным приставочным сущ. *скол* из **съколъ, скала* из **съкала*;

ščel-*//skol-*: праслав. **obščela* ‘щепка, стружка’ [ЭССЯ 30: 147] ~ ***obskola*, **obskolъ* ‘результат действия по гл. колоть, раскалы-

вать, расщеплять’ [ЭССЯ 29: 180, 181] ~ **koliti*, **kolti* [ЭССЯ 10: 136–137; 154–156], ср. и.-е. **skel-*, **skēla*, **skolia*, **skolma* ‘schneiden’ [Pokorny 923–926];

ščelb-*/ščьlb-*//**skolb-*: праслав. **obskolbiti sę* [ЭССЯ 29: 180] ~ **kolb-* [ЭССЯ 10: 120–122], сюда же, возможно, сомнительная внутренняя реконструкция производящей основы топонима *Щелобутин* в виде **ščьlbǫta* «с секундарным -о-» [Шульгач 2008: 179];

ščep-*//skop-*: соотносительно с **obskopiti* ‘обрезать’ [ЭССЯ 29: 184] ~ **obščepъ* [ЭССЯ 30: 149], **skop-* ~ **kop-ьje* [ЭССЯ 11: 40–41], ср. кельт. *Scopcinus, Scopiliacus, Scopilius, Scoplus, Scopono, Scopus* [Holder II: 1399];

ščep-*//skop-*: ‘скопа’, ‘щепа’, **skepa* ~ **skopa* ~ **kopa* [ЭССЯ 11: 10–21, 38], ср. кельт. *Scapiana, Scaponna* [Holder II: 1395];

ščerb-*//skorb-*: праслав. **skorb-r-* ~ **korb-r-* [ЭССЯ 11: 49], **ščerb-er-* ~ **kerb-er-* восходит к и.-е. *skr̥bh-* ‘крутить, скручивать, избегать’ [ЭССЯ 11: 53–54];

ščęd-*//skǫd-*: праслав. **obščędati sę* ‘скупиться, экономить’, **obščęděti, *obščęditi* [ЭССЯ 30: 152], гл. *щадить* восходит к праслав. **ščęd-iti* < и.-е. **skend-*, а гл. *оскудеть* из праслав. **obskǫděti*. Сюда же, возможно, внутренняя реконструкция словенского топонима *Štedim* < **ščędimъ* [Bezlaj IV: 16];

ščęd-r-*//skǫd-*: русск. *щадить, пощада, щедрый — оскудеть* = **obskǫděti*, **obskǫdъ* [ЭССЯ 29: 185–187] < и.-е. **skend-r-* ~ **skond-*.

Примеры с документированным одним рядом **x-* из первичного **sk-*:

**xab-*: праслав. **xabina*, **xabъ*, **xabьje* ‘прут, ветка, розга’ [ЭССЯ 8: 8, 9], ср. лат. *skōpa* ‘прут, розга, лоза’, *scāpus* м. ‘стебель, стержень, древко’, ‘ткацкий навой’, ‘валик для свитка’, ‘membrum virile’; античная галльская глосса из Диоскорида σκοβίην... καλαμοειδεῖς ἔχουσα κλάδους (о деревьях alnus, hollunder, sambucum) [Holder II: 1399];

**xab-*: праслав. **xabnǫti* ‘толкнуть, пихнуть, упасть’ [ЭССЯ 8: 9];

**xab-r-* (?): праслав. **xab(ь)rati* ‘загребать, хватать’, как будто бы из *xa* + **bьrati* [ЭССЯ 8: 10], но ср. лат. *scaber*, *-bra*, *-brum* от *scabo*, *scābī*, *scabere* ‘чесать, скоблить, скрести’, *scabratus* ‘выщербленный’, кельт. *Scabrona* [Holder II: 1392];

xai-:* праслав. **xajati sę* ‘заботиться, тревожиться’, *xajь* ‘забота’ [ЭССЯ 8: 11–12] из и.-е. **ksāi-*,skāi-*: ср. осет. *xsajyn, æxsajyn* ‘беспокоиться, заботиться’, тох. А *skai-*, тох. Б. *ske-* ‘трудиться, старать-

ся’, сюда же сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Xajimъ* [Шульгач 2008: 210], при условии, что укр. ИС *Хаїм* не является варваризмом;

xal-*: праслав. **xala*, **xalъ* ‘вихрь, смерч, буря’ предложено выводить из и.-е. **ksōla* [Мельничук 1968: 220; ЭССЯ 8: 12–13], но лучше было бы связать с и.-е. корнем **kᵘel-*, **kᵘelə-*, **kᵘol-* ‘крутить, вращаться’ [Pokorny II: 639], как это часто бывает в праслав., с наращением s mobile (skᵘōl-*). Упущена еще одна возможная этимология на базе и.-е. **(s)kᵘel-* ‘реветь, кричать, выть’ [Pokorny 548–550], ср. греч. миф. Σκύλλα, русск. *шквал* из англ. *squall*, в свою очередь, видимо, из др.-исл. *skvaldr* ‘lautes Reden’, *skval* ‘Wortschwal’, *skvala* ‘laut reden’.

**xapta*(?): сущ. **xata* считается цельнолексемным заимствованием из сармато-аланских диалектов *kata*/*xata* ‘выкопанное, полуземлянка’ [ЭССЯ 8: 21–22], но не восходит ли эта форма закономерно к прич. сврш. вида **skapta*? Ср. античный этноним *Cantiocaptae* и праслав. **kǫtja* и **kapati*, **kopati*;

**xard-*: праслав. **xarabylje*, **xarobura*, болг. диал. словосложение *хардобуля* ‘дряхлый (о стариках), слабый, болезненный’ [ЭССЯ 8: 20]. Не сюда ли иллирийский этноним *Scordisci*, топоним *Scordona* [Holder II: 1396, 1399–1405] < и.-е. **(s)kerdh-*, (*s)kr̥dh-* ‘klein, kümmerlich’, ‘verkümmern’ [Pokorny 949]?

**xatra*: праслав. **xatra* ‘сброд’, ‘ветхость’ из **skatra*, ср. лит. *skẽtrioti*, *skėtrióti* ‘растопыривать руки’ [ЭССЯ 8: 22] < и.-е. **skēth-*, **skəth-* ‘beschädigen; повреждать, ранить’ [Pokorny 950]; ср. кельтские ИС *Scantrus, Scatnilla* [Holder II: 1394, 1397];

**xav-*: праслав. **xavǫtъ* ‘дерево, разделанное на дрова’ [ЭССЯ 8: 23]; ср. кельт. *Scava*, *Scavacus* [Holder II: 1397], проблемные польские ВН *Skawa, Skawica, Skawina* (< праслав. **sъkava* по гл. **sъkati* ‘крутить’) [Babik 2001: 554–556, 575];

xaver-*/xavor-*: не сюда ли сомнительная внутренняя реконструкция префиксальных ИС **Xaver’a, *Xaverъ, *Xavora, *Xavorъ* [Шульгач 2008: 51], если это не варваризмы. Ср. похожую основу кельт. *Scauriniacus, Scaurus* [Holder II: 1396];

**xlam-*: праслав. гл. **xlamati* толкуется как звукоподражательное образование [ЭССЯ 8: 23], если не однокоренное кельт. *Sclemio* [Holder II: 1399]?

xleb-*/xlep-*: праслав. **xlebati*, **xlepati* толкуются как звукоподражательные гл. [ЭССЯ 8: 25], сюда же сомнительная внутренняя

реконструкция ИС **Xlebǫta*, **Xlebǫtъ* [Шульгач 2008: 168], но возможна реконструкция архетипа на базе и.-е. **(s)klep-* ‘feucht; сырой, влажный’ [Pokorny 603];

**xlěb-*: праслав. **xlěbъ* толкуется как заимствование из герм. **hlaiba* [ЭССЯ 8: 27–28], но можно предложить другой закономерный архетип *s*kloib-*, ср. догреч. κλιβάνος, ст.-англ. *hloaf, hloaves* < **hlaiḃ-*; сюда же, возможно, весьма сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Xlebǫta*, **Xlebǫtъ* [Шульгач 2008: 168];

**xlęb-*: праслав. **xlębь* ‘водопад’ из **sklębь*, лит. *sklembti* ‘соскользнуть’ из и.-е *s*klembh-* [Трубачев 1977: 4; Мурьянов 1981; ЭССЯ 8: 32–33];

xlęd-*/xlǫd-*: праслав. **xlǫdъ* ‘палка, жердь’ именная перегласовка **xlędnǫti*, ср. лит. *sklandà* ‘запор, кол в заборе’ [ЭССЯ 8: 37–38];

**xlęd-*: праслав. **xlęda* ‘оттепель, слякоть’, **xlędnǫti* ‘таять, хлынуть’ из **sklendti*, лит. *sklendziù, sklęsti* ‘соскользнуть в сторону’ [ЭССЯ 8: 33];

xlep-*: праслав. **xlestati* толкуют как звукоподражание [ЭССЯ 8: 26], но можно предложить иную этимологию **sklep-st-* ~ **klep-* [ЭССЯ 10: 7–13] или < и.-е. **sk’lep-*/k’lep-* ‘verheimlichen, verstecken, stehlen; утаивать, скрывать, красть’ [Pokorny 604];

**xlěv-*: праслав. **xlěvъ*, **xlěvina* толкуют из герм. **hlaiwja* [ЭССЯ 8: 30–31], но можно предложить этимологию **skloiu̯o-*, ср. кельт. ИС *Sclaiotis* [Holder II: 1398];

xlib-*/xlьb-*: праслав. **xlibati* ‘шлёпать по грязи, воде’, **xlibъ(jь)* ‘хлипкий’ [ЭССЯ 8: 34];

**xlop-*: праслав. **xlopati* толкуют как звукоподражание [ЭССЯ 8: 36], альтернативная этимология: **sklop-* ~ **klop-* [ЭССЯ 10: 69].

**xlop-ot-*: праслав. **xlopotъ* толкуется как звукоподражание [ЭССЯ 8: 36–37], альтернативное толкование < **(s)klopo-*: праслав. **klopotъ* [ЭССЯ 10: 70–72].

xlu-*/xly-*: праслав. **xlujati* ‘веять, дуть (о ветре)’ (не учтено **xlyděti* ‘дуть’), **xlunǫti* ‘хлынуть’ соотносительно с **xlynǫti* [ЭССЯ 8: 39, 41] < и.-е. **(s)k’leu-*, **(s)k’lōu-*, **(s)k’lū-* ‘spülen, rein machen’, **(s)k’leu-d-* [Pokorny 607].

xlup-*/xl’up-*: праслав. **xl’upati, *xlipati*, **xlupati* трактуются как звукоподражания [ЭССЯ 8: 34–35, 35, 39], но, м. б., восходят к и.-е. **skleup-* ~ **skloup-*;

**xly-*: праслав. **xlynǫti* ‘хлынути’ [ЭССЯ 8: 42] < и.-е.

**(s)k'leu-*, **(s)k'lōu-*, **(s)k'lū-* 'spülen, rein machen', **(s)k'leu-d-* [Pokorny 607].

**xlyd-*: праслав. **xlyděti* 'дуть, веять, нести оттепель' [ЭССЯ 8: 41] < и.-е. **(s)k'leu-*, **(s)k'lōu-*, **(s)k'lū-* 'spülen, rein machen', **(s)k'leu-d-* [Pokorny 607].

**xlъp-/*xъlp-*: праслав. **xlъpъ*, **xъlpъ* 'хлопок' [ЭССЯ 8: 41] < **sklup-*, **skulp-*; болг. диал. *хо̀ўпка*, *ô л'пка* 'клок шерсти, льна, конопли' восходит к праслав **xlъpъ*, **xъlpъ* 'хлопья, хлопок' [ЭССЯ 8: 41];

**xo-/*xa-*: префикс экспрессивного значения, а также значения приближения или смежности. В праслав. лексике достоверно представлены только варианты **xa-*, **xo-* [ЭССЯ 8], **ka-/*ko-* [ЭССЯ 9: 113–114, 137; 10: 84–85; 12: 5, 13]. Ср. кельт. *Scoam, Scoilus* [Holder II: 1399]. Мнение о том, что современные формы на *sko-* достигают праслав. хронологического уровня [Debeljak 1954: 169–178; Москов 1962: 149–155; Куркина 1981: 331; Шульгач 1998 : 120], ошибочно. В лучшем случае можно говорить о позднем «восстановлении» нового *sko-*, но не о прямом восхождении к этимологическому древнему **sko-*. В исторических языках и диалектах исконно-этимологический раннепраславянский вариант **sko-* был изредка замещен (компенсирован) префиксацией, т. е. **sъ* + *k*-корневое (укр. диал. *сокол* 'скала, скол') или результатом переразложения приставочных форм на **ob-* + *sk*-корневое (см. многочисленные приставочные формы).

**xol-*: праслав. **xolunъ* — производное с суф. *-unъ* от **xol-* [ЭССЯ 8: 65–66] ~ **kolunъ* [ЭССЯ 10: 160];

**xol-*: праслав. **xolъka* — производное с суф. *-ъka* от **xol-* [ЭССЯ 8: 66] ~ **kolъ*, **kolъkъ* [ЭССЯ 10: 160–162];

**xol-*: праслав. **xolujь* 'листья, сушняк, сор', производное с суф. *-ujь* от **xol-* из **ksol-/*skol-* [ЭССЯ 8: 65], ср. кельт. *Scoliva* [Holder II: 1399].

**xol-*: праслав. **xolyni*, производное с суф. *-yni* от **xol-* [ЭССЯ 8: 66]. См. [Варбот 2001].

**xold-*: праслав. **xoldъ* возводят к **gold-/*geld-* < и.-е. **goldho-*, сопоставляют с прагерм. **kaldaz*, англ. *cold*, нем. *kalt* [ЭССЯ 8: 57–58], но, возможно, перед нами закономерный рефлекс **skold-/*ščeld-* < и.-е. **skăld-*, имеющего продолжение в кельтских языках в виде гидронима *Scaldis* [Holder II: 1393], др.-нидерл. *Skald*, род. п. *-i*, старо-нидерл. *Scelt*, франц. *Escault*, нем. *Schelde*, с первичным знач. «холодная (река)»;

xolk-*: русск. *náхолок* ‘парень, баловень’, праслав. **xolkъ* ‘холостой’ из и.-е. **ksol-*/skol-* [ЭССЯ 8: 61], представленного, между прочим, в кельтских производных от **scālo-* ‘слуга’, ср. др.-ирл. *scolóc* ‘a farm-servant’, *scolóca* мн. ч. ‘монастырские колоны’, и прагерм. **scalcaz* ‘слуга’, ср. гот. *sini-skalks*, ст.-итал. *siniscalco*, франц. *sénechal* ‘старший над слугами’ [Holder II: 1393, 1394] < и.-е. **sk’el-* ‘springen’ [Pokorny 929];

**xolst-*: праслав. **xolstъjь* ‘холостой’ — производное с суф. *-st-* от **xol-* [ЭССЯ 8: 64–65] < **skăl-*, представленного в кельтских производных от **scālo-* ‘слуга’ ИС *Scallabis, Scalus, Marcoscalus*, и в прагерм. **scalcaz* ‘слуга’, ср. гот. *sini-skalks*, ст.-итал. *siniscalco*, франц. *sénechal* [Holder II: 1393, 1394];

**xolûjь*: м. б., сущ. **xolujь* ‘холуй’ является производным с суф. *-jь* от основы **skal-au-*, представленной в кельтских производных от **scālo-* ‘слуга’ ИС *Scallabis, Scalus, Marcoscalus* [Holder II: 1393, 1394], не эта ли основа была в давние времена заимствована германцами в ранне-праславянской форме **skalavъ* (позднеантичный этноним *Sclauus*)?

**xom-ol-*: праслав. **xomolъ* — производное с суф. *-ol-* от **xom-* из **(s)kom-*, ср. лит. *kamuolys* ‘клубок, ком’, вопреки мнению о звукоподражательной природе слова [ЭССЯ 8: 68–69] ~ **komolъ* [ЭССЯ 10: 174–175];

xom-or-*: праслав. **xomorъ* ‘рухлядь, мусор’ — производное с суф. *-orъ* от **xom-* из **skom-* то же [ЭССЯ 8: 69], возможно, представлено в топониме *Хоморъ* (1546 г.), но не в гидронимах и топонимах *Скоморо* озеро, река *Скомороха*, озеро *Скоморье*, *Скомір’я* [Шульгач 1998: 243–246], которые являются историческими приставочно-суффиксальными производными от **kom-*/čem-*, т. е. *съ* + **kom-*/**čem-*, ср. реальные *Комор, Коморный, Комора, Коморкі, Комора, Камора, Komora, Komorze*;

**xop(ь)r-*: гидроним *Хопёр* < **skoprъ* ~ **koprъ* [ЭССЯ 11: 26–27], ср., впрочем, кельт. *Scaper* [Holder II: 1399];

**xor-*: праслав. **xorostь*, **xoroščьnъ(jь)*, **xorovitъ(jь)*, *хороший, хорость, хоръ* из **sko*r- [ЭССЯ 8: 79–80, 81], сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Xorynь* [Шульгач 2008: 168, 192, 210], ср. кельт. *Scoralia, Scorilon* [Holder II: 1395, 1405];

**xor-*: праслав. **xorъjь* ‘тёмный, черный’ [ЭССЯ 8: 83], весьма сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Xorynь* [Шульгач

2008: 168, 192, 210], ср. кельт. *Scoralia, Scorilon* [Holder II: 1395, 1405];

**xorm*-: праслав. **xormъ* (хоромы, храм) восходит к **skormo*s [ЭССЯ 8: 74–76], ср. нем. *Schirm*;

**xr'ud*-: праслав. **xr'udъ* 'бич, кнут' выводят из и.-е. **skreud*- [ЭССЯ 8: 98–99];

xręd*-/xrǫd*-: **xręda*, **xręděti*, *xrędnǫti* толкуются на основе лит. *skrendaũ, skrẽsti* 'стираться, изнашиваться, покрываться коркой грязи' [ЭССЯ 8: 93–94], сущ.**xrǫdьna* 'чесотка, парша' ~ **xręda* < **skrend*-/**skrond*-, ср. лит. *skránda* 'старый потёртый мех' [ЭССЯ 8: 103];

**xrěn*-: праслав. **xrěnъ* 'хрен' < и.-е. диал. **skrain*- ~ κεράϊν· ῥάφανος ἀγρία 'дикая репа' (Thphr. CP, HP IX, 15, 5) [ЭССЯ 8: 91–92];

**xrę-st*-: праслав. **xręščatъjь, *xręščelь*, **xręščь* 'хрящ' < **xręstjь, *xręskjь* [ЭССЯ 8: 95–96], а также **xręstati, *xręstěti*, **xręstiti*, **xręstnǫti* < **skrenst*- [ЭССЯ 8: 94–95];

**xrět-:* праслав. **xrětiti sę* < **skroi-t*- [ЭССЯ 8: 93];

xrib*-/xrьb*-: праслав. **xribъ* 'холм, бугор, dorsum', **xribьtъ* [ЭССЯ 8: 96–97];

**xrid*-: праслав. **xridъ* < **skreid*- толкуется на основе сопоставления с гот. *dis-skreitan*, нем. *schreißen, schritzen* [ЭССЯ 8: 97];

**xrit*-: **xritati sę* 'зубоскалить, скрежетать зубами' < **skreitati*, ср. нем. *schreissen, schritzen* [ЭССЯ 8: 98];

xrom*-/xrem*-: праслав. **xromati*, **xroměti, *xromiti*, **xromostь, *xromota*, **xromъjь* 'хромой' восходят к и.-е. **skromos* ~ **skrem*- [ЭССЯ 8: 100–102];

**xrop*-: праслав. **xropnǫti*, **xropotъ*, **xropti* ~ **xrapati* < *skrop*-, толкуются на основе сопоставления с лит. *skreplenti* 'отхаркивать' [ЭССЯ 8: 102–103];

xrup*-: праслав. **xrupati*, **xrupěti*, **xrupnǫti, xrupъkъjь* 'хрупкий' [ЭССЯ 8: 106–107] из **skroup*-/skreup*- [Pokorny 623]. Ср. русск. *крупа, крупный*;

xrust*-(?)/xrǫst*-: праслав. **xrǫstati* (**xrǫskati*?), *xrǫstěti, xrǫstiti*, **xrǫstnǫti*, **xrǫstъ*, **xrǫstьcь*, **xrǫščь* [ЭССЯ 8: 103–105] толкуются на основе сопоставления с лтш. *skraustet* 'хрустеть';

**xrъd*-: праслав. **xrъ(d)nъ* 'шероховатый, хрупкий' толкуется на основе сопоставления с лит. *skraudùs* [ЭССЯ 8: 107];

**xud-*: праслав. **xuděti* ‘худеть’, **xudъjь* ‘худой’ < и.-е. **ksoudo-* / **skoudh-* ~ лит. *skaudùs* ‘болезненный’, др.-инд. *kṣódati* ‘толочь, дробить’ [ЭССЯ 8: 109–113], сюда же, возможно, относится внутренняя реконструкция славянских ИС **Xudima*, **Xudimъ*, **Xudoma*, **Xudynь* [Шульгач 2008: 192, 211, 234], ср. кельт. *Scudilio* [Holder II: 1419];

**xuj-*: праслав. **xujь* ~ **xvoja* < **skouio̯* ~ **skṵo̯ia*, ср. алб. *hu* < **skuio̯s* ‘кол, membrum virile’ [ЭССЯ 8: 114], кельт. *Scuviliacus* [Holder II: 1418];

**xum-*: праслав. **xumьlъ* ‘ком’ [ЭССЯ 8: 116] < **skoum-* (?), ср. кельт. *Scum* [Holder II: 1419];

**xut-*: праслав. **xutъkъjь* ‘быстрый’ < и.-е. **skout-* [ЭССЯ 8: 118] или и.-е. **skət-*, **skēt-* ‘springen’ [Pokorny 950], сюда же, возможно, внутренняя реконструкция антропонима **Xutomъ* [Шульгач 2008: 234], ср. кельт. *Scutara* [Holder II: 1419];

**xvoj-*: праслав. **xvoja* < **skṵo̯ia* ~ лит. *skujà* ‘хвоя’ [ЭССЯ 8: 125–128], ср. кельт. *Scuviliacus* [Holder II: 1418];

**xъlm-*: праслав. **xъlmъ* принято считать заимствованием прагерм. **hulma-* [ЭССЯ 8: 138–139], но можно предложить и альтернативное толкование из **skulmo-* ~ лат. *culmen, culminis,* сюда же и внутренняя реконструкция ИС **Xъlmitъ* и **Xъlmǫtъ* [Шульгач 2008: 155, 168], ср. **xъlp-*;

**xъlp-*: вост.-слав. **xъlpa*, **xъlpъ* ‘горб, бугор, холм, небольшая пологая гора, островок леса’, документированные укр. и блр. диал. формами [Шульгач 1998: 114] < **skulp-*.

**xъlp-*: юж.-слав. **xъlpъka*, болг. диал. *хо̀ўпка,* ‘клок шерсти, льна, конопли’ восходит к праслав **xlъpъ*, **xъlpъ* ‘хлопья, хлопок’ [ЭССЯ 8: 41];

**xъlx-*: внутренняя реконструкция ИС **Xъlxǫta*, **Xъlxǫtъ* [Шульгач 2008: 168];

**xyl-*: праслав. **xylъ(jь)* ‘согбенный, хилый’, внутренняя реконструкция ИС **Xylimъ* [Шульгач 2008: 211], соотносительны с **xula* < и.-е. **skoula*, с продленным вокализмом корня — **skūl-* [ЭССЯ 8: 156–157], ср. скиф. ИС Σκύλης;

**xym-*: праслав. **xyma* ‘шея’ истолковано как изменение **xyba* [ЭССЯ 8: 157], м. б., восходит к и.-е. **skūm-a*?

xyn-*: праслав. **xyniti* ‘обманывать’ < и.-е. диал.skūn-* ~ **skoun-* ~ **skeun-*, ср. греч. σκύνια ‘брови’, др.-инд. *skunāti, skunoti* ‘покры-

вает’, др.-исл. *skaunn* ‘щит’, нем. *Scheune* ‘сарай’ < **skeu-* [Pokorny I: 951; ЭССЯ 8: 157–158], см. *xovati.*

Несколько примеров с документированным **šč-*:

ščav-*: праслав. **obščavьje* ‘растения с большими листьями (как у щавеля)’ [ЭССЯ 30: 145–146], русск. *щавель* — производное с суф. *-ель* от корня **ščav-* < раннепраслав. **skĕv-* < и.-е. **skēu̯-*, родственного корню сущ. *щи* — **sk-*/ks-*, ср. греч. ὀξύς, ὀξεῖα, ὀξύ ‘(о вкусе) острый, едкий, терпкий, горький, кислый, резкий’. Сюда же праслав. **obščaviti* ‘обработать кожу в кипящей жидкости, вытравить кислотой’ [ЭССЯ 30: 145–146], ср. проблемные польские ВН *Skawa*, *Skawica*, *Skawina*, возводимые к праслав. **sъkava* по гл. **sъkati* ‘крутить’ [Babik 2001: 554–556, 575] и кельт. ИС *Scava, Scavacus* [Holder II: 1397];

ščĕk-*/ščik-*/**ščьk-*: праслав. **obščikati*, **obščiknǫti* ‘обгрызть’ [ЭССЯ 30: 153];

**šček-*: праслав. **obščekati* ‘обругать’ [ЭССЯ 30: 146];

**šček-*: праслав. **obščekъ*, **obščeknǫti* ‘обхватить пальцами руки’ [ЭССЯ 30: 147];

**šček-*: русск. *щека* < **ščeka* ~ **kok-* [ЭССЯ 10: 103];

**ščen-*: праслав. **ščenę*, *ščenęte* ‘щенок’ [Фасмер[3] IV: 502] ~ праслав. корни **kon-*, **čę-*, **čьn-* [ЭССЯ 11: 5–10], арм. *skund* ‘щенок, волчонок’;

ščikol-ot-*/ščьkol-ot-*: щиколотка — **skьkol-*, ср. греч. κόκκαλον.

ščip-*/ščьp-*: праслав. **obščipati*, **obščipnǫti* [ЭССЯ 30: 153–154], сюда же русск. *щепотка*, чеш. *štipec, špeta, špetka* из праслав. **ščьpъtъka*. Русск. *щипать, щипнуть* — из и.-е. **skeip-*, еще *щьпъ* ‘ущерб, убывание луны’ из и.-е. **skip-*, ср. лат. *scipio* и кельт. *Scap*, *Scaper*, *Scapiana*, *Scaponna* [Holder II: 1395];

**ščĕ(r)ĕl-*: праслав. **xrĕli* ‘жабры’ < **skroili* [ЭССЯ 8: 91], русск. диал. *щелья* — упрощение **щрелье* [Фасмер[3] IV: 501]

**ščьlk-*: праслав. **ščьlkati* ‘щёлкать’ [Фасмер[3] IV: 501] — из **skĕl-* ~ **skōl-*? Сюда же, возможно, гипотетические внутренние реконструкции славянских имен собственных с корнем **ščьlk-* [Шульгач 2008: 179, 277, 278];

ščir-*/ščьr-*: **obščiriti*, **obščir’ati sę* ‘оскалиться’ [ЭССЯ 30: 154], ср. проблемную этимологию польск. гидронима *Scrimina, Scyrmina, Sarimna, Scyrmia, Scirmia* [Babik 2001: 553–554] и кельтские ИС *Sciricus, Scirna, Scirusor* [Holder II: 1398];

**ščub-r-*: праслав. **obščubrati* ‘поцарапать’ восходит к и.-е.

**skeub-r-* [ЭССЯ 30: 155], ср. кельт. *Scubiliacus, Scubilius, Scubli, Scubuli* [Holder II: 1418];

**ščul-*: праслав. **obščuliti* ‘обрезать’ [ЭССЯ 30: 155; Варбот 2001: 8; Варбот 2003: 56], ср., впрочем, **skul-*;

ščun-*: праслав.obščuniti* ‘унять’, соотносительный с **ščьvati* [ЭССЯ 30: 155];

**ščup-*: праслав. **obščupati* [ЭССЯ 30: 155], ср. кельт. *Scupilio* [Holder II: 1419];

**ščur-*: праслав. **obščuréti, *obščuriti* [ЭССЯ 30: 155], ср. лат. *obscuritas,* ср. кельт. *Scureiacus* [Holder II: 1419];

**ščьrb-*: праслав. **obščьrbati* ‘покрыть щербинами, поцарапать’, **obščьrběti*, **obščьrbiti* [ЭССЯ 30: 155–156], восходящие к и.-е. **skorbh-*, **skerbh-*, ср. рус. *щербина*, *ущерб* и проч., а также кельто-иллирийские производные *Scarb*, *Scarbantia*, *Scarabantia*, *Scarbantilla*, *Scarbantima, scarbea — aspera, Scarbia, Scarbona* [Holder II: 1395]. Сюда же, возможно, гипотетические внутренние реконструкции славянских имен собственных с корнем **ščьrb-* [Шульгач 2008: 160, 200, 295–298]. Внутренняя реконструкция имени собственного **Skorbǫta* на ошибочном основании [Шульгач 2008: 176];

**ščьrp-*: сомнительные внутренние реконструкции славянских имен собственных с корнем **ščьrp-* [Шульгач 2008: 302, 303]. Не сюда ли кельтские имена *Scarpiana, Scarpona, Scraponna* [Holder II: 1396]? Внутренняя реконструкция имени собственного **Skorpǫta* основана на недоразумении [Шульгач 2008: 176];

**ščьv-*: праслав. **ščьvati*, **obščьvati* [ЭССЯ 30: 155], ср. проблемные польские вн *Skawa*, *Skawica*, *Skawina*, толкуемые из праслав. **sъkava* по гл. **sъkati* ‘крутить’ [Babik 2001: 554–556, 575] и кельт. ИС *Scava, Scavacus* [Holder II: 1397];

Несеколько примеров, в которых документировано только **sk-*:

skak-*/skok-*: праслав. **obskakati*, **obskokъ* [ЭССЯ 29: 180];

**skol-*: праслав. **obskoliti sę* ‘округлиться’ [ЭССЯ 29: 181] ~ **kol-* [ЭССЯ 10: 118–120, 131–134; 141–144];

**skor-*: праслав. **obskoriti sę* ‘покрыться коркой; ошкурить’ [ЭССЯ 29: 184] < **skor-* ~ **kor-a* [ЭССЯ 11: 44–45], сюда же и **korь* [ЭССЯ 11: 126–127], ср. кельт. *Scoralia, Scorilon* [Holder II: 1395, 1405];

**skord-*: праслав. **obskorditi sę* ‘вспахать, боронить запущенное поле’ [ЭССЯ 29: 184]. Невозможна реконструкция праслав. топони-

ма **skorda* [Шульгач 1998: 246 ошибочно вслед за Козловой], ожидалась бы **xorda*. Альтернативная этимология польск. (мазурск.) гидронима *Skroda* (Scarde 1314–1335 гг.) — адаптация балтийского, древнепрусского гидронима [Vanagas 1981: 301; Babik 2001: 557]. Не сюда ли иллирийский этноним *Scordisci*, топоним *Scordona* [Holder II: 1396, 1399–1405] < и.-е. **(s)kerdh-*, *(s)kordh-* 'klein, kümmerlich', 'verkümmern' [Pokorny 949]?

**skorm-*: праслав. **obskormiti sę* 'накормить скоромной пищей' [ЭССЯ 29: 184–185];

**skrab-*: праслав. **obskrabati sę* [ЭССЯ 29: 187–188];

**skręk-*: праслав. **obskrękъ* [ЭССЯ 29: 189];

skvar-*/skver-*/**skvьr-*/**skvir-*: праслав. **obskvariti sę* 'обжариться', **obskverti*, **obskvьrǫ* 'обжарить', **obskvirati* 'обжаривать' [ЭССЯ 29: 193], сюда же слав. диал. конфиксация **ob-skvar-ьda*, **ob-skvьr-ьda* 'обжаривание (сосуд для)', давшее в результате переразложения и упрощения позднейшие юж.-слав. *сковрада* и вост.-слав. *сковорода*. Сюда же примыкают сомнительные варианты внутренней реконструкции славянских (укр.) имен собственных **Skovorda*, **Skovordъ*, **Skovъrda*, **Skovъrdъ*, **Skovьrdъ*, **Skovьrdьcь* [Шульгач 2008: 121, 122], отвлеченных от прозвищ и кличек в недавние времена;

**skъlb-*(?): весьма сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Skъlbasъ* и **Skъlbǫtъ* [Шульгач 2008: 176, 274];

**skъld-*(?): весьма сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Skъldimъ* и **Skъldǫtъ* [Шульгач 2008: 176, 223];

**skъlg-*(?): весьма сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Skъlgǫtъ* [Шульгач 2008: 176];

**skъlt-*(?): сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Skъltimъ* [Шульгач 2008: 223];

**skъrg-*: праслав. **obskъržiti sę* 'обвинить, обжаловать' [ЭССЯ 29: 200], весьма сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Skъrgǫta* [Шульгач 2008: 176];

**skъrm-*(?): весьма сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Skъrmitъ* и **Skъrmǫtъ* [Шульгач 2008: 160, 176];

**skъrp-*(?): весьма сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Skъrpita,* **Skъrpitъ* и **Skъrpyta* [Шульгач 2008: 160, 185];

**skъrst-*(?): весьма сомнительная внутренняя реконструкция ИС **Skъrstъ* [Шульгач 2008: 176];

skyr-*: праслав. **obskyriti sę*, **obskyr'ati sę* < и.-е. **skeur-*/skour-*/**skūr-* [ЭССЯ 29: 200–201];

Особый случай представляют дублеты **x* ~ **š*:

xad-*/xod-*//**šьd-*: праслав. **xodъ*, якобы, из и.-е. **sodos* 'езда сидя' [ЭССЯ 8: 51–52]. Объяснение мутации *s* > *x* как результата действия «правила руки» в приставочных глаголах ***persoditi*, ***prisoditi*, ***usoditi* наталкивается на противоречие, ведь поныне существуют без каких бы то ни было мутаций корня *пересадить, присадить, усадить, усаживать*. Предлагаю возводить праслав. гл. **xadjivati*, сущ. **xodъ*, гл. **xoditi, *xodjǫ* к и.-е. корню **skōd-*/**skod-* (ранне праслав. **skād-*/**skăd-*), представленному с носовой вставкой (**ska-n-d-*) в лат. *scando*, s*candī*, *scānsum*, *scander*e 'восходить, подниматься, взбираться', 'возноситься, подниматься, возвышаться', 'достигать' и в кельт. **skadd-* 'сельдь' < **skaddh-* < и.-е. **skət-*, **skēt-* 'springen, hervorquellen' [Holder II: 1392; Pokorny 950], выбор производящего корня мотивирован спецификой подъёма стайных рыб на нерест вверх по рекам. В таком случае, алломорф *šьd-* является результатом палатализации (*k* > *č, g* > *ž*, *x* > *š*) в архетипе **x'ьd-* < **sk^{ə}d-* (презентный или претеритный корень с нулевой огласовкой?!), аналогично поздней природе праслав. дублетов **xybati* и **šibati*. Вторично, в таком случае, и приставочное производное **obxodъ* (первично было бы **obskodъ*).

xyb-*/šib-*: праслав. **xybati*, **xyběti*, **xybiti, *xybnǫti* доносят продленную ступень вокализма к **xubati* < и.-е. диал. **skūb-*, **skoub-* [ЭССЯ 8: 153–155], связаны апофонией *ū* ~ *ī* с гл. **šibati*, **šibiti* [Brückner 188; Sławski I: 94–95]; не сюда ли кельт. глосса *Scybelites vero mulsi in Galatia nascens* (Plin. NH XIV 80), σκυβελέτης, σκυβελίτης 'сладкое вино' [Holder II: 1420]?

Замечено несколько случаев мутации этимологического *-sk-* в инлауте:

**paxъ*: праслав. **paxъ* (ср. **pazъ*, русск. *паз*, *пазуха*) восходит к основе **paksъ* < **pāg-s-*, соотносительной с др.-инд. *pákṣas*, *pakṣás* 'плечо, бок, половина, сторона', *pājasyam* 'брюшная полость', м. б., и *pasas* 'мужской половой член';

**soxa*: праслав. **soxa* 'сук с развилиной, кол' вместе с лит. *šakà*, лтш. *saka* 'ветвь, сук, развилина, разветвление дерева', арм. *ṣah*, одни считают заимствованиями из индоиранских языков (ср. др.-

инд. *çākhā* ‘ветвь, сук’, перс. *šāh* — тж), другие с учетом гот. *hōha* ‘плуг’ возводят к и.-е. диал. **k’akhā* ‘суковатая палка’; этимологически близкое праслав. сущ. **sǫkъ*, именное производное с перегласовкой корня по гл. **sękǫ, *sěkti*, **sěčěti* ‘сечь, рассекать, отсекать’, ‘обезглавливать’ было образованно подобным образом еще в и.-е. языковом состоянии: и.-е. **k’ank-*: **k’ak-*: **k’āk-* ‘сук, ветвь’ (ср. др.-инд. *çankú-* ‘остроконечный колышек’, ‘стрела’, прасканд. **hanhila-* ‘колышек’, ‘палка’, кимр. *cainc* < **k’anki* ‘сук’, но перс. *šah* ‘ветвь, отрасль’, ‘рог животного’, ‘приток реки’, *šahə* ‘сук’; альтернативное толкование на основе и.-е. диал. **k’aksā* идеально подходит для праслав. **soxa*;

**volxъ*: раннепраславянский этноним **valxu-* < лат. *volscus gens*, заимствование произошло при первом знакомстве предков славян с римлянами, а именно с вексилляцией Италийского легиона, набранной из общины вольсков [Шапошников 2011: 365; Шапошников 2013: 185–199];

-išče*//-isko*: суффикс для обозначения орудия или места действия *-išče* образовался еще в праславянскую эпоху из слияния двух исконных суффиксов *-isk-* + *-jo-*, в результате чего стечение *-sk-* разрешилось, как и во многих вышеперечисленных примерах в *-šč-*. Причина сохранения исконного (?) суф. *-isko* в польском языке недостаточно ясна. В армянском языке аналогичный и гомогенный словообразовательный суф. *-sko-* закономерно превратился в *-oç*, род. п. *-oçoy* [Мейе 1951: 293].

Наконец, суффикс *-ьskъ*, посредством которого образуются прилагательные, производные от существительных и являющиеся дополнением, указывающий на собирательное множество, группу, коллектив, является заимствованием из германских языков *-iskaz* уже в ту эпоху, когда праслав. мутация *-sk-* в *-x-* прекратилась. А целый ряд прилагательных типа **morьskъ*, **rytьskъ* могут оказаться цельно-лексемными заимствованиями из германских языков: **mariskaz,* **rōmiskaz* [Мейе 1951: 292–293]. В среднеазиатском ареале древних и.-е. языков такой же суффикс имелся в древнетохарском, передавался посредством др.-инд. графики как *-iṣka-*: *Huviṣka-*, *Kaniṣka-*, *Vasiṣka-*. Это свидетельство того, что данный суффикс распространился в ареале зарождения прагерманского и пратохарского диалектов еще в Элладе II тыс. до н. э.

Выведение правил

1. Этимологическое **sk-* в анлауте закономерно перешло в **x-* перед гласными заднего ряда. Исключений не наблюдается. Поэтому современные формы типа *скок*, *скакать*, *скала*, *скол* и мн. др. восходят к приставочным образованиям *съкокъ*, *съкакати*, *съкала*, *съколъ* и подобным при наличии бесприставочных гл. типа *колоть* и др. Реконструкции в данном случае форм с s mobile является анахронизмом.

2. Этимологическое **sk-* в анлауте закономерно перешло в **šč-* перед гласными переднего ряда. Исключений не наблюдается. Сущ. *щель*, *щёлка* соотносимы с *оскал*, но не имеют отношения к *скала*, *скол* < **съкала*, **съколъ*. В данном случае имеем этимологическую оппозицию **ske-* ~ **sko-*, но **sъ-ko-*. Мутация **sk-* > **x-* > **š-* наблюдается в формах позднего образования (**xybati* ~ **šibati*).

3. Этимологическое **sk-* сохранилось в инлауте только после приставки **ob-* благодаря закономерной ассимиляции (*-obsk-* > *-ossk-* > *-osk-*), сохранение *-sk-* после других приставок, где аналогичная ассимиляция могла бы иметь место (**orz-*, **ot-*), не документировано.

4. «Нерегулярное» сохранение этимологического **sk-* в анлауте слов в некоторых случаях можно объяснить утратой приставочной морфемы: **skъrbь* из **obskъrbь* по гл. **obskъrbiti (sę)*.

Каким образом изначальное и.-е. **sk-* превратилось в праслав. **x-* перед гласными заднего ряда? Возможный ответ: в праслав. произошла метатеза, *sk-* превратилось сначала в *ks-* (на этой стадии развития застыли санскр. *kṣoda* и др.-греч. ὀξύς), а затем по правилу RUKI *ks-* превратилось в *kh-*, а позднее в *x-*, ср. версии этимологии праслав. **soxa*.

Ареальные наблюдения. Судя по всему, мутация *sk-* > *x-* распространилась в ареалах праалбанского и праславянского языков в окрестностьях Охридского озера и в Потисье соответственно. Косвенным подтверждением такой локализации является большое количество кельто-иллирийских соответствий, не затронутых подобной мутацией. Напомню, что кельты считались ближайшими западными соседями агафирсов (праславян) в Среднем Подунавье и Трансильвании. Эта мутация совершенно не затронула обширные ареалы скифского и прабалтийского языков, близкородственных

праславянскому, как на Балканах, так и на Русской равнине. Следовательно, мутация *sk-* > *x-* распространилась на стыке ареалов «centum» и «satəm», примерно по Вардару, Мораве и Тисе. Время этого процесса ограничено рамками VII в. до н. э. — I в. н. э.

Является ли этот процесс, общий для праалбанского и праславянского языков, западно-палеобалканской инновацией, или он лишь продолжает тенденцию, появившуюся на их древней промежуточной прародине в Северной Сирии (XVIII–XVI вв. до н. э., ср. праармян. суф. *-oç* и др.-инд. преобразования *kṣ*, *cch*), остается не вполне ясным.

Литература

Варбот Ж. Ж. Перспективы изучения явлений народной этимологии в русской диалектной лексике // Этимологические исследования. Вып. 7. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 2001. С. 3–8.

Варбот Ж. Ж. Народная этимология в истории языка и в научной этимологии // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации (Отд. ист.-филол. наук РАН; Национальный комитет славистов Российской Федерации) / Отв. ред. А. М. Молдован. — М.: «Индрик», 2003. 592 с. 49–62.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Около 50000 слов. Изд. 2-е, переработ. и доп. М.: «Русский язык», 1976. 1096 с.

Калужская И. А. Палеобалканские реликты в современных балканских языках (К проблеме румыно-албанских лексических параллелей). М.: Индрик, 2001. 176 с.

Куркина Л. В. Славянские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1979 / Отв. ред. Р. И. Аванесов. М., 1981. С. 331–336.

Мейе А. Общеславянский язык. Пер. с 2-го изд., просмотренного и дополненного в сотрудничестве с А. Вайаном. Пер. и прим. проф. П. С. Кузнецова. Под ред. проф. С. Б. Бернштейна. Предисл. проф. Р. И. Аванесова и проф. П. С. Кузнецова. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1951. 492 с.

Москов М. Особая префиксальная система в славянских языках

применительно к украинскому языку // Праці Одеського ун-ту ім. І. І. Мечникова. Одеса, 1962. Т. 152: Серія філол. наук. Вып. 15. С. 149–155.

Мурьянов М. Ф. Семантика ц.-слав. *хлѧбь* // Этимология 1979. М.: Наука, 1981. С. 58-60.

Шапошников А. К. Читая «Язык и миф» Анатолия Фёдоровича Журавлёва… // Слова. Концепты. Мифы / Отв. редактор Г. К. Венедиктов. М.: «Индрик», 2011, 384 с. С. 364–371.

Шапошников А. К. Волохи, волхвы и славянский этногенез // Студії з ономастики та етимології. 2013 / Відп. ред. О. П. Карпенко, В. П. Шульгач. Київ, 2013 (30.05). 320 с. 185–199.

Шульгач В. П. Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). Київ, 1998. 368 с.

Шульгач В. П. Нариси з праслов'янської антропонімії / В. П. Шульгач. К.: Довіра, 2008. — (Бібліотека української ономастики). Ч. 1. 413 с. Бібліогр.: с. 323–379.

Babik, Zbigniew. Najstarsza warstwa nazewnicza na ziemiach polskich w granicach wczesnośredniowiecznej słowiańszczyzny. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych UNIVERSITAS, 2001. 763 s.

Bezlaj P. Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1976–1995–. T. I–III–.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.

Debeljak A. O mrtvih velarnih predponah // Slavistična revija. 1954. T.V–VII. S. 169–178.

Holder A. Altceltischer Sprachschatz, I–II, Graz, 1961–1962.

Jokl N. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin — Lpz., 1923.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949–1959.

Rejzek, Jiří. Initial *sk*- (*šk*-) / *ch*- Doublets in the Slavic Languages // The Slavic and East European Review. Vol. 76, № 2 (Apr., 1998). P. 234–240.

Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.

Сокращения

Фасмер[3] — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 (Т — Ящур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стер. СПб.: Терра — Азбука, 1996. 864 с.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. / Под ред. член.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. Вып. 1–39-. М.: Наука, 1974–2014.

Alexander K. Shaposhnikov
Vinogradov Russian Language of the Russian Academy of Sciences, (Russia, Moscow)
etymol@mail.ru

THE PROBLEM OF COMMON SLAVIC OPPOSITION *x ~ sk ~ šč*

This article deals with Common Slavic rows of lexical oppositions with *x ~ sk ~ šč*, going back to primordial Indo-European sound clusters **sk* or **ks*, and presents an attempt at establishing laws and rules of their occurrence. There is one more Indo-European language, namely Albanian, in which there was a similar regular transition of etymological **sk*, **ks* into **h* in initial, intervocal and final positions in the words. All examples of similar opposition known nowadays from ESSJA and other accessible publications are presented for further consideration of the similar phenomena. About 160 examples of different degrees of reliability are submitted. The author deduces some rules on the basis of comparisons: 1) etymological initial **sk-* regularly passed into **x-* before back vowels. Reconstruction of forms with s mobile is an anachronism. 2) etymological initial **sk-* has regularly changed into **šč-* before front vowels. 3) Etymological initial **sk-* was kept only after a prefix **ob-*. 4) It is possible to explain preservation of etymological initial **sk-* in some cases by a loss of a prefixal morpheme: **skъrbь* from **obskъrbь*. The mechanism of mutation seems to be as follows: *sk-* has changed into *ks-* (this stage of development: Sanskrit *kṣoda* and Greek ὄξυ), and then by the notorious rule of RUKI *ks-* has changed into *kh-* and later into *x-*. The

etymological confluence sk- before a back vowel is kept only after prefix **ob-* (**obskalъ*, **obskǫděti*, **obskomina*). Regular opposition initial *x-*: initial *šč-*, can never be *sk-*: *šč-*, therefore *ščel'*, *ščyolka* correlate with oskal but *skala*, *skol* < **sъkala*, **sъkolъ*. In this case we have an etymological opposition **xo-*: **sъ-ko-*.

Key words: etymology, opposition, reconstruction, internal reconstruction, Common Slavic language, rule, the second palatalisation.

References

Babik Zbigniew. *Najstarsza warstwa nazewnicza na ziemiach polskich w granicach wczesnośredniowiecznej słowiańszczyzny* [The oldest place-names strata in the lands of Poland]. Kraków, Universitas Publ., 2001. 763 p.

Bezlaj P. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Etymological Dictionary of the Slovene Language]. Vol. I–III–, Ljubljana, 1976–1995–.

Brückner A. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Warszawa, 1957.

Debeljak A. [On Some Obsolete Velar Stops]. *Slavistična revija* [The Slavic Revue]. Vol. V–VII, 1954, pp. 169–178. (In Serb.)

Dvoretzkii J.Kh. *Russko-latinskiy slovar* [Russian-Latin Dictionary]. Circa 50000 words. 2nd edition, revised & amplified. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1976.1096 pp.

Fasmer M. *Etymologicheskiy slovar' russkogo yazyka*: *v 4 t. T. 4 (T–Yashchur)* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 volumes. Vol. 4 (T–Yashchur)]. Transl. from German and augm. by O. N. Trubachev, 3rd ed., repr. St.-Petersburg, Terra — Azbuka Publ., 1996. 864 p.

Holder A. *Altceltischer Sprachschatz* [Old Celtic Lexicon]. Vols. I–II, Graz, 1961–1962.

Jokl N. *Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen* [Linguistic & Cultural Historical Study of Albanian]. Berlin — Lpz., 1923.

Kaluzhskaya I.A. *Paleobalkanskie relikty v sovremennykh balkanskikh yazykakh (K probleme rumyno-albanskikh lexicheskikh paralleley)* [Paleo-Balkan Relics in Modern Balkan Languages: Concerning the Issue of Romanian-Albanian Lexical Parallels]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 176 p.

Kurkina L.V. [Slavic Etymologies]. *Obshcheslavyanskiy linguisticheskiy atlas: Materialy i issledovaniya* [The Common Slavic Linguistic Atlas: Materials and Investigations]. Vol. 1979, R.I. Avanesov (Ed.). Moscow, 1981, pp. 331–336. (In Russ.)

Meillet A. *Le Slave Commun* [The Common Slavic]. *Russ. ed.: Meye A. Obshcheslavyanskiy yazyk* [The Common Slavic]. Transl. from 2nd ed., revised and augmented in collaboration with A. Vaillant (1934). Transl. and notes by Prof. P.S. Kuznetzov. Ed. by Prof. S. B. Bernshtein. Foreword by Prof. R.I. Avanesov and Prof. P.S. Kuznetzov. Moscow, Inostrannoy Literatury Publ., 1951. 492 p.

Moskov M. [The Specific Prefixal System of the Slavic Languages as Represented in Ukrainian]. *Pratzi Odes'skogo un-tu im. I.I. Mechnikova. Seriya philol. nauk* [Proc. of Mechnikov Odessa University. Series Philological Sciences]. Odesa, 1962, Vol. 152, Iss. 15, pp. 149–155. (In Russ.)

Muryanov M.F. [The Semantics of Church Slavic **xlębь*]. *Etymologia 1979* [Etymology 1979]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 58-60. (In Russ.)

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern, 1949–1959.

Rejzek, Jiří. Initial *sk- (šk-) / ch-* Doublets in the Slavic Languages. The Slavic and East European Review. 1988, Vol. 76, No. 2, pp. 234–240.

Shaposhnikov A.K. [Reading Anatoly Th. Zhuravlev's Language and Myth]. *Slova. Koncepty. Mify* [Words. Concepts. Myths]. G.K. Venediktov (Ed.) Moscow, Indrik Publ., 2011. pp. 364–371. (In Russ.)

Shaposhnikov A.K. [The Volokhi, the Volkhvy and Ethnogenesis of the Slavs]. *Studiï z onomastyky ta etymologiï* [Studies in Onomastics and Etymology]. O.P. Karpenko, V.P. Shulgach (Eds.) Kyïv, 2013, pp. 185–199. (In Russ.)

Shulgach V.P. *Narysy z praslov'yans'koï anthroponimiï* [Studies in Proto-Slavic Anthroponymy]. Part 1., Kyïv, Dovira Publ., 2008. 413 p.

Shulgach V.P. *Praslov'yans'kyi gidronimnyi fond* (fragment rekonstrukcii) [Proto-Slavic Hydronyms as Part of Inherited Lexical Stock: Reconstruction Sample]. Kyïv, 1998. 368 p.

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (Eds.) *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Iss. 1-39, Ed. O. N. Trubachev (Iss. 1-31), A. F. Zhuravlev (Iss. 32-39). Moscow, Nauka Publ., 1974– 2014–.

Varbot J.J. [Folk Etymology in Language History and in the Scientific Etymology]. *Slavianskoye yazykoznanie* [Slavic Linguistics]. A. M. Moldovan (Ed.). XIII International Congress of Slavists. Lubljana, 2003. Papers delivered by the Russian delegation (RAS Department of Historical and Philological Sciences; National Slavic Committee of the Russian Federation), Moscow, Indrik Publ., 2003. pp. 49–62. (In Russ.)

Varbot J.J. [Prospects in Studies of the Phenomena of Folk Etymology in Russian Dialectal Vocabulary]. *Etymologicheskie issledovania* [Etymological Studies]. Iss. 7, Yekaterinburg, Publ. of Urals University, 2001, pp. 3–8. (In Russ.)

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

И. Г. Добродомов
Московский государственный педагогический университет
(Россия, Москва)
fil@mpgu.edu

Р е ц.: *А. Е. Аникин*. Русский этимологический словарь. Вып. 4 (*боле — бтарь*). М.: Знак, 2011. 328 с. Вып. 5 (*буба — вакштаф*). М.: Знак, 2011. 344 с. Вып. 6 (*вал* I — *вершок* IV). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 368 с. Вып. 7 (*вершь* I — *вняться* II). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012, 352 с.[1] Вып. 8 (*во* 1 — *вран*). М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2014, 312 с.

В рецензии дана обзорная характеристика 4-го — 8-го выпусков Русского этимологического словаря А. Е. Аникина, предложен ряд дополнений и уточнений к ряду конкретных этимологий, представленных в рецензируемых томах. В целом уровень работы и значимость авторского вклада в русскую этимологию оценены высоко.

Ключевые слова: этимология, русский язык, словарь, заимствования, жаргон.

Регулярный выход отдельными выпусками успешно начатого «Русского этимологического словаря» А. Е. Аникина за истекшие четыре года обогатил русскую этимологию ещё пятью выпусками, в которых рассмотрено около пяти тысяч разнообразных слов из разных слоёв русского словарного состава, а также приставки *без-*, *в-*, *вице-*, *вы-* и своеобразное слово *вич* — усечённая конечная часть отчеств как своеобразное обозначение последних.

---

[1] Рецензии на предыдущие выпуски см.: [Этимология 2006–2008: 262–276] и [Этимология 2009–2011: 320–335].

А. Е. Аникин живо откликается на рецензии, которые перечислены в дополнениях и исправлениях к 7 выпуску, где учтена также пропущенная литература к предыдущим томам (буквы А — В), благодаря чему словарь не отстаёт от современной этимологии.

В каждом выпуске содержится около 1000 слов — всего в пяти выпусках даны этимологии для пяти тысяч слов.

Сложившийся характер словаря А. Е. Аникина как максималистского по стремлению охватить всё богатство русской лексики для будущего полного этимологического словаря русского языка накладывает на труд А. Е. Аникина своеобразный отпечаток словаря-тезауруса с детальным разбором каждого слова: большой объём словаря не должен оборачиваться беглостью характеристики каждого слова.

В словаре значительное внимание уделяется семантике этимологизируемых слов не только в современном литературном языке, но и в жаргонах, говорах и в письменных памятниках, что сейчас облегчается наличием соответствующих новых словарей.

Учитывается также обилие фонетических и грамматических материалов, что, конечно, затруднительно для анализа этого обилия, но зато оно обеспечивает бóльшую надёжность выводов.

Обилие лексического материала в некоторых случаях даже оборачивается затруднением этимологизации. Из-за недостатка материала это имело место со словом *бу́тор* ‘имущество, пожитки, утварь, хлам’ у М. Фасмера, который из-за скудости собранного им материала практически уклонился от приведения этимологии. Обилие фиксации этого слова *бу́тор* с разными значениями заставляет искать новые решения, причём нужно учесть проникновение русского слова в мокшанский язык по фиксации этого слова в «Мордовском словаре» Х. Паасонена (т. I, Хельсинки, 1990, 152), правда, вопреки мнению последнего, мокшанское слово ошибочно выводится из татарского *бөктәр* ‘узел, заплечный мешок’ (из монг.? *бöктур*, *бöктэр*).[1]

В словаре представлены две тенденции в подаче этимологического материала.

С одной стороны, многозначные слова (не всегда удачно) разбиваются на омонимы, что увеличивает (не всегда обоснованно) количество словарных статей, как это, например, имело место с восемью

[1] [Дыбо, Норманская 2013: 48], со ссылкой на не очень надёжный источник [Әхмәтьянов 2004 : 144].

«словами» *бор*, хотя часть их можно было бы объединить. Эта подача отдельных значений как особых слов увеличивает их число в словаре.

При многозначном географическом термине *бор* III, имеющем в русском языке основное значение ‘сосновый лес’ и массу разошедшихся значений в других славянских языках, сделана библиографическая ссылка на реконструированную В. М. Илличем-Свитычем ностратическую праформу **bur(H)∧/*bor(H)∧* ‘рыхлая земля, пыль’ [Иллич-Свитыч 1971: 187–188], но в подробностях это слово не анализируется.

Ностратические связи русского *буря* можно было бы показать как при этом исконном слове, так и при тюркизмах русского языка *буран, бураган, боран, бора*, а также при русском финно-угризме *пурга*, которые восходят в конечном итоге к одному ностратическому названию снежной или песчаной бури **bur∧*. [Иллич-Свитыч 1971: 188–190]. К сожалению, это сделано только при тюркизме *буран*, да и то лишь библиографически.

Такое разделение семантически сложного слова на омонимы даёт возможность более детально рассмотреть историю значений каждого «омонима» детальнее и подробнее.

В словаре активно используется материал многих неродственных языков, имевших более или менее интенсивные контакты с русским языком для заимствованных слов, а для исконных слов — лексика других славянских и индоевропейских языков.

С другой стороны, в одно гнездо объединяются слова, хотя и родственные, но имеющие отдельное особое происхождение, как это, например, имело место в гнезде *буф*, *буффон*, *буффонада* и *буффонство* (с неустойчивой орфографией), где автор делает попытку разобраться в заимствованиях каждого слова из разных источников в разное время.

При слове *вагон* было бы полезным указать, что корню этого германизма имеется чисто славянское соответствие *возъ*.

Для характеристики древнерусского народного собрания *вече* стоило бы добавить, что историками было установлено немецкое соответствие этому термину *Ding* ‘вещь’ [Клейненберг 1978: 170–175; Лукин 2012: 10–60], которое родственно скандинавскому *тинг* (thing) ‘народное собрание, суд’, что языковедам-русистам, кажется, неизвестно.

В целом в словаре учтена довольно обильная и почти исчерпывающая литература по исторической лексикологии и этимологии, но некоторые пропуски всё же можно отметить, поскольку они возможны при обработке весьма большого лексического материала.

Этимологические соображения о топониме *Буджак* (в междуречье нижнего Днестра и Дуная) стоило бы восполнить ссылкой на старую публикацию О. Н. Трубачёва [Трубачёв 1961 : 186–190] о славянском этнониме *уличи*, где вскрывается связь последнего со словом *угол*, семантически тожественным с тюркским *буджак* ‘угол’.

Своеобразный галлицизм XIX века *бурбон* ‘грубый невежественный военный, выслужившийся из нижних чинов офицер’ в словаре традиционно выводится от созвучного названия французской династии Бурбонов, хотя для такой этимологии нет абсолютно никаких оснований, кроме случайного созвучия. Русские дворяне-офицеры XIX века, получившие военное образование, называли своих выслужившихся из низов более старших коллег французским словом *barbon* ‘старикашка’, о чём уже мне приходилось писать [Добродомов 1998], но семантика слова сконцентрировалась на невоспитанности. В слове *барбон* произошло неординарное изменение *а* > *у* в первом слоге.

Внутри словарной статьи *вась-вась* ‘подзывные слова для свиней’ выделяется едва ли имеющее сюда отношение «жаргонное *вась-вась* ‘взаимообразно, помогая друг другу в нечестном образе жизни’, ‘в приятельских отношениях’, которое сравнивается с марийским *ваш-ваш* ‘взаимно (без пейоративной оценки)’». Этот последний материал следовало бы выделить в особую статью и добавить, что в марийском языке отмечается спорадический перебой шипящих и свистящих согласных: лугов. *шинчал* ‘соль’, *шинча* ‘глаз’ — горн. *санзал*, *сӹнза*.

Любопытно, что в жгонский условный язык костромских шерстобитов название соли *санзал*, *санжал*, *самзола* марийское слово проникло в форме горномарийского [Громов 2000: 67].

А. Е. Аникин даже не упоминает попытки вывести выражение *вась-вась* из личного имени [Отин 1996; Отин 2006: 66–68; Левашев 1998: 126–127], а также из аллегрового произношения сочетания личного имени и отчества *Василий Васильевич*, на чём настаивает

А. Ф. Журавлёв в рецензии на этимологический словарь В. Э. Орла (см. «Этимология 2006-2008», 281).[1]

От А. Е. Аникина ускользнуло обстоятельное и остроумное выведение Л. И. Скворцовым [Скворцов 2000: 154–163] жаргонного выражения *вась-вась* ‘в приятельских отношениях, запанибрата’ из аллегрово-стяжённой формы типа *васясо* титула *ваше сиятельство*, как это представлено в рассказе Л. Н. Толстого «Утро помещика».

Петербургский «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (вып. 1, 1994, 164) зафиксировал как диалектизм *вась-вась* ‘запанибрата’ (вологод.) ‘ни то, ни сё’ (говоры Карелии), но, вероятно, в диалекты это слово попало вторично.

Все этимологические соображения о слове-выражении *вась-вась* должны учитывать, что оно Жаком Росси помечено как специфически уголовное (литерой Д) в его двухтомном «Справочнике по ГУЛАГу» (ч. I, м. 1991, 48): « (Д) *вася-вася* или *вась-вась* — быть с кем-нибудь *в.-в.*, иметь очень хорошие оношения — «Наш бригадир с нормировщиком в.-в., и у нас всегда выполнение нормы и даже перевыполнение!»

Фигурирует *вась-вась* и в «Словаре русского военного жаргона» В. П. Коровушкина (Екатеринбург, 2000, 56).

Из малонадёжного «Словаря тюремно-лагерно-блатного жаргона» Д. С. Балдаева, В. К. Белко, И. М. Исупова: «ВАСЬ-ВАСЬ — 1. о хороших отношениях с кем-либо. 2. о видимости хороших отношений с кем-либо» — попало в «Большой словарь русского жаргона» (СПб, 2000, с. 89) В. М. Мокиенки и Т. Г. Никитиной: «*Угол.*, *лаг. Шутл.-ирон.* О приятельских взаимоотношениях. <…> *У них там тёплый васьвась* <…> // *Угол.* О видимости хороших отношений <…> Быть на вась-вась *с кем*. *Лаг.* Быть в хороших, приятельских отношениях с кем-л.».

К статье о названии виноградного вина, настоянного на травах (особенно полыни) *вермут*, восходящем к немецкому *Wermut* ‘полынь’, следовало бы добавить, что тюркологи осторожно (со знаком вопроса) сопоставляют последнее с созвучным тюркским названием полыни типа чуваш. *арâм ути*, *эрêм ути* (Räsänen 48 a, Федотов II, 480), которое является бродячим словом и имеет параллели в монгольских и маньчжурских языках.

1 См. также [Химик 2004: 69].

К загадочным названиям видов водных транспортных средств *бран* ‘небольшой плот с вёслами для перевозки лошадей’ и *прам* ‘пором или плот, или плоскодонное судно для конопатки с него кораблей’ (вып. 4, 153–154) обнаруживается странная параллель на Кавказе в виде осетинского *быран* ‘плот’ и грузинского *borani* (Абаев I, 281). Вероятно, речь идёт о древнем бродячем слове.

Статья *веверица* о древнем названии мелкого пушистого грызуна белки, вытесненном новыми *белка* и *векша*, хорошо показывает постепенный выход из употребления первоначального названия и вытеснение его инновациями *белка* и *векша* — словами из сферы товарно-денежных отношений, которые заменили меховые деньги. Слово *векша* проделало тот же путь закрепления в русском языке, что и слово *белка* (см. об этом пути в рецензии на предыдущие выпуски словаря А. Е. Аникина в «Этимологии 2009–2011, с. 326–328): от названия монеты как более крепкого и долговечного (физически) платёжного средства сравнительно со шкуркой к названию шкурки в безмонетный период товарно-денежных отношений на Руси с дальнейшим переходом на одного из самых распространённых пушных зверьков.

Некоторый разрыв в этимологизации старого и новых названий белки обусловлен строгим соблюдением алфавитной подачи слов, но он до некоторой степени ослабляется взаимными отсылками между статьями.

Рассеянные по многим буквам алфавита зачастую родственные слова и их варианты не всегда могут быть собраны в одном месте, и по этому поводу автору можно высказать упрёки за неполноту его материала.

К слову *вержет* ‘волосы надо лбом’ из франц. *vergette* ‘щётка, метёлка’ следовало бы добавить то же самое слово со слившимся с ним французским артиклем женского рода *лавержет*, *лаверже* (1795) ‘длинные и взбитые спереди волосы’ (по моде конца XVIII в.); также зафиксированные академическим «Словарём русского языка XVIII века». Это же слово фиксируется в «Опыте областного великорусского словаря» (1852) в формах *лавержет*, *лавержа*.

В словарной статье *бубетенить* содержится упрёк в адрес академического сводно-академического диалектного словаря: «В СРНГ 3 : 232 со ссылкой на Даля даётся диал. *бубенетить*, но такой формы в Д как будто нет». На самом же деле это слово есть, но в соста-

ве словарной статьи: «БУДЕТЕНИТЬ, бубенетить, кого *орнб*. бить, колотить, сѣчь || *Тѣсто будетенитъ, кстр*. киснетъ, подымается, всходитъ на дрожжахъ».

К беломорскому *буксы* ‘комбинезон, представляющий собой брюки, сшитые вместе с нагрудником на лямках’ следовало бы добавить слово из северных русских памятников XVI–XVII вв. *пукши* ‘штаны, брюки’ карельского происхождения (карел. *pukšut*) [СлРЯ 21: 44], что указывает на другие пути проникновения вариантов слова в русский язык.

В объяснении вятского названия кипячёного молока, заквашенного сметаной, *варья* автор ограничивается сопоставлением его с более известными тюркизмами *арьян*, *айран*, оставляя необъяснённым начальное *в-*, которое является плодом контаминации с глаголом *варить* (=кипятить).

Стоящее на грани просторечия и диалектной речи старое название будочника, низшего полицейского чина *бутарь* подано как слово, не отражённое в словарях, на самом деле есть в своеобразном академическом словаре-справочнике «Редкие слова в произведениях авторов XIX века» (1997), где оно правильно выводится из названия караульного помещения *бутка* (т. е. *будка*), а не от *буда* (как полагает А. Е. Аникин). От *буда* образовано *бударь* (Н. С. Лесков. Шерамур, гл. 8), не нашедшее отражения в нашей лексикографии. Офенское *бутырь* ‘городовой’ представлено не только как вариант слова *бутарь*, но и как связанное с *бутырки* ‘изба на отшибе’, причём взаимных отсылок у А. Е. Аникина не дано.

При рассмотрении старинного названия топора *брады*, *брадъве* и т. п., считающегося заимствованием из германского источника, А. Е. Аникин скептически высказывается о соображениях К. Г. Менгеса относительно связей германского слова с аккадским *paltu* < **paštu* ‘топор’ из-за их пространственно-временного разрыва, что требует дальнейшего исследования этих бродячих слов в свете тюркского *балта* ‘топор’, чуваш. *пуртâ*, а также древнерусского *портъ* ‘топор’ в «Русской правде», см. об этом [Добродомов 1973].

Словарь чётко определил свою позицию как дающий не только позитивные сведения о словах, но и сведения о «призрачных словах», которые возникли в результате разного рода ошибок в обработке лексического материала лексикологами и в ошибочной форме попали в словари, что особенно характерно для исторической и диа-

лектной лексикографии. Например, для северо-западного реального диалектизма *буерага* ‘ненастная погода с сильным ветром, снегом или дождём’ (пск., новг., петерб.) А. Е. Аникин (вслед за А. Ф. Журавлёвым) отмечает призрачные двойники в виде искажений: *буссага* ‘вьюга’ (пск.), *буфага* (пск.), но оспаривает мнение А. Ф. Журавлёва о принадлежности сюда же тверского *буфон* ‘влажный ветер’.

Нельзя полностью согласиться с трактовкой вологодского названия домового *буседко* как простого табуистического преобразования *суседко* ‘домовой’. Здесь не обошлось без применения арготического маскировочного префикса *бу*-, которым заменяется начальный слог в общенародных русских словах: *бутверг* < *четверг*, *бутро* < *утро*, *бутать* < *читать*, *булей* < *олей* (масло) [Бондалетов 1980: 43].

В некоторых случаях эта критика оказывается не доведённой до конца, как это имеет место с забайкальским *бут* VI ‘десять беличьих шкурок, приготовленных для продажи’, которые справедливо сопоставляются с более распространённым *бунт*, обозначающим и связки беличьих шкурок, но исчезновение согласного *н* остаётся необъяснимым фонетически, хотя допускает чисто графическое объяснение: горизонтальная черта одномачтового конечного *т* была сдвинута влево в небрежном почерке и оказалась над согласным *н*, и две буквы *нт* были прочитаны как одна *т*.

Иное объяснение пока не найдено. Скорее в некоторых словах русского языка мы наблюдаем загадочное появление паразитарного звука *н* перед зубными согласными *т*, *д*: *желантин*, *компроментировать*, *дермантин*, *константировать* и даже *климант*, что до сих пор не получило объяснения.

Загадочное забайкальское *бут* VI ‘десять беличьих шкур, приготовленных для продажи’ взято из [СРНГ 3: 309], а первоисточником для последнего послужило «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря» (СПб, 1858, с. 316), где читается несколько иная неотредактированная дефиниция: ’10 бѣличьихъ шкуръ, для продажи Китайцамъ’. Можно предполагать, что упрощение трудного для китайцев сочетания *нт* было сделано покупателями и слово в таком виде вернулось к продавцам.

Выписанное из петербургского «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (1994–2002) слово *бумса* ‘буханка’ А. Е. Аникин считает заимствованием из какого-то неизвестного ис-

точника. На самом же деле *бумса* представляет собой неправильное прочтение обычного слова *булка* в неразборчивом почерке, где левый элемент буквы *к* был отнесён к предшествующей букве *л* (отсюда *м*), а правый прочитан как буква *с*.

В некоторых случаях критика призрачных слов оказывается не доведённой до конца, как это имело место со словом «*бустурган* ‘домовой’ вят. <…> В рус. яз. и его говорах этого слова в действительности не существует». Здесь следовало бы добавить, что это реальное удмуртское слово, ошибочно принятое за русское М. Фасмером.

В словаре даётся убедительная этимология М. Рясянена для волжского судового термина *бушкар* ‘жердь на носу судна, на которой закреплён блок для якорной цепи’, но оставлена без внимания явно испорченная его форма *буткарь* (камск.) ‘бревно на корме баржи, на котором висит якорь’ [СРНГ 3: 311]. Соотношение этих двух форм уже было мною разобрано [Добродомов 1974], на что следовало бы указать.

В конце 7 выпуска содержатся уже упомянутые поправки и дополнения к предыдущим томам, но они, к сожалению, слишком кратки, представляя собой лишь библиографические отсылки, и обычно не излагают суть поправок и дополнений, что подрывает самодостаточность словаря как справочника по русским этимологиям. Такова, например, отсылка к публикации в издании «Studia etymologica Brunensia» (Brno, 2006, 3, 413–426, автор Влајић-Поповић J.) с весьма лаконичным резюме: «к прасл. диал. **butar* и т. п.».

Количество замечаний, касающихся трактовки отдельных слов из весьма обильного материала словаря, в целом не так уж и велико; они никак не могут заслонить те достижения, которыми изобилует словарь, написанный на весьма высоком уровне, который должен быть сохранён и в дальнейшем.

Литература

Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство. Рязань, 1980.

Громов А. В. Жгонский язык. М., 2000.

Добродомов И. Г. Буткарь или *бушкар*? // Русская речь, 1974, №3.

Добродомов И. Г. Бурбоны и Бурбоны // Русский язык в школе, 1998, № 6.

Добродомов И. Г. К изучению лексики «Русской правды» (*портъ* ‘топор’ и *портъ* ‘одежда’) // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978.

Дыбо А. В., *Норманская Ю. В*. Тюркские заимствования в финно-угорских названиях одежды // Российская тюркология, 2013, №2 (9).

Иллич-Свитыч В. М. Опыт исследования ностратических языков, I. М., 1971.

Клейненберг И. Э. Известия о новгородском вече XV века в ганзейских источниках // История СССР, 1978, №6.

Левашев Е. А. Вась-вась // Русская речь, 1998, №3.

Лукин П. В. Новгородское вече XIII–XV вв. Историографические построения и данные ганзейских документов // О новгородском вече: Интердисциплинарный диалог. СПб, 2012.

Отин Е. С. Материалы к словарю субстандартной лексики // Восточноукраинский лингвистический сборник, вып. 2. Донецк, 1996.

Отин Е. С. «Все менты — мои кенты…» М., 2006.

Скворцов Л. И. О выражении *вась-вась* (психологический этюд) // Слова, слова, слова… Межвузовский сборник научных трудов, посвящённый 65-летию доктора филологических наук профессора И.Г. Добродомова. Смоленск, 2000.

Трубачёв О. Н. О племенном названии *уличи* // Вопросы славянского языкознания, вып. 5. М., 1961.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб., 2004.

Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сузлеге, т. I. Бирск, 2004.

Сокращения

СлРЯ 21 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 21, М., 1995.

СРНГ 3 — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 3 (Блазнишка-Бяшутка). Л.: Наука, 1968.

Igor' G. Dobrodmov
Moscow State Pedagogical University
(Russia, Moscow)
fil@mpgu.edu

Review of: A. E. Anikin. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Iss. 4 (*bole — btar*'). Moscow: Znak Publ., 2011. 328 p. Iss. 5 (*buba — vakshtaf*). M.: Znak Publ., 2011. 344 p. Iss. 6 (*val* I — *vershok* IV). Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2012. 368 p. Iss. 7 (*versh*' I — *vnyat'sya* II). Moscow: Publ. of Vinogradov Institute for Russian Language Studies, 2012, 352 p. Iss. 8 (*vo* 1 — *vran*). Moscow: Publ. of Vinogradov Institute for Russian Language Studies, 2014, 312 p.

The paper presents a general overview of Issues Four through Eight of A. E. Anikin's Russian Etymological Dictionary, proposing a handful of additions and refinements to individual etymologies included in the volumes under review. Overall, the level of the work and the importance of author's contribution to Russian etymology are evaluated favorably.

Key words: etymology, Russian language, dictionary, borrowings, slang.

References

Bondaletov V.D. *Uslovnye yazyki russkikh remeslennikov i torgovcev. Slovoproizvodstvo* [Secret Languages of Russian Craftsmen and Traders. Word Derivation]. Rjazan', 1980.

Dobrodomov I .G. [*Burbony* and *Burbony*]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian Language at School], 1998, No. 6. (In Russ.)

Dobrodomov I. G. [*Butkar*' or *bushkar*?]. *Russkaja rech*' [Russian Speech], 1974, No. 3. (In Russ.)

Dobrodomov I.G. [Studies in the Vocabulary of the Russkaya Pravda: *portъ* 'axe' and *portъ* 'clothes']. *Vostochnoslavjanskoe i obshhee yazykoznanie* [South Slavic and General Linguistics]. Moscow, 1978. (In Russ.)

Dybo A.V., Normanskaya Ju.V. [Turkic Borrowings in Finno-Ugric Clothing Names]. *Rossiiskaya tyurkologiya* [Russian Turkology], 2013, No.2 (9). (In Russ.)

Ekhmet'yanov R.G. *Tatar teleneŋ etimologik süzlege* [Tatar Etymological Dictionary]. Vol. I, Birek, 2004.

Gromov A.V. *Zhgonskij yazyk* [The *zhgonsky* Language]. Moscow, 2000.

Himik V. V. *Bol'shoi slovar' russkoi razgovorno ekspressivnoi rechi* [A Major Dictionary of Russian Dialectal Expressive Speech]. Saint Petersburg, 2004.

Illich-Svitych V.M. *Opyt issledovaniya nostraticheskikh yazykov* [An Essay in the Exploration of Nostratic Languages]. Vol. I, Moscow, 1971.

Kleinenberg I.E. [Evidence on the Novgorod Veche in the 15th Century in Hanseatic Sources]. *Istorija SSSR* [History of USSR], 1978, No. 6. (In Russ.)

Levashev E. A. [Russ. coll. *vas'-vas*' 'on familiar terms with s.o.']. *Russkaja rech*' [Russian Speech], 1998, No. 3, pp. 126–127. (In Russ.)

Lukin P.V. [The Novgorod Veche of the 13th–15th Centuries. Historiographic Constructions and Hanseatic Documentary Data]. *O novgorodskom veche: Interdistsiplinarnyi dialog* [On the Novgorod Veche: An Interdisciplinary Dialogue]. Saint-Petersburg, 2012, pp. 10–60. (In Russ.)

Otin E. S. *«Vse menty — moi kenty…»* [All the *menty* 'cops' are my *kenty* 'buddies']. Moscow, 2006.

Otin E. S. [Materials for the Dictionary of Sub-Standard Vocabulary]. *Vostochnoukrainskii lingvisticheskii sbornik* [Eastern Ukrainian Linguistic Collection]. Iss. 2, Doneck, 1996. (In Russ.)

Skvorcov L. I. [On the Expression *vas'-vas*': a sketch on psychology]. *Slova, slova, slova…* [Words, Words, Words...]. Inter-University Collection of Scholarly Papers presented on the occasion of Prof. I. G. Dobrodomov's 65th Birthday, Smolensk, 2000, pp.154–163. (In Russ.)

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Dialects]. Iss. 3 (Blaznishka-Bjashutka). Leningrad, Nauka Publ., 1968.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictonary of the Russian Language of the 11th–17th centuries]. Iss. 21, Moscow, Nauka Publ., 1995.

Trubachev O. N. [On the tribe name *Ulichi*]. *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniya* [Issues in Slavic Linguistics]. Iss. 5, Moscow, 1961, pp. 186–190. (In Russ.)

А. Ф. Журавлёв
Институт славяноведения и балканистики РАН
(Россия, Москва)
afzhuravlev@yandex.ru

Р е ц.: Етимологічний словник української мови. Т. 1–6. Київ, Наукова думка, 1982–2012.

В рецензии представлен очерк принципов структурного устроения Этимологического словаря украинского языка, отбора лексического материала и компонования словарных статей. Даётся оценка полноты и качества представления материала, предлагаются отдельные уточнения.

Ключевые слова: словарь, этимология, лексика, украинский язык, славянские языки.

Завершено издание собственно словарной части академического этимологического словаря украинского языка (далее ЕСУМ или Словарь). Ожидается выход последнего, аппаратного тома, который будет содержать лексические указатели к Словарю — индексы вовлечённых в этимологические разработки слов всех языков, список вариантов слов, не выносимых в словник, возможно, иные дополнительные перечни.

В написании Словаря принимали участие пятнадцать человек. Наибольшие авторские заслуги принадлежат (в алфавитном порядке) Р. В. Болдыреву, † В. Т. Коломиец, Т. Б. Лукиновой, † А. С. Мельничуку (главный редактор), Г. П. Пивтораку, А. Д. Пономарёву, В. Г. Скляренко, И. А. Стоянову, О. Б. Ткаченко, А. Н. Шамоте, каждый из которых участвовал в создании не менее чем четырёх томов.

Общий объём изданной части Словаря составляет свыше 351 учётно-издательского листа. Для сравнения: это в 2,2 раза боль-

ше, чем собственно текстуальный, без учёта указателя, объём русскоязычного, расширенного О. Н. Трубачёвым, Фасмера, и в 2,6 раз больше объёма, без аппаратной его части, хорватско-сербского этимологического словаря Скока.

Важность ЕСУМ определяется не только тем, что носители украинского языка представляют собой третий по численности славяноязычный этнос (с учётом диаспор) и один из крупнейших народов Европы, но и сложностью исторических отношений украинского языка, который заметно отличается в своём словарном составе от ближайшеродственных белорусского и русского благодаря как различным внешним лексическим влияниям в разные эпохи с конца средневековья до сегодняшнего дня, так и избирательным внутриязыковым процессам вполне автономного характера. До ЕСУМ происхождение апеллятивной украинской лексики в лексикографическом жанре отражалась только двумя трудами. Во-первых, «Етимологічно-семантичним словником української мови / Etymological and semantic dictionary of the Ukrainian language» митрополита Илариона (И. И. Огиенко), дополненном до четырёх томов Ю. Мулыком-Луцыком [Іларіон (Огієнко Іван)], — хотя и довольно пространным, но популярным по установкам, опирающимся почти исключительно на литературную лексику, совмещающим признаки этимологического справочника с приметами толково-энциклопедического издания, теперь во многом устаревшим. Во-вторых, незаконченным «Етимологічним словником української мови / An etymological dictionary of the Ukrainian language» Я. Б. Рудницкого [Рудницький 1962–1966], при добротном его начале оставшимся скорее подготовительными материалами к серьёзному словарному представлению лексического состава этого языка в значимом объёме. Эти словари, первый из которых адресован украинцу-нефилологу, второй — подготовленному англоязычному читателю, выходили за пределами Украины (оба в Виннипеге) и в наших условиях труднодоступны, к тому же их создатели были оторваны от необходимого массива диалектологических источников. Нехватка собственного современного лексикографического свода знаний об истории украинского слова до времени ощущалась сильно, но теперь основная часть такого крайне нужного издания завершена (есть надежда, что «технический» справочный том последует без особых затяжек).

В силу огромности лексемного состава, привлечённого к рассмо-

трению, стремления к охвату по возможности всей зарегистрированной источниками диалектной лексики, к большей части которой этимологи обращаются впервые, опытный читатель вправе предполагать, что не все задачи удалось исполнить с совершенством и не вся помещённая в Словарь лексика получила безупречное этимологическое освещение. Историки языка и лексикологи-диахронисты прекрасно знают о каторжном характере словарной работы, если она добросовестна, о неизбежности тех или иных недосмотров и упущений, а ценность рецензирования словарных изданий не в последнюю очередь видят в поправках и дополнениях. Конечно, внимательно знакомясь с ЕСУМ, читатель натолкнётся на случаи, которые можно было поправить или компенсировать дополнениями (намеренно приведу лишь единичные из возможных примеров, не взвешивая степени их яркости и показательности):

пропуск слов с интересным морфемным устройством и нестандартной мотивацией (к примеру, устар. *горорізьба́* ‘горельеф’);

при стремлении к полноте данных — неисчерпанность затемнённых по себе, но тем самым затемняющих и общую картину, диалектных вариантов (ср., например, отсутствие в статье **вуди́ла** ‘удила’ диалектных форм, приводимых, скажем, в книге Н. В. и А. Н. Никончуков о транспортной лексике правобережного Полесья [Никончук, Никончук 1990]: *води́ло, вузди́ло, гуде́ло, гу́дла, куде́ла, нуди́ла* и др., с аффиксальными продолжениями, и не дающихся в алфавитных последовательностях, хотя в иных статьях разного рода фонетическим отклонениям, ложноэтимологическим девиациям, аффиксальным осложнениям место уделяется);

лакуны в исчислении инославянских правильных или аффиксально варьирующих соответствий, которые в совокупности позволяют пополнить праславянские словообразовательные и семантические реконструкции (скажем, к [**розто́чник**] ‘клещ Tetranichus telarius’ привлекается только слвц. *rostočec* то же, но не упоминаются в.-луж. *roztoc* ‘клещ’ или рус. донск. *расто́ка* ‘мелкие, больно кусающиеся мошки’);

неполнота, уклончивость или неточность суждений (например, [**хворіо́н**] ‘диавол’ осторожно сближено с *хворий*, но не оценена контаминация этого прилагательного с *хвараон, фараон*; для **не́жить** ‘насморк’ предлагается семантическая мотивировка ‘незаживающее, не поддающееся лечению’ вместо, как кажется, более

точной ‘нечто за пределами жизненной нормы’, кроме того, тут же без должной критичности, «в подбор», приводится сомнительное предположение Г. А. Цыхуна [ЭСБМ 7: 308–309] о связи этого общеславянского слова с литов. *niẽžas* ‘зуд’ и, тем самым, о его непринадлежности гнезду **ži-/*goi-*, а соображения о древности славянского слова не подкреплены ссылками на параллельные внутрилексемные соединения морфем с теми же значениями в иных языках: греч. ἀβίωτος и др.);

ограничение указанием на заимствование из ближайшеродственного языка, без привлечения имеющегося толкования оригинала (например, [**підтруня́ти**][1] — из рус. *подтрунивать*, производного от глагола *трунить*, правдоподобно и изящно объяснённого Ж. Ж. Варбот [Варбот 1976]);

некритичное повторение уже опровергнутой этимологии оригинала в статье о заимствованном слове (в статье [**ве́лери́ба**] ‘кит’ воспроизводится отнесение польского *wielorybˇ*, хотя аккуратнее было бы говорить о ст.-польск. *wieleryb*, к сложениям с корнем **vel-* ‘большой’, в то время как польское слово является полукалькой со ср.-в.-нем. *walvisch* ‘кит’);

отказ от этимологизации с помощью формулы «неясно» или под., когда ко времени подготовки соответствующего тома ЕСУМ не упомянутые в нём попытки объяснения уже в литературе были известны (ср. названия лекарственных трав [**сорокопритка**, *сорокоприточка*], русское соответствие которым давно соотнесено В. А. Меркуловой [Меркулова 1969: 165] со словом *притка* ‘внезапная болезнь, напасть’, к **tykati*, **tъknǫti*: ‘трава от сорока болезней’; или слова [**я́веда**], [**я́вида**] и др. названия нечистой силы и подменённого ребёнка, объединённые под «гаслом» [**я́ведрик**], относительно которых в ЭССЯ, в позиции ***avida**? [ЭССЯ 1: 94], приводятся два возможных истолкования[2]; или прилагательное **за́йви́й** ‘лишний, запасной, праздный’ — и то же слово в словаре Рудницкого [Рудницький II: 426], где оно получило этимологическое разъяснение притягиванием к индоевропейскому корню **ĝhē-*, **ĝhēi-* ‘leer sein, fehlen’, см. у Покорного [Pokorny 1959: 418]. Оценка убедительности каждого из предложенных решений — это другой вопрос);

[1] Квадратными скобками в ЕСУМ обрамляются диалектные слова и значения.

[2] Об этих словах, кроме того, см. статью А. Ломы, публикуемую в настоящем издании.

нераспознание старых моделей морфемного сложения ([**ні́голов**] ‘стремглав’, аттестованное в ЕСУМ как «неясное» и не сопоставленное с вят. *сні́головный* ‘шаловливый, озорной’, наверное, следует представлять как рефлекс морфемного комплекса **ne* + **ję* + **golv(ъ/ь)*, инкорпорирующего аористную форму глагола **ęti*, **jьtǫ*, ср. это же **ję* в составе форм *Переяслав*, *неясыть*, рус.-церк.-слав. *неѩвѣръ* ‘не имеющий веры’, и испытавшего стяжение начальных слогов; семантика целого находит нечёткие подобия в укр. *зірвиголова*, *урвиголова*, рус. *сорви-голов*а, диал. *сломи-голова*, *ссеки-голова* и под.; рус. арх. *сня́головь* ‘шаловливый, озорной человек’, не исключено, наследует ту же праформу **ne-ję-golvь*, обновляя внутреннее устройство аттракцией с глаголом *снять*);

неупоминание лучших, иной раз вполне наглядных, или перспективных словообразовательных версий (почему в [**ку́жмарки**] ‘жмурки’ выделению очевидного префикса *ку-* с семантикой неполноты действия или проявления качества предпочтено замысловатое «видоизменение» слова *пі́жмурки* ‘то же’ через сближение его с [*ку́жбитися*] ‘гнуться, горбиться’, [*кузько́м*] ‘на корточках, скорчившись’? к тому же не упомянуто рус. кубан. *кужму́рки* ‘игра в жмурки’, см. СРНГ);

невыявление не всегда прямо напрашивающихся, но допустимых сближений между теми или иными лексемами и целыми гнёздами (например, полесск. [**рахомо́тє**] ‘тряпки, лохмотья’ и рус. смол. *раху́ботье* ‘тряпьё, рухлядь’, где возможно выделение редкого префикса *ра-*, ср. рус. диал. *охо́бо́тье* ‘полова’, ‘отрепья, старьё’);

в силу неизбежной в словарном жанре атомизации суждений — обрисовка семантико-словообразовательных явлений как едва ли не исключительных, в то время как они вписываются в семантические схемы, реализуемые неоднократно и в самом украинском, и в соседних близкородственных языках (например, объяснение [**не́віч**] в наречном выражении [*у не́віч*] ‘на нет, насмарку’ как результат слияния синтагмы част. **не* + предл. **въ* + мест. **чь*, ср. рус. *ни во что*, не поддержано ссылкой на то, что в украинском языке отместоименная деривация представлена целым рядом облюбованных моделей: *абищиця, дещиця, нісенітниця, уселячина, своєщина, знеосібка*…, ср. рус. *ничтожный, никчёмный* и проч., чем, кроме того, облегчено усвоение близких по устройству полонизмов **вні́ве́ць** ‘дотла, совсем’ и **ні́ве́чити** ‘портить, уничтожать’, являю-

щихся в польском дериватами от местоимения *co*; влияние польского ощутимо и в западных и южных русских говорах: псков., смол., брян., краснодар. *ни́вечь / ни́вичь* ‘напрасно, даром’, *невичи́ть* ‘истрёпывать (одежду)’, *нивичи́ть* ‘ругать’ = ‘уничижать’, см. СРНГ);

непривлечение доказательных внешних семантических параллелей (индоевропейская ещё метафора ‘мышь’ → ‘мышца’, реализованная в [*ми́шиця*], кроме родственных греч. μῦς, лат. *musculus* могла быть показана, скажем, в лат. *lacerta* ‘ящерица’ → *lacerti* ‘плечевые мышцы’, а распространённый перенос названия ‘петуха’ на ‘спусковую деталь огнестрельного оружия’, наблюдаемый в полонизме **куро́к**, — дополнительно, например, в чеш. *kohoutek*, англ. *cock*, новогреч. πετεινός, венг. *kakas*, араб. *dīk*…);

библиографические пропуски и т. д.

Но не в них дело. В настоящем отзыве разумно отказаться от целенаправленного выявления недостатков в отдельных статьях; поправок и улучшений, как, видимо, к любому этимологическому словарю, наберётся немало. Передо мной скорее стоит задача оценки лексикона в целом, не ослабляющей впечатления о масштабности произведения. Речь пойдёт в первую очередь о типологических свойствах Словаря.

В концептуальном и «архитектурном» отношении рецензируемое издание из имеющихся образцов оказывается наиболее близким, пожалуй, к академическому этимологическому словарю болгарского языка (также движущемуся к завершению: опубликованный седьмой том БЕР доходит до статьи **терясвам**, изданная часть, исключая из неё библиографический раздел, составляет приблизительно девять десятых вероятного объёма без учёта предполагаемых указателей). Помимо сходных размеров уподоблению этих двух словарей способствует целый ряд общих черт, часть которых обсуждается ниже.

Перечислению особенностей Словаря (у нас заведомо неполному) следует предпослать мысль о том, что всякий выбор имеет как положительные, так и негативные следствия, а его итог — результат неизбежного компромисса. Одно из измерений любого словаря, влекущих наибольшие последствия, — его проектный объём, который, в свою очередь, определяется назначением лексикографического труда, наличными силами и сроками для исполнения. Величина словника, характер отбора единиц для анализа, способы группировки

материала, степень подробности, с которой подаётся та или иная информация, включая паспортизацию отдельных единиц, прозрачность этимологической техники, полнота библиографического оснащения и мн. проч. — все эти параметры должны оцениваться, исходя из начальных условий, которые поставили перед собой создатели словаря, и в самой немаловажной мере — спланированного объёма. В случае с ЕСУМ — это семь томов примерно 60 листов каждый.

Концептуальной чертой Словаря является установка на охват всей доступной привлечению исконной лексики современного языка, включая диалектную, которая занимает в нём бóльшую долю совокупного лексемного состава. При этом, можно заметить, представленность региональной лексики на страницах словаря с продолжением его издания лишь нарастает. Безусловно, это одно из сильнейших достоинств ЕСУМ. Современная этимология без опоры на диалектные богатства языка немыслима: многие тайны происхождения слов открываются через обращение к диалектным данным — и в силу вообще большей консервативности местных говоров, и благодаря большему, чем в литературном идиоме, суммарному составу деривационных средств, когда параллелизм аффиксального оформления в разных идиомах помогает чётче распознать мотивированность производных единиц, принадлежащих той или иной группе близких по семантике лексических знаков, и благодаря более широкой их сочетаемости, с высвечиванием в народной фразеологии лексических значений, литературным языком не вобранных или утраченных. Но в первую очередь нужно было бы сказать, что лексика диалектов представляет самостоятельный этимологический интерес — как наиболее крупная доля совокупного словарного достояния языка.

ЕСУМ обнаруживает сравнительно сдержанное отношение к заимствованиям, и не только новейшего времени. Мы не найдём в Словаре заимствованных лексем *аберація*, *абітурієнт*, *абориген*, *абракадабра* или *кальмар*, *карст*, *квадрант*, *квінтесенція*… Видимо, полагается, что бóльшая часть такой лексики и объяснение её происхождения должны найти себе место в «словарях иностранных слов». Правда, принципиальные различия между исключаемыми и поясняемыми заимствованиями вряд ли можно сформулировать с чёткостью, нередко отсев делается на глазок: по каким показателям слова́ — на те же начальные буквы — **автентичний**, **азимут**,

акліматизація, **амбіція** и **кабельтов**, **каламбур**, **капричціо**, **кворум** оказались предпочтительнее? Но похожая картина наблюдается почти во всех сколько-нибудь «полных» этимологических словарях, ЕСУМ здесь не является исключением.

Понятно, что тяготея к идее представительности и полноты отражения украинских лексических богатств, составители Словаря избегают суетливости и специально не гоняются за ультрановыми образованиями. Этот подход к формированию словника опирается на здоровую осторожность, когда есть опасность наполнить его эфемеридами, многие из которых (хотя прогнозы насчёт конкретных слов весьма затруднительны), несомненно, скоро отойдут на периферию словоупотребления и останутся принадлежностью коротких по историческим меркам эпох. В качестве яркой иллюстрации могут служить судьбы множества советизмов, которые ещё недавно относились к высокочастотным единицам и, рассматриваясь как «збагачення сучасної мови», не вызывали сомнений в прочности своего положения, а теперь, с обострением идиосинкратических настроений, уверенно метятся рифмующимися в русской практике ярлыками «устар.» и «истор.» (*партосвіта*, *радгосп*, *соцзмагання*, *суботник*…)[1].

ЕСУМ явно не злоупотребляет вниманием к арготической лексике, в последние десятилетия мощными потоками хлынувшей как в устную речь, так и на печатные полосы разной степени «казённости/документальности» и «художественности». По-видимому, выбор отношения к ней отчасти сходен с выработкой баланса между исконной и заимствованной лексикой: не лучше ли исследовать жаргон в специальных, а не общих словарях? В противном случае из-за их обилия мы получим в словаре неприемлемый крен в сторону сверхдинамичной и вызывающей оскомину лексической стихии. Хотя, тут же оговорюсь, многие арготические слова могли бы высветить закономерности семантических и формальных изменений

[1] Споткнувшись о затруднительность производства слова со значением ‘октябрёнок, член коммунистической организации малолеток’ на базе наименования месяца *кастрычнік*, белорусские ономатеты прибегли к прямому заимствованию из русского: *акцябронак*. Украинцы же, совместив упёртость с добродушием и жизнелюбием, не стали отказываться от калькирования и создали, не без гаплологического сглатывания, термин *жовтеня*, обезоруживающий своей ласковостью: в украинских октябрятах прежде прочего видишь пушистых цыплят. Не все советизмы вызывают изжогу.

в языке, тем более что значительный слой экспрессивной диалектной лексики, из анализа не исключаемой (ср. **бандура** … [‘велика і незграбна річ’, ‘телепень’], [*хапи́ця*] ‘рука’), в своём возникновении и существовании показывает немало сходств с арготизмами, а последние в свою очередь имеют шансы войти в общий обиход и стать «нормальными» словами (чем, как не арготизмами, являются в своих истоках многие экзоэтнонимы — *бербер, німець, каракалпак*?).

Согласно сделанному выбору из словника ЕСУМ исключена лексика, оставшаяся достоянием истории. Как можно судить из раздела «Характер Словаря» во вступительной статье, лексемы, не фиксируемые в украинских текстах после XVIII столетия, не рассматриваются. Я полагаю, что этот выбор правилен. Говорю об этом отчасти потому, что мы сталкиваемся и с другим подходом (отошлю к «Russian Etymological Dictionary» В. Э. Орла, см. мою рецензию на него в «Этимологии 2006–2008» [Журавлев 2010: 276 слл.]). Вероятно, не все слова, ушедшие из языка, как нам может казаться, навсегда, действительно безнадёжно мертвы: волей историков и «исторических» беллетристов они могут воскрешаться в современных текстах. Но для обсуждаемого предмета существуют словари, которые принято называть историческими.[1]

Заголовочный реестр ЕСУМ не ограничен апеллятивной лексикой. Однако единственным (не считая пограничной в этом отношении этнонимии) разрядом ономастической лексики, допускаемой на страницы Словаря, выбраны канонические личные мужские и женские имена, от **Абакум** до **Ярослав**; гипокористические формы не затрагиваются. В отличие от множества славянских неспециализированных этимологических словарей, если и включающих топонимы, то, по понятным причинам, лишь очень малое их число — наиболее значимые для данного этноса (наглядные примеры — Brückner, Фасмер, Skok), в ЕСУМ эта лексика попадает лишь контрабандой, обнаруживаясь в собственно этимологизационной

[1] Термин довольно условен, потому что подлинно исторические словари, эксплицитно рисующие эволюцию слов со стеммами семантических движений и зависимостей, с указаниями на динамику употребительности и проч. — это всё же не реальность, а дезидерата; лексиконы типа созданного комиссией Е. К. Тимченко [Історичний словник українського язика] или Староукраинского словаря XIV–XV веков [Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.], как и аналогичные русские словари, скорее являются сводами материалов к «настоящим» историческим словарям, создание которых — дело не слишком близкого будущего.

зоне какой-либо статьи, как гидронимы *Словутич*, *Слуя* и др. — в статье **слов'яни** (подобно, например, чешскому гидрониму *Vltava* в статье *vltat'* у Махека [Machek: 695], также уклоняющегося от рассмотрения ономастических единиц). Надо полагать, оправдание тому — численная необозримость проприативов и целесообразность их этимологического анализа в рамках отдельной лексикографической отрасли.

В предисловии к ЕСУМ открыто прокламируется гнездовой принцип комплектации материала (речь как правило о более плотных словообразовательных гнёздах: гнёзда этимологические, где фонетические, структурные и семантические процессы привели к неосознаваемости носителем языка внутреннего родства слов, обычно в Словаре подаются расчленённо). Его оправданность для описываемого словаря более чем очевидна. Предпочтение гнездовому подходу принципа «слово: отдельная статья» либо потребует удаления многих слов с ясными поверхностно-словообразовательными связями, но тем самым затруднит оценку мощности словообразовательных потенций, которыми наделены те или иные базовые корни и основы, и устранит возможность выявления сходств и различий между неродственными по корню группировками слов (а эти особенности нередко служат важными критериями при этимологизации), либо, при сохранении требования полноты, чревато непредсказуемым разрастанием объёма лексикона.

Однако в силу немалых причин от указанного принципа делаются отступления. Многие слова, входящие в то или иное гнездо, выводятся в позицию самостоятельной статьи, даже если их мотивированность «соседними» единицами вполне осознаваема (особенно это касается народных ботанических, орнитологических и ихтиологических номенов, построенных на актуализации вполне понятного признака). Мне думается, что в таких случаях далеко не всегда открытое истолковательное указание, например, на цвет, так уж необходимо.

Отдельные статьи, как правило, получают двукорневые слова, входящие одновременно в два корневых гнезда (ср. **чорнобиль**, **чорнобривці**, **чорногуз**$_1$, [$_2$], [**чорносніть**]…). Их вынесение в отдельные позиции, помимо прочего, вызвано составительским нежеланием повторов (которых, кстати, похожий по конструктивным признакам БЕР ничуть не опасается), однако сокращение словни-

ка могло быть достигнуто незначительным усложнением системы внутрисловарных отсылок. Но не столь уж редко сложные слова составителями упускаются, даже если некоторые моменты их семантики и происхождения требуют разъяснений. Так, слова *богомаз* ‘иконописец’ нет ни в статье **бог**, ни в статье **мазати**, но учёт его существен потому, что в первом компоненте реализуется не основная семантика ‘Бог’, а производное значение ‘икона, изображение (любого) святого’ (ср. также *божниця* / [*біжні́ця*] ‘полка с иконами’, [*божі́ця*] ‘икона с женским изображением’). Опускаются книжные кальки типа *богослов’я*, *богобо́рець* (с греч. θεολογία, θεομᾰ́χος), что тоже нельзя счесть достоинством подхода: калькирование как один из очень нагруженных способов номинации страдает в Словаре ощутимым «недовесом».

Если гнездо базируется на слове праславянского (и дославянского) возраста, ставимом, как правило, в «input» словарной статьи, то, в отличие, например, от этимологического лексикона М. Фасмера (лексикона, следует подчеркнуть, адресованного не широкому читателю-нефилологу, а специалисту), в обязательном порядке сообщается его праславянская реконструкция, реже, при наличии внеславянских корневых соответствий, — и индоевропейская. Однако этой чести удостаивается только простая по устройству лексика: производные, развивающие базовую корневую семантику, помещаются внутри перечня дериватов и, даже если их возникновение относится к праславянской эпохе, реконструкциями не сопровождаются. Складывающийся эффект сравнительной скромности праязыкового наследия в современном идиоме профессионал перебьёт обращением к ЭССЯ, SP или специальным разысканиям, но читатель-нелингвист, если у него возникнет интерес к этой информации, рискует остаться с не очень точными представлениями.

Другая уязвимая сторона гнездовой комплектации словника и подчинённого ей анализа — непоказ словообразовательных изоглосс. Они растворяются в списках дериватов, поскольку межъязыковые соответствия также приводятся в статье только для заголовочной формы: даются реконструкции **děti* (с соответствиями почти везде, кроме западного южнославянского ареала), **nizъ* (общеславянское) для слов **діти**, **низ**, но отсутствуют праформы **dětъva* для *дітва* (словацко-польско-восточнославянская изоглосса), **nizota* для диал. *низо́та́, низьо́та* (чешско-восточнославянская изоглосса)

и под. Между тем возможная при иных установках словаря демонстрация изоглоссных перекличек в (относительно) древней производной лексике существенно иным, гораздо более полнокровным образом рисовала бы внешние связи данного языка. Отказ от неё следует признать уступкой в пользу несколько упрощённого жанра, который стоит ближе к научно-популярному изложению. Возражение вроде того, что не следует возлагать на этимолога заботы научной отрасли, отличной от этимологии, выглядит не чересчур убедительным: для истории сложения словарного состава языка, к которой этимология имеет прямое отношение, внешние (изоглоссные) словообразовательные связи представляют собою особый интерес и ценность, в немалой мере эвристическую. Эта возможная задача выпадает из задач ЕСУМ, применимость Словаря в указанном отношении снижена. Однако приведённые соображения — скорее рассуждения о желанном, чем о безупречно достижимом в назначенных нам временны́х и эдиционных обстоятельствах, и в мои намерения вовсе не входит, как я уже сказал, представлять параметры рецензируемого словаря непременно в оценочных категориях.

Заданными объёмами Словаря и необходимостью отразить огромное число лексических фактов продиктованы и иные его особенности.

Применительно к литературной лексике идеология ЕСУМ включает отказ от упоминания и тем более цитирования памятников, от датировок первой фиксации слова. Аргументом к такому — я думаю, правильному — выбору служит то обстоятельство, что реальный возраст слова и его письменная биография не состоят в обязательной согласованности: весьма древнее слово или значение может свидетельствоваться письменностью очень поздно, хотя бы по причинам жанровой и тематической ограниченности ранних памятников. К тому же эти сведения для собственно этимологии (а не истории слова) необходимыми оказываются довольно редко, и перегружать этимологический словарь признаками смежного жанра нерационально.

Но что касается лексики диалектной, то здесь, при подобном же «идеологическом» решении, вызванном до известной степени похожими обстоятельствами, составителям всё же можно сделать упрёк. Словарь характеризуется отсутствием географических помет. Судить о территориальной принадлежности слова можно лишь по от-

сылке к источнику, но диалектных словарей, названия которых позволяют территориальное отождествление, в «Бібліографічних скороченнях» я насчитал менее пятидесяти (уже извлечения из словаря Б. Д. Гринченко, как и слова с пометами «hucul.» и «łemk.» из словаря Е. Желеховского, делаются в ЕСУМ по части географии немыми). Подавляющее большинство диалектных слов вообще даже не паспортизуется. Между тем лингвогеографическая информация может служить одним из критериев этимологического выбора, особенно если слово было зарегистрировано на территории интенсивных языковых контактов, для Украины — например, в Карпатах или в Причерноморье; иногда лишь география слова может толкнуть к отличению полонизма или словакизма от исконно украинского факта.

Соображения объёма определили и такое свойство Словаря, как сравнительный лаконизм непосредственно этимологических разработок («відносна стислість викладу»), имплицитность этимологической техники — непоказ сравнительных словообразовательных построений, неиспользование метода семантических пропорций, редкое использование семантических параллелей как эвристического приёма и аргументативного средства и др., о чём частично говорилось выше. Разумеется, вся эта «техника» скорее должна иметь место в собственно исследовательских трудах, чем в словаре, и всё же на этимолога-лексикографа тоже накладывается обязанность делать выкладки доказательными, а не аподиктичными.

Нетрудно заметить, что в основе статей ЕСУМ лежит довольно жёсткая композиционная схема (в отличие от словаря Фасмера, который не стремился к техничной унифицированности статей, и тем более ЭССЯ, где сложность конкретного случая или обилие имеющихся точек зрения иной раз подталкивали составителей, особенно О. Н. Трубачёва, к текстуальной манере, отдаляющей словарную статью от канонов лексикографического жанра и приближающей её к когитативному дискурсу «трактатных» работ). В этом отношении организация статей выглядит вполне логичной. Однако мне показалось, что графическое оформление могло быть несколько лучшим. Всякая статья ЕСУМ, как бы велика она ни была, представляет собою одну-единственную фразу, точка ставится только перед завершающим списком литературы. Такие словарные зоны, как перечень единиц, образующих гнездо, список межславянских соответствий

заголовочному слову и собственно этимологическая часть, разделены одинаково: с помощью точки с запятой и следующего за ней тире. Облегчить чтение статьи, особенно большой по размеру, могло бы зрительное усиление границ между внутристатейными разделами с помощью особых знаков.

Пристатейная библиография в большинстве позиций носит перечислительно-суммарный характер. Конечно, в каких-то статьях резко несходные точки зрения реферируются отдельно, но часто остаётся неизвестным, существует ли в этимологах полное согласие по данному поводу, и какой автор внёс какие соображения, если заголовочное слово или отдельный элемент гнезда всё же были предметом дискуссии.

Как бы то ни было, издание основной части Словаря завершено, мы имеем результатом большой и серьёзный труд, посвящённый этимологическому анализу украинской лексики. Это высокопрофессиональное коллективное сочинение, поражающее богатством и разнообразием материала, отличающееся добротностью теоретической базы и пробуждающее мысль. Культурное и просветительное значение Словаря переоценить невозможно.

«Этимологический словарь украинского языка» издавался тридцать лет — срок для лексикона такого объёма вполне разумный (готовился, конечно, дольше). Однако публиковался он неровно. Первые тома, до третьего включительно, выходили с приемлемыми интервалами в три-четыре года, что говорило о хорошо спланированной работе над ним. Однако между 3-м и 4-м томами случился разрыв в 14 лет, пришедшийся на время крушения коммунистических режимов и распада Советского Союза. По счастью, потрясения, печальным образом коснувшиеся и академической науки, хотя и нарушили эдиционную ритмичность, не подломили самой идеи, и Словарь был доведён до конца.

Уже написав в основном текст настоящей рецензии, я ещё раз посмотрел страницы каждого тома с выпускными данными. Ничего, кроме огорчения, они не сулили. Так и оказалось. Если первые два тома словаря выходили тиражом 12 000 экземпляров, третий том — в 10450 экземпляров, то последние три — всего по 1000, с перепадом в 10–12 раз[1]. Это означает, что во всех государственных, научных,

[1] Сходная картина наблюдается и в издании московского «Этимологического словаря славянских языков». Начавшийся с тиража в 6500 экземпляров, сейчас он

общественных и домашних библиотеках комплектных сводов академического украинского этимологического словаря насчитывается менее тысячи, а если помнить о трудностях, которыми обставлено возникновение общественных и частных книжных собраний,— скорее всего существенно менее тысячи. То есть — нетрудно посчитать — приблизительно 98 процентов суммарного тиража Словаря существуют лишь в виде разрозненных, случайно там или сям осевших преимущественно начальных томов! Размещение Словаря в интернете, при известных трудностях работы с электронными версиями книжных текстов, всех потребностей пользования не разрешает и ситуацию поправляет лишь незначительно. А ведь речь идёт не только об исключительном научном издании, которое по своей значимости является несомненным национальным достоянием, но и о важнейшем звене в словарно-этимологическом охвате лексического материала славянских языков, изучение которого необходимо для познания истории, путей формирования этнических культур и кристаллизации этнического самосознания славянских народов.

Закончу всё же не сетованиями по поводу бед, сопровождающих академическую науку, гуманитарную в частности, а словами благодарности украинским коллегам. Их труд заслуживает высокого уважения.

В теперешние нерадостные для науки времена — особенно.

Литература

Варбот Ж. Ж. Трунить // Русская речь 1976 № 6. С. 71–75.

продолжается тиснениями около тысячи (а 37-й выпуск — 900, из которых 300 остались в распоряжении благодетеля-грантодателя — Гуманитарного научного фонда). Но, может быть, читателя больше впечатлят эти цифры? В 1963 году тираж первого, на букву «А», выпуска «Этимологического словаря русского языка» (МГУ) составлял 35000 экземпляров. Только что вышел том с начальной буквой «Н» (традиционная середина русских словарей). Тираж — 600 экземпляров. Если, во что не верится, он дотянет до буквы «Я» и если, чему поверить намного легче, тенденции сокращения тиражей научной книги сохранят ту же динамику, последний том будет издан в количестве 10,3 штук, то есть только несколькими страницами переползши в одиннадцатый экземпляр. Тиражная политика в области научного книгоиздания со всей очевидностью говорит о постыдном интеллектуальном и нравственном состоянии нынешней России. Хотелось бы, чтобы у Украины появились шансы преодолеть подобный позор.

Гринченко Б. Д. Словарь украинскаго языка, т. I–IV. Кіев, 1907–1909.

Желеховский Є., Недільский С. Малоруско-німецкий словар. Львів, 1886.

Журавлёв А. Ф. Рец.: Vladimir Orel. Russian Etymological Dictionary. Books 1–2: Octavia Press & Co., 2007. // Этимология 2006–2008. М.: Наука, 2010.

Іларіон (Огієнко Іван). Етимологічно-семантичний словник української мови. Т. 1. А-Д / За ред. Ю. Мулика-Луцика; Ін-т дослідів Волині. Вінніпег: Т-во «Волинь», 1979. Т. 2. Е-Л / За ред. Юрія Мулика-Луцика. Вінніпег: Т-во «Волинь», 1982. 400 с. Т. 3. М-О. Вінніпег: Т-во «Волинь», 1988. 416 с. Т. 4. П-Я / Ред. і доп. М. Ласло-Куцюк. Вінніпег: Т-во «Волинь», 1994.

Історичний словник українського язика / Під ред. Є. Тимченка; укл.: Є. Тимченко, Є. Волошин, К. Лазаревська, Г. Петренко. К.-Х., 1930–32. Т. 1. XXIV + 948 с. Зошит 1: А–Глу. К.-Х.: «Державне видавництво України», 1930. XXIV + 528 с. Зошит 2: Глу–Жял. К.-Х.: Українська радянська енциклопедія, 1932. 420 с.

Меркулова В. А. Народные названия болезней I (На материале русского языка) // Этимология 1967. М.: Наука, 1969. С. 158–173.

Никончук М. В., Никончук О. М. Транспортна лексика правобережного Полісся в системі східнослов'янських мов. Київ: Наукова думка, 1990. 292 с.

Рудницький Я. Б. Етимологічний словник української мови. Вінніпег, 1962–1966. Т. 1–2.

Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. У двох томах. Т.1: Київ: Наукова думка, 1977. 630 с. Т. 2: Київ: Наукова думка, 1978. 591 с.

Фасмер: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. Москва: Прогресс, 1964–1973.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1957. 806 p.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Akademia. 1968. 866 p.

Orel V. Russian Etymological Dictionary. Books 1–2: Octavia Press & Co., 2007. Books 3–4: Theophania Publishing, 2011.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Bern, 1959–1969.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–IV. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.

Сокращения

СРНГ — Словать русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина,Ф. П. Сороколетова. М., Л./СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–7–. София: Издателство на Българската Академия на науките / Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1971–2010–.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў (Т. 1–8), Г. А. Цыхун (Т. 9–13). Т. 1–13–. Мінск, 1978–2010–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. редактор Трубачев О. Н. (вып. 1-31) и Журавлев А. Ф. (вып. 32–39–). Вып. 1–39–. Наука. М., 1974–2014–.

SP — Słownik prasłowiański. Wrocław etc. : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich — Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974–. 1–.

Anatolij F. Zhuravlev
Russian Academy of Sciences
Institute for Slavic and Balkanic Studies
(Russia, Moscow)
afzhuravlev@yandex.ru

Review of: Etymolohichnyi slovnyk ukraïns'koï movy [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vols. 1–6. Kyïv: Naukova dumka Publ., 1982–2012.

The review presents a survey of the basic approaches to general composition, lexical data selection and entry structure applied in the Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. The author assesses completeness and quality of vocabulary data presentation, suggests some refinements.

Key words: dictionary, etymology, vocabulary, Ukrainian language, Slavic languages.

References

Brückner, A. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Warszawa, 1957.

Bylgarski etimologichen rechnik [Bulgarian etymological dictionary]. Vol. I–VII–, Sofia: Bulgarian Academy of Sciences Publ., Proff. M. Drinov Publ., 1971–2010–.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. I–IV, Translated and augmented by O. N. Trubachev, Moscow, Progress Publ., 1964–1973.

Grinchenko B.D. *Slovar' ukrainskogo yazyka* [Dictionary of the Ukrainian language], Vol. I–IV, Kiev, 1907–1909.

Ilarion (Ohiyenko Ivan). *Etimolohichno-semantichnyi slovnyk ukrains'koi movy* [Etymological-Semantic Dictionary of the Ukrainian Language]. Vol. 1. A–D, Ed. Yu. Mulyk-Lutsyk, Institute of Volyn' Studies, Winnipeg, Volyn' Society Publ., 1979; Vol. 2. E–L, Ed. Yu. Mulyk-Lutsyk, Winnipeg, Volyn' Society Publ., 1982. 400 p.; Vol. 3. M–O, Winnipeg, Volyn' Society Publ., 1988. 416 p.; Vol. 4. P–Ya, Ed and augm. M. Laslo-Kutsyuk, Winnipeg, Volyn' Society Publ., 1994.

Istorychnyi slovnyk ukraïns'koho yazyka [Historical Dictionary of the Ukrainian Language]. Ye. Timchenko (Ed.);: Ye. Timchenko; Ye. Voloshyn, K. Lazarevs'ka, G. Petrenko (Comp.), Kyïv–Kharkiv, 1930–32. Vol. 1. — XXIV + 948 p. Book 1: A — Glu. — Kyïv–Kharkiv, State Editorial House of Ukraine, 1930. — XXIV + 528 p.; Book 2: Glu —Zhyal. — Kyïv–Kharkiv, Ukrainian Soviet Encyclopedia Publ., 1932. 420 p.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of the Czech Language]. Praha, Akademia Publ., 1968, 1971, 1997, 2010. 866 p.

Martynaŭ V.U. (Ed.). *Etymalahichny sloŭnik belaruskai movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language]. Vol. 8, Minsk, Navuka i technika Publ., 1993. 270 p.

Merkulova V.A. [Folk Disease Names I (Russian Vocabulary Data)]. *Etimologiia 1967* [Etymology 1967]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 158-173. (In Russ.)

Nykonchuk M.V., Nykonchuk O.M. *Transportna leksyka*

pravoberezhnoho Polissya v systemi skhidnoslov'yans'kykh mov [Transportation-related vocabulary of Eastern Shore Polessie within the system of East Slavic languages]. Kyïv, Naukova dumka Publ., 1990. 292 p.

Orel V. *Russian Etymological Dictionary.* Books 1–2, Octavia Press & Co., 2007; Books 3–4, Theophania Publishing, 2011.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch* [Indo-European Etymological Dictionary]. Bern–München, Francke Publ., 1959.

Rudnyts'kyi Ya.B. *Etymolohichnyi slovnyk ukraïns'koï movy* [Etymological Dictionary of the Ukrainian Language]. Vols. 1–2, Winnipeg, 1962–1982.

Skok P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika* [Etymological Dictionary of the Croatian, or Serbian, Language]. Zagreb, South Slavic Academy of Science and Arts Publ., 1971–1974.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian dialects]. Iss. 1–. Moscow, Leningrad/SPb.: Nauka Publ., 1965–.

Slovnyk staroukraïns'koï movi XIV–XV st. [Dictionary of Old Ukrainian (14th — 15th centuries)]. In 2 vols. Vol.1, Kiïv, Naukova dumka Publ., 1977. 630 p.; Vol.2, Kyïv, Naukova dumka Publ., 1978. 591 p.

Słownik prasłowiański [Common Slavic Dictionary]. Wrocław etc., Ossoliński National Foundation — Publishing House of the Polish Academy of Sciences, 1974–.

Trubachev O.N., Zhuravlev A.F. (Eds.). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic Languages. Common Slavic Lexical Stock]. Iss. 1-39, Ed. O. N. Trubachev (iss. 1–32), A. F. Zhuravlev (iss. 32–39). Moscow, Nauka Publ., 1974–2014–.

Varbot Zh. Zh. [*Trunit*' 'to poke fun at s.o.']. *Russkaya rech*', 1976, No. 6, pp. 71–75. (In Russ.)

Zhelekhovskyi E., Nedil'skyi S. *Malorusko-nimetskyi slovar* [Ukrainian-German Dictionary]. L'viv, 1886.

Zhuravlev A.F. [Review of: Vladimir Orel. Russian Etymological Dictionary. Books 1–2: Octavia Press & Co., 2007]. *Etimologiya 2006–2008* [Etymology 2006–2008]. Zh. Zh. Varbot (Ed.) Moscow, Nauka Publ., 2010. (In Russ.)

Л. В. Куркина[1]
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
lyukurkina@rambler.ru

Р е ц.: M. Furlan. *Novi etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek.* Ljubljana, 2013, 221 с.

В проекте дается теоретическое и практическое обоснование принципов нового «Этимологического словаря словенского языка» на основе достижений этимологической науки и исследований в области диахронического языкознания. В пробном выпуске находим исторический очерк, посвященный развитию этимологической мысли в работах словенских ученых, определяется роль Ф. Миклошича, В. Рамовша, Ф. Безлая в развитии методики этимологических исследований. В новом словаре ключевым при выборе заглавного слова становится понятие этимологема, определяемое следующим образом: одна словарная статья = одна этимологическая проблема = одна этимологема. За основу принимается *негнездовой, полексемный* подход к организации материала. Образцы словарных статей приведены на стр. 113–172. Этот раздел включает 146 словарных статей, из них 94 отсутствуют в словаре Безлая. Проект нового словаря, богатый идеями и материалом, имеет много достоинств. Новый словарь в случае осуществления его замысла пополнит словенскую и шире — славянскую лексикографию новым оригинальным справочным изданием по славянской этимологии.

Ключевые слова: этимология, словенский язык, словенский этимологический словарь, этимологическая лексикография.

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00072 «Лексика славянских языков в диахроническом аспекте: генетический, ареальный и типологический подходы».

Автор проспекта «Нового этимологического словаря словенского языка» М. Фурлан известна своими работами в области славянской и словенской этимологии. Ее исследования отличает особенно глубокий интерес к истокам слова на индоевропейском уровне. М. Фурлан является одним из авторов «Этимологического словаря словенского языка», работу над которым была продолжена после кончины Ф. Безлая уже его учениками. Практически М. Фурлан и М. Сной стали авторами последних двух томов словаря, на титуле которого стоит имя их учителя — Ф. Безлая, и в этом, несомненно, дань уважения большому ученому, труды которого продвинули и обогатили новыми идеями этимологическое изучение словенской лексики. Неоценимую помощь в этимологической работе оказывают подготовленные М. Фурлан труды акад. Ф. Безлая (в двух томах) и новое транслитерированное издание словаря М. Плетершника (2006 г.).

Предлагаемый М. Фурлан проспект «Нового этимологического словаря словенского языка» представляет собой исследование, в котором дается теоретическое и практическое обоснование принципов современного этимологического словаря на основе достижений этимологической науки и исследований в области диахронического языкознания, подводятся итоги этимологического изучения словенской лексики, определяются задачи и новые подходы к этимологии. В пробном выпуске находим исторический очерк, посвященный развитию этимологической мысли в работах ученых XVII в. (А. Бохорич, Аласиа да Соммарипа, Я. Вальвасор), XVIII в. (Ж. Попович и М. Похлин), более подробно автор останавливается на методике этимологического анализа и конкретных этимологиях У. Ярника, И. Коштяла (1877–1949), на значении «Этимологического словаря славянских языков» Ф. Миклошича. На основе сравнительного анализа подходов к этимологии Ф. Рамовша и И. Коштяла автор приходит к выводу о том, что Коштял, в отличие от Ф. Рамовша, выходит за пределы словенского языка и прослеживает развитие слова на широком индоевропейском фоне. Обозревая работы по словенской этимологии, автор выделяет некоторые положения, которые и по сей день сохраняют основополагающее значение для этимологии в целом: в классическом понимании конечная цель этимологии — открытие первоначальных смыслов (Ярник, Миклошич); для славянской этимологии диалектная лексика так же важна, как и лексика литературного языка, поэтому необходимо включение в этимо-

логический словарь диалектной лексики (Миклошич); словарный состав — продукт развития языка разного времени, сходные лексемы имеют разную глубину во времени (Миклошич) и т. д. Результатом этих исследований стало признание права на существование этимологического словаря отдельного национального языка, призванного представить словенский материал и отразить достижения словенского и славянского языкознания, а также сообщить сведения об истоках, происхождении и родстве слов на индоевропейском уровне таким образом, чтобы не было необходимости искать дополнительный материал в других источниках по этимологии (с. 55). Следует особо отметить, что представленное М. Фурлан исследование — это первый обстоятельный очерк по истории этимологической лексикографии словенского языка, в котором прослеживается преемственная связь отечественной этимологии с идеями словенских ученых, занимавшихся разработкой основ этимологического словаря словенского языка. Попутно заметим, что в обзоре этимологических словарей славянских языков, опубликованных в начале и первой половине XX в., выпал из рассмотрения словарь А. Преображенского (М., 1910–1914) [подробнее см.: Куркина 2013: 427–429], который и по сей день остается ценным справочным пособием по русской этимологии. В этом очерке идеи ведущих словенских этимологов Ф. Рамовша и Ф. Безлая освещаются только как часть общего процесса развития словенской этимологии. Надо понимать, что ученые такого масштаба, как Ф. Рамовш и Ф. Безлай, не замыкались в рамках отечественной науки, они работали на уровне достижений европейской и мировой науки, подходили к этимологии с пониманием задач и методов научных исследований своего времени. Словарь Ф. Безлая вобрал в себя этимологические идеи, активно обсуждавшиеся в науке во второй половине XX в. Вниманием автора обойдены исследования 60–70-х гг., направленные на изучение праславянского языка и принципов этимологизации славянской лексики. Именно в эти годы формируются новые представления о праславянском языке, его структуре и временных рамках, по-новому, с других позиций освещаются проблемы славянского лингвогенеза, процессы, обусловившие распад праславянского языка и формирование славянских языковых групп. В связи с этим возрастает интерес к лексике и вопросам этимологии как одному из показателей лингвоэтнических процессов. Именно в эти годы

развернулась работа над этимологическими словарями отдельных славянских языков. Для славянской лексикографии этапными стали «Этимологический словарь польского языка» Ф. Славского, построенный по принципу полексемной подачи материала, и развернувшаяся в Кракове и Москве работа по реконструкции и этимологизации праславянского лексического фонда. Задачи, поставленные наукой, разные аспекты этимологического анализа обсуждались на съездах славистов, конференциях, на этимологическом симпозиуме (Москва, 1968 г.), в работах Ф. Славского, О. Н. Трубачева, О. Семереньи, Я. Малкиела и других ученых. В опубликованный в 70-е г. сб. Etymologie под редакцией Р. Шмитта вошли статьи разного времени, в которых получили освещение история этимологической мысли, теоретические и методологические поиски этимологии с начала XIX в., современное состояние теории и практики этимологических исследований. Новое, более глубокое понимание древних языковых процессов внесло существенные коррективы в понимание задач, решаемых этимологической наукой и конкретно этимологическими словарями. Новый этап в развитии этимологии отмечен особым вниманием к анализу словообразовательной структуры слова, определению места лексико-словообразовательной единицы в словарном составе национального языка, а также в системе словообразовательных отношений, реконструируемых для праславянского состояния. Не менее существенны межславянские лексические связи и особенно связи с балтийскими и германскими языками, позволяющие восстановить место праславянского языка на индоевропейской диалектной карте. Подход к этимологическому анализу лексики с позиции одного языка дает основу для восстановления динамики языковых процессов, древнего членения праславянского языка и т. п.

На новом этапе развития этимологии, размышляя над вопросами, поставленными наукой, отвечая на запросы времени, Ф. Безлай обращается к исследованию старой и диалектной лексики словенского языка. В центре внимания ученого были лексические архаизмы словенского языка с глубокими индоевропейскими связями, лексические связи словенского языка с восточнославянскими и балтийскими языками. Новые идеи получили отражение в книгах [ср. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967], статьях и в первых двух томах словаря, увидевших свет в 1976 и 1982 гг. Словарь Ф. Без-

лая в пяти томах (последний пятый том «Словоуказатель» 2007 г.), а также выдержавший два издания «Словенский этимологический словарь» М. Сноя [Ljubljana, 1997, 2003] подвели некоторый итог в исследовании словенской лексики.

Новые этимологические исследования, подготовленные и опубликованные новые диалектные и исторические словари словенского языка расширили общее пространство изучения словенской лексики. Они показали, что далеко не исчерпаны материальные и научные резервы при этимологическом изучении лексики словенского языка. Как пишет М. Фурлан, потребность в новом словаре продиктована желанием и возможностью более полного представления словенской лексики в контексте славянских и индоевропейских связей. К этому побуждает и то обстоятельство, что многие словенские слова не вошли в словарь Безлая, а если и вошли, то современные знания позволяют шире представить распространение слова на словенской территории и глубже подойти к пониманию его истоков в контексте более широкого представления компаративных связей и более точных подходов к этимологизации слова (с. 15–16).

Автор выделяет те аспекты этимологического изучения словенского слова, которые должны получить развитие в новом словаре: дальнейшее углубленное изучение словенской лексики; наглядное представление словарных статей; *негнездовой, полексемный* подход к организации материала; полная характеристика словенских слов в этимологическом и сравнительно-историческом плане; по возможности полное документированное представление истории и доистории слова; анализ лексического материала с опорой на последние достижения науки; сохранение преемственной связи со словарем Ф. Безлая. Принимаемый в новом словаре принцип полексемной подачи материала ставит перед автором задачу отбора в большом и сложном словарном составе словенского языка лексики, которая подлежит этимологизации. В словаре Ф. Безлая, построенном по гнездовому принципу, 9728 словарных статей, ясно, что при негнездовом подходе ожидается значительно большее число словарных статей, как отмечает автор, по меньшей мере 15000. Чтобы не выходить за пределы разумного объема словаря, единственно правильной, как считает автор, остается установка Ф. Безлая *на культурно-историческую ценность слова*, на слова, входящие в основной словарный фонд языка (с. 64). А это означает, что в словарь войдут

слова современного литературного и разговорного языка, диалектизмы, отдельные слова, засвидетельствованные историческими источниками, в словарь не войдет научная и другая специальная терминология, которая не имеет истоков в народном языке. Опубликованные в последние годы диалектные словари вводят в научный обиход много новой лексики, которая требует осмысления в рамках словенского языка и на широком славянском фоне. По замыслу автора в новом словаре впервые будет введено в этимологический обиход славистов и словенистов много еще не изученных диалектных слов, и в этом следует видеть большое достоинство проекта. Предполагается, что, помимо апеллативной лексики, в словарь войдет ономастический материал (топонимы, антропонимы), позволяющий полнее раскрыть словообразовательные процессы или предоставить дополнительные сведения о времени, ареале или фонетике, словообразовании и семантике апеллатива. Самостоятельную позицию в словаре получат топонимы лишь при отсутствии соответствующего апеллатива или в том случае, когда собственное имя поможет восстановить дописьменную историю апеллатива, восстановить слабо засвидетельствованный или утраченный апеллатив (ср. **piščák* ‘источник’ → топ. *Pišece* < Lsg. **piščáce*). При составлении словника будет принят во внимание и собственно языковой критерий — особенности фонетики, словообразования, семантического развития. Автор подчеркивает важность языковых данных, проясняющих современное состояние, развитие лексемы в историческое и доисторическое время, а также сведений из смежных наук (истории, этнологии, археологии и т. д.). Хронологическая глубина слова раскрывается через сравнительный анализ слова в контексте славянских и индоевропейских соответствий. Стратиграфия лексической группы в плане диахронии дает ключ к раскрытию возраста словарного фонда (с. 71). В словаре должна стать основной информация о времени и способе образования слова, развитии семантики, особенно в тех случаях, когда на современном уровне словообразование и семантическое развитие затемнены (с. 69). По мысли автора, требуется такое построение словарной статьи, которое позволило бы наглядно представить информацию о генетических связях слов современного словенского языка.

По определению автора, словарь представляет собой единство трех сторон: количественной (выбор языкового материала, под-

лежащего этимологическому объяснению), качественной (содержательная сторона) и формально-лексикографической (способы представления материала и содержания в словаре) (с. 63). Автор пишет о триединстве этимологии, представляющей лексему на уровне синхронии и диахронии и на морфо-семантической ступени, соотнесение данных всех уровней подводит к пониманию возраста слова, словообразовательных отношений, семантики, этимологии (с. 71).

Автор вводит новый термин — *этимологема* и дает ему определение: одна словарная статья = одна этимологическая проблема = одна этимологема. Это понятие становится ключевым при выборе заглавного слова. Одна лексема со своим современным лексическим гнездом как одна морфо-семантическая единица представляет одну проблему и поэтому имеет отдельное заглавное слово со своей статьей. С исторической точки зрения этимологема — это языковая единица или совокупность единиц, связанных между собой родством, или также неродственных единиц (ср. *morska kost* ‘osteofit’), к которым приложимо одно и то же этимологическое объяснение (с. 71). Более развернутого объяснения требует последнее положение. Приведенное в качестве примера *morska kost* ‘osteofit’ понимается как устойчивое сочетание, состоящее из двух не связанных между собой, неродственных лексических единиц (т. е. прилаг. *morski* неродственно *kost*), но представляющих одну этимологическую проблему, когда мы задаемся вопросом, почему этим сочетанием обозначается osteofit. Представляется, что в данном случае, чтобы понять выбор наименования, важно акцентировать внимание на разных этимологических истоках совпадающих по форме прилагательных: *morska kost*’ сближаемое со слвц. *mrtvá kost*’ ‘затвердение’ и т. п., и *môrski* ‘морской’ от *morje*. Автор полагает, что этимологема является основной диахронической единицей в этимологии еще и потому, что объяснение словообразовательных отношений между членами современной лексической группы еще нельзя признать этимологией (напр. *pisati* → *pisar* и т. п.), также еще не является этимологией объяснение отношений между членами лексической группы на уровне древнейших ступеней развития (напр. и.-е. *H_2éu̯i-* м., ж. р. ‘овца, баран’ → и.-е. диал. *H_2éu̯i-no-*, прилаг. ‘относящийся к овце/ барану’, отсюда балто-слав. *ãu̯ina-s* м. р. ‘баран’ → праслав. *ou̯ìnъ м.р. ‘баран’ > словен. *óven*). В качестве примера

одной лексемы праиндоевропейской древности с одним этимологическим объяснением приводится словен. *snáha* ‘socrus’, рус. *сноха* и т. д. и и.-е. **snuséH$_2$* > **snusó-s* = греч. *νυός* ‘сноха’. Распределение слов по принципу словарная статья = одна этимологема соответствует истории развития и этимологическим связям слова (с. 71–72). Это означает, что к этимологеме может относиться одна лексема (напр. *pisati se* ‘созревать (о гроздьях винограда)’, одно сочетание (напр. *morska kost* ‘osteofit’) или лексическое гнездо, в котором на современном уровне сохраняются прозрачные отношения (напр. *pisáti* ‘scribere’, *pisánje, pisár, pisálo* и т. п.). Когда отношения неочевидны, закрыты и малоинформативны, как полагает автор, разумнее всего такие этимологемы представить в нескольких словарных статьях с этимологическим объяснением в статье на ту лексему, которая в современном языке наиболее частотная и наиболее употребительная. Обобщая свои рассуждения на эту тему, автор пишет о том, что основной критерий для отнесения лексемы к разряду этимологем — общее значение корня (напр. словен. *pisáti, pisánje*, *pisár, pisálo* и т. п.), основной критерий для выделения лексемы в отдельное словарное гнездо в плане диахронии — общий корень, который на одной или разных ступенях развития мог быть носителем разных значений (напр. словен. *pisáti se* ‘называться по фамилии’, *pisáti se* ‘получать цвет (о вишне)’, *pisáti se* ‘зреть о (о гроздьях винограда)’, *písanica* ‘писанка’ и т. п.).

Диахронические процессы, существенные в плане понимания словообразования, семантики и выделения этимологем, автором представлены в виде схем на материале некоторых гнезд (*pisati, rdeti*, *govedo* и др.). По существу с помощью таких схем раскрывается внутренняя предварительная работа при исследовании слова на всех уровнях. Так, для словен. гл. *pisati* и связанных с ним производных приводится схема словообразовательных отношений с точки зрения времени происхождения и производящей основы производных:

1 и.-е. *pei̯k’*-, для которого восстанавливается значение ‘врезать’
> и.-е. диал. **péi̯k’-i̯e-*
> праслав. **pьsăti (sę)*, *pis’ešь (sę)*
→ праслав. **pisanъ*, прич. → слав. **pisanica*, **pisanъka*
→ слав. **pisár’ь* м. р., далее **pisárьna* > чеш. *pisárna*
→ слав. **pisьcь* м. р.

→ слав. **pisấtel'ь* > рус. *писатель*

→ праслав. **pis(ь)tò*

2 и.-е. **pik'-ró-s*, прилаг.

> праслав. **pȕstrъ*, прилаг., ж. р. **pьstrấ* > рус. *пёстрый*

→ праслав. **pьstrỳ*, A.sg. **pȕstrъu̯ь*

3 и.-е. **pik'-ó-s,* прилаг.

> **pȕsъ* м. р.

→ праслав. **pȕsьi̯ь*(*-i̯ь*), прилаг.

В правой колонке против каждой реконструкции приведены словенские слова: *pisati, pisan, pisanica* и т. д. (с. 81). Отметим, что в списке производных отсутствует словен. *pisme* < **pisьmę,* производное от **pisьmo*.

В следующей схеме приводятся основные ступени развития не только словообразовательных, но и семантических отношений для гл. *pisati*. Приведем некоторые примеры из этой схемы:

1 и.-е. **pei̯k'-i̯e* 'вырезать' → 'наносить черты' → 'бороздить' / 'рисовать' → 'красить';

2 и.-е. **pik'-ró-s*, прилаг. 'вырезанный' → 'пестрый';

3 и.-е. диал. **pik'-o-s* (*k'*(*u*)*u̯ōn*) 'пестрый / цветной пес' и т. д. (с. 84).

Далее отмечается, что в плане диахронии в словенском языке в гнезде *pьsati* по меньшей мере 10 этимологем: a) 'scribere', b) 'иметь фамилию', c) 'пахать', d) 'рисовать', e) 'красить', f) 'поспевать, зреть', g) 'писанка', h) 'пестрый', i) 'Salmo fario', j) 'пес', а в эпоху от праиндоевропейского до словенского при вхождении лексического гнезда в систему праславянского языка автор выделяет четыре / пять этимологем: 'бороздить, пахать', 'рисовать' ('scribere' и 'иметь фамилию'), 'красить' (позднее > 'созревать'), 'писаный, пестрый, цветной' (позднее > 'Salmo fario') и 'пес'.

Некоторые пояснения к схемам дает сам автор, но остаются вопросы, и многие из них скорее методологического характера. Попытаемся уточнить некоторые моменты и разобраться в содержании, которое стоит за предложенными схемами.

Представленное в виде схемы развитие лексического гнезда лишь в самом общем виде отражает динамику языковых процессов, движение от индоевропейского к праславянскому и собственно словенскому состоянию. Нет необходимости говорить о том, что древнее наследие — индоевропейское и праславянское — по-разному

реализуется в отдельных славянских языках, что многое в словаре обусловлено внутренними процессами и межславянскими связями. Содержательная сторона каждой из ступеней развития должна стать предметом обсуждения в словарных статьях. Однако при отсутствии славянского фона и обоснования семантических переходов некоторые представленные в схеме ступени эволюции и.-е. **pei̯k*'- 'врезать, врезывать' вызывают сомнения. Так, в обосновании нуждается отнесенное к праславянскому наследию словен. *podpisati* 'подрыть плугом' (из словаря Кастельца-Воренца), рассматриваемое как производное от праслав. **pьsáti* в значении 'бороздить, пахать землю', восстанавливаемом на основании словенского глагола. Приведенные образования имеют разную хронологическую глубину. Литовское соответствие *piešìmas* 'рисование' вполне определенно говорит в пользу реконструкции для словен. *písmo*, рус. *письмо* и т. п. исходной формы **pisьmo*. Более того, точное балтийское соответствие является показателем древности слова: в приведенном ряду производных это древнейшее образование, унаследованное из балто-славянской эпохи. Образования на *-ar'ь* (ср. словен. *pisár* < **pisar'ь*) скорее следует отнести к новообразованиям, сложившимся в отдельных славянских языках по активной словообразовательной модели [БЕР 5: 258]. Суф. *-ar'ь* распространен на всей славянской территории, но продуктивен лишь в областях, соседствующих с немецким или романскими языками [Sławski. Zarys 2: 22]. К образованиям нового времени следует, видимо, отнести и *pisarna*. Плетершник относит словен. *pisâtelj* к новообразованиям книжного языка [Pleteršnik[2] II: 39]. Некорректно использованный знак > в отношении слав. **pisátel'ь* > рус. *писатель* может быть истолкован как указание на заимствование рус. слова из словенского языка, а в действительности слово *писатель* было известно еще древнерусскому языку. Вероятно, **pisár'ь*, **pisьcь* и **pisatel'ь* сложились в разное время. На временной оси их следует распределить в ином порядке, отдав предпочтение как более древнему образованию **pisьcь*.

В системе словенского языка для **pisati* и др. выделяется разное количество этимологем в развитии от индоевропейского состояния до вхождения лексического гнезда в праславянскую систему. При определении семантических этимологем подстерегает опасность модернизации значений. Возможности семантической реконструкции на основе словенских материалов весьма ограничены, но мате-

риалы из близкородственных языков показывают, что современное значение — результат длительного развития. Так, к примеру др.-рус. *письмо* ‘письменный язык, азбука’ [СДРЯ VI: 398] не то же самое, что *письмо* в современном значении, а др.-рус. *писатель* — это ‘сочинитель’, ‘писец, переписчик’ и ‘палочка для письма’ (= *писало*) [СДРЯ VI: 392, 394] и т. п. Требует обоснования с привлечением более широкого материала реконструкция для праслав. **pisьmo* значения ‘рисование’ с последующим переходом к словен. *písmo* ‘знак’, далее к словен. ‘писание’ > *písmo* ‘litterae itd.’ (с. 84).

Все эти построения требуют более углубленной проработки. Предложенные схемы лишь фиксируют какие-то точки в развитии лексем и в общем дают статичную картину, остаются нераскрытыми во всей полноте словообразовательные и семантические процессы. Обойден вниманием исследователя лингвогеографический аспект, лексические связи словенской лексики в славянском языковом пространстве.

Автором разработана четкая структура статьи. С помощью специальных знаков в структуре словарной статьи разграничены зоны, соответствующие той или иной ступени обработки и анализа слова. В максимально полном варианте словарная статья включает следующие зоны: заглавное слово, которое вынесено слева на полосе, выделенной серо-голубым цветом, справа указание на наличие или отсутствие слова в словаре Ф. Безлая; подробное представление слова в литературном языке и в диалектах; книжные и диалектные производные образования Ⓣ; исторические записи производных образований Ⓣ^{H}; Ⓗ исторические записи заглавного слова; антропонимы или топонимы ⓞ; исходная форма для словенского слова; славянские соответствия; праславянская исходная форма; и.-е. соответствия, для заимствований материал языка-источника; этимологическое объяснение Ⓔ; указание на связи в рамках лексического гнезда Ⓓ^{BD}. Все слова имеют акцентные характеристики.

Образцы словарных статей приведены на стр.113-172. Этот раздел включает 146 словарных статей, из них 94 отсутствуют в словаре Ф. Безлая. В словник вошли слова (*ovec*, *gove*, *morska kost*), которым были посвящены специальные исследования автора, опубликованные на страницах разных изданий. Впервые в словенской лексикографии собран и наглядно представлен во всей полноте диалектный и исторический материал на каждое слово. Весь мате-

риал документирован, приводятся ссылки на диалектные словари, на словари старого и нового времени. В этимологической части в своих выводах автор опирается на основные этимологические словари — словари Ф. Миклошича, Ф. Безлая, П. Скока, ЭССЯ, Краковский словарь и др., в меньшей степени находим ссылки на специальные работы, посвященные рассматриваемым словам. В большом списке источников и литературы (с. 175-192) основное место занимает словенская литература. Библиография дает полный свод источников по диалектной лексике словенского языка. Здесь же приведены этимологические словари всех славянских языков, основные сборники, посвященные этимологизации славянской лексики («Этимология», сборники докладов на симпозиумах, которые проходили в Брно, Любляне, Белграде и др.), журналы, труды некоторых ученых (В. Борысь, В. Вондрак, О. Н. Трубачев) и др. Данные в качестве приложения словоуказатель, предметный указатель и указатель имен делают книгу удобным справочником.

В словник включена лексика литературного языка (ср. *mílo* ‘мыло’, *mlezívo* ‘молозиво’ и т. п.), диалектизмы (ср. *maljica* ‘ягненок’, *lopa* ‘девочка’, *lapica* ‘служанка’, *pirnik* ‘сват’, *pisati se* ‘созревать (о винограде)’, *oslice* ‘почки’ и т. д.), заимствования (*pavijan*, *zero* ‘мало’, *žaken* ‘слуга’ и т. д.). В новых условиях, когда словенистика обогатилась новыми источниками по диалектной лексике и топонимике, появилась возможность шире, полнее представить лексический материал в словарной статье. И в этом одно из достоинств словаря.

В некоторых случаях вызывает вопросы выбор заглавного слова. В соответствии с принципом, по которому слова с одним корнем и общим значением = одна этимологема, разграничены словен. *grizti se* ‘препираться’ и *grizati* ‘грызть’, производные от *grizti*, что вполне оправдано. Однако самостоятельные статьи получают и производные с прозрачными словообразовательными связями и общей семантикой и в случае, если они построены по продуктивным моделям и имеют соответствия в славянских языках (с. 96). На этом основании самостоятельные позиции имеют итератив *grízati* и имперфектив *dolbati*, производные с общей семантикой и общим корнем с гл. *gristi*, *dolbsti* и т. п., что представляется избыточным. Самостоятельную статью получает *potica* ‘дорожка’, уменьш. от *pot*, что едва ли оправдано даже с учетом того, что образование с суф. *-ica* в

словенском языке встречается редко. Остается неясным, как будут отражены в статье на *pot* производные от этого слова.

Словарная статья дает представление о функционировании слова и его производных в словенском языке и его диалектах, о характере межславянских, индоевропейских связей, обоснование получает семантика слова и т. п. По замыслу автора словарь освещает и оценивает этимологические проблемы с позиции словенского языка, и такой подход оправдан, поскольку помогает определить место именно словенского слова в эволюции этимологического гнезда, что позволяет полнее выявить на славянском фоне линии семантического развития, особенности словообразования и определить географию слова (ср. *grìsti se* ‘препираться’, *gríža* ‘покрытая камнями земля’ и т. п.). Включенные в словарь лексические архаизмы, ограниченные в своем распространении словенскими диалектами, дают основу для нового понимания словообразовательных отношений (ср. *gove*). С опорой на словен. *kozomôr* ‘мелкий град’ с соответствием в серб. *козо̀мор* южный ветер’, ‘время, когда дует южный ветер’ восстанавливается для праславянского языка метеорологический термин **kozo-morъ*, который, заметим, не вошел в корпус ЭССЯ.

Далеко не все предлагаемые автором этимологические решения выглядят обоснованными и убедительными. Так, *svilod* ‘шелкопряд’, трактуемое как продолжение nomen agentis **sъu̯ilo-dъ* ‘кто делает шелк’, далее к *svíla* ‘sericum’, с суф. **-dъ* из нулевой ступени **-d^{h}H$_1$-o-* и.-е. корня **-d^{h}eH$_1$-* ‘делать’, образованного по типу **zъlo-dě-jь*, словен. *prîd* ‘польза’ < **pri-dъ* (ср. лит. *priẽdas* ‘придача, прибавка’), *sôd* ‘бочка’ < **sǫ-dъ*. В этом ряду неубедительна ссылка на рус. *швед* ‘портной’, последнее из *швец* < др.-рус. *шьвьць* (от *шить*), вторично сближенное с *швед* [Фасмер IV: 418]. Представляется, что для словен. *svilod* открытой остается возможность образования с архаичным суф. **-ǫdъ* от **sъvila* [Bezlaj III: 350-351], ср. праслав.**želǫdь*.

Проект нового словаря, богатый идеями и материалом, имеет много достоинств. Несомненно большое научное значение будущего словаря. Словенская лексика, рассматриваемая в широком контексте индоевропейских и славянских связей, дополняет и углубляет сложившиеся представления о составе этимологического гнезда и об особенностях функционирования входящих в него лексем. Благодаря словарям и разного рода исследованиям появляются

предпосылки для более широкого вовлечения словенской лексики в решение славистических проблем. Новый словарь в случае осуществления его замысла пополнит словенскую и шире — славянскую лексикографию новым оригинальным справочным изданием по славянской этимологии. Несомненную пользу от изучения этого словаря могут получить и те, для кого словенский язык является родным, и слависты, изучающие происхождение слова русского, чешского, болгарского или какого-либо другого языка. Несомненно, словарь будет востребован не только специалистами, студентами, преподавателями высших учебных заведений, но и более широким кругом пользователей. Хочется надеяться, что Словенская АН по достоинству оценит инициативу известного ученого и найдет возможным поддержать важное научное начинание.

Литература

Bezlaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. T. I-V. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1976-2007.

Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. Transliterirana izdaja / Uredila M. Furlan. Ljubljana: ZRC SAZU, Založba ZRC, 2006.

Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego. In: Słownik prasłowiański. T. II. Wrocław etc.: Zakład Narodowy im. Ossolinskich 1976.

Сокращения

БЕР — Български етимологичен речник / Одговорен редактор Георгиев Вл. (т. I–III), Геогргиев Вл., Дуриданов И. (т. IV), Дуриданов И. (т. V), Рачева М., Тодоров Т. (т. VI,. VII). Т. I–VII–. София: Издателство на Българската Академия на науките; Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 1971–2010–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Отв. редактор Трубачев О. Н. (вып. 1–31) и Журавлев А. Ф. (вып. 32) (вып. 33–39–). Вып. 1–39–. М.: Наука. 1974–2014–.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Гл. ред.

Аванесов Р. И. (т. 1–5), Улуханов И. С. (т. 6), Крысько В. Б. (т. 7–10). Т. 1–10–. М.: Русский язык, 1988–2013–.

Liubov V. Kurkina
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
lyukurkina@rambler.ru

Review: Furlan, M. (2014). *Novyj etimologiczeskij slovar' slovenskogo yazyka. Probnyj vypusk* [New Etymological Dictionary of the Slovenian Language. Trial Issue]. Ljubljana: 2013, 221 p.

The prospectus provides a theoretical and practical foundation for the principles of the new *Etymological dictionary of the Slovenian language* on the basis of achievements in etymological research. The prospectus includes a historical overview of etymological thought in Slovenia and defines the role of Ramovš's and Bezlaj's works in the history of Slovenian etymological science. The key structural unit of the dictionary is an etymologeme, which is defined as follows: one etymon = one dictionary entry = one *etymologeme*. Subject of etymological analysis would include vocabulary of literary language, lexical dialectisms, toponyms. The author illustrates the principles of the new dictionary with a sample of 146 entries. Rich in new ideas, the dictionary would expand our knowledge on etymological relationships of the Slovenian language and become an original reference work on Slovenian etymology.

Key words: etymology, Slovenian language, etymological dictionary of the Slovenian language, etymological lexicography.

References

Bezlaj F. *Etimološki slovar slovenskega jezika* [Etymological Dictionary of the Slovenian Language]. Vol. I–V. Ljubljana, Mladinska knjiga Publ., 1976–2007.

Bylgarski etimologichen rechnik [Bulgarian Etymological

Dictionary]. Vol. I–VII–. Sofia, Bulgarian Academy of Sciences Publ., Prof. M. Drinov Publ., 1971–2010–.

Pleteršnik M. *Slovensko-nemški slovar* [Slovenian-German Dictionary]. Vol. I–II. Ljubljana, ZRC SAZU, Založba ZRC Publ., 2006.

Sławski F. [An Essay on Word Formation in Common Slavic]. *Słownik prasłowiański* [Proto-Slavic Dictionary]. Vol. II. Wrocław, etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976. (In. Pol.)

Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) [Old East Slavic Dictionary (11th–14th Centuries)]. Vols. I–X–. Moscow, Russkii yazyk Publ. — Azbukovnik Publ., 1988–2013–.

Trubachev O. N., Zhuravlev A. F. (Eds.). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of the Slavic languages. Common Slavic Lexical Stock]. Iss. 1–39, Ed. O. N. Trubachev (Iss. 1–31), A. F. Zhuravlev (Iss. 32–39). Moscow, Nauka Publ., 1974–2014–.

Ясна Влаич-Попович
Институт сербского языка САНИ
(Белград, Сербия)
jasna.vlajic@isj.sanu.ac.rs

СОБРАНИЕ ТРУДОВ ВАЦЛАВА МАХЕКА[1]

Р е ц.: *Sebrané spisy Václava Machka*, 1–2, Ilona Janyšková, Helena Karlíková, Eva Havlová, Radoslav Večerka (edd.) Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 2011. 2296 s.

В работе дается обзор двухтомной монографии «Sebrané spisy Václava Machka», которая на почти 2300 страницах содержит все труды (за исключением 4 книг) величайшего чешского этимолога XX века Вацлава Махека (Václav Machek, 1894–1965). Сначала описывается с технической точки зрения (и оценивается как превосходная) сложная структура монографии: около 400 наименований (точно перепечатанных из оригиналов, с номерами страниц, указанными на полях), разделенных по типу на три основные группы (статьи и этюды; отзывы, рецензии, обзоры, хроники научных совещаний, предисловия, вступительные статьи, стенограммы дискуссий, библиографические очерки, заметки, рецензии; некрологи); далее следует глава с текстами лекций и глава, посвященная редакторской и рецензентской деятельности В. Махека; потом дается полная библиография В. Махека (содержащия 428 единиц, организованная таким образом, чтобы служить содержанием самой монорафии, а также снабженная символами для обозначения типа исследования: книга,

[1] Эта заметка написана в рамках проекта «Этимологические исследования сербского языка и создание *Этимологического словаря сербского языка*» № 178007, который целиком финансируется Министерством образования, науки и технического развития Республики Сербии.

статья, рецензия, некролог, обзор и т. д.), и библиография о В. Махеке (всего 212 единиц); в конце дается полный список имен, понятий и слов по языкам. В продолжении рецензии предлагается обзор областей знаний, которыми занимался В. Махек (а именно: этимологией, фонологией, словообразованием, грамматикой, синтаксисом, сравнительной мифологией), а методы его работы иллюстрируются примером толкования прасл. имени **dętelina*. В конце рецензии данная монография помещается в ряд сходных сборников трудов выдающихся славянских этимологов (Тодорова, Безлая, Шиманского, Трубачева, Борыся, Славского и Варбот), изданных в последнее время. Делается вывод о том, что монография представляет ценность для современной научной чешской и славянской этимологии. Высоко оценивается заслуга издателей в том, что данная монография не только является собранием трудов, но и интерактивна по своему устройству и несет на себе печать века электронных технологий, в который она была создана.

Ключевые слова: славянская этимология, чешская этимология, история славистики, сборник трудов, Вацлав Махек, Václav Machek.

Публикация собрания сочинений Вацлава Махека (Václav Machek, 1894–1965) является венцом многолетней работы брненских филологов по освещению богатого наследия чешских славистов, в первую очередь тех авторов, которые своей жизнью и деятельностью были связаны с этим городом. Только за последнее десятилетие опубликовано множество изданий, среди которых наиболее интересны для славянской этимологии те, которые посвящены Маценауэру и Копечному[1], — сборники избранных трудов, отсортированных по различным критериям, так, чтобы они уместились в книгу среднего объема.

В случае Вацлава Махека, крупнейшего чешского и ведущего славянского этимолога XX века, богемиста, слависта, индоевропеи-

[1] В рамках престижной серии *Studia etymologica Brunensia* (Praha, Nakladatelství Lidové noviny), которую под редакцией И. Янышковой и Х. Карликовой издает Этимологический отдел Института чешского языка, с центром в г. Брно, номер 8, вышедший в свет в 2009 г., содержит не публиковавшуюся ранее рукопись *Anton Matzenauer*. Beiträge zur Kunde der altpreussischen Sprache (ed.) E. Havlová, а в номере 9 этой же серии, опубликованном в том же году, появился сборник трудов *Dobrodružství etymologie*. Články Františka Kopečného z prostějovského časopisu *Štafeta* (edd.) A. Bičan, E. Havlová.

ста, изданием монументальной монографии (из практических соображений разделенной на два тома в твердом переплете, содержащих почти 2300 страниц большого формата, включающей буквально все, что было опубликовано (при жизни и посмертно) в немонографическом виде[1]) достигнуто, по крайней мере, две цели. С одной стороны, оказана честь ему лично, а с другой стороны, что ещё важнее, современным читателям подготовлен настоящий подарок в виде собранных в одном месте более четырёхсот работ (статей, обзоров, хроник, некрологов, рецензий, переводов, предисловий, энциклопедических статей, авторизованных дискуссий, заметок, библиографических очерков, даже лекций, сохранившихся лишь в рукописях), которые В. Махек на протяжении почти полувека публиковал в разных странах, в изданиях различных профилей. Очевидно, что даже если все эти многочисленные и разнородные публикации собрать в одном месте, под крышей одной библиотеки, то комплексный просмотр всех их потребовал бы длительного времени и огромного труда — и так и оставался бы практически невозможным. Что в любом случае было бы невозможно, так это учёт всех тем и конкретных слов, которыми В. Махек занимался в своих работах, а данное издание сопровождается именным указателем, а также указателем слов по отдельным языкам.

За объемную и требующую большой подготовки работу взялся авторский коллектив Этимологического отдела Института чешского языка Чешской академии наук: кроме Эвы Гавловой, одной из первых учениц[2] В. Махека, в него также вошли Илона Янышкова (главный редактор), Хелена Карликова и Радослав Вечерка (единственный, кто не входит в состав этого коллектива), а в технических работах принимали участие и другие, молодые сотрудники актуального на настоящий момент проекта этого отдела, а именно: Этимологического словаря старославянского языка (*Etymologický slovník jazyka staroslověnského*, Praha 1989–).

---

[1] Не считая этюда об образовании экспрессивных выражений (*Studie o tvoření výrazů expresivních*, Praha 1930), изысканий о балто-славянской лексике (*Recherches dans le domaine du lexique balto-slave*, Brno 1934) и о чешских фитонимах (*Česká a slovenská jména rostlin*, Praha 1954), а также двух нетождественных изданий (второе из которых трижды переиздавалось фототипическим образом) чешского (первоначально и словацкого) этимологического словаря, *Etymologický slovník jazyka českého (a slovenského)* (Praha 1957 + Praha 1968, 1971, 1997, 2010).

[2] Она, к сожалению, скончалась в апреле 2010 г., незадолго до того, как был издан этот сборник.

Из-за физического объёма эту монографию пришлось разделить на две части, но всё же она имеет непрерывную пагинацию и одно общее содержание.

После краткого предисловия главного редактора, И. Янышковой (стр. 11–12), следует обзор жизни и творчества Махека, написанный Э. Гавловой (стр. 13–19), а далее в большом разделе в хронологическом порядке изложены три главные группы исследований Махека: Статьи и этюды (стр. 21–1560), отзывы, рецензии, обзоры, хроники научных совещаний, предисловия, вступительные статьи, стенографии дискуссий, библиографические очерки, заметки, рецензии (стр. 1561–2038), некрологи (2039–2088). Следующий раздел тематически выбивается из концепции этого собрания сочинений как инвентаря всех немонографичеких работ Махека, однако вполне соотносится с идеей суммирования всех его трудов (исследований): в раздел включены тексты лекций в рамках предмета «Изучение индоевропейского лексического фонда», которые он читал на филологическом факультете Университета им. Масарика в г. Брно в 1961–1962 гг. (стр. 2089–2130). Далее следует Список лекций и семинаров, которые В. Махек читал на том же факультете (стр. 2131–2138), и наконец, Участие в редакционных комитетах журналов.

Следующий раздел содержит полную библиографию В. Махека (стр. 2140–2165), изложенную в хронологическом порядке, от первого обзора 1922 года до последнего репринтного издания этимологического словаря 2010 года — всего 428 единиц[1], пронумерованных и маркированных обозначением типа, к которому они относятся (обычно одной буквой в скобках): статья, книга, перевод, рецензия, библиография, некролог, рецензия (на какую-либо статью), рукопись и т. д. Апогеем продуманности системы реферирования в этой библиографии являются два номера, выделенных жирным шрифтом и помещенных после косой черты в конце библиографической единицы, которые указывают на номера страниц, которые данное исследование занимает в монографии. Это позволило избежать необходимости печатать объём-

[1] Это число значительно отличается от ранее называемых 350 опубликованных наименований (включая 4 книги и около 200 исследований и статей — столько содержится в Регистре Эрхарта 1964 г., дополненном в 1966 г.) не только из-за нескольких посмертно опубликованных работ и репринтных изданий, но и, в первую очередь, из-за того, что эта в подлинном смысле интегральная библиография включает и самые краткие заметки, библиографические очерки и неопубликованные рукописи лекций, рецензий и пр.

нейшее содержание первых трёх частей, которое состояло бы из сотен наименований и было бы необъятным. В то же время благодаря такому техническому решению попутно проясняется и информация обо всех исследованиях, включенных в эту библиографию, как и о том, чего нельзя найти в собрании сочинений — символ (k) ясно говорит о том, что речь идет об отдельной книге (см. Примечание 1 на стр. 443).

Особую ценность в данной монографии представляет ещё одна библиография, которая следует далее — список работ других авторов, посвященных Вацлаву Махеку. Она, очевидно, собрана и составлена по случаю издания книги (в отличие от ранее описанной библиографии Махека, которая опирается на прежде опубликованные библиографические источники). Эта библиография содержит 212 единиц (также обозначенных символами типа исследования в скобках, но в этот раз не пронумерованных — возможно, потому, что этот список еще не окончен), начиная с первой рецензии на работу В. Махека об образовании экспрессивных слов 1930 года (в том же году, в котором книга была издана, вышло целых пять рецензий!), и кончая обзорной статьёй И. Янышковой 2011 года о прошлом, настоящем и будущем чешской этимологии.

Описанное содержание этого собрания представляет ценность для любого слависта и богемиста уже хотя бы потому, что это труды В. Махека, по времени разбросанные по разным изданиям, напечатанные[1] на родине и за границей — в европейских странах, а также в Индии и Иране — в специализированных журналах и сборниках или же в различных популярных изданиях, в том числе и ежедневных, — стали доступными в одном месте. Но особенно качественной эту монографию делают исчерпывающие словари-индексы (которые занимают почти пятнадцатую его часть): Именной указатель (стр. 2182–2190), Предметный указатель (стр. 2191–2201)[2],

[1] Исследования написаны на восьми языках: чешском, словацком, русском, болгарском, немецком, французском, английском и латинском.

[2] Этот предметный указатель составлен таким образом, чтобы он мог послужить еще и дидактическим целям: многие единицы встречаются лишь однажды (например, *аллитерация*, *комитатив*, *неутрум*), чаще по нескольку раз (*метафора* 4, *редупликация* 7, *табу* 8), а некоторые весьма многочисленны: *метатеза* упоминается 14 раз, *аблатив* 34, под словом *префикс* находится 30 единиц (объединенных в несколько групп), а под словом *суффикс* — целых 150 единиц, объединенных в несколько групп (например, *экспрессивные*, *назальные*, *вербальные* — на первых позициях), а остальное — конкретные суффиксы, часто упомянутые в нескольких местах.

и в самом конце Индекс слов (стр. 2202–2296). Языки, из которых эти слова происходят, классифицируются более или менее стандартно, начиная со славянских, далее балтийские, индоиранские и т. д., до угрофинских и остальных неиндоевропейских, а в конце предлагается указатель реконструированных форм индоевропейского праязыка. Кроме греческих, все формы даны в латинской транскрипции. Среди славянских языков на первом месте стоит чешский, далее праславянский, из которого происходят общеславянские слова, потом старославянский и церковнославянский, а затем следуют остальные, начиная с современных южнославянских, далее против часовой стрелки. Как и следует ожидать, больше всего в индексе чешских слов (более 3000), далее праславянских (около 1600), русских (1100), польских (почти 900), словацких (около 670), старославянских (450) и т. д.,[1] в то время как европейских реконструкций — 133. Эти цифры уже с первого взгляда указывают на богатство содержания этого собрания.

Читателя не может не впечатлить тот труд, который вложили издатели в этот проект, как тщательно собранным материалом, так и практичностью его обработки. Все технические решения, которые были обдуманы и применены, направлены, с одной стороны, на то, чтобы точно отразить первоначальный облик подготовленных к изданию текстов, а с другой, — на то, чтобы максимально облегчить для пользователей доступ к различным данным, которые эти тексты содержат, не утомляя их чрезмерной точностью: все статьи переизданы (набраны заново, а не фотокопированы) из журналов и сборников с оригинальной нумерацией страниц, очень наглядно указанной на полях[2]. Что касается порядка следования сносок, то последовательно, в рамках каждой статьи, представлена одна общая

[1] Для точного упоминания сегмента, посвященного языку, который во времена В. Махека был известен как сербскохорватский, здесь он назван „chorvatština a srbština“ (в целом около 350 слов, из которых лишь 10 названы хорватскими и 15 сербскими, поскольку именно так написано в оригинале у В. Махека), благодаря чему удалось достигнуть верности источнику и избежать нежелательной и неуместной практики (к сожалению, частой в среде современных славистов, в том числе и этимологов), механически относящей икавские формы к хорватскому языку, а экавские — к сербскому, см. наш обзор в Зборник Матице српске за филологију и лингвистику 56/2, Нови Сад 2013, 207–212.

[2] Другим решением было бы сделать при верстке переход со страницы на страницу ровно в том месте, где он был: между двумя словами или даже в середине слова — что могло бы ввести в замешательство.

нумерация, тогда как в начале текста каждой из сносок в квадратных скобках даётся оригинальный номер сноски по оригиналу, помеченный — согласно узусу, преобладавшему до второй половины XX века — новой серией на каждой новой странице, будь то арабские цифры или звёздочки (одна, две, три). Многочисленные иллюстрации являются заслугой самого Махека, поскольку, будучи последователем метода «Wörter und Sachen», он в некоторых своих статьях (как и в самом этимологическом словаре!) охотно использовал рисунки — взятые из других источников и собственные — предметов, названия которых он истолковывал. Все это точно перенесено в эту монографию и включено в текст так же, как это было в оригинале.

Одним из аспектов организации столь разнородного собрания статей мог бы стать общий список сокращений, которые используются во всех работах. Однако он здесь отсутствует, очевидно, по рациональным причинам, так как он был бы неэкономичным и ненужным из-за большого хронологического и географического диапазона, охватываемого публикациями В. Махека, в которых ссылки на литературу даются в соответствии с разными традициями, но преимущественно в сносках и лишь с частичными сокращениями. В конечном результате, цитирование не унифицировано, но это зависит не конкретно от В. Махека, а от самой системы цитирования, которая со временем менялась. Издатели этого собрания столкнулись с этой проблемой наиболее остро, а потому не изменили оригинального цитирования.

Единственный список сокращений располагается в конце библиографии Махека (на том же листе, где расположен список работ о Махеке) и содержит около пятнадцати наименований журналов, в которых он чаще всего печатался (те, что цитируются реже, сопровождаются полным названием).

Содержание этого собрания трудов своим разнообразием отражает всесторонность их автора — филолога в самом широком смысле слова, любознательного интеллектуала и неутомимого хроникёра разнообразных событий. Махек писал, прежде всего, о словах, или в отдельности — например, об общеславянских **želǫdъkъ* (№ 7),[1] **gutьno* (№ 8), **olъ* (№ 26), *brslen* (№ 292); о старославянском *popьrište* (№ 247), о чешских, таких как *vzteknouti se*

[1] Номера в скобках соответствуют нумерации в библиографии В. Махека, стр. 2140–2165 данного собрания.

(№ 25); *tábor* (№ 72); *kocanda* (№ 217), *peskovati* (№ 327, № 336, № 345), *pobaba* (№ 368), о русском *щи* (№ 385), болгарских *боравя, забравя* (№ 167) — или об ономасиологических, а также семасиологических рядах (или в одном языке, или в общеславянском плане), например, Slovanská jména uzdy (№ 9); Aus der slavischen Hohzeitsterminologie (№ 133); Einige slavishe Fischnamen (№ 159), Einige slavische Vogelnamen (№ 299), Trois noms slaves de couleurs (№ 310), Verbes slaves pour désigner les cinq sens (№ 337), Славянская *клеть* и ее названия (№ 346), Einige indoeuropäische Ausdrücke für „sorgen“ und Verwandtes (№ 409), Zu den slavischen Benenungen für unreife Personen (№ 412), Vývoj některých sloves ze skupiny **tepǫ*, **tepti* v češtině (№ 44); O slovanskem odru (№ 238). Зачастую он рассматривал славянскую лексику в сопоставлении с каким-либо другим индоевропейским языком, например, Germano-slavische Wortstudien (№ 99), Quelques mots slavo-germaniques (№ 304, № 321); Slavisch-germanische Wortpaare (№ 333); Etyma latino-slavica (№ 353), Graeco-slavica (№ 246, № 334, № 354), Une douzaine de graeco–slavica (№ 365); Zur Frage der slawisch-keltischen sprachlichen Beziehungen (№ 401); Ario-slavica (№ 81); Hittito-slavica (№ 272), Chetitské paralely k slovanskému tvoření slov (№ 358); Quelques suffixes nominaux et verbaux du hittite et du slave (№ 367); а иногда в фокусе его исследований оказывалась лексика других и.-е. языков: Zwölf lateinische Wortbedeutungen (№ 380), Toch. *klop* ‘Schmertz’ (№ 86), Neun hethitische Wortvergleichungen (№ 370). Многие статьи посвящены фонологической проблематике, например, Zur Vertretung der indogermanischen Palatale (№ 64); Untersuchung zum Problem des anlautenden *ch* im Slavischen (№ 96); Mots slaves à k^s indo-européen (№ 411); Zur Erklärung der sog. Baudouinischen Palatalisierung im Slavischen und im Baltischen (№ 394); Alternance *ǫ / u* en slave — affaire du traitement des consonnes géminées? (№ 404); O hlásce *š* v slovanštině (№ 43), и проблемам формообразования, именного, например, Nejstarší skupina slovanských jmen s příponou *-tel-* (№ 16); O některých slovenských tvarech na *-om* (№ 80); Origines des thèmes nominaux en *-ęt-* du slave (265); Le suffix slave-commun *-ogъ (-oga)* (№ 413); Nochmals über die Adjektivdoubletten auf **ont* in Slavischen (№ 389), и глагольного, например, Slovesa na *-ýńat’* (№ 63); Die Stamme der slavischen Verba auf *-ěti* und *-iti* (№ 131); Zur Herkunft der slavischen Verbalklasse auf *-ujǫ* / *-ovati* (№ 79); Die Herkunft des

-*nǫ*-Stammes in der slavische II. Verbalklasse (№ 83); Les verbes slaves en -*chati* (№ 315); Slovanská intensiva slovesná s připonovým -*stati* (№ 326); Slavische Verba mit suffixalem *sk* (№ 356); Ein slavistischer Beitrag zur Frage des *p*-Kausativums (№ 115); K otázce tzv. prázdných předpon: imperativy a futura s *po*- u Slovanů (№ 397); Die slawischen und baltischen Entsprechungen der lateinischen Intensivverba auf -*tāre* und -*sāre* (№ 423). Кроме перечисленного, его интересовал и синтаксис, например, Dareba s darebou (№ 23, № 24, № 68); Syntaktický typ *dům od domu* (№ 48), грамматика, например, Sur l'origine des aspects verbaux en slave (№ 362); Slav. *bǫdǫ* 'ich werde sein' (№ 312), и особенно сравнительная мифология, славянская и индоиранская, например, Essai comparatif sur la mytologie slave (№ 229); Die Stellung des Gottes Svantovit in der altslavischen Religion (№ 416), ср. и примечание на английском языке. Не оставил он без внимания и вопросы методологии этимологической лексикографии, например, O potřěbe a problematice slovanského etymologického slovníku (№ 320); Zásady pro komposici etymologických slovníků slovanských jazyků (№ 359). Кроме того, он постоянно писал и поучительные статьи для местных газет, на частные темы, касающиеся языковой политики, чешской и словацкой; будучи большим знатоком грибов, он годами не прекращал снабжать своими заметками *Mykologický sbornik*. Как активный хроникёр своего времени, Махек написал о десятке книг, комментировал отдельные статьи; своим современникам писал на юбилеи при жизни и прощался с ними в некрологах. Трогательно его свидетельство о Йозефе Зубатом как о музыканте: будучи учёным, Махек составил детальное описание произведений, которые сочинил его преподаватель по сравнительной индоевропеистике. Он даже не упустил возможности прокомментировать появление чешского перевода катренов Омара Хайама (№ 188). И хотя исследования в общем собрании трудов Махека имеют неодинаковую научную ценность, оно в любом случае ценно как исторический материал[1].

[1] Для лингвистической историографии особую важность представляет отдельный двухтомник, объемом около тысячи страниц, содержащий полную корреспонденцию В. Махека с многочисленными коллегами, а также с институтами: Václav Machek. *Korespondence* I–II // Editori svazku: Vít Boček, Petr Malčík. Praha 2011, 1031 s. (= Studia etymologica Brunensia 12/1–2. Ilona Janyšková, Helena Karlíková, eds.) — однако этот в высшей степени интересный материал требует отдельного анализа.

Если читать сборник последовательно, он представляет собой отражение одного профессионального становления путем расширения интересов. Это в то же время и свидетельство времени, с обзором тем, которыми Махек занимался, и профилей изданий, в которых он печатал свои исследования. Если же сборник читать выборочно, скажем, по одному типу исследований, обращаясь к сокращениям в скобках, например, рецензии и критические статьи, которые Махек добросовестно писал (в среднем по несколько в год), можно составить представление обо всех значительных исследованиях не только в богемистике, но и в славистике, балтистике, индоевропеистике, опубликованных в его плодовитый век (Brückner, Benveniste, Pokorny, Fraenkel, Senn, Lehr-Spławiński, Otrębski, Vasmer, Sławski). Или (с помощью библиографии, которая содержит ссылки на исследования, опубликованные раньше и позднее на ту же тему) можно проследить развитие аргументации и варьирование подходов к проблеме. К сборнику можно подступиться и по критерию языка, на котором статья написана, так, например, на английском языке Махек публиковал (правда, всего пять раз) исключительно статьи по индоевропеистике с акцентом на индологию: Origin of the Aśvins (№ 197); Origin of the gods Rudra and Pūšan (№ 328), Origin of the God Vishnu (№ 378), Origin of the Avestan god Vrthragna (№ 422), Two contributions to the interpretation of the Aśoka inscriptions (№ 388).

И, наконец, из этого сборника вырисовывается личный портрет Вацлава Махека. Его главное дело, этимологический словарь чешского языка, характеризуется отсутствием строгой формы изложения (которой придерживаются среди его современников, например, Фасмер и даже Славский) и непрерывной живой дискуссией с (полемическим) реферированием некоторых авторов. И даже проследив какую-либо тему во множестве исследований из этого сборника, читатель сможет составить полное впечатление не только о методе Махека и его эрудиции, но и той страсти, с которой он погружался в свои толкования. Например, фитонимом *детелина* (прасл. **dętelъ*, чешск. *jetel*, *jetelina*) он впервые занялся еще в 1927 году в статье, посвященной старейшим славянским наименованиям с суффиксом *-tel-* (в журнале *Listy filologické* 54, 233–238, стр. 74–79 этого сборника). Параллельно рассмотрев и омонимный орнитоним (прасл. **dętelъ* ‘дятел’), В. Махек подробно обосновал, почему на-

звание растения следует выводить не из орнитонима, а только из прасл. **dǫti*, **dъmǫ* ‘вздуваться’, аргументом автора является сама реалия (= растение) как корм, от которого скотина надувается, а также другие формальные и словообразовательно-типологические параллели. То же положение возобновляется в 1950 году в статье о славянских названиях лекарственных растений как дополнительный аргумент к толкованию фитонима **erębъ* ‘рябина’, а позднее он еще два раза возвращается к этой теме: в 1955 году в обзоре первого тома Этимологического словаря русского языка Фасмера, в котором толкование этого фитонима, предложенное В. Махеком, не учтено, а затем еще раз в 1957 году в рецезии на Этимологический словарь польского языка, автор которого, Ф. Славский, также не поддержал идею В. Махека — поэтому он повторяет: «Tvrdilo se dříve, že psl. podoba (*dętel’ъ*) je totožná s názvem datla (i ten měl dętel), že ten název od datla byl přenesen na jetel (die Bedeutungsvermittelung war vielleicht ‘gesprenkelt, bunt’, praví Berneker I, 190, cituje Jagiće). Já jsem ten nápad kdysi prohlásil za nesmyslný a na tom trvám» (!). В дополнение В. Махек разъясняет не только то, что дятел черный, а не пестрый, но и то, что клевер (*детелина*) не пестрый, а зеленый, а также приводит еще некоторые формальные аргументы и параллели, как и соответствующие цитаты из литературы, чтобы завершить, несколько в личном тоне, своим детальным объяснением: «aby čtenár viděl, že nestačí jen napsat nový výklad a myslet si, že se bude každému zdát samozřejmý, ale že je někdy nutné bojovat za něj znovu a znovu. To mne tedy čeká i u mnohých výkladů jiných» (Slavia 26, 1957, 132–133 = стр. 1931–1932 данного сборника). Вот с каким жаром В. Махек защищал свои этимологии[1].

Кроме того, что издание собрания сочинений В. Махека приурочено к прекрасному юбилею — шестидесятилетию основания, под руководством В. Махека, Этимологического отдела при Институте чешского языка в г. Брно[2], оно в то же время представляет собой еще один случай своеобразной «эпидемии», которая в начале этого века охватила славянских этимологов — необычайно благородной и в высшей степени полезной «эпидемии» издания собраний сочи-

[1] О новейшем взгляде на некоторые этимологические решения В. Махека см. рецензию на собрание сочинений: A. Loma, *Wiener Slavistisches Jahrbuch* N. F. 2, 2014 (в печати).

[2] Сменив свой статус, Отдел принадлежит этому институту с 1990 г.

нений этимологов-великанов. Это обычно действительно полные сборники (часто многотомные), или же, наоборот, ограниченные выборки важнейших, тематически объединенных исследований, часто — но, к сожалению, не всегда — снабженные индексами; все они драгоценны. Вспомним некоторые из них в хронологическом порядке: [Тодоров 1994, Bezlaj 2003[1], Szymański 2001, Топоров 2004, 2006 и след., Трубачев 2004–2009, Boryś 2007, Sławski 2011, Варбот 2012].

Молодые коллеги оказались в благоприятных обстоятельствах, так как, работая с этими изданиями, они не только приобретают специализацию, но и выигрывают финансово. Если бы сегодня среди нас появился отец современной славянской этимологии Франц Миклошич[2], он, вероятно, был бы удовлетворен таким переизданием исследований в области славянской этимологии во второй половине XX века.

В контексте упомянутой «эпидемии», да и независимо от неё, публикация Собрания сочинений В. Махека представляет собой исключительное событие в современной богемистике и славистике, особенно в чешской и славянской этимологии. Великая заслуга организаторов состоит и в том, что эти два тома, включающие 2300 страниц, не есть обычный сборник трудов, поскольку его содержание интерактивно и тем самым несет на себе печать электронной эпохи, в которую данное издание возникло.

Литература

Варбот Ж. Ж. Исследования по русской и славянской этимологии. М., СПб. : Нестор — История, 2012. 645 с.

Влајић-Поповић Ј. Рец.: France Bezlaj. Zbrani jezikoslovni spisi. I–II. Uredila Metka Furlan. Ljubljana, 2003. 1572 s. // Јужнословенски филолог 63. Београд, 2007, С. 267–276.

Куркина Л. В. Рец.: F. Bezlaj. Zbrani jezikoslovni spisi. T I–II.

[1] Этот сборник по своему объему и концепции представления полного собрания сочинений одного автора, а также по техническим приемам ближе всего к рассматриваемой монографии, см. рецензию: [Куркина 2007], а также [Влајић-Поповић 2007].

[2] Его 200-летний юбилей мы как раз отмечали в прошлом году, см. [Miklosichiana 2013].

Uredila Metka Furlan. Ljubljana, 2003. 1572 S. // Этимология 2003–2005, М. : Наука, 2007, С. 336–338.

Куркина Л. В. Рец.: Szymański T. Ze studiów nad słownictwiem słowiańskim. Kraków, 2003. 168 s. // Этимология 2003–2005. М.: Наука, 2007, С. 361–367.

Тодоров, Тодор Ат. Етимологични етюди. Произход на български думи. София: Диос, 1994. 331 с.

Топоров В. Н. Том I. Теория и некоторые частные ее приложения. М. : Языки славянской культуры. 2005, 816 с.; Том II., Кн. 1. Индоевропейские языки и индоевропеистика. М. : Языки славянской культуры. 2006. 544 с.

Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура, М.: Языки славянской культуры, 2004 Том I. 800 с.; 2005 Том II. 664 с.; 2008 Том III. 799 с.; 2009 Том IV. 696 с.

Bezlaj F. Zbrani jezikoslovni spisi. Ljubljana: Inštitut za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU, 2003. 1572 s.

Boryś W. Etymologie słowiańskie i polskie. Warszawa: PAN, 2007. 750 s.

Kopečný F. Dobrodružství etymologie. Články Františka Kopečneho z prostějovského časopisu Štafeta. Aleš Bičan, Eva Havlová (edd.). Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 2009. 232 s. (= SEB 7)

Loma A. [Рец. на:] Sebrané spisy Václava Machka [Collected Works of Václav Machek] // Wiener Slavistisches Jahrbuch, 2014, № 2, pp. 272-277. (в печати)

Machek V. Česká jména rostlin. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1954. 366 s.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1956. 627 s.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Akademia. 1968, 1971, 1997, 2010. 866 p.

Machek V. Korespondence I–II // Editori svazku: Vít Boček, Petr Malčík. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2011. 1031 s. (= SEB 12/1-2)

Machek V. Recherches dans le domaine du lexique balto-slave. Brno: Filosofická faculta, 1934. 96 s.

Machek V. Studie o tvoření výrazů expresivních. Praha: Filosofická faculta University Karlovy, 1930. 156 + IV s.

Matzenauer A. Beiträge zur Kunde der altpreussischen Sprache (ed) E. Havlová. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2009. 204 s. (= SEB 8)

Miklosichiana bicentennalia. Зборник у част двестоте годишњице рођења Франца Миклошича. Ј. Грковић-Мејџор, А. Лома (ред.). Београд: САНУ, 2013, 492 с. (также: www.sanu.ac.rs/Izdanja/ElIzdanja/PosebnaIzdanja674.pdf).

SEB — Studia etymologica Brunensia. Ilona Janyšková, Helena Karlíková (edd.). Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 2000—.

Sławski F. Słowotwórstwo, słownictwo i etymologia słowiańska. Kraków: PAN, 2011. 670 s.

Szymański T. Ze studiów nad słownictwiem słowiańskim. Kraków: PAN, 2003. 168 s.

Перевела с сербского языка М. Н. Белова

Jasna Vlajić-Popović
Serbian Language Institute
of the Serbian Academy of Arts and Sciences
(Serbia, Belgrade)
jasna.vlajic@isj.sanu.ac.rs

COMPLETE WORKS OF VÁCLAV MACHEK

Review of: Ilona Janyšková, Helena Karlíková, Eva Havlová, Radoslav Večerka (Eds.). (2011). Sebrané spisy Václava Machka, 1–2. [Collected works of Václav Machek] Praha : Nakladatelství Lidové noviny. 2296 p.

Reviewed in this article is the two-volume monograph *Sebrané spisy Václava Machka*, whose 2300 pages contain a collection of complete works (except for 4 books) of the greatest Czech 20th century etymologist, Václav Machek (1894–1965). The technical aspect of its structure is described first: over 400 works (retyped originals with primary pagination on margins) are sorted by type in three groups (studies and articles; reviews, notes, comments, discussions; in memoriams); then chapters

with his hitherto unpublished university lectures and those dedicated to editorial and reviewing activities; Machek's complete bibliography (428 numerated items, organized so as to serve as the contents of the monograph), as well as a bibliography about Machek (212 unnumerated items) and finally exhaustive registers of names, terms and words by languages. In further course the thematic fields Machek covered (besides etymology, also phonology, word-formation, grammar, syntax, comparative mythology) are surveyed and his methodology is illustrated with the example of his interpretation of PSl **dętelina*. Finally, this monograph is viewed in the context of some similar recently published collections of works of distinguished Slavic etymologists (Todorov, Bezlaj, Szymańsky, Trubachev, Boryś, Sławski, Varbot). It is concluded that the editors have done a great job of not only compiling Machek's entire opus — which is precious for wide Slavistic readership — but also of organizing the monograph to function interactively, thus bearing the mark of the electronic age it appears in.

Key words: Slavic etymology, Czech etymology, history of Slavistics, collection of works, Václav Machek.

References

Bezlaj F. *Zbrani jezikoslovni spisi* [Collected Writings on Linguistics]. Ljubljana, Institute for Slovenian language Fran Ramovš ZRC SAZU Publ., 2003. 1572 p.

Bičan A., Havlová E. (Eds.). *Dobrodružství etymologie. Články Františka Kopečneho z prostějovského časopisu Štafeta* [Adventure etymology. František Kopečný's Articles from the Prostějov Journal Štafeta]. Praha, Nakladatelství Lidové noviny Publ., 2009. 232 p. (= SEB 7)

Boryś W. *Etymologie słowiańskie i polskie* [Slavic and Polish etymologies]. Warszawa, PAN Publ., 2007. 750 p.

Grkovich-Mejedhor J., Loma A. (Eds.) *Miklosichiana bicentennalia. Zbornik u chast dvestote godishnice rodzhenia Franca Mikloshicha* [Festschrift for the 200th Anniversary of Franz Miklosich's Birth]. Belgrade, SANU Publ., 2013. 492 p. Available at: www.sanu.ac.rs/Izdanja/ElIzdanja/PosebnaIzdanja674.pdf).

Janyšková Ilona, Karlíková Helena (Eds.) *Studia etymologica Brunensia* [Brno Studies in Etymology]. Praha, Nakladatelství Lidové noviny, 2000–.

Kurkina L.V. [Review: France Bezlaj. *Zbrani jezikoslovni spisi.* I–II. Metka Furlan (Ed.). Ljubljana, 2003. 1572 p.]. *Etimologiia 2003–2005* [Etymology 2003–2005]. Moscow, 2007, pp. 336–338. (In Russ.)

Kurkina, L.V. [Review: T. Szymański. *Ze studiów nad słownictwiem słowiańskim*. Kraków, 2003. 168 p.]. *Etimologiia 2003–2005* [Etymology 2003-2005]. Moscow, 2007, pp. 361–367. (In Russ.)

Loma A. [Review: *Sebrané spisy Václava Machka*]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 2014, No.2, pp. 272–277. (In Germ.)

Machek V. *Korespondence I–II* [Correspondence I–II]. Vít Boček, Petr Malčík (Eds.). Praha, Nakladatelství Lidové noviny Publ., 2011. 1031 p.

Machek V. *Česká jména rostlin* [Czech Plant Names]. Praha, Nakladatelství Československé akademie věd Publ., 1954. 366 p.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého* [Etymological Dictionary of the Czech Language]. Praha, Akademia Publ., 1968, 1971, 1997, 2010. 866 p.

Machek V. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského* [Etymological Dictionary of the Czech and Slovak Languages]. Praha, Nakladatelství Československé akademie věd Publ., 1956. 627 p.

Machek V. *Recherches dans le domaine du lexique balto-slave* [Studies in the Field of Balto-Slavic Lexicon]. Brno, Filosofická faculta Publ., 1934. 96 p.

Machek V. *Studie o tvoření výrazů expresivních* [Studies on the Structure of Expressive Words]. Praha, Filosofická faculta University Karlovy Publ., 1930. 156 + IV p.

Matzenauer A. *Beiträge zur Kunde der altpreussischen Sprache* [Contributions to the study of Old Prussian]. E. Havlová (Ed.) Praha, Nakladatelství Lidové noviny Publ., 2009. 204 p. (=SEB 8)

Sławski F. *Słowotwórstwo, słownictwo i etymologia słowiańska* [Word formation, Vocabulary and Etymology of the Slavic Languages]. Kraków, PAN Publ., 2011. 670 p.

Szymański T. *Ze studiów nad słownictwiem słowiańskim* [From the Studies on Slavic Lexicon]. Kraków, PAN Publ., 2003, 168 p.

Todorov T.A. *Etimologichni etiudi. Proizhod na bylgarski dumi* [Etymological Studies. Origin of Bulgarian words]. Sofia, Dios Publ., 1994. 331 p.

Toporov V.N. *Indoevropeiskie yazyki i indoevropeistika* [Indo-Euro-

pean Languages and Indo-European Linguistics]. Vol. II, Book 1. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2006, 544 p.

Toporov V.N. *Issledovaniya po etimologii i semantike. V. 1. Teoriya i nekotorye chastnye ee prilozheniya.* [Studies in Etymology and Semantics. Vol. 1. The Theory and Some of Its Applications]. Vol. I. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 2005. 816 p.

Trubachev O.N. *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriia. Kul'tura* [Works on Etymology: Word. History. Culture]. Vol. I, Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, 800 p.; 2005, Volume II. 664 p.; 2008, Volume III. 800 p.; 2009, Volume IV. 696 p.

Varbot Zh. Zh. *Issledovaniia po russkoj i slavianskoj etimologii* [Studies in Russian and Slavic etymology]. Moscow — S.-Petersburg, Nestor Publ. — Istoria Publ., 2012. 645 p.

Vlaich-Popovich J. [Review of France Bezlaj. *Zbrani jezikoslovni spisi*. I–II. Metka Furlan (Ed.). Ljubljana, 2003. 1572 p.]. *Juzhno-Slovenski filolog*, 2007, No. 63, pp. 267–276. (In Serb.)

В. Бочек
Институт чешского языка АН ЧР
(Чехия, Брно)
vitbocek@gmail.com

Р е ц.: Saskia Pronk-Tiethoff./ The Germanic loanwords in Proto-Slavic. Amsterdam-New-York. Rodopi, 2013. 316 str. (Leiden Studies in Indo-European 20)[1]

Рецензия представляет новейшую монографию на тему германских заимствований в праславянском языке. Прежде всего, подробно излагается ее содержание, затем обращается внимание на некоторые общие вопросы, касающиеся исследуемой тематики (взаимосвязь этимологического и акцентологического анализа, новые авторские толкования слов, вопрос о критериях отнесения слова к праславянскому языку, анализ предшествующих исследований, обращения к смежной тематике, проблема локализации германской и славянской прародин).

Ключевые слова: прагерманский язык, праславянский язык, заимствования, акцентуация.

Рецензируемая книга — новая монография на тему древних германизмов в праславянском языке. Несмотря на большое количество исследований о древнейших германизмах на славянской почве, в этой области по-прежнему остается много невыясненных вопросов, так что новую работу следует однозначно приветствовать. При этом проблемы концентрируются в двух основных областях. Во-первых, это собственно этимологический анализ отдельных слов, во-вторых — акцентуационный анализ. И именно на эти две области ориентируется автор, когда ставит в работе две главные

[1] Текст подготовлен при финансовой поддержке гранта (GAČR) № 13-17435S (Etymologický slovník jazyka staroslověnského: završení generačního projektu).

цели. Прежде всего, это создание корпуса праславянских слов, которые следует считать германскими заимствованиями, чего можно достигнуть этимологическим анализом всех слов, для которых до сих пор предполагалось германское происхождение, и определением, для каких из этих слов такое толкование оправдано, а для каких нет. Второй целью является выяснение распределения германских заимствований в праславянском по трем праславянским акцентуационным парадигмам, то есть отнесение отдельных заимствований к типам (a), (b) или (c) с широким обсуждением этой проблематики.

Книга включает в свой состав, помимо необходимого предисловия (стр. 1–2), указателя использованных сокращений и символов (стр. 3–4), указателя литературы (стр. 275–290) и перечня приведенных форм из отдельных языков (стр. 291–316), всего 8 глав.

В первой главе (Введение, стр. 5–29), наряду с уже упомянутыми целями исследования, изложены основные методологические принципы, приведена главная литература, которая была авторским источником для поиска германского и славянского материала, а также проведено обсуждение предшествующей литературы по избранной тематике. Самой удачной частью Введения является раздел, представляющий историю исследования старых германизмов в праславянском языке, в котором автору прекрасно удалось определить главные достижения и слабости предшествующих монографических и обобщающих трудов по этой тематике.

Во второй главе (Праславянская просодическая система, стр. 31–38) подробно исследована праславянская просодическая система — так, как ее возникновение и развитие до трех акцентных типов (a), (b) и (c) реконструируется прежде всего нидерландской (лейденской) акцентологической школой (но не избегаются также замечания о взглядах других направлений, главным образом московской акцентологической школы).

Третья глава (Исследование истории акцентуации германских заимствований в праславянском языке, стр. 39–49) обобщает представленные к настоящему времени взгляды на просодические особенности германских заимствований в праславянском. Прежде всего, автор показывает, что взгляды Куриловича [Kuryłowicz 1952, 1957], горячо принятые в свое время, не устояли, так как были преодолены данными современной акцентологии.

Четвертая глава (Языковые контакты между праславянскими

и германскими племенами, стр. 51–76) обращает внимание на внешние, нелингвистические аспекты рассматриваемой тематики. В ней автор обсуждает различные теории о локализации германской и славянской прародин и о последующих перемещениях отдельных германских племен и славян в период великого переселения народов с целью определить, когда и где оба этноса были в наиболее раннем контакте и каков был характер их контактов в раннем средневековье.

Ядром всей книги является пятая глава (основной корпус: Германские заимствования в праславянском языке, стр. 77–167), содержащая в форме отдельных статей анализ 76 слов, которые автор считает древними германизмами в праславянском. При этом слова сгруппированы в соответствии с их принадлежностью к отдельным акцентуационным типам (заимствования, принадлежащие к типу (a), к типу (b), к типу (c), и заимствования, для которых невозможно определить акцентуационный тип). Структура каждой статьи следующая: 1) реконструированная славянская форма и значение с последующим перечнем представленных форм и значений континуантов из отдельных славянских языков, 2) определение акцентуационного типа славянского слова или обсуждение наибольших возможностей толкования, 3) реконструированная германская форма и значение с последующим перечнем представленных форм и значений континуантов из отдельных германских языков, 4) обсуждение происхождения германского слова, 5) обсуждение возможностей наиболее точного определения языка-источника для праславянского германизма (готское или западногерманское происхождение), 6) описание фонологических, морфологических и семантических особенностей славянского и германского слов, поскольку они играют роль в этимологическом толковании.

В шестой главе (Слова, которые не могу рассматриваться как надежные германские заимствования в праславянском языке, стр. 169–215) собраны толкования слов, которые, по мнению автора, нельзя считать древними германизмами в праславянском по самым различным основаниям: будь то пóзднее датирование, то есть с эпохи после распада праславянского единства (здесь автор избирательно рассматривает 4 слова), или возможно романское происхождение (10 слов), или их происхождение нельзя определить (15 слов), или, наконец, они являются словами исконными или заимствованными из другого, неизвестного источника (12 слов).

Седьмая глава (Происхождение заимствований, стр. 217–255) содержит самый общий анализ материала, представленного в пятой главе: в частных разделах обсуждаются 1) фонологическая адаптация заимствований на славянской почве (проблема отдельных германских фонетических изменений, которые могут в материале точнее указывать на язык-источник и на более точный период заимствования), 2) морфологическая адаптация (проблема заимствования германских префиксов и суффиксов в праславянский, изменения грамматического рода при заимствовании, проблема включения германских заимствований в ū-основы женского рода) и 3) семантический аспект заимствований (автор приходит к новому делению германизмов на 7 семантических классов).

Завершающая, восьмая глава (Акцентологический анализ материала, стр. 257–273) возвращается к теме акцентологии рассмотренной группы слов, обобщая последствия распределения древних германизмов по отдельным славянским акцентуационным типам.

Мы не хотим здесь излагать слишком подробные замечания к толкованиям отдельных слов (это определенно сделают за нас в других рецензиях специалисты по германской и славянской этимологии и акцентологии), предложим только несколько наиболее общих замечаний о новой книге.

1. В первую очередь встает вопрос, в сколь большой мере взаимозависимы две сформулированные цели, то есть этимологический анализ и акцентуационный анализ. Автор является представителем лейденской акцентологической школы, и ее работа представляет собой собственно первое комплексное исследование праславянских германизмов с помощью этого подхода. Это обычно характеризуется в целом большим эпистемологическим оптимизмом, и автор рассматривает скепсис прежних авторов по поводу вопроса о нахождении глубоких акцентологических связей в исследованной группе слов как необоснованный. Так как акцентологические исследования изначально имеют также диахронический аспект — реконструируется или относительная хронология отдельных акцентуационных изменений, или эти изменения включаются в цельную относительную хронологию всех (не только суперсегментных, но также и сегментных) праславянских фонетических изменений [Kortlandt 1994] — их выяснение может способствовать более точному временно́му приурочиванию отдельных заимствований, что может, с другой сторо-

ны, соотноситься с нашими историческими сведениями о контактах славян и германцев. Действительно, в некоторых случаях автору удается показать, что при учете акцентологической характеристики слова можно уточнить его этимологическое толкование, например, точнее установить место и время заимствования. Свидетельства важности акцентуации для этимологического толкования см., например, в статьях о **cěsarjь*, **cesarjь* ‘цесарь’ (стр. 99–102), **cъrky* ‘церковь’ (стр. 102–105) или **škoda* ‘вред, утрата’ (стр. 172–173) и этой теме еще, прежде всего, посвящена собственно целая восьмая глава. Очевидно, однако, что в других случаях автор учитывает главным образом сегментные фонологические, морфологические и семантические связи между германским источником и славянским заимствованием (в конечном счете, относительно большой группы германизмов акцентуация не может явно помочь в этимологизации, поскольку некоторые праславянские заимствования нельзя отнести к типам (a), (b) или (c) вследствие спорности материала: из общего числа 76 германизмов таких слов 14 (см. стр. 150–176). В конечном счете оказывается, что акцентологическое определение важно скорее для понимания морфологической характеристики слова: в заключении автор хорошо показывает, что во многих случаях включение славянского заимствования в акцентуационный тип коррелирует с морфологической характеристикой германского источника (например, праславянские *o*-основы мужского рода германского происхождения восходят преимущественно к первичным германским основам мужского рода (напрмер. праслав. **chlěbъ*), но частично также к германским основам среднего рода (например, праслав. **chlěvъ*), причем первая группа вошла в акцентный тип (a), тогда как вторая — в тип (b) (ср. стр. 265 и далее).

2. Несмотря на упомянутый оптимизм в том, что касается объяснительной силы акцентологии, автор, наоборот, оказывается показательно сдержанной в окончательных решениях о происхождении некоторых слов. Это проявляется как при самой разработке основного корпуса (слова, для которых недостаточно доказано, что речь идет о германизме, и это толкование является лишь одним из двух или более конкурирующих объяснений, автор обсуждает, но не включает их в свои сводные акцентологические толкования, чтобы на них неблагоприятно не повлияли случайные негерманизмы), так и при рассмотрении отдельных хронологических и географических слоев

в праславянских германизмах (вопрос, нельзя ли определить древние заимствования и правдоподобный ареал, где они появлялись, автор оставляет открытым для дальнейшего изучения).

В некоторых отношениях автор, наоборот, склоняется скорее к менее приемлемым или альтернативным интерпретациям. Например, предполагает германское происхождение для **chula* ‘брань, поношение, оговор’ (стр. 156–157), однако в истории исследования этого слова преобладают иные толкования, см. подробно [ESJS 4: 231]. Автор также относительно склонна к новым интерпретациям германского материала (при этом она опирается прежде всего на толкования Кортландтом отдельных германских изменений, в которых используется преимущественно глоттальная теория). Очень ценны пассажи, вносящие новое или уточняющее толкование славянского материала. Нередко это касается частных, но очень важных деталей. Например, при рассмотрении праслав. **skutъ* ‘верхняя одежда; кромка платья’ в этой работе единственный западнославянский факт — архаическое нижнелужицкое *skut* ‘лоскуток, конец’ объяснен как единичное заимствование лужицкого автора Яна Хойнана из южнославянского региона (стр. 124).

3. Единственным критерием, относящим слово к праславянскому языку, является для автора наличие слова по крайней мере в двух славянских ветвях. Этот подход мы считаем проблематичным. То есть он годится скорее для слов исконного происхождения (хотя и здесь не полностью надежен, как показывает [Schenker 1985] своим термином «Generalized Slavic»), поскольку для заимствований, главным образом в позднепраславянском языке, распространение слова по широкому славянскому ареалу может быть обусловлено не только общим происхождением в древней фазе праславянского, но также более поздними, хотя и историческими, межславянскими заиствованиями, так что это не свидетельствует надежно о древности слова. Реальность более поздних межславянских заимствований не всегда определяется на основе формальных или семантических особенностей конкретных слов. Кроме того, у самого автора есть трудности в последовательном применении своего критерия, поскольку из славянских материалов автор не работает с формами белорусского и македонского языков, так что если бы какое-то слово было засвидетельствовано в восточнославянской ветви только в белорусском языке, а в южнославянской — только в македонском,

от автора в сущности ускользнула бы информация о широкой фиксации слова. Вообще остается неясным, почему автор не приводит белорусские и македонские формы (о значении македонского языка для славянской этимологии см. [Janyšková 1999]).

4. Что касается литературы, то автор избрала своего рода средний путь между двумя противоположными полюсами: исчерпывающим собранием всех имеющихся в ее распоряжении трудов и обращением только к этимологическим словарям и монографиям. Разумеется, автор работает с важнейшими крупными трудами ([Stender-Petersen 1927], [Kiparsky 1934], [Мартынов 1963], [Gołąb 1992: 337–392]), а при необходимости обращается также к частным исследованиям (особенно [Holzer 1990], [Matasović 2000]). И все-таки кажется, что некоторые значительные труды незаслуженно упущены автором. Так, из этимологических словарей следовало бы познакомиться с [Boryś 2005] и с монографиями [Vykypěl 2011] и [Newerkla 2011].

5. Неясно, почему на стр. 76 автор поместила краткий экскурс в теорию Хольцера [Holzer 1980] о темематических элементах в праславянском языке. Для темы древних германизмов в праславянском языке вопрос о темематических элементах нерелевантен (перевешивает иранская аффилиация темематизма). Наоборот, нужен, даже необходим экскурс о древних латинизмах/романизмах в германских языках и праславянском (стр. 74–76), поскольку относительно ряда славянских слов конкурируют толкования о германизмах и о романском происхождении. С этой точки зрения большие надежды вызывает подготавливаемое издание в виде книги диссертационной работы Майи Матасович, ориентированной на древние романизмы в праславянском языке [Matasović 2011].

6. Автор придерживается традиционной локализации праславянской прародины к северу и северо-востоку от Карпат и отклоняет автохтонную висло-одерскую гипотезу. Напротив, в случае германской прародины кажется, что, наряду с традиционной локализацией в южной Скандинавии и северной Германии, она в целом весьма охотно учитывает и альтернативную гипотезу Удольфа [Udolph 1994] о южнонемецкой локализации. С этим связана далее дискуссия о происхождении готов, где также, наряду с традиционным толкованием их происхождения из Повисленья, можно учесть и мнения Маньчака [Mańczak 1987] и Кортландта [Kortlandt 2001] об их происхождении из Австрии и передвижении в Причерноморье

вдоль Дуная. Во всяком случае, из отклонения автором автохтонной теории славянской прародины вытекает, что германская и славянская прародины не могли находиться рядом, а потому отбрасывается и традиционно выделяемый слой древнейших германизмов в праславянском как заимствований уже прагерманских. Самыми древними германизмами являются, по автору, заимствования из готского, датируемые III–V веками. Вторым хронологическим слоем являются западногерманские заимствования со второй половины I тысячелетия. Перенесение самого древнего слоя на несколько столетий вперед и различение только двух основных слоев праславянских германизмов трезво и реалистично.

В заключение можно сказать, что рецензируемая книга представляет своеобразный взгляд на проблематику германских заимствований в праславянском языке, поскольку по-новому, оригинально рассматривает обнаруженный материал: в эмпирическом аспекте она дает ряд уточнений существующих толкований, предлагает несколько целиком новых толкований и опровергает с хорошим обоснованием некоторые прежние толкования; в теоретическом аспекте она показывает некоторые общие трудности избранной тематики и пытается их адекватно решить.

Литература

Мартынов В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (к проблеме прародины славян). Минск: Издательство АН БССР, 1963.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2005.

ESJS 4 — Etymologický slovník jazyka staroslověnského 4. *gostь — istonǫti*. Doplňky k bibliografickému aparátu I. Hl. red. E. Havlová. Praha: Academia, 1994.

Gołąb, Z. The Origins of the Slavs. A Linguist's View. Columbus, 1992.

Holzer G. Entlehnungen aus einer bisher unbekannten indogermanischen Sprache im Urslavischen und Urbaltischen. Wien, 1989.

Holzer G. Germanische Lehnwörter im Urslavischen. Methodologisches zu ihrer Identifizierung // Croatica — Slavica — Indoeuropaea (Wiener Slavistisches Jahrbuch, Ergänzungsband 8), 1990, S. 59–67.

Janyšková I. Význam makedonského jazyka v Etymologickém slovníku jazyka staroslověnského // Les études balkaniques tchèques X / Red. M. Kvapil. Praha, 1999, S. 25–28.

Kiparsky V. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934.

Kortlandt F. From Proto-Indo-European to Slavic // Journal of Indo-European Studies 22, 1994, S. 91–112.

Kortlandt F. The Origin of the Goths // Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik 55, 2001, S. 21–25.

Kuryłowicz J. L'accentuation des langues indo-européens. Kraków, 1952.

Kuryłowicz J. Związki językowe słowiańsko-germańskie // Studia językoznawcze. Wybór prac opublikowanych v języku polskim. Warszawa, 1987, S. 398–413.

Mańczak W. On the Ausgliederung of Germanic Languages // Journal of Indo-European Studies 15, 1987, S. 1–17.

Matasović M. Analiza najstarijih latinskih posuđenica u hrvatskom u kontekstu ranih kontakata Romana i Slavena. Disertační práce, Sveučilište u Zagrebu, Zagreb, 2011.

Matasović R. Germanske posuđenice u praslavenskome: pitanja relativne kronologije // Filologija 34, 2000, S. 129–137.

Newerkla S. M. Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen. Zweite, durchgehend überarbeitete und aktualisierte Auflage. Frankfurt am Main, 2011.

Schenker A. M. Common Slavic vs. Generalized Slavic: The Case of *vitati* // Rocznik Slawistyczny 45, 1985, č. 1, S. 11–19.

Stender-Petersen A. Slavisch-germanische Lehnwortkunde. Göteborg: Elander, 1927.

Udolph J. Namenkundliche Studien zum Germanenproblem. Berlin — New York, 1994.

Vykypěl B. Studie k šlechtickým titulům v germánských, slovanských a baltských jazycích. Etymologie jako pomocná věda historická. Druhé, přepracované a rozšíření vydání i s dodatkem o šlechtických titulech v keltských jazycích. Praha, 2011.

Перевела с чешского языка Ж. Ж. Варбот

Vít Bochek
Czech Republic Brno Czech language institut AS CHR
(Czech Republic, Brno)
vitbocek@gmail.com

Review of: Saskia Pronk-Tiethoff. / The Germanic loanwords in Proto-Slavic. Amsterdam-New-York. Rodopi, 2013. 316 str. (Leiden Studies in Indo-European 20)

The review presents the newest monograph on the topic of Germanic loanwords in Common Slavic. First, we give a brief overview of its contents, then discuss some general questions concerning the topic: mutual relationship between the etymological and the accentological analyses; new explanations of some words given by the author; the question of criteria for classifying a word as belonging to the Common Slavic period; the use of relevant literature in the monograph; the relevance of the excurses present in the book; the question of the localization of the Germanic and the Slavic homelands.

Key words: Germanic, Common Slavic, loanwords, accentuation

References

Boryś W. *Słownik etymologiczny języka polskiego* [Etymological Dictionary of the Polish Language]. Kraków, Literary Publisher Publ., 2005. 861 p.

Gołąb, Z. The Origins of the Slavs. A Linguist's View. Columbus, 1992.

Havlová E. (Ed.). *Etymologický slovník jazyka staroslověnského 4. gostь — istonǫti. Doplňky k bibliografickému aparátu I.* [Etymological dictionary of the Old Church Slavic language 4. Additions to the bibliography]. Praha, Academia Publ., 1994. 60 p.

Holzer G. [Germanic Loanwords in Proto-Slavic. Methodological Notes Concerning Their Identification]. *Croatica — Slavica — Indoeuropaea (Wiener Slavistisches Jahrbuch, Ergänzungsband 8*), 1990, pp. 59–67. (In Germ.)

Holzer G. *Entlehnungen aus einer bisher unbekannten indogerma-*

nischen Sprache im Urslavischen und Urbaltischen [Borrowings from a Previously Unknown Indo-European Language in Proto-Slavic and Proto-Baltic]. Wien, 1989.

Janyšková I. [Importance of Macedonian language in the Etymological dictionary of Old Church Slavic language]. *Les études balkaniques tchèques X* [Czech Studies in Balkanic Languages 10]. M. Kvapil (Ed.) Praha, 1999, pp. 25–28 (In Czech).

Kiparsky V. *Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen* [Common Slavic Loans from Germanic]. Helsinki, 1934.

Kortlandt F. From Proto-Indo-European to Slavic. *Journal of Indo-European Studies*, No. 22, 1994, pp. 91–112.

Kortlandt F. The Origin of the Goths. *Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik*, 2001, No. 55, pp. 21–25.

Kuryłowicz J. [Slavic-Germanic Linguistic Connections]. *Studia językoznawcze. Wybór prac opublikowanych v języku polskim* [Linguistic Studies. A selection of works published in Polish]. Warszawa, 1987, pp. 398–413. (In Pol.)

Kuryłowicz J. *L'accentuation des langues indo-européens* [Accentuation of the Indo-European Languages]. Kraków, 1952.

Mańczak W. On the Ausgliederung of Germanic Languages. *Journal of Indo-European Studies,* 1987, No. 15, pp. 1–17.

Martynov V.V. S*lav'ano-germanskoe leksicheskoe vzaimodeistviie drevneishei pory (k probleme prarodiny slav'an)* [Slavic-Germanic Lexical Interaction of the Earliest Period (Concerning the Proto-Slavic Homeland Problem)]. Minsk, Publishing House of the Academy of Sciences of BSSR, 1963.

Matasović M. *Analiza najstarijih latinskih posuđenica u hrvatskom u kontekstu ranih kontakata Romana i Slavena* [Analysis of the Oldest Latin Loanwords in Croatian in the Context of Early Contacts between Romans and Slavs]. PhD Diss. Zagreb, 2011.

Matasović R. [Gemanic Loanwords in Proto-Slavic: Questions of Relative Chronology]. *Filologija, 2000,* No. 34, pp. 129–137. (In Croat.)

Newerkla S.M. *Sprachkontakte Deutsch — Tschechisch — Slowakisch. Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische Entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen* [German — Czech — Slovak Language Contacts. A Dictionary of German Loanwords in Czech and Slovak: historical

development, evidence, current and new meanings]. Zweite, durchgehend überarbeitete und aktualisierte Auflage, Frankfurt am Main, 2011.

Schenker A.M. Common Slavic vs. Generalized Slavic: The Case of *vitati*. *Rocznik Slawistyczny 45* [Yearbook of Slavistics 45], 1985, Vol. 1, pp. 11–19.

Stender-Petersen A. *Slavisch-germanische Lehnwortkunde* [Slavic-Germanic Loanword Stock]. Göteborg, Elander Publ., 1927.

Udolph J. *Namenkundliche Studien zum Germanenproblem* [Onomastic Studies Concerning the Germanic Problem]. Berlin — New York, 1994.

Vykypěl B. *Studie k šlechtickým titulům v germánských, slovanských a baltských jazycích. Etymologie jako pomocná věda historická. Druhé, přepracované a rozšíření vydání i s dodatkem o šlechtických titulech v keltských jazycích* [Studies on noble titles in Germanic, Slavic and Baltic languages. Etymology as an auxiliary historical science. Second edition, revised and augmented, with additions on noble titles in Celtic languages]. Prague, 2011.

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Выпуск 4, 2015 г.

Редактор — *Евгений Степанов*
Компьютерная верстка — *Марина Кива*
Дизайн обложки — *Дарья Павлова*

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34. Тел. (495) 978-62-75

Подписано в печать 10.09.2015 г.
Формат 60Х84/16. Гарнитура Times
Бумага офсетная
Тираж 250 экземпляров

Типография ИПК «Квадрат»,
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
проспект Комсомольский, 73